

БИБЛИОТЕКА
«ВОПРОСОВ ИСТОРИИ КАМЧАТКИ»

С. В. ГАВРИЛОВ

КАМЧАТСКИЕ ИСТОРИИ

Исторические очерки

Издательство «Новая книга»
Петропавловск-Камчатский
2021

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)
Г12

Гаврилов С. В.

Г12 Камчатские истории. Исторические очерки / Библиотека «Вопросов истории Камчатки». — Петропавловск-Камчатский: Издательство «Новая книга», 2021. — 656 с., ил.

ISBN 978–5–906904–69–0

В книге рассказывается о малоизвестных страницах истории города Петропавловска-Камчатского середины XIX и первой половины XX в. и морского транспортного и рыбопромыслового освоения камчатского побережья на протяжении 1920—1940-х гг. Прослежены судьбы отдельных персоналий, внёсших значительный вклад в освоение и развитие нашего полуострова и его административного центра. Охарактеризованы непростые взаимоотношения, складывавшиеся на Камчатке между русскими и японцами в области рыболовства.

Книга написана на основе материалов из фондов Государственного архива Камчатского края, Архива внешней политики России (г. Москва), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток), Камчатского краевого объединённого музея, личного собрания автора.

Издание предназначено для всех интересующихся историей Северо-Востока России.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978–5–906904–69–0

© С. В. Гаврилов, 2021

ОТ АВТОРА

Хорошо быть писателем. И не только потому, что под руками всегда имеется какое-нибудь собственное творение, которое можно снять с книжной полки да и подарить при случае. Если же нет, то купить его в ближайшем магазине, подписать и вручить, предварительно аккуратно отодравши с обложки липкую бумажку с чёрными полосками. Ведь ещё остались люди, которые и в нашем теперешнем малоромантическом «обществе потребления» по-прежнему считают книжку лучшим подарком. Ещё хорошо и потому, что спустя годы есть возможность вернуться к некогда уже проделанным размышлениям и собственноручно изложенным на бумаге соображениям. И, если не стало стыдно после их прочтения, попробовать переосмыслить, подтвердить или уточнить, снабдить новыми сведениями. А если всё-таки стало, то и вовсе выкинуть, как не прошедшее проверку временем.

Что, собственно, и сделано в этой книжке, обличием и названием весьма напоминающую вышедшую ещё в 2002 г. мою первую, а стало быть одну из самых дорогих, — «Маленькие камчатские истории». С того давнего года некоторые старые истории, втиснутые под новую обложку, перестали быть маленькими, так как в ходе познания накопились и другие сведения о, казалось бы, уже известных событиях. Удалось «закрасить» и некоторые «белые пятна», особенно в части жизнеописаний некоторых выдающихся личностей, некогда обитавших и трудившихся на нашем полуострове. Им посвящён особый раздел, в предыдущей книге отсутствующий, — «Личность и история». К уже известному, дополненному и несколько «причёсанному», тексту добавлены очерки, вышедшие в разные годы в других изданиях, специально написано несколько совершенно новых, большей частью касающихся истории нашего славного града Петра и Павла.

Так что проделанную автором работу можно охарактеризовать словами известного изречения: «Кости есть — мясо нарастёт». Ей немало поспособствовало недавнее событие, не предсказанное ни одним мудрецом. Имею в виду пресловутую «всемирную пандемию коронавируса» и приключившийся с нами в её ходе всеобщий карантин. Выходит, что эта книжка — продукт жизнедеятельности «карантируса», как я его сам себе обозначил, апреля и мая 2020 г.

Спросил: что могу сделать полезного для общества в столь сложное время? Получил ответ: сиди дома. Вот это и есть один из итогов сидения. Теперь надеюсь, что какая-нибудь польза обществу от него да и выйдет.

Петропавловск-Камчатский, 5 мая 2020 г.

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

Как генерал Завойко город построил

Да-да, именно генерал, точнее, генерал-майор (это два разных чина). Хотя широкой публике Василий Степанович Завойко больше известен как адмирал. Но «полным» адмиралом, то есть получившим самый высокий чин в Российском Императорском Флоте, он стал лишь 1 января 1874 г. Чин адмирала ещё по петровской Табели о рангах соответствовал армейскому «полному» генералу. Его обладателю полагалось носить на погонах и эполетах по три чёрных имперских орла.

Как же моряк, ставший гардемаринком в июне 1821-го, а мичманом в сентябре 1826-го, участвовавший в 1827 г. в знаменитом Наваринском сражении, завершившемся полным разгромом соединённого турецко-египетского флота, вдруг обратился в сухопутного генерал-майора? Был произведён в этот чин 25 июня 1853 г. «за отличие по службе», пребывая камчатским военным губернатором и одновременно командиром Петропавловского порта. Но назначался он на обе помянутые должности, будучи ещё с 3 апреля 1849 г. флотским капитаном 1-го ранга. Портами командовать умел, в 1846 г. был награждён орденом Святой Анны 2-й степени «за отлично-усердную и ревностную службу по открытию Аянского порта». Его начальником, согласно полному послужному списку, стал 23 октября 1846 г. в чине капитана 2-го ранга.

А после знаменитой обороны Петропавловска, 17 ноября 1854 г. назван «контр-адмиралом при прежней должности», то есть в чине не повышался, ибо контр-адмирал по Табели о рангах соответствует генерал-майору. При этом 1 декабря 1854 г. был, как тогда говорили, «пожалован» за отличие при отражении нападения англо-французской эскадры очень высокой и почётной наградой — орденом Святого Георгия 3-й степени. Следующий же чин — вице-адмирала — присвоен 23 апреля 1861 г., то есть почти через восемь лет после генерал-майорского.

Разъяснений по этому поводу у известных мне знатоков истории того времени получить я не смог, поэтому рискну предположить, что производство в следующий чин не состоялось ввиду его (чина) несоответствия занимаемой должности, а генералу, хоть и майору, быть начальником морских сил, то есть целой

эскадры, как-то не с руки. Это адмиралы могут командовать оборонами крепостей, а вот генералы кораблями — ну никак.

Да, вот ещё что. Завойко часто именуют «генерал-губернатором Камчатки». Это неверно. Как мы знаем, он был и генерал-майором, и областным губернатором, но военным. А генерал-губернатором Восточной Сибири, к которой тогда административно относилась учреждённая в 1849 г. Камчатская область, был граф Николай Николаевич Муравьёв, позже за свои труды на благо России именовавшийся «Муравёвым-Амурским». По современным меркам, соотносились они друг с другом как теперешние губернатор Камчатского края и полномочный представитель президента по Дальневосточному федеральному округу.

Но это так, к слову. А ниже речь пойдёт лишь про некоторые «отличия по службе» Василия Степановича, касающиеся нашего города.

Ко времени прибытия Завойко в Петропавловск весьма скромное местное флотское хозяйство пребывало в крайне запущенном состоянии. При порте не имелось никаких ботов и баркасов, была одна восьмивёсельная шлюпка, как отмечали современники, «позорная для глаз моряка». 5 октября 1850 г. комиссия из девяти военно-морских и гражданских чинов составила «Ведомость казённым зданиям морского ведомства в Петропавловске». Это случилось через два месяца после вступления Завойко в должность военного губернатора. Из «Ведомости...» следует, что из двадцати трёх зданий и сооружений более-менее исправными были лишь офицерский флигель № 1, новый флигель, предназначенный для помощника командира порта, и казарма, хотя и они требовали ремонта крыши и печей.

Построенная в 1836 г. морская полугоспиталь (тогда это слово употребляли как в женском, так и в мужском роде) девятисаженой длины (сажень равна двум метрам тринадцати сантиметрам) была совсем ветха, но признано, что после недавнего исправления «может ещё стоять». Крыша у неё травяная, «весьма худая», течёт. Полы везде гнилые, «в особенности в третьей и четвёртой комнатах». «Отхожие места... сгнили, не годятся и совершенно не соответствуют больничному заведению. Кухня и другие строения ветхие. В кухне полы изгнили».

У возведённой в 1834 г. канцелярии начальника Камчатки местами прогнил нижний ряд стеновых брёвен, проваливался пол, пропускала осадки крыша, прогнил «местами» потолок.

Новой была «служительская казарма», сооружённая в 1849 г., но и у неё текла крыша «оттого, что рассохлась», а стены «расщепились». Крыша требовала поправки, стены — конопатки. Ещё одна казарма, построенная в 1835 г., оказалась «так ветха и негодна, что угрожает падением, и посему полагается её сломать, и ежели останутся люди в ней на зиму, то немедленно обставить подпорами со всех сторон, снаружи и внутри. Углы прогнившие скрепить, пол и крышу исправить». Тогда же поставленные служительская кухня и амбар текли, после постройки новых их следовало разобрать. Служительская баня 1836 г. требовала перепланировки, переделки печи и каменки.

Один из провиантских магазинов, то есть продовольственных складов, сооружённый ещё в 1810 г., оказался настолько ветх и гнил, «что не стоит в нём делать поправки, и при всех поправлениях провиант и провизию хранить нельзя». Крыша поросла травой. Его следовало просто снести. Чуть лучше выглядел экипажный магазин, то есть склад флотского имущества. Он, возведённый в 1832 г., имел худую крышу, крытую корьём и травой, а сквозь стены пробивались снег и дождь. Стойки подгнили, и магазин угрожал падением. Исправления требовал и шлюпочный сарай постройки 1836 г. Как ветхое оценено состояние столярной мастерской и кузницы, тоже заматававшихся снегом сквозь щели. Взамен нужно было строить новые, больших размеров.

Требующиеся объёмы переделок удовлетворительно сохранившихся зданий можно показать на примере дома пятисаженной длины, когда-то принадлежавшего ремесленной школе, заведённой ещё первым начальником Камчатки из морских офицеров П. И. Рикордом. Он был построен в 1815 г. «Дом этот ветхий, и только за недостатком зданий может использоваться для жилья. Но кухня ветха, что угрожает падением, и вообще всё здание течёт, с гнилою крышею. Полы также худы. Печи дымят, имеют сквозные дыры и покривлены. Потолок прогнулся, и концы досок потолка вышли из гнезда, так что с потолка сыплется на пол земля. Двери в зале также сгнили, так, что не отворяются. Посему полагается необходимым исправить оные по возможности. Крышу перекрыть, печи поправить, в кухне стены сделать новые или кухню вовсе сломать и занять под кухню отдельную комнату в этом же доме, для чего переделать в горнице печку-голландку в русскую. Всё здание проконопатить и исправить потолки, двери».

Комиссия, трудившаяся над составлением «Ведомости...», признала в примечании, что поправлять большинство сооружений сле-

дует только в случае крайней необходимости, если нет «никаких других зданий, которыми можно было бы заменить для помещения офицеров, сохранения материалов и провизии». А вообще-то все старые сооружения подлежали «совершенному уничтожению», ибо по своей ветхости они не стоили «тех значительных исправлений, какие на них требуются в настоящее время».

Итак, В. С. Завойко, вступив в управление Камчатской областью 5 августа 1850 г., застал, по его же словам, помещения «для склада казённого провианта и материалов, а также для жительства военных и гражданских чиновников и нижних чинов в самом неудовлетворительном состоянии». Весьма печальным оказалось и состояние моряков местной экипажной роты. Вот его собственноручный рассказ об этом, включённый в составленный в 1880-х гг. коллективный труд, ныне хранящийся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота.

Явившемуся с рапортом помощнику бывшего начальника Камчатки он приказал собрать команды, а также распорядился, чтобы командиры находившихся в гавани двух транспортов свезли свои экипажи на берег для представления.

«Чрез час В.С. явился к фронту и обратился к своему помощнику с вопросом: “Вы представляете толпу нищих или военных матросов?” На что тот ответил: “Военных матросов”. Тогда В.С. заметил: “И вы говорите это так равнодушно? Вы командуете уже пять лет, не получаете обмундирование, срамите перед иностранцами честь русского воинства! Вы посмотрите, на рейде стоят шестьдесят иностранных судов со всего мира, и они, конечно, могут по этим босым, оборванным, нищим заключить, что в России всё воинство находится в таком виде.

Вы получили деньги за переноску обмундировки? Где эти деньги? Отвечайте!”

Помощник ответил, что денег не получал.

“А сколько рапортов подавали вы в течение пяти лет начальнику, что ваши подчинённые не имеют сапог и должного обмундирования, что вы ими командовать не можете?”

На что он ответил, что рапортов не подавал.

“Значит, вы негодный к службе офицер, равнодушный к посрамлению чести русского государства, и это посрамление для вас ничего не значит! Я, школы службы знаменитых адмиралов Лазарева и Нахимова, ни минуты не могу командовать теми подчинёнными, которые не получают определённого законами довольства. А как

я, живя в Аяне, знал, что вы срамите перед иностранцами честь русского воина, то привезённый на Аян годовой запас матросских костюмов на тысячу двести человек не приказал выгружать с корабля и привёз его сюда. Распорядитесь принять костюм зимний и летний и раздать наличным матросам, а когда получатся ассигнования за переноску обмундирования, то вы и рассчитаетесь”...

Утром В.С. явился к фронту, поздоровался с матросами и получил бодрый, дружный ответ и громогласное, неумолкаемое “Ура!”

За сим В.С. скомандовал: “Офицеры и унтер-офицеры на середину! Фронт слева и справа сомкнуться в колонну вокруг!” — и преподал следующий порядок службы и жизни: “По милости божьей я желаю быть вам отцом одинаково как к своим родным детям, чтобы нам жить на окраине света одной семьёй, и потому слушайте. Я вам разъясню, какой я от вас службы и жизни требую.

Господа офицеры и командиры! Вы обязаны наблюдать порядок на берегу или на судах, чтобы день начинался на берегу побудкой трубача, на судах — дудкой. За сим унтер-офицеры наблюдайте, чтобы матросы живо вскакивали с коек, спешили вымыться и становились во фронт к молитве. Научитесь стройно пропеть молитву «Отче наш» и за царя. За сим завтрак горячий должен быть готов, на завтрак времени употреблять четверть часа, а потом выполнять наряд по работам и следовать на работу не иначе как бегом, дабы посторонние люди давали вам дорогу. Для матроса всякая работа на судне и на берегу — есть работа спешная, а неспешных работ для матроса нет.

Матрос должен быть всегда весел, ему страшиться ни перед кем и чем не следует, и, неся свою службу честно и расторопно и подвергая свою жизнь опасности каждую минуту, уже по навыку должен презирать всякую опасность, высоко и гордо держать знамя службы до окончания живота своего.

Ваша, боцманы и унтер-офицеры, служба состоит в том, чтобы, живя вместе с матросами, вы обучали их нести службу, но отнюдь не смели бы поощрять их кулаками и линьками, а развивайте силы матросов и обучайте их посредством игр, чтобы они растянули все жилы и суставы и приобрели такую ловкость и силу в руках и в зубах, чтобы был матрос так лёгок в поворотах и своих движениях в работе и умел как кошка лазить и перепрыгивать, и схватываться руками и зубами, дабы удержаться, не струсив, и не свалиться. Среди вас есть матросы кругосветных плаваний. Вы покажите все игры, которыми матросы приобретают силу и ловкость.

Я приказом по порту запрещаю всем отдельным командирам и офицерам наказывать матросов линьками, а прикажу виновных предавать суду, и по решению моему они будут наказаны. Но я уверен, что вы, видя об вас попечение, сами не допустите, чтобы кто-нибудь огорчил меня, каким бы то ни было поступком. А за сим боцмана и унтер-офицеры выбрасывают линьки — незачем вам их носить...»

Значительную часть из упомянутых выше иностранцев составляли американские китобои, промышлявшие, точнее браконьерствовавшие в прикамчатских водах. Иногда на рейде Петропавловска собиралось по несколько десятков их судов. Они съезжали на берег, где вели себя словно захватчики: дебоширили, домогались женщин, «а портовое начальство бессильно против такого безобразия и не может его отворотить...» На жалобы иноземные капитаны всегда отвечали, что «команды вышли из их повиновения».

В один из первых дней после прибытия Завойко снова «раздался крик женщины: “Кто в бога верует, спасите!”» Губернатор, выяснив, в чём дело, приказал снарядить два взвода матросов под командою боцманов, зарядить ружья и бегом следовать к месту происшествия. Разбойников с берега изгнать, а если они будут вооружены и вздумают сопротивляться, то стрелять, а тех из них, у которых отнимут женщин, арестовывать и отправлять на гауптвахту.

Китобоев, вооружённых гарпунами, оказалось до ста восьмидесяти, после завязавшейся потасовки сто двадцать из них выпроводили с берега, а самых отчаянных арестовали. Капитанам приказано привезти кошки и на пристани выпороть арестованных за оскорбления, нанесённые ими русским женщинам, «дав им по шестьдесят ударов кошками, а тем, которые ранили гарпунами унтер-офицеров и наших матросов — по сто двадцать ударов». Это было выполнено в точности, а капитаны благодарили губернатора за преподанное средство восстановить дисциплину в их командах.

Отныне всем стало понятно, что у Камчатки появился настоящий требовательный и рачительный хозяин...

Для почти удвоившегося в одночасье населения порта катастрофически не хватало жилья, поэтому перевезённые из упразднённого Охотского порта «нижние чины», то есть рядовые, инвалиды и «другого звания люди» вместе со своими семьями и малолетними детьми первое время расположились в палатках под открытым небом у подножья Никольской горы. Этот табор насчитывал двести сорок шесть человек. Печь хлеб было не в чем, пришлось заниматься этим прямо в губернаторском доме.

Уже обитавшие в порте нижние чины теснились в неудобной экипажной казарме на пятьдесят человек, от постоянного употребления одной солёной пищи (рыбы и солонины) и неимения огородных овощей страдали цингой. Часть семейных матросов имела собственные домики-лачужки. Дома, в которых с большим трудом разместились господа офицеры, как мы знаем, были ветхи и представляли «только малую защиту от холода, ветров и дождя, не исключая дома, в котором жил я с семейством, претерпевая все лишения наравне с другими», — отметил Завойко.

Перевезённые из Охотска провиант, материалы для пошивки обмундирования, экипажное имущество и кораблестроительные вещи в магазины не вместились и открыто лежали в сыром месте на берегу ковша.

Между тем предполагалось, что в следующем, 1851 г., в соответствии с новым, увеличенным штатным расписанием Петропавловского порта и областного правления прибудет ещё значительное число офицеров, военных и гражданских чиновников и «нижних чинов». Разместить их в существующих строениях не представило уже никакой возможности.

Вот в таких условиях и начиналась новая застройка Петропавловска. Для самых необходимых дел Завойко имел в своём распоряжении за вычетом всех занятых экипажными делами, несением караулов, находившихся на судах и отправленных на работы всего лишь двадцать шесть «нижних чинов». Из стройматериалов в порту нашлись только двести сорок листовенных и пятьсот берёзовых брёвен до двух сажень длины.

Ближе к зиме по возвращении судов из походов число рабочих рук увеличилось чуть больше чем на сотню, но из них потребовалось отослать в Нижнекамчатск сорок человек. Эти люди зимой занимались заготовкой строевого леса и доставкой его к устью реки Камчатки, откуда он со вскрытием льда и началом навигации доставлялся на судах Камчатской флотилии в порт, тогда говорили, что «сплавлялся».

Завойко с пришедшим из Охотска транспортом получил приказание Н. Н. Муравьёва немедленно предоставить ему перечень всего необходимого для судов и постройки казённых зданий, сопроводив это планами и сметах. Но за четыре дня стоянки транспорта в Петропавловске он не успел подготовить подробные требуемые бумаги, «почему донёс о сем его превосходительству приблизительно и приступил немедленно к постройкам теми небольшими средствами, о коих имел честь объяснить выше».

10 мая 1851 г. Н. Н. Муравьёв, по инициативе которого началось усиление Петропавловского порта и превращение его в главную военно-морскую крепость России на Тихом океане, лично побывавший здесь летом 1849 г., обратился к начальнику Главного морского штаба князю А. С. Меншикову: «Исполняющий должность военного губернатора Камчатки вошёл с представлением ко мне об исходатайствовании у вашей светлости пособия женатым нижним чинам 46-го экипажа, переведённого из Охотска на Камчатку и лишившихся домов, им принадлежащих. С прибытием в Петропавловский порт стеснены на квартирах нижних чинов бывшей Камчатской роты и во вновь отстроенной временной юрте. Командир Петропавловского порта полагает устроить для каждого из двух семейств по одному домику, всего двадцать два домика, и испрашивает на постройку каждого сто рублей серебром, что составит две тысячи двести рублей серебром, взамен оставленных ими домов в Охотске. Находя со своей стороны это вознаграждение справедливым, имею честь представить при сем на благоусмотрение вашей светлости список нижних чинов, переведённых в Камчатку, и предполагаемый план домов».

На первых порах из вышеперечисленного леса, старого, заброшенного, валявшегося в порту судового рангоута и выделенного местным купечеством незначительного количества стройматериалов к зиме были сооружены временные помещения: две юрты и сарай для сохранения доставленных материалов. Удалось исправить казённые здания и некоторые частные дома, нанятые для офицеров. Нижних чинов разместили в переделанной из ротного цейхгауза, то есть склада, казарме и во вновь устроенном флигеле шестисаженной длины. Его позже приспособили под квартиры двух штаб-офицеров.

«В Петропавловском порте существовало общее убеждение, что строевого лесу в окрестностях порта нет, и что на собаках вывозить из лесу большие брёвна невозможно, — сообщал В. С. Завойко начальнику Главного морского штаба в рапорте от 5 декабря 1852 г. — Усмотрев из сего, что мне необходимо лично озаботиться отысканием леса, я отправился пешком в окрестные леса, отыскал строевой ветловый и тополёвый лес, указал средства вывезти его к месту сплава на собаках. Распоряжался лично устройством плотов и сплавом добытых брёвен, и таким образом, не щадя никаких трудов, из мест, считавшимися недоступными, приобрёл семь тысяч семьсот тридцать семь лесин от двух с половиной до пяти

сажени длины и от пяти до десяти вершков толщины, кроме мелко-го лесу и досок».

Эти материалы обошлись казне в девять тысяч шестьсот тридцать девять серебряных рублей вместо двадцати четырёх тысяч восьмисот пятидесяти, рассчитанных по существовавшим тогда расценкам. В общей сложности в 1850—1852 гг. «хозяйственными распоряжениями» для строительства, по сути, нового города заготовлены почти шестнадцать тысяч брёвен, пятьдесят семь с лишком тысяч кирпичей, свыше десяти тысяч травяных снопов для застилки крыш вместо тёса, глина и песок. Всё это стоило одиннадцать тысяч четыреста пятьдесят восемь рублей серебром. В переводе же на «справочные цены» то же самое должно было обойтись в тридцать две тысячи четыреста тридцать пять рублей. Таким образом, была сбережена почти двадцать одна тысяча казённых рубликов. Из перечисленного материала выстроены две большие казармы, десять флигелей трёхсаженной длины и один шестисаженный, при нём кухня, один большой магазин (в двадцать сажен длиной). Продолжалось сооружение ещё одного магазина, поменьше.

Кораблестроительный и строительный департаменты Морского министерства отпускали в год на сооружение и ремонт зданий Петропавловска четыре тысячи двести восемьдесят пять рублей серебром. Из этой суммы в 1852 г. «по увеличивающемуся числу офицеров и недостатку казённых зданий для помещения их» на наём квартир потрачено пятьсот тридцать пять рублей. Нижним чином за работу заплачены тысяча шестьсот восемь, на очистку зданий «от нечистоты» ушло ещё триста тридцать пять рублей. Кроме этого, на заготовление леса, гвоздей, парусины, краски, кровельного железа и прочие расходы, а также и на непредвиденные, вроде содержания занесённых на Камчатку штормом японцев, потрачено семьсот сорок пять рублей.

«Сколько я не изворачивался хозяйственными средствами и, получая возврат от других ведомств за отпускаемые из порта строительные материалы по справочным ценам, а не по тем, в какие они действительно обходились, пополнял строительную сумму, и хотя и приобрёл без всякого расхода значительное число материалов... но за всем этим моим старанием я не мог не выйти из сметной суммы, штатом определённой, и вошёл в долг за материалы в другие департаменты в четыре тысячи семьдесят пять рублей».

Хоть и сэкономив кучу денег, но, будучи принуждён потратить часть их на «не определённые правилами отчётности», губернатор

понимал, что «непременно должен подвергнуться взысканию по ревизии». Поэтому, обращаясь к начальству, просил учесть, что, возлагая на нижних чинов тяжёлые работы, поддерживал их хорошее самочувствие и рвение «улучшенной» пищей, одеждой и «чаркой вина», чего они по всей справедливости и заслужили.

«Осмеливаюсь надеяться, что ваша светлость во внимание сделанных мною выгодах казны и особенно затруднительных обстоятельствах, в коих я находился, не поставит мне сие в вину. Объяснив это вашей светлости, осмеливаюсь при сем представить выписку из книг о произведённом расходе и всепокорнейше просить утверждения вашей светлости».

Несмотря на многое уже сделанное, жизнь в порте оставалась ещё весьма стеснённой. Так, в одном флигеле на трёх квадратных саженях (около четырнадцати квадратных метров) размещались два обер-офицера, за перегородкой — семья нижнего чина. В казармах тоже было тесно, а к зиме 1853 г. ждали ещё флотских офицеров и пополнение экипажа матросами. Было необходимо озаботиться устройством помещений для сорока штаб- и обер-офицеров и двухсот пятидесяти рядовых. Кроме этого следовало построить новый госпиталь, гауптвахту, штурманское училище, присутственные места, портовую мастерскую, школу кантонистов. Сделать всё это на остававшиеся после необходимых трат суммы, выделяемые департаментами, было совершенно невозможно.

Завойко просил разрешения потратить на дальнейшее обустройство остатки средств, выделенных для Петропавловска и флотилии по всем департаментам Морского министерства, «которые к предстоящему году простираются до восьмидесяти тысяч рублей серебром».

К отчёту он, в числе прочего, приложил «Новосоставленный план Петропавловского порта и города» и «Планы и фасады построенным зданиям» (эх, заглянуть бы в них сейчас!).

Первым вполне объективно оценить содеянное в столь короткий срок смог геолог К. Дитмар. Он пребывал на Камчатке в 1851—1852 гг., а впервые посетил Петропавловск в середине сентября 1851 г. «В течение немногих лет возник небольшой городок на том месте, где до того стояло несколько жалких домишек. Правда, губернатор требовал за то от всех своих чиновников и офицеров строжайшей исполнительности в работе и усиленных трудов, хотя бы даже и вне сферы специальных занятий, что, в свою очередь, порождало взаимное неудовольствие и натянутость отношений...»

Уже тогда Дитмар воздал губернатору по справедливости: «Это была нелёгкая задача, и справиться с нею мог только такой умелый человек, каким был Завойко».

А ещё через год, в 1852 г., город, по его же словам, выглядел вполне планово и исправно. «...Между бухтой и озером расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казённые дома, стоящие очень просторно. Число этих домов, по сведениям канцелярии губернатора, простиралось до сорока. По середине, на свободной площади, помещалась православная церковь. Далее — большой губернаторский дом, окружённый садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здание Российско-Американской компании.

К этой лучше выстроенной казённой части города непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов... Постепенно поднимаются дома с их небольшими огородами. Домов здесь всего сто шестнадцать. Весь Петропавловск построен исключительно из дерева, причём все частные дома крыты тростником и длинной травой, казённые же — железом. В самом конце бухты, непосредственно на берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов, пекарня и несколько небольших мастерских. Девять маленьких ключевых ручьёв текут по небольшим ущельям и рвам с горы и протекают через городок, доставляя обывателям прекрасную ключевую воду для питья. Из этих ручьёв семь впадают в бухточку, два — в озеро. На всех местах пересечения ими улиц находятся простенькие мостики».

В 1852 г. порт населяли тысяча пятьсот девяносто три жителя, из них тысяча сто семьдесят восемь мужского пола. Их основная часть состояла на казённой службе: матросы, казаки, чиновники и офицеры с семьями.

Ещё пару лет назад годовой доход города не превышал ста семидесяти рублей серебром, чего было недостаточно даже для самых необходимых потребностей. Завойко удалось найти способы увеличить городской капитал, так что его хватило на постройку мостов через перерезавшие город ручьи, на его освещение, «которое мною установлено», и прочие «вновь явившиеся» расходы. При этом ещё и осталось больше полутора тысяч серебряных рублей. На эту сумму предполагалось соорудить гостиный двор на десять лавок, «которые по самому верному расчёту не только окупятся в корот-

кое время через наём лавок, но и будут служить новым значительным источником городского дохода».

Помимо собственного городского строительства, Завойко «хозяйственным образом», то есть собственными силами, к навигации 1853 г. обзавёлся ботом и шхуной. А так как «при порте буквально не было шлюпки, то я построил плашкоут, поднимающий две с половиной тысячи пудов и годный под парусом делать переходы в Тарыинскую губу, датский ботик, двенадцативёсельный катер, плоты для конопатки судов и, кроме того, купил шесть вельботов, за которые уплатил иностранцам частью дровами».

В порту была устроена пристань, сделана насыпь и распланирована территория. Здесь на судах стали производиться более-менее основательные работы. Так, повреждённый при выходе из Охотска транспорт «Байкал» был «тимберован», то есть получил ремонт корпуса, были исправлены транспорт «Иртыш» и тендер «Камчадал».

Первый камчатский губернатор искренне заботился о своих подчинённых, трудившихся, как говорят, не за страх, а на совесть. «Для произведения в короткое время всех вышеобъявленных мною работ малым числом рабочих требовались неимоверные усилия. Несмотря на это, нижние чины, работавшие под личным моим надзором, можно сказать, без отдыха, кроме воскресных и табельных дней, имеют вид здоровый, бодрый и весёлый, так что иностранцы неоднократно изъявляли удивление бодрости и живости движения в работах. В порте весь экипаж имеет сверх положенного обмундирования несколько перемен тёплых рубах, что при здешнем климате служит сохранению здоровья нижних чинов и делает успех в работах. Экипаж имеет свой огород в таком объёме, что зелени в избытке; цинга совершенно прекратилась».

Он принял и меры к созданию, как сейчас говорят, «кадрового резерва». Им стали подростки-кантонисты, кои доселе «жили у родителей, не имели не только форменной, но и никакой необходимой одежды, питались по здешнему обычаю квашеной рыбой, несли тяжёлые работы, как, например, возили дрова на собаках, и через то были слабосильны, болезненны, страдали кровохарканьем». Становясь матросами, редко кто из них мог выслужить установленный срок.

Завойко в зиму с 1850 на 1851 г. собрал тридцать подростков «в исправленную мною развалину дома», обмундировал их на сэкономленные средства и сначала просто откормил. К осени 1852 г. в уже специально отстроенной казарме находился пятьдесят один

кантонист, «все они обмундированы и обучаются». Те, кто постарше, в прошедшую навигацию ходили в настоящий морской поход на корвете, а в будущем году двадцать из них намечалось отправить в заграничное плавание матросами. «Надеюсь, что и впредь из кантонистов будут выходить в экипаж самые лучшие матросы».

Зимой с 1852 на 1853 г. заготовлено тысяча девятьсот двадцать четыре бревна и пять тысяч «карбаснику». С наступлением весны 1953 г. они доставлены в порт, где сложены в штабели. Прямо «в лесном урочище» срублен, разобран и отправлен в город флигель в три квадратных сажени. Позже он «складен на мохе и окончательно отстройкою отделан с покрытием железной крышей с окраскою». Железом крыт и достроенный провиантский магазин длиной в двенадцать и шириной в четыре сажени. На сооружённом в 1852 г. ещё одном провиантском магазине, в двадцать сажен длиной, покрытом тёсом в два ряда, один ряд сняли, взамен по нижнему ряду настелили листовое железо, окрашенное масляной краской.

Заложенное в 1852 г. окружное казначейство с кладовою достроено, тоже крыто железом. В нём уже разместились собственно казна, а также присутствие, казначейство и канцелярия губернатора. Вновь построен офицерский флигель длиной пять сажен, куда въехал штаб командира Петропавловского порта.

Появилась новая казарма для женатых нижних чинов из четырёх отделений, с коридором посредине, с шестью внутренними капитальными стенами. Она отапливалась четырьмя «двухместными», надо думать, что двухтопочными, русскими, двумя голландскими печами и четырьмя каминами. Крыша железная, окрашенная. В двух отделениях казармы устроились тридцать шесть семейств, остальные заняли экипажная канцелярия и портвая контора.

В шестисаженной в длину юрте, где тоже обитали семейные нижние чины, «для избежания течи от дождей над земляною крышею поставлены новые стропила на четыре ската с обрешёткою брусками, и крыша покрыта травяными снопами». Таким же способом «модернизирована» и портвая сухарная пекарня.

Построенные в 1851 и 1852 гг. квадратный трёхсаженной длины флигель № 1, две пекарни для нижних чинов, одна из них с кладовою, и одна столовая, «всею составляют эти здания пятьдесят две квадратных сажени», вместо травяных обрели железные крашенные крыши.

Заложены ещё два офицерских флигеля с галереями длиной по двенадцать и шириной в четыре сажени. Перед этим сто человек

в течение месяца ровняли площадку, «причём откапывались и снимались бугры, земля отвозилась в тачках для засыпки портовой логотины (оврага, ложбины. — С. Г.) и упланировки оной на длине и ширине тридцать пять квадратных сажен».

В 1854 г. работы продолжились. Мы не будем касаться здесь многократно описанной постройки батарей и укреплений, сыгравших важнейшую роль в предстоящей обороне, а остановимся на расширении города и портового хозяйства.

Зимой с 1853 на 1854 г. в лесной чаще заготовлены и на собаках, нанятых у местных жителей, доставлены к устью реки Камчатки тысяча семьсот брёвен и до тысячи штук «решетины». С приходом известия о предстоящем прибытии рекрутов заложены две казармы длиной в двадцать одну и шириной более четырёх сажен, рассчитанные аж на шестьсот человек. Достроены начатые в 1853 г. два офицерских флигеля, магазин в двенадцать саженей длины, баня для нижних чинов, в неё проведена вода.

Отремонтированы имевшиеся казённые здания, в них перебраны полы и потолки, переложены печи, двенадцать крыш застелены железом. Казарму 1848 г. постройки, «пришедшую в негодность от скудости деревянной крыши, балок и потолков, и по невозможности жить в оной», не разбирая, поставили на катки, передвинули на тридцать пять сажен и «поставили её по городскому плану». Стены возвышены одним рядом брёвен, заменены балки, вместо прогнивших полов и потолков настланы новые. Крышу покрыли железом, сделав пристройку для кухни и кладовых. «Теперь помещены в сию казарму больные».

Возведён ещё один офицерский флигель в пять саженей длины и четыре ширины. Для новой госпитали распланирована площадка «с откалыванием бугров и откосов горы» длиной свыше двадцати девяти и шириной более восьми сажен «с выкапыванием канавы для стока воды с горы и вырытием ям под стулья, которые установлены и засучены камнями». Но работы здесь встали из-за отсутствия леса.

В Тарьинской бухте заготовлены и привезены оттуда в город тридцать три с половиной тысячи кирпичей, глина и песок для кладки печей. Доставлены и камни для фундаментов.

В 1854 г. «домашними средствами» в порту сооружена литейка, громко названная «заводом». Помещение устроили из горбыля, покрыли рогожами. За неимением качественных кирпичей, плавильную печь устроили из негодной металлической цистерны. С её помощью отливали медные детали для транспорта «Байкал»,

шхуны «Анадырь», тендера «Камчадал», ботов «Кадьяк» и № 1, изготовили прицелы для пушек на батареях. Из чугуна сумели вылить шкивы и прочие «мелочи». Так что этот завод, «не стоящий расходов, удовлетворяет, по возможности, потребности порта».

Надо отметить, что такая деятельная служба Завойко понравилась в высших кругах России далеко не всем. Кое-кто даже предлагал наказать его за излишнюю самостоятельность и незапланированные траты, выражаясь по-современному, «нецелевое использование средств». Но нашлись и защитники. Так, 26 июня 1853 г. своё «особое мнение» высказал полковник корпуса корабельных инженеров С. О. Бурачек: «Нельзя не остановиться на том самопожертвовании, с каким он (Завойко. — С. Г.) все могущие встретиться неудачи самоизбранных им распоряжений и строгую за них ответственность принял лично на самого себя и так благополучно оправдал своё самоотрешение удовлетворительным успехом своих начинаний, как со стороны охранения казённого интереса, так и со стороны их общественной пользы. Никакая человеческая прозорливость не может предусмотреть на расстоянии Санкт-Петербурга от Петропавловского порта те внезапные потребности, которые по предназначению нового порта могут время от времени требовать каких-либо новых отступлений от обычного порядка администрации...»

Полковник предложил учредить при губернаторе специальный постоянный совет для коллегиального принятия решений и такой же ответственности. Но этот проект не осуществился.

Губернатор уделил внимание и окрестностям Петропавловска. В частности, была «прорублена дорога от порта до первого ближайшего к городу селения Авача протяжённостью десять вёрст». Так писал сам Завойко. Подробности же этого излагает К. Дитмар, правда, увеличив её протяжённость до двенадцати вёрст. По его словам, 1 ноября 1851 г. Завойко собрал всё мужское население. Оно, «имея во главе офицеров и чиновников, с песнями и в отличнейшем настроении отправилось на работу, вооружённое топорами, лопатами и граблями. Команда была разбита на маленькие партии, из которых каждая получила участок пути. Сам Завойко шёл во главе всех, выбирая наилучшую местность и размечая весь путь. Были приняты также должные меры насчёт обильной пищи и питья. Ко времени трапез по всей линии разгорались огни, а вскоре закипали и котлы. Всё вместе скорее напоминало сельский праздник, чем тяжёлую работу. Отдельные партии соперничали друг

с другом в работе; всякая старалась первой покончить свой урок. Так провели мы очень весело три дня, а 3 ноября работа была окончена».

Эта дорога стала самой первой настоящей проезжей на полуострове. Спустя несколько лет, в ходе знаменитой Петропавловской обороны, она пригодилась: Авача стала местом укрытия значительной части горожан, в том числе и собственного семейства генерала.

А вскоре ещё ближе к порту возникло другое селение, ныне район Петропавловска. Из числа камчатских казаков, живших в трёх местах полуострова и в Петропавловске, служивыми людьми, имевшими форму и оружие, назвать можно было только городских, усть-приморских (то есть усть-камчатских) и тигильских. Гижигинские же были «в полном значении слова — толпа оборванцев-нищих, одетая зимою и летом в кухлянках, без малейшего понятия о военной службе, без оружия — во всей гижигинской сотне считалось восемь ружей без замков». Из их числа, а также части остальных, оставленных для несения полицейской службы, губернатор задумал и к 1853 г. переселил десять семейств «во вновь устраивающееся мною селение в четырёх верстах от Петропавловского порта», то есть в нынешнюю Сероглазку.

Отныне, как он отметил, «строго наблюдаю, чтобы в свободное от службы время казаки занимались скотоводством, огородничеством и рыбной промышленностью». Те построили себе дома, были обмундированы. «Вполне надеюсь, что хозяйственный быт казаков устроится наилучшим образом, ибо выгодный сбыт петропавловским обывателям разных сельских произведений, доставка рыбы, дров и прочее послужит действительными к тому средствами. При увеличении же скотоводства настоящее поселение делается ещё полезнее для жителей города, которые претерпевают недостаток в свежем мясе, питаясь постоянно круглый год солониной». Это его предположение в последующие годы полностью оправдалось. К началу XX в. сероглазкинские обитатели считались весьма зажиточными.

Наверное, уместно будет вспомнить здесь хотя бы часть соратников генерала. Мы не можем привести имена всех горожан, купцов, моряков и чиновников, в разной мере участвовавших в постройке, по сути, нового города и порта. Но воспользуемся хотя бы сведениями, содержащимися в подготовленном 20 октября 1854 г. рапорте в инспекторский департамент Морского министерства с упоминанием всех «штаб- и обер-офицеров, как военных, так и гражданских, с обозначением против фамилии каждого: холост ли он или женат,

и сколько есть детей». Большинство поучаствовало и в Петропавловской обороне.

Командир Петропавловского порта генерал-майор Василий Завойко. Женат, имеет сыновей Егора, Степана, Василия и Ивана, дочерей Параскеву, Марию, Екатерину, Варвару и Юлию.

47-го флотского экипажа капитан 1-го ранга Александр Арбузов. Женат, но имеет ли детей, того за неполучением формуляра неизвестно.

Капитан-лейтенанты:

— Николай Назимов, Николай Чихачёв. Холосты;

— Александр Бачманов. Женат, но имеет ли детей, неизвестно;

— Василий Каралов. Холост.

Лейтенанты:

— Пётр Гаврилов, Николай Бошняк, Дмитрий Максutow, Николай Рудановский, Александр Маневский, Павел Попов. Холосты;

— Купреянов;

— Александр Сгибнев. Женат или холост, за неполучением формуляра неизвестно.

Мичманы:

— Пётр Овсянкин, Александр Петров, Григорий Разградский, Иосиф Баснин, Николай Эльчанинов, Новицкий. Холосты.

Корпуса флотских штурманов:

— частный инспектор Камчатской флотилии подполковник Капитон Афанасьев. Женат, детей не имеет;

— поручик Иван Кошелев. Женат, имеет сына Петра и дочь Наталью;

— подпоручик Никита Шарыпов. Женат, детей не имеет;

— подпоручик Алексей Семёнов. Холост;

— подпоручик Аникит Дурынин. Женат, имеет сына Василия;

— подпоручик Дмитрий Орлов. Женат, имеет сына Василия и дочь Александру;

— подпоручики Алексей Воронин, Андрей Чудинов. Холосты;

— прапорщик Андрей Больгуниин. Холост.

Корпуса морской артиллерии:

— капитан Белоцерковцев. По неимению формуляра неизвестно;

— поручик Константин Сахаров. Женат, детей нет.

Корпуса корабельных инженеров:

— поручик Карл Гезехус. Холост.

Состоящие по адмиралтейству:

— поручик Михайла Губарев. Женат, имеет сыновей Петра, Павла, дочерей Марию, Любовь;

— прапорщик Михайла Васильев. Женат, имеет сыновей Александра, Иннокентия, дочь Елизавету.

Штаба командира порта:

— исправляющий должность обер-аудитора, аудитор коллежский секретарь Фёдор Салтыков. Холост;

— столоначальник коллежский регистратор Губарев. По неимению формуляра, неизвестно;

— бухгалтер коллежский секретарь Дмитрий Краснояров. Женат, детей не имеет;

— казначей губернский секретарь Пётр Юдицкий. Холост;

— переводчик губернский секретарь Александр Филиппеус. Холост;

— архивариус титулярный советник Михаил Зарудный. Женат, имеет сына Александра.

Коллегии военного суда:

— аудитор коллежский регистратор Афанасий Иевлев. Холост.

Петропавловского морского госпиталя:

— медицинский инспектор статский советник Антон Ленчевский. Женат, имеет сыновей Владимира, Антона и Иосифа, дочерей Елену и Луизу;

— старший лекарь госпиталя надворный советник Семён Петрашевский. Женат, имеет сына Николая, дочерей Марию, Екатерину и Елизавету;

— 47-го флотского экипажа старший врач коллежский асессор Павел Шуцкий. Холост;

— 47-го флотского экипажа младший врач коллежский асессор Евгений Орлов. Холост;

— бухгалтер конторы госпиталя коллежский секретарь Фёдор Литнен. Холост.

— коммисар госпиталя губернский секретарь Николай Чернов. Женат, имеет сыновей Николая, Петра, Михаила, Павла, Александра, дочерей Марию, Софию, Марию и Елену.

47-го флотского экипажа коммисар 13-го класса Андрей Руднев. Женат, имеет сыновей Василия, Тимофея, дочерей Татиану и Наталью.

Морской артиллерии цейхвахтер титулярный советник Иванов. Женат, имеет детей от первого брака — сыновей Александра и Петра.

Содержатель провиантских и провизионных магазинов коллежский регистратор Николай Чудбин. Вдов, имеет дочерей Катерину и Марию.

Конторы капитана над портом:

— секретарь коллежский регистратор Михаил Алёхин. Холост;

— бухгалтер губернский секретарь Прокопий Хомяков. Женат, имеет сына Петра и дочь Христину.

Состоящие в причислении к портовому управлению:

— 13-го флотского экипажа старший врач надворный советник Николай Клинген. Женат, имеет сыновей Петра и Павла, дочь Марию;

— 1-го флотского экипажа старший врач коллежский ассессор Михаил Давыдов. Холост.

Многое из построенного тяжкими трудами генерала Завойко и вверенными его команде русскими людьми было разрушено и сожжено дикарями с франко-английской эскадры. Они в течение месяца занимали покинутый гарнизоном и населением город в мае-июне 1855 г. Но в людской памяти ещё долго сохранялись такие понятия, как «дом Завойко», «сад Завойко» и другие...

«Пардону» врагу не дали...

Петропавловская оборона 1854 г. является одним из важнейших событий в уже более чем трёхвековой истории нахождения Камчатки в составе России. Она, видимо, ещё долго будет привлекать внимание историков и всех тех, кого волнует прошлое нашей страны. В настоящее время библиография этого события включает множество изданий, с различной полнотой описывающих происходившее. Эти обширные материалы могут быть дополнены не столь известными документами, приводимыми ниже. Ныне они хранятся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока.

Как писала в своих воспоминаниях супруга камчатского губернатора Ю. Г. Завойко, «в своё время подробности событий были напечатаны, и не знаю, не будет ли излишним излагать то, что уже было изложено лучше и точнее моего. Но для полноты рассказа я решаюсь изложить вкратце, как было дело».

Деятельное участие в отражении неприятельского нападения приняли чиновники гражданского и морского ведомства. В своём обращении к населению и гарнизону города камчатский военный губернатор и руководитель обороны генерал-майор В. С. Завойко полагал, что они «не будут оставаться праздными зрителями боя и готовы с бодростью, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему всевозможный вред...»

Так и вышло. По словам капитана 1-го ранга А. П. Арбузова, в схватках принимали участие три десятка вооружённых чиновников, причём многие из них отличились. Так, правитель канцелярии губернатора коллежский асессор А. Д. Лохвицкий командовал орудием батареи на портовой кошке, а действиями единственной трёхфунтовой полевой пушки руководил титулярный советник М. И. Зарудный.

Вскоре после того, как 27 августа 1854 г. англо-французская эскадра покинула Авачинскую губу, жизнь в городе наладилась, а участники событий приступили к составлению бумаг с описаниями пережитого. Как выразилась Ю. Г. Завойко, «заскрипели перья, стали писать донесения».

6 сентября 1854 г. к «его сиятельству господину министру юстиции» с рапортом, в котором сжато излагались основные обстоятельства недавних боёв, обратился камчатский окружной стряпчий (так именовали судебных чиновников) титулярный советник М. Говоров. К сожалению, из этого документа не ясна степень участия в боевых действиях самого автора.

«По случаю возстания против России англичан и французов господин камчатский военный губернатор сделал распоряжение об укреплении и защите Петропавловского порта и об удалении из оного женского пола и малолетних детей на случай неприятельского нападения.

17-го числа минувшего августа показалась в Восточном океане эскадра из шести судов. Из них одно — трёхмачтовый пароход — того же числа, войдя в Авачинский залив под американским вместо своего флагом, ходил в заливе несколько времени далеко от наших выстрелов и вышел опять в море.

18 августа вся эскадра вошла в залив, она состояла из трёх английских и трёх французских судов. Английские: пятидесяти-четырёхпушечный фрегат “Президент” под контр-адмиральским флагом, сорокачетырёхпушечный фрегат “Пик” и трёхмачтовый пароход “Вираго” уже не под американским флагом. Французские: шестидесятипушечный фрегат под контр-адмиральским флагом, тридцатидвухпушечный фрегат “Эвридика” и восемнадцати-пушечный бриг “Облигадо”.

Вся эскадра пошла прямо к порту, и началась с обеих сторон сильная канонада, но наши батареи меткими выстрелами заставили всю эскадру отойти в западную часть залива. Через два дня, 20-го числа августа, неприятели напали на порт ещё с большим ожесточением, некоторые наши батареи уже были сбиты и умолкли,

неприятель громил порт и город, защищённые от залива Никольскою горою, как крепостью. А между тем вдали от города, за кладбищем, подальше сбитой батареи, высажен был неприятельский десант, который стаскивал с батареи наши пушки, ломал прицелы, рубил лафеты; однако же недолго неприятели торжествовали на сухом берегу, явились к ним наши стрелковые партии и с берега их прогнали, оставив только одних убитых.

Во весь день с утра до вечера всякими попытками ничем себя не вознаградили, кроме потери своих людей, огнестрельных снарядов и повреждения своих судов. Батареи наши в ночное время опять приводились в надлежащее и действительное положение.

24 августа неприятель опять громил порт ещё больше, нежели в первые два раза, сбил наши две батареи, два орудия расшиб совсем, что были в тех местах, где враги вслед за тем высадились с двадцати девяти гребных судов прямо на Никольскую гору, на которую они, взобравшись, начали спускаться в город, осыпав пулями строения и людей, а вместе с тем бомбы, ядра, гранаты и прочее не переставали лететь с эскадры в город и в малую губу, где стоял перед входом в оную наш военный 42-пушечный фрегат “Аврора” с орудиями по одному борту и другие суда.

Неприятели предположили в этот день овладеть портом и военными судами непременно. Они овладели высотой горы, так что можно сказать, наш город был у них под ногами, в который они спускались в числе девятисот человек против наших, бывших тут около только семидесяти. Дошло до минуты решительной — русские из-под горы многих застрелили, а иные падали сами от пуль неприятельских.

Но вдруг по приказанию господина военного губернатора, стоявшего тут же в опасности под горою, команда фрегата “Авроры”, живо взбежав на гору в другом месте, неожиданно явилась по кустам в пороховом дыме у неприятеля и ударила ему штыками в крыло так, что торжество врагов переменялось в отчаяние, и видя, что и прочие наши партии со всех сторон с криком “Ура!” пардону им не дают, начали бросаться назад к гребным судам, но не по прежней дороге, а с такой высоты утёса, что другие без русских штыков разбивались о камни. По отрадному слову всероссийского монарха в высочайшем манифесте 9-го февраля сего года: “И расчтятся враги его!”

После такового разбития неприятели опять всю эскадру отошли к западному берегу залива и занимались там преданием погребению своих убитых с пушечною пальбою и починкою судов,

а 27 августа совсем вышли в море и захватили в виду нашего маяка два наших судна: одну двухмачтовую шкуну, шедшую из Нижнекамчатска в порт со строевым лесом, и большое трёхмачтовое судно Российско-Американской компании “Ситху”, шедшее из Аянского порта в Петропавловский с провизией, товарами, пассажирами и ста пятидесятью пудами пороху.

В три сражения с соединёнными неприятелями убито наших нижних чинов тридцать шесть, в том числе несколько волонтёров; ранено офицеров три и нижних чинов семьдесят пять, взято в плен семь безоружных нижних чинов, пробиравшихся с кирпичного завода в порт по Авачинскому заливу с кирпичом, который неприятель взял себе, а плашкоут обезобразил, сняв с него в верхней части обшивку и изрубив несколько шпангоутов, в каком положении и оставил его в заливе. Из бывших на нём нижних чинов одного унтер-офицера с женою и дитём отпустил в порт, потому что он камчатский уроженец, дав ему для представления нашему начальству учтивую записку на французском языке от имени командующего соединённою эскадрою.

Хотя неприятели, кроме наших батарей, бросали в малую губу в город и за город множество бомб, ядер, картечей, малых рукоёмных ядер, гранат, конгревовых ракет (названы так по имени Уильяма Конгрева — создателя пороховых ракет. — С. Г.), но всем этим вреда строению сделали мало, некоторые частные строения пробиты ядрами, пролетали сквозь две капитальные стены бомбы, но не разрывались, и от пожара бог избавил. Прострелены пулями с горы в окнах казённых зданий стёкла и железные крыши, у фрегата “Аврора” ядром пробило грот-мачту да повредило несколько тут же в малой губе два иностранных судна: одно торгующего здесь американца, а другое гамбургца, пришедшего кругом света с казённым провиантом.

Не менее того досталось и неприятелям. Суда их достаточно повреждены. По показаниям пленных, английский контр-адмирал Прайс убит, а так же несколько офицеров, в том числе предводитель десанта на Никольскую гору, из знатной английской фамилии. У него найден план Петропавловскому порту и список бывшему с ним десантному войску. Те неприятельские офицеры, которых свои не успели утащить с поля сражения, похоронены нашими вместе с ихними нижними чинами, и, сверх того, найдено несколько офицерских сабель, владельцев коих, вероятно, с поля сражения унесли. Всех убитых офицеров насчитывается от семи до десяти, да нижних чинов не менее трёхсот пятидесяти.

Отбито у них знамя десантного войска и несколько оружия, утоплено ихних две шлюбки с людьми, четыре человека тяжело раненых взяты в плен из сожаления, которым и оказывается в госпитале попечение и медицинское пособие.

Страшен показался для местных жителей неприятель, которого никогда не воображали видеть, но милостив бог. У каждого из их десантных были при себе: кубышка водки из кокосового ореха, кусок мяса, три сухаря, верёвка для пленников и стружки для поджогу.

О каковом происшествии вашему сиятельству имею честь донести».

Торжество русского оружия вызвало самые разные толки: от восторга доблестью защитников отечества в России до полного уныния с неуклюжими попытками оправдать поражение различными «обстоятельствами» у неприятеля. Американские газетчики злорадствовали.

Ещё один архивный фонд содержит сведения о первых откликах российского общества на известие о победе. Официальный рапорт о ней 7 сентября 1854 г. составил камчатский губернатор В. С. Завойко. 6 ноября 1854 г. лейтенант 47-го флотского экипажа Д. П. Максutow, выехавший из Петропавловска на американском бриге «Ноубл», вручил в Иркутске этот документ генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву. 26 ноября 1854 г. известие об итогах Петропавловской обороны достигло российской столицы: Максutow прибыл в Санкт-Петербург, где предстал перед императором Николаем I. Ниже приводится полный текст послания Н. Н. Муравьёва, адресованного В. С. Завойко. Оно написано 19 ноября 1854 г.

«Господину камчатскому военному губернатору. С известием о храброй защите и мужественном отражении [нападения] на Петропавловский порт англо-французской эскадры и десанта многие лица, проживающие в городе Иркутске, не исключая и бедных людей, а также служащие Александровского винокуренного завода и находящиеся там для работ каторжные, движимые чувствами благотворительности и особенной любви к престолу и отечеству, с самого дня приезда сюда лейтенанта князя Максutowа начали представлять денежные пожертвования в пользу вообще нижних чинов, участвовавших в сем блистательном деле, и преимущественно семейств убитых и раненых. И ныне собрано уже для этой цели, как ваше превосходительство усмотрите из прилагаемого при сем

списка, 7 252 рубля 19 копеек серебром, которые деньги внесены в здешнее окружное казначейство, а в замене того предписано Иркутской казённой палате с сею же почтою сделать распоряжение об отпуске по требованию вашему из камчатского областного казначейства означенной суммы.

О чём уведомляя ваше превосходительство и покорнейше прося вытребовать сказанные 7 252 рубля 19 копеек серебром, я представляю вам раздать оные храбрым защитникам Петропавловского порта по вашему усмотрению, имея, впрочем, в виду сперва обеспечение сообразно убогости и численности семейств убитых и умерших от ран нижних чинов, потом пособие раненым, принимая во внимание степень их увечья, и наконец остальные деньги раздать поровну всем без исключения нижним чинам и волонтёрам простого звания, удостоившимся принять участие в отражении неприятеля.

За этим я остаюсь вполне уверенным, что ваше превосходительство по свойственной вам строгой справедливости, имея в своём распоряжении средства к оказанию пособия, не упустите из вида ни одного обстоятельства, которое могло бы иметь влияние на участь семейств павших героев и увечных.

Генерал-лейтенант *Муравьёв*».

3 марта 1855 г. в Петропавловск прибыл личный адъютант Муравьёва есаул Н. А. Мартынов, вручивший Завойко приказ об оставлении порта и эвакуации гарнизона к устью реки Амур. 5 марта в обращении к гарнизону города по поводу полученного распоряжения о награждении участников обороны Завойко писал: «Бог видит нас, и благодарное отечество, отдавая полную справедливость, шлёт нам дары свои! Кроме пожертвований, собранных жителями Иркутска, подписка идёт по всей Сибири, и, судя по усердию, с которым спешат вносить приношения, видно, какое участие вселил во всех подвиг наш!»

А в самом Петропавловске и его окрестностях тоже собирали средства в пользу семейств павших защитников отечества. Уже 12 октября 1854 г. Завойко препроводил заведующему гражданскими суммами губернскому секретарю П. Юдицкому подписной лист на сумму 1 044 рубля 78 копеек и на деле собранные по нему 915 рублей 78 копеек пожертвований «в пользу осиротевших семейств во время нападения на Петропавловский порт». Из этой суммы он уже лично выдал двадцать пять рублей вдове павшего в бою 24 августа камчадала Филипа Дурынина. По его же приказанию Юдицкий

выписал вдовам унтер-офицера Данилова и писаря Сажина по десять рублей под их расписки.

«Препровождая при сем находящиеся в наличии затем 870 рублей 78 копеек серебром к вашему благородию, предписываю вам записать оные приходом в особо выданную мною вам на сей предмет шнуровую книгу на двадцати двух скреплённых листах и впредь расходовать оные по предписаниям моим и с расписками получателей в книге. Упомянутые же выше расписки приложить к книге, которую представлять к ежемесячному свидетельству».

Павшие герои Петропавловской обороны

В 2019 г. Петропавловск-Камчатский отметил сто шестьдесят пятую годовщину героической Петропавловской обороны 1854 г. Библиография этого славного события отечественной военной истории обширна и постоянно пополняется. В оборот вводятся новые материалы, касающиеся судеб его участников, как русских, так и их противников. Но так уж вышло, что мы не знаем большинства имён наших павших воинов. Если речь заходит об этом, то первым вспоминают командира легендарной третьей батареи лейтенанта князя А. П. МаксUTOва, отдельная могила которого на историческом городском кладбище к нашему теперешнему стыду была утрачена в конце 1930-х гг. Сейчас мы можем указать лишь её примерное расположение. Отдельные имена других погибших героев известны гораздо меньше, но встречаются в исторических и литературных источниках.

В центре города расположены две братские могилы, в одной из которых захоронены русские участники тех давних боёв. Известно, что все они — добровольцы из местного населения, казаки и воинские «нижние чины». Последним в историографии уделено явно недостаточно внимания. Вспомним хотя бы первые списки моряков, более столетия тому назад нанесённые на стены Кронштадтского морского собора. В них перечислены боевые и мирные эпизоды из истории отечественного флота, в которых погибли люди. Отдельно названы все имена «господ офицеров» и скопом указано число потерь среди рядовых, вроде: «Лейтенант Иванов и с ним двенадцать нижних чинов». Такой «классовый подход» в своё время стал одной из причин уничтожения этих мартирологов.

И нашим «нижним чинам», сложившим головы в двух боях с неприятелем, тоже не повезло. Гораздо чаще них в письмах и воспоминаниях упоминается сгоревший от вражеского обстрела рыбный

сарай, другие документы подробно перечисляют повреждения, полученные батареями и кораблями. А ведь весь этот «урон», в отличие от людского, легко можно было восполнить, особенно за то долгое время, пока написанные в тогдашнем Петропавловском порте бумаги дошли бы до адресатов.

До сего дня не имелось и списка наших героев, захороненных в центре современного Петропавловска-Камчатского. Называлось и их разное число. И вот теперь эта историческая несправедливость, наконец, исправлена. По инициативе старшего научного сотрудника Камчатского краевого объединённого музея Ж. И. Чикиной удалось обнаружить важный исторический документ — хранящуюся во Владивостоке метрическую книгу Петропавловского собора за 1854 г. Доселе о том, что она сохранилась, мы не знали. Впрочем, предоставим слово «виновнице» этой новости: «Иногда бывают события, которые выстраиваются друг за дружкой и приводят нас к удивительным находкам. В связи с предстоящим в 2019 г. юбилеем Петропавловской обороны Служба охраны объектов культурного наследия Камчатского края обратилась в музей с запросом — уточнить количество захороненных в братской могиле.

В опубликованных статьях и книгах этих сведений не было, но мы обратили внимание на другие документы. В то время почти все события за год регистрировались в метрических книгах. Каждая представляет собой хронологический список, делящийся на три части: записи о родившихся, сочетавшихся браком и умерших (смерть и её причина). Поэтому естественно было начинать поиск с метрических книг.

Они велись в двух экземплярах. Первая, как правило, хранилась в церкви, дубликат (копия, заверенная церковным причтом) перенаправлялся в архив консистории. В дальнейшем книги передавались на постоянное хранение в государственные архивы.

Учитывая, что документы по истории Хабаровского, Приморского, Камчатского и Забайкальского краёв, Амурской и Сахалинской областей Дальнего Востока с 1722 до 1940 г. преимущественно хранятся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, музей в моём лице обратился туда с запросом. Вскоре мы получили копию листов метрической книги за 1854 г., где указаны фамилии тех, кто погиб 20 и 24 августа, а также скончавшихся от ран в последующие дни.

Сколько раз, стоя у могилы, я рассказывала людям о Петропавловской обороне и каждый раз надеялась, что когда-нибудь имена тех, кто погиб, защищая свою страну на берегах Тихого океана,

обязательно найдутся и будут записаны в часовне. И нам не будет мучительно стыдно за то, что мы не сохранили о них память.

В начале XX в. эти имена были известны. На братской могиле правили панихиду. Но в советский период церкви были закрыты, списки утеряны или вывезены, документы переданы в архивы, и имена погибших защитников Петропавловского порта затерялись...

И вот перед нами этот редкий документ с полным названием *«Метрическая книга, данная из Камчатского Духовного Правления Причту Камчатского Петропавловского Собора, для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1854 год № 290»*. (Здесь и далее выделенное курсивом повторяет исходный текст, а все даты приведены по старому стилю.)

Её раздел, названный *«Метрической книги части третьей “Об умерших” отделение третье “Об отпетых священниками в своё время за 1854-й год”»*, включает обычные графы: *«Счёт умерших»*, *«Месяц и число»* (с подразделением на *«Смерть»* и *«Погребение»*), *«Звание, имя, отчество и фамилия умерших»*, *«Лет умерших»*, *«От чего умерли»*, *«Кто исповедовал и причащал»*, *«Кто совершал погребение»* и *«Где погребены»*.

В книге содержится перечень погибших и скончавшихся от ран в течение августа-ноября 1854 г. защитников Петропавловского порта, включённых в неё под номерами с 70-го по 104-й (номер 105-й почему-то отсутствует), со 106-го по 111-й и 121-й. Всего их сорок два человека. Вот они:

70. 46 флотского экипажа матроз Даниил Белоусов. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. Тридцать лет.

71. Тогож экипажа кантонист Иван Кисилев. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. Пятнадцать лет.

72. Тогож экипажа унтер-офицер Алексей Лыткин. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. Тридцать лет.

73. Тогож экипажа боцманмат Андрей Лысаков. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. Тридцать четыре года.

Убиты на брани за веру и отечество.

74. 46 флотского экипажа матроз Иван Жбанов. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. Тридцать два года.

75. Тогож экипажа матроз Трофим Губин. Смерть — 20 августа, погребение — 20 августа. Тридцать один год.

Убиты против неприятеля.

76. 46 флотского экипажа мастеровый матроз Феодор Куклин. Смерть — 22 августа, погребение — 22 августа. Тридцать пять лет.

От ран, полученных на брани.

77. *46 флотского экипажа матроз Иаков Гагарин*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Двадцать семь лет.

78. *Тогож экипажа матроз Михаил (?) Стуков*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Двадцать восемь лет.

79. *Тогож экипажа матроз Иван Конев*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать два года.

80. *Тогож экипажа матроз Иаков Осипцов*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать три года.

81. *Тогож экипажа матроз Алексей Петунин*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать четыре года.

82. *Тогож экипажа матроз Терентий Николаев*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать лет.

83. *Казак Камчатской команды Иоанн Силиванов*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать один год.

84. *46 флотского экипажа матроз Саввелий Гудин*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать четыре года.

85. *Отставный матроз Роман Юшин*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Сорок три года.

Убиты на брани за веру и отечество противу неприятеля.

86. *46 флотского экипажа матроз Максим Костоусов*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Сорок лет.

87. *Тогож экипажа матроз Василий Стефанов*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать четыре года.

88. *46 флотского экипажа матроз Иоанн Кокотцев (?)*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать два года.

89. *46 флотского экипажа писарь Даниил Николаев Дунаев*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать восемь лет.

90. *Тогож экипажа матроз Капитон Прокопьев*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать четыре года.

91. *46 флотского экипажа матроз Прокопий Изотов*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать два года.

92. *Казак Камчатской команды Александр Костоломов*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать три года.

93. *46 флотского экипажа матроз Прокопий Коновалов*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать шесть лет.

94. *Камчадал Корятского селения Филип Дурынин*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Сорок семь лет.

95. *Мещанин Евгений Сопожков*. Смерть — 24 августа, погребение — 24 августа. Тридцать шесть лет.

Убиты на брани за веру и отечество против неприятеля.

96. 46 флотского экипажа писарь Василий Мышьянов. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. Сорок лет.

От раны, полученной на брани противу неприятеля.

97. 46 флотского экипажа писарь Стефан Сажин. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. Тридцать девять лет.

98. 46 флотского экипажа матроз Михаил Екимов. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. Тридцать два года.

99. Вольный штурман Николай Федоров Калмаков. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. Двадцать семь лет.

100. Купеческий сын Феодор Михайлов Сахаров. Смерть — 25 августа, погребение — 25 августа. Двадцать три года.

101. 46 флотского экипажа унтер-офицер Николай Данилов. Смерть — 26 августа, погребение — 26 августа. Сорок лет.

102. Тогож экипажа матроз Сергей Перцов. Смерть — 27 августа, погребение — 27 августа. Тридцать два года.

103. Тогож экипажа матроз Иоанн Савельев. Смерть — 27 августа, погребение — 27 августа. Тридцать пять лет.

104. 46 флотского экипажа мастеровый матроз Александр Петров. Смерть — 28 августа, погребение — 29 августа. Тридцать лет.

От раны. Получили на брани за веру и отечество противу неприятеля.

106. 46 флотского экипажа матроз Иоанн Костев. Смерть — 3 сентября, погребение — 5 сентября. Тридцать лет.

От раны. Получил на брани.

107. 19 флотского экипажа лейтенант Александр Петров Максutow. Смерть — 10 сентября, погребение — 12 сентября. Двадцать три года.

От раны, получил на брани.

108. 19 флотского экипажа матроз Николай Сапенков. Смерть — 11 сентября, погребение — 12 сентября. Двадцать шесть лет.

109. 46 флотского экипажа матроз Стефан Шулаков. Смерть — 11 сентября, погребение — 12 сентября. Тридцать девять лет.

От раны, получили на брани за веру и отечество.

110. 46 флотского экипажа матроз 1-й статьи Иоанн Шпикин. Смерть — 11 сентября, погребение — 13 сентября. Тридцать один год.

От раны, получил на брани.

111. 19 флотского экипажа матроз Малафий Яковлев Суруков. Смерть — 16 сентября, погребение — 19 сентября. Тридцать лет.

От раны, получил на брани.

121. 47 флотского экипажа матроз Георгий Васильев Опашков (?). Смерть — 22 ноября, погребение — 24 ноября. Тридцать пять лет.

От раны, получил на брани 24 августа 1854 года.

Следует отметить, что некоторые имена и фамилии написаны беглым почерком и читаются с большим трудом. Вполне возможно, что автор этого очерка при обработке исходного текста допустил отдельные неточности. «Сомнительные» места рукописи помечены знаком (?).

Среди перечисленных выше сорока двух погибших и умерших больше всего военнослужащих — моряков 46-го флотского экипажа, позже переименованного в 47-й — тридцать два человека, трое — из 19-го флотского экипажа, составленного из моряков фрегата «Аврора». Кроме них, два казака и по одному отставному матросу, мещанину, лицу купеческого звания, вольнонаёмному и коренному жителю Камчатки.

Из приведённого списка следует, что на местах боёв 20 и 24 августа погибли двадцать пять человек, ещё десять скончались от полученных ранений в ближайшие дни, с 25 по 28 августа. В первый день обороны — 20 августа — были убиты шестеро. Это соответствует численности, сообщённой руководителем обороны генерал-майором В. С. Завойко в официальном рапорте генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу от 7 сентября 1854 г.: «В сражении 20 августа с нашей стороны убитых нижних чинов шесть, раненых обер-офицер один, нижних чинов двенадцать». Из числа последних, как следует из списка, 22 августа скончался матрос Фёдор (Феодор) Куклин.

В сражении 24 августа, согласно рапорту В. С. Завойко, «убито нижних чинов тридцать один, ранено: обер-офицеров два, нижних чинов шестьдесят три». Здесь число павших значительно превышает теперь известное нам. Но из воспоминаний его супруги Ю. Г. Завойко, укрывавшейся с детьми и челядью далеко за пределами порта в селении Авача, следует, что 26 августа к ней прибыл верховой посыльный с запиской от мужа и захваченным в бою вражеским знаменем. Среди прочего, генерал сообщил: «Убитых у нас до двадцати человек и раненых до семидесяти...» Воспоминания опубликованы в 1876 г. Названные в них «до двадцати человек» вполне соответствуют девятнадцати погибшим 24 августа, представленным в списке.

Эти же цифры приводит бывший гардемарин Г. Н. Токарев в воспоминаниях, опубликованных в августе 1863 г. Он свидетельствует,

что 24 августа «потеря наша во весь день восемьдесят человек убитыми и ранеными (двадцать человек убитыми)».

В письме же И. Е. Вениаминову (отцу Иннокентию) от 31 августа 1854 г., Ю. Г. Завойко сообщает, что 20 августа Кошечная батарея из одиннадцати пушек, которой командовал князь Д. П. Максutow, «к концу дела... была почти цела; убитых на ней двенадцать человек и ранено тридцать, а командир остался невредимым».

Инженер-поручик К. И. Мровинский (Мравинский) в 1857 г. в «Инженерном журнале» называет число убитых 20 августа на одной из батарей три человека, 24 августа на другой — только одного.

Как видно, в воспоминаниях, письмах и официальных документах, составленных участниками и свидетелями событий, имеются разночтения. Так, из письма Д. П. Максutowа следует, что в ходе боя 24 августа был убит «купец Калмаков», но в публикуемом списке указывается, что *Николай Федоров Калмаков*, «вольный штурман», скончался 25-го числа, то есть 24-го был тяжело ранен. К купеческому же сословию принадлежал *Феодор Михайлов Сахаров*, тоже умерший от раны 25 августа. О Сахарове, смертельно раненом, «ещё дышащем», свидетельствует лично видевший его на поле боя капитан 1-го ранга А. П. Арбузов.

Многие вспоминали о героизме юных защитников Петропавловска. Из письма в письмо и из воспоминания в воспоминание кочуют слова об «одном мальчишке-воине», которому оторвало руку 24 августа. В ходе операции в ответ на вопрос, больно ли ему, он ответил, что нет, «это за царя» (есть несколько вариантов его ответа). Судя по всему, этот юный воин (Матвей Хромовский) остался жив. Но почему-то никто, за исключением А. П. Сильницкого, не вспоминает о том, что 20 августа был убит другой подросток. Теперь мы можем назвать его имя — это 15-летний кантонист 46-го флотского экипажа *Иван Кисилев* (Киселёв).

Неточности присутствуют и в воспроизводимой нами части «Метрической книги». Здесь сообщается, что *«в течение августа месяца в приходе Камчатского Петропавловского собора умерло мужеска тридцать восемь женска одна; а всего тридцать девять»*. То есть, умерло тридцать восемь мужчин и одна женщина. Но с учётом скончавшихся 5 и 20 августа И. Л. Черных и С. Гутарева перечислено только тридцать семь мужчин. При этом на одном из разворотов слева имеется восемь записей (с номерами 97—104) и ниже заверяющие подписи: *«Священник Георгий Логинов, священник Михаил Коллегов, священник Александр Логинов, диакон*

Феодосий Лавров, дьячек Алексей Черныш, дьячек Моисей Коллегов. А справа, то есть напротив, — девять записей, причём все обозначены как скончавшиеся *«от ран»*. Похоже, что здесь пропущено имя одного из защитников порта (*«потерянный»* номер 105). Указан его возраст — двадцать восемь лет и названа причина смерти — *«от раны. Получил на брани противу неприятеля»*. Следовательно, к известным нам сорока двум павшим нужно добавить ещё одного, а это значит, что всего их было не менее сорока трёх.

«Метрическая книга» в разделе *«Где погребены»* содержит одно и то же указание: *«На общем кладбище»*. Видимо, так её составители без разбора обозначали общепринятые места захоронений: вначале городское кладбище, а затем братскую могилу. Г. Н. Токарев описывает похороны павших так: «Тотчас по отступлении врага на месте был благодарственный молебен, потом немногочисленное наше войско, бывшее в деле, пропело “Боже, царя храни”, потом была панихида и погребение наших и вражеских тел...» Далее он пишет: «...неприятель посылал уже последние выстрелы, как у порохового погреба уже рылась яма для погребения и наших, и врагов в количестве восьмидесяти человек...» Последнее предложение относится к событиям 24 августа. Настораживают слова «уже рылась яма», возникают вопросы: а где же были погребены первые шестеро убитых и один умерший? На городском кладбище или всё-таки в братской могиле, первая «яма» которой, возможно, была вырыта ещё 20 августа?

О похоронах пишет и Ю. Г. Завойко, лично на них не присутствовавшая (речь тоже идёт о 24 августа): «Физические силы, бывшие в таком страшном напряжении с раннего утра, требовали подкрепления, и тут же стали обедать. Затем приступили к погребению убитых. Наших было до тридцати пяти человек, между ними были и волонтёры, и мой старик Дурынин сложил свою старую голову за батюшку царя, послав пред тем не одну меткую пулю во вражескую силу».

Отличный стрелок-медвежатник, сорокасемилетний «старик», камчадал Корятского селения Филип Дурынин сопровождал жену губернатора во время эвакуации в Авачу и находился там с ней и детьми генерала, а затем отпросился в порт, желая участвовать в бою. В «Метрической книге» он значится под 94-м номером.

Из слов Г. Н. Токарева и Ю. Г. Завойко следует, что похороны прошли одномоментно, захоронено «до» тридцати пяти человек. Но теперь мы знаем, что эта цифра меньше, чем приводимая нами. Хоронили же убитых и умерших от ран, во-первых, массово в два

приёма, то есть 20 и 24 августа, а во-вторых, последовательно, группами 25 августа и 12 сентября; индивидуально с 26 по 29 августа, затем 5, 13 и 19 сентября. Последним 24 ноября, то есть ровно через три месяца после решающего боя, был похоронен матрос Г. В. Опашков, скончавшийся 22 ноября. Место захоронения у всех тоже обозначено как «*на общем кладбище*», и, скорее всего, на городском, а не в братской могиле.

Здесь достаточно вспомнить тяжело раненого (оторвало руку), но умершего, как пишут свидетели, от «горячки», то есть простудного заболевания, 10 сентября лейтенанта князя А. П. МаксUTOва. Хотя в метрической книге приведена другая причина его смерти — «*от раны, получил на брани*». Он был, как известно, погребён в отдельной могиле на кладбище.

Теперь мы можем предположить, что в братской могиле покоятся не все названные защитники порта, а только те, кто пал в бою 24 августа, то есть девятнадцать человек. Окончательный ответ на этот вопрос может дать лишь специальное исследование. А вот нужно ли оно? Стоит ли тревожить прах давно ушедших людей? Да хотя бы потому, что память о них намного пережила их бранные тела, а имя каждого теперь может быть навечно выбито на мраморных поминальных досках.

Уже более ста лет тому назад существовали планы обнародования и увековечения имён павших героев. 24 августа 1912 г. в присутствии горожан, генерал-губернатора Приамурского края шталмейстера двора его императорского величества Н. Л. Гондатти и губернатора Камчатской области действительного статского советника Н. В. Мономахова был торжественно освящён памятник «Часовня». Он установлен в центре Петропавловска выше братских могил его защитников и вражеских десантников.

Вот его описание, сделанное протоиереем Д. Шерстенниковым: «На середине площадки возвышается красивое здание часовни, увенчанной цементовым крестом. Конструкция памятника настолько проста, настолько же и изящна. Стены его восьмигранны, по четырём сторонам с боков поставлено по небольшой колонне. Вы открываете железную дверь с восьмиконечным крестом посередине, затем — вторую стеклянную. Стенки внутри покрыты цементом, но украшений пока ещё нет. Здесь стоят жертвенник, образ Спасителя и знамёна, изнесённые из бывшей церкви. Теснота помещения (четыре аршина в диаметре) не позволяет поставить что-либо более. Есть предположение поставить сюда образ Спасителя с предстоя-

щими Михаилом Архангелом и Святым Николаем Чудотворцем, нарочно написанным для памятника, а пред святым образом зажечь неугасимую лампаду. В нише *написаны будут* (курсив мой. — С. Г.) имена павших воинов».

Было ли это сделано на самом деле, мы не знаем. Во всяком случае, никаких опубликованных на этот счёт свидетельств найти не удалось. Похоже, что Петропавловску, теперь носящему статус города воинской славы, пришла пора исполнить ранее неосуществлённое намерение наших предшественников, исправить эту историческую ошибку.

А теперь приведём список сорока двух защитников города, погибших и умерших от ран, в алфавитном порядке и с современным написанием имён и должностей.

Памяти защитников Петропавловского порта от нападения
англо-французской эскадры в августе 1854 г.

Белоусов Даниил, тридцать лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Гагарин Яков, двадцать семь лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Губин Трофим, тридцать один год, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Гудин Савелий, тридцать четыре года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Данилов Николай, сорок лет, унтер-офицер 46-го флотского экипажа, скончался от ран 26 августа.

Дунаев Даниил Николаевич, тридцать восемь лет, писарь 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Дурынин Филипп, сорок семь лет, камчадал, житель Корякского селения, убит в бою 24 августа.

Екимов Михаил, тридцать два года, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 25 августа.

Жбанов Иван, тридцать два года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Изотов Прокопий, тридцать два года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Калмаков Николай Фёдорович, двадцать семь лет, штурман, умер от ран 25 августа.

Киселёв Иван, пятнадцать лет, кантонист 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Кокотцев Иоанн, тридцать два года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Конев Иван, тридцать два года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Коновалов Прокопий, тридцать шесть лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Костев Иоанн, тридцать лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 3 сентября.

Костоломов Александр, тридцать три года, казак Камчатской команды, убит в бою 24 августа.

Костоусов Максим, сорок лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Куклин Фёдор, тридцать пять лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 22 августа.

Лысаков Андрей, тридцать четыре года, боцманмат 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Лыткин Алексей, тридцать лет, унтер-офицер 46-го флотского экипажа, убит в бою 20 августа.

Максутов Александр Петрович, двадцать три года, лейтенант 19-го флотского экипажа, скончался от раны 10 сентября.

Мышьянов Василий, сорок лет, писарь 46-го флотского экипажа, скончался от ран 25 августа.

Николаев Терентий, тридцать лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Опашков Георгий Васильевич, тридцать пять лет, матрос 47-го флотского экипажа, скончался от раны 22 ноября.

Осипцов Яков, тридцать три года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Перцов Сергей, тридцать два года, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 27 августа.

Петров Александр, тридцать лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 28 августа.

Петунин Алексей, тридцать четыре года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Прокопьев Капитон, тридцать четыре года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Савельев Иоанн, тридцать пять лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от ран 27 августа.

Сажин Стефан, тридцать девять лет, писарь 46-го флотского экипажа, скончался от ран 25 августа.

Сапенков Николай, двадцать шесть лет, матрос 19-го флотского экипажа, скончался от раны 11 сентября.

Сахаров Фёдор Михайлович, двадцать три года, купеческий сын, скончался от ран 25 августа.

Селиванов Иоанн, тридцать один год, казак Камчатской команды, убит в бою 24 августа.

Сопожков (Сапожков) Евгений, тридцать шесть лет, мещанин, убит в бою 24 августа.

Стефанов Василий, тридцать четыре года, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Стуков Михаил, двадцать восемь лет, матрос 46-го флотского экипажа, убит в бою 24 августа.

Суруков Малафий Яковлевич, тридцать лет, матрос 19-го флотского экипажа, скончался от раны 16 сентября.

Шпикин Иоанн, тридцать один год, матрос 1-й статьи 46-го флотского экипажа, скончался от раны 11 сентября.

Шулаков Стефан, тридцать девять лет, матрос 46-го флотского экипажа, скончался от раны 11 сентября.

Юшин Роман, сорок три года, отставной матрос, убит в бою 24 августа.

Напомним, что в этом списке отсутствует несохранившееся имя ещё одного двадцативосьмилетнего воина, умершего *«от раны, получил на брани противу неприятеля»*.

Последнее «эхо» отгремевших боёв прозвучало в Петропавловске 4 ноября 1854 г., когда в возрасте двадцати четырёх лет был *убит нечаянно разорванной неприятельскою бомбою после бывшего сражения 24 августа 1854 года 47 флотского экипажа матроз Савастиян Макаров Сенов* (Севастьян Макарович Сенов). Его погребли 7 ноября, а в метрической книге он значится под 119-м номером.

Произошло это при следующих обстоятельствах. 4 ноября в одиннадцать часов утра нижние чины 47-го флотского экипажа вышли из казарм и отправились на кухню. При переходе один из них, матрос Севастьян Сенов, заметил в трёх саженях от тропинки, по которой проходил, ядро. Он подошёл к нему и, подняв, стал рассматривать. В это время матрос той же роты Иван Вычужанин спросил его: «Не бомба ли это?» Сенов бросил ядро, и лишь только оно коснулось земли, как взорвалось. Матроса Сенова, тяжело раненого осколками, отнесли в госпиталь, где он в скором времени и умер.

Были ранены проходившие мимо этого места матросы 2-й роты Иван Петухов — в левую руку у локтя, 3-й роты Осип Николаев — в левую руку, Иван Вачужанин — в левую ногу, Магдубай Мухайромов — в правую руку и Андрей Черемискин — в икру левой ноги. Матросу же 2-й роты Ивану Частоедову раздробило левую ногу ниже колена. Всех их тотчас отправили в госпиталь. Кроме них легко ранило ещё трёх матросов 2-й роты: Пранца Микура, Артемия Прокофьева и Ефима Лопаткина. После перевязки они продолжили исполнять свои служебные обязанности.

Разлетевшиеся во все стороны пули, начинявшие бомбу, разбили в казарме, занимаемой мастеровой ротой, четыре стекла, но в самой казарме никому вреда не причинили. Некоторые пули застряли в её бревенчатых стенах.

В Петропавловске на местах, подвергшихся недавнему обстрелу неприятеля, нашли более восьмидесяти одних только разрывных бомб с ударными трубками. При разборке защитных сооружений батареи № 2, устроенной на портовой кошке, которой в бою командовал лейтенант князь Д. П. Максутов, обнаружили сто восемьдесят два неприятельских снаряда: сто пятьдесят четыре ядра весом по тридцать два фунта и восемь двухпудовых; тринадцать неразорвавшихся полуторапудовых бомб и семь двадцатичетырёх-фунтовых гранат.

День памяти защитников отечества

В 1999 г., впервые после многолетнего перерыва, в центре Петропавловска состоялся крестный ход по случаю очередной годовщины отражения иноземного нападения на город в 1854 г. Этим было возрождено торжественное и скорбное шествие, традиция проведения которого восходит к 1858 г. В феврале этого года император Александр II подписал указ об учреждении «каждогоднего крестного хода». Последний состоялся в 1922 г., незадолго до занятия города отрядами красных партизан и установления на Камчатке советской власти.

12 августа 1858 г. настоятель Петропавловского собора Георгий Логинов, священник Логгин Копытов, диакон Феодосий Лавров и дьячок Моисей Коллегов представили «его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему Иннокентию, архиепископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому и разных орденов кавалеру» на утверждение предложения по порядку крестного хода, предварительно обсуждённые ими с прихожанами.

Предполагалось 24 августа перед литургией править на братской могиле панихиду. По окончании литургии начинать крестный ход со святыми иконами из собора по берегу под колокольный звон. В погожие дни идти до мыса Сигнального, по проложенной там к бывшим батареям дороге подниматься на Никольскую гору. В случае ненастья доходить до перешейка, оттуда, взойдя на гору, продолжать шествие по её верху до места «конечного поражения врагов». Здесь, на вершине, «отправить благодарственное господу богу с коленопреклонением молебствие с провозглашением его императорскому величеству, всему августейшему дому и победоносному, христолюбивому всероссийскому воинству многолетия, а павшим на брани и скончавшимся от брани защитникам Петропавловского

собора и порта — вечную память». По окончании, спустившись с горы, возвращаться в собор. «Затем продолжать во весь день колокольный звон».

Был ли утверждён именно этот порядок, мы точно не знаем, но похоже, что время от времени он изменялся в зависимости от обстоятельств. Вот как описывает события 24 августа 1882 г., связанные не только с поминовением павших героев, но и с открытием им памятника «Слава» лейтенант крейсера «Африка» В. Ф. Руднев. Под его командой состояла сводная парадная рота моряков, участвовавшая в торжествах.

«Памятник поставлен на средства, собранные подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, местоположение его на косе даёт возможность входящим на рейд судам любоваться издали его золочёной верхушкой. Для парада свезли на косу сводную роту...

К этому времени прибыло духовенство. Когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперёд на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашёва.

К сожалению, начало праздника было омрачено неприятным случаем: на рейде одновременно с нами стояла английская яхта “Энчантрес”, владелица которой вместе с другими пассажирами яхты была на панихиде и возложила три венка: на русскую, английскую и французскую могилы. По окончании общей панихиды обратились к священнику отслужить отдельную панихиду на английской могиле. Каково же было неудовольствие, когда священник отказался служить и даже повернулся спиной!

(Между прочим, другой участник этих событий указывал, что просвещённые господа офицеры затем отправились извиняться перед иноземцами за поведение «невежественного» священнослужителя. Ох уж эти «толерантные», выражаясь по-современному, европейцы! Наверное, и первые, и вторые забыли, что, согласно давней народной мудрости, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. — С. Г.)

С кладбища процессия двинулась в собор, где служили обедню, и затем все прошли на косу к памятнику. При снятии завеса оба судна салютовали, после чего команда прошла церемониальным маршем...»

Прошли годы. Через четыре десятилетия в нашей стране наступили совсем другие времена. На «материке» уже пару лет как победой «красных» завершилась кровопролитная гражданская война, была установлена советская власть. На дальних окраинах,

в том числе и в Петропавловске, ещё сохранялись остатки «старого режима», представители которого придерживались давних традиций.

Утром 6 сентября (по новому стилю) 1922 г., в день празднования очередной, шестьдесят восьмой по счёту, годовщины торжества русского оружия газета «Камчатский листок» уведомляла горожан о порядке проведения памятного дня. «Сегодня по случаю годовщины отражения англо-французской эскадры в городе Петропавловске в 1854 г. будет отслужен молебен, а на братской могиле — панихида. После молебна состоится парад местного гарнизона».

В следующем номере газеты, вышедшем 8 сентября, содержался подробный отчёт о прошедших торжествах, в которых помимо войск местного гарнизона, администрации, духовенства и населения принимали участие экипажи стоявших в порту японских боевых кораблей, пришедших на Камчатку для «защиты рыбаков». Вот как описываются основные события дня в заметке «Памяти героев-защитников».

«6 сентября, в день годовщины славной защиты Петропавловска от нападения вражеских эскадр в 1854 г., город с утра принял праздничный и торжественный вид. Стоящие на рейде суда расцветились флагами, украсились также и дома. На богослужение в местном соборе прибыли: начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, командиры судов и начальники частей, представители городского самоуправления и служащие управления. У собора фронтом стали морские команды и воинские части. По окончании литургии крестный ход проследовал на братскую могилу и здесь при большом стечении горожан у подножия исторической Никольской сопки, у места вечного упокоения героев-защитников города, была совершена панихида.

Командиром военного транспорта “Кошу” капитаном 1-го ранга Найто и командиром миноносца “Нияке” был возложен на братскую могилу венок с надписью “Японский флот”.

Затем на площади у братской могилы состоялся парад местного гарнизона, которым командовал подполковник Кузнецов. Парад принял начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, сказавший перед фронтом о доблести наших предков-героев, отдавших свои жизни за родину под стягом Дома Романовых, и провозгласивший здравицу за возрождение России, армии и флота.

Высокопатриотические слова эти были покрыты мощным и долго не смолкавшим криком “Ура!”, торжественными звуками гимна

“Боже, царя храни!” и орудийным салютом наций (двадцать одним выстрелом). Войска прошли церемониальным маршем.

У начальника гарнизона в два часа дня состоялся банкет, на котором присутствовали японский консул господин Симада, командиры военных судов, как японских, так и русских, начальники воинских частей, городской голова, начальник уезда и другие».

События 1854 г. всегда вызывали большой интерес камчатцев и гостей полуострова, в том числе и гостей незваных. Воспользовавшись русской смутой, в 1920 г. японский флот взял камчатское побережье под своё «покровительство». С этого времени ежегодно в Петропавловск заходила эскадра, состоявшая из лёгкого крейсера, нескольких миноносцев и военных транспортов. Она охраняла «интересы японских подданных», нещадно эксплуатировавших рыбные богатства Камчатки. Часть судов оставалась в порту на зимовку.

23 сентября 1920 г. на стоявшем здесь крейсере «Нийтака» лейтенант Фукуда прочитал экипажу корабля «двухчасовую лекцию о нападении англо-французского флота на Петропавловск в августе 1854 г. и о героической защите города русскими под начальством адмирала Завойко. Лекция была прослушана экипажем крейсера с огромным интересом».

Японское командование различными способами пыталось расположить к себе местное население. Оно неоднократно устраивало горожанам и ученикам высшего начального училища экскурсии на свои корабли, посещало городские праздники, просило разрешения на проведение «прогулок в пределах города Петропавловска», развлекало население игрой духового оркестра.

7 февраля 1922 г. японцы даже присутствовали на первом торжественном заседании гласных вновь избранной Петропавловской городской думы. 14 октября 1922 г. команды их миноносцев собирались провести на площадке перед братскими могилами спортивные состязания и игры. В них приглашались принять участие все желающие. В программе состязаний предусматривались «скачки на людях, гонки шлюпок на суше, бега с бочками, два человека на трёх ногах и другие». Об отклике населения на предлагаемые ему развлечения сведений найти не удалось, но следует заметить, что устройство игрищ возле мест упокоения в России в то время ещё не практиковалось: им занялись несколько позднее.

Об усилиях, которые в различные времена предпринимались по поддержанию в достойном состоянии памятных мест города, писалось

достаточно, внимание этому уделялось всегда. Правда, далеко не всё здесь ясно. Незадолго до описанного выше крестного хода, в воскресный день 4 июня 1922 г. «при большом стечении народа состоялось освещение памятника-креста на братской могиле, доставленного по поручению британского правительства фирмой “Тудзон Бей”».

Непонятно, что имела в виду сообщившая об этом местная газета. Наверное, британское правительство могло прислать памятный знак на место захоронения соотечественников, но мог ли быть он освящён по православному обряду? Если же крест был поставлен на русской могиле, то причём тут англичане? Видимо, разрешение этой загадки ещё ждёт своего исследователя.

Впрочем, памятники не только ставились, но и разрушались. Некоторые наши предшественники в XX в. относились к памяти предков столь же непочтительно, как и их отдельные потомки, продолжающие и в XXI столетии регулярно осквернять исторические монументы и «украшать» их своими автографами. 18 июня 1922 г. «Камчатский листок» писал по этому поводу: «Памятник “Слава” (на кошке) требует маленького ремонта старых пушек, разбросанных неизвестными хулиганами по сторонам от памятника. Одна из пушек брошена в бухту, и во время большого отлива она видна».

Памятник «Слава», как мы знаем, был открыт спустя двадцать восемь лет после славного сражения — 24 августа 1882 г. Первоначально он размещался на песчаной косе порта, имевшей длину около четырёхсот семидесяти и среднюю ширину тринадцать с половиной метров, от которой отходила дорога, поднимавшаяся в город. Помимо своего прямого назначения монумент играл роль створного знака, облегчавшего вход судов в ковш. Площадка на косе служила местом для выгрузки и хранения строительных материалов (кирпича, леса, цемента, камня). В ходе расширения порта, проводившегося в 1912—1915 гг., особое внимание было уделено тому, чтобы «Слава» не была закрыта «сооружениями и стоящими у пристани пароходами». Коса в начале 1920-х гг. использовалась японцами как место тренировок экипажей кораблей: сюда они высаживали учебные десанты.

В 1940 г. на месте косы и находившегося здесь памятника началось строительство большого портового холодильника. 29 января 1941 г. Наркомат рыбной промышленности СССР в соответствии с решением правительства остановил стройку и распорядился законсервировать её. Подрядчик — трест «Камчатрыбстрой» — дол-

жен был завершить в 1941 г. перенос «Славы» на новое место и передать всю площадь косы порту, что вскоре и было сделано. Какое-то время «Слава» лежала разобранной.

Памятник менял не только место расположения, но и внешний вид: в соответствии с духом эпохи православный крест на его вершине на некоторое время заменила размашистая пятиконечная звезда. К началу 1950-х гг. его перенесли на нынешнее место — на Никольскую сопку.

Память о защитниках отечества и их руководителе сохранялась в самые сложные годы. Часто менявшиеся в 1917—1922 гг. камчатские власти, имевшие различные политические окраски, относились к собственной истории с уважением. Истинные ценности оказались выше сиюминутных политических соображений. В декабре 1920 г. «просоветский» камчатский областной Совет предполагал издать отрывной календарь на 1921 г. В качестве праздничных дней в нём выделялись «лишь те, кроме воскресных дней, какие празднуются здесь, на Камчатке, местные и в Советской России».

Среди них были всероссийские религиозные Рождество, Благовещение, Пасха, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение, местный городской Петра и Павла, а также светский Новый год. В список отмечаемых памятных дат входили рождённые революционным временем и в разное время забытые «Расстрел рабочих царём в Петрограде 1905 г.», «Свержение самодержавия», «День Парижской коммуны», «День Интернационала», а также более привычно звучащие для нас «Первое мая» и «День Октябрьской революции». Череду памятных дат замыкало «Отражение нападения англо-французской эскадры на Петропавловск».

2 марта 1923 г. советская газета «Полярная звезда» в рубрике «Справочный отдел» напоминала камчатцам о том, что 28 февраля исполнилось двадцать пять лет со дня кончины руководителя Петропавловской обороны: «Исторические справки. 28 февраля 1898 г. Смерть адмирала В. С. Завойко». Дела адмирала не были забыты, а его имя не попало в список «царских сатрапов», в числе которых оказался, например, легендарный полководец М. Д. Скобелев, памятник которому в Москве был разрушен в 1918 г. Крестных ходов на братскую могилу большевики, понятное дело, не устраивали, но митинги и собрания возле неё иногда проводили.

В советское время «круглая» годовщина Петропавловской обороны впервые была отмечена в военном 1944 г. К девяностолетию

события газета «Камчатская правда» 5 сентября поместила несколько материалов на эту тему. Среди них стихотворение «Поручик» известного всей стране Константина Михайловича Симонова.

*Уж сотый раз врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган,
И рыжие британские солдаты
Идут на штурм под хриплый барабан
А крепость Петропавловск-на-Камчатке
Погружена в привычный мирный сон.
Хромой поручик, натянув перчатки,
С утра обходит местный гарнизон.
Седой солдат, откозыряв неловко,
Трёт рукавом ленивые глаза,
И возле пушек бродит на верёвке
Худая гарнизонная коза.
Ни писем, ни вестей. Как ни проси их,
Они забыли там, за семь морей,
Что здесь, на самом кончике России,
Живёт поручик с ротой егерей...
Поручик долго, щурясь против света,
Смотрел на юг, на море, где вдали —
Неужто нынче будет эстафета? —
Маячили в тумане корабли.
Он взял трубу. По зыби, то зелёной,
То белой от волнения, сюда,
Построившись кильватерной колонной
Шли к берегу британские суда.
Зачем пришли они из Альбиона?
Что нужно им? Донёсся дальний гром,
И волны у подножья бастиона
Вскипели, обожжённые ядром.
Полдня они палили наудачу,
Грозя весь город обратить в костёр.
Держа в кармане требование сдачи
На бастион взошёл парламентёр.
Поручик, в хромоте своей увидя
Опасность для достоинства страны,
Надменно принимал британца сидя
На лавочке у крепостной стены.
Что защищать? Заржавленные пушки,
Две улицы то в лужах, то в пыли,
Косые гарнизонные избушки,
Клочок ненужной никому земли?
Но всё-таки ведь что-то есть такое,
Что жаль отдать британцу с корабля?*

*Он горсточку земли растёр рукою:
Забывшая, а всё-таки земля.
Дырявые обветренные флаги
Над крышами шумят среди ветвей...
— Нет, я не подпишу твоей бумаги,
Так и скажи Виктории своей!
Уже давно британцев оттеснили,
На крышах залатали все листы,
Уже давно всех мёртвых схоронили,
Поставили сосновые кресты,
Когда Санкт-Петербургские курьеры
Вдруг привезли, на год застряв в пути,
Приказ принять решительные меры
И гарнизон к присяге привести.
Для боевого действия к отряду
Был прислан в крепость новый капитан,
А старому поручику в отраду
Был полный отпуск с пенсией дан!
Он всё бродил по крепости, бедняга,
Всё медлил влезть по сходням корабля...
Холодная казённая бумага.
Нелепая любимая земля...*

Ясно, что эффектно изложенное выше мало соответствовало исторической действительности. Почему газета напечатала эти строки, остаётся только гадать. Может быть, сработала магия имени автора бессмертного шедевра «Жди меня» и его звание лауреата Сталинской премии?

К этому времени события 1854 г. были хорошо известны. Более того, они деятельно разъяснялись горожанам и военнослужащим сотрудниками краеведческого музея, политработниками, общественниками, выступавшими с лекциями и проводившими беседы и экскурсии. Эта работа началась ещё в довоенном 1940 г., когда исполнилось двести лет со дня основания Петропавловска. Камчатские бойцы, военморы и командиры, а также и горожане, прямо назывались наследниками боевой славы русских воинов. Важность сохранения исторических традиций, над разрушением которых немало поработали революционеры-интернационалисты в первые после-революционные годы, была понята уже давно.

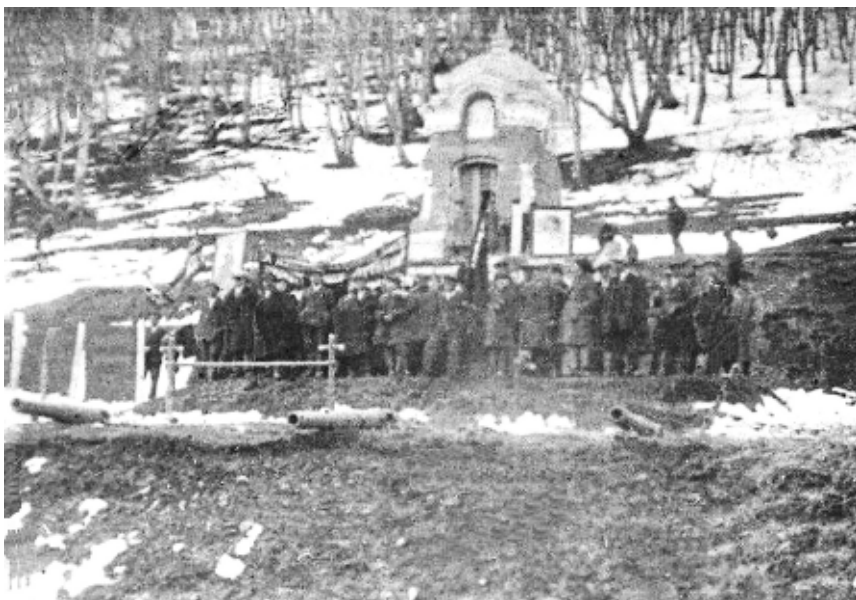
Тут же приведено стихотворение «Сопка любви» не столь маститого автора, местного журналиста Василия Семёновича Акшинского. Ещё два года тому назад он трудился главным редактором этой газеты, а сейчас носил военную форму — был политработником, служил в 101-й стрелковой дивизии и как раз и занимался подобными разъяснениями.

Крестный ход в Петропавловске по случаю годовщины обороны 1854 г., 1910-е гг.

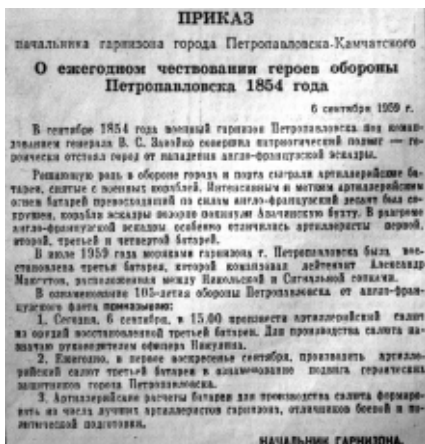
Парад в Петропавловске 6 сентября 1922 г. принимает капитан 1-го ранга Б. П. Ильин. Слева — фронт гардемарinov и команды канонерской лодки «Магнит», справа — команда канонерской лодки «Свирь»

Митинг на братской могиле, 1930-е гг.

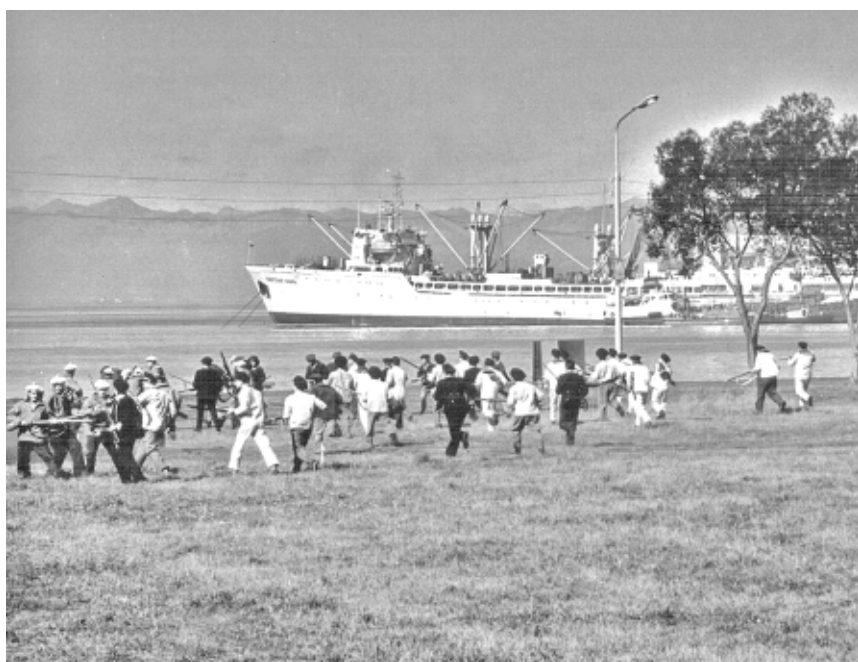
Объявление о массовых народных гуляниях по случаю 100-летней годовщины Петропавловской обороны, сентябрь 1954 г.

Газетная публикация приказа по Петропавловскому гарнизону к 105-летию обороны, сентябрь 1959 г.

Фрагменты репетиции и собственно инсценировки Петропавловской

обороны 1854 г., сентябрь 1990 г. (все фото из фондов ККОМ)

*Над бухтой берёзы могучие
Взросли на солдатской крови.
Но эти кудрявые кручи
Назвали «Сопкой любви».
А всё потому, что милее
У города нет уголка.
В укромной тенистой аллее
Любимая ждёт моряка.
Когда-то на этих вот склонах,
На тропах, стремящихся ввысь,
Седые бойцы бастиона
За русскую землю дрались.
Свистели чугунные ядра,
Огнём обжигало лицо.
Хотела чужая эскадра
Развезать и смять храбрецов.
Горели зелёные ветви,
Пылал деревянный накат.
Вёл в бой моряков Изильметьев,
Завойко был в гуще солдат.
Не выдержал недруг удара,
С вершины он на море сбит.
И песни об этом недаром
народная память хранит.
Так пусть эту землю святую,
Омытую в русской крови,
Зовут, как мечту золотую,
Возвышенно — «Сопка любви».
Здесь наши противника били,
Сражались за счастье своё.
Здесь Родину верно любили,
Жизнь не щадя за неё.
И тот, кто идёт на свиданье,
И та, что любимого ждёт,
Я знаю — в часы испытанья
Геройски себя поведёт.*

Как видите, здесь и с историей, и с окружавшей действительностью всё в порядке. В те годы на «Сопке любви», то есть на Никольской, уже существовал парк культуры и отдыха.

Особенно торжественно было отмечено 5 сентября 1954 г. столетие обороны. В городе прошли массовые гулянья. В программе праздника — спортивные соревнования на улице Ленинской, выступление художественной самодеятельности в летнем театре парка на Никольской сопке и на площади Свободы, массовые игры, танцы на Ленинской, в посёлке Индустриальном и снова в парке. С двух

часов дня в центре города играл духовой оркестр. Главное событие дня — торжественное открытие памятника героям обороны. В завершение — финальный розыгрыш по футболу на кубок области на стадионе парка.

Накануне, 4 сентября, город принял нарядный вид. На фасадах зданий — портреты, плакаты, лозунги, транспаранты. Стоящие в порту корабли подняли флаги расцветивания. В шесть часов вечера десятки делегаций от трудовых коллективов, моряки военные и гражданские с венками направляются к памятникам «Часовня» и «Слава». Затем они заполняют площадь возле летнего кино-театра в парке культуры и отдыха.

Митинг открыл заместитель председателя городского исполнительного комитета Винокуров. «Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить память героев Петропавловской обороны, грудью отстоявших от врага родную землю. Немногочисленный гарнизон русских солдат под командованием храброго офицера Завойко с помощью отрядов народного ополчения разгромил врага...

Неузнаваемо изменился облик нашего города за время, отделяющее нас от славных событий. За годы советской власти трудящиеся Камчатки под руководством коммунистической партии превратили Петропавловск в один из крупнейших городов Дальнего Востока, форпост родины на далёкой северо-восточной её окраине. Трудящиеся Камчатки любовно строят свой областной центр. Они твёрдо уверены, что всякого, кто посягнёт на нашу священную советскую землю, постигнет участь прайсов и депуантов, битых защитниками Петропавловска в 1854 г. ».

Под марш, исполняемый духовым оркестром, делегации медленно поднимаются по лестнице к «Славе» и возлагают на пьедестал десятки венков и живых цветов. Множество их было принесено и к «Часовне», где тоже прошёл митинг. Вечером небо над городом прорезали прожекторы кораблей, зажегших к тому же праздничную иллюминацию.

В Доме офицеров флота — торжественное собрание. «Громом долго не смолкающих аплодисментов, стоя приветствовали трудящиеся города славных потомков Удалого, МаксUTOва, Изыльметьева, Завойко и овеванное славой военно-морское знамя, которое пронёс через зал отличник боевой и политической подготовки старшина 1-й статьи Недогарок».

5 сентября, задолго до назначенного времени, горожане начали собираться в седловине между Никольской горой и мысом Сигнальным. Первым к месту, где некогда стояла батарея под командованием

лейтенанта Александра МаксUTOва, пришли рабочие и служащие рыбного порта. Слева от нового памятника «Героям третьей батареи» выстроился почётный караул из матросов и старшин Петропавловского гарнизона в белоснежных бескозырках с традиционными боцманскими дудками на груди.

В час дня председатель горисполкома В. З. Мельников направляется к памятнику. Звучит команда: «На кра-а-ул!» Моряки выбрасывают перед собой винтовки с примкнутыми штыками. Начальник караула отдаёт рапорт. Звучит короткая речь. Мельников разрезает шнур и под звуки Гимна СССР белое покрывало медленно спадает с памятника. «Перед глазами собравшихся монумент, увенчанный на вершине старинной пушкой. Памятник облицован красным и белым мрамором. На боковых гранях укреплены бронзовые доски. На них надписи: “Героическим защитникам Петропавловска от моряков-тихоокеанцев в день столетия”, “Героям третьей батареи лейтенанта А. П. МаксUTOва, жизни не пощадившим для разгрома врага”».

По окончании митинга к подножию памятника возложены десятки венков. Празднование продолжено на городских улицах, над которыми даже пронёсся на бреющем полёте самолёт, сбросивший поздравительные листовки. Но артиллерийского салюта не было.

Он прозвучал спустя пять лет. 6 сентября 1959 г. вышел приказ начальника Петропавловского гарнизона «О ежегодном чествовании героев обороны Петропавловска 1854 г.». Вот его полный текст: «В сентябре 1854 г. военный гарнизон Петропавловска под командованием генерала В. С. Завойко совершил патриотический подвиг — героически отстоял город от нападения англо-французской эскадры. Решающую роль в обороне города и порта сыграли артиллерийские батареи, снятые с военных кораблей. Интенсивным и метким артиллерийским огнём батарей превосходящий по силам англо-французский десант был сокрушён, корабли эскадры позорно покинули Авачинскую бухту. В разгроме англо-французской эскадры особенно отличились артиллеристы первой, второй, третьей и четвёртой батарей.

В июле 1959 г. моряками гарнизона г. Петропавловска была восстановлена третья батарея, которой командовал лейтенант Александр МаксUTOв, расположенная между Никольской и Сигнальной сопками.

В ознаменование столетия обороны Петропавловска от англо-французского флота приказываю: 1. Сегодня, 6 сентября, в пятнадцать часов произвести артиллерийский салют из орудий

восстановленной третьей батарее. Для производства салюта назначаю руководителем офицера Никулина. 2. Ежегодно, в первое воскресенье сентября производить артиллерийский салют третьей батарее в ознаменование подвига героических защитников города Петропавловска. 3. Артиллерийские расчёты батареи для производства салюта формировать из числа лучших артиллеристов гарнизона, отличников боевой и политической подготовки».

Похоже, что традиция ежегодного артсалюта довольно быстро угасла. В последующие годы всё больше митинговали и возлагали цветы к памятникам и братской могиле защитников. Стрельба, и большая, в честь события случилась во время празднования двухсотпятидесятилетия основания Петропавловска, в сентябре 1990 г. Тогда на зелёной лужайке, там, где сейчас возвышается стела «Город воинской славы», разыгралось поставленное при помощи специалистов «Мосфильма» костюмированное сражение, даже с высадкой «десанта» на городской пляж. Гремели специально изготовленные из бетона макеты пушечных стволов и привезённые из столицы киношные ружья, над водой взлетали впечатляющие водные столбы, молодёжь, в том числе курсанты «мореходки», вживалась в роли исторических персонажей, участвуя в перестрелке и штыковой атаке. Такого массового военно-исторического действия наш город доселе не видел.

Что-то подобное, но меньшего размаха и теперь на макете третьей батареи на сопке было показано горожанам совсем недавно, в сентябре 2019 г., в ходе торжеств по случаю сто шестьдесят пятой годовщины обороны. Множество народу присутствовало на репетиции и съёмке, как объяснили устроители, «исторического фильма». В них принимали участие наши обычные земляки. Обильно окутывавший батарею дым был настоящим, а вот выстрелы и взрывы исходили из недр электронной техники. Времени с того дня прошло уже порядочно, но фильма широкая публика пока не дождалась...

Две войны Петропавловска

Война, являющаяся в жизни каждой страны моментом наивысшего напряжения всех её сил, служит показателем истинного настроения народа и его отношения к власти. Вместе со всей Россией Петропавловск неоднократно переживал трудные времена военного лихолетья. Одни из них, такие как знаменитая оборона 1854 г., нападение отряда японских кораблей летом 1905 г.,

события августа и сентября 1945 г., связанные с отправкой Курильского десанта, — непосредственно задевали его своим огненным дыханием. Дважды за всю его историю пустой город, покинутый населением, на короткое время занимали враги. Так было в 1855 г., а затем спустя полвека — в 1905 г. Другие сражения, хотя и громыхали далеко на западе и не подвергали город непосредственной опасности, также оставляли глубокий след в судьбе горожан и отражались на их жизненном укладе.

Хотя военные эпизоды камчатской истории с той или иной полнотой нашли отражение в литературе, но в силу разных причин нам меньше известно о происходивших в городе событиях, связанных с началом русско-японской (1904—1905 гг.) и Первой мировой (1914—1918 гг.) войн.

Весть о разразившейся русско-японской войне достигла Петропавловска около десяти часов вечера 21 апреля 1904 г. (здесь и далее все даты указаны по старому стилю). Её доставил гонец-казак, отправленный с «полетучкой», то есть эстафетой. Официальное уведомление пришло спустя почти три месяца после ночного нападения японских миноносцев на русскую Тихоокеанскую эскадру, стоявшую в Порт-Артуре, и героического боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с отрядом кораблей контр-адмирала С. Уриу.

22 апреля 1904 г. начальник Петропавловского уезда коллежский асессор поручик запаса Антон Петрович Сильницкий издал приказ № 204, извещавший население о начале боевых действий. Уже первая фраза этого документа свидетельствует о том, что камчатский руководитель не имел достаточного представления о происходившем в мире: «27-го января сего 1904 г. Россия объявила войну Японии». Как известно, война началась внезапными, без какого-либо официального уведомления, атаками японского флота на русские корабли.

Далее приказ гласил: «Все запасные нижние чины, льготные и отставные казаки, а равно и волонтеры от населения, приглашаются к формированию дружины для поддержания строгого порядка и тишины в Петропавловске и в уезде. Распоряжается воинской силой штабс-капитан Векентьев. Все жители, невзирая ни на какое лицо, обязываются чинить мне и штабс-капитану Векентьеву полное во всём послушание, обусловливаемое обстоятельствами военного времени. Приказ сей немедленно объявить по городу под расписку, а в копиях полетучкой послать по всему уезду. Верьте, братцы, в бога и царя».

К полудню 22 апреля 1904 г. «всё население города Петропавловска от стара до мала, а равно и инородцы из внутренних селений страны» собрались на молебен «о ниспослании победы государю императору и его победоносному воинству». Молебен служили настоятель городского собора благочинный камчатских и гижигинских церквей отец Николай Комаров и диакон Павел Ворошилов.

Известие о начале войны сплотило расколотое городское «высшее общество». Незадолго до его получения часть «петропавловской публики» объявила Сильницкого душевнобольным. Отзыв уездного начальника на произошедшее содержится в его приказе № 171, изданном 12 апреля 1904 г.: «В ночь с 9-го на 10-е апреля сего 1904 г. семь человек петропавловских жителей, не принадлежащих к коренному населению города Петропавловска, будучи недовольны моими действиями по службе, основанными на точных и ясных законах, а потому и совершенно для меня обязательных, позволили себе, дабы воспрепятствовать исполнению лежащих на мне обязанностей по должности Петропавловского уездного начальника и сопряжённых с оною властью судебного следователя, учинить тайный сговор, на котором я, петропавловский уездный начальник коллежский ассессор Сильницкий, объявлен сумасшедшим, а потому и подлежащим смещению с упомянутой должности. Сместить меня с должности могут великий государь и наместник его императорского величества на Дальнем Востоке, но уж никак не тайное ночью собрание семи человек...»

Сильницкий опасался, что теперь его распоряжения, направленные на приведение уезда в оборонительное положение и создание ополченческих дружин, могут быть истолкованы как «акт безумия». Но этого не произошло. Как он указывал впоследствии, «с удовольствием могу отметить, что к этому решению примкнули и мои враги, которые протянули мне руки и сказали: “Что было, то было, а теперь все будем делать одно дело”».

После службы «именитые» горожане и чиновники собрались в Петропавловском уездном управлении на совет для выработки мер по защите полуострова от возможного нападения врага. Недостаток сведений о происходивших в мире событиях и почти полное отсутствие на Камчатке военных сил и средств (здесь не было ни регулярных воинских частей, ни артиллерии) вынуждали провести обмен мнениями между жителями. Такое общее обсуждение в условиях ограниченных возможностей, коими располагали официальные власти, позволило бы принять наиболее правильные решения.

Предложения было решено заносить в специально заведённую для этого в управлении книгу.

«Всякому, кто услышит что-либо достойное внимания и относящееся до войны... вменяется в обязанность являться в управление и за полным своим подписанием с обозначением числа, часа и минуты записывать сей слух, не объявляя сей слух никому до записи в книгу. Если кто из граждан города Петропавловска, а равно из жителей Петропавловского уезда имеет предложить ту или иную разумную меру, вызываемую возможностью ежеминутного нападения на нас врага, излагать таковую письменно в книге, которая отныне... будет выдаваема желающему во всякое время дня и ночи». Окончательное решение по всем высказанным предложениям Сильницкий оставлял за собой.

Первая запись в книге, страницы которой были поделены на две колонки — «Слух или мера» и «Отметка начальника уезда» — появилась 23 апреля в три часа двадцать минут дня (точное время обозначено в соответствии с решением совета). Её внёс один из первых камчатских рыбопромышленников — А. Т. Зубков, приглашённый на полуостров ещё в 1896 г. компанией «Камчатское торгово-промышленное общество» (КТПО) в качестве засольщика рыбы.

По мнению Зубкова, неприятель мог высадиться в следующих местах побережья: в Петропавловске, в районе Апачинского и Коловского перевалов, возле Усть-Камчатки, на Уке, в бухтах Столбовой и Чажма, в Тигиле. Промышленник предлагал перевезти запасы продуктов, имевшихся у населения устьев рек Камчатки и Уки, вглубь полуострова и приказать жителям экономить порох и патроны в преддверии возможных столкновений с японцами.

Из Петропавловска на случай нападения с моря следовало эвакуировать женщин и детей. Наиболее безопасным местом для них назывался район села Мильково. Продовольствие сюда можно было доставить по реке Камчатке, в устье которой имелся паровой катер КТПО. Для вывоза людей в Петропавловске нужно было собрать все собачьи упряжки, за исключением двух нарт, оставленных в каждом селении «на предмет экстренных сообщений». Часть незамужних женщин могла, по желанию, остаться в городе «на помощь на перевозочном пункте и для приготовления пищи».

Не обошлось и без шпиономании: Зубков подозревал англичанина, жившего в Уке, в сговоре с японцами и желании прервать сообщение Камчатки с материковой Россией через Тигильский перевал. Англичанин, приехавший «на собаках из Тигиля в селение

Еловку, покупал у моего каюрщика лыжи... при том что у этого англичанина были лыжи не одни... Для какого предмета он закупал лыжи и притом большой запас продуктов и товара? Не имеется ли союза у Англии с Японией против нас, и также не имеют ли в виду они прекратить сообщение с материком?»

Здесь же он просил начальника уезда принять его в формируемую ополченческую дружину. «Присовокупляю вашему высокоблагородию с сего 1904 г. апреля 23-го просьбу зачислить в вольную дружину защиты нашего батюшки царя и отечества. *Александр Тихонов Зубков*».

Записавшийся следующим горный инженер коллежский советник Александр Михайлович Симонов, состоявший при Геологическом комитете, уточнил и расширил предложения Зубкова:

«1. ...Население, не способное к самозащите, надлежит вывести (за исключением желающих остаться при отцах и братьях) вглубь страны, каковою является долина реки Камчатки от Верхнекамчатска до Кырганика включительно.

2. Для беспрепятственного быстрого переселения (пока есть санный путь) следует ныне же затребовать собак и каюров (хотя бы по одному на две нарты, ибо многие женщины умеют каюрить) от Петропавловска до Малки для перевоза населения в Малку, а от Малки до Кырганика — собак для доставления переселяемых из Малки в Верхнекамчатск, Мильково и Кырганик.

3. Часть собак одновременно должна быть задолжаема и на перевоз провианта, потребного для пропитания перевозимых в пути.

4. По переправе в долину Камчатки всего населения, не способного к самозащите, собаки должны быть задолжены для доставки провианта в разные пункты по пути от Петропавловска к Мильково и части провианта в самое Мильково... чтобы этого провианта хватило на пропитание до подвоза провианта из нижнекамчатских складов КТПО.

5. Из складов... общества у Нижнекамчатска затребовать отпуск провианта в возможно большем количестве, и таковой батами по реке, на собаках, пока есть путь по берегу, и вьючно на собаках, лошадях — где как возможно — доставлять главнейший в Мильково, а равно и в Кырганик и в Верхнекамчатск.

Такие меры будут весьма полезны, с одной стороны, на случай, если бы потребовалось оставшимся жителям в Петропавловске и других селениях бежать от врага, то удаляющиеся всегда по пути находили бы продовольствие, и это облегчило бы значительно их удаление. А с другой — если бы по воле божьей суждено

войне окончиться скоро, то таковое перемещение провианта не оказалось бы вредным, а наоборот, принесло бы пользу населению Средней Камчатки, жители которой почти всегда терпят нужду в провианте.

Для приведения в исполнение всего мною изложенного я, как состоящий на государственной службе, предлагаю лично свои услуги, как по переправе жителей и провианта, распределения по пунктам того и другого, так и для приведения в исполнение и иных распоряжений уездной власти в районах Средней Камчатки».

В качестве помощников инженер просил назначить ему одного из работавших с ним горных мастеров и Зубкова, которому он намеревался поручить руководство отправкой людей в Малки и обратную доставку пустых нарт.

Недруг Сильницкого уездный врач В. Н. Тюшов предложил раздать населению казённые винтовки и патроны. Винтовок, по его словам, было около полутора тысяч (сам Сильницкий называл другие цифры: четыре тысячи винтовок и восемьсот тысяч патронов). «Будет неверно сказать, что каждый человек нашего населения имеет ружьё. И не каждый... кто имеет винчестер или берданку, и тот патронов имеет крайне мало, рассчитывая только на охоту за медведем... Поэтому раздать теперь же весь запас ружей и патронов полагаю своевременным и полезным, буде придётся вести и у нас в Камчатке войну».

Он также присоединялся к мнению о необходимости отправки женщин и детей «вглубь страны», где они могли находиться в безопасности. «Рассчитывать на гуманное обращение не только макак (так презрительно Тюшов называл японцев. — С. Г.), но и наций просвещённых, во время войны не полагаю возможным. Война — война и есть. Оставить здесь из женщин можно только желающих, остальные будут только помехой».

По всеобщему убеждению, наиболее подходящим местом для эвакуации населения являлось Мильково. Сюда и следовало свезти все запасы продуктов, казённые деньги и ценности, в том числе и церковные. Кроме того, признавалось, что «каждый человек должен озаботиться сохранением своего достояния или отправкой внутрь страны, или сокрытием где-либо здесь же, в окрестностях Петропавловска».

В ходе обсуждения оборонных мероприятий высказывались предложения в случае прихода в Авачинскую губу японского судна сжечь стоявшую здесь шхуну и имевшиеся в складах морского ведомства на мысе Сигнальном запасы угля для пароходов. В слу-

чае же, если представитель русской власти должен будет отправиться к японцам на переговоры, ему советовали одеться не в парадную форму, а в домашний костюм (тужурку), дабы показать этим своё презрение к врагу.

Священник Н. Комаров, принявший активное участие в разработке мер по подготовке уезда к обороне, рекомендовал не делать этого. 27 апреля он записал: «На мой взгляд, приведение такой меры в исполнение, не принеся ровно никакого вреда для неприятеля, который, несомненно, если придёт, то, имея с собою транспорт с углём и провиантом, а не будет рассчитывать на чужой предполагаемый уголь, может, однако, принести громадный ущерб нам же самим.

С одной стороны, это приведёт японцев в страшное раздражение, и тогда, разумеется, о белом (парламентёрском) флаге не может быть и речи, и от Петропавловска не останется камня на камне. С другой, вслед за японским судном может придти наше русское, которое, будучи осведомлено о запасе угля в Петропавловске, может придти без своего угля...

В случае прихода неприятельского судна имеется, кажется, в виду поездка на судно для сдачи Петропавловска представителя административной власти. Такое намерение, на мой взгляд, не может быть оправдано ни с точки зрения международного этикета (ведь мы считаемся культурным европейским народом), ни по своей конечной цели — показать презрение к японцам, но тогда лучше, безусловно, совсем не ездить на судно».

Упоминающиеся Комаровым слова «белый флаг» и «сдача Петропавловска» следует понимать не как рассуждения о предстоящей капитуляции, а как отклик на возможное предложение противной стороны вступить в переговоры об этом. Имеющиеся материалы говорят о небывалом патриотическом подъёме и единодушном желании всего камчатского населения постоять за отечество, да и весь последующий ход событий не позволяет предположить противное.

Священник, учитывая «тягостную неизвестность», в которой пребывало всё камчатское население, предлагал подготовить к плаванью и отправить стоявшую в Петропавловске шхуну «за известием хотя бы в Аляску, где есть телеграфное сообщение с миром. Такое сношение могло бы быть, по мнению моряков, окончено при благоприятной погоде и, принимая в соображения господствующие в настоящее время ветра, в две-три недели, тем более что в Петропавловске есть опытный моряк, разумею А. П. Кантор, который,

вероятно, не откажется послужить общей пользе. Такое применение шхуны мне казалось бы полезнее её сожжения».

Шхуна действительно была снаряжена и вышла в море, но позже и с другой целью.

Наиболее вероятным способом захвата Петропавловска мог стать десант, высаженный прямо в Авачинской губе или на прилегающем к ней побережье. В связи с этим особое внимание следовало уделить наблюдению за морем с Петропавловского маяка и ближайших мысов. Здесь в пределах видимости предлагалось установить сигнальные мачты. Местами их размещения могли стать мысы Бабушкин, Раковый, Сигнальный, «каковые пункты и служили пятьдесят лет тому назад» (подразумеваются события 1854 г.).

Передача сигналов посредством мачт была возможна только в ясную погоду. Наступающий же сезон обычно отличался обилием туманных дней. Поэтому смотритель маяка Косачёв считал более надёжной «шлюпочную сигнализацию». Для её налаживания он просил отдать в его распоряжение две парусные шлюпки с экипажами.

Неизвестное судно с маяка можно было обнаружить за двадцать пять миль. Это расстояние оно могло преодолеть не менее чем за два часа. В случае его появления с маяка в Петропавловск тотчас же отправлялась бы первая шлюпка с известием об этом. Дойти до ковша она могла за два часа при ходе под парусами и за два с половиной — на вёслах. Вторая шлюпка высылалась бы после того, как была определена национальная принадлежность приближающегося судна.

Помощник Сильницкого штабс-капитан В. Р. Векентьев разделял мнение Косачёва о том, что в туман «шлюпочная сигнализация» будет более полезна, чем любая другая. Её главным недостатком был тихий ход шлюпок, особенно в бурную погоду. К тому же в сильный туман эти судёнышки, не имевшие компасов, могли заблудиться. Туман, окутывавший мысы, мешал передавать с них сигналы и посредством «береговой сигнализации». Правда, оставалась надежда на то, что в непогоду противник не рискнёт входить в Авачинскую губу, опасаясь напоротся на прибрежные камни.

Передача сигналов с мыса на мыс длилась не более двадцати минут. Векентьев предлагал предусмотреть три их разновидности (днём подаваемых дымом, ночью — огнём). Первый сигнал означал, что на горизонте появилось японское судно, второй — русское, третий — под любым другим флагом. На каждом из трёх передаточных постов следовало разместить по три человека с па-

латкой, тёплой одеждой и запасом продуктов. Сменять их следовало через каждые пять суток.

Заведующий Петропавловским городским училищем Л. Л. Роберт соглашался с Комаровым и высказывал «свою искреннюю просьбу к Петропавловской администрации, что в случае прибытия в Петропавловск японцев или представителей другой какой-либо враждебной нам нации, никакой враждебности к ним не высказывать. Это будет самое лучшее, что в данном своём положении мы только и может сделать».

Ответом на мнения Комарова и Роберта, так же как и прочих лиц, стал приказ начальника уезда населению № 238, составленный 30 апреля 1904 г.

Дальнейший ход событий излагается в его послании усть-камчатскому частному командиру. Оно было оглашено на общем сходе жителей Усть-Камчатска 30 мая 1904 г. «Весть о войне России с Японией достигла Петропавловска 21 апреля около десяти часов вечера. Молебн. Формирование дружины из камчатских казаков, чинов запаса. Дружина семьдесят семь человек. Это кадр поголовного ополчения страны, прекрасных охотников, искусных стрелков численностью около четырёх тысяч душ. Розданы ополченческие кресты, сделанные из жести местными мастерами. Раздача крестов сопутствовалась прекрасным словом благочинного Комарова, моим посыльным приказом. Слово читалось в церквах и часовнях, приказ — на полевых сходах.

Боевые и продовольственные припасы передвигает во глубь страны горный инженер Симонов, вооружает население доктор Тюшов. Организует дружины, устанавливает их службу, в зависимости от вероятных и даже несомненных случаев нападения на Камчатку вооружённых японских хищников, — Векентьев.

Установлена сигнализация с маяком. Желаящие женщины и дети из Петропавловска вывезены. Из прочих береговых селений, по случаю отдалённости от якорной стоянки, вывоз женщин и детей воспретить. Принять строгие меры по сохранению обычной жизни страны в отношении торговли, занятий и промыслов населения. Назначить смотрителей хозяйствами камчадалов».

Естественным помощником камчатских жителей в предстоящей борьбе с японцами должна была стать природа. Её «неисчерпаемые дары... рыба, птица... олени, зверь, особенно медведь, огромное количество рогатого скота на западном берегу и по долине реки Камчатки, надежда на хороший урожай картофеля и прочих огородных овощей, старые запасы соли и муки... обеспечивают

продовольствие страны на любое время. Сколько бы врага не появилось на Камчатском полуострове, откуда бы он не появился, будем его бить во славу царя и отечества без всякого милосердия, и, глубоко убеждён, победим, потому что наш союзник — дикая и величественная природа девственной, бездорожной, гористой, лесистой и болотистой Камчатки, и враг, кто бы то он ни был, сильнее нас в том только случае, если у него есть пушки...»

В случае прибытия японских кораблей в Авачинскую губу Сильницкий намеревался оставить Петропавловск, ибо защищать его было нечем. «...Вот эти-то пушки и есть единственная причина, что я оставляю Петропавловск, если на его рейде появится неприятельское судно, вооружённое артиллерией».

В 1904 г. враг к городу не подходил. Боевые действия шли на западном побережье Камчатки. С наступлением промыслового сезона к камчатскому берегу потянулись шхуны японских рыбаков-браконьеров, вот уже несколько лет как распознавших здешние лососёвые богатства. Но теперь местные обитатели воспринимали их не как уже ставших привычными хищников, встречая неудовольствием, а как врагов — ружейными пулями. А в конце мая в устье реки Озерной высадился уже настоящий, даже с пушками, боевой отряд из резервистов численностью сто пятьдесят человек, занявший село Явино. 17 июля русские дружинники разбили его. Затем последовали неудачные попытки японцев высадиться возле Калыгирия, на Командорах и острове Карагинском. Они обошлись им, в общей сложности, в две сотни жизней.

Весной 1904 г. КТПО решило снабдить Командоры и Камчатку товарами и продуктами из Сан-Франциско. 4 мая 1904 г. в Петропавловск пришёл зафрахтованный обществом пароход «Редондо», доставивший «полный груз всяких товаров». Часть его оказалась подмочена из-за значительной течи корпуса. На «Редондо» прибыл доверенный КТПО барон Н. Е. фон-Брюгген. Тенденциозно поданные им новости с театра военных действий, из которых следовало, что русская армия и флот разгромлены, ошеломили Сильницкого и Векентьева, но не повлияли на их решимость оборонять полуостров.

«Наша защита — беспредельная преданность всего населения Камчатки обожаемому монарху Николаю II, вере православной и горячо любимой родине и полная готовность каждого камчатского жителя, без всякого исключения, стоять за честь России, как стояли отцы и деды с 17 по 24 августа против англо-французской

эскадры. И братская могила, и памятник “Слава”, что в Петропавловске, да будут порукой совершенной истины моих слов, идущих из глубины души верноподданного... Прошу глубоко верить, что на Камчатке ни при каких условиях не будет нарушена так дорогая всякому верноподданному честь русского имени...»

На «Редондо» были переданы адресованные российскому консулу в Сан-Франциско «подробности всех наших камчатских действий по войне». 9 мая пароход ушёл.

Сильницкий ожидал, что после начала войны снабжение Камчатки прекратится. Он решил отправить на западное побережье с продовольствием и подкреплением для ополченческой дружины, противостоявшей высадке на полуостров японского десанта, стоявшую в порту шхуну «Мария». Судном, конфискованным у японцев в 1903 г., командовал бывший старший штурман пароходства Китайско-Восточной железной дороги Цезарь Жаба, его экипаж состоял из трёх человек. Шхуну с большим трудом удалось подготовить к выходу в море, часть снаряжения и якоря для неё позаимствовали со складов КТПО. В середине июня 1904 г. судно вышло в море. По пути в Тигиль на него напала большая японская шхуна. Завязавшаяся между ними перестрелка закончилась для русских удачно, никто из них не пострадал.

Своё героическое плавание «Мария» завершила в августе 1904 г. на тигильском рейде: здесь она потеряла якоря и была выброшена штормом на мель. Попытки стянуть шхуну на воду оказались безуспешными. Корпус судна разобрали, из его остатков решили соорудить шлюпочный сарай. Имущество «Марии» распродали на аукционе местным жителям, имевшим большую нужду в посуде, тресах и поделочном железе.

Вот как позже Сильницкий вспоминал об обстоятельствах отправки «Марии»: «Жаба приступил к конопатке шхуны, к осмолке, к шитью разорванных осеннею бурей парусов, к исправлению руля и к прочим ремонтным работам. Всё делалось средствами, бывшими под руками... Шхуна с большим грузом казённых припасов, направленных мною в Гижигу, с запасом товаров, приобретённых покупкою в петропавловских магазинах, и с командою в тридцать два человека (общая численность людей на шхуне, включая её экипаж и ополченцев. — С. Г.) вышла из Петропавловска 16 июня и направилась на западный берег Камчатки.

Её плавание, могу сказать уверенно, составляет одну из отрадных страниц истории нашей войны с японцами. Утлое судно, кое-как скреплённое на петропавловских “верфях”, отправилось в плавание

за тысячи вёрст, рискуя ежеминутно встретиться с японским судном, а затем, имея задачей высадить у селения Явинского “десант” для действия против высадившегося сильного врага. И шхуна блистательно исполнила свою задачу. Она не только высадила в указанном месте посланных мною дружинников, но и высадила их как раз вовремя, когда наши дружины уже разведывали расположение японцев. Вслед за соединением петропавловских дружинников, пришедших морем, и дружинников, пришедших сухопутным, наши напали на японский лагерь...»

Результатом боя стало бегство захватчиков, потерявших тридцать два человека убитыми. Командир десанта лейтенант Гундзи попал в плен. «Истинно счастлив быть очевидцем несокрушимой беззаветной горячей любви народной в реальном проявлении ко всемилостивейшему государю императору Николаю Александровичу. Нет выше счастья, как переживать всеми фибрами своей души тот высокий и истинно патриотический подъём народного духа, который охватил теперь далёкую Камчатку», — писал А. П. Сильницкий.

Следующим судном, пришедшем в Петропавловск, стала зафрахтованная КТПО в США «Минеола». Это был довольно большой грузовик вместимостью три с половиной тысячи тонн с ходом в двенадцать узлов. Командовал им капитан Кирквуд. Плавание возглавил уполномоченный Министерства внутренних дел начальник уезда Командорских островов Н. А. Гребницкий. На «Минеоле» находились тысяча двести восемьдесят тонн продуктов и товаров и почти две тысячи тонн угля. Помимо основной задачи экспедиции — снабжения края — Гребницкому поручалось выполнение ещё одной деликатной миссии. Он должен был вывезти из Петропавловска отстранённых от должностей Сильницкого и Векентьева.

18 июля судно пришло в Петропавловск. Здесь оно частично разгрузилось. Пристани, имевшиеся в порту, пришли в полную негодность. Глубоко сидевший в воде пароход не мог приблизиться к ним. Привезённое им пришлось передавать на кунгасы, а уже с них поднимать на пристань и оттуда носить в склады. Сдача казённого снабжения затянулась на неделю из-за недостатка грузчиков, отсутствия какого-либо оборудования и нераспорядительности служащих КТПО.

Теперь на складах Петропавловска имелся двухгодовой запас продуктов. Недоставало только муки, одну часть которой вывезли

внутри Камчатки, другую же (тысячу пудов) — отправили на «Марии» в Гижигу, где, по слухам, начался голод.

«Минеола» приняла на борт Сильницкого и Векентьева и их семьи, после чего 30 июля ушла на западное побережье. 3 августа пароход зашёл в Охотск, где с него были высажены эти невольные пассажиры.

8 августа «Минеола» пришла на рейд Явино, 11-го — в Большерецк, 12-го — в Облуковино. В этих пунктах выгрузиться ей не удалось. Селения казались пустыми: их жители к пароходу не выехали. Вероятно, они приняли судно за вражеский рейдер: недавно возле реки Явиной русские ополченцы сражались с японским десантом.

Отсюда «Минеола» двинулась к Тигилю. Утром 23 августа на подходе к селению, находясь в десяти милях от берега, она налетела на подводную скалу, получив три сильных удара. В трюмы стала поступать вода. Попытки разгрузить пароход и снять его с камней не удалось. К ночи его стало сильно бить о скалы. Людей пересадили в шлюпки, в половине второго ночи 24 августа капитан и старший механик последними покинули «Минеолу». К пяти часам утра её экипаж и пассажиры благополучно прибыли в устье реки Тигиль.

Итогом всех мер, предпринятых в Петропавловске и других местах полуострова весной и летом 1904 г., стало то, что японцы, понеся существенные потери, не смогли в этом сезоне закрепиться на его берегах и «не вывезли из Камчатки ни одной рыбы, ибо таковую охраняли наши дружинники».

Все основные эпизоды боевых действий в 1904 г. можно достаточно подробно охарактеризовать по сведениям из составленного А. П. Сильницким 29 декабря 1904 г. «Списка лиц, кои заслуживают награды за вооружённое сопротивление японцам занять Камчатку и за споспешествование этому делу».

Вячеслав Ростиславович Векентьев, штабс-капитан инженерных войск. Произвёл все исполнительные действия по формированию Петропавловской дружины. Заведовал её службой и обучением, исполнил все действия по организации на местах поголовного камчатского ополчения. Установил заставы на устья тех рек, где ожидалось появление японцев, устроил конное сообщение застав с селениями.

Цезарь Жоба, прапорщик запаса и шкипер дальнего плавания, потомственный дворянин. С 22 апреля до последних чисел мая

был командиром Петропавловской дружины. С 1 июня руководил ремонтом и снаряжением в поход парусной шхуны «Мария», конфискованной в прошлом году у японцев. «Мария» исполнила следующие поручения уездного начальника: 1) из Петропавловска отвезла провизию для дозора, высланного уездным начальником на мыс Лопатка, 2) сделала разведку на южный берег острова Шумшу (то есть в самое «логово» неприятеля. — С. Г.), 3) после высадки со сказанного острова японских резервистов в селение Явинское взяла отряд дружины, каковой отряд принял участие в бою с японскими резервистами. Этот бой окончился изгнанием японцев и их предводителя Сечи Гундзи, 4) отвезла запасы провизии в селение Явинское для камчатских ополченцев, действовавших против Сечи Гундзи, в селение Тигиль для тигильских инородцев и казаков тигильского отряда и в Гижигу, где люди, по имевшимся у уездного начальника сведениям, голодали. Плавание шхуны совершалось при постоянной опасности встретиться не только с вооружёнными японскими шхунами же, но с пароходами, вооружёнными пушками.

Максим Иванович Сотников, унтер-офицер запаса армии. 17 мая сего года был выслан уездным начальником для заведования обороной устья реки Большой. Когда высадились в селении Явинском японские морские резервисты, до двухсот человек, что случилось 10 июня, при двух скорострельных орудиях, под начальством лейтенанта японской службы Сечи Гундзи, принял начальство над ополченцами из соседних селений, большеперецкими ополченцами, всего сто человек.

(Обстоятельства занятия Явино японцами излагаются в другом документе — донесении явинского старосты Д. Игнатьева М. И. Сотникову в селение Большеперецк: «...Японцы взяли наше селение и все наши пожитки, и мы остались совершенно без ничего, только взяли на один день. Это было 3 июня. В то время были в селении из стрелков только два человека, а прочие были на охоте, потому что нам неизвестна была война до 30 мая 1904 г., а с 30 мая мы стали на ночь в лес уходить в окрестность селения. 3 июня утром рано японцы подступили к селению и заняли три дома, и видели только двенадцать человек, в домах нам неизвестно было. Японский народ был военный. А шхуна зашла в Озерную реку 30 мая».)

Не имея никаких запасов провизии, 20 июня сего года выступил в поход на Явинское, разбив по дороге японцев на реке Опале, сжёг их шхуну, причём убито пятнадцать человек японцев, взято в плен шестеро. 17 июля ополченцы под начальством Сотникова

напали на селение Явинское, где расположились японские морские резервисты, выкинув (вывесив. — *С. Г.*) японский флаг и водрузив доску с надписью, что «эта земля отныне принадлежит Японии» и что «кто этого не признает, будет убит». Удар на Явино, окончившийся пленением Сечи Гундзи и изгнанием японцев из этого селения, сопровождался боем с потерями с нашей стороны одного убитым (Ксаверий Бируля, он же Бирюля. — *С. Г.*) и трёх ранеными и со стороны японцев семнадцати убитыми.

(Вот что по этому поводу сообщил сам Сотников: «Эта доска с надписью по-русски прибита к столбу, поставленному на холме в пятистах шагах на северо-восток от Явино. Надпись на доске Гундзи подтвердил лично при нас, подписью по-английски. Сие списано 4 июля 1904 г., одиннадцать часов дня: “Смысло на этой тын писанных слов, именно эта земля уже принадлежит Японии, поэтому кто того трогает этот тын будет убиты. Командир японского войска *Сечи Гундзи*”». Сейчас эта доска хранится в Камчатском краевом объединённом музее.

Кроме этого, есть сведения, что в разных местах японцы оставили бутылки с записками. В одной, подобранной в окрестностях Явино, нашли такую: «Мы никогда не будем вас мешать, который покоривший жители Японскому империи, поэтому никто не бойтесь и возвращайтесь в каждый дом. Командир японской войска *Сечи Гундзи*».)

Кузьмин, отставной унтер-офицер. Начальствуя над отрядом дружины, посаженным на шхуну «Мария», выказал отличную храбрость в явинском бою. Ружейной пулей ранен в шею.

Александр Селиванов, отставной Камчатской казачьей команды. При отличной храбрости и распорядительности принял участие в вооружённых стычках с японцами на реке Большой 15 мая, на реке Опале 6 июля и в явинском бою. На реке Большой [пошёл] в атаку японской шхуны на простом бату и лично убил из винчестера шесть японцев, защищавших шхуну ружейным огнём.

Егор Евойловский, подследственный крестьянин. Освобождённый уездным начальником из-под стражи, в составе отряда Петропавловской дружины сел на шхуну «Мария». Когда отряд дружинников, что был на шхуне, соединился с отрядом Сотникова, с опасностью для жизни произвёл подробную разведку расположения японцев в селении Явинском и на реке Озерной, участвовал в бою и лично пленил Сечи Гундзи.

Нагорный, донской казак. Командуя заставой на реке Кихчик, разбил появившихся здесь японцев, сжёг их шхуну. Убито

тринадцать человек, взято в плен двое. Лично разрубил шашкой капитана шхуны, бросившегося на него со штыком.

Моисей Юшин, тигильский казак. 13 июня был старшим на посту № 1 вблизи Петропавловского маяка. В этот день было настолько сильное землетрясение, что скала, на который стоял пост, от подземных ударов трескалась, и огромные её куски с грохотом и шумом падали в море. Люди поста не покинули до тех пор, пока не получили о сем письменного распоряжения уездного начальника.

Григорий Коллегов, священник села Большерецкого. Воодушевлял отряд Сотникова к борьбе с японскими резервистами, что засели в селении Явинском, изгнали отсюда жителей в горы и леса. 29 июня исповедовал и приобщал святых тайн весь отряд, отслужил напутственный молебен и в облачении проводил отряд за селение, осеняя его крестом до тех пор, пока отряд не скрылся из виду.

Ининарх Малахов, священник села Мильково. Участник событий 1854 г., споспешествовал дружному отклику населения долины реки Камчатки на призыв уездного начальника поголовно встать на защиту родного края от посягательства на оный японцев.

Пётр Карякин, петропавловский городской староста. Всеми зависевшими от него способами споспешествовал быстрому формированию Петропавловской дружины, её устройству в отдельном помещении, что дало возможность придать ей характер воинской части с установлением порядка внутренней службы согласно воинским уставам. Безотговорочно принял начальствование над дозором, высланным в шлюпках из Петропавловска на мыс Лопатка.

Михаил Карякин, петропавловский мещанин. Сопутствовал Векентьеву при организации камчатского ополчения. Будучи выдающимся охотником, споспешествовал первому благополучно проехать по Камчатке при весенней распутице свыше двух с половиной тысяч вёрст.

Давид Савинский, урядник Камчатской казачьей команды. При формировании Петропавловской дружины и организации поголовного ополчения страны успешно исполнял поручения уездного начальника, исполняемые при обыкновенных условиях офицерами, чем много помог общему делу.

Северин Карлсон, русскоподданный, швед по рождению. Хороший мореход и охотник, был проводником шхуны «Мария» при высадке его отряда дружинников в селение Явинское.

Гавриил Подпругин, крестьянин. Отличный знаток Камчатки. Советом и делом помогал уездному начальнику при организации застав на устьях рек.

«Кроме поименованных, — писал А. П. Сильницкий, — заслуживают, казалось бы, награды и те, которые приняли участие в стычках с японцами на реках Большой, Кихчике, Опале и в селеении Явинском. За неимением документов, каковые 18 июля сего года переданы мною Гребницкому под его расписку, я не могу из опасения впасть в ошибку поименовать отличившихся, но полагаю, что таковых найдётся не менее двадцати пяти человек».

20 апреля 1905 г. новый начальник Петропавловского уезда С. М. Лех подписал приказ № 2, которым весь уезд объявлялся находящимся на военном положении. Все пребывавшие в запасе офицеры и нижние чины призывались на действительную службу. Им следовало по «объявлению сего приказа немедленно представить свои запасные билеты местным сельским властям, в распоряжение коих они и поступят впредь до отправки на сборный пункт». Таковыми пунктами определялись: по западному берегу Камчатки — Большерецк и Тигиль, по восточному — Усть-Камчатск и Петропавловск.

Летом 1905 г. Петропавловск подвергся нападению отряда японских кораблей. 25 июля в порт зашёл пароход «Австралия», привезший почту и деньги для местного полицейского управления более двадцати девяти тысяч рублей. Эти деньги вместе с другими хранились в неогороженном ящике. Тот был опечатан, а ключ от него Лех держал при себе. На этом же пароходе прибыл теперь уже бывший начальник уезда Командорских островов Н. А. Гребницкий, «из рассказов коего стало известно, что “Австралия” на пути из Охотского моря в Петропавловск была освещена прожектором японского крейсера “Идзуми”».

30 июля с маяка был замечен силуэт какого-то судна, опознать которое из-за сильного тумана не удалось. Как известно, «в туман ни один корабль по местным условиям в бухту Петропавловска войти не может». 31 июля на горизонте обрисовались силуэты уже двух кораблей, «которые в девять часов утра, пройдя на расстояние орудийного выстрела, открыли по маяку стрельбу из пушек». Под обстрелом служители маяка разбили сейф, открыть который они не смогли, так как смотритель с ключами находился в Петропавловске, извлекли из него четыре тысячи двести рублей казённых денег и унесли их с собой. Вся сумма затем была возвращена смотрителю маяка.

Кораблями оказались японские лёгкие крейсера «Сума» и «Идзуми». «Сума» имел водоизмещение две тысячи семьсот тонн и был вооружён двадцатью двумя орудиями, «Идзуми» при водоизмещении в три тысячи тонн располагал шестнадцатью пушками. Таким образом, против незащищенного города были выставлены тридцать восемь морских орудий, из них четыре калибром в шесть дюймов (то есть сто пятьдесят два миллиметра). Численность экипажей обоих кораблей насчитывала шестьсот семьдесят пять человек и была сопоставима со всем населением порта.

«Приблизительно около десяти часов казак Крупенин, выезжавший ранее из Петропавловска на маяк и вернувшийся вследствие услышанной им пальбы обратно, доложил Леху о слышанных им выстрелах, высказав своё мнение, что этими выстрелами обстреливается маяк. Лех приказал ему “вновь отправиться и посмотреть, какое идёт судно”.

В одиннадцать часов уже на виду города показалась фигура чёрного судна. Минут пятнадцать Лех продолжал из дому разглядывать судно, флаг коего различить за десять вёрст нельзя, и стал в то же время переодеваться в лучшее платье, предполагая, что ему придётся поехать на судно.

По истечении пятнадцати минут он услышал три выстрела и заметил, что над городом пролетают снаряды. Тогда Лех пошёл в управление спасать кассу, но, придя туда, обнаружил отсутствие ключей, оставшихся дома, вероятно, в прежнем его костюме. Лех вернулся домой, взял ключи, пошёл обратно в управление, но по дороге увидел разорвавшийся близ управления снаряд, вернулся назад и, опасаясь, что в случае его смерти или плена Камчатка останется без руководителя, уехал совсем из города, бросив кассу, в коей всего было около сорока тысяч рублей, на произвол судьбы.

Здание управления было действительно повреждено впоследствии снарядами (на имеющейся фотографии на его стенах хорошо видны большие пробоины, тем не менее, оно устояло. — С. Г.), причём по уходе японцев, съезжавших на берег, оказалось, что касса разбита и сорок тысяч рублей исчезли.

За время бомбардировки помощник начальника уезда Павский, на обязанности коего было хранение и заведование кассой Командорских островов, успел прийти в управление и лично вынести лежавший на кассе управления ящик с кассой Командорских островов. То же управление за это время посетили Гребницкий и врач Тюшов, причём шкаф был тогда заперт и цел, и в управлении никого, кроме одного пьяного казака, не было.

Между прочим, ещё с апреля 1904 г. было распоряжение хранить ценности в особых помещениях, и в случае появления японцев — спасать прежде таковые».

Следствие о пропаже немалой казённой суммы после войны вёл прокурор Владивостокского окружного суда. В своём представлении в Иркутскую судебную палату он писал, что Лех был допрошен по делу, и к нему была применена «подписка о неотлучке». Велись допросы и других свидетелей событий начала августа 1905 г. Расследование тянулось на протяжении многих лет и, судя по всему, ничем не закончилось. Во всяком случае, С. М. Лех занимал должность Петропавловского уездного начальника ещё весной 1917 г. Другой фигурант по делу — Н. А. Гребницкий — скончался.

Высадившиеся в городе японцы в числе примерно двухсот человек, по словам Сильницкого, занялись охотой на пасшихся на городских улицах коров. «Коров они стреляли из ружей. Здесь же, на улице, они потрошили подстреленных коров и свеживали их мясо. Затем в сопровождении офицеров они обходили дома, где, к их чести, решительно ничего не тронули...»

1 августа японские корабли покинули Авачинскую губу и ушли на Командоры. Во время обстрела в городе было повреждено здание уездного управления, несколько частных домов и деревянная часовня на братской могиле защитников города в 1854 г.

В 1905 г. японцы высаживали десанты в районе селения Карага (здесь они потеряли три десятка человек, спаслось на шхуне только пятеро), у селений Жупаново, Воровское, Коль, Озерное (восточное), на остров Медный. Везде местные ополченцы отразили набеги с потерями для врага. После оставления Петропавловска японские крейсера отправились на Командоры, 3 августа 1905 г. высадились на остров Беринга и даже подняли свой флаг. Вскоре, забрав оружие и часть казённого снабжения, спустив флаг, корабли ушли. 21 августа на остров Беринга прибыл японский отряд с подошедших хищнических шхун, пришедших «сторожить побережье», то есть котиковые лежбища. 23 августа он был полностью уничтожен местными жителями. По стечению обстоятельств, именно в этот день между Россией и Японией был заключён мирный договор.

О боевых эпизодах 1905 г. мы можем узнать из списка членов Петропавловской дружины, представленных к наградам за выказанные ими отличия.

Николай Горбунов. Был старшим в экспедиции, отправленной для охраны восточного побережья Камчатки от Петропавловского

маяка до реки Жупановой, где и разбил японских хищников и уничтожил их шхуну.

Прохор Копылов, Илья Третьяков. Участвовали в экспедиции по охране восточного побережья Камчатки в 1904 г., а в 1905 г. также были в экспедиции с Горбуновым и участвовали в разбитии японцев, кроме того, Копылов был под японскими выстрелами и простоял на посту на Мишенной горе целые сутки.

Александр Черных. При бомбардировании японцами Петропавловска, будучи назначен для отнosa канцелярии штаба обороны, при исполнении сего был контужен в голову, кроме того, участвовал в экспедиции с Горбуновым и был при разбитии на реке Жупановой японцев.

Моисей Юшин. Под японскими выстрелами вынес из Петропавловска казённую кассу.

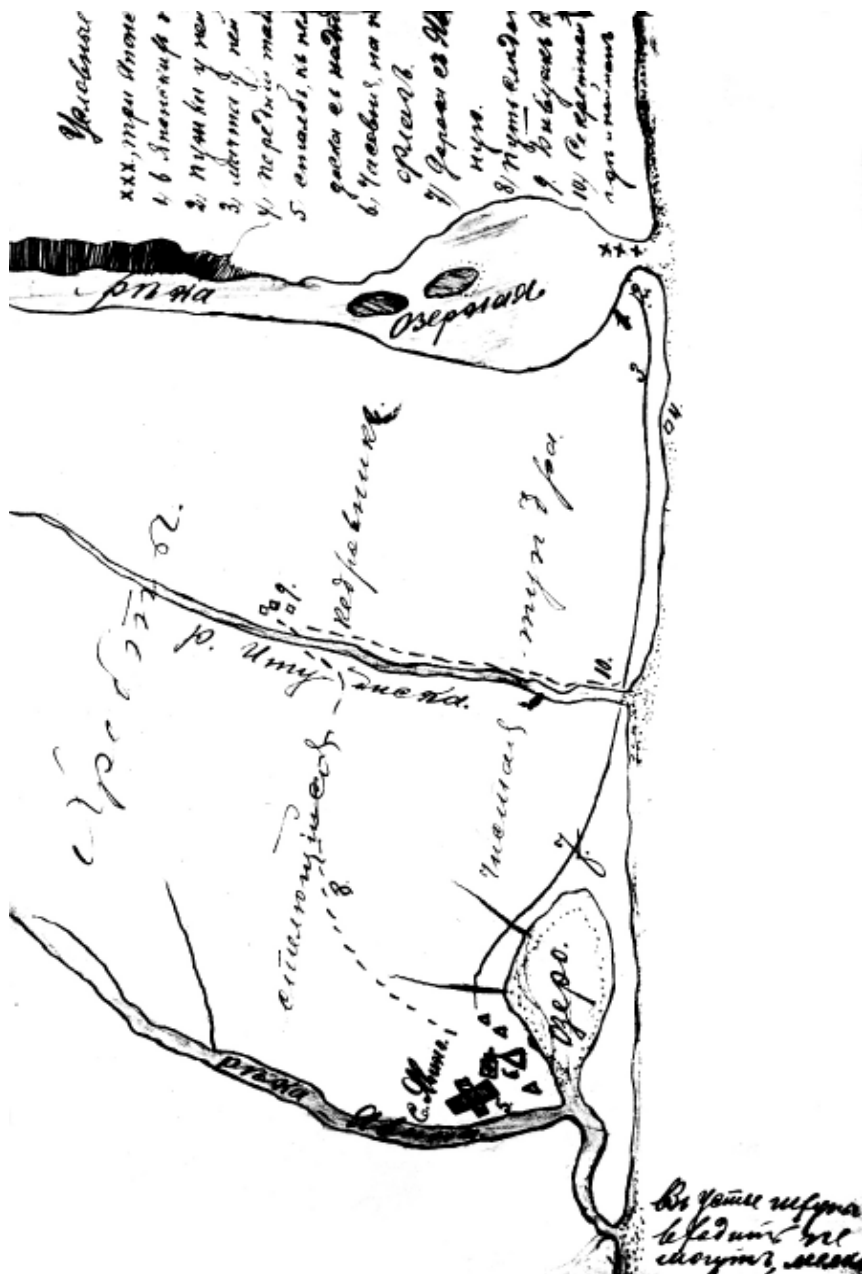
Николай Конев, Василий Принизин. Под японскими выстрелами вынесли из Петропавловска казённую пушнину.

Николай Киренский. Под японскими выстрелами вынес из Петропавловска дела штаба обороны.

Алексей Помазкин. Оставался всё время под выстрелами на своём посту у порохового погреба до высадки японцами на берег десанта.

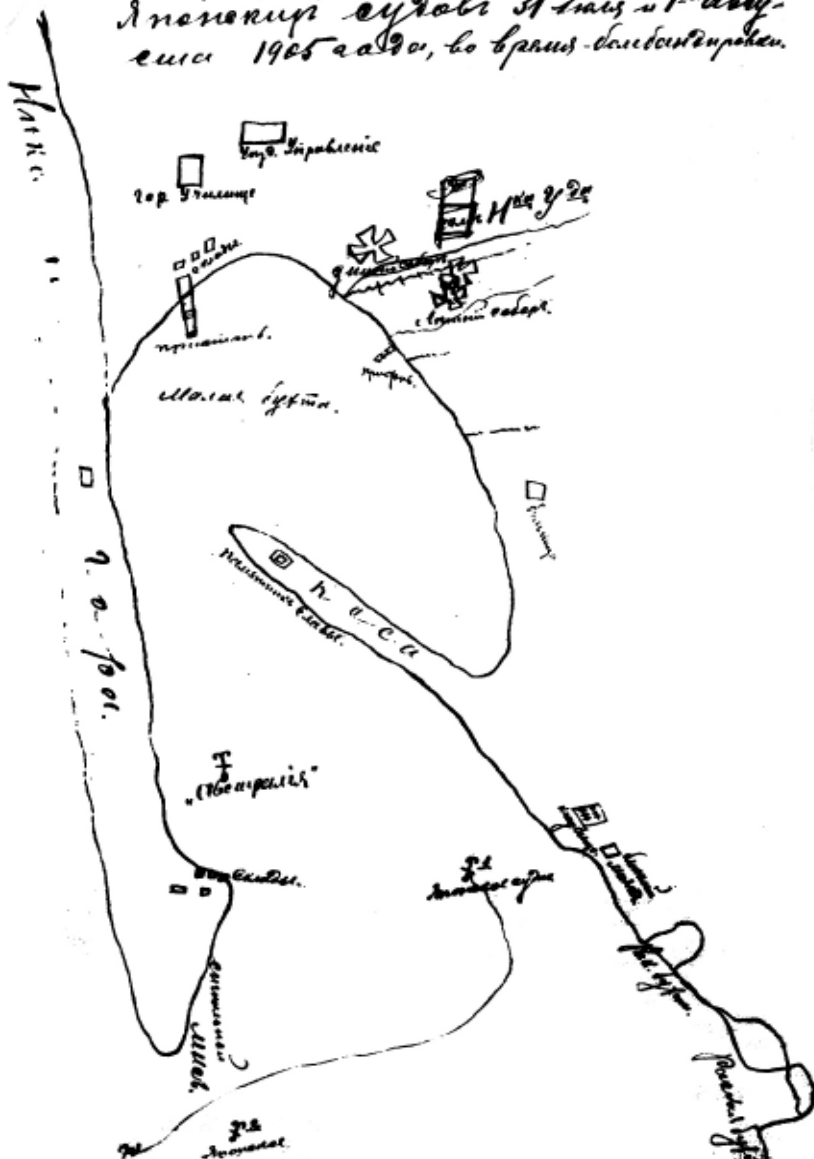
Николай Шестаков, Фёдор Калинда, Иннокентий Григорьев, Егор Крупенин, Иван Селиванов, Иван Косыгин. Участники экспедиции с Горбуновым и были в бою с японцами на реке Жупановой.

Общее число камчатских ополченцев в годы русско-японской войны оценивается в пределах от пятисот до восьмисот человек. До нас дошли не все их имена. В список дружинников, проживавших в 3-м стане Петропавловского уезда, получивших за войну медали, включены девяносто два человека. Это жители селений Кихчик, Воровское, Облуковино, Колшаково, Крутогорово, Коль, Утка, Большерецк, Апача, Ганалы, Малка, Явино, Голыгино. «Список выдающихся лиц при отражении японцев на острове Медном в 1904—1906 гг.», составленный старшим надзирателем за лежбищами острова Медный Лукиным-Федотовым, возглавил Игнат Бадаев, сельский староста, старший охранный и временно исполняющий должность младшего надзирателя. Далее следовали старшие охранники А. Зайков, Поликарп и Павел Хабаровы, М. Снигирёв, Р. и И. Хабаровы, Н. Печенков, И. и С. Сушковы, Л. Бадаев, В. Юрьев, К. Ладыгин. «Все вышеупомянутые лица, будучи старшинами по караулам острова Медный и старшинами отдельных отрядов, служили примером для остальных в течение трёх лет».

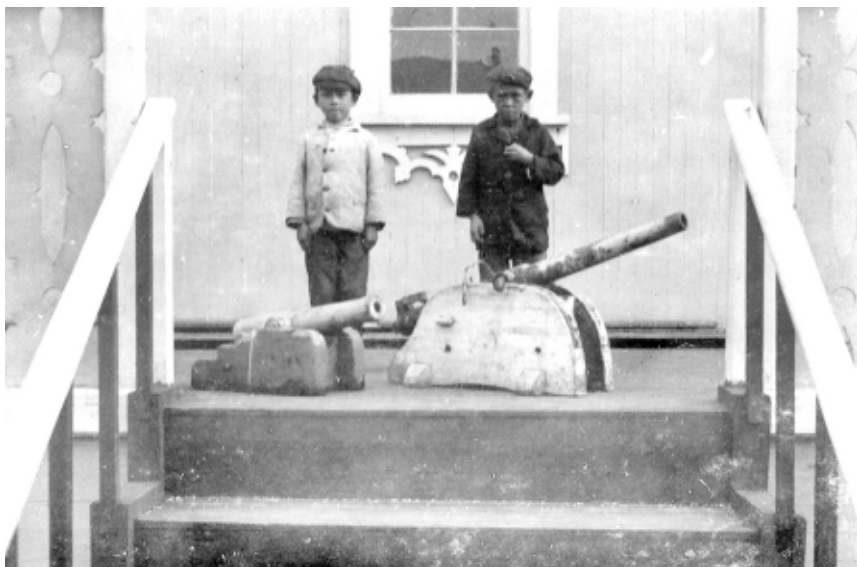

План Явинского селения, 1904 г. (из фондов ККОМ)

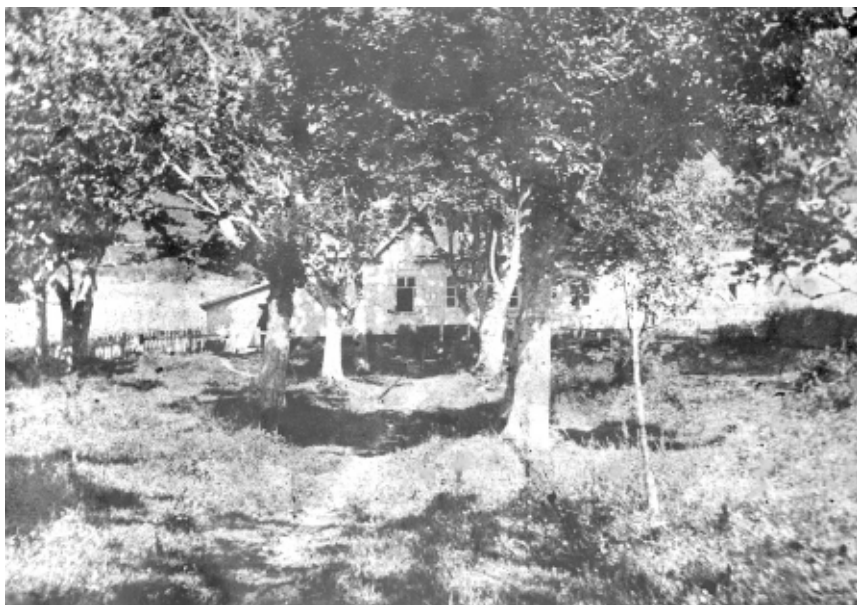
Крѣпкі чертежи гавани пор-
Петропавловска и Столби
и поперек судов 31 мая и 1го авгу-
ста 1905 года, во время бомбардировки.

План Петропавловского порта, август 1905 г. (из фондов ККОМ)

Остров Беринга. Пушки, отбитые у японских хищников, 1905 г.

Дом начальника Петропавловского уезда, начало XX в.

Магазин Камчатского торгово-промышленного общества
в Петропавловске, начало XX в.

Повреждённое при обстреле здание Петропавловского окружного
управления, 1905 г. (все фотографии из фондов ККОМ)

Позже И. Бадаев, Е. Григорьев, П. Хабаров, И. Сушков были награждены знаками отличия Военного ордена 4-й степени, то есть, попросту, Георгиевскими крестами. Известны их номера — с 169 572 по 169 575. Ещё шестьдесят патриотов отмечены медалями с надписью «За храбрость» для ношения на Георгиевской ленте.

Нападение на Петропавловск стало одним из последних эпизодов неудачной для России войны. Уже 25 мая 1905 г. Россия приняла предложение президента США Теодора Рузвельта об организации мирной конференции, к проведению которой стремилась истощённая боевыми действиями Япония. 9 августа в США в Портсмуте начались переговоры между воюющими сторонами, завершившиеся 23 августа 1905 г. подписанием мирного договора. Взять Камчатку военной силой не удалось. Отныне японцы будут завоёвывать её экономически, и к началу 1920-х гг. весьма преуспеют в этом...

Спустя десятилетие, к 1914 г. в городе произошли разительные перемены. Теперь он стал областным центром и местом размещения резиденции губернатора. Заметно выросла численность населения, увеличилось количество зданий, появились элементы городского благоустройства. Улучшилась связь с материком и населёнными пунктами самого полуострова: заработали телеграф и радиостанция, многократно возросло количество паромных рейсов вдоль побережья и до Владивостока. На умы жителей воздействовало и первое местное «средство массовой информации» — газета «Камчатский листок».

Несмотря на то, что Портсмутский договор запрещал держать на Камчатке вооружённые силы, в Петропавловске уже несколько лет имелось небольшое подразделение, именовавшееся «жандармской командой», которая, по сути, являлась обычной воинской частью.

Летом 1914 г. в Европе вспыхнул пожар войны, вскоре ставшей мировой. События здесь разворачивались следующим образом. 15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 17 июля Россия, издавна поддерживавшая братскую славянскую православную страну, начала всеобщую мобилизацию. Спустя два дня — 19 августа — Германия объявила войну России. 4 августа русские армии Северо-Западного фронта перешли в наступление в Восточной Пруссии, а на следующий день Юго-Западный фронт атаковал австро-венгерские войска в Галиции.

Главный противник России — Германия — имела на Дальнем Востоке военные базы. В ходе подготовки к войне она развернула в портах своих колоний, в том числе и в Китае, крейсерские эскадры,

способные перерезать морские коммуникации противника и тем самым затруднить снабжение его войск, предприятий и населения. Одно из таких соединений под флагом адмирала графа Шпее базировалось в Циндао — административном центре арендованной Германией китайской территории Киао-Чао. Местом действия этой эскадры определены южная часть Тихого океана и Индийский океан. В её состав, кроме прочих кораблей, входил броненосный крейсер «Гнейзенау».

В течение первой недели августа 1914 г. в Петропавловске чувствовалось большое напряжение. Патриотический подъём, сопровождавший известие о начале войны, сменился тревожным ожиданием.

31 июля камчатский губернатор Н. В. Мономахов получил телеграмму из Хабаровска от приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, извещающую о том, что «по имеющимся сведениям, германский крейсер “Гнейзенау” пошёл на Камчатку». 1 августа Мономахов обратился к населению города. «Мною... получено известие, что германский крейсер “Гнейзенау” направляется к берегам Камчатки. Следует думать, что он придёт в Петропавловск, может быть, завтра или послезавтра. Так как мы находимся в войне с Германией, то считаю необходимым предупредить население, что со стороны вражеского судна могут быть предприняты против Петропавловска и его населения те или иные насильственные действия: насилия против личности, расхищение имущества, убой скота и тому подобное.

Предупреждая население о вышеизложенном, рекомендую жителям Петропавловска теперь же озаботиться о вывозе из Петропавловска в селения Завойко (ныне город Елизово. — С. Г.), Паратунка и другие места женщин, детей, а также того имущества, которое они пожелают сохранить.

На случай, если для охраны порядка или для действия против неприятеля будет сформирован отряд добровольцев, предлагается лицам, желающим вступить в состав этого отряда, теперь же заявить о своём желании начальнику камчатской жандармской команды ротмистру К. Н. Бологовскому.

Уверен, что население города Петропавловска сохранит полный порядок и будет в точности исполнять указания тех лиц, которым мною поручены будут все действия и распоряжения, связанные с приходом неприятельского корабля».

Велика ли была вероятность нападения германского рейдера на столь отдалённый российский порт, которым являлся Петро-

павловск? Здесь не было ни военно-морской базы, ни развитого портового хозяйства, ни сколько-нибудь существенного грузооборота. Более вероятным представлялся набег на Владивосток, который, ввиду наличия железной дороги, соединявшей его с Центральной Россией, мог быть и позже был использован для поставок продовольствия и военных грузов от союзников: Англии, США и Японии.

Тем не менее, меры безопасности были приняты. Впрочем, они, как и в 1904—1905 гг., могли быть сведены лишь к удалению из города мирного населения, казённых денег и бумаг, да к прекращению работы маяка.

2 августа губернатор приказал его смотрителю Лосеву погасить маячный и створные огни и не зажигать их «впредь до особого моего распоряжения». Это должно было затруднить неприятельскому крейсеру обнаружение входа в Авачинскую губу.

Для вывоза населения использовались плавучие средства, имевшиеся в порту, в том числе катера, принадлежавшие местному агентству Добровольного флота и областной администрации. Об этом свидетельствует заявление некоего гражданина Лунёва об уплате ему сорока рублей, причитавшихся «за работу на катере во время эвакуирования жителей города Петропавловска по случаю предполагаемого прибытия германского крейсера в августе месяце 1914 г.», поданное в областной Совет 26 мая 1918 г., то есть спустя почти четыре года после событий. Эту сумму по просьбе Лунёва передали на благотворительные нужды.

4 августа 1914 г. Н. В. Мономахов сообщал в Хабаровск генерал-губернатору о том, что он, «принимая во внимание полную незащищённость города», распорядился вывезти из Петропавловска в селение Завойко областное казначейство и важнейшее дело-производство казённых учреждений, удалить женщин и детей, «что уже исполнено». «В дальнейшем буду руководствоваться долгом присяги... приму меры подготовки соответственно местным условиям, имеющимся в моём распоряжении средствам. Прошу указаний, должна ли жандармская команда оказывать врагу родины вооружённое сопротивление всеми имеющимися средствами?»

Ответ пришёл 6 августа. Действия губернатора были одобрены. «Примите все меры к охране на новом месте перенесённых денежных сумм и ценностей. При нападении врага, конечно, его надо отражать всем, чем только возможно. Камчатке не впервые меряться силами с неприятелем, и она знает, как его надо встречать».

Основной силой, которую можно было выставить против возможного десанта, была жандармская команда. Правда, её командир ротмистр К. Н. Бологовский докладывал губернатору, что она «по своему состоянию вряд ли может оказать серьёзное сопротивление неприятелю». Кроме того, ротмистр сообщил, что перед отправкой команды на Камчатку он получил от генерал-губернатора разъяснения о том, «что в силу политических договоров на обязанности камчатской жандармской команды лежит только чисто полицейская служба, то есть охрана внутреннего порядка и спокойствия». Естественно, что последнее можно было отнести только к мирному времени. Телеграмма Гондатти снимала все сомнения в части использования команды.

Мономахов отдал Бологовскому следующий приказ: «Сообщая вам взгляд главного начальника края (имеется в виду генерал-губернатор Гондатти. — С. Г.) на государственную обязанность не только жандармской команды, которая по существу своему является воинской частью, но и обязанности каждого истинного сына родины, вполне разделяемый мною, предлагаю вам принять меры к тому, чтобы вверенная вам команда была бы в полном своём составе наготове на защиту русской территории в случае нападения врага. Кроме того, я считаю безусловно необходимым, чтобы в помощь вашей команде на время военных действий вы сформировали бы из местных жителей вольную дружину, которая, находясь всецело в вашем распоряжении, могла бы в случае надобности оказать поддержку жандармской команде и надлежащий отпор врагу».

Отпор давать не пришлось. Вскоре Мономахов обратился к населению города со следующим посланием: «ввиду изменившегося положения на театре военных действий, возможность прихода какого-либо германского военного корабля в город Петропавловск стала маловероятной. Поэтому жители, выбывшие из города ввиду могущей быть опасности от вражеского нападения, могут спокойно возвратиться к своим мирным занятиям».

Знаком уменьшившегося напряжения стал вновь заработавший маяк. 7 августа последовало распоряжение губернатора его смотрителю: «Предлагаю вам с сегодняшнего дня маячный и створный огни зажигать вновь. Убранные по моему распоряжению створные знаки сегодня восстанавливаются».

Что же произошло? В противостояние великих держав, основным театром которого являлась Европа, включилась Япония. 2 августа она, формально выступившая на стороне Англии, Франции и России, но преследовавшая собственные цели расширения влияния

в Юго-Восточной Азии, предъявила Германии ультиматум. В нём содержалось требование немедленно удалить её корабли из японских и китайских вод и передать Японии не позднее 2 сентября без всяких условий и компенсаций территорию Киао-Чао.

10 августа Япония объявила Германии войну. К концу осени после упорных боёв она захватила Циндао и германские колонии — Марианские, Каролинские и Маршалловы острова. На этом её участие в войне и завершилось. Германский флот из Тихого океана был устранён.

О том, какую опасность для русских мог представлять вражеский рейдер, говорит вот такой факт. 28 октября 1914 г. лёгкий крейсер «Эмден», входивший в ту же эскадру, что и «Гнейзенау», внезапно атаковал в порту Пенанг на острове Цейлон крейсер «Жемчуг», действовавший вместе с британским флотом. Русский корабль был уничтожен торпедами и артиллерией в течение всего лишь нескольких минут. На нём погибли восемьдесят два и получили ранения сто пятнадцать моряков...

Дальнейший ход Первой мировой войны непосредственно Петропавловск не затронул. Но камчатская общественность не осталась в стороне от драматических событий, разыгрывавшихся на фронтах. Своеобразным связующим центром её помощи российскому воинству стала редакция газеты «Камчатский листок». Население города и окрестностей, а также приезжие охотно жертвовали сюда денежные суммы, продукты, одежду и различные принадлежности. Об этом часто сообщала газетная рубрика «Солдату в окопы».

Только за первую неделю ноября 1916 г. в редакцию обратились О. М. Головки и Абрамов, которые передали пять пар перчаток, тридцать семь фунтов махорки, десять книжек курительной бумаги, рубашку, пару кальсон и полотенце. Рыбаки, работавшие на промысле Е. А. Колмакова: русские — Минаев, Винокуров, Корчевой и японцы — Фузита, Ивасаки, Маеда, Хисинума, Хамано, Ивасаки, Миязаки, Кудо и Окичи — пожертвовали двадцать пять рублей. Это вместе с ранее поступившими деньгами составило семьдесят два рубля. Секретари японского консульства Огата и Этоо передали союзникам тридцать фунтов махорки.

Пожертвования сдавались и в губернскую канцелярию. Так, в октябре 1916 г. рыбопромышленник Ф. П. Татаренко представил сюда для отправки на фронт два с половиной пуда махорки, более пятисот книжек папиросной бумаги, тридцать трубок и два десятка

тёплых вещей. «Согласно просьбе жертвователя, половину пожертвованного его превосходительство приказал отправить в кубанский казачий полк, а вторая половина... будет отправлена на Карпаты пулемётной команде. За столь щедрое пожертвование нашим солдатам господином губернатором выражена Ф. П. Татаренко благодарность».

Более крупные пожертвования можно было собрать, устроив благотворительные вечера. Один из них состоялся 26 ноября, в Георгиевский день. В театре «Имени С. М. и Н. В. Мономаховых» (названном так в честь супруги губернатора, считавшей себя актрисой, и его самого, слывшего большим театралом) прошло «грандиозное кабаре», весь сбор от которого поступил в пользу семейств георгиевских кавалеров.

Под самый занавес относительно благополучного для империи 1916 г., 31 декабря, было опубликовано проникновенное «Открытое письмо петропавловцам», отражавшее чувства и чаяния многих горожан, особенно тех, чьи близкие находились в действующей армии. «Чем ночь темнее — тем ярче звёзды. Так и на мрачном фоне потрясающих бедствий и страданий, вызываемых войною, с особенной яркостью вырисовываются подвиги героизма, как отдельных лиц, так и всего русского народа. Этот общий подъём духа с особой яркостью сказывается нынешними рождественскими праздниками и у нас на далёкой неприветливой Камчатке, и в нашем Петропавловске. Здесь, вне смертоносной полосы, здесь, где почти не изменилось течение мирной жизни, почти всё личное отошло на второй план.

На первом месте во всех слоях общества, у богатых и у бедняков, одна преобладающая мысль, одно желание — помочь, облегчить великий подвиг наших воинов, дать им хоть маленькую радость, согреть зябнущих, помочь больным и раненым. В особенности ярко сказалось это в наших петропавловских школах, где дети все свои сборы со спектаклей решили отдать в пользу раненых и на подарки солдатам, отказавшись от личного удовольствия — от ёлок. А взрослые так сочувственно отнеслись к их чистому порыву, что совершенно не обращали внимания на дефекты их представлений, ободряли аплодисментами и дали прекрасные сборы в пользу наших серых героев (одетых в серые шинели. — С. Г.). Да хранит всех вас господь!

Война творит зло и ужасы без счёта, но война же открывает безграничные возможности подвигов деятельного человеколюбия. И в этом сознании, и в осуществлении лежащего на всех нас нрав-

ственного долга — источник той силы, которая поможет нам пережить обрушившиеся на нас испытания. А им — серым миллионам, разбросанным на тысячи вёрст, и сегодня, как и вчера, выходящим то здесь, то там на смертный бой — им, встречающим великий праздник в окопах за сотни и тысячи вёрст от родного дома, от семьи и друзей, — да поможет бог. И пусть светлые и мирные образы великого сказания о рождении спасителя мира волеют отраду и утешение в их усталые и измученные сердца».

Сбор пожертвований для армии продолжился и в 1917 г. Так, в июле моряки пароходов Добровольного флота «Тобольск» и «Ставрополь» вместе с горожанами собрали сто шестьдесят пять рублей и пятьдесят копеек «на нужды войны в распоряжение военного министра Керенского».

Часть камчатцев призвали на службу. 4 июля 1917 г. на пароходе «Тверь», ушедшем во Владивосток, в действующую армию выехал бывший вице-губернатор области А. Г. Чаплинский. 9 июля на пароходе «Астрахань» отправились ещё свыше пятидесяти мобилизованных.

При областном комитете, сменившим после отречения императора Николая II губернаторскую администрацию, действовал особый комитет «по предоставлению отсрочек военнообязанным от призыва в войска». 15 июня 1917 г. он рассматривал отношение агента Добровольного флота Н. Д. Голубецкого о предоставлении отсрочки «пакгаузному агентству Артюхину и его помощнику Коредясову, как служащим пароходного предприятия, работающего на оборону государства». Артюхину, отвечавшему за грузы, состояние причала, оформление прихода и отхода пароходов, «на должность которого на месте подыскать заместителя трудно», отсрочка предоставлялась с 1 августа с тем, чтобы агентство смогло подыскать ему замену (этого, впрочем, не произошло, и впоследствии В. И. Артюхин играл заметную роль в общественной жизни города, будучи гласным городской думы). Коредясову же было отказано ввиду того, что «на его место может быть допущен без ущерба каждый, без всякой подготовки».

13 сентября из Петропавловска ушёл пароход «Симферополь», на котором в действующую армию отправились двадцать пять солдат местной команды. Через газету они благодарили своего бывшего командира: «Отъезжая на пароходе “Симферополь” приносим искреннюю благодарность начальнику местной команды ротмистру В. А. Иеропесу за хорошее отношение к нам, солдатам местной команды, который всегда входил в наши нужды».

В сентябре 1917 г. казаки-фронтовики, служившие в 44-м пехотном Камчатском полку, обращались с «великой просьбой... ко всем нашим землякам-камчадалам — высылать нашу родную газету “Камчатский листок”. Нам так страстно хочется знать, что делается в настоящее время на нашей Камчатке в дни переустройства всей нашей жизни. Письма мы получаем очень редко, которые идут до нас три-четыре месяца. Если найдёте возможным удовлетворить нашу просьбу, то вышлите, начиная с начала текущего года. Будем надеяться, что земляки не откажут нам». Письмо подписали казаки Нестор Толстухин, Феодосий Павлов и Михаил Помазкин.

В октябре 1917 г. Союз рабочих Петропавловска, в основном объединявший портовых грузчиков, выступил с обращением: «Товарищи рабочие! В армии нет хлеба и одежды! Придём же мы на помощь и понесём трудовые наши копейки тем, кто грудью защищает свободу, равенство, братство. Докажем, что и камчатская рабочая организация готова в трудную минуту поддержать доблестных борцов за свободу. Это наш долг!!!»

Особая комиссия по проверке правильности получения пайкового довольствия семьями мобилизованных воинов просила имевших какие-либо претензии заявить об этом.

3 ноября 1917 г. в редакцию «Камчатского листка» на нужды воинов и народа пришли сто шестьдесят рублей от рыбаков Большерецка и отдельных лиц, всего двести восемь рублей двадцать пять копеек. Деньги переданы для отправки по назначению казначею областного комитета В. Д. Богомолу. Гражданин Шевченко пожертвовал на нужды армии и народа две своих бронзовые медали и серебряный Георгиевский крест.

Была у войны и такая сторона, как использование на хозяйственных работах военнопленных. В октябре 1917 г. областной комитет решил обратиться к краевому комиссару Временного правительства Русанову с ходатайством о присылке на Камчатку в следующем 1918 г. партии из двух сотен пленников, которых здесь намеревались использовать на строительстве дорог. Впрочем, этот замысел не осуществился...

Будни и праздники нашего города. Год 1916-й

В последние годы мы являемся свидетелями пробуждения интереса наших земляков к истории Камчатки и её административного, хозяйственного и культурного центра — Петропавловска-

на-Камчатке, так он тогда официально назывался. Любопытнейшим временем в его истории являются отстоящие от нас уже на целое столетие первые два десятилетия XX в. Тогда городская жизнь претерпевала серьёзные изменения.

Определённые выводы из недавней войны с Японией были сделаны. В 1909 г. Камчатка выделена в отдельную область с губернаторским правлением, в Петропавловске установлена мощная и одна из самых совершенных на то время в мире радиостанция, учащены пароходные рейсы по так называемым «Северным линиям», по территории полуострова проложен телефон и телеграф, льготы стали привлекаться отечественные промышленники.

В 1916 г. в городе имелась электростанция на постоянном токе, обеспечивавшая энергией казённые здания и городской театр с кинематографом-иллюзионом, возникла первая частная типография, началась планомерная застройка территории, появились зачатки городского благоустройства. Можно было позвонить по телефону в городские учреждения, например, по номеру 16-му в газетную редакцию и типографию, или по 22-му — в губернскую канцелярию, и даже связаться с селениями Пушино, Начики, Мильково, Ганалы, Завойко.

К сожалению, мы располагаем ограниченным числом источников, проливающих свет на жизнь города в это время. Один из них — газета «Камчатский листок», первый номер которой увидел свет в мае 1914 г. Печаталась она в частной типографии М. М. Пономарёва и выходила до начала 1918 г., а затем некоторое время в 1922 г. Газета действительно представляла собой листок бумаги писчего формата, запечатанный с обеих сторон довольно крупным текстом. На её страницах отражались как местные новости, так и получаемые по телеграфу сообщения о событиях в материковой России и за рубежом. «Камчатский листок» содержит множество любопытных сведений из городской жизни, отражавших её сложности, надежды и разочарования. Часть их покажется современному читателю смешной и наивной, а в некоторых он увидит близкое сходство с нашим теперешним бытием, что ещё раз подтверждает старую истину, что всё течёт, но ничего не меняется.

Даты публикаций указаны по старому стилю.

7 апреля заседала «Комиссия по надзору за ходом торговли в Петропавловске». Присутствовали: председатель комиссии статский советник магистр ветеринарии С. А. Грюнер, постоянные члены комиссии П. П. Рубецкий и К. И. Кодылев, приглашённые лица —

агент Добровольного флота Н. Д. Голубецкий, представители фирмы «Чурин и Ко» Г. П. Дьяконов и И. Д. Тимофеев.

Рассмотрено заявление торгового дома о временном утверждении цен на полученные с пароходом «Колыма» продукты, на которые в последнее время наблюдался значительный спрос. Назначенные найдены приемлемыми, решено просить губернатора временно утвердить следующие цены: мука первого сорта за пуд — четыре рубля восемьдесят пять копеек, мука ржаная за пуд — три рубля двадцать копеек, сахар пилёный за фунт — двадцать семь копеек, сало топлёное за фунт — сорок копеек.

Ввиду незначительного количества привёзенного сахара (всего сто пудов) постановлено просить разрешения губернатора отпустить его только по запискам комиссии и не более десяти фунтов на семью в неделю.

29 апреля «Комиссия по надзору...» рассматривала цену на мясо, два дня назад привезённое из селения Завойко П. А. Машихиным. Оно стоило восемьдесят три рубля девяносто пять копеек. «По заявлению господина Машихина, мясо весит шесть пудов. Стоимость одного фунта равняется тридцать пять копеек. Комиссия полагает, что мясо может продаваться по тридцать восемь копеек за фунт, принимая во внимание нормальную прибыль в десять процентов. Господин Машихин, не соглашаясь с этим расчётом, указал, что при продаже розничной будет провесу на пуд — два фунта. Кроме того, заявил, что у него нет помещения и человека для продажи мяса, и поэтому просит назначить продажную цену на мясо по сорок три копейки за фунт».

Точку в этом деле поставил целый камер-юнкер двора его императорского величества действительный статский советник вице-губернатор А. Г. Чаплинский, наложив на обращение комиссии резолюцию: «Разрешаю полученное мясо продавать по сорок копеек и прошу наблюдать, чтобы подвоз мяса не прекращался по мере надобности».

В городе в то время торговали: Чурин, Лазарев, Сунь Ин Тунь, Деушев, Огородников, Конев, Соколов, Гайдамак, Лю Тин Цзинь, Ван Чхи, Део Ши Тань, Юн Фун Тань, Чжан Гон Шуй, Чжан Гуан-дзе, Кун Чжо-улинь, Яков Ни, Поверников.

1 мая, в воскресенье, в театре имени С. М. и Н. В. Мономаховых состоялся «иллюзион», то есть киносеанс, на котором впервые показана картина «Виды Аляски, Чукотского побережья, Камчатки и города Петропавловска». Её привёз из Америки торговец О. Свенсон, утверждавший, что она «в Америке делала колоссаль-

ные сборы». Все полученные деньги решено передать в пользу больных и раненых воинов шедшей мировой войны. Начало сеанса в девять часов вечера, билеты продавались в кассе театра.

10 июня канцелярия камчатского губернатора объявила о желании сдать в аренду паровой катер «Губернатор Перфильев», названный так в честь предыдущего руководителя области. Об условиях аренды просили справляться ежедневно в присутственные часы.

16 июля опубликовано обязательное постановление приамурского генерал-губернатора о запрете домашнего приготовления спиртных напитков. Оно распространено и на Камчатскую область.

10 сентября по радиотелеграфу пришло известие о выходе из Владивостока в Петропавловск парохода Добровольного флота «Эривань».

Кстати сказать, ещё летом прошлого года начальник Приамурского почтово-телеграфного округа доложил генерал-губернатору Н. Л. Гондатти о том, что одна из самых мощных в мире радиотелеграфных станций Петропавловска-на-Камчатке установила непосредственный обмен телеграммами с японским городом Очиши на острове Иезо.

В одиннадцать утра в Петропавловск вернулся пароход Добровольного флота «Ставрополь».

11 сентября в час дня «Ставрополь» отправился во Владивосток. Пришло известие, что яхта (особое разъездное судно) камчатского губернатора «Адмирал Завойко» ввиду сильного шторма принуждена была уйти отстаиваться во Второй Курильский пролив. После возвращения в Петропавловск бывшие на ней рассказывали, что 10-го числа у мыса Имайзаки на берег штормом выброшен большой японский пароход общества «Ниппон-Кузен-Кайша».

15 сентября, в четверг, в иллюзионе прошёл первый детский кинопоказ. «Детвора стремилась к театру далеко ещё до начала сеанса. Жаль только, что не все дети были». Звучали пожелания начинать детские сеансы пораньше, ибо этот окончился в восьмом часу вечера, и ребятишек разносили по домам уснувшими. «По слухам, дирекция нашего театра будет устраивать два детских иллюзиона в месяц».

17 сентября яхта «Адмирал Завойко» вернулась в Петропавловск из селения Голыгино. На ней прибыл исполняющий должность врачебного инспектора П. И. Рубецкий.

19 сентября в одиннадцать утра из Владивостока пришёл пароход Добровольного флота «Эривань». На нём вернулись прокурор окружного суда В. И. Головченко, помощник начальника

Петропавловского уезда А. М. Пименов, заведующий Петропавловской сельскохозяйственной фермой И. Ф. Голованов, помощник начальника Гижигинского уезда Н. В. Гантимуров, учитель П. Я. Сусляк и другие.

18 сентября, в воскресенье, в Петропавловск доставлено тело утонувшего в Халактырском озере кочегара «Адмирала Завойко» Янгеленко.

Стало известно, что последний сильный шторм от 10-го числа выбросил на берег в двенадцати верстах севернее устья реки Большой ещё один японский пароход. Также пришли сообщения, что кроме двух выше помянутых судов на суше оказались и ещё несколько шхун.

23 сентября, в пятницу, губернатор Камчатской области получил сведения о том, что у селения Соловарни (Соловарки) прибило к берегу японскую шхуну «Хонго-мару» с тридцатью рабочими. «Тот час же его превосходительством было отдано распоряжение о спасении этой шхуны и снятии с неё рабочих и груза». На спасение из порта вышел катер «Губернатор Перфильев». На следующий день около часу дня он привёл на буксире пострадавшее судно в ковш.

24 сентября губернатор Н. В. Мономахов лично посетил эту шхуну, распорядился немедленно передать с неё людей и груз на пароход Добровольного флота «Тобольск». «Хонго-мару» носило в океане больше месяца, пока, наконец, штормом не прибило к камчатскому берегу.

1 октября уточнено, что выброшенный 10 сентября на берег в районе устья реки Большой наполовину загруженный японский пароход называется «Михо-мару». Он стоит на ровном киле.

2 октября ночью «неизвестными злоумышленниками» произведено дерзкое, возмутительное преступление. Убит мальчик — ученик высшего городского училища Терентий Дергач. Его тело под мостом за озером нашёл И. Новограбленов. «К розыску злоумышленников приняты энергичные меры».

Около двенадцати дня обнаружилось, что кто-то пустил «пал» у подножия Мишенной сопки, «каковой может угрожать, если не городу, то, вполне возможно, что ферме». Были приняты меры, как к тушению, так и «к недопущению разыграться в стихийное бедствие. Немедленно были отправлены на место пожарища наличие свободных казаков, жандармы в количестве двадцати человек. Китайское население отправило от себя до пятидесяти человек. Руководство над китайцами на месте пожара было поручено господину

Лю Тин Цзину, который с возложенной на него задачей справился вполне».

Жители Сероглазки, «как один человек», высыпали по дороге от Сероглазки на ферму и работали под руководством начальника Петропавловского уезда С. М. Леха. «На борьбу с огнём из Сероглазки вышла и Акулина Дьячкова с метлою в компании нескольких мужчин и принимала деятельное участие».

Причину возникновения пожара не выяснили. «При сухой траве легко предположить случайность от брошенной папироски или спички».

Между прочим, для борьбы с огнём в городе имелась особая сила. О ней ниже.

4 октября прибывшая вечером в воскресенье, 2 октября, «Эривань» ушла во Владивосток. На судне уехал управляющий Петропавловской таможенной заставой К. И. Кодылев.

5 октября городская управа приступила к благоустройству. Отдано распоряжение об установке «на первое время» тридцати фонарей, уже исправлены мосты, по которым в последнее время ездить было рискованно. «Заодно не мешало бы убрать опасные постройки с Главной улицы: дом, находящийся против агентства Добровольного флота, и очень древний сарай, ещё времён Камчатского торгово-промышленного общества», что стоял напротив магазина купца Г. Л. Лазарева.

9 октября в здании Петропавловского вольно-пожарного городского общества состоялся аукционный торг части его имущества: стол, кухонная и столовая посуда, граммофон, зеркало, краснакапельные фонари и прочее.

Общество, учреждённое шесть лет назад (устав утверждён губернатором В. В. Перфильевым 7 апреля 1910 г.), имело целью тушение пожаров и «вообще противодействия пожарным бедствиям в пределах города Петропавловска». Для этого ему, в частности, предоставлено право содержать пожарную дружину и наёмных трубочистов. Похоже на анекдот, но в конце года вольно-пожарное общество взяло, да и сгорело, конечно, не само, а его здание.

Поздно вечером в Асачу ушла яхта камчатского губернатора «Адмирал Завойко», на которой выехала приехавшая из Петрограда экспедиция во главе с С. В. Керцели. Она направлялась в Асачинский соболиный заповедник, где обнаружили следы браконьерской деятельности.

11 октября нижние чины местной жандармской команды нашли за Петровской сопкой корейскую фанзу. Здесь обнаружен целый

«завод» для изготовления корейской водки «сули». Фанза, десять ведер «сули», котлы и все принадлежности для изготовления спиртного уничтожены. К розыску хозяев этого заведения снова «приняты самые энергичные меры».

Дорога от лавки фирмы «Чурин и Ко» к Култучному озеру после ненастных дней стала совсем непролазной. «Об этой дороге уже много раз писалось, и, увы, всё напрасно. Чтобы пройти к второклассному церковному училищу, необходимо запастись охотничьими сапогами, так как без них ни проехать, ни пройти нельзя. А ведь сделать маленькую проходимую дорожку требуется всего день работы одного китайца и два воза гальки».

13 октября Петропавловская сейсмическая станция в течение суток дважды отметила колебание почвы. Очаг землетрясения находился на расстоянии до двухсот вёрст от города.

14 октября зубной врач Е. А. Шумилина объявила желающим лечить, запломбировать или удалить зубы о приёме по понедельникам, средам и пятницам от десяти до часу дня. Адрес: участок судебного ведомства, дом № 2, квартира № 1.

15 октября опубликован приказ губернатора Камчатской области № 134: «Признавая крайне важным и необходимым планомерную застройку города Петропавловска, а в связи с этим возможно скорое и рациональное удовлетворение ходатайства об отведении земельных участков, назначаю для отвода земельных участков под постройки домов, пакгаузов, складов и прочего особую комиссию в следующем составе:

— председателем — исполняющего обязанности правителя моей канцелярии коллежского асессора Н. Н. Червянского;

— членами комиссии: исполняющего обязанности камчатского областного агронома коллежского секретаря И. Д. Добровольского; начальника Петропавловского уезда, делопроизводителя моей канцелярии коллежского регистратора И. П. Воротникова, как бывшего отводчика площадей, знакомого с порядком отвода городских земель; начальника Петропавловской почтово-телеграфной конторы коллежского советника Н. А. Королевича;

— секретарём комиссии: секретаря Петропавловского уездного полицейского управления Е. Д. Пурия, на которого возлагается ведение и хранение всех дел и переписок, относящихся к отводу земель.

Протоколы заседаний означенной комиссии должны представляться на моё утверждение, без коего законной силы не имеют.

Областного инженера И. С. Багинова, обременённого исполнением своих прямых обязанностей, признаю необходимым для

пользы службы от тех обязанностей члена вышеуказанной комиссии освободить».

17 октября объявлено, что «Адмирал Завойко» уйдёт во Владивосток в четверг 20 октября. С яхтой будет отправлена заказная, простая и страховая корреспонденция, а равно и посылки. Приём почтовых отправок будет производиться Петропавловской почтово-телеграфной конторой, «как мы слышали, до двух часов дня 20 октября».

18 октября с десяти вечера сейсмостанция снова отметила довольно сильное колебание почвы в продолжение одного часа тридцати минут. Самый сильный толчок имел направление с запада на восток и сопровождался подземным гулом, который слышали многие обыватели.

29 октября после иллюзиона в театре показана одноактная миниатюра «Шпаргалкин». Роль гимназиста Шпаргалкина исполнил актёр-любитель Лоскутков. Билеты, взятые в иллюзион, были действительны и на миниатюру.

30 октября в ковше рыбопромышленник Е. А. Колмаков добыл около 500 тысяч шт. сельдей.

2 ноября из Владивостока в Петропавловск с заходом в Хакодате направился пароход Добровольного флота «Индиголка».

4 ноября за продажу «сули» губернатор приказал арестовать на месяц корейца Ли Си Би. Его превосходительство распорядился выслать его после отбытия наказания за пределы области «как порочного иностранца».

Губернатор оштрафовал на двадцать рублей каждого за продажу браги Андрея и Марью Ворониных, проживавших в доме Донских. В случае неуплаты им грозил семисуточный арест.

16 ноября население города и области оповещено о том, что губернатор действительный статский советник Н. В. Мономахов выезжает с последним пароходом в разрешённый министром внутренних дел шестимесячный отпуск. На 17-е число в собрании драматического общества на семь вечера намечен обед по случаю прощания с его превосходительством.

Сочетание слов «последний пароход» означало, что вскоре полуостров на полгода будет отрезан от материковой России. А связь с ней возможна только по радиотелеграфу. Жизнь после этого заметно скучнела. Вот об этом и рассказывала напечатанная «Камчатским листком» миниатюра «Последний пароход»: «Бесконечное стремление вдаль и лёгкие позывы на самоубийство... Вот чувство, которое я испытываю со дня ухода августовского парохода.

Анализировать это чувство я даже не пробовал. Лязгающий стук лебёдки, поднимающей якорь, для меня до того горек, что я начинаю учащенно мигать глазами и негодую на господ торговцев, поскупившихся на батист для носовых платков. Извольте, значит, разобраться в своих переживаниях, когда тяжёлые, солёные капли оставляют на ланитах широкие полосы. Бог с ним, с этим анализом. Вспоминаю про ламутов, кочующих коряков, юкагиров и смиряюсь.

Наконец после двухмесячного перерыва навигации я заметил чёрный дымок на горизонте. Боже, что происходит со мною!!! Щажу нервы читателя и умолкаю, благо пароход приходит к пристани. Спешу в город, хочу попасть на пристань. Не удаётся. Сонный доселе город преобразился. Улицы запружены бог весть откуда появившейся публикой. Берегитесь, господин Брэм! Я докажу вам, что не все медведи сосут лапу.

Пристань декорирована по случаю прибытия высокопоставленных особ. Вот пароход причалил к пристани. Хор учащихся грянул подобающий встрече гимн. Хочу присоединиться к ним, пробую голос. Гамма не получается. Я ощущаю на себе подозрительный взгляд “недремлющего ока” и сконфужено замолкаю.

Публика устремилась на пароход. Пошли объятия, поцелуи... Радостный порыв встречи родственников и знакомых захватывает и меня. Ищу глазами, кого бы принять в свои объятия. Знакомых нет. Попадается ресторатор, тянусь облобызаться с ним, но, замечая иронический взгляд одной особы, отлагаю до более удобного момента.

— Обоняешь? Хакодате пахнет... Саппоро! — бросает на ходу береговой знакомый.

Завтра обязательно соблазню его на охоту. Говорят, около Завойко глухари есть. После получасовой давки палуба парохода вдруг опустела. Мне это на руку...

— Один... один... — бормочу я и с глубокой нежностью обхватываю покосившуюся мачту... Замечается качка...»

20 ноября уходом «Индикирки» закрылась навигация.

26 ноября празднование дня Георгиевских кавалеров. В театре — «грандиозное кабаре», затем танцы. Весь сбор — в пользу кавалерских семейств.

11 декабря в двенадцать дня в полицейском управлении прошли торги на шестьсот семьдесят шкурочек белки и семь выпоротков, собранных начальником Гижигинского уезда по подписному листу на постройку здравниц в Крыму. Осмотреть пушнину можно было в день аукциона.

12 декабря сгорело здание пожарного общества. «Пять лет подряд люди трудились и головой, и языками, и горлом, и за это время организовали, в смысле программы, пожарное общество, а тут нате вам! Два часа работы стихийной силы, и все труды пошли насмарку. Какова была деятельность нашего пожарного общества до 12 декабря, лица, кои интересовались этим вопросом, знают. Но когда загорелось здание общества, люди, прибежавшие на пожар, прямо-таки оторопели. Десятки горных ключей прорезают наш город вдоль и поперёк, бухта к вашим услугам, а воды нет! Додуматься вкопать бассейны для воды на перекрестках улиц — надо быть Эдисоном.

Пришлось из единственной десятиведерной бочки окропить объятые пламенем стены, омыть руки и вернуться домой. Здание, как и полагается в таких случаях, сгорело, прихватив и близь стоящего соседа. А сколько в этом здании произошло дебатов! Сколько перессорилось почтенных граждан! Сколько здесь в былые времена выпито прохладительных напитков на усиление средств!»

14 декабря Е. А. Колмаков глубоко благодарил начальника пожарной дружины К. А. Ковальчука, полицию, Камчатскую казачью команду, жандармскую команду, японскую колонию, торговый дом «Чурин и Ко» и всех, защищавших при недавнем пожаре от огня его жилище и спасавших имущество.

Объявлено, что назначенный на воскресенье 11 декабря спектакль и иллюзион «Вот так Мимишка», не состоявшийся по случаю «дурной погоды», переносится на четверг 15 декабря. Начало в восемь вечера.

Запрещён приём поздравительных телеграмм 25, 31 декабря и 1 января, за исключением посылаемых лицам императорской фамилии и на их имя.

15 декабря типография М. М. Пономарёва открыла подписку на «Камчатский табель-календарь» на предстоящий 1917 г. Он будет напечатан в конце месяца. Цена сейчас семьдесят пять копеек, после выхода из печати — рубль. Принимали объявления для помещения в календаре.

Часовых дел мастер Огава брал заказы «по умеренным ценам» на исправление часов, золотых и серебряных вещей, граммофонов и пишущих машинок. Обращаться следовало на Большую улицу, в дом Русанова.

16 декабря опубликована программа драматического общества до конца года: 25-го — детская ёлка в здании канцелярии губернатора, начало в четыре часа дня; 26-го — в театре драма «Гость»

и маскарадная история «Дама в маске», начало в восемь вечера; 27-го — иллюзион, новая программа; 31-го — встреча Нового года, вход по подписке, начало в восемь вечера.

В семь вечера «ввиду постигшего несчастья вольно-пожарного общества» его правление созывало чрезвычайное общее собрание в театре. «Особых повесток», то есть приглашений, «не будет». Предметы обсуждения: доклад об оставшемся имуществе, изыскание средств для оборудования обозного сарая и финансовое состояние. Всех разобравших по домам на сохранение имущество погорельца (топоры, лопаты, вёдра и прочее) просили вернуть его в старое здание полицейского управления командиру казачьей команды.

17 декабря в девять вечера в колонии прокажённых в Раковой бухте землетрясение разрушило дом, в котором жила сестра милосердия Томсон. Благодаря тому, что в это время в колонии находился начальник жандармской команды В. А. Иеропес, она осталась в живых, так как отважный ротмистр сумел вытащить её в бессознательном состоянии из уже начавшего рушиться дома.

Раздался вопль петропавловского обывателя: «Не помню, где и когда я читал рассказ о страшной шарманке, в которую какие бы валики ни вставляли — торжественные ли гимны или разухабистую плясовую, — она настойчиво и упорно хрипела один мотив, тоскливый и монотонный, как сон в осеннюю ночь: “Батюшки, грабят!” То же самое происходит у нас в Петропавловске, но только уже не шарманке, а петропавловскому обывателю приходится кричать: “Батюшки, грабят!”», так как наши торговцы положительно на все события реагируют надбавкой цен.

Пришёл последний пароход — цены прибавили; ушёл последний пароход — ещё надбавили; сгорел дом пожарного общества, как тут уж цен не прибавить! На все местные и мировые события торговцы реагируют повышением цен на продукты, и обывателю приходится, как страшной шарманке, кричать: “Батюшки, грабят!” Когда же это кончится?

Обратите внимание те, кому следует, на невероятные аппетиты торговцев и помогите несчастному обывателю не умереть с голоду, так как при таком прогрессивном повышении цен на предметы первой необходимости жизнь становится невыносимой.

Ничего тебе, современный читатель, это не напоминает?

18 декабря, в воскресенье, на место катастрофы в бухту Раковую отправились областные врачевный инспектор, инженер и помощник начальника Петропавловского уезда.

Епископ Камчатский и Петропавловский Нестор с причтом в соборе совершил литургию и просительный молебен о прекращении бурных ветров, разразившихся над городом и его окрестностями. Перед началом молебна владыка произнёс архипастырское назидательное слово, в котором обрисовал «картину недавно бывшего пожара и разразившейся бури с землетрясением, разрушившей в колонии прокажённых один из её домов и натворившей немало бед и повреждений домам обывателей города». Затем призвал всех верующих к истинному покаянию и исправлению греховной жизни, «дабы господь отвратил от нас свой праведный гнев».

После иллюзиона наконец-то представлена ещё раз перенесённая буффонада в одном действии «Вот так Мимишка». На сцене — любители драматического искусства Ковальчук, Лоскутков, Миничева.

Петропавловское уездное полицейское управление наметило аукционную продажу тридцати двух шкурок морских котиков. Их прислал старший смотритель за пушными и рыбными промыслами Командорских островов. Управление приглашало желающих приобрести порох по семьдесят шесть копеечек за фунт.

Из Тигиля в Петропавловск вышла первая зимняя нартовая почта.

20 декабря приказом исполняющего обязанности губернатора областной инженер коллежский асессор И. С. Багинов освобождён от заведования казёнными зданиями Министерства внутренних дел. Оно возложено на экзекутора канцелярии губернатора коллежского регистратора Барыкина. Но за инженером оставлены заботы о ремонте зданий.

21 декабря домовладельцам предложено осмотреть кирпичные дымовые трубы, потрескавшиеся после последнего землетрясения, так как это было небезопасно в пожарном отношении.

24 декабря обитавший в собственном доме на Третьей улице (сейчас Партизанская) Т. Е. Головань извещал, что получил разрешение варить пиво-мёд крепостью в полтора градуса, который продаёт по тридцать копеек за бутылку. Желаящим доставит на дом и вышлет за пределы города по получении половинного задатка. Разрешения на вывоз такой слабоградусной продукции не требуется.

Петропавловская общедоступная библиотека-читальня просила всех, имевших её книги на руках, вернуть их «для приведения в порядок». Выдачу обещано возобновить с 1 января следующего года. «Жертвуемые в пополнение библиотеки книги будут приниматься от каждого с благодарностью.

Снежные заносы в Петропавловске, 1916 г. Улица Большая

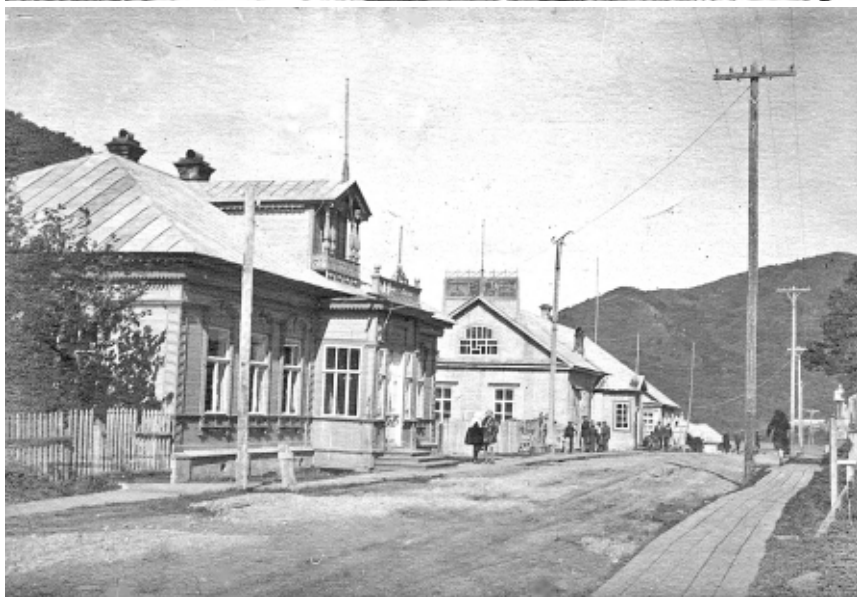
«Дом Завойко» (начальника Петропавловского уезда) в 1916 г.
Фото И. Е. Ларина

Расчистка города от снега, 1916 г.

Возле дома правителя областной канцелярии, 1916 г.
(все фотографии из фондов ККОМ)

Городские улицы, 1916 г. (из фондов ККОМ)

«Высшее общество» дореволюционного Петропавловска. В первом ряду в центре губернатор Камчатской области Н. В. Мономахов, крайние справа — вице-губернатор А. Г. Чаплинский и начальник Петропавловского уезда С. М. Лех

Лавка В. А. Огородникова на Большой (она же Главная) улице извещала, что с последним пароходом получены игрушки, ёлочные украшения, окорока, колбаса, сосиски, серебряные вещи и другие товары.

Портной П. Д. Протопопов (Вторая улица, сейчас Советская, дом Рязанцева) доводил до сведения, что принимает заказы на шитьё мужского и женского верхнего платья. «Исполнение скорое и аккуратное».

Японский портной Этоо (улица Большая, напротив театра) принимал заказы на пошив мужских костюмов и пальто. Там же расположенная булочная и кондитерская заготовила к Рождеству свежее печенье. Кофейня открыта ежедневно, предлагаются кофе, какао, шоколад, чай, молоко и прохладительные напитки.

Парикмахерская японца Когуро работала ежедневно с семи утра до девяти вечера на улице Большой в доме Русанова. Ежедневно открыта для европейцев и китайская баня Ли Ки Чана. «На днях будут установлены ванны». Обойная мастерская Мисина принимала заказы на ремонт и исправление мягкой мебели, матрацев. Желаящим предложено обращаться на улицу Большую, дом Вичиркина.

Фотограф Е. А. Колмаков объявил, что его мастерская, «удостоенная на Хабаровской выставке похвального отзыва», выполняет всевозможные фотографические заказы. Ввиду же значительного повышения цен на фотопластины, бумагу и реактивы, цены теперь следующие: фотографии девять на двенадцать сантиметров — десять рублей за двенадцать штук, групповые восемнадцать на двадцать четыре сантиметра — тридцать шесть рублей за то же количество, открытки с местными видами — тридцать три копейки за штуку. При заказе следовало внести половинный задаток.

Первая на Камчатке слесарно-механическая мастерская, принадлежавшая А. П. Журавскому, могла выполнять всевозможные работы: ремонт и установку разных двигателей, электрических звонков и телефонов, исправление пишущих и швейных машинок, граммофонов, ружей всех систем, примусов, спирто-керосинокалильных фонарей, лужение самоваров и прочее. Над всем этим был готов трудиться механик Н. Савинский.

25 декабря — Рождество. Перед литургией епископ Нестор посвятил в стихарь псаломщика Гарднера, а за литургией наградил набадренником священника Е. Яхонтова.

Стало известно, что Святейший Синод утвердил и разрешил для церковного моления составленные Нестором молитвы на рыбную ловлю и освящение рыбного улова.

Редакция «Камчатского листка» по весьма стеснённым обстоятельствам наступившего времени, в смысле изобилия и стоимости продуктов питания, предлагала исключить из повседневного обихода некоторые пословицы и поговорки. Вот такие, раздражающие воображение обывателей: «Знает кошка, чьё мясо съела». Этого случиться не могло, так как мяса совсем и нет; «Дорого яичко к Христову дню». Да ведь оно и теперь очень дорого; «Гусь свинье не товарищ». Напротив, в отношении нынешней дороговизны они даже очень товарищи; «Маслом каши не испортишь». Потому что его нет совсем; «Заварил кашу...» Из чего, позвольте вас спросить?

Объявлено, что ремонт печей в театре завершён, он вновь отапливается. Но вскоре выяснилось, что не очень.

27 декабря второклассная церковная школа устроила свой праздник. Ученики очень хорошо исполнили некоторые номера. Школу посетили епископ Нестор, вице-губернатор А. Г. Чаплинский и много приглашённых лиц. Сбор с вечера передан в пользу Красного Креста. По окончании концерта присутствующим предложен ужин.

28 декабря в театре прошёл вечер учащихся высшего начального училища, весь сбор с которого направлен на подарки воинам 44-го Камчатского пехотного полка.

Программа вечера была интересной и содержательной. Вначале «мило и с настроением» сыграна пьеска «Победила» известной детской писательницы К. Лукашевич. Все исполнители: Немов, Дюпина, Вичиркина и особенно маленькая Валя Чупятова сыграли свои роли «жизненно и умело».

Литературно-вокальная часть включала два отделения: в первом все стихотворения на военную тему, во втором — «комического содержания». Вперемежку с декламацией исполнялись русские народные песни. Хотя программа этой части вечера включала свыше тридцати номеров, прошла она настолько здорово, что некоторые выступления бисировались по желанию публики.

Большинство выступавших учащихся читало выразительно и с подъёмом, заражавшим зрителей, но особенно хорошо были продекламированы стихотворения: «Вперёд, смелей!» ученицей Вороновой, «Поспешите на бой!» Е. Колмаковой, «Джигитовка» Ф. Воробьёвым и «Иуда» К. Яхонтовой.

После этого отделения сыграна ещё одна пьеска К. Лукашевич «В сельской школе». С ролью учительницы хорошо справилась Овсякова, роль старушки исполнила Колмакова, сторожа — Немов, крестьянина — Ворошилов. «Эта пьеска прошла особенно оживлённо,

так как содержание взято из жизни школы, понятно, доступно и интересно для всех возрастов».

В заключение для детей были устроены танцы.

Несмотря на то, что в театре было довольно свежо из-за недостаточного отопления, публики было много, особенно молодёжи, и сбор с вечера превысил триста рублей. Присутствовали вице-губернатор А. Г. Чаплинский и епископ Нестор.

Звучали мнения, что на масленице следовало бы повторить этот вечер специально для детей, назначив входную плату в пятнадцать-двадцать копеек для покрытия расходов. «И вообще, нельзя не пожелать, чтобы подобные вечера, сближающие школу с обществом, устраивались почаще. Побольше разумных и полезных развлечений для детей!»

29 декабря камчатцев зачем-то за подписью министра императорского двора, генерал-адъютанта графа Фредерикса, оповестили, что его императорское величество государь император с наследником цесаревичем и великим князем Алексеем Николаевичем 19 декабря изволили прибыть из действующей армии в Царское Село.

В восемь вечера пришла первая зимняя почта из Тигиля общим весом тридцать пудов.

Стало известно, что осенний промысел на соболя в долине реки Камчатки был очень удачным, несмотря на продолжительное отсутствие снега. Мильковчане добыли около восьмисот соболей, а в Ключевской волости нередки были семьи, заготовившие до сорока шкурок. А ведь прошла только первая половина промыслового сезона.

30 декабря в десять утра в Петропавловском соборе прошёл напутственный молебен по случаю отъезда епископа в глубь Камчатки. Его сопровождали исправляющий должность начальника Петропавловского уезда А. М. Пименов и священник М. Ерохин. На проводах присутствовал управляющий областью А. Г. Чаплинский.

31 декабря в здании канцелярии губернатора в одиннадцать часов вечера началась встреча Нового года. Желающих участвовать заранее вносили в подписной лист делопроизводитель канцелярии К. А. Ковальчук и исполняющий обязанности начальника Петропавловского уезда Н. В. Гантимуров. Записаться можно было и по телефону.

Вот и подошёл к концу размеренный и относительно спокойный 1916 г. Наверное, на новогоднем вечере поднимались бокалы с шампанским и звучали пожелания, чтобы наступающий 1917-й

был лучше, счастливее, чем уходящий 1916-й. Скорее всего, никто из веселящихся и не предполагал, что впереди и всю Россию, и её далекую камчатскую окраину ждут «великие потрясения» — наступал год революций и русской смуты.

Будни и праздники нашего города. Год 1917-й

Он начался весьма символично — в середине января город поколебало землетрясение, которое в Санкт-Петербурге, столице Российской Империи, сочли за катастрофическое, так как своевременно не получили сведений о действительном положении на полуострове. А вскоре последовали потрясения другого рода: в стране начала стремительно меняться политическая обстановка.

В начале марта в Петропавловск пришло ошеломляющее сообщение об отречении императора Николая II. Вскоре были образованы городской и областной комитеты общественной безопасности, которые на первых порах сотрудничали с прежней администрацией, возглавляемой вице-губернатором А. Г. Чаплинским.

В конце марта всероссийское Временное правительство предписало заменить царскую администрацию выборными органами местного самоуправления. Чаплинского отстранили от власти, и летом он покинул Камчатку. Областным комиссаром был избран К. А. Емельянов. На первом областном съезде, прошедшем в июле и августе, было решено созвать Петропавловскую городскую думу. Новым областным комиссаром стал эсер К. П. Лавров. 26 октября было получено сообщение о взятии власти в Петрограде большевиками. Вскоре в городе прошли выборы представителя в Учредительное Собрание, которое должно было решить судьбу страны. Но, как известно, оно в начале 1918 г. было распущено большевистским правительством. Знаменитая фраза «Караул устал» стала эпилогом к первой в истории страны попытке встать на демократический путь развития. В декабре сторонники большевиков на Камчатке организовали городской Совет рабочих и солдатских депутатов, первое заседание которого прошло 10 декабря. Совет объявил себя высшей властью в городе.

Тем временем жизнь городских обывателей, коих тогда насчитывалось всего-то около тысячи двухсот, шла своим чередом и внешне менялась незначительно, хотя военные и политические передрыги вносили в неё свои поправки, отражавшиеся, в первую очередь, на стоимости продуктов и нормах отоваривания продовольственных карточек.

1 января преподавателем рукоделия высшего начального училища назначена окончившая Минусинскую женскую гимназию и двухгодичные курсы в Москве для приготовления учительниц рукоделия при «Обществе распространения между образованными женщинами практических знаний» Валентина Добровольская. Окончившая Харбинскую женскую гимназию Елена Журавская стала исполнять должность учительницы графических искусств.

3 января в здании драматического общества, он же городской театр, прошёл общедоступный маскарад с выдачей призов за лучшие костюмы.

13 января сельхозферма прекратила доставку молока на дом городским потребителям. Отныне его с восьми утра до часу дня разливали в приносимую посуду в «крайней» лавке городского базара. Городской базар был построен в 1913 г. по случаю трёхсотлетия Дома Романовых. Стоять этому дому оставалось совсем недолго.

17 января сильно трясло. Сейсмостанция несколько часов отмечала медленное движение почвы с размахом до восьми сантиметров, начавшееся примерно в полвторого ночи. Разрушений не было, но многие считали, что если бы колебания были более резкими, горожане «остались бы без печей и труб, а может быть, и без крова».

27 января население оповещено, что в последние дни с материка получен ряд тревожных телеграмм о якобы состоявшемся на Камчатке катастрофическом землетрясении. «Причина такой тревоги основательна, так как в российских газетах появились бюллетени о том, что приборы Пулковской обсерватории показали 17 января о страшном землетрясении на Камчатке. С Камчатки не было сообщено о плавном землетрясении до 19 января. Отсутствие донесений в России сочли за полное разрушение Камчатки».

28 января для свалки мусора «и вообще нечистот» отведено место по дороге в Сероглазку около кладбищенской горы, обозначенное столбами с соответствующими надписями (около современной сопки Радиосвязи). Власти напоминали, что «обыватели города Петропавловска все нечистоты и мусор обязаны вывозить на указанное место, в противном случае виновные подлежат законной ответственности, а, между прочим, некоторые из обывателей этого требования не выполняют и валят навоз, мусор и нечистоты на лёд Култучного озера». Исполняющий должность начальника уезда А. М. Пименов предупредил, «что за невыполнением означенного требования я строго буду следить всеми имеющимися в моём распоряжении средствами, и виновные будут привлекаться к законной ответственности».

5 февраля стало известно, что первая зимняя каюрная почта, отправленная из города 8 января, прибыла в Гижигу. Вторая отправка, назначенная на 20 февраля, отменена из-за прекращения сообщения по восточному побережью полуострова.

12 февраля, в воскресенье, в «электротееатре», читай «иллюзионе», показана картина в трёх отделениях «Нана».

28 февраля жителям селений Соловарня, Сероглазка, Авача, Тарья и других мест, занимавшихся ловом рыбы в Авачинской губе, предложены в неограниченном количестве соль и бочки под предстоящий улов горбуши. Заинтересовавшимся предлагали обращаться в агентство Доброфлота.

1 марта пришли первые известия о разразившейся словно гром среди ясного неба в Петрограде (так «патриотически» после начала войны стали называть Санкт-Петербург) «Февральской революции», а точнее, государственного переворота, устранившего многовековое российское монархическое правление.

3 марта из Владивостока сообщено, что первый рейс парохода Доброфлота намечен выходом на 24-е число. На нём из Хакодате приедут несколько японских купцов с товарами. Следующее судно выйдет 10 мая. «Остальное расписание почти прошлогоднее с малыми изменениями».

4 марта после молебна в Петропавловском соборе управляющий областью вице-губернатор А. Г. Чаплинский объявил о событиях в столице, отречении императора от престола, переходе верховной власти к Комитету Государственной Думы и создаваемому им Временному правительству, вокруг которого надо объединиться и помочь ему материально для продолжения войны. Население горячо откликнулось на этот призыв — понесло деньги, золото, серебро, пушнину, прочие ценности.

Объявлено, что торговая шхуна «Бельведер» фирмы «Гиббард, Свенсон и Ко» прибудет в Петропавловск между 15 и 25 марта. Обещана «продажа всевозможных товаров. Цены вне конкуренции. Покупка разной пушнины по наивысшей цене».

5 марта горожане послали в адрес Комитета Государственной Думы приветственную телеграмму. Похоже, что отречение царя-батюшки особенно никого не печалило. На улицы в поддержку устранённого «хозяина земли русской» никто не высыпал, телеграмм ему не отбивал. Протестующих против такой непривычной смены власти не нашлось.

6 марта начало складываться доселе небывалое на Камчатке и в Петропавловске народовластие. В присутствии вице-губернатора,

чинов областной администрации и епископа прошло общее собрание горожан и представителей окрестных селений. Здесь же по указанию Временного правительства был избран городской комитет общественной безопасности в составе пяти членов и четырёх кандидатов «к ним», как выражались в то время. Комитет возглавил председатель, член окружного суда К. А. Емельянов. Его заместителем (тогда говорили «товарищем») избран начальник почтово-телеграфной конторы Н. А. Королевич, членами — служащий агентства Доброфлота В. И. Артюхин, учитель П. Я. Сусляк, бухгалтер Дубовицкий, кандидатами — агент Добровольного флота Н. Д. Голубецкий, доверенный торговой фирмы Г. П. Дьяконов, заведующий сейсмической и радиостанцией А. А. Пурин, купец Г. Г. Подпругин. Вскоре комитет разместился в доме бывшего губернатора. В отсутствие другой комитет, по сути, принял на себя обязанности и областной власти.

Высшим должностным лицом на территории области, теперь именовавшимся «комиссаром Временного правительства», оставался бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский.

8 марта продолжилось создание властных органов на областном уровне — появился областной комитет общественной безопасности.

27 марта уже бывший вице-губернатор Чаплинский сообщил Командорскому уездному начальнику: «Постановлением Временного правительства я временно устранин от занимаемой мною должности, причём мне предложено сдать должность члену Петропавловского окружного суда Емельянову, назначенному Временным правительством областным комиссаром. Об изложенной воле правительства сообщаю для сведения».

На «повышение» пошёл не только К. А. Емельянов, но и А. А. Пурин, ставший председателем областного комитета общественной безопасности. Его «товарищем», то есть заместителем, избран агроном И. Д. Добровольский.

29 марта санитарная комиссия приступила к осмотру мясных и рыбных консервов во всех лавках и магазинах города, причём нашла испорченные. «По слухам, торгующие, у которых найдены испорченные консервы, будут привлечены к законной ответственности. Кроме того, в магазине торгового дома «И. Я. Чурин и Ко», как мы слышали, конфискована санитарной комиссией негодная колбаса». Проверка завершилась 31 марта.

11 апреля областной комитет вместе с представителями населения Петропавловского уезда изучал «положение рыбалок» круп-

нейших камчатских капиталистов Демби и Бирича. Докладывал делопроизводитель областной канцелярии К. А. Ковальчук, который «после оглашения контракта Демби и Бирича с правительством и действующего закона по рыбным промыслам от 1910 г. удалился...» Посланцы селений района реки Камчатки, где располагалось хозяйство фирмы, высказались о нежелательности её рыбных промыслов вообще.

Решено о «безотлагательном проведении в жизнь» следующих мер: отодвинуть рыбалки от устья реки не менее чем на четыре версты, сдавать их лишь при согласии населения, учредить «правильный надзор» за уловом рыбы... а именно контроль местного населения». Деятельность здешнего пристава Комарова названа «явно пристрастной к промыслам Демби и Бирича», потому его нужно немедленно удалить.

По этому поводу А. А. Пурин предложил собранию вообще убрать всех приставов с Камчатки, «так как их деятельность, согласно поступающим заявлениям, идёт вразрез с интересами коренного населения». Постановлено обратиться с этим предложением к областному комиссару. В интересах местного населения решено обязать промышленников скупать у него излишки рыбных продуктов «без всякого ограничения количества», минимальную плату за сдаваемую рыбу установить: за горбушу — две, а за кету — десять копеек. В случае избытка пойманной жителями рыбы промышленник обязан прекратить лов своим неводом.

Собрание постановило обратиться по телеграфу в Управление государственных имуществ во Владивосток с требованием считать недействительными отзыв бывшего губернатора, поддержавшего ходатайство фирмы о продлении контракта с ней.

15 апреля вышло постановление Временного правительства, уточнявшее ранее выпущенные решения, в том числе и «прежнего режима», касающиеся изготовления и продажи крепких спиртных напитков. Таковыми признавались все, в коих содержание «винного спирта превышает полтора градуса по Траллерсу», а их продажа повсеместно запрещалась.

В июне было подготовлено постановление областного комиссара, во многом воспроизводившее принятое ещё в июле прошлого года сметённым революционными бурями приамурским генерал-губернатором. Оно запрещало домашнее приготовление всякого алкоголя и гласило о том, что торговать политурой, лаком и древесным спиртом могут только предприятия, получившие на то разрешение, ведущие книги учёта прибытия и расхода.

1 мая городская пешая жандармская команда переименована в местную команду. Она включала сто двадцать солдат и унтер-офицеров при двух офицерах.

30 мая, после открытия навигации, областной комиссар Емельянов отправил в Хабаровск краевому комиссару телеграмму следующего содержания: «Из Японии, из Хакодате на пароходах ввозятся японцами и русскими масса спиртных напитков, продаются на пароходах. Невоздержанные слабохарактерные граждане напиваются на пароходе. Проверка багажа, сгруженного на берег, благоприятного результата не достигла. По требованию граждан начальник милиции производит осмотры помещений на пароходах. Обнаруженные спиртные напитки — водка, спирт, пиво, виноградные вина — уничтожаются на глазах у всех. Спиртные напитки обнаружены в буфете и помещениях 3-го, 2-го, 1-го классов в огромном количестве. На “Астрахани”, например, уничтожено одной водки свыше двух тысяч бутылок.

По сведениям, спиртные напитки грузятся ночью со шлюпок через иллюминаторы парохода. Нельзя ли для прекращения ввоза на пароходах, заходящих в Японию, в целях надзора командировать владивостокских милиционеров? Необходимо довести до сведения пассажиров и служащих парохода, что все напитки, содержащие спирт, в том числе пиво и виноградные вина, без разрешительного свидетельства будут в Камчатской области уничтожаться, все помещения парохода, выгруженный багаж осматриваться. Без таких крайних мер борьба с водворением спирта, по моему мнению, невозможна. На пароходах бутылка плохой водки [стоит] пять рублей. Большая прибыль заставляет предпринимателей ввозить спирт. Возможно ли с согласия граждан и комитета издать постановление — лиц, уличённых в нетрезвом состоянии, подвергать работам по благоустройству города, без замены денежного взыскания?»

Напомним, в области действовал «сухой закон», установленный ещё свергнутой имперской властью и подтверждённый Временным правительством. Интересно упоминание о милиции применительно к Петропавловску. Официально она появилась позже, в июле-августе.

27 июня проведён благотворительный иллюзион. Его устроители Ключков и Зиненко отчитались: продан восемьдесят один входной билет по рублю и сорок шесть — по полтиннику. Всего собраны сто четыре рубля. Механику для расчёта с его помощником, за смазочные материалы и за переноску партии ящиков в склад Добро-

флота для отправки во Владивосток уплачено семь рублей. Куплена одна банка керосина за пять с полтиной, рубль дан за расклейку афиш. Итого тринадцать с полтиной. Чистый доход — девяносто рублей пятьдесят копеек, предназначены в пользу армии. Устроители благодарили заведующего электростанцией Ковальчука и механика Савинского, первого за бесплатное предоставление станции, точнее, её энергии, а второму — за труды по показу картин.

В территориальных водах между рекой Озерной и мысом Камбальным охраненный крейсер «Командор Беринг» арестовал пять японских моторных катеров с сорока шестью японцами, незаконно ловившими крабов. Всего катеров насчитали тринадцать, но остальные успели скрыться от преследования. Арестованных доставили в Петропавловск.

В действующую армию отбыл бывший камер-юнкер, вице-губернатор и комиссар области А. Г. Чаплинский. Состоялась распродажа вещей из его бывшей квартиры: «комода с туалетом», никелированного самовара, фотоаппарата с принадлежностями.

4 июля на пароходе «Тобольск» прибыл избранный гражданами Гижигинского уезда в члены будущего областного комитета гражданин Е. С. Михряков.

6 июля утром из Петропавловска ушёл в колымский рейс пароход «Ставрополь». Зато возвратился с Командорских островов «Командор Беринг», привёзший на намеченный первый Камчатский областной съезд шесть депутатов.

На военные нужды в распоряжение военного министра России А. Ф. Керенского от моряков пароходов «Тобольск», «Ставрополь», горожан собраны сто шестьдесят пять рублей пятьдесят копеек. Деньги переданы Н. А. Королевичу.

7 июля заведующий радиостанцией А. А. Пурин объявил о желании нанять печников и маляров для ремонта своего хозяйства.

9 июля на пароходе «Астрахань» прибыли делегаты съезда от Анадырского уезда, Кичигинской и Нижнекамчатской волостей.

Вечером на этом же судне уехали епископ Нестор, И. Т. Новограбленов, начальник Анадырского уезда К. Г. Царегородцев и более пятидесяти камчатцев, призванных в действующую армию.

12 июля в помещении продовольственной управы (квартира бывшего губернатора) началась выдача карточек на сахар. Она шла с шести до восьми часов вечера кроме праздничных дней.

Камчатский областной продовольственный комитет установил цены на дрова и рыбу по городу на 1917 г. «впредь до изменения»:

— за одну погонную сажень дров с доставкой и укладкой на месте приёмки — не дороже пятнадцати рублей;

— за одну штуку свежей рыбы: красной, кеты и кижуча при розничной продаже — не дороже сорока копеек за штуку, горбуши — не дороже десяти копеек.

16 июля, в воскресенье, «Командор Беринг» привёл Петропавловск на буксире арестованную хищническую японскую шхуну «Дзэндзи-мару».

20 июля открылся первый Камчатский областной съезд — высший орган народовластия, определявший, как область и город будут жить в условиях разрушения прежней имперской «вертикали власти» и хорошо ощущавшейся всеми неопределённости при неустойчивости власти существующей. Присутствовал сорок один делегат. В первый день обсуждались вопросы о введении земского самоуправления в области и городского положения в Петропавловске. С предложениями об этом решено обратиться по телеграфу в Петроград к Временному правительству. Вечером рассмотрен вопрос об организации областного комитета. Решили, что он будет избран съездом в составе двадцати человек, причём в него войдут по одному представителю от каждой волости.

Новый состав областного комитета избран 26 июля. Его возглавил председатель А. А. Пурин. Затем рассмотрен вопрос о введении милиции. Большинством голосов против двух принята следующая резолюция: «1. В Камчатской области вместо упразднённой полиции необходимо ввести милицию. 2. Для выработки положения о милиции составить комиссию из шести лиц. 3. Практическое проведение в жизнь института милиции предоставляется областному комитету совместно с областным комиссаром». Должности уездных комиссаров признано желательным упразднить.

Областным комиссаром стал заведующий статистико-экономическими обследованиями пушных промыслов, член партии эсеров К. П. Лавров, его помощником — бывший член 2-й Государственной Думы от социал-демократической фракции И. Ф. Голованов.

Вне очереди внесён 27 июля вопрос о бывших полицейских чинах. Единогласно решено считать недопустимым их избрание на общественные должности. Затем «на новых началах» реорганизована бывшая губернаторская канцелярия, «сообразно с запросами и требованиями местной общественной жизни».

Съезд завершился 8 августа.

21 июля матросы Иван Галкин и Иван Кичин поймали домашнего гуся, неизвестно кому принадлежавшего. «Хозяина гуся просят

пожаловать за получением на крейсер “Командор Беринг” и спросить матроса И. Галкина».

3 августа съезд учащихся области (председатель В. М. Адамов) известил преподавателей «министерских», то есть казённых, и церковных школ о необходимости в этом же году «впредь до выяснения положения школ законодательным путём»:

— образовать для обсуждения и решения особенно важных школьных вопросов соединённый коллектив учащихся;

— организовать при школах родительские комитеты;

— ограничить преподавание закона божьего и славянского языка, использовавшегося во время богослужений, до трёх уроков в неделю, причём преподавание славянского возложить на законоучителя;

— ввести упрощённую орфографию (ту, которой мы пользуемся сейчас), согласно циркуляру министра народного просвещения;

— отменить экзамены, зато ввести уроки природоведения и приступить к устройству школьных музеев.

Учебных дней в году считать сто восемьдесят, не учебными — воскресные, двенадцатые и народные праздники, два дня масленицы, пятнадцать дней рождественских и десять пасхальных каникул.

Совсем недавно ученица Иулиана Панова старательно выводила под слова учителя Адамова «диктовку», за которую получила пятёрку с минусом: «Чистота здоровье сохраняет. Осенние листья с деревьев валяются от холода. На кладбище пели соловьи. Татьяна и Ольга стирали бельё. Крестьяне выехали в поле. Дождь льёт ручьями. Мы читали рассказ о сером волке».

8 августа продовольственная управа начала выдачу горожанам продуктовых карточек. По ним можно было приобрести самое необходимое: муку, крупу, сахар, соль, керосин.

10 августа начальником новообразованной Петропавловской милиции избран В. Ю. Закржевский, бывший унтер-офицер.

11 августа Временное правительство России утвердило постановление о распространении на Камчатскую область «Положения о земских учреждениях и городского положения». Оно подразумевало избрание в городе органа общественного самоуправления — городской думы.

18 августа опубликованы «Записки камчадала»: «Вот уже третий день сижу дома и никуда не выхожу. Вынужденным арестом я обязан комиссии по благоустройству города, по милости которой я оторвал на тротуаре подошву ботинка. Тротуары, вернее, тротуар областного города Камчатки — это верх строительного искусства, последний крик техники.

Доски нашего тротуара напоминают клавиатуру пианино. Если вы станете на одном из перекрёстков города и посмотрите вдоль улицы, то глазам вашим представится оригинальная картина. Пренебрегшие целостью обуви и голеней пешеходы, взойдя на тротуар, то взлетая, то ныряя, кого-то лают впопыхах. Доски под ногами гнутся и проваливаются не менее, чем на пол-аршина. Торчащие гвозди хищно подкарауливают зазевавшиеся ботинки.

Тут же разгуливает чей-то скот и оставляет следы своего сытного существования. Рыжий бык пробует крепость своих рогов на спинах проходящих по улице граждан. Если это будет и впредь продолжаться, то я внесу в комитет предложение: пожившим в областном городе Камчатки не менее месяца гражданам выдавать звание тореадора и циркового артиста, способного ходить по канату.

Вот картина, которую можете наблюдать днём. Ночью же... О, почему бог сотворил одну луну, а не две!!! Светили бы они поочерёдно — обыватель и горюшка не знал бы, а я имел бы возможность нарисовать видовую картину ночью. Поэтов было бы в мире больше. Больше было бы любовных объяснений, меньше холостяков... О, почему!

А теперь целых две недели луна не показывает и носа. Три газовых фонаря (комфорт старого режима и необходимая потребность обывателя) уволены в отставку вместе с полицией. Фонаря ни одного. Тьма царит египетская! Засиделся ли обыватель на съезде делегатов или же за пулькой, он не без ужаса думает, как ему пробраться домой, как ему благополучно обойти ночью капканы тротуара, не сломать ноги и не разбить лба об остовы фонарных столбов, неизвестно почему не убираемых, так как фонарей на них нет. Пробирается обыватель ночью ощупью, пробирается и кого-то вспоминает... Кто-то икает».

20 августа гражданина, по ошибке взявшего с вешалки у телефона в доме заседаний областного комитета американское короткое пальто с пояском, принадлежащее А. Д. Батурину, просили «повесить таковое обратно, за что будут очень благодарны».

Вершины Авачинской, Корякской (тогда говорили «Коряцкой») и Вилучинской сопки покрылись снегом.

27 августа прошло собрание членов рабочего профсоюза в присутствии всех желавших в него записаться. Весь «рабочий класс» тогдашнего Петропавловска представляла бригада портовых грузчиков под началом П. Я. Румянцева, который и стал председателем правления этого союза. Значительную долю его членов, дохо-

дившую до двух сотен человек, составляли «восточные рабочие», большей частью корейцы, не имевшие российского подданства.

В бывшем театре имени обоих Мономаховых, теперь в соответствии с веяниями нового времени переименованного в «Народный дом», показана комедия в трёх действиях «Одолжи мне свою жену». Публике не понравилось исполнение роли типографским рабочим М. К. Бэ-Блажейчиком.

2 сентября вышло «воззвание» к гражданам, имеющим лошадей: «Если у вас самих нет огородов, на которые вы тратите время, труд и деньги, то поймите и пощадите тех, у кого огороды имеются. Не распускайте днём, а особенно ночью ваших лошадей. Зачем за счёт труда и денег других прокармливать своих лошадей, которые, блуждая по городу, приносят ущерб скромному хозяйству граждан? Неужели нам нельзя обойтись без строгих постановлений и штрафов?!»

На «Командоре Беринге» выехали в селение Большерецк граждане Столяров и Грибов, которые должны пригнать один из конфискованных у японцев моторных катеров.

8 сентября во время шторма в Авачинской губе утонуло двадцать бочек с рыбой, принадлежащих промышленнику Худякову. Убыток до четырёх тысяч рублей.

10 сентября состоялись выборы в первый городской орган народного самоуправления — Петропавловскую городскую думу (ПГД). Число её гласных, то есть депутатов, определено в двадцать человек. Избирательную комиссию из девяти человек возглавил агент Доброфлота Н. Д. Голубецкий. В неё входили представители разных сословий, в том числе прибывший в отпуск, живший до этого несколько лет в Петропавловске солдат И. Е. Ларин, который во время службы во Владивостоке вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и оказался на Камчатке единственным большевиком. Зарегистрировано пятьсот пятьдесят два избирателя в возрасте старше двадцати лет. Итоги выборов по протесту областного комиссара К. П. Лаврова были отменены. Окружной суд признал их недействительными ввиду нарушения избирательной комиссией «Временных правил о выборах...»

На посыльном судне Сибирской флотилии «Якут» состоялся матросский вечер, привлёкший большое количество гостей из города. Его команда, будучи на мысе Дежнёва, отремонтировала и покрасила памятник-крест первопроходцу казаку Дежневу.

15 сентября открылся приём прошений желающих поступить на педагогические курсы при Петропавловском высшем начальном

училище. Срок обучения двухгодичный. Воспитанники курсов получают в год двести сорок рублей стипендии. Принимаются де-вицы и юноши. Прощения следовало подавать на имя заведующе-го курсами инспектора училища П. Я. Сусляка. Справки можно получить в его канцелярии ежедневно с одиннадцати до часу дня.

17 сентября создан профессиональный Рабочий союз.

Грибов и Столяров привели из Большерецка один из конфис-кованных катеров. «Представляет из себя моторный кунгас и, при-нимая на борт изрядное количество груза, является весьма выгод-ным приобретением».

19 сентября официально сообщено, что после ухода 13-го числа во Владивосток парохода «Симферополь» по городу распростра-нился слух, «а также некоторыми гражданами было заявлено и членам продовольственной управы» о том, что на нём вывезено три воза муки. В опровержение этих слухов и заявлений продо-вольственная управа доводила до сведения граждан, что на вывоз муки разрешения она не давала, а по наведённым справкам оказа-лось, что, действительно, на пристань было привезено для погруз-ки на пароход несколько возов груза в белых мешках. Но это была не мука, а почтовые посылки.

20 сентября Камчатка подверглась ударам сильных штормов. С мест сообщали о больших разрушительных волнах. Так, на 13-й версте от устья реки Большой на промысле Миронова унесло плахи, сдвинуло кунгасы и грозило смыть более тысячи остав-шихся не вывезенными бочек с рыбой. Жилые бараки залило водой, но склады уцелели. На 18-й версте на участке японца Цуцуми прибой разбил дощатый рабочий барак, второй барак подмыл, вырвал стойки. Кадушки, бочонки, котлы и прочие принадлежност-и рыбалки унесло в реку.

1 октября из передовицы «Камчатского листка» многие кам-чатцы, наверное, впервые, узнали о наличии страшной политиче-ской силы под названием «большевики». Их вождь В. И. Ульянов, партийное прозвище «Ленин», был объявлен Временным прави-тельством германским шпионом. (Эх, найти бы его собственноручное заявление кайзеру Вильгельму II о зачислении на службу в герман-ский генеральный штаб и выдаче денег на устройство в России революции. Вот была бы историческая сенсация! Только, думаю, скорее отыщется письмо гражданина Романова в Совнарком с номе-рами его счетов в Лондонском банке.)

«Только что опубликованные разоблачения большевиков по-казали, что, играя на самых низких страстях толпы, большевики

ведут страну к гибели, ведут сознательно и неуклонно, за совесть отработывая изменой и предательством те немецкие деньги, которые приехали с ними в запломбированных вагонах». Имелись ввиду июньские и июльские события в Петрограде и других городах, проходившие под лозунгом «Вся власть Советам!». Последние окончились кровопролитием.

Граждан призывали подписываться на заём «Свободы»: «Отечество в опасности! Для спасения России необходимо: 1) водворить порядок и поддержать сильную власть в стране, 2) восстановить дисциплину в армии, 3) довести войну до победного конца в согласии с союзниками, 4) довести страну до Учредительного Собрания, 5) поднять финансовое благосостояние государственного казначейства. Граждане! Жертвуйте на нужды войны и народа!»

«Где же та сила, которая удержит Россию на краю пропасти, которая спасёт страну и народ, свободу и народовластие от подчинения немецкому капитализму или гидре реакции?»

Сила эта только в наступлении поворотного пункта в нашем сознании, в понимании нами, наконец, того, что нет права без обязанности, как нет обязанности без права, в признании народом, что анархия есть злейший враг свободы, что безвластие на руку только нашим врагам: реакции и немцам...»

2 октября, в понедельник, освящено новое здание Петропавловского высшего начального училища. На церемонии присутствовали представитель краевого комиссара А. А. Борисоглебский, исполняющий должность областного комиссара И. Ф. Голованов, председатель областного комитета А. А. Пурин, члены областного комитета и преподаватели училища. Речи произнесли Н. С. Кох, А. А. Борисоглебский и П. Я. Суляк.

4 октября областной комитет озаботился освещением города. «Уже в некоторых местах устанавливаются фонари “Солнце” довольно большой силы. Также предположено установить фонари на площади напротив старого полицейского управления, у второклассной школы и у казармы местной команды».

6 октября казённый катер «Губернатор Перфильев» куплен на аукционе Ф. И. Караевым за шесть тысяч двадцать пять рублей.

7 октября А. А. Пурин разъяснил, что, согласно правительственным указаниям, профессиональные организации служащих, как и все другие профсоюзы, «по своей юридической природе являются организациями частноправомочными. В сфере своей деятельности они руководствуются общими законоположениями о союзах. Все расходы организаций должны оплачиваться исключительно

из личных средств членов этих организаций». То есть денег из казны им не дадут.

8 октября непогода добралась до Петропавловска. К полудню пошёл первый в этом году снег, на неделю раньше обычного. До полуночи, падая беспрерывно, он покрыл землю слоем в три вершка (один вершок — примерно четыре с половиной сантиметра). Во многих местах под тяжестью налипшего снега оборвались телефонные провода.

Около пяти часов дня сильный порыв ветра порвал и антенны радиостанции. Работы по исправлению завершились 11-го, и станция вечером того же дня принимала телеграммы.

10 октября вышло обязательное постановление областного продовольственного комитета: «Воспрещается булочным и кондитерским выпечка и продажа кондитерских изделий всех сортов, а также и саек (французские булки), за исключением весового хлеба белого и чёрного. За неисполнение сего обязательного постановления виновные подвергаются ответственности... Настоящее обязательное постановление вступает в силу со дня его опубликования».

Председатель комитета П. С. Пржевусский сообщил, что в Харбине приобретено шестнадцать тысяч пудов муки, которая прибывает в город с последним пароходом.

11 октября объявлено, что комиссия по выборам во Всероссийское Учредительное Собрание разместилась в здании окружного суда и работает ежедневно с двух до четырёх часов дня. Председатель — член суда Андреев. 12-го числа комиссия приглашала горожан к пяти дня в Народный дом, что на Главной улице, для ознакомления с законом о выборах и положением по их проведению.

Комиссия по повторным выборам в ПГД доводила до сведения горожан, что составленный ею список лиц, имеющих право голосовать, будет вывешен на всеобщее обозрение в Народном доме. Председатель комиссии Н. Д. Голубецкий просил указать все пропуски и неточности и сделать это в пятидневный срок для внесения соответствующих поправок.

Заведующий фермой сетовал, что некоторые из господ потребителей слишком поздно приходят в лавку за молоком, не получив же его, «заявляют претензии». Отныне лавка фермы будет открыта с семи утра до часу дня. Новые заказы на молоко не принимаются, видимо, по причине ограниченности его количества.

Китайско-поданные Ян Цинн Хэ, Ли Чжи Син, Ян Си Фу объявляли об утере национальных паспортов и просили считать их

недействительными. А Чан Сын Го потерял годовой паспорт, выданный ему Владивостокским портовым полицейским управлением.

Объявлено о предстоящей продаже с аукциона японского моторного катера, конфискованного «Командором Берингом».

12 октября обитателям Сероглазки разъяснено, что те лица, дети которых не учатся в тамошней школе, должны быть освобождены от забот по её содержанию. «Принудительные меры со стороны общества к отдельным гражданам недопустимы».

Неведомый благотворитель предлагал составить прошения, заявления, жалобы, судебные, бракоразводные, административные иски, выхлопотать паспорт, свидетельство, например, о воинской повинности или метрику. Давал советы. Бедным — бесплатно. Адрес оставил в газетной редакции.

22 октября, в воскресенье, по радиотелеграфу пришло постановление Временного правительства: «1) Для заведования производством выборов в Камчатском избирательном округе образуется камчатская комиссия по делам о выборах... 6) Заявления лиц, предназначенных к избранию в члены Учредительного Собрания по Камчатскому избирательному округу, должны быть подписаны не менее чем пятью десятками лицами, пользующимися правом участия в выборах по данному округу. 7) Поданные в подкомиссию заявления о предлагаемых кандидатах сообщаются по телеграфу в камчатскую комиссию, которая составляет общий список всех заявленных по округу кандидатов и сообщает за сим по телеграфу этот список в подкомиссию. 8) Выборы производятся подачею записок в подкомиссию. О количестве поданных голосов подкомиссия сообщает по телеграфу камчатской комиссии, которая производит подсчёт голосов и определяет, кто из кандидатов оказался избранным в члены Учредительного Собрания...»

Камчатская избирательная комиссия обратилась к населению с призывом: «Граждане! Не забудьте в воскресенье 29 октября исполнить свой гражданский долг и избрать достойного представителя области в Учредительное Собрание!»

В три часа дня в канцелярии уездного комиссара состоялась аукционная продажа конфискованной японской шхуны «Дзэндзимару». Осмотр в день аукциона с девяти утра до двух дня. Шхуна за десять тысяч рублей досталась Л. Е. Захарову, занимавшемуся рыбным промыслом и торговлей.

«По слухам», в селении Завойко (ныне Елизово) прошло общее собрание, обсуждавшее, разрешить ли варить брагу или нет. «Большинство граждан двадцатью двумя голосами против девяти

постановило: разрешить варение браги и продажу её. Таким образом, граждане селения Завойко отменили закон Временного правительства о борьбе с пьянством. Если такое постановление действительно состоялось, то не следует ли, кому надлежит, обратить на это внимание? Интересно знать, в какое время состоялось собрание, на котором была вынесена подобная резолюция, — до или после брагопития?»

Инспектор Петропавловского высшего начального училища, заведующий начальными училищами области П. Я. Суслык обратил внимание областного комиссара на добротный, по его мнению, бесхозный дом в саду возле собора. «Насколько мне известно, дом этот... в настоящее время пустует. Мне очень желательно было бы знать историю постройки этого дома, а также имеет ли какие-нибудь виды на этот дом уездная или областная администрация». Видимо, хотел приспособить его под нужды училища.

23 октября инспектор получил ответ, гласивший, что в этом доме некогда помещалась казарма Камчатской казачьей команды, а затем, ввиду того, что он стал непригоден для жилья и требовал капитального ремонта, сопряжённого со значительным расходом, был заколочен. «После пожара здания Петропавловского вольнопожарного пожарного общества в этом здании сложен пожарный инвентарь. В настоящее время это здание уездному комиссариату не принадлежит». Ответ за комиссара подписал П. Т. Сычёв.

25 октября в Петрограде произошло эпохальное событие — очередной государственный переворот, позже названный «Октябрьским», ещё позже «Октябрьской революцией», что одно и то же, только на разных языках. Первое — по-русски. Временное правительство свергнуто, власть перешла в руки Совета Народных Комиссаров, в котором заправляли большевики.

Ничего не ведавший об этом Емельян Барыкин продавал моторный катер, дом, соль, бочки, невода, кунгасы и прочий рыболовный инвентарь, похоже, что собирался отъезжать на «материк».

26 октября областной комиссар получил телеграмму следующего содержания: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным и потребовал передачи всей его власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости, с крейсера “Аврора”, стоящей на Неве. Правительство может передать власть только Учредительному Собранию, а посему постановлено не сдаваться и передать себя защите народа и армии, о чём послана телеграмма в ставку. Она ответила о посылке отряда с фронта.

Пусть армия и народ ответят на безответственную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии. Первое нападение на Зимний дворец произведено было в десять вечера — отбито».

27 октября, выслушав известие областного комитета о происходящем в Петрограде, участники общегородского собрания выразили «порицание безответственным выступлениям» большевиков и заявили о доверии Временному правительству.

В столицу, теперь неведомо кому, ушла телеграмма: «Соединённое заседание общественных, военных и групповых организаций, ознакомившись с положением дел в Петрограде, постановило выразить порицание безответственным мятежным выступлениям отдельных групп и признаёт единственную власть в лице Временного правительства, облечённого всей полнотой власти впредь до Учредительного Собрания. Граждане Камчатской области в лице своих организаций поддерживают Временное правительство и всеми имеющимися средствами готовы придти ему на помощь в дни тягчайших испытаний, дабы довести страну до Учредительного Собрания».

Похожие заявления были приняты и в других селениях.

28 октября областной комитет постановил: заседать по понедельникам и пятницам с одиннадцати до двух часов дня в бывшем губернаторском доме. Заседания публичные, но в обсуждении вопросов повестки дня граждане не участвуют. Их заявления принимаются в порядке поступления. Представитель краевого комиссара участвует в заседаниях с правом решающего голоса.

Работала комиссия областного комитета по делу сорока четырёх военнообязанных. Два обитателя Усть-Камчатска — В. Завьялов и С. Казаков — написали заявление в городскую милицию о возбуждении судебного преследования в отношении военнообязанных Слугина, Баженова, Романчука и других за то, что те «самоуправной силой заставили их... явиться в город Петропавловск к воинскому начальнику, как военнообязанных». Просили взыскать с вышеозначенных лиц причинённые убытки.

Те же требовали отправки Завьялова и Казакова во Владивосток и «высказывали свои сомнения и недоумения в правильности выдачи начальником петропавловской милиции паспорта Завьялову», а также в том, что мировой судья Петропавловск-Командорского участка не заключает Завьялова под стражу, в то время как некто Решетнюк, привлечённый в качестве обвиняемого по делу о краже соболей у торгового дома «Чурин и Ко», уже томится под ней.

Грозились, что если их требования не будут исполнены, то они «произведут над личностью Завьялова самосуд и насилие».

Признано, что разрешение вопроса, подлежат ли эти граждане воинской повинности, надо передать на усмотрение областного воинского начальника, выдачу паспорта считать правильной, признать, что мировой судья действует точно по указанию устава о судопроизводстве. Заявление военнообязанных расценено как нежелание подчиниться большинству, «не соответствующее интересам страдающей родины, которая нуждается в установлении равных прав всех граждан, подчинённых закону и постановлению комитетов, охраняющих интересы граждан».

29 октября — выборы в Учредительное Собрание. Время проведения — с девяти утра до восьми вечера в Народном доме. Каждый гражданин, признанный избирателем, подаёт голос за одного из кандидатов из особо опубликованного списка. Голосование производится опусканием в ящик лично самим избирателем конверта с избирательной запиской. Подача конвертов через доверенных лиц не допускается. Конверты и бланки избирательных записок можно получить заблаговременно, ещё с 25 октября, в канцелярии уездного комиссара и у начальника милиции, а в день выборов — у членов комиссии на месте голосования.

«Граждане! Сегодняшний день — день испытаний для каждого из вас! Вы должны создать из себя единоголосных и сплочённых избирателей своего посланника в Учредительное Собрание! Граждане! Камчатка смотрит на вас и от вас ждёт достойного себе защитника в Учредительном Собрании!!!»

Кандидаты в его члены:

Батури́н Анато́лий Дми́триевич — социал-революционер, состоит при экспедиции по исследованию соболиного промысла.

Голованов Иван Фёдорович — социал-демократ, помощник областного комиссара.

Лавров К. П. — социал-революционер, областной комиссар.

Логинова Иустинья Стахевна — жительница селения Тигиль, беспартийная.

Пурин Александр Антонович — от республиканско-демократической партии, председатель областного комитета, заведующий Петропавловской радиостанцией.

Самборко Савва Макарович — беспартийный, левый, житель селения Мономахово.

Подсчёт избирательных записок по городу дал следующий результат: за К. П. Лаврова подано двести двадцать пять голосов, за

И. Ф. Голованова — девяносто пять, за А. А. Пурина — шестнадцать. А. Д. Батулин удостоился единственного голоса.

Объявлено, что постановлением Временного правительства запрещён вывоз из области, за исключением Охотского уезда, всех продуктов, кроме рыбных, и предметов первой необходимости без особого, в каждом случае отдельного, разрешения продовольственного комитета.

Агентство Доброфлота, ожидавшее прибытия парохода, на котором «значительное количество грузов, требующих закрытых помещений», то есть долгожданного продовольствия, просило частных лиц и учреждения, разместивших грузы в складах флота, озаботиться своевременным вывозом таковых.

Опубликованы фамилии кандидатов в гласные ПГД. Все её возможные члены разделены на пять списков, поданные тремя группами «местных граждан» (№ 1, 2 и 5), Союзом рабочих, 2-м Петропавловским обществом потребителей и «демократической группой» (№ 3) и местной командой (№ 4). Некоторые кандидаты значились в нескольких списках. Так, представитель союза домо-владельцев Г. Подпругин вошёл в три, комиссар Петропавловского уезда П. Т. Сычёв и бухгалтер И. Т. Новограбленов — в два.

1 ноября в бывшем губернаторском доме прошло общее собрание по поводу реорганизации пожарного общества, выборов председателя, членов правления, кандидатов к ним, ревизионной комиссии. Разрешены неотложные вопросы.

3 ноября опубликована довольно странная телеграмма из Петрограда с пометкой «срочная», датированная 1 ноября: «Войска Керенского (председателя свергнутого Временного правительства. — С. Г.) одержали в Петрограде полную победу. Большевики остались лишь в Смольном институте. Москва в руках войск Временного правительства, кроме вокзала, занятого большевиками, который сегодня очистят. Граждане, сохраняйте спокойствие и порядок». Кто-то явно выдавал желаемое за действительное.

Стало известно, что в середине ноября прибудет пароход Доброфлота, везущий сорок тысяч пудов груза в адрес продовольственной управы. А пока хозяева пекарен подали в неё просьбу о повышении цены на хлеб...

Несознательные горожане вырубали лес выше больницы (это в районе нынешней городской администрации).

В приложении к «Камчатскому листку» напечатан «Избирательный список граждан города Петропавловска» к выборам в городскую думу (в сохранившемся экземпляре листовки зачёркнуты

слова «Учредительное Собрание», а старым написанием исправлено — «гласныхъ въ Городскую Думу»), включавший четыреста шестьдесят девять лиц обоих полов. «Дополнительный список» содержал ещё восемьдесят семь человек, то есть почти всё взрослое население города. Это — бесценный документ эпохи.

Комиссии по благоустройству города (председатель П. Т. Сычёв) постановила: 1. Весь берег от Мишенной горы, с включением портового ковша, до Соловарни оставить свободным для ловли рыбы исключительно горожанами для собственной надобности и продажи излишка скупщикам. Крупным же рыбопромышленникам лов рыбы в указанном месте воспрещается. 2. Промышленникам, получившим ранее от Управления государственных имуществ разрешительные свидетельства на право лова сельди, разрешается добывать её на свободных местах от Сигнального мыса и створных огней в городе в сторону Раковой бухты. Ковш же и пространство от мыса до створных огней остаётся в исключительном пользовании местных граждан.

Ещё одно постановление этой же комиссии: иностранным подданным, живущим в городе, воспретить промысел всякой рыбы, крупной и мелкой, неводами и сетками. Разрешить им для собственного пропитания лов мелкими орудиями в ковше и сачками, крючками, мелкими накидными сетками в Авачинской губе.

5 ноября состоялись повторные выборы в ПГД. Голосовали личной подачей закрытых конвертов с «избирательными записками», то есть бюллетенями, предъявив избирательную карточку. Никакие доверенности не принимались. Членов думы (гласных) избирали списком. В избирательной записке следовало обозначить цифрой или прописью только номер того списка, за который избиратель желал высказаться. Никаких других надписей делать не надо, а также пометок, помарок на карточках и конвертах.

Председателем 1-й ПГД избран А. Я. Эггенберг. «Местные граждане» почему-то предпочли «местным гражданам» этого податного инспектора, приехавшего в город всего-то пару месяцев назад. Городским головой стал всем хорошо известный и уважаемый агент Доброфлота, уже поживший на полуострове Н. Д. Голубецкий.

11 ноября из Владивостока на пароходе «Тверь» прибыли сто солдат для службы в местной воинской команде. В их числе находился большевик А. С. Олейник (Топорков). В Петропавловск вернулся и И. Е. Ларин, теперь надолго. Во время плавания два первых камчатских большевика агитировали солдат соответственным образом.

24 ноября переизбран комитет местной команды. Его возглавил председатель А. С. Олейник, товарищем председателя стал прапорщик К. С. Телятьев, секретарём И. Е. Ларин.

5 декабря на совещании командного комитета и президиума Рабочего союза решено образовать городской Совет рабочих и солдатских депутатов наподобие уже давно действовавших на материке. Отсюда и происходило название новой власти — «советская». По некоторым данным, выборы в Совет прошли 8 декабря. 10 декабря его возглавил председатель И. Е. Ларин, замещал его А. С. Олейник.

9 декабря город потрянуло, но не на земле, а в воздухе — взорвался старый пороховой погреб (был ещё и новый). При этом пострадал находившийся здесь солдат. Происшествие описывалось так: «...утром часовой местной команды, стоя на посту у порохового погреба, по-видимому, желая обогреться, зашёл в рядом стоящий старый пороховой погреб. Когда солдат вошёл, получился взрыв старого пороха». Наверное, решил не только погреться, но и покурить.

10 декабря в казарме воинской команды прошло первое заседание новоизбранного городского Совета. Его председателем открыто избран А. С. Олейник, секретарём — И. Е. Ларин. Рассмотрены акты комиссии по проверке бюллетеней по выбору в Совет, затем — заявление о том, что «рабочее бюро, производя выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов, недостаточно широко опубликовало среди трудового населения день выборов, и выпущенное бюро объявление не отвечало назначению, а потому в выборах не могли принять участие все рабочие, входящие в профессиональный союз». Отмечено, что было сделано всё возможное в подготовке к выборам и что бюро «не считает себя виновным, что все рабочие, входящие в союз, не могли участвовать в выборах». Это объяснение принято, после голосования большинством выборы признаны правильными. Определена численность исполкома Совета — семь человек. Тайным голосованием председателем Совета избран И. Е. Ларин, его заместителем — А. С. Олейник.

14 декабря в Хабаровске на 3-м краевом съезде Советов на Дальнем Востоке провозглашена советская власть. 18-го числа руководители горсовета телеграфировали во Владивосток тамошнему комитету РСДРП(б) и в Хабаровск о создании на Камчатке органа «подлинно народной власти». 24-го получена ответная телеграмма с приветствием в его адрес от владивостокских большевиков.

Вот так и появились на Камчатке, в Петропавловске, два противоположных полюса: один «буржуазно-демократический» в лице

областного комитета с ПГД, второй — «большевистский» в виде городского Совета. До начала гражданского противостояния времени оставалось уже немного...

20 декабря объявлено, что ввиду передачи всех дел городскому управлению упраздняется комиссия по благоустройству города.

С наступлением вечеров зажглись фонари. «Лучше поздно, чем никогда». Но неизвестные хулиганы вскоре разбили вновь поставленный фонарь у озера. «И теперь, благодаря неимению запасных стеклянных колпаков, нужное место осталось без освещения. Колпаки эти с большим трудом пришлось достать из Швеции, откуда они были выписаны. Таким образом, в самом непродолжительном времени город наш опять погрузится во мрак».

А в последние дни то там, то сям гремели выстрелы. Это упражнялись некоторые граждане, «стреляя в ворон из ружей основного калибра. Нельзя ли граждан предупредить о том, что на этот счёт имеется закон, воспреещающий стрельбу в городе, а в особенности днём? Ведь так недолго и до беды!»

Областной продовольственный комитет постановил: разрешить выпечку кондитерских изделий на время праздников с 24 декабря по 7 января 1918 г. и выдать к Рождеству разовые добавочные карточки на сахар из расчёта по четыре фунта на человека.

24 декабря в пять вечера загорелось в алтаре Петропавловского собора. Огонь потушили, причину возгорания не нашли.

25 декабря объявлено, что ввиду удорожания корма молоко из лавки сельскохозяйственной с 1 января 1918 г. будет отпускаться по двадцать пять копеек за бутылку. Сезонная надбавка, так сказать...

Уже в январе 1918 г. в городе произошло резкое обострение политической обстановки, завершившееся вначале установлением власти Совета «в сфере влияния», а затем июльским противосоветским переворотом. В последующие годы камчатская власть ещё не раз сменит свою окраску.

Петропавловск в 1923 г.

В ноябре 1922 г. в Петропавловске-на-Камчатке, занятом красными партизанами, была установлена, вернее, восстановлена советская власть в лице Камчатского губернского народного революционного комитета (губнарревкома). Он подчинялся Дальревкому, находившемуся в Чите. В состав губнарревкома входили отделы: административно-хозяйственный, народного образования,

юстиции, финансовый, охото-рыболовный, связи. Петропавловском непродолжительное время управлял городской ревком под руководством агронома И. Ф. Голованова. На местах властью являлись волостные и сельские ревкомы.

В конце 1922 г. Камчатская область была переименована в губернию. К 1 января 1923 г. губнарревком преобразован в губревком. Численность населения громадной Камчатской губернии по состоянию на эту дату оценивалась всего в тридцать шесть тысяч сто пятьдесят девять человек. В середине 1923 г. Петропавловск населяли лишь тысяча сто девяносто три жителя.

1 января вышел первый номер «Полярной звезды» — единственной на полуострове газеты, печатного органа губернского бюро Российской коммунистической партии большевиков, сокращённо РКП(б). Формат издания, редактировавшегося самодеятельным журналистом, ответственным секретарём губбюро РКП(б) В. М. Кручиной, остался такой же, как и некогда у «Камчатского листка» — в размер листа писчей бумаги. В новой газете печатались злободневные передовицы, местные и пришедшие с материка по радиотелеграфу новости, слухи из частных источников, официальные распоряжения властей, отчёты о массовых действиях, фельетоны, стихотворные сочинения, письма читателей, впервые появились примитивные изображения. Автором значительной части материалов был сам В. М. Кручина. Газета выходила трижды в неделю, месячная подписка стоила два рубля, плата за частные объявления составляла по десять копеек за строчку.

Ушёл во Владивосток крейсер «Командарм Уборевич». Так одно время именовался привычный камчатцам обычный гражданский, но теперь вооружённый, пароход Добровольного флота «Томск». Он прибыл в портовый ковш в конце декабря прошлого года, доставив на полуостров экспедиционный отряд войск Охотско-Камчатского края под командованием М. П. Вольского численностью до батальона, составивший местный гарнизон. Его задача — уничтожение «остатков белых банд», то есть завершение гражданского противостояния на Северо-Востоке России. Вместе с отрядом приехал и Н. К. Глушков, назначенный на должность начальника губернского Госполитуправления (ГПУ), то есть органа государственной безопасности.

Во время стоянки, в пятницу 28 декабря 1922 г., экипаж крейсера устроил в Народном доме «вечер-кабаре», собравший полный зал зрителей. Впервые на местной сцене любители разыграли сначала

советскую пьесу В. Кедрова «Коммунистка», затем — одноактную шутку «Трюк для тещ». Всё это публика встретила с большим интересом.

Уходя обратно, «Уборевич» увёз под конвоем двадцать три бывших военнотолужащих белых отрядов.

Местных обитателей оповестили о предстоящем «конце хищничества». Стало известно, что Владивостокская контора Добровольного флота разрабатывает проект расписания движения своих судов в Беринговом и Охотском морях.

Сообщено, что за время существования во Владивостоке «контрреволюционного» правительства братьев Меркуловых «продано казённого имущества и таможенных грузов на два миллиона семьсот тысяч рублей. Группа беженцев-офицеров в Гензане продала канонерскую лодку “Маньчжур” за тридцать тысяч иен и скрылась».

3 января опубликовано сообщение о том, что во Владивостоке ожидают возвращения из Шанхая пароходов «Индибирка» и «Симферополь». В прошлые годы они поддерживали жизненно необходимую связь камчатской столицы с материком. Тут же сообщено, что суда, «угнанные белобандитами старковской шайки из Владивостока, стоят в Шанхае и Гензане без угля и нуждаются в ремонте. Ввиду тяжёлого положения “беженцев” Старк (контр-адмирал. — С. Г.) вёл переговоры о продаже части судов иностранцам».

7 января Народный дом переименован в гарнизонный клуб «Имени Третьего Интернационала».

Телеграфное агентство ДальРосТа сообщило из Читы, что в Шанхай на японском пароходе прибыли сто пятьдесят беяковбочкарёвцев, в их числе «меркуловский губернатор», недавно «правивший» в Петропавловске аж целую неделю, генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев.

Во Владивосток возвратился пароход «Симферополь», находившийся вне распоряжения Доброфлота около трёх лет. Вернулся и «Кишинёв», побывавший в портах Японии и Китая уже под советским флагом. Ожидали прихода из Гонконга «Индибирки».

21 января стало известно, что во Владивосток из Японии отправились четыре рыбопромышленника во главе с председателем общества «Цуцуми» для выяснения вопросов предстоящего промысла. Позже пришло сообщение, что торги на сдачу в годичную аренду речных рыболовных участков назначены на 1 февраля, попудная плата за улов отменена. Сдача морских участков ещё не обсуждалась.

26 января дошли известия, что «Главком Уборевич» вернулся во Владивосток. На нём туда прибыл один из членов Камчатского губревкома, тоже с целью разрешения ряда жизненно важных для камчатского населения рыбных вопросов.

4 февраля горожане оповещены о том, что в Петропавловск «этапным порядком» доставлен и посажен под арест старший рабочий, японский подданный Нюро, он же сторож рыбалки фирмы «Люри» в устье реки Кихчик. Обвинён в убийстве обитателя селения Кихчик И. П. Боева.

После окончания очередного спектакля горожанин А. В. Петров пожертвовал для клуба «Имени Третьего Интернационала» материал для драпировки окон и дверей. «Отмечая настоящее пожертвование, администрация клуба приносит глубокую благодарность гражданину Петрову, как первому, пошедшему навстречу молодому рассаднику пролетарской культуры».

Около трёх часов ночи с 4 на 5 февраля чувствовалось сильное и продолжительное, около двух минут, колебание почвы. После этого чуть-чуть потряхивало до половины шестого утра, а затем разок встряхнуло посильнее и затихло. Но через двенадцать минут снова почувствовался короткий толчок.

5 февраля поздно вечером, в четверть одиннадцатого, опять ощущались подземные толчки. В городе ходили слухи, что вскоре будет запущена прекратившая работу сейсмостанция (на деле это случится ещё не скоро). Приехавшие с восточного побережья рассказывали, что, подъезжая к Петропавловску, видели, что во время последнего землетрясения из Халактырского озера выпучило много земли и ила.

10 февраля решением составленной из горожан комиссии, утверждённым губревкомом, переименованы городские улицы. Бывшая главная — Большая, она же Первая, стала именоваться Ленинской. Вторая обратилась в Таможенную, Третья — в Партизанскую. Набережная осталась при своём названии, Озерная-Казначейская сменилась Никольской. Судейский городок стал Красным, Братская площадь — площадью Свободы, Церковная площадь — Советской. Наименованы переулки, доселе обозначавшиеся по фамилиям владельцев рядом стоявших домов: «возле Личкуна» — Озерной, «возле Огородникова» — Рябиковский, «возле Колмакова» — Пожарный, «возле Бакулова» — Крутой. Переулок Базарный стал Охотским, Больничный сохранил своё название, Казённый обратился в Губернский. Городскую топонимику дополнили и имена великих мореплавателей, оставивших свой след в истории полуострова:

переулок Церковный стал Беринговским, Центральный — Лаперуза. Три улицы с незатейливым обозначением «поперечные» обрели настоящие, «коренные» названия — Завойкинская, Камчатская и Командорская.

Намеченные на перспективу новые улицы за Култучным озером названы пока только на бумаге: Озерная, Тигильская, Авачинская, переулки Гижигинский, Чукотский, Коряцкий, Ключевской и Кладбищенский. Городским хозяйством ведал подотдел губревкома (заведующий В. Святой, городской техник Н. Цапов).

11 февраля в три часа ночи в районе селения Колыгирь произошло сильное землетрясение. В течение десяти минут дно бухты было оголено — морская вода отступила от берега на две версты. Затем она со страшной силой и шумом бросилась на берег. Селение не было затоплено только потому, что берег с лежавшим на нём снегом представляли собой вал высотой в четыре сажени (сажень — два метра тринадцать сантиметров). Устье реки забило льдами. Значительно позже в город пришли сведения, что все находившееся в реке и на берегу плавредства поломаны, заготовленная рыба и пятьсот пудов соли унесены, кошка на протяжении трёх вёрст занесена песком, русло реки изменилось, уровень воды в ней значительно повысился.

Поступило сообщение, что 7-го числа во Владивостоке революционный военный трибунал завершил слушанием дело белой Охотско-Камчатской экспедиции. Процесс длился шесть дней. Хорошо известные петропавловцам «особоуполномоченный» с правами прежних губернаторов Х. П. Бирич, Р. Я. Салатко-Петрище, А. Л. Полищук, В. А. Кулий «безапелляционно» приговорены к расстрелу. Жена Бирича оправдана. Приговор приведён в исполнение 22 февраля.

Население извещено, что в клубе намечено заседание первой сессии губернского ревтрибунала. Она состоялась через два дня, судили бывшего начальника городской милиции при «прежнем режиме». Тот отделался пятилетним сроком заключения.

28 февраля в качестве исторической справки сообщено, что в этот день (но по новому стилю, по старому — 16-го) в 1898 г. скончался руководитель обороны Петропавловского порта в 1854 г. адмирал В. С. Завойко.

3 марта заведующий финотделом губревкома И. Ф. Голованов дошёл до сведения населения текущий курс золотого рубля для взимания в казну разного рода налогов, пошлин и сборов. Он приравнивался к двум рублям шестидесяти копейкам разменного сереб-

ра; одной иене четырнадцати сенам; пятидесяти четырём американским центам; одному мексиканскому доллару и десяти центам. Одна иена составляла два рубля тридцать копеек разменным серебром.

7 марта стало известно, что из Владивостока на Камчатку для обследования возможно нефтеносных площадей будет отправлена геологическая экспедиция. На её организацию Приморский губревком выделил пятнадцать тысяч рублей. Некоторое время тому назад охотники наткнулись на выходы нефти в районе реки Богачёвки.

Оглашена нота советского правительства Японии, в которой указывалось, что посещение японскими военными кораблями тихоокеанских портов Советской России, в том числе и Петропавловска, допускается лишь с его согласия.

12 марта из Усть-Камчатска дошли вести, что в последнее время в селении ощущаются сильные землетрясения, до десяти раз в день. Поломаны печи, расшатаны строения, треснул лёд на реке Камчатке, жители из опасения за свою жизнь ютятся на улицах. Землетрясения они объясняли действием Ключевской сопки. В январе-марте неоднократные и довольно сильные толчки чувствовались и в Петропавловске.

Во Владивостоке прошли торги на отдачу в аренду рыболовных участков. На один сезон во внеконвенционных водах (определявшихся по уже завершившейся действием в 1919 г. русско-японской конвенции 1907 г.) сданы тридцать семь рыболовных и пятьдесят пять засольных участков на общую сумму более трёхсот тысяч золотых рублей. Из их числа два засольных участка на реке Камчатке достались Центросоюзу, на реке Большой сдано всего семь засольных участков, два из них предпринимателю С. Грушецкому — на третьей и шестой верстах, один предпринимателю Шатику — на десятой версте, Центросоюзу — на 11-й и 13-й верстах. Артели из селения Хайково сдан участок на 15-й версте, артели «Труженник» — на 17-й. Участок в протоке Озерной получили жители селения Зуйково. На реке Налычево будет один засольный участок. Устье реки Островной (Вахиль) осталось свободным.

Урегулированы вопросы рыболовства между японской и советской сторонами, заключён договор на один год. Торги на морские участки назначены на 27 марта. К ним на равных правах допускаются ранее небывалые государственные, а также кооперативные, общественные организации и частные лица, как русские, так и иностранные подданные.

21 марта началась публикация бюллетеней о состоянии здоровья «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина. У него «вновь появились признаки нарушения кровообращения, что повлекло за собою некоторое ослабление двигательных функций правой руки и ноги».

30 марта заработала установленная на острове Беринга радиостанция.

11 апреля дошла весть о том, что 2-го числа Владивостокский порт покинул японский крейсер «Ниссин» — «последнее судно интервенции».

Стали известны и итоги торгов на морские рыболовные участки. Их сдано на общую сумму миллион сто шестьдесят одна тысяча золотых рублей, отечественным организациям и частным промышленникам досталось тридцать три рыбных и крабовых промысла за сто девятнадцать с половиной тысяч рублей.

18 апреля опубликована весть, что в районе Усть-Камчатска и Командорских островов в ночь с 13-го на 14-е число случилось сильное землетрясение. На островах вода поднялась на две сажени выше уровня моря. Радиостанции на острове Беринга и в Усть-Камчатске на вызовы Петропавловска не отвечают. Возникли предположения, что они повреждены.

Через два дня обстановка более-менее прояснилась. По пришедшим из Козыревска «официальным сведениям», события в Усть-Камчатске развивались так. Вечером 13 апреля начались колебания почвы. Утром 14-го в полтретьего ночи последовал сильный толчок, разрушивший в домах кирпичные печи. Около половины четвёртого утра 15 апреля волной, нашедшей с моря, совершенно смыло с кошки старый консервный завод фирмы «Демби и Ко» с находившимися на нём служащими, склады с товарами и продуктами. Смыты и заводы японских фирм «Цуцуми» и «Ничиро». Здание радиостанции уцелело, но забито льдами, «аппараты, наверное, поломаны», но служащие спаслись. Снесена часть нового завода Демби. Захватило юго-западную часть села, много домов разрушено и завалено льдами.

Число погибших пока точно не установлено. Женщины и дети к шести часам утра из Усть-Камчатска препровождены вверх по реке и размещены в селениях Николаевке, Чёрном Яру и Нижнекамчатске, приняты меры по снабжению их продовольствием. Сильные толчки продолжаются. Река от устья версты на полторы вскрылась и пробилась новое устье рядом со старым.

Позже выяснено, что погибло пятеро русских, столько же китайцев и 13 японцев, среди них служащие фирмы «Демби и Ко»

Озолин и Н. С. Пузанов с женой. «По словам двух японцев, спасшихся от катастрофы, они в течение восьми дней скитались по залитой водой тундре без пищи и сна, пока случайно не набрали на селение Берёзовый Яр, где им оказан был приют и медицинская помощь. На их глазах погиб их спутник повар-японец. По их рассказам, они бежали две с половиной версты от настигавшей их волны, которая с огромным шумом тихо двигалась вперёд; спаслись японцы благодаря глубокому снегу, так как волну задерживал снег».

Пришла и хорошая новость: из частных источников стало известно, что первый японский почтовый пароход выходит в Петропавловск из Хакодате 8 мая. В то время навигация завершалась в ноябре или декабре, а первое судно приходило в Петропавловск к концу апреля или началу мая. Получалось, что почти полгода Камчатка оставалась без связи с материком, исключая радиотелеграфную. Поэтому почта, например, из Хабаровска для города накапливалась во Владивостоке и прибывала на место в навигационное время с задержкой до шести-семи месяцев. Нетрудно представить, с каким нетерпением горожане ждали первый пароход открывшейся навигации. К тому же за это время подходили к концу и запасы продовольствия, а также самые необходимые товары.

27 апреля обнародованы дополнительные сведения о событиях в Усть-Камчатске. Там продолжало трясти, но «река и море имеют нормальное положение». Шло обследование берегов и нагромождённых на них льдов, откуда извлекали продовольствие и товары, в первую очередь, предметы первой необходимости. Выяснилось, что в море унесло катер «Беринг» рыбного управления, который пока не найден. Катера «Пента» отдела коммунального хозяйства губревкома и «Болиндер» местного кооператива заброшены высоко на берег. Из шести катеров фирмы «Демби и Ко» четыре выбросило на берег и затёрло во льдах. Достали из-под льда части радиостанции, много оборудования пришлось в совершенную негодность. Жизнь в селении постепенно входит в обычную колею, некоторые жители возвращаются к родным развалинам, но многие пока остаются в Нижнекамчатске. Начавшаяся было эпидемия ветряной оспы затихла, в течение последней недели никто не заболел.

Организованные райревкомом в первые дни после катастрофы «столовые помощи пострадавшим», сильно поспособствовавшие жителям разрушенного селения, постепенно сворачивались. «Революционная власть сделала всё возможное, чтобы помочь пострадавшим

гражданам от стихийного бедствия, но эта помощь недостаточна, ибо и сама власть небогата. Поэтому было бы хорошо, если бы население Камчатки уделило бы из своих остатков маленькие крохи и тем самым дало бы возможность легче изжить нагрянувшую неожиданно и негаданно беду...» — писал в своём обращении к камчатцам редактор «Полярной звезды» В. М. Кручина.

1 мая население города оповещено о том, что 28 апреля из Хакодате в Усть-Камчатск с заходом в Петропавловск отправился японский пароход «Хакусе-мару», зафрахтованный фирмой «Демби и Ко». Долгожданная навигация открывалась.

6 мая сдано семь рыболовных угодий на общую сумму девятьсот сорок пять рублей. Оставшиеся одиннадцать участков предлагались к сдаче на дополнительных торгах. Их «вялость» объясняли отсутствием в городе соли и бочек, которые, впрочем, «при желании рыбаков и выяснении потребного количества могло бы быть выписано через Коммунхоз из Владивостока, наверное, ниже цен японских».

Некоторые горожане обратили внимание на скверное состояние памятника на братской могиле защитников порта в 1854 г., «за которым, видно, не было никакого присмотра». Штукатурку отбили хулиганы, кругом грязь, внутри памятника установлены иконы, они завалены снегом, на котором видны «визитные карточки» собак. «Не мешало бы губревкому взять под свою опеку все находящиеся в Петропавловске памятники, а также изъять остатки презренной памяти кровавого царя Николки, мозолящие глаза напоминанием о трёхсотлетнем позорном унижении трудящихся».

11 мая из полученной телеграммы стало ясно, что из Владивостока вышел пароход «Томск» (теперь бывший крейсер «Командарм Уборевич»), а его прибытие ожидается 22-го числа. На нём едут двести сорок восемь пассажиров, среди них свыше сорока сотрудников губревкома, в том числе учителя. А также следует три тысячи пудов «государственного груза» и уголь. «Томск» простоит в Петропавловске не более двух суток. Судном командовал известный капитан К. А. Дублицкий.

Некоторые городские обитатели, узнав об этом, загодя собрались с целью заработка в «Союз выгрузчиков». На первом заседании, «оберегая интересы организованного пролетариата», поставлен вопрос о недопущении в город рабочих с материка. В союз вошли почти все домовладельцы и только несколько человек, «бросивших место своей службы в предвкушении предстоящих сезонных заработков».

Где же здесь декларируемая большевиками классовая солидарность? — задавались вопросом партийцы и отвечали, что её нет, да и не может быть у мелкого собственника-домовладельца, «ибо его личный интерес стоит выше всех остальных его чувств, а тем более, классового понимания». Подозревали, что побудительным мотивом к созданию этого союза явилась возможность захватить в свои руки сезонные работы, назначая цены за них по собственному желанию. «Самим домохозяевам работать не придётся, для этого есть корейцы. А чтобы это не бросалось в глаза революционной власти, которая должна следить за распределением рабочей силы и её эксплуатацией, то в союз приняты были и рабочие, по имущественному состоянию, которые должны будут работать, то есть, значит, будут работать за весь союз».

Продовольственный склад губревкома уже был готов продать всем желающим «в большом количестве и по удешевлённым ценам» бочки и рыболовные принадлежности. Склад открыт ежедневно, кроме воскресных дней, с девяти до двенадцати и с двух до пяти вечера.

Стало известно о нахождении у берегов Чукотки затёртых во льдах хищнических, то есть браконьерских, и не имеющих права на плавание в советских территориальных водах иностранных шхунах. А по Японии гуляло «нелепое известие о провале островов Беринга и Медного по причине сильных камчатских землетрясений».

Уполномоченный Наркоминдела распорядился беспрепятственно допустить в пострадавший Усть-Камчатск японский пароход «Кацуура-мару».

Обнародованы интересные сведения о жизни камчатской глубинки. Так, цены на пушнину по западному побережью в сезон 1922—1923 гг. держались следующими: на соболя — от ста пятидесяти до трёхсот пятидесяти иен, в среднем двести пятьдесят; на лисицу — от тридцати пяти до пятидесяти иен, в среднем сорок; на горностаёв — от полутора до трёх иен. Выдра стоила около ста, белый песец — от сорока до шестидесяти иен за штуку. (Местное население пока предпочитало получать от скупщиков, как соотечественников, так и иностранцев, твёрдую иностранную валюту. Спустя довольно короткое время эта вольница закончилась — была установлена государственная пушная монополия, ставшая одним из важных источников пополнения казны.)

Цены на продукты по побережью разные, в зависимости от близости селений к рыбалкам, городу, а также определяются условиями их

доставки с берега моря до селений. Мука первого сорта в Усть-Большерецке стоила семь с половиной иен за куль весом один пуд пятнадцать фунтов, а в Хайрюзово — двенадцать иен. Кирпичный чай обходился от одной до двух иен за кирпич, рис — от восьми до двенадцати иен за пуд, сахар — от тридцати до пятидесяти сен за фунт, мануфактура — от тридцати сен до одной иены за аршин...

Спирт ходил в большом количестве по всему побережью. Летом его завозили на рыбалки, откуда обменивали местному населению на пушнину и рыбу. Зимой он стоил пять-десять иен за бутылку. Её именовали «старичком», так как на этикетке был изображён бюст какого-то старца. «Благодаря этому обстоятельству среди населения наблюдается сильное пьянство».

Из протокола опроса милицией одного из обитателей района реки Ича следовало, что на рыбалку промышленника А. С. Хрипко было привезено пятьдесят пять вёдер спирта. Хрипко продавал его русским и камчадалам не за деньги, а за рыбу из расчёта по два рубля за бутылку. Спирт был японским, по слухам, стоил не дороже полтинника за бутылку. При этом в прошлом, 1922 г., на западном побережье горбушу принимали по полторы копейки за штуку, Хрипко же давал по копейке за «хвост».

Кроме Хрипко, русские промышленники действовали в устье реки Большой, здесь ловили Миронов и Грушецкий, на реке Утке (Захаров), в Кихчике (торговый дом «Бр. Люри»), на реке Коль (Пугачёв и общество «Астраханский холодильник»). Близь селения Мономахово работал промышленник Надецкий. В Колпаково действовал промысел Менарда, в Крутогорово — Попова и на Иче — Эльвангера. Кроме того, по всему западному побережью простирались японские рыбалки. За последние годы почти все русские предприятия субсидировались японскими капиталистами, поэтому их продукция вырабатывалась исключительно для зарубежного рынка. Все промыслы обслуживались преимущественно японскими рабочими.

Русские, в отличие от них, «как более сознательные» требовали относительно высокую зарплату, причём только наличными, хорошие жилищные и бытовые условия. Понятно, что это снижало прибыли промышленников. Те нашли выход: стали уменьшать число русских, вместо них набирать «более тёмных, забитых иностранцев». Стала законным образом понижаться доля отечественной рабочей силы. Сначала промышленники имели право нанимать только треть иностранцев на каждой рыбалке, но к 1916 г. их доля выросла до трёх четвертей. Правда, случались и исключе-

ния. Так, в 1920 г. во Владивостоке были наняты «русские артели» сплошь из босяков и безработных. «Платили им по тому времени самое высокое жалование — водкой».

Рыбоконсервные заводы действовали в районе Кихчика (японский) и в Колпаково (русский Менарда). На зиму японцы уезжали, забирая готовую продукцию, оставляя на промыслах громоздкое оборудование и своих сторожей. Вот они-то и меняли драгоценную пушнину на спирт и товары. «Корейцев проживает значительное число. Занимаются извозом товаров от местных фирм, служат в качестве рабочих у местных жителей, и главным образом, торговлей спиртом».

12 мая из селения Мономахово, ещё сохранявшем в названии память о последнем царском губернаторе, сообщили, что сюда заходил пароход фирмы «Ничиро», следовавший из Большерецка. Его администрация уточняла у прибывших на борт местных властей слухи, упорно гулявшие в Японии, что якобы этой зимой все проживающие на Камчатке японцы были убиты. «Получив отрицательный ответ и увидев невредимых японцев, зимовавших на рыбалках, пароход снялся с якоря».

20 мая начальник губернской милиции Н. П. Фролов объявил порядок приёма судов в Петропавловском порту. Их встречает администрация, никто из горожан до этого не должен общаться ни с экипажами, ни с пассажирами. С судов, не подходивших к пристани, граждане, доставившие грузы для города, должны выгружать их на пристани Доброфлота. Если кто-то хочет делать это в другом месте, должен получить разрешение милиции. Все катера и шлюпки, отходящие от пароходов и шхун, могут становиться только к пристани. В ночное время шлюпкам подходить к пароходам запрещается. Виновных в нарушении этого порядка ждали штраф до трёхсот рублей или принудительные работы на срок до трёх месяцев.

27 мая начальник милиции предупредил о нежелательности поездок за заработком в пострадавший Усть-Камчатск: там нет ни жилья, ни достаточных запасов соли, бочек, отсутствуют орудия лова, лодки, рыбу принимать пока никому.

5 июня недавно прибывший представитель Доброфлота, его полномочный агент в Петропавловске В. М. Андржеевский объявил, что постановлением Совнаркома СССР от 11 января 1923 г. флоту предписано «сосредоточить» всё своё добро, где бы оно ни находилось. «Во исполнение сего всем учреждениям и лицам, у которых находится имущество Доброфлота, надлежит сдать таковое

по принадлежности. Лицам, знающим о сокрытии означенного имущества кем бы то ни было, предлагается заявить мне».

8 июня опубликовано письмо В. М. Андржеевского, опровергавшее возникший было слух: «В одном из недавних номеров “Полярной звезды” была помещена заметка о том, что на пароходе “Томск” во время следования его в Петропавловск была зарезана павшая корова. Определение этого факта почти точно, но в общежитейском смысле оно искажено: корова до своего зарезания, действительно, упала, но только вследствие того, что во время шторма сорвавшимся ледником переломало все её ноги, и стоять в силу этого она более не могла. Помимо этого, лично зная капитана парохода “Томск” К. А. Дублицкого, не могу допустить мысли, чтобы на пароходе под его командованием мог бы иметь место факт зарезания павшего (в общежитейском смысле этого слова) скота».

10 июня вернувшиеся в город охотники рассказали, что у мыса Красного (близ бухты Жировой) плавают много досок, бочек, обломков лодок. Возможно, здесь потерпела аварию какая-то рыболовная шхуна.

11 июня прибыла первая настоящая боевая единица Морских сил Дальнего Востока — хорошо известная камчатцам бывшая губернаторская яхта «Адмирал Завойко», сейчас являвшаяся посыльным судном и именовавшаяся «Красным вымпелом». На ней находился рыболовный надзор во главе со старшим инспектором рыболовства И. И. Семёновым. Впервые в охотско-камчатских водах демонстрировался советский военно-морской флаг.

А демонстрировать его было кому. Ещё 21 мая в шесть вечера в Петропавловск зашёл отряд японских кораблей — вспомогательное судно «Канто» и три миноносца. Обыгрывая ответ японцев на заданный резонный вопрос о цели визита, населению сообщено: «Не ицвецна!»

Заход отряда с советскими властями не согласовывался. Это вызывало законное возмущение губревкома: «Так было год тому назад. Говорить в то время о суверенных правах русского народа не приходилось...» Теперь же на всём необъятном пространстве России существовала единая власть — советская, «власть трудового народа».

А вскоре визиту нашлось объяснение. «Они, видите ли, прибыли сюда с дружескими намерениями, спасти потонувший в прошлом году их крейсер “Нийтака” и его людей. Миноноски же пришли ещё и с другой целью — это следить за правильностью

рыбной ловли японскими рабочими на арендованных японскими рыбопромышленниками камчатских рыбалках».

Но деваться было некуда, и местное военное командование решило кораблям японского отряда брать воду из городских источников с оплатой на общих основаниях. Незваным гостям, то есть личному составу, разрешён съезд на берег для прогулок. Утром 24 мая с «Канто» началась перегрузка угля на миноносцы, 7 июня два из них ушли в Усть-Камчатск — «наблюдать за результатами землетрясения». 11 июня вернулись, причём один встал на створе, чем перегородил фарватер. «Во избежание могущих быть бедствий для мореплавателей» местное военное командование предложило очистить фарватер и переменить место стоянки на более подходящее. «Не думаем, что японские военные моряки не знают международных законов о мореплавании... Впрочем, они в прошлом году стояли точно так же». В тот же день корабли отошли на другие места.

14 июня командир «Красного вымпела» А. И. Клюсс провёл в клубе политчас на тему: «Наименование нашего государства и рабоче-крестьянская власть в России».

15 июня, в пятницу, команды миноносцев устроили гребные гонки. На них присутствовали командующий войсками Охотско-Камчатского края М. П. Вольский и военный комиссар Камчатской губернии В. М. Кручина.

Населению разъяснено значение договора, недавно подписанного Дальрыбохотой с японскими промышленниками. Признано, что он «знаменует собою новый шаг по пути упорядочения народного хозяйства на Дальнем Востоке». Японцы были готовы заплатить четыре миллиона рублей, из которых уже внесли шестьсот тысяч. Это была плата за ресурсы, использованные в годы недавнего гражданского противостояния, когда часто менялись правительства разнообразного политического толка. Теперь же японцы «согласились с тем положением, что советская власть является единой законной властью на Дальнем Востоке, и что только путём соглашения с этой властью возможны нормальные торговые взаимоотношения».

16 июня в полночь пришёл пароход «Кобе-мару» с грузом для торгового дома «Сайденберг и Виттенберг», фирмы «Кикучи» и канадской (английской) компании «Гудзон Бей».

19 июня, в субботу, экипаж «Красного вымпела» показал на клубной сцене «шутки в одном действии». Вначале сочинение Андреева «Попугай», затем — «Происшествие». По окончании танцевали до утра.

20 июня «Красный вымпел» ушёл на Командоры. Его моряки намеревались по возвращении поставить второй спектакль — «Безденежье» Тургенева, а также пьесу «из партийной жизни» «Белые и красные» и чеховского «Медведя».

Ночью неизвестные злоумышленники взломали окно в пакгаузе Доброфлота, через которое похитили по ящику сухофруктов и окороков, принадлежащих компании «Гудзон Бей».

22 июня всем городским иностранцам предложено явиться для регистрации к заведующему «иностранным столом» при отделе управления губревкома. Каждый должен прибыть лично, с национальным паспортом и видом на жительство в СССР.

28 июня милиция оштрафовала домовладельца Е. Ф. Одынца за непрописку жильцов по домово́й книге, граждан Самсонова и Деушева за «ропуск по городу лошадей».

Из поездки в бухту Жировую для осмотра тамошних каменно-угольных залежей вернулись председатель губревкома М. И. Савченко и командующий войсками Охотско-Камчатского края М. П. Вольский. В прошлом году туда же ездили представители «белых» властей. Возможность использования местного топлива интересовала всех руководителей, без различия их политической окраски.

29 июня в одиннадцать часов ночи пришёл японский пароход «Оно-мару», зафрахтованный рыбопромышленной фирмой «Братья Павло» и Н. Козловым. После разгрузки судно ушло в Усть-Камчатск.

Объявлен курс золотого рубля, который с 22 марта приравнен к семидесяти бумажным рублям выпуска этого года.

Как курьёз сообщено, что назначенный ещё царским правительством консул в Хакодате Лебедев продолжает выдавать разные бумаги как представитель Российского государства. Ему советовали «закрыть свою лавочку, так как выдаваемые им документы всё равно считаются недействительными».

В скором времени ожидался пароход «Кишинёв», а с ним прибытие начальника Камчатского ГПУ Баранова с сотрудниками.

30 июня принято обязательное постановление губревкома «О воспреещении торговли, ввоза всякого рода ядов и наркотических веществ». На основе правительственных решений запрещался ввоз стрихнина и прочей отравы, а также опия, морфия, кокаина и другой «дури». Запрещалось и их хранение лицами, на то не уполномоченными. Имеющееся добро такого рода следовало в трёхдневный срок сдать начальнику городской милиции. Все содержатели опиумокурилен, притонов морфинистов и кокаинис-

тов, «и вообще, способствующие тем или иным способом распространению, употреблению наркозов, подвергаются в административном порядке взысканию: денежному штрафу по триста рублей золотом или принудительным работам до трёх месяцев с конфискацией обнаруженных ядов и наркотических веществ и принадлежностей для применения последних, как-то: трубки для курения, шприцы для впрыскивания и пр.».

Тогда же принято обязательное постановление «О воспреещении торговли и ввоза всякого рода спиртных напитков, выгонки самогонки и других суррогатов».

1 июля под заголовком «Участь одна» газета сообщила, что ещё 17 июня «ликвидирована банда генерала Пепеляева». Советский экспедиционный отряд после тяжёлого стовёрстного перехода по тундре в два часа дня взял Аян. «Захвачены в плен триста пятьдесят семь белых, в том числе генерал Пепеляев, сто три офицера и двести тридцать солдат. С нашей стороны — один раненый. В Охотском уезде правопорядок восстановлен и закреплён. Белобандиты к 1 июля будут доставлены в город Владивосток». Несложно догадаться, какая же участь ждала их там. Так был погашен один из последних очагов длившегося уже шестой год гражданского противостояния в России.

Клуб намеревался показать комедию «Шельменко-денщик» поставленную В. С. Романовским. По окончании — танцы.

В Усть-Камчатске начался ход лосося. «Ход в нынешнем году небывалый. Рыба благодаря тому, что сбывать её в этом году некому, проходит вверх по реке».

4 июля пришли вести из Большерецка. Там тоже начался большой ход лосося. Фирма С. Грушецкого уже отправила с пароходом «Симферополь» первую партию продукции — двести пятьдесят бочек, полторы тысячи ящиков консервов и триста двадцать тысяч рыбин сухого японского посола.

5 июля народный суд Петропавловского участка слушал гражданское дело по иску А. Д. Брагина к Ф. С. Воробьёву на триста тридцать семь рублей неполученной квартплаты. Учитывая сложное материальное положение обоих, суд решил взыскать сто тридцать три рубля тридцать три копейки, вычитывая из зарплаты ответчика по двадцати одному рублю двадцать пять копеек ежемесячно. Судебные издержки в тринадцать рубликов разложены на истца и ответчика поровну.

6 июля у рыбопромышленника Эльвангера отобрано двадцать пять ящиков спирта. Ещё в прошлом году он арендовал морской

участок на западном берегу. По условиям аренды ловить мог только в море, но тем не менее послал своих рабочих, русских и японцев, с неводом и кунгасами в речку Ичу. Местные жители из селенья Афанасьевка вместе с помощником рыболовного инспектора Горбачем реквизируют два «хищнических» кунгаса. Тогда Эльвангер «начал спаивать своих рабочих спиртом и натравливать их на местных жителей», в результате двое сельчан были избиты до полусмерти.

Вскоре начальник Большерецкой милиции оштрафовал доверенного Эльвангера на тысячу рублей за нарушение обязательного постановления губревкома, конфисковал три шкурки соболя, «утаённые от регистрации». Две соболиных шкурки отобраны и у доверенного А. С. Хрипка, тоже за сокрытие от регистрации. Привлечены к ответственности сторожа рыбалок японцы Ооги Гензо (за травлю пушного зверя стрихнином, найдена одна лисица), Гезо Ойкава (за скуп пушнины и продажу спирта), Орузимуро Незо (за травлю зверя) и сам Хрипка (за торговлю спиртом и спаивание населения).

Но, справедливости ради, следует заметить, что в июне до города дошли слухи о приказе японских властей хакодатской таможне не допускать погрузки спирта на пароходы, отходящие на Камчатку. Лиц же, уличённых в провозе, следовало задерживать и привлекать к строжайшей ответственности, независимо от национальности.

Подотдел горкомхоза предложил горожанам зарегистрировать всех собак с выдачей специальных значков за плату в полтора рубля. Иначе — расстрел, то есть уничтожение беспризорных животных. Попутно объяснено, что все желающие возвести какие-либо постройки обязаны представить в подотдел планы и чертежи.

Горожанин Ф. Комаров желал нанять на летний сезон ездовых собак. Просил обращаться с условиями.

В клубе — «Вечер красноармейца» с показом пьесок «Бабыя деревня» и «Любовь студента». Билеты не продавались — спецобслуживание.

Городской аукционист И. Д. Грызлов объявлял о распродаже по желанию М. А. Поповой принадлежавших ей кровати, стола, стульев, кресла, буфета, ружья, самовара с подносом, поперечной пилы, суконной дамской и мужской одежды.

8 июля, в воскресенье, пришёл пароход «Томск». На нём проездом на север прибыл известный писатель, путешественник и естествоиспытатель В. К. Арсеньев. За короткое время стоянки он посетил имевшийся при Петропавловской школе второй ступени естественно-

исторический кабинет, то есть школьный музей. Здесь он «со свойственной ему живостью и увлечением, красочно и образно, рассказал яркие странички из дневника своих этнографических путешествий на север Приморской области и нашего Камчатского полуострова. Приходится сожалеть, что такой редкий и интересный гость был лишён возможности поделиться своими богатыми познаниями по краеведению и этнографии с более обширной аудиторией».

Впрочем, такая возможность ему ещё представится.

Прибыли на «Томске» и другие гости, вернее, хозяева, как они себя вскоре проявили, сотрудники губернского отдела ГПУ во главе с начальником Барановым и командиром дивизиона Кобывским. Вскоре они, словно завоеватели, начали самовольное заселение в жилища местных обитателей, чем вызвали в городе настоящую панику. Впрочем, вскоре эти визитёры были обезврежены местными властями и воинской силой и отправлены обратно во Владивосток. Какое-то время обязанности начальника местного ГПУ исполнял В. М. Кручина, комендантом при нём был некто Савицкий.

Во вновь открытой лавке на улице Большой, в доме Деушева, что стоял напротив лавки Чурина, продавалось свежее мясо.

Утерянный кошелёк с двадцатью иенами просили вернуть в газетную редакцию.

Губернская комиссия изжития последствий голода (В. И. Святой и А. В. Петров), сокращённо последгол, принимала пожертвования в ревкоме и отделе губкомхоза.

10 июля пришёл японский пароход «Коун-мару № 2», зафрахтованный Шемлячинским товариществом, на нём прибыл член губревкома И. Е. Ларин со штатом сотрудников. Для Коммунхоза привезено свыше трёх тысяч пудов муки, шестьсот пудов сахара, материя, стройматериалы и прочие товары. На судне прибыл геолог П. И. Полевой, намеревавшийся заняться изысканиями в районе Шемлячика. Пароход доставил и новую администрацию Петропавловской таможни.

11 июля в десять часов утра появился пароход «Кобе-мару» акционерного общества «Курибаяси», на котором прибыл японский консул господин Симада. Слово «господин» в стране большевиков звучало противоестественно, но дипломатический этикет к тому обязывал.

Обнародовано расписание рейсов «Кобе-мару». Так, четвёртый по западному побережью с заходом в Усть-Камчатск начинался 21 июля из Отару, в Петропавловск судно должно было прибыть

29 июля, в Усть-Камчатск — 2 августа и 11-го ожидалось в Хакода-те. В Петропавловске находился агент общества М. Масуда.

Опубликовано обращение председателя ВЦИК М. И. Калинина «ко всем органам советской власти, ко всем общественным организациям и ко всем трудящимися республики». Недавний 1-й съезд Советов обратил внимание на бедственное положение народного просвещения. «Школьное дело в республике падает, школьные работники голодают, школьная сеть сокращается. Пришла пора положить всему этому предел... Школа должна перестать нищенствовать. Школа больше не может оставаться невольным пасынком, она должна стать любимым детищем органов советской власти и всех организаций трудящихся масс».

В середине года заведующий (тогда говорили «заведывающий») губернским отделом народного образования (губОНО) имел месячный оклад сто тринадцать, заведующий школой — семьдесят, учителя — от сорока семи до пятидесяти семи рублей пятидесяти копеек. Прямо скажем, негусто. В городе в то время трудились следующие педагоги: Б. Э. Пивинский, имевший возраст двадцать восемь лет, А. Ф. Дубков, сорок семь лет, М. Г. Бадах, двадцать семь лет, Г. Д. Сосновский, тридцать семь лет, В. М. Адамов, тридцать три года, А. Я. Кочетков, тридцать восемь лет, С. И. Дометнев-Павлов, тридцать один год, Е. И. Воротникова, сорок два года, Т. Г. Сосновская, тридцать три года, А. В. Сусяк, тридцать шесть лет, М. Ф. Морозова, двадцать семь лет, А. А. Архангельский, тридцать девять лет.

Большинство имели общее среднее образование, затем окончили учительские институты, но были среди них и выпускники духовной семинарии, гимназии. Один окончил три курса горного института.

У Култучного озера при большом стечении народа состоялся парад войск Охотско-Камчатского края. Его принимало местное военное командование.

Горожанка Е. Шаталина приглашала столоваться в собственном доме по Третьей улице (это она так по старинке именovala теперешнюю Партизанскую). Отпускала обеды и на дом.

Стало известно, что охотник П. П. Воронов в вершине реки Богачёвки по течению правой стороны, около сопки Гамчена обнаружил выход нефти. Геолог П. И. Полевой (отец известного знатока истории Северо-Востока России, доктора исторических наук Б. П. Полевого) оценил её как «высшего качества», содержащую много минеральных масел. Нефть, по словам Воронова, сочилась из

земли. Её образцы решено отправить с пароходом «Томск» в Москву на предстоящую осеннюю Всероссийскую выставку.

12 июля упразднён городской подотдел ЗАГС при Горкоммунхозе. Его обязанности переданы губЗАГС (начальник Похвалинский, секретарь Елисеев).

Народный суд слушал дело по иску Анны Овсюк к Н. В. Киринцу на сумму пятнадцать рублей за трёх кур, съеденных собакой. Суд, ознакомившись с заявлениями сторон и показаниями свидетелей, принимая во внимание, что истица не доказала, чья именно собака отведала её курочек, а также и сколько их было, вынес определение — в иске отказать. Судебные издержки в два рубля с полтиной возложены на истицу. А вот в деле об убийстве Петром Евсеевым ездовой собаки Андрея Антошкина постановлено — взыскать с первого, служащего почты, двадцать пять рублей золотом как одну четверть его содержания, то есть по десять с полтиной в месяц из оклада сорок два рубля. Судебные издержки в шесть рублей десять копеек разложить на обоих.

13 июля выяснилось, что на «Эривани», на днях отправляющейся из Владивостока, придет магистр ветеринарных наук С. А. Грюнер, снова приглашённый на службу в Камчатскую губернию. Он займётся разведением оленей.

Агентство Доброфлота принимало меры к приведению в порядок труб, снабжавших заходящие в порт суда водой.

15 июля, в воскресенье, объявлено, что приступил к работе вновь сформированный губернский военный комиссариат. Место расположения — Петропавловск, Красный городок, четвёртый флигель. Всем гражданам, прибывающим на полуостров, ранее стоявшим где-либо на учёте, приказано явиться и зарегистрироваться. Камчатским губернским военным комиссаром назначен В. М. Кручина, начальником канцелярии комиссариата — А. Леульт.

Горожане Василько и Цементовский передали в библиотеку клуба пятнадцать книжек разного содержания. Это было, конечно, здорово, но мало.

(Сотрудники завгубОНО заведующий А. А. Курилов и инструктор М. Костев предлагали организовать Центральную камчатскую библиотеку, подведомственную отделу, с детским отделением и «передвижками» для обслуживания всего населения города и учреждений. Штат предположен из четырёх должностей: заведующего, библиотекаря, заведующего детским отделением и технического служащего. «С какой бы стороны мы не подошли к решению грандиозных задач, выдвинутых революцией, задач нового устройства

общества и восстановления народного хозяйства, всюду сталкиваемся с недостатком обладающих необходимыми знаниями работников. Пока будет создана новая советская трудовая школа и выпущены ею первые кадры работников, необходимы срочные меры по передаче знания массам, не получившим его, привлечённым теперь к советскому строительству...

Культурная работа библиотеки будет выражаться в изучении книги и читателя, пропаганде книги и библиотеки в руководстве чтением... Задача библиотеки — сделаться орудием политического просвещения и воспитания». Но эта важная задумка тогда не осуществилась ввиду отсутствия возможностей.)

На пароходе «Коун-мару» приехала сессия губсуда по главе с председателем Иваненковым. В самом скором времени будут рассмотрены дела заключённых, томившихся в тюрьме. Первым будет слушаться «Думское дело» в отношении членов бывшей ПГД. Считалось, что они были противниками советской власти.

(Тут надо заметить, что ПГД, а в 1917—1922 гг. действовало пять её созывов, являлась первым опытом местного самоуправления, избираемого демократическим путём, то есть голосованием населения. Сменившие её ревкомы никем не избирались. Следующий опыт самоуправления, но уже под жёстким однопартийным контролем, предпринят в 1926 г., когда был избран первый состав Петропавловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.)

Торговая фирма «Чурин и Ко» передала на нужды красных инвалидов гражданской войны бязь, американский ситец, табак, нитки и спички. Вскоре те поблагодарили за пожертвование материи, рубах, ботинок, табака и спичек американского торговца О. Свенсона.

Началась Всероссийская неделя помощи Красному Воздушному Флоту. Пришли первые пожертвования горожан: пять рубликов от Коли Голованова, один от П. Савинского, а всего с ранее поступившими — двенадцать целковых.

Что такое самолёт петропавловцы уже знали, и не только из кинематографа — пару лет назад японский корабль «Канто» доставил гидроплан, который использовал в качестве посадочной полосы гладь Авачинской губы.

Следующий летательный аппарат прибудет на пароходе «Ставрополь» только в 1926 г.

Под лозунгом «Все на постройку воздушного флота!» опубликовано злободневное стихотворение В. М. Кручины:

*Воздушный флот —
Труда оплот,
Взвивайся, рвись
В лазурну высь!
Там с облаков
Сорви богов,
Их сбрось на землю,
Пусть станут всем
Они видны.
Широк гораж...
Свободы страж
Сверлит лазурь;
Ни взмётны бурь,
Ни кольца ям
Стальным ладьям
Закрыть, замкнуть
Не смогут путь.
Они сильны.
Сквозь облака,
Поджав бока,
Рубя крылом,
Косматый ком
Летит, снуёт,
Винт дробь куёт,
Несётся звук:
— Пустынен круг,
Здесь бога нет!*

Последгол (председатель Н. И. Миронов) просил граждан, имевших на руках денежные боны, выпущенные в 1920 г. тогдашним областным комитетом, пожертвовать в комиссию, которая намеревалась отправить их некоему «уполномоченному ЦК последгола ВЦИК по марочным пожертвования в России и за границей» для использования в помощь детям пострадавших местностей. Внесены пожертвования: полтора золотника (примерно шесть с половиной граммов) россыпного золота от губернского прокурора В. Ц. Пересвет-Солтана и новая швейная машинка от купца А. И. Караева.

Клуб наконец-то показал несколько раз переносившуюся из-за сложности постановки драму Шпажинского «Кручина» в пяти действиях, доселе ни разу в городе не шедшую. «Цены местам повышенные». Играли вновь приехавшие актёры-любители Вагинский, Шадрин, Похвалинский, Бачинский и другие. По окончании — привычные танцы.

А. И. Флетчер (собственный дом на улице Таможенной, напротив таможенной заставы) желал продать буфет, комод, ножную швейную машинку «Зингер», полутораспальную кровать «с пружинами», две детских кроватки, стол, две тумбочки и один детский стульчик.

17 июля прибыл японский военный транспорт «Цуругизаки» для снабжения миноносцев. Намеревался простоять около десяти дней.

Один из пребывавших на рейде миноносцев, видимо, сдрейфовал, чем загородил проход другим судам.

Дошли слухи, что бывший служащий областного комитета Е. Ф. Барыкин сейчас находится в Москве, где получил должность в Главном рыбном управлении как специалист по рыболовству.

Решением губревкома японский подданный Абе Синехару подвергнут наказанию в административном порядке на три месяца принудительных работ с заменой их трёхсотрублёвым штрафом золотом за продажу спиртных напитков.

22 июля опубликован список членов и кандидатов городской организации Рабоче-Крестьянского Союза молодёжи (РКСМ), то есть комсомола. В него вошли восемнадцать членов, девять кандидатов с трёхмесячным и четыре кандидата с полугодовым стажем.

Налоговое управление губфинотдела известило, что Петропавловская приходно-расходная касса получила гербовые марки нового образца достоинством от пяти до пятидесяти копеек, один и два рубля.

Всем служащим губревкома и его отделов, а также почтово-телеграфного ведомства, подавшим анкеты для вступления в профсоюз, предлагалось явиться в канцелярию профсовета — бывший дом губернатора, нижний этаж (сейчас на этом месте стоит управление Госбанка).

25 июля камчатская публика извещена о том, что Тулторг получил из Аргентины большой заказ на тульские самовары.

Сообщено, что жена убитого белобандита В. И. Бочкарёва арестована в Гижиге.

Продолжался сбор средств на воздушный флот. В последнее время сдавали почему-то иенами. Так, граждане Тимонькин и Фуражников пожертвовали по две, А. И. Флетчер — полторы, а В. И. Картакай — сразу десять. Всего же получено сорок иен и двадцать пять сен, деньги сданы в Петропавловское казначейство.

И. Г. Подпругин пожертвовал для Всероссийской выставки модель шхуны, выполненную чукотскими мастерами из моржовой кости, и заспиртованного детёныша нерпы.

26 июля в клубе с большим успехом прошёл спектакль-вечер в пользу комитета красных инвалидов.

Горкомхоз открыл свой склад-магазин (бывший купца Лазарева) с разнообразным ассортиментом товаров. Цены на них «небывало дешёвые, и даже в довоенное время». Ожидалось, что за это «большое спасибо скажет население города Петропавловска организаторам».

27 июля завершился разбор «Думского дела». К ответственности привлечены двадцать четыре человека, из них на скамье подсудимых находились двадцать три. Четверо самых активных думцев — Ч. К. Щипчинский, Е. А. Колмаков, П. Т. Новограбленов и В. И. Артюхин — приговорены к пяти годам условного заключения. Срок им тут же сокращён наполовину ввиду недавней амнистии по случаю пятилетия Октябрьской революции 1917 г. Остальные оправданы.

Пароход «Томск» отправился в Большерецк и далее во Владивосток. На нём уехал экспедиционный отряд войск Охотско-Камчатского края, на Всероссийскую выставку отправилась камчатская делегация, в том числе школьники. Их называли «экскурсантами».

29 июля радисты городской станции жаловались, что стоящие на рейде миноносцы «Цубаки» и «Маке» «забивают» связь, благодаря чему скопилось много переданных телеграмм.

В шесть вечера — лекция вернувшегося в город В. К. Арсеньева на весьма чувствительную, в том числе и в прямом смысле, тему «Землетрясения на Камчатке и в других местах земного шара в 1923 г.». Билеты от десяти до семидесяти пяти копеек, весь сбор — на воздушный флот. «За два часа голодная от отсутствия живого научного слова аудитория получила массу нового, свежего материала». В частности, лектор охарактеризовал Курильскую гряду с её двадцати двумя действующими вулканами.

Присутствующие узнали, что некогда Камчатка была островом, а в сравнительно недавнее время (в историческом смысле) соединилась с материком тундрой, называемой Парапольским долом. Это доказывается тем, что материковые животные изредка переходят на Камчатку (белка, лось), а если бы Камчатка была давно связана с материком, то они постоянно бы жили на полуострове. Ламуты, они же эвены, также недавно стали проникать сюда, а до этого обитали рядом... Недавнее же апрельское землетрясение прошло вдоль всего вулканического кольца Тихого океана, погубив тысячи человеческих жизней. Потом Арсеньев ответил на вопросы слушателей.

В девять вечера — иллюзион «по совершенно новой программе»: исторический фильм в пяти частях «Самсон и Далила», другие отечественные картины.

Уполномоченный Российского общества Красного Креста И. Е. Ларин призывал всех граждан и организации записываться в общество у его заместителя врача Вымлятила. Годовой взнос с граждан один, с организаций — десять рублей золотом.

Подотдел Губкомхоза приглашал горожан, имевших нужду в сенокосных участках, явиться для получения разрешений.

Под руководством В. К. Арсеньева состоялись археологические «разведки» на северо-западном берегу Култучного озера. У разветвления дороги на сельхозферму и селение Сероглазку (то есть в районе современного начала подъёма к Морскому собору) были найдены развалины древнекамчадальской деревни. На план местности нанесены два десятка развалин юрт. «Их было гораздо более двадцати, но время и человек стёрли следы остальных. Например, дорога оказалась проложенной почти посредине этой древней деревни». Сообщение об этом сделал недавний фигурант «Думского дела» П. Т. Новограбленов.

31 июля на пароходе «Кобе-мару» в Японию за новыми типографскими машинами уехал заведующий губернской типографией П. М. Клочков.

2 августа, в четверг, вечером — обширная культурно-развлекательная программа в клубе: спектакль-бал, лотерея, танцы с призами (за лучшее исполнение гопака два приза — мужской и женский). Главный приз — швейная машинка, кроме этого пятьдесят рублей и ещё пятьдесят выигрышей помельче. Работает буфет с винами, холодными и горячими закусками. Весь сбор — в пользу воздушного флота. Ответственный распорядитель вечера Первушин, дежурный член правления клуба Ю. Р. Сидоров.

3 августа стало известно, что во Владивостоке завершились все формальности по оформлению договора с японскими промышленниками на аренду промыслов. Согласно ему, под гарантии своего правительства они обязаны внести в советскую казну все недоимки, накопленные за годы гражданского противостояния и интервенции. Уже получено более полутора миллионов золотых рублей.

А в это время забастовали рыбаки на участках С. Грушецкого в Усть-Большерецке, предъявив хозяевам экономические требования. По слухам, те обращались к местным властям за содействием в прекращении забастовки. «Нет, дорогие хозяйчики, это старо. В данный момент потрудитесь познакомиться с Кодексом законов

о труде и с ним согласовать пути “ликвидации”», — отметил в своей заметке по этому поводу В. М. Кручина.

Губотдел ГПУ предложил всем учреждениям и гражданам в трёхнедельный срок зарегистрировать имеющееся на руках оружие: охотничье, нарезное и «карманное». Не исполнивших обещали привлечь к суду.

Стоявшие на рейде японские корабли вновь мешали радиосвязи с материком.

В клубе очередной «Иллюзион» — драма в четырёх частях «Тихо замер последний аккорд», видовая картина «Гавайские острова» и комическая «Жене прежде всего». Билеты от пятидесяти копеек до рубля тридцати. Начало в девять вечера. Дежурит член правления клуба Невечерин. А на субботу, 4-е, снова намечен «Спектакль-бал».

5 августа в клубе — народная драма «Крестьяне», по окончании танцы. На 6-е число назначено открытое слушание трёх уголовных дел. За пьянство уволен со службы милиционер Солдатов.

6 августа городская милиция составила протоколы и привлекла к ответственности торговца Юй Бо Шу и Лю Тин Сай за торговлю недоброкачественными продуктами: свиным салом и гнилой колбасой.

8 августа объявлено о недавнем 2-м Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности. Он принял «весьма смелое решение» и утвердил план по завершении ликбеза среди взрослого населения, с тем, чтобы предельным сроком была 10-я годовщина Октябрьской революции 1917 г. Намечено «пропустить» через так называемые «ликпункты» семнадцать миллионов человек в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет. Время показало, так оно и вышло, только на несколько лет попозже.

Приказом № 1 В. М. Кручина объявил о вступлении в исполнение обязанностей начальника гарнизона города Петропавловскана-Камчатке в соответствии с уставом гарнизонной службы Красной Армии. «С сего числа хождение по городу разрешаю во всей ночи с сохранением военного положения». 11-го числа вышел приказ № 8 губвоенкомиссара в его же лице: «Для производства точного учёта и переучёта всех бывших офицеров, военчиновников, чиновников военного времени, кандидатов на классную должность и юнкеров, как служивших в белой армии, так и не служивших, проживающих в городе Петропавловске, его окрестностях... приказываю явиться в губвоенкомиссариат (Красный городок, пятый флигель)». При себе иметь документы о возрасте, прохождении

службы (послужные списки, учётные удостоверения и учётно-военские билеты). «От личной явки для взятия на учёт никто не освобождается». Служащие ныне в Красной Армии этому учёту не подлежали.

9 августа Петропавловская почтово-телеграфная контора возобновила приём срочных денежных переводов и ценных посылок во все местности СССР.

11 августа бывший при «царском режиме» полицейским приставом Л. Шикер сдал на создание советского воздушного флота одиннадцать рублей восемьдесят копеек.

Около десяти вечера ощущались сильные подземные толчки.

12 августа обнародован отчёт о спектакле-бале от 4-го числа. Чистый сбор за вычетом всех организационных расходов составил тысячу триста девяносто две иены и девяносто шесть сен, что в переводе на золото составляло тысячу двести десять рублей сорок копеек. Деньги внесены в приходно-расходную кассу на текущий счёт Общества друзей Воздушного Флота (ОДВФ). Комиссия по устройству вечера благодарила всех принявших участие. Отчёт подписали председатель временной комиссии по проведению недели воздухофлота И. Е. Ларин и секретарь И. И. Елисеев.

15 августа постановлением отдела труда губревкома по согласованию с советом профсоюзов днём еженедельного отдыха объявлены все воскресенья. Особыми днями отдыха признаны ещё десять дней: 7, 8 и 19 января, 7 апреля, понедельник пасхальной недели, сороковой и пятьдесят первый дни после Пасхи, 19 и 28 августа и 21 сентября.

16 августа, в четверг, по постановлению Дальревкома и губревкома установлен новый официальный курс: за один золотой рубль — два рубля шестьдесят копеек разменным серебром; за один серебряный банковский рубль — девяносто копеек золотом или два рубля тридцать копеек разменным серебром.

Украинский драмкружок, действовавший при клубе, поставил новую, «неизвестную», драму в четырёх действиях «Наймичка».

18 августа губревком распорядился всем лицам, прибывающим в Петропавловск и другие населённые пункты, в течение семи дней прописать свои виды на жительство. Это же должны сделать все домовладельцы и квартиронаниматели. В канцелярию гормилиции подать списки проживающих с указанием времени прибытия, рода занятий и кем выданы виды на жительство. Через семь дней запрещено содержать в своих домах и квартирах лиц без видов на жительство или не прописанных. Одновременно всем государствен-

ным («правительственным»), общественным и частным учреждениям, торговым предприятиям, подрядчикам и частным лицам, имеющим в своём распоряжении наёмных рабочих и служащих, следовало представить в отдел труда губревкома их списки с указанием получаемого жалования. При его определении отдельно учитывать размер денежного содержания и натурального, то есть квартиру, обмундирование, стол и прочее, переводя последнее в золотые рубли. Так, в частности, создавалась основа для последующего налогового обложения. Новая власть постепенно разбиралась с попавшими в её распоряжение возможностями.

24 августа привлечены к ответственности некто Ураевский, затеявший в пьяном виде стрельбу из револьвера на улице, и техник Н. И. Цапов — за охоту на пернатую дичь в запретный срок. Охота на неё разрешена с 1 сентября. Желавшим делать это следовало выбрать, то есть получить, соответствующее свидетельство в общем подотделе Горкомхоза.

26 августа, в воскресенье, теперь выходной день, комиссия последгола устроила очередной спектакль-вечер. Драматический кружок под режиссёрством адвоката Ф. С. Гарсова показал пьесу в одном действии «Акrostих» Аэнье и комедию «Воробушек» Баранцевича. Весь сбор предназначен для отсылки в помощь населению голодающих районов.

Голод в России в 1922 г. был ужасен. Только в Самарской и Саратовской губерниях бедствовало до двух третей населения. Отмечено много случаев людоедства: лишь в Саратовской губернии — сто девять и ещё сто тринадцать случаев трупоедства. Население местами уменьшилось на пятую часть, а всего в этой губернии — более чем на восемьсот восемьдесят тысяч человек. По данным Центрального комитета последгола, здесь остро нуждались восемьсот восемьдесят пять, а в Самарской губернии — пятьсот сорок четыре тысячи человек. Отсутствие рабочего скота у почти ста сорока тысяч селян лишило их возможности посеять озимые на 1923 г. Так что их лишения продолжались.

Чистый доход от вечера составил восемьсот семь рублей и семь копеек золотом. Фирме «Кикучи» за керосин для электростанции заплачено двадцать иен двадцать пять сен, а музыкантам струнного оркестра — двадцать три иены.

31 августа отдел управления губревкома разъяснил порядок регистрации актов гражданского состояния, то есть рождения, брака, смерти, разводов, смены имён и фамилий и «о происхождении небрачных зачатых детей». В последнем случае действовать надо

было так. «Забеременевшая и не состоящая в браке женщина не позднее как за три месяца до разрешения от бремени подаёт заявление в местное отделение ЗАГС, указывая время зачатия, имя, фамилию и место жительства отца. Такое же заявление может быть подано и состоящей в браке женщиной, если зачатый ребёнок происходит не от зарегистрированного мужа. О поступившем заявлении отделение ЗАГС извещает лицо, названное отцом, и последнему предоставляется в двухнедельный со дня получения извещения срок возбудить судебный спор против матери и неправильности её заявления. Невозбуждение спора в указанный срок приравнивается к признанию ребёнка своим». Что ж, генетической экспертизы тогда ещё не существовало, верили на слово...

2 сентября опубликовано положение о налоге с лиц, получающих высокую заработную плату. Обложению подлежала сумма, превышавшая ставку ответработников по 17-й разрядной сетке. От налога освобождены лица, имеющие суммарное содержание (денежное и натуральное) не более ста восьмидесяти семи рублей пятидесяти копеек в месяц. Ставка налога для остальных на сумму, превышающую тарифную ставку, от шести до восьмидесяти процентов (!). Вот такая «неплюсовая шкала налогообложения», элемент того, что сейчас называется «социальной справедливостью».

В селение Щапино пришли члены геологической экспедиции Кроноцкого района. Они попали в крайне тяжёлые погодные условия: обильные дожди, разливы рек. Из-за отсутствия проводников и карт проблуждали сорок девять дней, бросили имущество, инструмент, коллекции, под конец лошадей и палатки. До селения добрались голодные и изнурённые люди. Камчатские богатства просто так в их руки не давались. Тем не менее, исследователи заявили, что нефтеносность района «надо считать несомненной», но условия залегания нефти сложные, для выяснения потребуется бурение.

5 сентября обнародованы вести с западного берега. Здесь ввиду плохого хода рыбы, которой питались и медведи, участились случаи задиранья ими домашнего скота. Вскоре в адрес «Полярной звезды» пришло письмо от жителя селения Начики Бурнашева, сообщавшего, что малый ход рыбы в реке Большой «отразился на всех селениях, лежащих по бассейну её». В Начиках сейчас нечем кормить собак. Из-за недостатка корма их начали убивать, «несмотря на то, что вся зимняя жизнь камчадала зависит от собак, которые представляют способ передвижения как за продуктами, так и на охоту». Из-за дождей плохо шла заготовка сена, «в конеч-

ном результате чего придется убивать и скот за неимением корма для него».

Получена новость о небывалом землетрясении в Японии, случившемся в полдень 1 сентября. Уничтожены города Иокогама, Нагоя и восточная половина Токио. Низменные места в указанном районе затоплены. В Токио разрушены все каменные постройки европейского типа. Уцелевшие было деревянные строения уничтожаются возникшим пожаром. Сгорели императорский дворец, морское министерство, императорский театр... «Человеческие жертвы исчисляются миллионами. Подробности выясняются» (погибло около двухсот тысяч человек, причём только на одной площади в Токио задохнулись от дыма пожарниц почти сорок тысяч жителей. Более четырёх миллионов человек остались без крова).

Позже дошёл слух, что при землетрясении в Иокогаме погиб злостный враг советской власти атаман Семёнов со своими приверженцами и недавний приморский правитель С. Меркулов. Но на деле это было не так — все они уцелели. Зато оказалось полностью разрушено здание, где в Иокогаме помещалось отделение телеграфного агентства РосТа.

Петропавловцы не остались в стороне от этой беды — вскоре начался добровольный сбор средств в помощь японскому народу. Представители фирм жертвовали очень приличные суммы — до пятисот иен, рядовые граждане поменьше. Общее собрание трудящихся горожан постановило отчислить двухдневный заработок за сентябрь и однодневный за последующие месяцы, «впредь до минования надобности».

Заработала новая и первая баня Губкомхоза. В понедельник и вторник мылись красноармейцы и штаб 90-го Камчатского отдельного дивизиона войск ГПУ, в среду — жёны частных граждан, в четверг — сами граждане, в пятницу — жёны служащих «правучреждений», в субботу — служащие-мужчины. Открывалась баня в десять утра. «Плата за пользование, кроме красноармейцев, установлена с взрослых тридцать сен, с подростков от десяти до пятнадцати лет — пятнадцать сен. Билеты для входа в баню получать у казначея общего подотдела во все дни занятий с десяти часов до двух дня». Под «занятиями» тогда понимались рабочие часы в учреждениях.

7 сентября обыватели, узнавшие о японский катастрофе, понятное дело, волновались, примеряя случившееся на себя. Учитель П. Т. Новограбленов разъяснял, что, несмотря на видимую активность камчатских вулканов, на вопрос, усилилась ли она со времени

трагедии, «приходится ответить, к счастью для нас, отрицательно, и каких-либо признаков вулканических катастроф сейчас нет».

Постановлением горрайкома РКСМ и общего собрания членов городской ячейки, прошедшего в присутствии комсомольцев «Красного вымпела», из организации исключён за пьянство и как чуждый элемент, хоть и состоявший в ней с 1920 г., Б. Григорьев, причём без права вступления, «с опубликованием в местной газете и занесением на “чёрную доску”».

Для получения необходимых сведений началось составление статистического обзора губернии. Приказом губревкома руководителем этого важного дела назначен заведующий отделом управления М. П. Щербаков. Он привлёк к работе местных специалистов в различных областях: магистра ветеринарных наук С. А. Грюнера, инженера Магаринского, уполномоченного Внешторга А. Миндалевича, прокурора В. Ц. Пересвет-Солтана, врачей Н. З. Топольского и Ч. К. Щипчинского, завгубОНО Б. Э. Пивинского, завгубкомхозом В. М. Чекмарёва, заведующего радиостанцией А. С. Асаевича, статистика Чапланова, педагога и естествоиспытателя П. Т. Новограбленова, горного смотрителя Воротникова, помощника лесничего Н. А. Рожкова, делопроизводителя ЗАГС Соболева.

В результате появился машинописный труд в двести сорок три страницы, состоявший из четырнадцати глав, включавший многочисленные статистические сведения, «Обзор Камчатской губернии к 1 января 1923 г. С чем приступил Камчатский губревком к своей работе в 1923 г.». Он имел два приложения: «Вулканизм на Камчатке. Краткий очерк» П. Т. Новограбленова и «Материалы к библиографии Камчатской губернии», составленные умершим к тому времени П. С. Маловечкиным. А в 1924 г. в Чите на его основе под редакцией М. И. Целищева вышел солидный печатный, часто цитировавшийся исследователями, труд «Камчатка в 1923 г. Обзор Камчатской губернии по данным Камчатского губревкома».

12 сентября к ответственности привлечён гражданин Похвалинский, нарушивший правила приёма пароходов, высадившийся на берег до прибытия на борт должностных лиц.

19 сентября губревком отметил, что наблюдается «паническое состояние» населения в отношении японских денежных знаков и их дальнейшего обращения, следствием чего «является усиленный расход гражданами иен». Это был один из отзвуков недавней трагедии. Предположено, что паника основана на неправильно истолкованной депеше, полученной почтово-телеграфным ведомством, гласившей о временном прекращении приёма иен в уплату

за посылки и переводы. Разъяснено, что это не имеет никакого отношения к обращению валюты на рынке, нет никакого снижения курса, и беспокоиться не следует. Курс таков: один золотой рубль равен одной иене тринадцати сенам.

Из Гижиги пришла японская шхуна, арестованная в устье реки Уйкан, где хищническим способом ловила рыбу. На ней доставлена партия пленных бочкарёвцев и поляковцев.

24 сентября в восемь утра в городе вновь ощущалось сотрясение почвы, длившееся двадцать пять секунд. Сила — три балла по шкале Росси-Фореля.

25 сентября начала приём зубной врач Лисицына. Он шёл ежедневно с двух до четырёх часов дня. Всех желающих просили записываться в страхкассе, где получать соответствующие удостоверения.

26 сентября горожанам обещаны дюймовые и двухдюймовые доски, ожидавшие на пароходе «Бансе-мару». Их будет продавать фрахтователь Филаретов.

Состоялось ещё одно собрание горожан, присутствовали преимущественно женщины. Постановлено: устроить благотворительный вечер, организацию чайного и закусочного буфетов принять на себя, «пожертвовать холодные закуски». Для сбора взносов избраны уполномоченные — Лазарева, Борейша и Лисицына, коим поручено принимать продукты в субботу, *29 сентября*, в здании клуба.

Вечер дал сбор более двух тысяч золотых рублей.

27 сентября миноносцы «Цубаки» и «Маки» ушли в Тарью для устройства экскурсии команд на Паратунские горячие ключи.

Издан приказ губвоенкома о взятии на воинский учёт всех военнообязанных граждан, родившихся в 1883—1907 гг., то есть в возрасте от шестнадцати до сорока лет.

Опубликованы временные правила Совнаркома СССР о запрещении состоять на службе в одном учреждении близким родственникам (родителям, супругам, братьям, сёстрам, детям) при наличии подчинённости или подконтрольности друг другу, за исключением выборов должностей.

28 сентября выяснилось, что японские миноносцы по приказанию морского министерства уйдут в Японию не позднее 6 октября.

3 октября в семь часов вечера в доме казначейства по Никольской улице служащий приходно-расходной кассы В. А. Севастьянов, всего-то двадцати двух лет от роду, «нанёс себе ранение в правую сторону груди из винчестера 44-го калибра и после тяжёлых мучений в шесть часов утра 4 октября умер. На квартире покойного

найдена записная книжка, в которой есть лаконичная заметка: “Надоело жить”».

4 октября И. Ф. Голованов телеграфировал из Москвы, что камчатская делегация на Всероссийскую выставку прибыла в столицу. Экспонаты здесь ждут 12-го числа.

7 октября гормилиция оштрафовала на пятнадцать иен гражданина Бакулова за «ропуск домашнего скота по огородам». Кроме этого, ему предъявлен иск за потраву чужого картофеля.

Привлечен к ответственности и китайский подданный Ван Сюнь за контрабандный вынос спирта с парохода «Бансей-мару» и попытку дачи взятки постовому милиционеру.

10 октября горожанин Юн Хай довёл до сведения, что в доме Тюшова, что на берегу портового ковша, им открыта ещё одна баня. Она будет работать по субботам и воскресеньям. «Номерная» плата одна иена, общая — по семьдесят сен с человека.

В комиссию последгол поступило: девять рублей с полтиной от губпрокурора, шестьдесят пять рублей и семь копеек от финотдела, шестнадцать иен и один рубль от жителей селения Халактырка. Сероглазкины прислали пятьдесят балыков, столько же юколы, серебряный браслет, два кирпича чая, два фунта мыла. Т. Е. Головань дал десять иен.

11 октября Дальневосточный павильон Всероссийской выставки посетил сам товарищ Троцкий, член политбюро ЦК ВКП(б), один из главных вождей, «демон» революции. Он сфотографировался с камчатскими экскурсантами и оставил в Почётной книге запись: «Видел впервые, в натуре, Камчатку и Дальний Восток. Неисчерпаемые возможности».

12 октября с пароходом «Уикай-мару № 10» из Японии пришли новые машины для типографии. Благодаря этому с 1 января будущего года «Полярную звезду» решено печатать таких же размеров, как и материковские газеты.

14 октября правление страхкасы уведомило, что её постоянным доверенным принят врач Ч. К. Щипчинский. Амбулаторный приём участников кассы производится им ежедневно с девяти до одиннадцати утра в горбольнице, а с трёх до пяти дня — на квартире. Экстренная помощь оказывается во всякое время.

Учащиеся бывшего высшего начального училища, занимавшиеся в 1922/23 учебном году во втором и третьем классах, а также окончившие его, приглашались продолжить образование, для чего в понедельник, 15 октября, к девяти утра прибыть для записи в помещение теперь советской школы второй ступени.

21 октября, в воскресенье, состоялась перепись городского населения, показавшая, что общее число жителей составляет тысяча двести тринадцать человек. Из них семьсот двадцать мужчин и четырёхста девяносто три женщины. Взрослых восемьсот двадцать три, из них пятьсот сорок семь мужчин и двести восемьдесят пять женщин. «Следовательно, взрослых мужчин почти вдвое больше, нежели женщин». Детей — триста восемьдесят один, «при распределении детей по полам оказывается, что число девочек больше числа мальчиков: девочек двести восемь, мальчиков сто семьдесят. То же самое можно отметить относительно детей дошкольного возраста, общее число которых сто восемьдесят три, из них сто три девочки и восемьдесят мальчиков. Детей школьного возраста сто девяносто пять, из них тоже превышает число девочек над числом мальчиков: девочек сто пять, мальчиков девяносто». Таким образом, ребятишки составляли почти треть всего населения города.

По национальности его обитатели распределились так: русские (великорусы, украинцы и белорусы) — восемьсот девяносто девять, камчадалы — девяносто девять, китайцы — семьдесят один, корейцы — пятьдесят девять, японцы — девятнадцать, осетины — пятнадцать, татары — четырнадцать, немцы — одиннадцать, поляки — десять. Алеутов и эстов было по четыре, эскимосов и латышей — по двое, а чукчей, чехов, сирийцев и американцев — по одному.

Неграмотных среди взрослых насчитывалось двенадцать процентов: мужчин тридцать, женщин семьдесят четыре. Среди русского населения неграмотных пятнадцать мужчин и шестьдесят женщин. «Из этих данных видно, что население города Петропавловска преимущественно русское (семьдесят пять процентов), и среди других национальностей преобладают китайцы».

В два часа дня на угольной площадке порта (оконечность мыса Сигнального) устроен аукционный торг на шлюпку «Буревестник» длиной двадцать три фута, «левый борт пробит, к ней две медных банки, парус и якорь». Шлюпка принадлежала Сероглазкинскому сельскому обществу, а продавалась для покрытия долга.

Каждому желающему пополнить копилку воздухофлота предлагалось сделать «вызовы» на добровольное пожертвование трём-пяти лицам. Принявшие вызовы вносят свои жертвования и в свою очередь вызывают других. Внёсшие от дальнейших вызовов освобождаются. Это дело было, конечно, добровольным, но фамилии уклонившихся обещали внести в «чёрный список» «Полярной

звезды» да ещё и вывесить на чёрной же доске, только настоящей, на публичное обозрение.

Приглашение восприняла А. Добровольская, внесшая три иены и призвавшая последовать её примеру Э. Трутце, Б. Шаламова, Волчатого и Фугалевича. Лиза и Ксения Палачёвы тоже дали три иены и вызвали Зину Ганцеву, Марусю Хабарову, Лену Ошеву, Володю Конева и Зою Рубцову. Малолетняя Галя Голошубина заявила: «Мы, дети, не должны отстать от взрослых. Мы тоже поможем строить наш воздухофлот. Я вношу две иены и вызываю последовать моему примеру детей: Иру Кодылеву, Липу Проскурякову, Колю Ключкова, Аркашу Чекмарёва и Трудю Щипчинскую». Можно предположить, что детишки сдавали не свои денежки, а родительские.

Ощущение многих передавали самодельные стихи горожанки, обозначившей себя как «Людмила»:

*Несите все, кто сколько может,
Пусть лепта малая, она
Собою малое умножит,
И этим флот создаст страна.
Бедняк без отдыха трудится,
И каждый день свой льёт он пот,
И он несёт, и он стремится
Создать Воздушный Красный Флот.
Ему не жаль, он верит твёрдо,
Он верит в то, на что даёт.
Настанет час, он скажет гордо —
Вот это — наш воздушный флот!*

Составлены милицейские протоколы и привлечены к ответственности китайские подданные Юй Цзычин и Чен Хянчжи за содержание запретных опиумокурилен.

В отделе Горкомхоза в свободной продаже появились кирпич и доски.

23 октября установлена ставка охотничьего сбора — полтора рубля в год в государственную казну и полтинник — в доход местных органов власти.

24 октября агентство Доброфлота сообщило грузополучателям, что существовавшие в летний сезон ставки за хранение грузов в складах и на пристанной территории с 1 ноября впредь до начала навигации 1924 г. понижены наполовину, как зимние. За неделю нужно было заплатить за пудо-фут при нахождении в складе по одной копейке, а на открытой площадке возле пристани — по четверти копейки.

Через два дня, 26 октября, агентство известило, что в начале ноября из Владивостока с заходом в Хакодате выйдет «Ставрополь». Лицам, заинтересованным в проезде и отправке грузов, предлагалось обращаться заблаговременно. «Ставрополь» отправился в рейс 3 ноября.

Торговый дом «Сайденберг и Виттенберг» снизил цены на все товары от восемнадцати до двадцати пяти процентов. Новые цены: американская мука первого сорта — восемь иен за куль весом пуд и пятнадцать фунтов, второго сорта — семь иен. Фунт сахараспеска — тридцать, кускового — сорок, сало в банках — семьдесят сен за фунт, бутылка томата — одна иена.

25 октября торжественно открыта первая и пока единственная на полуострове советская трудовая школа второй ступени. Присутствовали заместитель председателя губревкома И. Е. Ларин, завгубОНО А. А. Курилов, прочие официальные лица. Здание школы украшено красными флагами, портретами Ленина, Троцкого и Калинина, лозунгами и экспонатами, которые с большим опозданием пришли в адрес губревкома с Чукотки. Сорок мест первоначально предназначались для отправки на Всероссийскую выставку. Понятно, что делать этого не стали, а передали в школу, в её музей, как наглядные пособия.

После исполнения школьным хором «Гимна трудящихся» (видимо, «Интернационала»), заведующий школой Б. Э. Пивинский поздравил учащихся с наступившим учебным годом и познакомил их с вновь приехавшими преподавателями. Затем прозвучали приветственные речи, в том числе отметившие сущность свершившегося преобразования старых школ в единую систему школ первой и второй ступеней. От имени всех присутствующих принят текст телеграммы наркому просвещения А. В. Луначарскому. В заключение все присутствующие с большим интересом осмотрели чукотские экспонаты.

26 октября население извещено, что здоровье В. И. Ленина «непрерывно улучшается». Нарком здравоохранения Н. А. Семашко сообщил, что вождь мирового пролетариата уже ходит без постоянной помощи, говорит почти свободно, настроение и самочувствие у него хорошие.

27 октября в бывшем Народном доме (так почему-то снова стали называть клуб «Имени Третьего Интернационала») в пользу воздушного флота устроен вечер. Программа: на сцене — спектакль, дивертисмент, «разнородные» номера; в зале — танцы; в буфете — чай, вино, пиво, фрукты, пирожное. Лотерея с «интересным изделием

из моржовой кости, кухлянка, серебряный подстаканник, дамский костюм, пальто, шкуры белых медведей».

Народный дом был единственным местом развлечения местного общества и молодёжи, где устраивались спектакли, танцевальные вечера, концерты. Следует отметить, что большинство присутствовавших привлекали вовсе не пьесы, не всегда удачные, окончания коих ждали с нескрываемым нетерпением, а танцы. Ими увлекались все, начиная с десятилетних школяров и кончая солидной публикой за сорок. «Какая-то болезнь танцевальная... Способны танцевать каждый вечер по пять-шесть часов сряду...»

Среди городского люда было мало тех, кто разбирался в разнице художественной ценности пьес Островского, Горького, Андреева и других настоящих драматургов и какого-нибудь пятнадцатиминутного фарса. Но последнему роду «драматического искусства» уделялось больше внимания, ибо он оказывался ближе «к пошленькой психологии нашего опустившегося болота, чем те высокохудожественные произведения Островского и других, присутствие на которых вызывает у большинства из нас скуку, зевоту и заставляет с нетерпением ожидать окончания, чтобы приступить к исполнению страстной “цыганочки” и головокружительного вальса».

Так что местное общество нуждалось в оздоровлении, точнее, в просвещении, особенно подрастающее поколение, будущие строители социализма на самой далёкой российской окраине. До сего времени уже предпринималось несколько попыток «поднять из этой тины молодёжь, дать ей духовную пищу». Так, в 1918 г. возникло «Общество разумных развлечений и спорта», куда объединились около девяноста человек. Они избрали правление, наметили в ознаменование открытия устроить морскую прогулку. Но в ночь на 12 июля в Петропавловске произошёл противосоветский переворот, прогулка не состоялась, а вместе с ней и общество.

В 1919 г. организовался Народный дом, подразумевавший своём составе молодёжный кружок, но ограничившийся постановкой спектаклей и чтением лекций. В 1920 г. Народный дом преобразован в «Камчатское культурно-просветительное общество “Просвещение”», занимавшееся тем же самым. Затем возникли тоже недолго просуществовавшие курсы самообразования. Одновременно с «Просвещением» в 1921 г. сложился «Петропавловский кружок молодёжи», действовавший почти год. В нём состояло около тридцати членов. Для изыскания средств они поставили несколько спектаклей, выпустили два номера быстро разошедшегося журнала «Пробуждение». Здесь были напечатаны молодёжные рассказы

и стихи, «правда, слабые по своему исполнению, но уже чувствовалось, что молодёжь начинает постепенно пробуждаться, проявляя свои способности». Устроили небольшой клуб с шахматами, лото, картами, журналами и газетами (правда, ещё за 1914—1915 гг., других не было). А вот теперь дело досуга молодёжи постепенно становилось на новую идеологическую и воспитательную основу.

28 октября в Москву отправлена телеграмма в адрес В. И. Ленина от городской организации РКП(б): «Радуюсь искренней радостью выздоровлению дорогого пролетарского вождя, шлёт коммунистический привет и надеется, что старый кормчий станет у руля и поведёт грозный коммунистический корабль по пути побед к созданию Мирового Союза Социалистических Республик».

А в амбаре дома Огородникова состоялся аукцион. Продавались фотоаппарат, грампластинки, шёлковая шаль, зеркала и свиньи.

29 октября в клубе, теперь снова «Имени Коминтерна», праздновали пятилетие РКСМ. Торжество открылось «живой картиной», представляющей «идею пролетарской свободы», но почему-то при довольно жиденьком пении «Комсомольского Интернационала». После антракта — торжественное заседание, на котором с приветствием выступили представители губбюро РКП(б), губревкома, губОНО. Затем агитпьеса «На конспиративной квартире», сыгранная слабо, потом декламация, «к которой участвующие, видимо, совершенно не готовились». Из этой декламации присутствующие отметили «удачную имитацию паровоза», исполненную красноармейцем Зеркальцевым. Но оценить эту удачность могли не все петропавловцы: многие из них никогда не были на «материке» и этого самого паровоза не видели. Завершилось празднование играми в зале. «Немного неудачно было допущение детей расходовать грим на свои рожицы, так как достать грим в Петропавловске невозможно».

31 октября появились первые кандидаты на «чёрную доску». До сего времени на вызовы не ответили и ничего не внесли А. А. Домман, Л. Е. Захаров, П. П. Могутин, Ю. Р. Сидоров и купец Юй Бо Шу. Трое первых, между прочим, комсомольцы.

4 ноября камчатским комсомольцам вручено Красное знамя от губбюро РКП(б). В свою очередь ответственный комсомольский секретарь В. И. Соловьёв вручил знамёна военной и городской ячейкам РКСМ (последняя насчитывала двенадцать членов). Дружно пропев «Интернационал», молодёжь города с развевающимся стягом двинулась в Красный городок, откуда и разошлась по домам.

5 ноября, в преддверии 6-й годовщины революции, при большом скоплении народа состоялся вечер воспоминаний. Полтора часа начальник губотдела ГПУ И. Я. Ломбак обрисовывал картину исторического развития революционного движения в России и роль в нём большевистской партии. Выступали и другие ораторы, вроде бывшего партизанского командира В. М. Чекмарёва. Собрание завершилось за полночь.

В третьем флигеле Красного городка открыт «Красный уголок красноармейца». По окончании речей устроен ужин, во время которого гражданские и военные выступали с анекдотами и рассказами на злобу дня. Затем — танцы под струнный оркестр.

ГубОНО в скором времени намеревался открыть в городе первый детский сад.

11 ноября Горкомхоз объявил о желании сдать подряд на заготовку берёзовых дров в количестве двух тысяч погонных сажен в зиму с 1923 на 1924 г. Подряд будет сдаваться партиями по пятьсот сажен. Желающих поучаствовать в конкурсе просили подавать заявления в запечатанных конвертах с указанием цены рубки и доставки в город.

12 ноября губотдел управления предложил всем городским обитателям явиться «в часы занятий», то есть рабочие, по 25-е число в ЗАГС для внесения записей о рождении, имея на руках бумаги, удостоверяющие время рождения. Вместо малолетних ждали их родителей.

15 ноября камчатская делегация, «закончив все дела» на Всероссийской выставке, отправилась из Москвы во Владивосток. Но её часть, а именно: якут А. Н. Якушков, В. Савин, Заочный и Косыгин выехали в Петроград, где поступили учиться в рыбный техникум. «Содержание за столом и обмундирование за счёт государства». Теперь можно было надеяться, что через несколько лет Камчатка будет иметь собственных рыбных «спецов».

Немало петропавловчан сумело побывать в японском порту Хакодате. Они не могли не заметить, как он быстро развивался в последние годы, и происходило это почти исключительно за счёт камчатской рыбы. Из этого порта, а также из Отару, и шло основное снабжение камчатских промыслов. Большинство судов, выходящих из Владивостока на север, заходили в Хакодате. Русские промышленники имели там «дачи».

Примером того, как бы мог выглядеть Петропавловск, если бы богатства территории работали на его развитие, служил главный город Аляски — Сиатль (по-современному Сиэтл). Он находился

в схожих природных условиях и имел небольшое, как и Петропавловск, население, около четырёх тысяч человек. Здесь были электрическое освещение, водопровод, училище, пять отелей, два кинематографа, выходили четыре газеты, работали отделения двух банков. Свыше половины всего вывоза с Аляски приходилось на долю рыбной промышленности. Там работали сто тридцать пять консервных заводов, и все готовые рыбопродукты имели высокую степень переработки, почему и стоили гораздо дороже, чем камчатский лосось «японского посола», терявший и качество, и вес. К тому же у американцев совершенно отсутствовало то, что можно было наблюдать по берегам Камчатки: гниющая в большом количестве рыба как результат варварских способов лова и приготовления. Из этого становились понятными основные направления развития местной рыбопромышленности, в которой вскоре должен был появиться ранее небывалый «государственный сектор».

Организованы курсы волостных секретарей. Помимо командированных волревкома принимались и вольнослушатели. От них требовалось наличие образования в объёме не ниже двухклассных училищ или двухлетний стаж канцелярского работника. Курсы работали до 1 марта 1924 г.

17 ноября, в субботу, в семь вечера в школе второй ступени состоялся вечер, видимо, приуроченный ко дню кончины (21 ноября 1844 г. по новому стилю) великого баснописца. Отчёт об этом событии одного из зрителей, укрывшегося под псевдонимом «Магнит», спустя пять дней был напечатан с редакционной пометкой «без всякого изменения». Вот он: «В помещении школы второй ступени был поставлен вечер посвящённый всецело как говорили Крылову. Вечер открылся зачитанием биографии Крылова, после чего было исполнено несколько номеров, учениками пение и музыкальных. Всё шло хорошо, можно было думать, что этот первый вечер в Петропавловске не тот, программа кончилась наступили самовыступления, начинаются анекдоты и романсы, анекдоты шли не допустимые не только говорить ученикам в присутствии родителей, а даже читать и самим про себя. Романс был спет самый зажигательный, какие только поёт председатель Губпроветов. Из вечера Крылова было видно только одна ворона и лисица сказана комсомольцем тов. Аврааменко. Вечер был закрыт танцами играми в плоть до поцелуев. Нужно сказать, что товарищ завшколой спит, и не наблюдает за учениками проспись дорогой, проспишь дорогой. Вышеозначенную биографию прошу поместить под псевдонимом».

Войска Охотско-Камчатского края в Петропавловске, лето 1923 г.

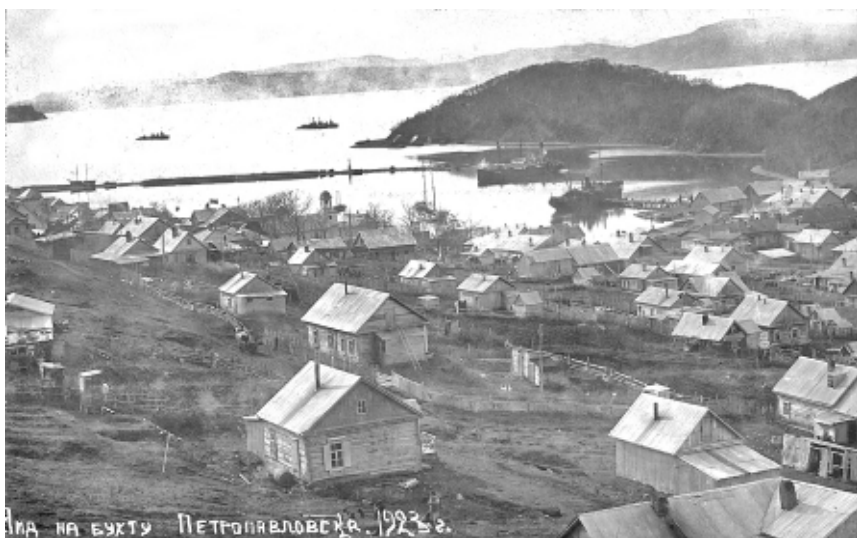
Военнослужащие и чекисты в Петропавловске, 1923 г. Во втором ряду второй и третий слева — В. М. Кручина и М. П. Вольский

Петропавловская городская комсомольская организация (без школьной ячейки), октябрь 1923 г. (все фотографии из фондов ККОМ)

Городская панорама, 1923 г.

Вид на Петропавловский ковш. На внешнем рейде — японские миноносцы, 1923 г. (фотографии из фондов ККОМ)

Год издания первый, Выходит 3 раза в неделю,	Подписная плата 2 руб. в месяц.	Плата за объявления по 10 коп. за строку петита.

№ 15 Издательский тр- Петропавловск, Среда 7 Февраля 1923 г. Изд. т. 1. 1. (Ленин) № 15

Год издания первый, Выходит 3 раза в неделю,	Подписная плата 2 руб. в месяц.	Плата за объявления по 10 коп. за строку петита.

№ 30 Издательский тр- Петропавловск, Среда 21 Марта 1923 г. Изд. т. 1. 1. (Ленин) № 31

Заголовки «Полярной звезды» за 1923 г.

Спустя неделю, 25 ноября, Магниту ответили аж семнадцать обиженных учащихся школы: «Что же касается слов автора, что “вечер был закрыт играми и танцами вплоть до поцелуев”, то здесь допущена явная ложь. Никаких поцелуев никто из нас не наблюдал».

18 ноября в двенадцать дня открылся доселе небывалый на Камчатке детский сад — ещё одна примета наступившей новой жизни. К назначенному времени возле него собралось более пятидесяти дошколят с родителями, а также, естественно, представители партийных и профессиональных организаций, сотрудники правительственных учреждений и учителя. Пришли и старшие школьники посмотреть, что это за диковинка такая. Детишки быстро освоились в новой обстановке и нашли себе развлечения. Одни играли с кубиками, другие с мячом, третьи запускали волчок, кто-то занялся рисованием цветными карандашами. Сад гудел, словно улей.

Открытие предварило исполнение всеми присутствовавшими Интернационала, после чего с приветственной речью к родителям и гостям обратился завгубОНО А. А. Курилов. «Нужно помнить, что в детских садах выращивается новое поколение — будущие строители социалистического государства, и что от нас самих зависит подготовка нового кадра борцов за великие идеалы раскрепощения трудящихся всего мира от векового гнёта поработителей».

Петропавловская таможня (управляющий А. И. Зимин, контролёры Фугалевич, Газарин) объявила, что по распоряжению начальника Дальневосточного таможенного округа от 12 ноября вся вывозимая с Камчатки пушнина подлежит оплате по отвозному тарифу. Поэтому все учреждения, предприятия и лица обязаны предъявлять её и вносить пошлину. При посадке на пароходы вещи пассажиров будут подвергаться таможенному осмотру, а в случае обнаружения скрытого добра таковое будет изъято, а виновники привлечены к ответственности.

В школе второй ступени назначена аукционная распродажа экспонатов, похоже, что выставочных: песцов, шкур белых медведей, кухлянок, торбасов, рукавиц.

20 ноября в зале партклуба (появился и такой) состоялось организационное собрание ОДВФ. Повестка дня: доклад «Воздушный флот за границей и в России», избрание двух представителей в оргбюро, отчёт о работе по сбору средств.

Вышел приказ по гарнизону Петропавловска № 5, подписанный начальником гарнизона и губернским военкомом В. М. Кручиной: «Заведывающий отделом губкомхоза Камчатской губернии отно-

шением своим от 13-го сего ноября за № 1806 сообщил мне, что, осмотрев здание № 34, будучи ранее занятое под караульное помещение и оставленное красноармейцами местного гарнизона, нашёл таковое в крайне отвратительном виде. Помимо того, что помещение было завалено разным мусором и отбросами, все двери и подоконники порублены, стены и двери покрыты различными надписями и так прочно, что даже после закраски их надписи всё же выделяются.

В предотвращение на будущее время от порчи и загрязнения жилых помещений, командиру 90-го Камчатского дивизиона войск ГПУ надлежит обратить должное внимание на недопустимость подобных действий красноармейцев, и после разъяснения им о том ущербе, каковой наносится несознательными поступками нашему государству, к виновным в нарушении сего применять самые строгие меры».

21 ноября губбюро РКП(б) постановило: клуб «Имени Третьего Интернационала», иначе Коминтерна, впредь именовать «Народным театром».

У казначея оргбюро ОДВФ Устименко уже можно было приобрести за наличку или в рассрочку жетоны Воздухофлота: большие серебряные за сто пятьдесят, малые позолоченные за пятнадцать и малые серебряные за десять рублей, а также брошюры, книги и «открытые письма», то есть, попросту, открытки. Членам общества напоминалось, что покупка значков-жетонов является обязательной.

Фотограф Е. А. Колмаков предупредил земляков, что ввиду его отъезда на зиму, фотография временно закрывается.

У киоска № 1 на улице Ленинской санки, летевшие с горы, сбили с ног пятилетнюю девочку. Санки перекатались через ребёнка, повредили ему личико и сильно испугали. В последнее время, пользуясь хорошей погодой, дети и взрослые частенько гоняли с горок по улицам вдоль и поперёк. Это приняло характер своеобразного спорта.

Катание — штука хорошая, но, как видите, вовсе не безопасная: места, выбранные для него, совершенно для этого не подходили, так как переезд через главную улицу — Ленинскую — мог быть сопряжён и с большими неприятностями.

23 ноября губотдел труда (заведующий А. С. Лукашевский, инспектор Бурделёв) объявил для сведения всех прибывших на Камчатку за заработком и думавших оставшихся в городе, что зимой здесь весьма трудно найти работу. Им рекомендовалось,

чтобы не очутиться в безвыходном положении, уехать на ближайшем приходящем пароходе на материк.

Таможня уведомила, что вход на прибывающие в порт суда возможен только с её разрешения. Подъезжать к ним на шлюпках, катерах и кунгасах запрещается. Противное будет рассматриваться как попытка вывезти или ввезти контрабанду.

25 ноября начальник гарнизона объявил, что в понедельник 26-го, вторник 27-го и среду 28 ноября на Култучном озере будут проводиться учебные стрельбы дивизиона ГПУ. В эти дни всякая ходьба и езда в этом месте запрещена.

Оргбюро ОДВФ известило, что членский взнос составляет рубль в месяц. Сообщена форма заявления о вступлении в члены общества.

Заработала губкомиссия по проверке личного состава и чистке всех правительственных учреждений. Горожан, имеющих какие-либо сведения, изобличающие их сотрудников в порочащих проступках, просили донести устно или письменно секретарю губревкома. «Имена представивших сведения губкомиссией будут сохранены в самой строгой тайне».

В Народном театре давали пьесу в трёх действиях «из репертуара государственных театров» — «Брак». Исполнители: Борейша, Кодылева, Пономарёва, Сидорова, Гарсов, Кодылев, Романовский и другие. Режиссёр Ф. С. Гарсов. По окончании — танцы.

1 декабря коммунальный отдел губревкома получил со «Ставрополем» американские товары и продукты. «Цены на товары значительно ниже местных магазинов».

На судне прибыли М. П. Вольский, ответственный секретарь губбюро РКП(б) Д. С. Бузин, заведующий отделом коммунального хозяйства В. Д. Богомоллов, заведующий налоговым отделом С. И. Янковский и другие официальные лица.

Своим приказом № 4 М. П. Вольский объявил о вступлении в исполнение должности председателя губревкома.

В соответствии с приказом по Петропавловскому гарнизону, военное положение в Камчатской губернии считалось снятым аж с давно прошедшего 5 октября. Это сделано на основании приказа по 5-й Краснознамённой армии, изданного ещё 27 сентября.

2 декабря, в воскресенье, много слышавшие о недавней трагедии, смогли лично оценить её размах, просмотрев новую программу иллюзиона «Землетрясение в Японии». Начало в восемь вечера, «цены местам повышены».

6 декабря вечером в школе второй ступени прочитан для всех желающих доклад на тему «Конституция РСФСР».

12 декабря на общем собрании горрайона РКСМ ответственный секретарь губбюро РКП(б) Д. С. Бузин избран почётным комсомольцем городской ячейки. Зато исключены В. С. Пак, как чуждый элемент и подрядчик, то есть эксплуататор чужого труда, и П. Барабин, член с 1920 г. Последний не насовсем, а с правом вторичного вступления в случае исправления.

14 декабря пришло сообщение из камчатской глубинки. В селе-нии Ключевском открылась первая на полуострове изба-читаль-ная. Новая жизнь потихоньку добиралась и до самых отдалённых уголков губернии.

Объявлен курс американского доллара — пятьдесят восемь цен-тов за один золотой рубль.

Торговый дом «Сайденберг и Виттенберг» объявлял о получе-нии широкого ассортимента товаров и продуктов. «Цены вне кон-куренции!» Вот некоторые (в сенах за фунт): солонина и сахар-песок — тридцать, колбаса чайная — восемьдесят, крупа гречне-вая и кукурузная — десять. Колбаса «Московская» — одна иена двадцать сен, конфеты шоколадные английские — две иены за фунт. Консервы государственного завода «Океан» мясные, перец, кабачки и прочие — шестьдесят сен за банку, шоколад плиточ-ный, в коробке двадцать четыре штуки, — три иены. Ситец — сорок сен за ярд (девяносто один сантиметр), разные шелка — от пяти до пяти с половиной иен. Тёплые носки — от полутора до двух, дамские чулки — одна-две иены.

15 декабря в пять вечера прошло собрание в детсаду, понятное дело, что родителей, коих присутствовало около шестидесяти. Руководительнице садика задавались разнообразные вопросы в час-ти воспитания деток.

Одобен его новый метод, «закрывающийся в развитии в детях осознания каждого шага работы в области их самовоспитания, сотрудничества и отрешения от старых методов стеснения детской свободы творчества». Папы и мамы заинтересовались и финансо-вым состоянием садика, пообещав в случае затруднений оказать посильную поддержку.

В этот же день заседала деткомиссия (детская), поставившая себе задачей в ближайшее время организовать на имеющиеся у неё средства «Дом беспризорного ребёнка» из расчёта на двенадцать человек. С января 1924 г. он получил название в честь «всесоюз-ного старосты» М. И. Калинина.

16 декабря в агитпропе, то есть агитационно-пропагандистском отделе губбюро РКП(б), продавались портреты пролетарских вождей,

персональные и групповые. Весь сбор пошёл в пользу красных инвалидов гражданской войны.

17 декабря в «Красном уголке красноармейца» при дивизионе ГПУ состоялось собрание комсомольской ячейки. Присутствовал почти весь дивизион, городские комсомольцы и много горожан. Разбирали устав большевистской партии и принимали в неё кандидатов. Несмотря на то, что собрание шло более трёх часов, обстановка была живая. В разборе устава участвовали почти все, подробно останавливаясь чуть не на каждом его слове. Большой интерес вызвал параграф об условиях приёма в партию, причём особое внимание было уделено вопросу, почему льготы по вступлению предоставлены именно красноармейцам. Зато «очень осторожно аудитория отнеслась к вопросу о приёме в члены партии выходцев из других партий».

Объявлен аукционный торг на четыре хороших лошади. Желавших заглянуть им в зубы просили придти на портовую кошку.

Почтово-телеграфная контора открыла приём досрочных поздравительных телеграмм — приближались пока ещё не отменённые Новый год и Рождество.

Объявлено, что по вторникам и пятницам с пяти вечера в детском саду будут идти занятия ликбеза для женщин. «Если некоторые женщины в силу семейных обстоятельств не могут оставить детей дома, можно приходить с детьми».

Магистр ветеринарии С. А. Грюнер предлагал поучиться у него английскому языку в доме по улице Никольской, № 29, как группами, так и персонально.

19 декабря снова общее собрание горрайона комсомола. Присутствовало до ста человек. Ответственный организатор В. А. Шавшуков прочитал доклад о комсомольском комсоставе на Дальнем Востоке, огласил план работы на январь 1924 г. После этого комса разделилась на четыре кружка: политграмоты, спортивный, рабочий и литературный. Избраны четыре комиссии: по проведению Рождества, но особого, комсомольского, то есть антирелигиозного; по изысканию средств; по оборудованию комсомольского уголка при партклубе и редакционная.

20 декабря в партклубе в пять часов вечера — собрание женщин-работниц, присутствовало тридцать четыре человека. С большим вниманием выслушан доклад «Первобытный коммунизм и роль женщины», потом знакомились с полученной с материка программой по работе среди женщин промышленных районов. С окружающей действительностью это пока не гармонировало: коммунизм,

по словам пропагандистов, был не за горами и вовсе не первобытный, а промышленностью на Камчатке вообще и в городе в особенности пока ещё и не пахло. Тем не менее, в принятых резолюциях «проглядывает сознательное желание женщин-работниц отдать себя на работу по самообразованию и воспитанию детей в духе нового времени».

Постановлено организовать общими усилиями буфет при парт-клубе с целью употребить доход с него на усиление детсада и будущего детдома. Одновременно решено устроить 1 января в Народном театре детскую ёлку.

22 декабря официально открыт уже какое-то время действовавший губернский партийный клуб «Пролетарий». В нём зал, фойе, в отдельной комнате буфет, устроенный женотделом на «чисто пролетарских началах» в пользу организующегося детдома.

В семь тридцать вечера на сцену вышел председатель правления клуба Д. С. Бузин и провозгласил открытие торжественного заседания, посвящённого началу деятельности первого на далёкой окраине пролетарского клуба. Звучит Интернационал. Бузин выступает с приветствием, указывает на огромное значение клуба, который теперь будет служить местом спайки партийцев между собой и с беспартийными массами. Далее звучат приветствия от разных организаций, а после перерыва — первая в камчатской жизни живая газета «Петропавловская правда № 1», вызвавшая неподдельный интерес аудитории, сопровождавшей каждую «статью» громом аплодисментов. В четверть двенадцатого ночи первый газетный номер закрылся, народ начал расходиться. Привычных танцев не было.

23 декабря завершён ремонт Народного театра. Его зимний сезон открылся показом пьесы «Весенний поток», потом пошли «Аферисты», «На рельсах», «На дне», «Революционная свадьба» и прочее.

25 декабря правление театра организовало ёлку для детей «с подарками и кинематографом». 26-го и 27-го прошли спектакли и вечер ГПУ, 28-го маскарад с призами, а под самый занавес года — 30 декабря — спектакль миниатюр.

27 декабря отмечено шестилетие органов и войск ГПУ, вообще-то приходившееся на уже истекшее 20-е число. В два часа дня — торжественное заседание в Красном уголке дивизиона в присутствии представителей партийных, государственных и общественных организаций, а в восемь вечера в Народном театре — доклад И. Я. Ломбака «Пройденный путь ВЧК — ГПУ», затем спектакль «Мы и они» и импровизация из жизни чекистов.

Читатель уже, наверное, обратил внимание на большое число общественных действий в виде собраний и заседаний, часто проходивших в небольшом малонаселённом городке. Это стало приметой нового времени, когда люди приучались к публичной жизни, участию в общих делах, не всегда имевших конечной целью материальные результаты. Вскоре главными ячейками общества, помимо, конечно, семейных, стали трудовые коллективы, на основе деятельности которых стал складываться принципиально новый — советский — образ жизни.

А пока подводились итоги уходящего года, первого полного, прошедшего в новой политической действительности, — при большевистском единовластии. Так, по данным статистического бюро, население Петропавловского уезда заготовило для себя и кормления собак немногим более трёх миллионов «хвостов» рыбы. В округе же насчитывалось чуть больше двух с половиной тысяч домохозяйств, следовательно, на каждое пришлось по тысяче сто семьдесят восемь штук. Через Петропавловский порт прошло в общей сложности шесть тысяч сто семьдесят пассажиров, а за первое полугодие 1923 г. в казну собрано чуть больше ста пятнадцати тысяч рублей разных налогов...

Петропавловск в 1927 г.

1927 г. в СССР проходил под знаменем десятилетия Октябрьской революции и настоящей военной опасности: в мае были разорваны дипломатические отношения с Англией, правящие круги которой даже пытались организовать новую интервенцию. В ходу был лозунг, обращённый тогдашнему британскому министру иностранных дел: «Наш ответ Чемберлену», под которым шёл активный сбор средств на оборону страны, в первую очередь на авиацию.

Произошли революционные события в Китае (нанкинские) с вмешательством иностранных держав, а также, в конце года, — XV партсъезд, подведший итоги борьбы с антипартийным течением — троцкизмом: оно по официальной версии «открыто выступало как орудие мелкобуржуазной демократии, бунтовавшей против железного режима пролетарской диктатуры. Оппозиция была разбита партией и рабочим классом». Отчёт ЦК съезду, сделанный генсеком Сталиным, поднял ряд вопросов, связанных с международной безопасностью и военной угрозой. По нему, а также по докладам Рыкова и Молотова принят ряд решений «первокласс-

ной важности» в области внутренней жизни страны: взят курс на индустриализацию при одновременном подъёме сельского хозяйства в форме коллективизации.

В 1927 г. территория уже бывшей Камчатской губернии именовалась «Камчатским округом», а высшей властью в нём являлось бюро окружного революционного комитета ВКП(б) или окрревкома. Высшим исполнительным органом советской власти являлся окружной исполнительный комитет (окрисполком), в состав которого входили различные отделы, вроде окружного финансового (окрФО), народного образования (окрОНО), прочие. Интересы трудящегося люда защищало окружное бюро профессиональных союзов, сокращённо окрпрофбюро (ОПБ).

Город с 1923 г. изменился мало, разве что стали другими руководители да название: с 1924 г. он стал именоваться «Петропавловском-Камчатским», хотя старое название — «Петропавловск-на-Камчатке» — использовалось в некоторых документах, даже официальных, аж до начала 1950-х гг. В 1927 г. «начальниками Камчатки» были секретарь окрбюро ВКП(б) Н. И. Кузнецов и председатель окрисполкома В. Ф. Богатырёв.

Петропавловск населял тысяча шестьсот восемьдесят один житель, из них девятьсот пятьдесят восемь мужского и семьсот двадцать три женского пола. Исполнительной властью, «хозяином города», являлся ежегодно переизбиравшийся городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Им руководил президиум, в состав Совета входили секции по отраслям хозяйства. Ввиду малочисленности населения обязанности окружных и городских властей часто пересекались. Так, всеми культурно-образовательными учреждениями города заведовал окружной отдел народного образования (окрОНО), включавший три лица: заведующего (Н. С. Павленко) и двух инспекторов. Никакого технического аппарата этот отдел не имел, по счётно-бухгалтерской части обслуживался общей бухгалтерией окрревкома.

В городе работали две школы: первой ступени, то есть начальная, и второй, или средняя. К концу года они были объединены в школу-девятилетку. В ней занимались двести девяносто семь ребят. Зарплата учителя равнялась ста тридцати шести рублям. Имелся один детский садик, открытый, как мы знаем, в 1923 г., в нём трудились два воспитателя, посещали до сорока пяти детишек. Беспризорников не было, их отправляли в детские дома Владивостока, где сейчас содержались за счёт окрОНО пять человек.

Город располагал одним профсоюзным клубом. Культурно-массовая работа в нём велась устройством докладов и вечеров. Попытка секции народного образования горсовета и окрОНО прочитать ряд научно-популярных лекций не удалась «из-за неимения слушателей». Из намеченных двенадцати состоялись только две. Зато активно работал драмкружок. «В работу клуба широкие массы всё ещё слабо вовлечены. Учёт запросов и настроений членской массы через вечера вопросов-ответов отсутствует. Справочная работа в клубе не поставлена».

В клубе шли «немые» кинопоказы. «Картины ставятся, имеющие разрешение Главлита», то есть цензуры. Их было мало, устаревшие, плёнка часто рвалась, вызывая со стороны посетителей «только нарекания на Совкино». Содержание картин оценивалось как «в большинстве своём не соответствующее местным требованиям и интересам».

Действовала одна библиотека, насчитывавшая около семи тысяч книг. Передвижных библиотечек в её распоряжении не было, но в ближайшие селения посылали литературу во временное пользование. Здесь имелось детское отделение, действовал кружок «Друзья книги». На 1 июня числилось триста девяносто шесть читателей. Их обслуживали две работницы «с соответствующей квалификацией». На содержание библиотеки городской бюджет выделил около восьми тысяч рублей, что считалось недостаточным. Требовались средства на пополнение фонда современной литературой по текущей политике, детской и для малограмотных. Книжный фонд исследовала секция народного образования горсовета, в результате его пересмотра изъято триста тридцать две устаревших книжки.

Промышленные предприятия в городе по-прежнему полностью отсутствовали, он не являлся экономическим центром округа. Предполагалось перенесение сюда конторы Дальгосторга, базы товаров для снабжения Камчатки, организация портового управления. Количество чернорабочих не превышало трёх десятков человек. Перспективы роста пока лишь просматривались в связи с начавшимся оживлением государственной рыбной промышленности и связанного с ней снабженческого судоходства. Владельцы частных заведений (в стране действовала «новая экономическая политика»), кустари и ремесленники были обязаны выбрать патенты и промысловые разрешения на свои занятия.

В начале года готовились перевыборы состава горсовета. Особое внимание в ходе предвыборной кампании уделялось женской части

населения. Считалось, что ей «пора встряхнуться и постараться в нынешнем году выдвинуть побольше своих представительниц... Женщины не должны шептаться по углам о слабостях в работе, как это часто можно слышать, а выти все на предвыборные собрания, обсудить работу горсовета, вслух подумать хорошенько о своих женских нуждах и постараться выбрать таких из своих товарищей, которые могли бы серьёзно и добросовестно работать и проводить в жизнь такие мероприятия, которые улучшают положение женщин, например, детсад, ясли, общественная столовая, прачечная».

Выборы в горсовет проводились в соответствии с инструкцией, утверждённой ВЦИК СССР 28 сентября 1926 г. В общественно-политической жизни тогда существовало такое понятие, как «лишенцы». Так именовались лица, лишённые избирательных прав. Ими становились представители «бывших эксплуататорских классов»: офицеры, служащие полиции, тюремного ведомства, корпуса жандармов, помещики и буржуазия, служители религиозных культов. Впрочем, к лишенцам подходили индивидуально. Так, окрестком постановил восстановить в избирательных правах граждан А. В. Кияшко, А. С. Кирилук, А. Суконнова.

7 января финансово-бюджетная секция горсовета (председатель Бурнатов, секретарь Добровольский) постановила: ассигновать сто рублей на уничтожение бродячих собак и отнести их на непредвиденные расходы. Само же уничтожение следует провести не ранее наступления весны, «так как проведение его в настоящее время может вызвать массовое и справедливое нареkanie, как жителей города, так и приезжающих из селений на нартах, по тем причинам, что под видом бродячих собак за отсутствием опознавательных на них знаков могут уничтожаться и не бродячие, а случайно оторвавшиеся от нарты ездовые или выбежавшие на улицу охотничьи и другие собаки».

Секция также считала, что до начала уничтожения безнадзорных животных следует проработать вопрос о введении металлических ярлыков с номерами для ношения на ошейниках, «что служило бы признаком при определении бродячих собак». Существовавшими законоположениями разрешалось взыскивать за эти собачьи отличия стоимость их изготовления с хозяев.

12 января члены финсекции горсовета Завалей и Арбузова обследовали районную и городскую милицию на предмет разделения её обязанностей. По их мнению, разделить следовало, выделив и отдельное делопроизводство. Районную милицию «вливать»

в Петропавловский райисполком, а обязанности начальника городской возложить на начальника подотдела милиции административного отдела.

15 января президиум горсовета решил занять в Коммунальном банке двадцать пять тысяч рублей на постройку городской бани.

12 февраля в клубе состоялся спектакль-вечер общества «Авиакхим», наследника ОДВФ. С зрителей собраны восемьсот сорок один, израсходованы на устройство четыреста двадцать два рубля. Разница — на деятельность организации. Её окружное бюро благодарило всех принявших участие и тем способствовавших «успеху вечера».

14 февраля горсовет занимался вопросами налогообложения. Решено считать нецелесообразным введение налогов с публичных увеселений, принимая во внимание наличие единственного в городе культурного учреждения — клуба, иначе Народного театра, не могущего служить для извлечения материальной выгоды. Не нужен и квартирный налог, введение которого может значительно повысить цены на жильё, что при существующем жилищном кризисе для трудового населения является нежелательным.

Налог со строений тоже не даст положительных результатов, так как их большинство принадлежит Местхозу, а с прочих его сумма, являясь весьма незначительной, «будет лишним препятствием к созданию благоприятных условий в деле строительства города». Нецелесообразен и сбор с древесины, ибо в черте города лес не рубится. Налог на скот остаётся прежним «в целях поощрения этой необходимой в наших условиях отрасли сельского хозяйства».

Секция коммунального хозяйства горсовета обследовала деятельность Окрместхоза, выяснив, что она ограничивается исключительно пределами города. Поступлений из окружного бюджета он не имеет, полностью содержится из городского. Выделенные на хозрасчёт коммунальные предприятия, объединённые в трест «Камчатское хозяйство», иначе Камчхоз, тоже все пребывают в Петропавловске, свои доходы вносят в городской бюджет. В Камчхоз входят: водопровод, ассенизационный обоз, транспортный обоз, плавучие средства, склад стройматериалов, паровое отопление. Принимая всё это во внимание, исследователи в лице Н. П. Фролова, А. И. Уткина и Е. Устименко считали целесообразным всё коммунальное хозяйство объединить в Горместхоз, штатный состав Окрместхоза, исключая заведующего, считать вошедшим туда же, заведование им возложить на заведующего Окрместхозом по совмести-

тельству. Финансовая отчётность остаётся без изменений, так как все операции по местному хозяйству ведутся в пределах города.

17 февраля окрревком утвердил перечень местных налогов. Среди них годовой на лошадей — пять рублей; с грузовых лодок — восемь, с головы крупного скота — три рубля, сбор за заготовленную древесину — пять процентов с общей суммы.

28 февраля в школе второй ступени заседала комсомольская ячейка. На повестке дня доклад о деятельности горсовета, кандидатурах его будущих членов и наказе новому составу. Присутствовали аж сто одиннадцать человек. Ячейка доныне ещё ни разу не видела на своих собраниях столько народа. Каждый кандидат тщательно обсуждён, по некоторым высказались до шести-восьми выступавших. Они говорили о необходимости устройства детского клуба, физкультурных площадок, кружка кройки и шитья. Последний пункт особенно понравился барышням, которые горячо его обсуждали. Присутствовавшие взрослые товарищи пожелали молодёжи больше интересоваться жизнью города и деятельно в ней участвовать. Так незаметно и засиделись до десяти вечера.

3 марта бурно совещались водники, то есть портовики. Решили: всем записаться в потребительскую кооперацию. Шумели много, а в итоге вступило туда только трое. «Надо бы водникам выполнять свои постановления, а они, видите ли, спят по-медвежьи» — отметил один из них.

12 марта заседание горсовета было посвящено десятой годовщине низвержения самодержавия. Присутствовали также представители партийных, профсоюзных, общественных организаций и «неорганизованные» граждане. Слушали доклад Е. Устименко «Февральская революция как этап к Октябрю». Потом с воспоминаниями выступили непосредственные участники и очевидцы событий пограничник Р. Я. Пукке, видимо, бывший красный латышский стрелок, и некто Мохов. Постановили: «...отмечая полное единение рабочих и крестьян в деле советской культурно-хозяйственной стройки нашего пролетарского государства, считаем, что дальнейшее укрепление смычки рабочих и крестьян ускоряет неизбежный день низвержения власти капитала во всём мире, поэтому лозунг: “Крепите смычку рабочих и крестьян!” — есть лозунг нашей последовательной работы, и мы его будем осуществлять путём укрепления и оживления работы городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, вовлекая в практическую работу советского строительства всех трудящихся, как из среды профсоюзной массы, так и неорганизованных граждан.

Да здравствует единение рабочих и крестьян всего мира! Да здравствует руководитель освобождения рабочих и крестьян — Третий Коммунистический Интернационал!»

14 марта установлена квартплата из расчёта рубль семьдесят за квадратную сажень. Признано, что существовавшая низка по отношению к себестоимости жилплощади, что лишает возможности создать из доходов от неё фонд развития жилищного строительства.

19 марта решено вследствие приближающихся перевыборов горсовета, намеченных на 17 апреля, до 4 апреля дать письменные отчёты секций о проделанной работе, считать необходимым создание в новом Совете административной секции.

20 марта разъяснено, что чистить от снега окна и двери в домах Местхоза должны квартиронаниматели. Разъяснял целый окружающей прокурор.

27 марта в школе ликвидации неграмотности собрались учащиеся, постановившие прекратить занятия с 1 апреля. Причина уважительная — начало навигации, открытой приходом «Симферополя», а большинство учеников — водники. Занимались они очень добросовестно, но вот нехорошо обстояло дело с учителем первой группы, который вдруг начал «здорово закладывать», видимо, на радостях, что почти дотянул до конца учебного года. 30 марта он явился на занятие чуть живым, а от второго урока отказался. На следующий день не пришёл совсем.

28 марта президиум горсовета отказался вводить налоги на лошадей учреждений, состоящих на государственном или местном бюджете, на лодки, использующиеся для перевозки людей, и с велосипедов. Это признано нецелесообразным как из-за отсутствия объектов обложения, так и дорог, пригодных для езды на велосипедах. Решено образовать административную секцию в составе Ф. Н. Кротких, Д. С. Шлык, Н. П. Фролова и С. С. Бождай. Секции предложено пополнить свой состав представителями заинтересованных учреждений, а также членов Совета. Созыв организационного собрания секции возложен на Ф. Н. Кротких, народного судью.

29 марта заседало правление Камчатского краеведческого общества. Одобрен список научных периодических изданий для выписки в библиотеку общества, просмотрен перечень метеорологических инструментов для запроса их во Владивостоке. Решено сделать в апреле два доклада на общих собраниях: о Жупановском горном районе и Ключевской группе вулканов. Затем слушали сообщение секции естествознания и географии о Налычевских

горячих ключах, сделанное П. Т. Новограбленовым. Из квалифицированных специалистов доселе на них давным-давно побывал только известный доктор В. Н. Тюшов, автор знаменитой книжки, вышедшей ещё до революции, но не сделал их подробного описания. Изредка туда заходили охотники, лечившиеся от ревматических болей. Намечено посещение ключей членами общества — летом или в начале осени.

31 марта состоялись предвыборные собрания в коллективах окрФО и Дальбанка с участием их семейств, всего пятьдесят семь избирателей. Вначале поговорили о революционном движении в Китае, затем ознакомились с порядком выборов и задачах профсоюзов в этом ключе. Выдвинули своих кандидатов, большинством голосов избраны П. А. Бодров, И. Д. Добровольский, А. И. Чмыхалов и С. Г. Ошев. Наказ будущему горсовету включал десять пунктов, главным образом касавшихся благоустройства. Собрание прошло довольно оживлённо, чувствовалась заинтересованность людей в обсуждавшемся.

Перевыборы горсовета, этой «школы для трудящихся управлять государством», назначены на 17 апреля. Город разделён на четыре избирательных участка. По каждому из них на основании предложений жителей разработаны напечатанные в листовках «наказы» будущим членам горсовета. По 1-му участку, учитывая острый жилищный кризис, предлагали привлечь к новому строительству частную инициативу и организовать жилищный кооператив; в области благоустройства — улучшить водопровод, а до изыскания средств на это усилить санитарный надзор за ключами, тёкшими с Петровской сопки, из которых брало воду значительное число горожан, оборудовать площадь для проведения революционных празднеств; в области здравоохранения — уделить особое внимание созданию городской аптеки и «заразного» (по-современному, инфекционного) барака при горбольнице.

Избиратели 2-го участка желали в области культуры и просвещения, в частности, расширить детский садик, выделить ремесленный класс при школе второй ступени в самостоятельное учебное заведение, организовав при нём курсы кройки и шитья для женщин и сапожного ремесла для мужчин; принять меры к охране памятников старины, найти средства для постройки рабочего клуба и установить громкоговорящий радиоприёмник. 3-й участок ждал исправления дорог, «так, чтобы можно было проезжать по всем улицам города, и провести дорогу по откосу, по Набережной до Култука», то есть до современной улицы МаксUTOва.

6 апреля в очередной раз собралось краеведческое общество. В члены приняты горожане Завише-Давьяло и Колмаков, учителя Вачинский, Больбат, Телятьев, Пересечанская и Мариненко, житель Мильково Колесов, усть-камчатец Текнин; Притчин и Завадский из села Отрадного. Членом-сотрудником стал школьник Бакалов. На вопрос одной из учительниц, какие предметы она должна собирать, предложено секции естествознания и географии «дать ей определённые указания». Объявлена благодарность товарищу с необычной фамилией Физик (Ф. М. Физик) за перевод со шведского книги Э. Хультена «Географическое описание Южной Камчатки» и М. Сотниковой за перепечатку рукописи перевода. Передана в обработку А. Курилова запись беседы о мамонтах, полученная из долины реки Камчатки. П. Т. Новограбленов прочитал доклад «Жупановский горный район».

9 апреля в здании Народного театра заседали восточные рабочие. Присутствовало свыше пятидесяти корейцев и китайцев. Выступал редактор «Полярной звезды» Э. М. Брикман, пояснивший национальным меньшинствам важность предстоящего действия. В результате последующего голосования прошли в кандидаты три китайца, один кореец и один русский. «Присутствующие отнеслись к докладу и выдвижению кандидатур с должным вниманием».

10 апреля окружное Общество содействия обороне республики (ОСО) открыло запись в члены. Ею занимался сотрудник редакции «Полярной звезды» Житников.

На «Симферополе» прибыл помощник начальника Дальневосточного отделения главного таможенного управления Журавлёв. Цель визита — обследование Петропавловской таможни.

Типография «Полярной звезды» напечатала брошюру агронома Жеребцова «Наши покосы». Продавалась по десять копеек за экземпляр.

12 апреля китайские лавочники продолжали продажу «с чёрного крыльца», несмотря на постановление окрревкома о запрещении торговли в дни отдыха и после шести вечера. Но было «можно наблюдать в некоторых лавках скопление покупателей». Выходит, что для частного, например, для Гао Хай Вана, Юй Пен Ляня и Сун Мен Чина, этот закон оказался неписан.

14 апреля заведующий окрОНО Н. С. Павленко отчитался перед горсоветовской секцией народного образования. Число школ выросло от тридцати в 1914 г. до нынешних шестидесяти. «Это значит, что советская власть в такой короткий срок уделила много внимания отдалённой окраине». Но жизнь требовала больше-

го. Окружной центр, то есть Петропавловск, был беден культурно-просветительными учреждениями. Его требовалось превратить в очаг культуры, тогда будет легче распространять её и по окрестностям. Надо расширять интернат при школе второй ступени, тогда туда смогут приехать самые активные деревенские ребята, чтобы получить «повышенное» образование и со временем стать квалифицированными работниками. Так будет и осуществлена «смычка города и деревни». Нужно выделить имевшийся при школе ремесленный класс в самостоятельное училище. Учить надо не только молодёжь, но и взрослых, а для этого требуется вечерняя школа. Молодёжь не имеет места, где можно было бы проводить досуг. Перед секцией стоит задача организации клуба для неё, устройство физкультурных площадок. Нужно заниматься и научными исследованиями, для чего восстановить сейсмическую и метеорологическую станции и подумать об устройстве окружного краеведческого музея. Маловат был и единственный в городе детсад.

Горожанин Н. С. Усов известил знакомых, что по пути во Владивосток на пароходе «Симферополь» 11-го числа вечером от порока сердца скончалась Надежда Александровна Усова, видимо, его супруга. Её тело, по сообщению капитана, будет доставлено во Владивосток.

Просили считать недействительной утерянную брачную выписку Благовещенской камеры ЗАГС от 10 мая 1922 г. на имя А. К. Галкиной.

14 апреля из Владивостока вышла «Индигоирка», вёзшая среди прочего до восьми тонн долгожданной почты.

Краеведы слушали сведения президиума о поступлении от сотрудника ОГПУ М. И. Каплана фотографий, сделанных им в поездке по западному берегу полуострова; о полученном от жителя Нижнекамчатска В. И. Нечаева старинном ительменском каменном светильнике «весьма своеобразной формы». Выслушан доклад «Хозяйство и быт Северной Камчатки» Шатрова, проехавшего от Тигиля и Седанки до Рекинников.

Гормилиция составила протоколы на граждан Трухина, Князева, Тарасова и Сыркина за нарушение срока начала охоты, оштрафовав каждого на весьма кругленькую сумму в пятьдесят рубликов. Составлен и протокол на гражданина Сидоренко — за обычное хулиганство.

17 апреля — день выборов нового состава горсовета.

Недавно сложившийся кружок «Союза воинствующих безбожников» приступал к практической, то есть разъяснительной, работе.

На ближайшее время намечены следующие темы для проработки: что такое Земля и откуда она взялась, Луна и планеты, Солнце и солнечная система, происхождение животных и человека, строение человеческого тела и прочие. Знание этого позволяло «более прямо» подойти к рассмотрению религиозных вопросов, вскрытию всех их противоречий. От бессистемной и крикливой антирелигиозной работы начала 1920-х гг. пришла пора переходить к последовательному разъяснению массам на основе твёрдых научных знаний вреда верований.

Вот пример такого разъяснения, приуроченный к приближающейся Пасхе, заменой которой должен был стать пролетарский Первомай. «Христиане рассказывали в книгах, что Иисус учил любить ближних, помогал несчастным, был сам бедным и другом бедняков, а про богатых говорил, что легче верблюду влезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай, а священников называл лицемерами, обманщиками, за что священники добились его казни. Прошли века. Помещики и другие эксплуататоры, более развитые, чем бедняки, понимали, что рая не существует. И, не боясь тоже несуществующего ада, богатели, жирели, превратив веру, учение любви и свободы, в орудие порабощения и обмана. Революция эту религию вскрыла и отвергла».

Комитет страхкассы создал отборочную комиссию для освидетельствования застрахованных лиц, имевших право на курортное лечение. На 1927 г. Камчатскому округу выделено пять мест в санаториях на «материке» — три для рабочих и два для служащих.

Сообщено, что 15 апреля на первом советском рыбоконсервном заводе в Усть-Камчатке от неизвестной причины произошёл пожар, сопровождавшийся жертвами.

Местком Рабпроса намеревался послать местных учителей на экскурсию в Москву. Бесплатно пока не получалось, с каждого следовало собрать по сорок рублей задатка, им полагалась половинная скидка на железнодорожный билет. «Беднейшему» учительству местком намеревался выдать субсидию в пятьдесят рублей. А вообще-то поездка в пролетарскую столицу получалась очень недешёвая — по три сотни на человека.

18 апреля секция наробраза горсовета обследовала пришкольный интернат. В нём содержались четырнадцать ребят, из них три девочки. Интернат имел три комнаты, кухню и раздевальню. Столовая одновременно служила местом для приготовления уроков, не была отделена от кухни и имела вход через холодный коридор. В столовой стояли большой стол, три скамьи, ящик для книг с отделе-

ниями и ларь с мукой. Кухня содержалась в чистоте, посуды вполне достаточно. Далее излагаем словами протокола осмотра:

«Комната для девочек по размерам вполне достаточна для размещения трёх человек, но в ней совершенно отсутствует вентиляция. Имеется небольшой стол и две табуретки, причём эти вещи принадлежат гражданке Сусляк. Комната для мальчиков также достаточно большая, но в ней отсутствует мебель, мальчики сидят, раздеваются, складывают платье на кроватях. Умывальник находится в коридоре, один на всех, уборная помещается рядом со столовой, общая для школы. В течение зимы ни разу не менялось сено в тюфяках. Кровати железные, позаимствованные у погранотряда. Простыней имеется по две штуки на человека. Бельё меняется еженедельно, баня еженедельная.

Внутренний распорядок таков: дети встают в половине восьмого, от восьми до полдевятого чай и после этого отправляются в школу. В двенадцать часов дополнительный чай; от двух до половины третьего обед и в семь часов ужин. Ложатся спать в зависимости от окончания подготовки уроков или чтения. Для поддержания порядка из числа детей избрана тройка в составе двух мальчиков и одной девочки.

На продовольствие отпускается по шестьдесят копеек в сутки на ученика. Суточное довольствие детей состоит: а) утром чай с хлебом и сахаром, иногда пупки с картофелем или одна картофель, б) завтрак, введён вследствие большого промежутка времени между утренним чаем и обедом, состоит из хлеба и чая с сахаром, в) обед из двух блюд — суп мясной или постный и каша, жареное мясо и т. д. Меню комбинируется поваром в зависимости от наличия продуктов, г) ужин в одно блюдо — макароны, картофельные котлеты, рыба солёная — пупки, чай.

Хлеб выпекается поваром... из муки-сеянки и после этого, за отсутствием муки в Госторге, из ржаной муки. Хлеб выпекается до трёх раз в неделю и вполне доброкачественный. Кипячёная вода имеется в достаточном количестве. Продукты приобретаются по заборным книжкам в кредит в Дальгосторге, и расчёты по заборам проводятся периодически. Закупки производятся дежурными учениками по требованию завхоза, часть продуктов, как то: мясо, картофель, рыба, закупаются непосредственно самим завхозом. Из запасов имеется налицо: муки пуда полтора и сахару пуда два.

До февраля месяца продукты для довольствия детей закупались большей частью на личные средства завхоза интерната товарища Смирнова. Израсходовано свыше трёхсот рублей, каковая

сумма была возмещена по предоставлению расходных документов. За второе полугодие им же, Смирновым, из личных средств расходовано на покупку продуктов восемьдесят два рубля восемьдесят семь копеек, каковая сумма ещё не возмещена. За время существования интерната тов. Смирновым получено на довольствие всего два аванса по сто рублей...

Вследствие несвоевременного и недостаточного получения авансов заготовка продуктов производилась непланово, и приходилось переплачивать за покупку. Например, мясо, привозимое из деревень, можно купить по пятьдесят копеек за фунт, а в городе — шестьдесят пять, пупки по три пятьдесят за пуд, а в Дальгосторге — по восемь рублей и т. д. Для улучшения стола дети ловили навагу во время её хода и питались ею полтора месяца.

Воспитательная работа в интернате ведётся завхозом Смирновым. По заявлению заведующего интернатом тов. Лугового, оборудование интерната задержалось и восполняется в плановом порядке дачей некоторых заказов школьной мастерской. Кроме того, принимаются меры к возврату Местхозом и другими лицами оборудования бывшего интерната педагогических курсов высшего начального училища и второклассной школы. Расходы из личных средств тов. Смирновым производились благодаря тому, что он не давал своевременных отчётов в израсходовании отпущенных авансов и предоставлял с большим перерасходом...»

22 апреля милиция составила протоколы на граждан Оленского и Тарабарова за пьянство и хулиганство.

24 апреля обнародован план празднования Первомая. Предварительно по коллективам проводится подготовка «через широкое оповещение о значении этого дня». В час дня 1 мая — митинг в Народном театре. Его порядок: приветствия представителей различных организаций, доклад; полдевятого — вечер, «живой журнал» для взрослых. Детям — утренник в одиннадцать дня. Выпускается первомайской номер «Полярной звезды», к 1 мая приурочивается выход всех стенгазет, подготовленных для конкурса, назначенного на день печати, то есть на 5 мая.

Официально утверждены праздничные лозунги, в том числе: «Да здравствует Первое мая — день мирового пролетарского единства, день боевого праздника в борьбе за коммунизм!», «Да здравствует Коминтерн — вождь мирового пролетариата!», «Пролетариат мира! Стой крепко на защите первой рабочей страны — СССР!», «Уничтожить наследие царского строя — неграмотность!», «Через массовое кооперирование крестьянства — таков путь деревни

к социализму», «Пламенный привет трудящимся Китая, поднимающимся против империализма!»

27 апреля в канцелярии Местхоза состоялись торги на сдачу в аренду базарных лавок, расположенных у пристани Совторгфлота (так теперь именовался бывший Доброфлот) в ковше.

28 апреля краеведы слушали доклад инспектора окрОНО М. А. Жедяевского «Быт и условия работы просвещенцев Северной Камчатки». Он остановился на ительменах и коряках, посещавших школы. Их быт, обычаи, язык, по его мнению, едва ли изменились со времён С. П. Крашенинникова. «Все их бытовые особенности, отражённые в романе “Камчадалка”, не изменились (роман Т. И. Калашникова опубликован ещё в 1833 г. — С. Г.). Среди приморского населения, которое потеряло свой язык и говорит на русском, наблюдается тяга к просвещению. Шестьдесят процентов школьников западного побережья больны туберкулёзом и сифилисом, половина к тому же больны трахомой». Далее к северу преобладает корякское население, оседлое и кочующее, «причём наблюдается стремление у каждого оседлого непременно стать кочевником, завести пятнадцать-двадцать оленей и уйти в горы». Поэтому-то селения, нанесённые на карту, часто на самом деле не существуют.

Насколько ительмены стремятся к обрусению, настолько же коряки стремятся сохранить свою самобытность, школу не любят, девочек туда не пускают. Инспектору пришлось долго доказывать на одном из их съездов, что советская школа не похожа на прежнюю, миссионерскую, и никто не намерен насильно изменять образ их жизни. Этим «бреешь недоверия к школе была пробита...»

30 апреля состоялся первый пленум новоизбранного горсовета. Решали в основном организационные вопросы. Председателем избран всем хорошо известный и давно живший на Камчатке И. Е. Ларин. Он подвёл некоторые итоги выборов, отметив, что активность, а значит, и сознательность, избирателей растёт. Если в прошлом году их явка на участки составляла пятьдесят девять процентов от числа имевших право голоса, то в этом — все семьдесят. Некоторые женщины не попали на участки, так как не могли оторваться от своих занятий. Восточных рабочих выделили в самостоятельную избирательную группу, что затрудняло проведение кампании из-за незнания многими из них русского языка.

В состав горсовета избран пятьдесят один депутат и шестнадцать кандидатов к ним. В президиум совета вошли девять человек. Созданы секции: финансово-бюджетная, административная,

здравоохранения, народного образования, коммунального хозяйства и кооперативно-торговая. По предложению Ларина пленум единогласно избрал на всё время своей работы почётный президиум в составе пролетарских вождей товарищей Сталина, Калинина, Гамарника и местных руководителей Кузнецова и Богатырёва.

2 мая открылся для взрослых посетителей читальный зал межсоюзного рабочего клуба, размещённый в помещении окрбюро ВКП(б). С последним пароходом в его распоряжение пришла новая литература, газеты и журналы.

4 мая исполнился год с момента создания Камчатского погранотряда ОГПУ. Его служба по охране границы и поддержанию государственной монополии внешней торговли осложнялась громадной территорией и почти полным отсутствием всяческих путей сообщения. В этот день отряд получил Красное знамя от камчатских профсоюзов, объявивших о принятии шефства над пограничниками в части культурной помощи и учёбы.

Совсем скоро, в начале июня, пограничники заставы «Озерная» задержали японский катер, пренебрегший приказом остановиться. Пришлось стрелять по нему из винтовок и пулемёта. Капитан получил смертельное ранение.

5 мая, четверг — День печати. В этот день в 1912 г. вышел первый номер «Правды», теперь главной газеты СССР. (Удивительным образом почти сто десять лет назад в этот же день на свет появился Карл Маркс, основатель «всепобеждающего учения», названного его именем, являвшимся сейчас официальной идеологией страны.) Страницы «Полярной звезды» предоставлены в распоряжение штатных пропагандистов, рабселькоров «от невода до винчестера» и юнкоров, они же деткоры, — так именовали простых людей — взрослых и детей, деливших на страницах газеты своими соображениями по самым разным поводам, вскрывавшим всяческие недостатки и безобразия.

«Значение нашей печати прежде всего в том, что она всегда была и есть голос призыва масс. Ни на минуту нельзя представить нашу газету без широкого участия рабочих и крестьянских корреспондентов». Деревенские жители Камчатки выписывали двести пятьдесят её экземпляров, остальные расходились в городе и его окрестностях.

Лучшим рабкором Петропавловска считался некто «Брашпиль», писавший не только о своём коллективе, его жизни, промахах и достижениях, но обращавший внимание и на другие. «Всё, что ему интересно, всё, что интересует массу, Брашпиль рассказывает

в газете... Заметки Брашпиля должны являться примером для других рабкоров».

А вот сообщение юнкора — пионерки Кати: «Пионерская организация строит свою работу на детской самодеятельности. А детская печать со всеми её массовыми видами работы должна способствовать развитию и направлять детскую самодеятельность. До сих пор в детской печати не было указаний об этом. Нужно в печати уделять внимание этой отрасли работы. Устройство конкурсов на лучшую стенгазету, на лучший рисунок, стихотворение, на составление и решение ребусов и шарад имеет огромное значение в деле оживления детской самодеятельности. Затем у нас плохо поставлена работа по выявлению детского творчества, надо эту работу организовать вокруг стенгазет. Выявление детской самодеятельности возможно тогда, когда ребята начнут выписывать для себя пионерскую литературу, она очень дешёвая. А затем нужно литературу использовать в работе со стенгазетой, с деткорами. Пионеры! Подписывайтесь на газеты и журналы! Пионеры! Вербуйте подписчиков на пионерскую литературу из неорганизованных (не входящих в пионерские ячейки. — С. Г.)! В день печати начнём работу по вовлечению деткоров в стенгазеты, в газету “Полярная звезда” и журналы материка!»

На конкурсе стенгазет города, приуроченном к празднику, первое место получил «Связник» окротдела связи, второе — «Финработник», третье — «Факел» школы второй ступени.

Институт истории партии (так называемый истпарт) обращался к участникам гражданской войны на Дальнем Востоке с просьбой присылать свои воспоминания, фотографии и материалы «для помещения в сборник десятой годовщины Октябрьской революции». Помещённое или использованное обещали авторам оплатить. Материалы следовало отправлять до 1 июля в Хабаровск.

6 мая дали знать о себе с материка «туземцы-курсанты», посланные в прошлом году в Ленинградский институт живых восточных языков имени Енукидзе, во Владивостокский госуниверситет и Хабаровский педагогический техникум. Всего их было девятнадцать: по одному эскимосу, чукче и юкагиру, остальные камчадалы и русские. «Учёба наша движется удовлетворительно, — писал учащийся педтехникума. — Успехи у всех, в общем, идут хорошо, за исключением некоторых предметов, но это неважно, к концу года выправимся». Другой, из госуниверситета: «Я раньше не знал программы рабфака, лучше бы мне было поехать в Хабаровск. Учусь на первом курсе, приходится иметь дело с такими

предметами, с которыми раньше был более-менее знаком уже лет шесть тому назад». Студент из Ленинграда сообщал: «Учусь на подготовительном курсе. Не попал на первый, потому что вовсе не знал математики. Учим русский, математику, политграмоту, географию, биологию, английский, тунгусский, животноводство и рисование».

Его впечатление от материка: «Когда ехали, то всё время казалось новое и новое, и, наконец, когда приехали в Ленинград и увидели такие громадные дома, и народ как всё равно комары у нас на Камчатке. И тогда мне не то, чтобы писать письма, я и забыл про родных...»

8 мая — последний день работы школы комсомольской политграмоты. Результаты учёбы хорошие — посещаемость восемьдесят шесть процентов, выпущено сто двадцать человек, из них больше половины переведены в «высшую степень политобразования и партийную сеть». Политический рост курсантов школы выявили их «вылазки» на практическую агитационно-пропагандистскую работу. Окрбюро комсомола, обращаясь к выпускникам, давало им наказ — закреплять полученные знания, расширять их через самообразование, читку книг и особенно газет. «Для того чтобы быть последовательным ленинцем, быть проводником заветов Ленина в массе, нужно в первую очередь изучить ленинизм».

Заработал Брашпиль: «Было 5 апреля постановление ОПБ (окружного профсоюзного бюро. — С. Г.) о создании “Общества друзей радио”, но до сих пор ни ответа, ни привета. Постановление так и осталось постановлением, а дела ни на грош нет. Ведь при таком отношении к выполнению постановлений ОБП и в сто лет не создадим на Камчатке радио, и лозунг товарища Ленина “Строить газету без бумаги и расстояний” не проведётся в жизнь, а время идёт. Культотдел ОПБ, проснись!»

Пребывавшая в порту «Индигирка» не могла уйти в Усть-Камчатск, мешали льды, окружившие тамошние берега. По той же причине стояла и «Астрахань».

10 мая на заседании правления краеведческого общества его член П. Т. Новограбленов выступил с сообщением описанных в 1926 г. новых вулканических конусов и новых горячих источников, представил две рукописи: «Вулканы Камчатки» и «Горячие ключи Камчатки». В летний план работы общества включены доклады «Ительмены и коряки Севера» Ф. Л. Слободчикова, «Юго-западная часть Камчатки» М. Э. Кренберга, «Северная Камчатка» М. А. Жедяевского. Предположены массовые экскурсии в Тарью

на древние ительменские стойбища и к Авачинскому вулкану. Правление получило отъезжавшему в Хабаровск члену общества А. Т. Якимову доложить в краевом центре о проделанной работе, испросить субсидию на содержание музея и дальнейшие исследования. Принято приглашение участвовать во Всесоюзной краеведческой конференции в Москве в сентябре, решено готовить материалы для выставки на ней. Оглашено письмо Центрального бюро краеведения с поздравлением Камчатскому обществу по случаю его преобразования из кружка и благодарность за присланные материалы.

12 мая вопросом «Не пора ли кончить?» озаботился некто слышавший. Вот что он имел в виду. «Многие товарищи из молодёжи довольно часто обрушиваются на новое и отрадное явление в нашем быту — на стремление при возможности одеться чисто и опрятно. Обрушиваются, особенно на девушек, отошедших от “омужичивания”. Некоторые способны сделать вывод, что это “разлагающийся элемент”, некоторые говорят, “видно, это не из наших” и т. д. Пора бы таким настроениям отойти в область предания, и дать надлежащий отпор неряхам, “орабочивающимся”, считающим, что рабочий должен быть всегда грязным и ни в коем случае не прикасаться к парфюмерии — мылу, зубному порошку. Это голос не рабочего, чтоб ходить грязным и неопрятным, а босяка, люмпен-пролетария. Не пора ли покончить с таким зубоскальством, вредным рабочему классу, да ещё и с выступлением на сцене клуба?»

Местхоз получил распоряжение административного отдела окрревкома привести в порядок ручей возле церкви (район современного художественного музея. — С. Г.). Во время заправки водой стоявших в ковше пароходов в городе не хватало воды, поэтому две трети населения пользовались этим ключом.

В семь часов вечера назначено собрание рабкоров в редакции «Полярной звезды». На повестке дня ознакомление с техникой подготовки и выпуска газеты.

Горожанам, желавшим запастись дрова и лесоматериалы, предлагали записываться до 1 июня в Петропавловском лесничестве.

Обитатели строений, близлежащих к дому № 8 по улице Никольской, жаловались на его обитателей. Снег и грязь они не убирали, но это было ещё ничего. «Живут в этом доме сотрудники статистического бюро, и никому не дают покоя... Не проходит ни дня, чтобы там не было шума, а шум начинается ровно с одиннадцати вечера и продолжается до двух-четырёх часов утра. Никакие

уговоры и просьбы остальных жильцов... ни к чему не приводят, кроме как грубостям со стороны их».

15 мая началась Международная детская неделя. Она шла под лозунгами: «Праздник детей всего мира», «Пионеры и дети Камчатки, организуйте материальную помощь детям революционных борцов Китая, крепите письменную связь!», «Начать подготовку к летней работе», «Дети трудящихся Камчатки — в ряды пионеров!», «Начнём работу по оздоровлению всех ребят Камчатки», «Партия и комсомол! Больше товарищеского руководства и помощи пионерам!»

План проведения недели: 15 мая — торжественное заседание пионеров, комсомольцев, неорганизованной детворы в семь вечера в рабочем клубе; 16 мая — собрание родителей в школе первой ступени, после вечер школьников; 18 мая — день пятилетия пионерской организации СССР, выросшей за эти годы с восьмидесяти семи членов до двух миллионов. Собрание пионеров и неорганизованной детворы, в пять вечера — бесплатная театральная постановка и кинопоказ в рабочем клубе; 22 мая — снова детский вечер.

«Дети... далёкой суровой Камчатки должны быть организованными участниками укрепления Октября, их рядами должны пополниться ряды юных пионеров. Дети камчадал, коряк, ламут, алеут и других национальностей должны слиться в единую семью, объединиться под одним знаменем — знаменем юных пионеров, знаменем дедушки Ильича».

На лето намечена организация прогулочных экскурсий, краеведческой работы, спортивные игры и состязания, вроде городков и коллективной охоты, предполагается организовать в Усть-Камчатском районе агитационный кунгас с киноустановкой, библиотекой и «прочими видами организации разумного отдыха».

Пикорка (пионерская корреспондентка) Кочеткова рассказала землякам о тяжёлой жизни заграничных братьев, пояснив, что им трудно работать, и «мы, свободные ребята, должны помочь им материально и письменно», одним словом, протянуть руку иноземным пионерам. Призвала изучать жизнь детей за границей, наверное, затем, чтобы можно было сравнивать её со своей собственной.

Инспектор по прямым налогам Петропавловского участка В. Д. Сковородько объявил, что 20-го числа в доме Т. Е. Головань по улице Партизанской, 46 состоятся аукционные торги на описанную налоговой инспекцией в счёт погашения государственных и местных налогов и сборов годовалую телку. Начальная цена

скотины — пятьдесят рублей. 21 мая в десять часов утра будут продаваться описанные у Е. А. Варрена, тоже на улице Партизанской, комок за десять и зеркало за пятнадцать рублей.

Объявлено, что в связи с изменением положения о судебном устройстве старший помощник прокурора Дальневосточного края по Камчатскому округу переименован в камчатского окружного прокурора.

19 мая стали известны имена пятерых счастливиц, отобранных для поездки на курорты. Среди них рабочий типографии Гарднер.

Комиссия по увековечению памяти погибших в борьбе за советскую власть объявила конкурс на составление эскизов-проектов памятников. В число павших героев включены: замученный И. В. Рябиков, семнадцать расстрелянных членов Анадырского ревкома, убитые в бою Г. М. Елизов, Тушканов, Войцешек, Бохняк и Давыдов. Проекты до 28-го числа принимал В. Ц. Пересвет-Солтан в облздравотделе. Предполагалось поставить общий памятник в черте Петропавловска и отдельные на могилах. Стоимость группового памятника оценена в две тысячи, индивидуальных — в двести-триста рублей.

В приходно-расходной кассе началась продажа облигаций государственного внутреннего десятипроцентного выигрышного займа стоимостью по двадцать пять рублей.

Опытное сельскохозяйственное поле (район современного Крайстата) назвало цену бутылки молока — пятнадцать копеек, продажа в неограниченном количестве. За два рубля можно было купить десяток куриных яиц. Случка с племенным быком стоила пятёрку.

Объявлен открытый торг на принадлежащие Мортрану шхуну «Дагестан», две баржи и два кунгаса.

20 мая комсомолия отчиталась о шефстве над военными моряками сторожевика «Воровский». Во время его заходов в Петропавловск она знакомилась с бытом и службой военморов, приобрела для них на сто рублей спортивный инвентарь, присылала литературу, обменивалась стенгазетами, писала письма. «В общем, связь была хорошая». В городе был даже оборудован «военморуголок», хотя и слабовато работавший за неимением свежей литературы.

На «Астрахани» во Владивосток, а затем в Хабаровск в командировку выехали секретарь окрбюро ВКП(б) Н. И. Кузнецов и уполномоченный Дальневосточной краевой контрольной комиссии А. Т. Якимов.

22 мая опубликовано расписание движения пароходов Совторгфлота по так называемым «Северным линиям», обслуживавшим Камчатку. Всего на навигацию 1927 г. намечено пятнадцать рейсов по разным направлениям, включая Командоры и Чукотку. Так, 3-й восточно-камчатский начинался выходом из Владивостока 21 июля. Судно сначала шло в Хакодате, откуда выходило 23 июля, в Петропавловске должно быть 2 августа.

На днях ожидалось прибытие пароходов «Алеут» и «Томск».

26 мая, рано утром, в ковш зашёл «Воровский». По городу развешены объявления о торжественной встрече военмором в четыре часа дня. Возле окрбюро ВКП(б) собрались пограничники, профсоюзники, пионеры и комсомольцы. Они организованно двинулись на пристань, здесь прозвучали приветственные речи. Затем все направились в зал окрбюро, где для моряков и пограничников комсомольца устроила праздничный ужин. Выделенные комсомольцы «старались, перегоняя друг друга, дать одному или другому подшефному товарищу чашку чая или чего-нибудь другого, в общем, приняли самое активное участие во встрече». После ужина, сфотографировав всех присутствовавших, отправились в клуб, дабы продолжить веселье. Там начались танцы под оркестр. Вечер окончился около полуночи.

Правление 2-го Петропавловского общества потребителей предложило всем задолжникам до 4 июня рассчитаться за забранный под запись товар.

Объявлено, что с 1 июня в помещении окрбюро ВКП(б), бывшем помещении Авиахима, открывается партийно-комсомольская коммунальная столовая, задача которой «дать доброкачественный и вкусный стол». До этого в городе имелась лишь одна частная столовая Попова. Желавшим столоваться партийцам и комсомольцам, а также членам их семей предлагалось обращаться к члену наблюдательного совета столовой Б. К. Борысевичу и внести вперёд полумесячную плату. Завтрак стоил тридцать, обед девяносто и ужин шестьдесят копеек. Самое высокооплачиваемое лицо округа — секретарь окрбюро ВКП(б) — в месяц получало триста шестьдесят рублей.

Окраздрав уведомил, что с 25 мая по 15 июня назначено приведение города в надлежащее санитарное состояние. Каждому сознательному гражданину напоминали, что «там, где грязь, там зараза, там болезни и эпидемии».

Председатель окрисполкома В. Ф. Богатырёв возвратился на «Астрахани» из поездки по восточному побережью.

По ходатайству Петропавловского порта, точнее, агентства Совторгфлота, Управление безопасного кораблевождения намеревалось поставить на оконечности портовой кошки огни для освещения прохода судов в порт в ночное время.

Житель села Елизово Герман Поротов публично подал заявление об исключении его из списка верующих.

На заседании окрбюро Авиахима это общество слито с Обществом содействия обороне. Получился Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, ставшее самой массовой оборонной общественной организацией в СССР.

27 мая объявлено о введении в учреждениях, промышленных и торговых предприятиях округа метрической системы мер. Теперь вместо фунтов и футов нужно использовать килограммы и метры. Введение в действие мер, предложенных Совнаркомом ещё 14 сентября 1918 г., должно было завершиться в Петропавловском районе к 1 октября, а в отдалённых местах округа — к 1 декабря.

29 мая зуботехническая лаборатория Р. М. Илло (Партизанская, 39) довела до сведения нуждавшихся, что изготавливает алюминиевые коронки, литые зубы и протезы по самой доступной цене. Принимали ежедневно, кроме понедельника и четверга, до шести вечера.

Стало известно расписание движения срочных рейсов парохода «Муроран-мару» между Хакодате, Отару и Петропавловском. Судно принадлежало японской компании «Курибаяси Сиосен Кабусики Кайша». В Петропавловске его агентировало местное представительство Совторгфлота. Пароход делал семь рейсов. Последний отход из Петропавловска — 2 октября.

Окрфинотдел объявил, что, согласно уведомления налогового управления Наркомфина РСФСР, все торговые предприятия, продающие подакцизные товары (табак, папиросы, вина, пиво, крепкие спиртные напитки), должны обозначать это на своих вывесках, вроде «табачная торговля», «продажа табачных изделий и вина».

Прибывший в порт «Томск» поставлен в карантин: на борту имелись заболевшие сыпным тифом.

До города дошли «частные» слухи о том, что в этом году после долгого бездействия будет восстановлена Петропавловская сейсмологическая станция.

А в это время сильно нехорошо пахло на пристани Совторгфлота — гнила на складе завалявшаяся капуста. Подумавши, её решили свалить в ковш. «И представьте себе, так хорошо сэкономили! В ковше и лёд поломан, и склад от капусты очищен».

2 июня горсовет, идя навстречу избирателям, устроил «праздник древонасаждения», обсадив расположенную прямо в центре города так называемую «детскую площадку», являвшуюся одним из немногочисленных мест отдыха и игр детей. Впрочем, зачастую её заполняли не люди, а четвероногие. В особенности это место облюбовали козы. Деревья же, которые здесь росли, «не украшение города, а скорее зло и опасность, так как первая буря их повалит окончательно». Площадки школ первой и второй ступеней тоже нуждались в озеленении.

19 июня секция наробраза изучала план оборудования парка на Никольской сопке. С витиеватой формулировкой «учитывая недостаточность проработанности вопроса в части изыскания средств и в соответствии с этим постепенности производства работ» решено создать комиссию для рассмотрения вопроса к 1 июля. Одновременно соглашаясь с оборудованием памятника (павшим борцам революции) на сопке, секция решила «считать целесообразным остальные средства на восстановление памятников перебросить на оборудование памятника “Братская могила”, как наиболее пришедший в негодность и привлекающий больше внимания посетителей». Памятник революционерам поставлен так и не был, а парк на Никольской сопке по-настоящему стали создавать только в середине 1930-х гг.

Выслушан доклад уполномоченного Совкино М. А. Жедяевского. Как недостатки кинообслуживания населения отмечены: малый процент фильмов советского производства, отсутствие детских сеансов, недостаточное число бесплатных или «удешевлённых» показов в честь пролетарских праздников. Одобрен план снабжения фильмами на 1928—1929 гг., учитывающий недостатки предыдущего.

1 июля открылся «курортный сезон» — заработал первый дом отдыха для рабочих и служащих Петропавловска, расположенный в сорока верстах от города в селении Паратунка. Людей туда с 1 июля по 15 августа отправляла окрестражкасса, собравшая три группы. Вот как описывал свой отдых некто Побывавший: «1 августа мы собрались у пристани Совторгфлота, куда был подан катер и шлюпка, на которых переправились через бухту в Тарью, где нас ожидали лошади. Навьючив лошадей, мы отправились в дальнейший путь, и через несколько часов езды на лошадях прибыли в село Паратунку. Дом расположен в лесу, тут же горячие ключи. Каждому отдыхающему были предоставлены все удобства. В доме отдыха имеется библиотека с достаточным количе-

ством журналов и газет, шашки, шахматы и домино. Питание проводится в строго установленном порядке.

После завтрака отдыхающие купались в горячих ключах, а по окончании купания каждый проводил время сообразно своим наклонностям: одни читали, другие играли в футбол, городки. С часу дня обед из трёх блюд, вполне сытный, из свежих продуктов, после — мёртвый час, потом купание в речке (в ключах днём вода настолько горячая, что купаться в них невозможно). В четыре часа чай, затем игры на воздухе, катание на лошадях. В восемь часов ужин и часов в девять-десять купанье в ключах».

Замечательно! Один недостаток был у такого отдыха — изобилие комаров, от которых отдыхающие «немного страдали» и пытались избавиться нещадным курением.

10 августа организован кружок первой помощи, в него записались тридцать восемь девушек-комсомолок. Занимались дважды в неделю, вечерами по понедельникам и субботам по два часа. Проработали ряд тем, в том числе о строении человека, работе внутренних органов, кровообращении. Задача кружка — подготовка красных медсестёр.

Август. Экскурсия, организованная Обществом изучения Камчатки, поднялась на вершину до сих пор считавшегося неприступным Корякского вулкана. Восхождение совершила группа в составе П. Дьячкова, В. Невского, П. Пономарёва во главе со статистиком-географом Ф. М. Физиком. Она пробыла на вершине три четверти часа. Во время восхождения собрала геологическую коллекцию и гербарий альпийской растительности.

9 сентября на площади возле школы первой ступени занималась женская группа физкультурного кружка. Тут же собралась стайка мальчишек, которые всё время мешали: перебивали команды руководителя, бегали меж физкультурниц, а когда те приготовились к бегу, бросили им под ноги камень. Руководитель обратился к старшему, затейщику, «говоря, что хулиганить дурно, и что он пожалуется отцу. На это последний ответил губой дерзостью».

Пример для подобного поведения у детишек был перед глазами. Как только в ковше появился пароход с возвращавшимися с рыбалок, город принял оживлённый вид. Рабочие группами выходили на берег, большинство из них с утра посещали лавку Госвинторговли, брали две-три бутылочки и тут же распивали их, «чтобы веселее было ругаться и приставать к прохожим». Многие напились до того, что не могли вернуться на пароход, а валялись под заборами, пока не проснутся или их не подберут товарищи. Особенно

это было заметно 7 и 8 сентября. Некоторые пропили весь свой нелёгкий заработок за два-три дня.

11 сентября Местхоз объявил о желании сдать с 10 октября с подряда доставку воды и ассенизационные работы.

Редакция «Полярной звезды» объявила конкурс на лучший по замыслу рисунок для клише к номеру газеты, посвящённому предстоящей десятой годовщине Октябрьской революции. Победителю — премия двадцать пять рублей и бесплатная годовая подписка.

На первые числа октября намечено начало постройки общественной бани.

В городе имелась «Трудовая артель», распоряжавшаяся почти всем городским гужевым транспортом. Ни один частный возчик не имел права взимать за перевозку, например, больше двух рублей и двадцати копеек за воз в двадцать пудов по Ленинской улице от пристани в оба конца города, исключая радиостанцию (нынешняя улица Радиосвязи) и ферму. Подённые телеги оплачивались в двойном размере дневной ставки чернорабочего.

14 сентября на собрании ячейки ВКП(б) № 3 слушали отчёт Петропавловской таможни. Доходы в текущую навигацию повысились в пять с половиной раз по сравнению с прошлогодней. Это объяснено улучшением личного состава и, соответственно, качества работы, а значит, и полным взиманием всех законных сборов. За зиму в специально организованном кружке по изучению таможенного дела проведено двадцать четыре беседы. Результат налицо — много задержанной контрабанды.

15 сентября под заголовком «Наш ответ Чемберлену» опубликованы списки горожан, вносивших личные средства на оборону страны. Семья Воротниковых дала три, Вологдин по вызову Медведева — пять, Л. и К. Черновы — два рубля. Коля Сосунов по вызову Гали Студецкой дал рубль и вызвал Марусю Головань, Инверку и Мунерку Узбековых, Фаридочку Селихметову. Окросвет Осоавиахима просил групповые комитеты внести произведённые ими отчисления. С начала кампании по 11 сентября на оборону Союза собрано более двух тысяч шестисот рублей, в том числе пятьсот — от устройства вечера, сто пятьдесят шесть — от кружечного сбора и отчислений от бильярда, тысяча восемьсот с лишком — по вызовам через газету и личные пожертвования. А всего по округу поступило шесть тысяч пятьдесят девять рублей.

Школа первой ступени записывала неграмотных и малограмотных на ликбез.

Из комсомольской ячейки № 4 при райпросе выделилась ячейка школы второй ступени в составе восемнадцати членов. Возглавил её комсомолец А. Чен, в бюро выбраны А. Петрик и А. Косыгин. Окружное бюро ВЛКСМ надеялось, что новая ячейка будет активно участвовать в школьной работе, а её члены станут примером для других школяров.

На улице Ленинской напротив рабочего клуба валялись бесхозные железные койки, приходившие от дождя и сырости в негодность. Пока по этому поводу никто не тревожился.

Торговое представительство СССР в Японии сообщило, что оборудование городской электростанции по прибытии его из Америки будет своевременно отправлено в Петропавловск без завоза во Владивосток.

19 сентября началась ежедневная, кроме среды, работа Хабаровской ширококвещательной, то есть голосовой, станции на шестидесятиметровой волне с полудня до часу дня московского и с девяти до десяти вечера часов местного времени. По субботам, воскресеньям и вторникам добавлялось ещё полтора часа вещания.

Радиолюбители Петропавловска принимали сигналы до пятидесяти станций, в том числе ширококвещательных. Некоторые слушали Яву, Манилу и Калифорнию. Впору было говорить: «Алло! Америка? Это из Петропавловска...»

20 сентября прекращён приём заявок об отпуске дров на весь зимний период.

22 сентября родители оповестили о похоронах утонувшей Насти Зориной. «Тело... найдено в заливе. Похороны в пять часов вечера. Вынос из анатомического покоя горбольницы».

*Погибла ты, Настя, в юные годы,
И так и не видела жизни земной,
Навеки покинула семью родную
И наш комсомол дорогой...*

Опубликован отчёт по вечеру-кабаре, устроенному комиссией по сбору средств на помощь пострадавшим от сильного наводнения в Хабаровском и Владивостокском округах. Получено от продажи билетов, цветов, лотереи («бочки счастья») и буфета две тысячи восемьдесят один, расходы — шестьсот восемьдесят один рубль. Председатель комиссии — сам глава окрисполкома В. Ф. Богатырёв.

Вечером в межсоюзном рабочем клубе открылся 1-й Камчатский окружной съезд профсоюзов. В повестке дня: отчёт ОПБ, доклады окрстрахкасы, окрпрофинспектора, вопросы работы на селе

и в области культуры, сообщение окрторга о снижении цен, выборы ОПБ и ревизионной комиссии, прочее. В частности, сообщено, что безработицы «острой не имеем, главный контингент безработных нам даёт союз Местран после окончания навигации. По остальным же союзам имеется лишь временная безработица». Высказано предложение увеличить продолжительность отпуска «в наших условиях» на месяц или две недели, в зависимости от категории трудящихся. Отмечено, что положение с жильём печальное: «средств нет, а жилищный кризис велик».

«Полярная звезда» отвела одну полосу под «Литературную страничку и краеведение». Опубликован очерк «Чудесные куклы», такие были в ходу у обрусевших камчадалов, рассказ «Жёлтые камни», повествующий о временах, когда на Чукотке торговали иностранцы, стихотворение «Чукотская весна» некоего П. Вот оно:

*Такая поздняя, скупая
Чукотская весна,
Как будто тихо умирая,
Упала на поля.
И непрерывно сожалея,
Что так она больна,
Заплакали, робея,
Суровые снега.
Затосковали в небе тучи,
Закрыли синие глаза
И из туманной небной кручи
Закапала слеза.
И только море не узнало,
Что к ним пришла весна.
И льды по-прежнему ласкала
Косматая волна.*

Очерк «Деревенские самородки» познакомил широкую публику с поэтом-камчадалом Н. В. Притчиным, уроженцем селения Голыгино, расположенного на юге полуострова. Ему двадцать семь лет, он охотник и рыбак. «С русскими встречаться ему приходилось мало, и только в последние годы, когда голыгинцы стали выходить к берегу Охотского моря для ловли рыбы, он начал соприкасаться с русскими.

В Петропавловске он не был ни разу. Прошёл один класс церковно-приходской школы, сам выучился хорошо читать и разборчиво писать». Первые и единственные книги стихов, которые он читал, были полное собрание сочинений Лермонтова. Других русских поэтов и современных стихов не знал. «В нравственном отно-

шении он стоит высоко, не курит и не предаётся порокам, развитым среди окружающего его населения.

Стихи Притчина ценны тем, что в них отражается многогранный быт нашей деревни, бичуются пороки. Стихи ценны тем, что написаны малограмотным камчадалом, мало знакомым с поэзией, с её требованиями и с искусством писать».

Вот его стихотворение «Мы не умеем жить» в обработке М. Э. Кренберга:

*Приветствую, Камчатка
Обильный уголок,
Бобровая Лопатка,
Всем лакомый кусок!
Леса зверьём богатые,
Глубокий зимний снег,
Хребты и чёрны хаты,
Я прожил с вами век!
Но мы — народ ленивый,
Мы не умеем жить,
На водку не спесивы:
Мы любим много пить.
За водку щедро платим
И рыбой, и зверьём,
А сами все в заплатах
И голодом живём.
Друзья, ужель не стыдно
В Японию всё слать?
Свой труд, добро обидно
На водку продавать!*

23 сентября «раскрыты тайны Камчатки» — на пароходах Совторгфлота, вернувшихся с Анадыря и Чукотки, в город вернулись статистики, ведшие перепись населения, в том числе и самых далёких северных окраин. «Вид бодрый и энергичный. Тяжёлая работа выполнена на все сто процентов». Ею занимались Сёмушкин, Менгель, Королёв, Орловский, Москвин, Физик, Орлова, Охупкин, Бауэрман. Вскоре ожидалось предварительные итоги переписи.

25 сентября вышла очередная литературная страничка, продолжена публикация работ Н. Притчина. Вот стихотворение «Перенога»:

*Зимой в лесу на переногу
Хожу я мокрый, весь в поту.
В душе надежды и тревоги:
Где зверь? Уйдёт ли, догоню?
Голоден я, устал в погоне,*

*Присесть бы только, отдохнуть,
Но не зевай на переносе —
Скорее дальше, дальше в путь...
Однако вечер, нет добычи,
К палатке еле дохожу
И, не притрагиваясь к пище,
Залез в кукуль и злой лежу.*

29 сентября мандатная комиссия горсовета отметила, что посещаемость заседаний составляет шестьдесят процентов. «Многие члены и кандидаты в члены не вполне достаточно уделяют внимания учёту своей работы, и даже имеются такие случаи, что, выбывая совсем из города или в командировки, не сообщают об этом». Отмечено, что делопроизводство в секциях поставлено плохо, протоколы не подшиты, разбросаны, особенно в наробразе и у коммунальщиков.

Рассмотрена деятельность районного кредитного товарищества. Хотя оно возникло совсем недавно, уже многое сделало, получило на свои операции двадцать семь тысяч рублей, распределило их между общественными организациями, хозяйствами, вовлекло в члены сто восемьдесят пять человек, сдавших тысячу рублей паевых взносов. На будущий год составлена заявка в Дальбанк на выделение уже ста шестидесяти тысяч рублей. Признано, что цели и задачи, ставившиеся перед товариществом, полностью выполнены, кредиты используются рационально. Вынесено постановление об уменьшении процентной ставки и продлении срока ссуд. Решено нарастить имевшийся у горсовета пай на предстоящий бюджетный год.

Зато «бросалось деньгами» управление Дальгосторга, содержа сверхштатного юрисконсульта с ежемесячной зарплатой в триста рублей (это много) за заключение всего-то нескольких договоров с рыболовецкими артелями.

30 сентября окрревком утвердил местный бюджет на 1927—1928 гг. в сумме миллион четыреста двадцать тысяч рублей, из них на город пришлось двести восемьдесят одна тысяча, или почти пятая часть. Остальные деньги уйдут в районы, больше всех — сто тридцать четыре тысячи — в Усть-Камчатский.

1 октября в соответствии с постановлением коллегии Наркомторга РСФСР от 4 февраля 1927 г. во всех торговых предприятиях приказано завести жалобные книги для записи заявлений и предложений клиентов. Руководство предприятий, не имеющих книг, будет привлекаться к ответственности. 24 ноября это распоряжение было отменено в отношении частных заведений.

Шёл «смотр хулиганствующих сил». Снова вспомнили дом № 8 по Никольской, тот, со статистиками. Они, обитавшие на втором этаже, справляли естественные надобности очень необычным образом: мочились на улицу с высоты. «Чего же ещё проще? Встал с постели, и прямо в окно. Благо, дом стоит не по линии тротуара...»

А вот домик по Набережной, 19: «Я проходил мимо этого дома и услышал чьё-то женское рыдание и многоэтажный мат пьяного мужика... Товарищ Б-в бьёт свою жену. Пьяная компания тут же сидит за столом... Они все громко смеются, глядя на побои... Зачем она нашу бутылку развела и сама первая выпила!»

Петропавловская сельскохозяйственная ферма («опытное поле») приступила к уборке урожая. В этом году впервые были посеяны рожь, пшеница сорта «Штрубе», овёс, ячмень четырёх сортов, конопля и различные овощи. Все эти культуры, против ожидания, дали урожай выше среднего, несмотря на не вполне благоприятные погодные условия.

В город завезли носимые электрические фонарики, которые быстро разошлись через магазин Дальгосторга. Итог оказался неожиданным: «Когда ночью идёшь по городу, то там, то здесь показывается свет. Некоторые освещают себе дорогу, но есть и такие, которые хотят ослепить другому глаза, и из любопытства — кто это идёт, сидит, разговаривает. Из-за этого иногда дело доходит до драки...»

4 октября прошёл аукционный торг имущества, изъятого у граждан Октябрьского и Ли Кин Чун за неплатежи налогов и сборов: машина для приготовления фруктового кваса (триста рублей), двадцать три чайных стакана (четыре рубля шестьдесят копеек), стенные часы (пятнадцать рублей), четыре стула (тридцать рублей) и кресло (семь рублей). До начала торгов это добро можно было осмотреть в окрФО.

6 октября заседало правление краеведческого общества. Заведующий его музеем и библиотекой П. Т. Новограбленов доложил, что поступило много книг и журналов, в которых помещены статьи о Камчатке. Например, журнал «Северная Азия» с публикациями Вольского «Камчатка (политико-экономический очерк)», Петрухина «Рыбные и морские промыслы Охотско-Камчатского края», Бабикова «Командорские острова», Грюнера «К вопросу о статистике оленеводства», Бонч-Осмоловского «Камчатско-Чукотский край». Журнал «Следопыт» включал статьи «Могикине Камчатки», «Среди эскимосов». Пришли журналы «Природа»,

«Экономическая жизнь Дальнего Востока», «Известия Государственного Географического общества (здесь помещена статья «Извержение Авачинского вулкана в 1926 г.» самого Новограбленова).

Музей получил экспонаты от Кремберга, Савина, Коробовой, Пересечанской, Гуськова, Новограбленова, Галактионовой, Колобова, Физика, Бауэрмана, Лонгинова, Пинигина, Вавилина, Шенеберга. Среди них ценные коллекции из Паланы, с Ключевского вулкана, из Гижиги, Олюторки, Уэлена. От учителя Лонгинова поступила рукопись «Русско-корякский словарь».

Председатель сообщил, что в Центральное бюро краеведения в Ленинград отправляется отчёт о занятиях общества за летнее время, а также доложил об отсылке экспонатов на Всесоюзную выставку искусств.

9 октября опубликованы подготовленные окрстатбюро предварительные итоги переписи населения. Петропавловский район населяли две тысячи четыреста шестьдесят девять человек. Самым малонаселённым районом оказался Большерецкий — лишь две тысячи четыреста тридцать два жителя, на Чукотке обитали пять тысяч восемьсот семьдесят один человек. Но сюда не вошли сведения о десяти хозяйствах чукчей (тогда говорили чукоц), кочующих в районе мыса Северного (эти материалы ушли непосредственно в Хабаровск). В Петропавловске по отношению к общему числу его обитателей насчитывалось сорок три процента женщин, в среднем на одно городское хозяйство приходилось по две целых и аж шесть десятых гражданина. По сравнению с 1897 г., когда проводилась последняя перепись, население города выросло более чем вчетверо (было триста девяносто пять человек), а по сравнению с 1923 г. (тысяча сто девяносто три человека) утроилось.

12 октября в одиннадцать ночи в течение нескольких секунд ощущалось небольшое землетрясение

13 октября заведующий окрОНО Н. С. Павленко рассказал о молодых камчатцах, отправившихся учиться на материк. В 1926 г. их было девятнадцать, а в этом — тридцать четыре, из них двое русских, остальные «туземцы», в том числе девять алеутов, по трое коряков и чукчей, один чуванец, два юкагира, по пять ительменов и кереков и четверо камчадалов. «Посылая такое количество туземцев, советская власть, главным образом, преследует поднятие культурной прослойки среди туземцев и подготовку работников для Камчатского края. Результатом этого будет укрепление советской власти и хозяйства Камчатки».

15 октября Петропавловская таможня провела аукционные торги конфискованных за неуплату пошлины «пассажирских вещей» — галантереи и одеяний, оценённых в тысячу сто семьдесят три рубля. Вторичные торги нераспроданного назначены на 22-е число.

Вот как это действие описывается в шуточной зарисовке с натуры «Аукцион»:

«В небольшой комнате таможни, ныне призванной служить аукционным залом, тесно и жарко.

В толпе, нетерпеливо ждущей начала аукциона, кооператоры, китайцы-лавочники и просто граждане. Китайцы держатся особо, в стороне, и таинственно пересматриваются между собой.

В воздухе висит густой запах дыма, чеснока и семечек. От этих запахов кто-то долго и пронзительно чихает.

— Дамские платья, три рубля штука. Кто больше?

Платья необыкновенно короткие, чёрненькие, и женщина в платочке справедливо замечает:

— Ой, какие маленькие, до пупа всего...

— Это ничего... — рычит бас возле печки, — сейчас мода такая...

— Три рубля! Кто больше?

— Пятачок! — шепчет нерешительно какая-то спившаяся личность.

— Десять копеек... — зло перебивает его сморщенная старушка.

Страсти разгораются...

Кооператор, стиснутый с одной стороны китайцами, с другой русскими, слушает, как аукционист кричит:

— Кто больше?

И отвечает:

— Рубль! Полтинник!

Ходя (прозвище китайцев. — С. Г.) не отстают от кооператора. Они тоже набавляют:

— Пяць копека...

Но бьёт кооперативный рубль, и когда товар переходит в руки кооператора, ходя беспокойно шмыгают глазами.

И только некто с длинными седыми усами в чёрном котелке, напоминающий барахольщика, невозможно шепчет:

— Десять копеек... Гривенник...

Ни десять копеек, ни гривенник не спасают положения, и товар уходит в другие руки.

Котелок сердито кашляет и сопит.

Сухая женщина со злыми чёрными глазами жужжит, как муха:

— Почему по штукам не продаёте? По штукам надо...

— Не можем, долго.

— По штукам надо...

— Да нельзя...

— По штукам надо...

Из толпы кто-то другой говорит женщине:

— Невозможное это дело. Возьмите Владивосток... Две тыщи пар чулок продают в таможне. Как же можно их по штуке с аукциона продать?

У женщины в глазах злые огоньки вспыхнули. Подскочила на три метра вверх.

— А я вот и купила там... Две пары купила!

— Да не может же быть этого!

— А вот и купила... По штукам надо продавать, по штукам...

Оппонент молчит. Женщина ещё раз зло выкрикивает:

— По штукам надо продавать! — и, увидев у прилавка одеяло, машинально прибавляет:

— Десять копеек.

Хотя, застигнутый врасплох неожиданным конкурентом, замолкает. Аукцион продолжается».

Драмкружок межсоюзного клуба готовил постановку комедии в четырёх действиях «То, чего не было» некоего Юрина. Премьеру ожидали на днях.

Обыватели жаловались на жильцов дома Местрана на улице Партизанской, 29. Рядом с ним протекал ключ, водой которого пользовались многие горожане. Но тутошние обитатели нашли ему ещё одно применение: они здесь умывались и стирали грязное бельё. Подобную «прачечную» следовало прикрыть.

16 октября в канцелярии Местхоза прошли торги на сдачу в аренду хлебопекарни, находившейся неподалёку от пристани Совторгфлота.

Гражданин Пак Шен Ун извещал общественность, что принят в российское гражданство ещё 15 февраля 1924 г.

Окрадминотдел наложил штрафы на граждан В. Зимникова и В. Белокопытова за несвоевременную прописку и выписку по домовым книгам, а на граждан Сунь И Сина и Тань Шу Мина — за просрочку вида на жительство.

ОкрФО объявило, что к приближающейся десятой годовщине Октябрьской революции правительство выпустило внутренний заём индустриализации (это слово только-только начало входить в жизнь) народного хозяйства СССР под шесть процентов на десять лет. Заём выигрышный, будет проведено тридцать розыгрышей, первый — уже 15 декабря. Самый большой выигрыш — целых десять тысяч

рублей, сумма для рядовых граждан заоблачная. Цена облигации — двадцать пять рублей.

В четыре часа дня в помещении окрбюро ВКП(б) началось общее собрание женщин. Тема — беседа об Октябрьской революции.

Уволен со службы опорочивший своё звание в глазах общественности младший милиционер Новоградский. А случилось это в ответ на газетную заметку о пьянстве и избиении, недавно приключившихся в доме по Набережной, 19. Оказывается, он-то и был одним из участников описанных событий. 16 сентября вечером вместе с матросом парохода «Алеут», захватив водку, пришёл в этот злополучный дом, давно, кстати, славившийся постоянными разгулами. «Новоградский стал приставать к гражданке Заочной и имеющимся при себе присвоенным по службе оружием “Наганом” угрожал таковой. По долгу своей службы... не только не предотвратил в указанном обществе дебош и пьянство, а наоборот, способствовал ему и тем самым дискредитировал орган Рабоче-Крестьянской Милиции». Вот такая она была тогда, сила печатного слова!

20 октября — премьера долгожданной пьесы «То, чего не было». Попутно выступление духового оркестра, буфет. Начало позднее — в половине девятого вечера, касса открыта с шести.

Горсовет сообщил о том, как Петропавловск будет снабжаться товарами и продуктами предстоящей зимой. Смета составлена и отправлена через Владивосток в Хабаровск ещё в августе. Намечен завоз исключительно для города на четыреста двадцать семь тысяч рублей. Будет доставлено (в пудах): шестнадцать тысяч муки трёх сортов, три тысячи сахара, тысяча риса, семьсот сала. Смета включает расходы на продовольствие и гастрономию (самые большие, почти половина), на мануфактуру, табачные изделия, огнеприпасы, обувь, готовое платье и бельё, галантерею, хозяйственные и скобяные товары, аптечные принадлежности. Все товары заготавливаются на отечественном и китайском рынках. «Исходя из действительной потребности города, можно с уверенностью, при условии выполнения полностью сметы, сказать, что город в эту зиму не будет переживать такого кризиса в провианте, как в прошлую».

23 октября желавших и умевших делать ракеты, необходимые для проведения предстоящих торжеств, «октябрьская комиссия» просила обращаться к И. Е. Ларину.

Все заведения и предприятия, облагаемые государственным промысловым налогом, извещались о необходимости обзаведения

соответствующими вывесками, кроме складов. На вывесках следовало сообщить, кому это помещение принадлежит.

Объявлено, что на очередном общем собрании краеведческого общества будет представлен доклад статистика-географа Ф. М. Физика «Что нового дала перепись Камчатского округа в географическом и этнографическом отношениях». Но на деле прозвучало сообщение В. Ф. Комарова «Предварительные итоги переписи в Камчатском округе». В частности, он сообщил, что по количеству рогатого скота выделяется Петропавловский район, который им обеспечен сравнительно хорошо. «Жаль, что мы не вполне умеем использовать, как следует, свои молочные продукты». Округ можно назвать «собачьим», статистика даёт пятьдесят тысяч животных на тридцать четыре тысячи населения. До переписи количество оленей было точно не известно. Авторы исчисляли их по-разному: одни в пятьсот, другие в девятьсот тысяч, один назвал даже два с половиной миллиона. С. А. Грюнер, исходя из теоретических соображений, говорил про семьсот тысяч и оказался ближе всех к истине. Перепись дала пятьсот семьдесят шесть с половиной тысяч голов.

27 октября уполномоченный истпарта И. Ф. Голованов снова «убедительно» просил всех горожан и жителей окрестных селений, имеющих какие-нибудь документы — письма, протоколы собраний, воззвания, фотографии и прочие, относящиеся к истории революции, передать их ему на время организации выставки, приуроченной к юбилею события. После её завершения обещал всё вернуть.

«Товарищей женщин», взявшихся за пошивку пионерских костюмов, просили завершить работу до 1 ноября и сдать в окрестности юных пионеров вожатому Борисову.

В Ленинском уголке погранотряда состоялась подробная, всесторонняя беседа о революции в Китае. Решено организовать группу по изучению этого вопроса, ибо «Красная Армия, в частности, пограничная охрана, должны знать, что делается в соприкасающихся с нами странах. Ведь мало знать своих друзей и врагов, нужно их изучить, для того, чтобы с первыми иметь тесную связь, а вторых научиться ненавидеть и побеждать».

На два месяца принудительных работ осуждён заведующий фермой Жеребцов, «человек-зверь», как он сам себя называл, за избиение рабочего фермы Ли Кун Куй. Вёл в суде себя грубо, за что дважды призывался к порядку, но в последнем слове просил о снисхождении.

Какой наказ

предлагают избиратели 3 участка (неорганизованные граждане) своим депутатам в Горсовет

1. Предоставить жителям города пользования луговыми и земельными угодиями в первую очередь.
2. Исправить дороги в городе, так, чтобы можно было проезжать по всем улицам города и провести дорогу по откосу, по Набережной до Култука.
3. Урегулировать попенный сбор на дрова и отменить на валежник.
4. Привести в исправность пожарный инвентарь и чтобы к нему был доступ, как летом, так и зимой.
5. При отводе земель Порту обеспечить за гражданами г. Петропавловска территорию Озерной КОШКИ от мыса Никольской сопки до ПРОТОКИ.
6. Ускорить отвод городской черты.
7. Образовать земельное общество.
8. При постройке бойни—настаивать ее постройку около кладбищенского мыса.

Одвал—2000.

Телеграфия О Р К.

Терек—200.

НЕОРГАНИЗОВАННЫЕ ГРАЖДАНЕ,
в горсовете обсуждаются ВАШИ НУЖДЫ
ИДИТЕ НА ВЫБОРА
выбирайте ЧЕСТНЫХ ДРУЖЕЖИЗНОВ.
А НЕ КРИКУНОВ

Избиратели! Все на перевыбора Горсовета

ПОМНИТЕ,
НАДО ОБЕСПЕЧИТЬ
РАБОТОСПОСОБНЫЙ
СОСТАВ ГОРСОВЕТА

Материалы к выборам горсовета, 1927 г. (из фондов ГАКК)

Улица Ленинская, 1 мая 1927 г. (из фондов ККОМ)

Перед открытием первого детского сада в Петропавловске, 1927 г.

В столовой детского сада, 1927 г. (из фондов ККОМ)

Совещание в партклубе Петропавловска, 1927 г. (из фондов ККОМ)

Служащие конторы и магазина Дальгосторга в Петропавловске,
23 апреля 1927 г.

В помещении народного суда идёт открытое собрание «кустовой» ячейки
ВКП(б) № 3, посвящённое 10-й годовщине Октябрьской революции 1917 г.

Оборудуется спортивная площадка, 1927 г.

Учащиеся городской школы второй ступени, 1927 г.
(все фотографии из фондов ККОМ)

30 октября Чемберлену ответила семья Богомоловых — Василий, Лидия, Юрий и Дия, внося на оборону страны десять своих трудовых рублей.

День 8 ноября объявлен по указанию Далькрайсовпрофа дополнительным октябрьским праздником.

На очередном заседании президиума горсовета решено устроить в Красном городке (ныне улица Красноармейская) паровое отопление на площади восемьсот сорок восемь «квадратов». Стоило это дело тысячу триста семьдесят восемь рублей. Утверждена ставка за отопление — рубль десять копеек с «квадрата». Также постановлено отвести площадь для приезжавших в город крестьян на Никольской улице против здания окрФО и поручить Местхозу привести её в надлежащий вид, устроив приспособления для привязи лошадей и собак.

Правление клуба приглашало желающих участвовать в клубных делах по подготовке юбилея Октября, то есть декламировать, петь, танцевать.

31 октября Петропавловская окружная контора связи назначила днём торга на возку почты от города до Усть-Большерецка, дважды в месяц. Лица, желавшие участвовать в торге, должны были внести в задаток одну десятую часть договорной платы.

1 ноября по случаю начала подкормки скота «из-за плохого пастбища» опытное поле повысило цену бутылки молока до двадцати копеек. Платить следовало с первого по третье число каждого месяца в окружном земельном управлении. «Не уплатившим в указанные три дня деньги за молоко, молоко доставляться не будет».

Взамен приходно-расходной кассы при окрФО открыто Петропавловское агентство Госбанка с выполнением операций по государственному и местным бюджетам.

Стал достоянием общественности результат освидетельствования двухсот двадцати трёх учащихся школы второй ступени. «Общее впечатление благоприятное, отмечены лишь два случая прободения барабанной перепонки на почве гриппа и золотухи; одного случая полипа носа и два случая близорукости». В школе первой ступени из заболеваний у девочек преобладало малокровие (двадцать восемь случаев), найдены четыре лёгких искривления позвоночника, у тринадцати выявлены неполадки с зубами, десять случаев бронхита, одно сердечное заболевание и один же случай «глистной болезни». У мальчишек — пять глазных заболеваний, две трахомы, «ныне вполне здоровые», три близорукости, одно проявление ревматизма, два искривления позвоночника, по одному случаю

накожной болезни, парши, бородавок и чесотки, всего семнадцать заболеваний.

Санитарный врач В. Станкевич отметил: «Всех больных... семьдесят девять. Малоокровие стоит в прямой зависимости от переполненных классов и низких скамеек (особенно в школе первой ступени), заменить которые новыми, более гигиеническими, не представилось возможным за неимением средств. Настоятельно необходимо устройство параллельных классов, так как некоторые классы не выдерживают требования минимальной кубатуры воздуха».

6 ноября учащиеся ликбеза прислали в «Полярную звезду» сочинение своей подруги с просьбой опубликовать его в юбилейном номере: «Раньше мне очень хотелось учиться, но пока была молода, надо было работать на семью. Когда вышла замуж, не было школ для взрослых. После революции открылись школы, и мы учимся. Жаль только, что теперь немолода».

Потерявшего револьвер системы «Наган» просили обратиться в газетную редакцию.

На заём индустриализации подписались уже десять коллективов на сумму более тридцати одной тысячи рублей. Срок окончания подписки — 15 ноября.

7 ноября — день славного юбилея. С утра — парад военнослужащих-пограничников и прохождение трудовых коллективов города. Днём на улице — инсценировка на революционную тему, охватывающая события февраля, июля и октября 1917 г. Прошла, в общем-то, хорошо, но некоторые принимавшие в ней участие явно перестарались. «Так, например, городовые очень грубо обращались с рабочей толпой, которая в свою очередь также не уступала».

Интересная картина: рабочий отнимает у полицейского винтовку, а полицейский, видя, что ему не справиться с рабочим, стреляет, холостым, конечно, патроном рабочему в живот, который выпускает винтовку, хватается за живот и ругается. Или другой случай: полицейские под нажимом вооружённой толпы рабочих отступают. Командир остаётся позади и кричит: «Отряд! Отступить и прекратить огонь!» Голос командира как будто не слышен. Жандармы вошли в азарт, и вместо того, чтобы стрелять вверх, стреляют в затылок командиру, который от боли, причинённой пыжом, бежит от отряда, ухватившись за голову...»

Вечером — торжественное заседание «хозяина города» — пленума горсовета. Фасад клуба (название «Народный театр» почти вышло из употребления) украшен красной звездой, от неё отходят тяжёлые гирлянды, пахнущие смолой. Зал украшен зеленью, увешан

стенгазетами. Занавес на сцене уходит в сторону. За длинным столом, застеленным кумачом, восседают члены президиума.

Пленум отрывает И. Е. Ларин: «Сегодня, в день десятой годовщины Октябрьской революции, мы собрались, чтобы подвести итоги нашей общей работы за десять лет. В этот день мы должны также вспомнить и тех, кто свои жизни положил на полях битвы и на трудовом фронте СССР... Предлагаю память погибших за власть Советов товарищей почтить вставанием...

Горсовет постановил: строящуюся электростанцию назвать именем И. В. Рябикова — замученного и казнённого белыми председателя первого чрезвычайного Камчатского съезда. Решено выделить десять тысяч рублей на постройку «Дома туземцев» и две тысячи на памятник борцам революции. Эти постановления принимаются пленумом единогласно под гром аплодисментов присутствующих. В заключение И. Е. Ларин огласил обращение окрестного к трудящимся Камчатки.

От имени президиума горсовета вносится проект о присвоении «основному очагу просвещения округа, очагу, где выковываются будущие борцы за дело рабочих и крестьян — Петропавловской школе-десятилетке наименования “Петропавловская школа-десятилетка имени десятилетия Октябрьской революции” с вручением ей от горсовета знамени» (об этом секция наробраза ходатайствовала 20 октября). Под аплодисменты присутствующих это предложение принимается единогласно.

Далее следует доклад Н. И. Кузнецова «Итоги социалистического строительства за десять лет»...

От имени женщин зал приветствует женделегатка (активистка, член общественных организаций) Бакалова: «Поздравляю с великим днём, сбросившим с женщины цепи рабства, давшим ей возможность вместе с мужчиной строить светлую жизнь. Мы вместе с мужчинами перенесли гражданскую войну, интервенцию, голод, разруху, мы вместе с ними пришли к десятилетию Октября и вместе с ними мы не отступим, мы не отдадим завоеваний Октября, мы победим!»

Прозвучало и приветствие юных пионеров: «У нас есть четыре поколения — партия, комсомол, пионеры и октябрята. Все они связаны одной целью — построить социализм. Наши ряды пополняются, юные ленинцы растут. К защите СССР, пионеры, будьте готовы!»

По окончании официальных речей начинается массовая инсценировка «Десять лет»: «Все десять бурных минувших лет восстают из прошлого и показывают своё лицо, затканное дымом пороха,

стонами и криками героев баррикад и боевых полей, огненными призывами, фабричным гулом, песней растущих заводов и радостной широкой улыбкой победителей».

В день юбилея открылась фотовыставка, устроенная краеведческим обществом. В ней приняли участие двадцать два самодеятельных фотографа. «Если в прошлом, ещё не так давно, наши фотолюбители плохо владели аппаратом, не знали, с чего начать, давали плохие снимки, то теперь от этого почти не осталось и следа. Многие снимки (особенно у товарищей Ткачука и Матулиса) настолько художественно выдержаны, технически отделаны и содержательны, что им позавидовал бы любой фотопрофессионал». Оба любителя получили похвальные отзывы. Выставка работала до 18 января следующего года. За это время её посетили более четырёхсот человек.

13 ноября вечером выпал первый снег. Заморозки уже начались. Култучное озеро покрылось мелкой шугой.

15 ноября, по частным сведениям, в Петропавловск из Владивостока вышел пароход «Астрахань». Последнее же судно навигации отправится на Камчатку в конце ноября.

17 ноября окрбюро Осоавихима утвердило план постановки «статей» в живых журналах на разные темы, но, естественно, касающихся авиации и химии.

20 ноября, в воскресенье, на клубной сцене показана пьеса местного комсомольца С. Зорина «Рабфаковцы». Написал он её впопыхах, специально ко «Дню пролетарского студенчества». Доморощенный драматург, сам рабфаковец, пытался показать и молодёжи, и взрослым «отрицательную сторону» двух рабфаковцев. Они, «не имея материальной поддержки, бросились на неверный путь, на путь гадостей, на путь полового разврата, дабы на некоторое время удовлетворить свои жизненные потребности и во время учёбы не быть голодными и не думать о животе. Это взято было из действительной жизни некоторой части наших красных студентов».

Никакой художественной ценности показанное не представляло. Более того, бдительные граждане усмотрели ряд политических ошибок, неправильный показ современного студенчества. Поэтому организаторы представления устроили обсуждение пьесы. Но и тут во вступительном слове «была отмечена установка лишь на обмен мнениями, представив пьесу как работу писателя». Это немало удивило даже самого автора.

Один из присутствовавших заявил, что «нужно такого писателя вывести за руку за дверь любого плохонького провинциального

театрика, дать ему по определённом месту шлепка и сказать: «Не в свои сани не садись!»»

Впрочем, с такой суровостью были согласны не все. Конечно, предварительно пьесу надо было бы обсудить, помочь автору, а не «давить активность». Сам Зорин поведал, что написал её всего за два дня, но показал «некоторым товарищам, более компетентным в литературе, которые дали ей оценку и рекомендовали поставить на нашей сцене».

Он был уверен, что его скромный труд будет встречен не такой резкой критикой. «Но я ведь не писатель, я только ещё начинающий, живший и воспитывавшийся среди камчатских снежных гор, в краю малокультурном... Товарищи, занявшие такую неверную позицию, кроме резких выпадов по адресу автора, хотели, может быть, и невольно, отбить и вырвать с корнем начинающие цвести молодые мои устремления к описанию жизни, к переносу её на сцену, к активному участию в клубной работе».

Полезное зрелище можно было устроить не только из пьес, но и из судебных процессов. Они, проходящие перед глазами широких масс трудящихся, вскрывали бы все нарывы и болезни общества и имели бы большое воспитательное и профилактическое значение. Такие процессы уже случались, взять хотя бы суд над Жеребцовым, но беда заключалась в том, что зал суда был маловат, мог вместить не более пятидесяти человек. А вот если бы их перенести в зал нартеатра... Тем более, что на материке это уже вошло в обычай.

26 ноября в межсоюзном клубе прошла лекция «Смысл человеческого существования», теперь уже по пьесе настоящего драматурга Л. Андреева «Жизнь человека».

27 ноября состоялись перевыборы женделегаток. «Женщины! Идите на собрание, активно участвуйте в перевыборах!»

Объявлено о закрытии с 1 декабря Петропавловского отделения Дальневосточного акционерного банка, расчёты предлагалось завершить и изъять средства с текущих счетов. Теперь платежи шли только через отделение Госбанка.

По тракту до Тигиля и Усть-Камчатска на собачках покатила первая почта. Отныне отправка будет происходить первого и пятнадцатого числа ежемесячно.

1 декабря в помещении типографии собрались рабкоры. Утверждали план работы на ближайшее время и слушали результаты прокурорского надзора по опубликованным ими заметкам.

Бюро фотосекции краеведческого общества обращалось к фотолюбителям с просьбой предоставить для составления исторического

альбома, посвящённого недавнему юбилею, снимков подготовки к празднованию и самого празднования. Принимать фотографии и негативы назначен секретарь бюро И. Д. Добровольский.

10 декабря завершилась деятельность пункта ликвидации неграмотности (ликпункта), в нём занимались девять малограмотных, из них восемь женщин. Взамен с этого же дня заработала школа малограмотных, в неё записалось, вместе с ликпунктовцами, два десятка человек, из них пятнадцать женщин.

13 декабря секция народного образования горсовета слушала отчёт П. Т. Новограбленова о работе краеведческого общества. Постановлено: популяризовать идеи краеведения среди школьников через учителей. Рекомендовать правлению общества понизить членские взносы, «очень высокие в настоящее время». Просить правление клуба помочь фотосекции общества с предоставлением помещения под лабораторию. Предложено членам общества выступить на профсоюзных собраниях с лекциями о популяризации идей краеведения.

Назначена комиссия для обследования детского сада и повторного — интерната под руководством А. В. Сусляк. Решено поручить Градусовой и Леоновой обойти всех нуждающихся горожан и выяснить, кому из них требуется самая безотлагательная помощь.

15 декабря во Владивосток ушёл предпоследний пароход закрывавшейся навигации — «Эривань». Перед уходом экипаж устроил танцевальный вечер в клубе.

21 декабря с Командорских островов пришла «Астрахань», не сумевшая выгрузиться из-за начавшегося шторма. Несмотря на то, что на островах сложилось очень тяжёлое положение с продуктами, капитан получил указание вернуться в Петропавловск.

23 декабря Местхозу рекомендовано увеличить плату за паровое отопление, исходя из того, что безубыточная стоимость одной кубической сажени дров, расходовавшейся на это, составляет пять рублей. «Вздорожание стоимости отопления идёт не по вине рабочих и служащих, а ввиду вздорожания топлива и технически-неусовершенствования парового отопления». Предложено утвердить стоимость сажени дров в четыре рубля двадцать пять копеек, а недостачу покрыть из бюджета.

25 декабря сильный шторм оборвал швартовы стоявшей у пирса «Астрахани» и отнёс её на середину ковша, потом прибил носом к берегу у Никольской сопки...

Вот в таких разнообразных заботах и подошёл к концу 1927 г. Впереди был 1928-й — год начала первой советской пятилетки. Выступая на 5-й Всесоюзной конференции ВЛКСМ, И. В. Сталин

доступно объяснил, что основная линия, по которой должна идти индустриализация, вестись промышленная политика, — это опора на внутренний рынок и постоянное снижение себестоимости продукции. «Промышленность, базирующаяся на высоких ценах, должна неизбежно вырождаться в тепличное растение, которое не имеет и не может иметь жизнеспособности». Без снижения цен невозможно обеспечить условия для дальнейшего подъёма заработной платы, нельзя сохранить смычку между пролетариатом и крестьянством, между индустрией и сельским хозяйством, которая составляет базу диктатуры пролетариата в нашей стране. Чтобы снизить себестоимость и отпускные цены на продукцию, необходимо коренное улучшение техники производства, организации труда, решительная борьба с бюрократизмом. Это называется рационализацией производства.

Собственно, это и была программа развития страны на ближайшие годы, в течение которых на полуострове стремительно росли промышленность и сельское хозяйство, а облик Камчатки и её столицы изменился коренным образом.

У города тоже есть паспорт

Среди документов, отражающих историю Петропавловска, особое место занимают его так называемые «паспорта». Они содержат интересные сведения, обрисовывающие разные стороны городского хозяйства. Воспользуемся двумя, составленными в 1937 и 1940 гг., для того чтобы нанести несколько штрихов на портрет Петропавловска — старейшего города на русском Дальнем Востоке, собиравшегося тогда встречать свой двухсот-летний юбилей.

Площадь городской черты к концу 1937 г. составляла тысячу шестьсот гектаров, из них под застройкой находилось всего сто восемьдесят три, то есть одиннадцать с половиной процентов. К январю юбилейного 1940 г. территория Петропавловска осталась прежней, но занятая постройками площадь выросла до ста девяноста пяти гектаров, превысив двенадцать процентов общей.

Жилой фонд Петропавловска к 1 января 1937 г. превышал тридцать три с половиной тысячи квадратных метров и включал триста сорок шесть строений, часть из которых жильём в нашем теперешнем понимании не являлась, будучи приспособленными помещениями, не имевшими никаких коммунальных удобств. Впрочем,

и большинство других домов тогда тоже не располагало привычными для нас коммуникациями: водопроводом обслуживались только тысяча шестьсот сорок семь квадратных метров жилья, или пять процентов, канализацией — всего четыреста сорок три «квадрата», или примерно полтора процента, центральным отоплением — пятьсот тринадцать «квадратов» (полтора процента). К началу 1939 г. немногим более половины всех помещений освещалось электричеством.

Тяжёлая обстановка с жильём — на одного человека до войны приходилось менее полутора «квадратов» площади — заставила городские власти и основные предприятия уделить внимание индивидуальному строительству. Результаты не замедлили сказаться: если на 1 января 1937 г. официально жилфонд в личной собственности не числился, то через два года его общая площадь была доведена до тринадцати тысяч «квадратов», чего, впрочем, тоже не доставало.

К началу 1940 г. он составлял уже почти пятьдесят тысяч квадратных метров, в том числе в жилых строениях — сорок восемь с половиной тысяч. Но жилья по-прежнему было мало: население быстро росло, масса людей ютилась в палатках и недостроенных сооружениях. Несмотря на это, 28 июня 1940 г. решено списать на слом дом по улице Набережной, 26 «ввиду его ветхости... Угрожает жильцам обвалом».

Центральное отопление получили ещё несколько домов, после чего их общая площадь стала исчисляться всего-то в восемьсот шестьдесят пять квадратных метров. Электроосвещение имели уже двадцать восемь тысяч «квадратов», то есть семьдесят семь процентов. Большинство городских зданий были радиофицированы: к началу 1938 г. в них находилось тысяча четыреста пятьдесят семь проводных «радиоточек», а спустя год — две тысячи двести сорок восемь.

Протяжённость коммунального водопровода к началу 1937 г. составляла немногим более трёх километров, к нему были присоединены всего-то семнадцать домов. Через год его длина более чем удвоилась, достигнув восьми километров, причём магистраль обслуживала уже сорок один дом. Не имевшие подобного «удобства» горожане пользовались уличными водоразборными колонками, число которых к концу 1938 г. составило тридцать семь штук.

Длина улиц, освещённых в тёмное время электрическим светом, в 1937—1938 гг. равнялась всего полутора километрам, причём на них горели всего двенадцать фонарей. К концу 1939 г. протя-

жённость освещаемых улиц превысила восемь с половиной километров, а свет давали сорок фонарей, не считая придомовых. Общая длина улиц к 1 января 1940 г. достигла двадцати одного километра, а их суммарная площадь — триста семьдесят восемь тысяч и ещё двести квадратных метров. Основные дороги не имели покрытия, замощено было всего тридцать девять с половиной тысяч «квадратов», то есть немногим более десятой части. При этом длина единственного обустроенного тротуара, расположенного в центральной части города, равнялась всего одному километру.

Электроэнергией город в конце 1930-х гг. снабжали три электростанции общей мощностью двести восемнадцать киловатт, покрывавших всего лишь шестьдесят процентов потребности. Отдельные генераторы имелись на судоверфи и у Петропавловской моторно-рыболовной станции.

Собственно городская станция, построенная в 1927 г., была уже порядком изношена. Из пяти её двигателей один не действовал. Проводное хозяйство длиной тридцать пять километров «сделано в большей части из железных проводов разных сечений. Опоры электропроводов изношены и пришли в негодность, стоят на тротуарах, что при обрыве проводов грозит опасностью и человеческими жертвами. Снабжение горючим... является случайностью. Планового снабжения нет, тем самым тормозится нормальная работа». 22 августа 1940 г. даже были введены ограничения на мощности электролампочек: в каждой жилой комнате — только по одной мощностью сорок ватт, в помещениях учреждений и предприятий — одна в шестьдесят ватт.

В июне 1940 г. отменено недавно принятое решение горисполкома об отводе участка под городскую свалку на 9-м километре Елизовского шоссе. Вozить мусор и нечистоты слишком далеко, да и транспорта было маловато. Теперь местом под свалку определён участок в три гектара вблизи от шоссе, идущего на судоверфь. С севера его ограничивала Кислая Яма, с юга — Солёное озеро (ныне Борогодское), с востока — перевал Красной Сопки, с запада — Авачинская губа. Его требовалось обустроить до 1 августа.

Общая численность работающих горожан в 1937 г. (без учёта военнослужащих) насчитывала семь тысяч двести тридцать шесть человек. Они трудились на двадцати семи предприятиях, среди которых государственными являлись шестнадцать, то есть шестьдесят процентов. В среднем, в течение года на каждом из них состояло по четыреста двадцать три работника. Одним из наиболее крупных предприятий в 1937 г. был порт Акционерного Камчатского

общества (АКО). Его грузооборот в 1937 г. превысил двести пятьдесят семь тысяч тонн, в течение года через порт прошло пятнадцать с половиной тысяч пассажиров. Численность портовиков, в основном грузчиков, таскавших тяжести «вплечевую» и катавших их на вагонетках по проложенной по причалу узкоколейке, достигала семисот пятидесяти человек. Никакой механизации порт не имел.

К концу 1940 г. городское население увеличилось по сравнению с серединой 1930-х гг. в полтора раза и достигло двадцати пяти тысяч семисот человек. Соответственно выросла и численность работающих: теперь она составляла десять тысяч человек. Наиболее крупными предприятиями считались механические мастерские и порт АКО, жестянобаночная фабрика, судовой верфь. Количество действовавших в городе предприятий по сравнению с 1937 г. не изменилось, но среднегодовое число их работников более чем удвоилось.

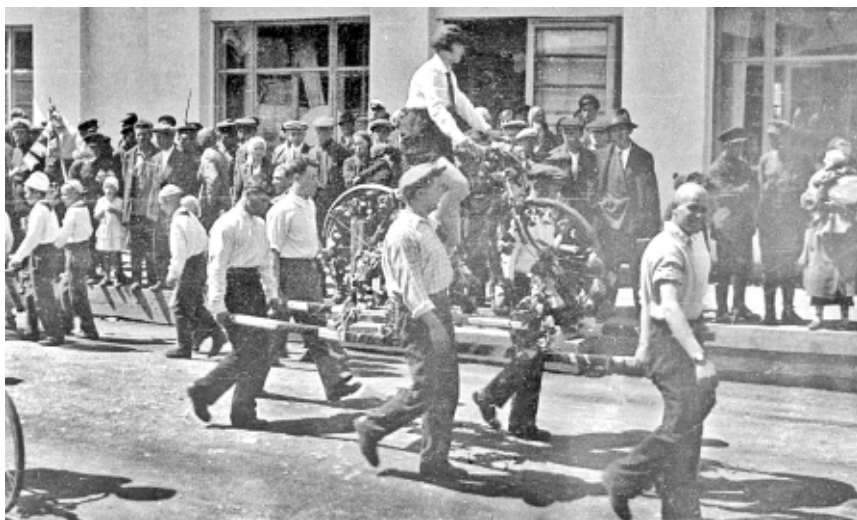
В 1938 г. город имел одно автохозяйство, располагавшее незначительным числом автомобилей. Основная нагрузка по обслуживанию коммунальных потребностей ложилась на гужевой транспорт: так, на очистке города от мусора в 1938 г. работали три лошади, а в 1939 г. — семь.

А вот как обстояло дело с предприятиями, предназначенными облегчить повседневную жизнь горожан. Услуги связи им оказывали две почты и одна телефонная станция, рассчитанная на несколько сотен номеров. Для желающих попариться в баньке действовало три подобных коммунальных заведения, одновременно способных вместить сто шестьдесят восемь клиентов. Этого с учётом того, что водопровод и душевые были далеко не в каждом доме, было явно недостаточно, что вызывало «справедливое возмущение трудящихся». Прачечных не имелось совсем.

В 1937 г. город располагал тремя детскими садами, которые посещали две сотни ребятишек. Начальное образование дети могли получить в пяти школах с общей численностью учеников триста девяносто шесть человек. Дальше обучение они могли продолжить в одной неполной средней и двух средних школах. В 1938 г. неполная средняя школа была обращена в среднюю, а к числу начальных добавилась ещё одна. Теперь общая численность учеников достигла двух с половиной тысяч, а преподавателей — шестидесяти двух человек. Для взрослых, желавших повысить свой образовательный уровень, действовали два факультета рабочего обучения (рабфака), на которых в 1937 и 1938 гг. занимались, соответственно, двести семь и триста девять человек.

Учителя школы имени А. С. Пушкина, 1936—1937 гг.

Шествие в Международный юношеский день, 1936 г.

Празднование 1 мая 1937 г. в Петропавловске

Колонна физкультурников на спортивном празднике, 1937 г.
Фото Г. З. Санько

Колонна лыжников следует на соревнования мимо здания управления
Акционерного Камчатского общества, 1937 г.

Переулок с улицы Ленинской на улицу Советскую, конец 1930-х гг.
Фото Г. З. Гайдукевича

Спортивный праздник. На заднем плане — городская средняя школа, 1937 г.

Митинг на площади у школы, 1937 г.

Подготовка к торжественному шествию

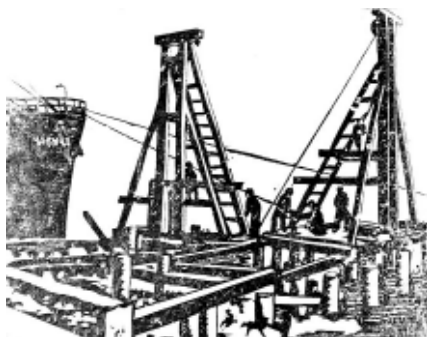
Из АКОграда — в центр города на демонстрацию

На празднике, вторая половина 1930-х гг.

Юная горожанка

Постройка нового шреда в Петропавловском порту.

В Петропавловске-на-Камчатке

Отделка тащельной площадки в парке Культуры и отдыха

СТРОИТЕЛЬСТВО В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ.
Постройка нового дома на Партизанской улице.

постройка причала для катеров
в Петропавловском порту.

Возник станции общества «Лабай» в Петропавловске.

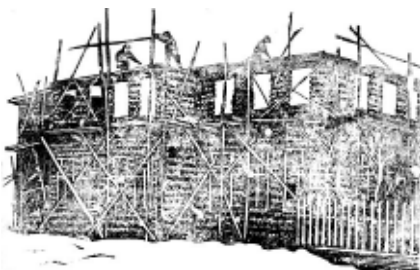

Петропавловские лыжники за заносами
на Култуном озере 18 января

Янтарь в Петропавловске

Рисунки из газеты «Камчатская правда» за 1936—1937 гг.

Надстройка второго этажа на Петропавловском почтамте.

Петропавловский почтамт. (Фото Зекки)

НА СНИМКЕ: Здание Петропавловского почтамта, красочно оформленное в дни Пасхального жоя. Фото И. Дадук.

Петропавловский университет Акторга, на Ленинской ул., предельно убраный в майским днем. Фото И. Дадук.

ПЕЙТЕ ЧАЙ С ЛИМОНОМ!

ВНУСНО, ПОЛЕЗНО. НЕДОРОГО!

ТРЕБУЙТЕ во всех магазинах АКТОРГА

СВЕЖИЕ ИСПАНСКИЕ

ЛИМОНЫ

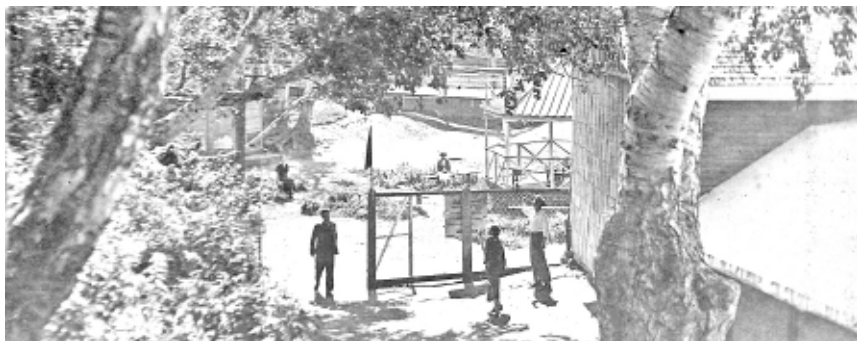
ЦЕНА ЗА ШТУКУ 1 р. 90 к.

Продажа в неограниченном количестве.

АКТОРГ.

Рисунки и фотографии из «Камчатской правды» за 1937—1938 гг.

В городском парке на Никольской сопке, 1938 г. (из фондов ККОМ)

К началу 1940 г. число детских садов выросло до шести, их одновременно посещали двести восемьдесят два ребёнка. В начальных школах обучалось четыреста три ученика, в четырёх средних — три тысячи сто восемьдесят семь. Занятия в них проводили, соответственно, восемнадцать и сто четыре педагога.

В 1937 г. в городе работали двадцать четыре врача, в том числе — два стоматолога. Городское здравоохранение в конце 1930-х гг. располагало двумя учреждениями, имевшими в 1938 г. девяносто, а в 1939 г. — свыше ста коек. Скорая помощь своим автотранспортом не располагала. В 1940 г. число коек в медицинских учреждениях выросло до ста сорока. Здесь трудились уже двадцать девять врачей, девяносто один медработник среднего звена и пять врачей-стоматологов. Появились три автомашины. Для самых маленьких петропавловчан начала работать молочная кухня.

Как горожане могли провести досуг? В 1937 г. в их распоряжении находились тринадцать различных ведомственных клубов. Спустя год их число возросло до пятнадцати. В городе работало два театра — стационарный драматический на триста мест и передвижной детский кукольный, но тот больше кочевал по самым отдалённым северным районам. Его называли «театром на нартах».

Художественные и документальные «звуковые» фильмы показывали кинотеатр «Полярная звезда» с залом на двести тридцать четыре места, а также киноустановка при клубе судоверфи, открытая в январе 1937 г. (до 1935 г. «звукового» кино на Камчатке не было). Билет в «Полярную звезду» в среднем стоил три, в клуб — два рубля, а в «немые» передвижки — рубль восемьдесят копеек. На открытых площадках кино показывали за два рубля, детские киносеансы везде стоили пятьдесят копеек, а часто проводились бесплатно.

Была ещё одна категория бесплатных посетителей кинотеатра, впрочем, как и других зрелищных предприятий. По служебным пропускам такое право предоставлено секретарям обкома и горкома ВКП(б), председателям облисполкома и горсовета. Спецпропуска областная контора «Далькинотреста» выдавала политконтролю, облиту (цензуре), начальнику милиции, военному коменданту города, пожарному инспектору, а также начальникам облФО и горФО и комитета по делам искусств. Сезон 1937 г. «Полярная звезда» открыла показом нового фильма «Дети капитана Гранта».

Популярным местом отдыха горожан являлся парк культуры и отдыха на Никольской сопке, располагавший танцевальной

площадкой, бильярдной на восемь столов, летним театром, рестораном, парашютной вышкой и несколькими аттракционами.

В 1937 г. парк открылся 6 июня. Несмотря на пасмурную погоду, в этот день его посетили свыше двух тысяч человек. Открытие началось соревнованиями по гребле на водной глади портового ковша, в которых участвовали спортсмены общества «Прибой» и краснофлотцы. Первое место заняли военморы Фомин, Смагин и Батугин, прошедшие две тысячи метров за семнадцать с небольшим минут. На второе место вышла команда гражданского морского буксира «Кит» — Дашкевич, Щетинкин и Салматин, показавшая результат на минуту больше. Соревнования гребцов сменились состязаниями по стрельбе. Здесь победила член «Прибоя» Нина Глебова, выбившая сорок семь очков из пятидесяти возможных. Индивидуальные и командные стрелковые соревнования тоже закончились победой «Прибоя». Одновременно со стрелковыми соревнованиями проходили волейбольные игры. Был показан звуковой фильм «Федька», весь день работала библиотека. Особенное оживление наблюдалось с девяти вечера. «Достаточно освещённый парк привлекал многих граждан. Танцевальная площадка была открыта до глубокой ночи».

Существенным недостаткам парка названа плохая работа ресторана. «Пищевой комбинат, в ведении которого он находится, не позаботился оборудовать его достаточным количеством столов, квасные киоски были закрыты». «Некоторые неудобства» посетителям создавал тир: в нём не оказалось вешалок, поэтому стреляли, не снимая верхней одежды. И, наконец, явно не хватало скамеек.

А в 1940 г. подготовка парка к открытию началась 4 мая. Сперва решили «вывезти весь фураж из помещения летнего театра и не позднее 10 мая провести ремонт указанного помещения и дорожки, разрушенной при перевозке фуража». Этим предложено заняться комбригу А. М. Городнянскому, армейское хозяйство которого с октября прошлого года использовало театр под склад.

В январе 1937 г. на проведение столетнего юбилея со дня смерти великого поэта А. С. Пушкина отпущены десять тысяч рублей. Для его организации создан особый «Пушкинский комитет». 26 июня 1937 г. на строительство магазина отделения государственного издательства выделены сто семьдесят восемь тысяч рублей. Строительство, ведшееся хозяйственным способом, должно было завершиться 15 октября. А 16 ноября найдены средства на «завоз», то есть приглашение новой театральной труппы. Сейчас

возводилось новое здание драмтеатра взамен сгоревшего, вот к его завершению и следовало обновить творческий коллектив.

К услугам любителей чтения в 1937 г. имелись городские и клубные библиотеки. Последние располагали фондами, включавшими тридцать с половиной тысяч книг. Выходили четыре газеты общим тиражом тринадцать тысяч триста экземпляров.

Для желающих заняться спортом в 1940 г. действовали пятьдесят пять «физкультурных коллективов», руководимые двадцатью четырьмя квалифицированными инструкторами и охватывавшие почти две с половиной тысячи физкультурников». Но город не мог в полной мере удовлетворить потребностей своих спортсменов: в нём было всего две спортивных площадки и столько же лыжных станций. Стадиона в привычном нам понимании в то время он не имел. Небольшой находился в парке на Никольской сопке.

Любители застолий могли провести свободное время в общении с друзьями в одном ресторане и семнадцати столовых. Вряд ли кого-либо из взрослых горожан могло оставить равнодушным такое объявление: «Ресторан Общепита на Ленинской, 38 организует 31 декабря встречу Нового года. Принимаются предварительные заявки от организаций и отдельных лиц на столики. В большом ассортименте холодные и горячие закуски, а также вина. Играет духовой оркестр. Танцы. Ресторан будет открыт с двадцати двух часов до трёх часов утра».

8 мая 1940 г. горисполком, отметив, что часы работы ресторана не обеспечивают потребностей трудящихся, решил: обязать начальника конторы Общепита открывать его в восемь утра, работать до одиннадцати, затем делать часовой перерыв, работать до полвторого ночи с небольшим перерывом в шесть вечера. «Закрытие работы ресторана на все перерывы проводится на пятнадцать минут раньше установленного времени для обслуживания клиентов в зале».

Кроме ресторана имелись закусочные и кафе. Популярной в материковских городах фабрикой-кухней Петропавловск не располагал. Внести разнообразие в повседневное меню горожан позволял один колхозный рынок. Место, на котором он располагался, именовалось «рыночной площадью».

Научную и просветительскую деятельность в Петропавловске к началу 1940-х гг. вели четыре учреждения: управление гидрометеослужбы, отделение ТИПРО, областная ветеринарная бактериологическая лаборатория и краеведческий музей. В 1937 г. музей посетило пять тысяч сто шестьдесят семь человек. Входной

билет туда для детей и учащихся стоил двадцать копеек, для взрослых — рубль. Бесплатно пускали школьные экскурсии и военнослужащих. В 1938 г. с его экспозицией ознакомились тридцать пять экскурсий. В 1939 г. сотрудники музея прочитали десять лекций и докладов, а в юбилейном для Петропавловска 1940 г. — четырнадцать, в основном, по истории города. За десять месяцев 1940 г. здесь побывали более пятидесяти экскурсий и свыше пятнадцати тысяч отдельных посетителей.

Празднование двухвекового юбилея города в 1940 г. проводилось с несравнимо меньшим размахом, чем в наши дни. Решение о его проведении бюро обкома ВКП(б) приняло летом 1940 г. Созданная юбилейная комиссия работала, по замечаниям местных газет, слабо. 25 августа «Камчатская правда» писала о том, «что исполком горсовета депутатов трудящихся до сих пор не обсудил вопроса о подготовке к двухсотлетию юбилею на своём заседании, не принял никаких мер к сохранению исторических памятников. Памятники основоположнику города Витусу Берингу и героям-защитникам, павшим во время защиты его от англо-французских захватчиков в 1854 г., до сих пор не отремонтированы...»

Предлагалось, но не осуществилось переименование улиц: Нагорная должна была стать имени академика Комарова, Виллюйская — имени Крашенинникова (так решили отметить большие заслуги обоих в исследовании Камчатки), Ключевскую хотели назвать в честь Чкалова. На деле же улицы с такими названиями появились только в 1951—1952 гг.

Решение горисполкома «О подготовке к празднованию двухсотлетия города Петропавловска» состоялось 11 сентября 1940 г., или за месяц с небольшим до официальной даты основания. Оно обязывало заведующего городским коммунальным хозяйством произвести к 29 сентября 1940 г. ремонт и реставрацию «склепа», то есть часовни, на братской могиле защитников города в 1854 г., памятников Берингу и Лаперузу. Отделу капитального строительства АКО поручалось перенести монумент «Слава» с его исторического места — портовой косы — в городской парк культуры и отдыха на Никольской сопке «на указанное горкомхозом». Памятник Ленину, установленный в 1935 г. на площади (сейчас на этом месте находится лестница, ведущая к Дому профсоюзов), нужно было передвинуть на десять метров вглубь от дороги. Он уже мешал постепенно оживлявшемуся автодвижению. Горисполком намеревался израсходовать на ремонт и реставрацию памятников тридцать тысяч рублей.

Многие городские организации и предприятия не стали дожидаться «руководящих указаний», а сами взялись за благоустройство. Так, «комсомольцы управления милиции... решили взять шефство над сквером и памятником великому мореплавателю (В. Й. Берингу. — С. Г.). Уже всё обдуманно: где нужно траву скосить, где цветы посадить, разбить новые клумбы. В первый выходной день комсомольцы приступят к осуществлению своего решения...»

А вот как решили встретить юбилей в посёлке Индустриальном: «Одним из замечательных сооружений к двухсотлетию является постройка массивной железной лестницы на каменном фундаменте через гору от посёлка Индустриального на верфь. Руководит этим строительством начальник кузнечно-котельного цеха Костыгов... К дню юбилея две главных улицы посёлка Индустриального будут освещены уличными фонарями».

Культурная программа праздника среди прочего включала смотр художественной самодеятельности, проходивший с 10 сентября по 6 октября 1940 г. Коллективы-победители получили дипломы и грамоты, лучшие индивидуальные участники — премии в размере от ста до пятисот рублей. Редакция «Камчатской правды» организовала выставку фотоснимков, с 1 октября открывшуюся в фойе нового драмтеатра. Попутно здесь же проводился конкурс на лучшую фотографию, «отражающую социалистическое строительство на Камчатке».

В декабре следующего 1941 г. ожидался ещё один юбилей — двухсотлетие со дня смерти основателя города Витуса Беринга. В ознаменование этой даты было решено установить в Петропавловске новый памятник легендарному капитану-командору. Был разработан проект, выбрано место (им стал так называемый «Сад “Динамо”», то есть участок спортивного общества, объединявшего преимущественно пограничников), проведены подготовительные работы, но разразившаяся война отодвинула осуществление намеченных планов, которые и спустя восемь десятилетий так и остались неосуществлёнными.

Петропавловск семьдесят лет назад

До января 1956 г. Камчатская область входила в состав Хабаровского края. Осенью 1949 г. в её центре — Петропавловске — проживало более сорока тысяч человек (без учёта военнослужащих), что составляло четверть всего населения. Продукция городских

предприятий занимала значительный удельный вес в народном хозяйстве полуострова: на её долю приходилась почти четверть его объёма. В городе размещались уже два порта, торговый и рыбный, многочисленные подразделения основного рыбацкого предприятия — Главкамчатрыбпрома (ГКРП), а также Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство, судоремонтные заводы и прочие организации. Генеральный план застройки областного центра был составлен в Ленинграде ещё в 1939 г. с учётом развития на ближайшие пятнадцать — двадцать лет, но не был осуществлён, в первую очередь, из-за войны. Камчатская столица в послевоенные годы была совершенно не благоустроена.

Её территория в 1949 г. охватывала две тысячи триста гектаров. Всё городское жильё в этом году составляло восемьдесят пять тысяч «квадратов», из числа которых коммунальный фонд включал немногим более семи тысяч, то есть всего восемь с небольшим процентов. Таким образом, на одного горожанина в среднем приходилось всего два с небольшим «метра». К тому же большинство домов нуждалось в капитальном ремонте, а их значительная часть по своему техническому состоянию требовала сноса.

Водоснабжение совершенно не удовлетворяло нужд населения. Коммунальный и несколько ведомственных водопроводов общей протяжённостью одиннадцать километров обеспечивали суммарную суточную подачу летом две с половиной тысячи «кубов», зимой же из-за замерзания источников она снижалась до полутора тысяч. Собственно городской водовод зимой сокращал подачу до трёхсот «кубов» при потребности в тысячу сто, что не удовлетворяло запросов населения даже на треть. Отсутствие воды закономерно вызывало недовольство и нарекания трудящихся, приводило к перебоям в действии электростанции, бани и культурно-бытовых учреждений.

Город не имел канализации. По этому поводу депутат горсовета Мясненко заявил на февральской сессии: «Две основных улицы в городе, так называемые “центральные”, где проживает основная масса рабочих, то на этих улицах летом нельзя открыть ни форточек, ни окон, потому, что туда стекают отбросы со всего города...» Что он имел в виду? Да хотя бы то, о чём говорил управляющий трестом «Камчатрыбстрой» Есаулов: «Необходимо подумать о канализации, а то вот что получается: трёхэтажный дом имеет водопровод, слив, который введён в кювет, и все фекальные воды из дома по Советской улице № 20 стекают на Ленинскую улицу.

По Командорскому переулку имеется три водопроводных колонки, мимо которых с улиц Партизанской и Нагорной из уборных текут нечистоты. Я считаю, что лестница Беринга (вдоль нынешнего памятника. — С. Г.) не так необходима, как благоустройство Командорского переулка».

Мощность коммунальной дизельной электростанции составляла всего сто двадцать киловатт и, как и до войны, не обеспечивала потребности города в энергии. На станции в прошлом году заменили двигатель, но его мощность осталась прежней. Электрическим освещением пользовались только обитатели двух центральных улиц. Дома, располагавшиеся на остальных, даже находившиеся близко к центру города, не освещались. Из-за значительного износа оборудования станция часто останавливалась на ремонт, поэтому продолжительное время в году город совсем лишался света.

Сам начальник станции заявлял, что хотя она и является на сегодняшний день основным источником энергии, «но ни трудящиеся, ни учреждения не могут быть уверены в том, что у них будет свет. Было решение, что часть электроэнергии будет отпускать ГКРП, морпорт... Отключить граждан от электросети невозможно, а поднять напряжение электростанция не может... Не хватает проводов. Ни одного километра не поступило. Освещать окраины города невозможно. Если поднять напряжение, то на окраины попадает шестьдесят-семьдесят вольт и в центре города свет плохой. Кроме того, необходимо менять столбы и ставить новые, так как они тоже мешают хорошему снабжению города электроэнергией».

Кроме коммунальной, имелись четыре ведомственные станции, которые в силу своей маломощности тоже зачастую не покрывали потребностей даже собственных предприятий.

5 октября 1950 г. горисполком обратился с ходатайством в облисполком об отводе участка под строительство новой городской электростанции в районе посёлка Сероглазка, «восточнее строений этого посёлка».

В исключительно неудовлетворительном состоянии пребывало городское дорожное хозяйство. Улицы не имели твёрдого покрытия, только центральная дорога была засыпана гравием вулканического происхождения. Он быстро разрушался и летом под колёсами автомашин образовывал тучи пыли. Весной и осенью проезд и проход по улицам затрудняли глубокие лужи и непролазная грязь. Тротуары отсутствовали. Исключением являлся девяти-сотметровый, тянувшийся вдоль одной стороны улицы Ленинской.

Она, являвшаяся к тому же единственной транспортной магистралью, крайне нуждалась в надёжной асфальтовой одежде.

Несмотря на то, что город имел ряд пригородных посёлков, расположенных от него на расстоянии от семи до тридцати километров, автобусного сообщения с ними не существовало. Внутри города автобусы тоже не ходили, хотя его протяжённость из конца в конец уже превышала четыре километра.

Весь городской автопарк в 1949 г. насчитывал шестьсот тридцать шесть автомашин, принадлежавших девяноста одной организации. Имеющийся грузовой транспорт потребностей города полностью не обеспечивал, обслуживание техники было неупорядоченно. Большинство её владельцев не располагали необходимым для этого оборудованием, в лучшем случае автохозяйства имели один-два станка и простейшие кузницы. Машины ремонтировались кустарно, для них постоянно недоставало инструментов и запасных частей.

Как частичное решение транспортной сложности установлены пятнадцать рейсов в месяц (через день) почтового катера по Авачинской губе. Отход от причала «девятка» рыбного порта в девять утра, приход в шесть вечера. Билет на поездку из города в Авачинский рыбокомбинат, колхоз имени Сталина и Старую Тарью — пятнадцать рублей с пассажира, везущего не более десяти килограммов багажа. За излишние тяжести — ещё десятка.

Централизованного снабжения горячей водой и отоплением не было и в помине. Топили, в основном, печами. Дровами и углём Петропавловск снабжала организация с незатейливым названием «Гортоп». На бумаге она располагала для вывоза дров с лесосеки и развозки потребителям десятью американскими ленд-лизскими грузовиками, поставленными в 1944 г., и одним трактором. На деле же трактор пришёл в полную негодность, а из грузовиков, которым катастрофически не хватало запчастей и резины, действовали четыре, пятый стоял в ремонте. В 1949 г. от Хабаровского управления малых рек (оказывается, было и такое!) приняты два катера, которые в 1950 г. намеревались использовать для перевозки дров по реке Аваче.

Их в течение восьми лет заготавливали в двенадцати километрах от города, а с 1948 г. — в районе села Хутор, то есть гораздо дальше. Считалось, что здешних лесных запасов хватит лет на пятнадцать. Заготовку вели всего шесть лесорубов при потребности в сорок пять. Из-за крайне низкой оплаты труда остальные разбежались. Выполнявший норму лесоруб получал не более четы-

рѣхсот пятидесяти рублей в месяц, его дневная тарифная ставка не дотягивала до пятнадцати рублей при норме выработки в три с половиной «куба». Поэтому в последнее время дровишки рубили заключѣнные исправительно-трудовой колонии № 7. В 1949 г. Гортоп обеспечил поставку двенадцати тысяч «кубов» дров и шести тысяч тонн угля.

Город испытывал исключительную нужду в служебных зданиях и помещениях для учреждений культуры. Даже его «хозяин» — городской исполнительный комитет, горисполком — размещался в помещении бани, занимая её половину. Это вдвое снизило пропускную способность важного санитарного учреждения, которое не могло удовлетворить потребностей населения.

Баня, как все предприятия и учреждения в СССР, действовала по плану. За год она должна была провести триста шестнадцать с половиной тысяч «помывок». Стоимость помывочного билета в 1949 г.: для взрослых и детей старше двенадцати лет — три, детский — один рубль. Малыши до трёх лет мылись бесплатно. Раз в неделю баня обслуживала только военных. За шестнадцать часов работы с военного ведомства ей причитались тысяча триста шестьдесят рублей. Коллектив бани насчитывал двадцать четыре человека.

Имелась ещё одна баня — капитальная, ведомственная, на Микояновской улице, принадлежавшая комхозу ГКРП. Её стены до сих пор видны ниже дороги напротив школы спортивных единоборств (бывшего кинотеатра «Октябрь»). Но она обслуживала преимущественно обитателей сильно разросшегося посѣлка ГКРП, бывшего АКОграда. Правда, далеко не все, стремившиеся сюда, желали помыться. «В бане имеется буфет, но там продаются распивочные напитки, и все идут туда для распития, а народу, пришедшему в баню, негде даже повернуться». Разговоры об её расширении шли уже давно, но так ничем и не закончились.

Единственный городской кинотеатр по-прежнему размещался в деревянном здании бывшей церкви. Здесь часто случалось «плохое прохождение звука, неправильное направление киноплѣнки на экран». Так, в апреле при показе эпохальной картины «Падение Берлина» была обеззвучена «глубоко волнующая, обращѣнная к вождю народов товарищу Сталину (которому, кстати сказать, в этом году исполнялось семьдесят лет. — С. Г.) речь учительницы Наташи». Во второй серии этой картины 9 мая (!) «совершенно не воспроизводилось звука». Горисполком призывал руководителей и всех работников кинотеатра обратить особое внимание «на всю важность качественного показа кинокартин, как на одну из самых

главных форм идейно-политического и культурного обслуживания трудящихся».

Драматический театр занимал ветхое каркасно-засыпное здание, построенное как временное в 1939 г. Под «занавес» 1950 г., 30 декабря, горсовет решил отвести земельный участок на улице Партизанской, 43 под сооружение капитального жилого дома для актёров площадью девятьсот шестьдесят «квадратов».

Областной краеведческий музей располагался в небольшом старом деревянном домишке, не вмещавшем всей коллекции. Значительную часть ценных экспонатов приходилось хранить на складе. В 1949 г. прозвучало, но осталось неосуществлённым, предложение построить новый музей силами общественности.

В таких же условиях находилась и областная библиотека, не имевшая читального зала и хороших книгохранилищ.

Несмотря на эту безрадостную картину, средства, отпускаемые на развитие городского хозяйства и культурно-бытовое строительство, в конце 1940-х гг. полностью не расходовались. Из сумм, выделенных на эти цели в 1949 г., за первое полугодие освоена всего пятая часть. Многие сооружения (гостиница, ясли, школа) строились более трёх лет. Их сдача сдерживалась нехваткой санитарно-технического оборудования, арматурного железа, олифы, красок, мела и других материалов.

На 9-й сессии горсовета в феврале 1949 г. прозвучало: «Казалось бы, что для приведения в жизнь генплана (того, 1939 г. — С. Г.)... необходимо осуществлять контроль над строительством жилых, производственных, инженерных сооружений, а также общего озеленения города.

Для этой цели необходимо иметь какой-то аппарат в лице хотя бы городского инженера или архитектора. Но, однако, этим вопросом не занимается горисполком, допустив к решению проблемы городского строительства людей, не компетентных в решении этих задач... Граждане города хотят видеть свой город благоустроенным, чистым и образцовым».

План благоустройства на 1949 г. предусматривал:

— завершение начатого в 1948 г. строительства скверов Свободы, Лаперуза и Беринга;

— прокладку тротуаров от горбольницы до Госбанка, от сквера Свободы до городского рынка и по улице Ленинской до парка культуры и отдыха, всего семьсот метров;

— разбивку скверов между больницей и роддомом с планировкой, ограждением, озеленением и устройством фонтана;

— устройство сквера по левой (набережной) стороне улицы Ленинской с планировкой, ограждением и газонами (это нынешняя Аллея флота);

— окончание работ в сквере в районе управления ГКРП на улице Микояновской с полным обустройством.

Благоустройство города горисполком называл одной из самых главных своих задач. К её решению следовало привлечь жителей и возможности разных ведомств. Предложено организовать комиссию содействия, установить для всех трудящихся норму трудового участия в неурочное время — не меньше двадцати часов, организовать социалистическое соревнование между предприятиями и вывесить доску, отражающую его ход. Такое соревнование действительно было налажено, а в июне 1950 г. появилось особое переходящее Красное знамя горисполкома для вручения передовикам «благоустроительных работ».

К ним следовало подходить всеобъемлюще, не сводить к кратковременному летнему наведению простейшего порядка, то есть высадке положенного количества деревьев и кустарников, текущему ремонту дорог и тротуаров, подкрашиванию фасадов зданий и заборов.

Это хорошо понимал председатель горисполкома В. Я. Зимин: «Благоустройство начинается с ремонта дороги или тротуара и кончается строительством любого объекта, будь то школа или больница, предприятие или жилой дом. Как можно мириться с таким положением, когда вновь выстроенные дома Камчатрыбстроя на Красной Сопке и Богородском озере не имеют “ни кола, ни двора”, ни забора, ни подъезда, ни тротуаров, ни канализации, ни водопровода, ни озеленения — ничего нет. А ведь эти дома уже заселены. Разве это не относится к благоустройству? Или взять здание Госбанка, лучшее пока здание на улице Ленинской? А посмотрите на его внешний вид. Срам. А драмтеатр или городская баня, которая эксплуатируется десяток лет, но до сих пор снаружи не оштукатурена и не покрашена? Благоустройство — это большой и систематический комплекс — от мелких санитарных очисток до крупных строительных работ».

Но кроме нового строительства и поддержания порядка на улицах нужно было сохранять и уже имевшееся хозяйство. Это получалось далеко не всегда и везде. Взять хотя бы дом № 27 на улице Советской. Он был самым большим жилым у связистов, при этом являлся и самым неухоженным. «Стёкла в рамках лестничных клеток выбиты, перила и ступени поломаны, многие двери

подъездах сорваны. Квартыры многих жильцов запущены. Некоторые жильцы в квартирах рубят дрова».

В жалком виде пребывал дом № 37 на улице Нагорной, хотя здесь жил комендант, обязанный о нём заботиться. «Вид у дома № 17 по Ключевской улице, принадлежащего комхозу ГКРП, хороший. Но внутри дома другая картина. Из-за отсутствия водопроводной канавы вода попадает в коридор, и пол гниёт. Вместо того чтобы прокопать канаву для стока воды, жильцы продырявили пол. Входные двери оборваны, летом дождь, а зимой снег постоянно попадают в коридор».

А вот блочный дом рыбного порта в центре города по улице Ленинской, № 83: «Снаружи дом как дом, аккуратно выкрашен, озеленён, ограждён хорошей железной оградой. Но стоит переступить порог, как взору представится неприглядная картина: некогда покрашенные стены покрылись грязью и плесенью, лестничные клетки не оштукатурены, рамы выбиты, двери выломаны, косяки порублены...»

Как видно, об этом жилье не заботились ни его обитатели, ни его держатели, то есть предприятия-домовладельцы (частных квартир и управляющих компаний тогда не было, всё жильё принадлежало городу в лице исполкома горсовета, или ведомствам, но, в конечном счёте, — только государству). «Невольно напрашивается вопрос — как могло случиться, что жилой фонд многих организаций города приведён в такое запущенное состояние, а в ряде случаев превратился в обвальный фонд? Кто снял ответственность с хозяйственных руководителей этих организаций за сохранность доверенного им государственного добра? А ведь известно, что недостаток рабочей силы большинство руководителей со спокойной совестью объясняют именно недостатком жилья».

Виновных отыскать было несложно: и руководителей, и их заместителей с завхозами и комендантами, домоуправов и квартиросъёмщиков. Но главной причиной описанного была и до наших пор не изжитая характерная камчатская психология временщика. Хотя и здесь кое-что всё-таки менялось. В ходе «благоустроительных кампаний» многие рабочие, служащие и инженерно-технические работники проявляли высокую активность и заинтересованность. «Эти инициаторы, многие из которых являются старожилками Камчатки, живут и работают по десять-двадцать лет, заслуживают всяческой поддержки и одобрения. Им, как и многим другим, Петропавловск стал родным городом, и они хотят его видеть благоустроенным, с хорошими, светлыми домами, освещёнными улицами, парками и скверами».

УНИВЕРМАГ

ГОРОДСКОГО РЫБКООПА

имеет в продаже

ткани

ШЕЛКОВЫЕ, ШЕРСТЯНЫЕ
И ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЕ,
ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ,
ДЕТСКУЮ ОБУВЬ,
ГАЛАНТЕРЕЮ,
ПАРФЮМЕРИЮ,
ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
и другие товары.

ПОСЕТИТЕ УНИВЕРМАГ
ГОРРЫБКООПА:
ул. Ключевская. № 56.

Вышел из печати и поступил
в продажу в магазины
Книготорга

иллюстрированный сборник
стихов начинающих поэтов

**„Камчатские
голоса“**

Требуйте сборник во всех
книжных магазинах
и на книжных
лотках!

Реклама товаров и услуг из газеты «Камчатская правда», 1950-е гг.

НЕ ТОЛЬКО ТРУДОМ, но и СВОИМИ СРЕДСТВАМИ
УЧАСТВУЙТЕ в ВЕЛИКОМ ДЕЛЕ
РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
СССР

ПРИБОРЕТАЙТЕ

ОБЛИГАЦИИ
ВЕСТИ РУБЛЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
3% ВНУТРЕННЕГО
ВЫГРЫШНОГО
Забийа

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ шесть основных и один
дополнительный розыгрыш
Основной розыгрыш состоится 30 января, 30 марта, 30 мая,
30 июля, 30 сентября и 30 ноября;
дополнительный розыгрыш 30 сентября каждого года

В основной розыгрыш участвуют все облигации независимо от
срока их приобретения. В дополнительный розыгрыш участвуют облигации
срок которых не менее чем за шесть месяцев до срока розыгрыша

В каждом розыгрыше один разряд
займа в один
миллиард рублей
разыгрывается
следующее
количество выигрышей

Размер выигрыша	В основном розыгрыше	В дополнитель- ном розыгрыше
100 000 рублей		3
50 000 рублей	2	3
25 000 рублей	5	25
10 000 рублей	25	60
5 000 рублей	50	400
1 000 рублей	400	2300
400 рублей	1600	8200
Всего	6500	41300

ОБЛИГАЦИИ
Забийа продаются и покупаются
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ

Медлительность же городского строительства объяснялась маломощностью организации, на которую оно возлагалось. Ею являлся строительно-монтажный трест «Камчатгражданстрой». В 1949 г. он имел всего девяносто рабочих, одну бетономешалку и пилораму, и на протяжении всего своего существования испытывал острую нужду в материалах, оборудовании и механизмах. Он также был не укомплектован инженерно-техническим персоналом.

Сложившаяся обстановка требовала скорейшего разрешения. С этой целью секретарь обкома ВКП(б) Т. Г. Калинин и председатель областного Совета депутатов трудящихся И. И. Сорокин 17 августа 1949 г. обратились в Хабаровский краевой комитет ВКП(б) с просьбой: «Учитывая значительное место города Петропавловска в экономической и культурной жизни области, обком ВКП(б) и облисполком просят войти с ходатайством в Совет Министров СССР для принятия предлагаемого проекта постановления Совета Министров СССР о благоустройстве города Петропавловска-на-Камчатке». (Так написали официальные лица, хотя к этому времени город уже четверть века именовался Петропавловском-Камчатским.)

Подготовленный областными властями проект постановления «О мероприятиях по улучшению хозяйства города Петропавловска-на-Камчатке» предусматривал выполнение ряда неотложных работ. В соответствии с ним, Министерство коммунального хозяйства РСФСР и Камчатский облисполком должны были приступить в 1950 г. к прокладке городского водопровода суточной производительностью двенадцать тысяч «кубов» стоимостью в миллион рублей, возвести здание горисполкома стоимостью тоже в миллион и восьмиквартирный дом за четыреста тысяч. Кроме этого, предполагалось заасфальтировать пятнадцать тысяч «квадратов» улиц, на что требовалось затратить два миллиона, а также завершить строительство гостиницы (получившей впоследствии название «Восток») и ещё одного восьмиквартирного дома общей стоимостью в миллион двести тысяч.

На городской электростанции следовало установить два новых двигателя мощностью по пятьсот киловатт. Расширение городских электросетей требовало тридцать два километра проводов, три тысячи изоляторов и затраты двухсот тысяч рублей. На благоустройство городского парка на Никольской сопке, озеленение и ремонт его сооружений предлагалось выделить миллион. Для усиления городского коммунального хозяйства его следовало пополнить

шестью грузовыми, двумя поливальными и двумя ассенизационными автомашинами, а также двумя тракторами.

Для улучшения «культурного обслуживания населения» проект постановления предлагал обязать Министерство кинематографии СССР приступить в 1950 г. к строительству кинотеатра на шестьсот мест (стоимостью полтора миллиона) и выделить двести тысяч на строительство фильмохранилища. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР должен был приступить в 1950 г. к строительству здания драматического театра на семьсот мест (полмиллиона рублей) и организовать в 1950 г. городскую детскую музыкальную школу (ныне ДМШ № 1). Для постоянной работы в школе требовалось направить в Петропавловск двух преподавателей по классу рояля, по одному по классам скрипки, аккордеона и баяна. Школа нуждалась в трёх роялях, семи пианино, двадцати скрипках, десяти аккордеонах и тридцати баянах.

Кроме этого, комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров СССР должен был приступить в 1950 г. к строительству музея, а Управление полиграфии и издательств — к возведению Дома печати. Общая стоимость этих сооружений определялась в девятьсот тысяч рублей.

Все указанные строительные работы должен был выполнять Камчатгражданстрой. С целью его усиления Министерству гражданского строительства РСФСР предполагалось выделить два миллиона рублей для организации набора рабочих на материке, один — на собственное строительство, а в распоряжение треста направить по пять инженеров и техников-строителей. Для упорядочения работ по благоустройству города Министерству городского строительства СССР следовало разработать в 1950 г. генеральный план его застройки и организовать областную проектную контору в составе двенадцати человек, а также ввести должности городского архитектора и стройконтролёра.

С целью развития городской телефонной сети Министерству связи СССР предписывалось в 1950 г. начать строительство телеграфа, а также приступить к проектированию, а в 1951 г. — к строительству автоматической телефонной станции на две тысячи номеров в Петропавловске и на сто двадцать — в посёлке Индустриальном, в котором жили тринадцать тысяч человек.

Так как основой камчатской экономики являлась рыбная промышленность, то серьёзные обязанности по развитию городского хозяйства возлагались на Министерство рыбной промышленности СССР. Оно должно было построить в 1950 г. более шести тысяч

«квадратов» жилья и приступить к возведению больницы на триста коек с объёмом работ в пять миллионов рублей, а также принять долевое участие в прокладке городского водовода с затратами девяти-десяти тысяч. В посёлке Индустриальном министерство должно было сдать полторы тысячи «квадратов» жилья, начать сооружение школы на четыреста мест и яслей на восемьдесят мест. На благоустройство посёлка ему следовало потратить полмиллиона.

Кроме этого, значительное количество средств и материалов предполагалось выделить для частных застройщиков, решавших жилищные сложности своими силами.

Так выглядели основные положения проекта постановления Совета Министров СССР, осуществление которых должно было к началу 1950-х гг. существенно изменить облик нашего города. В действительности по различным причинам в плановые сроки удалось выполнить лишь часть намеченного, а завершение остальных растянулось на долгие годы.

В 1950 г. сдано восемь с половиной тысяч «квадратов» жилья, из них две с лишним — в индивидуальных домах, построено три трёхэтажных и десять двухэтажных жилых домов, музыкальная школа, завершена гостиница на сто десять номеров. Кроме этого, было сооружено сто пятьдесят метров бетонных тротуаров (около горисполкома и театра), две бетонные лестницы, начато ограждение городского кладбища (на 4-м километре), выполнены работы по благоустройству улиц Набережной, Ключевской и других. Проложен проезд между улицами Советской и Ленинской, снесён госпиталь и спрямлена дорога по Ленинской, обретшая современные очертания.

В этом году началось возведение первого в городе четырёхэтажного здания — школы на восемьсот восемьдесят мест (ныне школа № 4) и Дома офицеров флота. Развернулось строительство больницы городского городка в районе Комсомольской площади, из которого потом выросла нынешняя краевая больница. Строились ремесленное училище судоверфи, универмаг в посёлке Индустриальном, разработаны проекты нового водопровода и электростанции, осуществление которых намечено на 1952 г.

Кое-что сделано и в области благоустройства, в частности, построены два стадиона: на судоверфи и в парке культуры и отдыха, сооружены пять фонтанов, высажено несколько тысяч саженцев кустов и деревьев.

20 апреля 1950 г. решено открыть второй городской рынок для торговли предметами домашнего обихода, скотом и птицей (первый располагался у Култучного озера в районе современной

площади Ленина). На действующем рынке, который теперь считался продовольственным, торговать ими запрещалось.

14 декабря 1950 г. в связи с окончанием строительства первой капитальной гостиницы организовано «жилищное предприятие Горкомхоза под названием “Восток”». Суточное пребывание в номере «люкс» в ней стоило девятью пятью, в однокоечном — шестьдесят, в двухкоечном — пятьдесят рублей, в общих номерах, где больше двух коек, — двадцать рубликов в сутки. Штат обслуживающего персонала — сорок пять ставок, из них семь — административно-управленческих. При гостинице заработал ещё один ресторан, быстро ставший очень популярным местом времяпрепровождения, особенно среди моряков и рыбаков.

30 декабря утверждён акт приёмки трёхэтажного жилого дома по улице Набережной, 12 для сотрудников управления Министерства государственной безопасности СССР.

Некоторые предприятия решали жилищные сложности самостоятельно. Так, недавно образованному Камчатско-Чукотскому государственному морскому пароходству для застройки отведён участок в районе Красной Сопки, где оно намеревалось разбить свой посёлок. В ноябре суда пароходства «Бородино» и «Полина Осипенко» доставили в порт несколько стандартных жилых домов.

В целом намеченный план работ в 1950 г. выполнить не удалось, благоустройство по-прежнему оставалось на низком уровне, хотя, как записано в одном документе, «трудящиеся города практически ощутили некоторую благоустроенность».

В январе 1952 г. создана областная проектная контора «Облпроект» (предшественник института «Камчатскгражданпроект»). Разработка же очередного генерального плана развития Петропавловска началась в 1956 г. снова в Ленинграде, институтом «Ленгипрогор», и это не случайно. 22 января 1956 г. Камчатская область была выделена из состава Хабаровского края в самостоятельную административную единицу РСФСР. После этого социально-экономическое развитие Камчатки и её административного центра заметно ускорилося.

Как выбирали местные Советы в 1939 г.

Нелегко разобраться сегодняшнему избирателю во множестве современных партий и движений, предлагаемых ими рецептах спасения и возрождения страны. Одних это радует, других раздражает, а кое-кто давно махнул на происходящее рукой. Кажет-

ся, что так было всегда. Но всего-то сорок лет назад всё выглядело иначе. Тогдашним кандидатам в депутаты «всех уровней» не нужно было знакомить избирателей со своими политическими и экономическими платформами: общая для всех «программа» заключалась в следовании «линии ВКП(б) — КПСС».

Первый советский двухпалатный «парламент» — Верховный Совет Союза ССР — был избран 12 декабря 1937 г. Между прочим, в ходе подготовки этого важного события предполагалось проводить выборы на состязательной основе. Были даже подготовлены образцы бюллетеней с несколькими фамилиями, из которых люди должны были выбрать одну. Но этого не случилось ввиду острой подковёрной политической борьбы, шедшей внутри советского руководства, о которой большинство населения и не подозревало. Её итогом современные историки полагают политические репрессии 1937—1938 гг.

По словам официальной пропаганды того времени, выборы Верховного Совета стали «торжеством советской демократии на основе Сталинской Конституции». Через год были выбраны республиканские Верховные Советы, в том числе и в России, а ещё через год в стране развернулась подготовка к выборам в местные Советы: краевые, областные, городские и районные. Их датой было определено 24 декабря 1939 г. Этот день также был объявлен «большим праздником для всего советского народа, который будет впервые выбирать своих депутатов в местные советы на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции».

С началом осени во всех населённых пунктах области развернулась широкомасштабная подготовка к предстоящему важнейшему государственному делу. Организовывали и координировали её партийные органы на местах. Была налажена работа сети пропагандистских кружков и агитаторов, закреплённых за жильём и предприятиями. Инициативу нередко проявляло и само население. Так, домохозяйки Н. Иванова, А. Иванова, Драгуненко, Данилина, Семёнова и Свешникова, жившие в Петропавловске в доме № 85 по улице Ленинской, вместе с комендантом дома А. Гущиной намеревались организовать «изучение избирательного закона, Сталинской Конституции, вовлечь женщин в оборонную работу, чтобы превратить каждый дом в неприступную крепость для врага». Для этого они провели пять бесед, прошедших «интересно и оживлённо».

Готовились к выборам и в посёлках побережья. В Большерецке уважением населения пользовались подружки Лиза Котова и Таня

Силина, обе агитаторы. Девушки провели восемь встреч, на каждой присутствовали по четырнадцать-пятнадцать человек. С особым удовольствием их беседы посещали домохозяйки, причём наибольшей активностью отличались женщины, «которым давно уже за пятьдесят».

«Слушатели кружков, как правило, задают много вопросов. Они спрашивают о том, как и кем будут выдвигаться кандидаты в Советы депутатов, интересуются вопросами переписи, спрашивают о причинах изменения названия воинского закона». Естественное внимание людей привлекали происходившие в мире события, связанные с начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войной. «Большой интерес проявляют к мирной политике советского правительства. Расспрашивают о причинах и содержании заключённых договоров с Германией, Эстонией, Латвией, Литвой».

Материалы официальной печати не позволяют со всей полнотой судить о характере вопросов, задаваемых населением на встречах с представителями власти и агитаторами. Многочисленные предвыборные статьи, как правило, не содержат ничего кроме парадных рапортов и заверений в верности «партии Ленина — Сталина». Естественно, что советское общество той поры не было столь единодушным по отношению к происходившим внутри страны процессам. Но об этом можно судить только по хранящимся в архивах различного рода докладным запискам и рапортам, а то и просто доносам, адресованным политотделам и «компетентным органам», вроде таких: «Имеются факты не наших настроений. При изучении положения о выборах... при разборе вопроса о равенстве машинист В... заявил, что “равными могут быть только члены партии, так как для них открыты все двери, а для беспартийных закрыты”».

Открытое выражение недовольства не только «политикой», но даже тяжёлой в материальном и бытовом отношении жизнью могло стать причиной больших неприятностей: пик «большого террора» хотя и был пройден, но репрессивная машина продолжала действовать безотказно.

Попутно с разъяснениями порядка проведения выборов шло «выдвижение» тщательно отфильтрованных партийными комитетами и многократно проверенных «органами» кандидатов в депутаты. «Выдвижением» по рекомендации соответствующих политотделов занимались трудовые коллективы. Утром 15 ноября 1939 г. на стоявшем в порту траулере «Топорок» собрались рыбаки Морлова АКО. Здесь помимо членов экипажа «Топорка» находились

моряки траулеров «Восток», «Гага», сейнеров «Авача», № 2, «Сатурн», дрейфтеров и разведчиков «Нептун», «Юпитер», «Ударник», а также работники управления этого рыбацкого коллектива.

С докладом о предстоящих выборах перед ними выступил заместитель директора Морлова по политчасти Х. А. Яровой. Он предложил выдвинуть «своего» кандидата в депутаты областного Совета депутатов трудящихся по 23-му избирательному округу, к которому относилось предприятие. Таковым стала педагог Клавдия Ильинична Петрова, происходившая «из крестьян-колхозников», приехавшая на Камчатку по окончании института в 1935 г. Она работала учителем химии и биологии, завучем в городской школе имени Горького, а с лета 1939 г. — инспектором городского отдела народного образования.

23 ноября 1939 г. рыбаки Морлова АКО собрались ещё раз, теперь для того, чтобы выдвинуть кандидата в депутаты городского Совета. Главный механик флота Н. И. Ульянов предложил на эту почётную должность «товарища Снегирёва Николая Борисовича, 1910 года рождения, из крестьян, члена ВКП(б) с 1939 г., в настоящее время работает младшим лётчиком-лейтенантом в войсковой части». Собрание единогласно решило поддержать «одного из лучших молодых лётчиков». Его доверенными лицами стали сам Н. И. Ульянов и помощник директора Морлова по снабжению Н. В. Кузьминский.

Вскоре лейтенант Снегирёв выступил по городскому проводному радио с обращением к избирателям и всему населению области. Вот такие, выражаясь современным языком, «новые избирательные технологии» были использованы в ходе подготовки к выборам осенью 1939 г. Ниже приведен полный текст предвыборной речи кандидата.

«Товарищи избиратели! Приближается исторический день выборов в местные Советы депутатов трудящихся, когда наш советский народ будет голосовать за своих кандидатов — представителей сталинского блока коммунистов и беспартийных. Эти выборы являются завершением демократизации всех органов государственной власти в нашей стране, основанной и вытекающей из самой демократической в мире конституции — Сталинской Конституции.

В день 24 декабря весь советский народ ещё раз продемонстрирует свою беспредельную преданность партии Ленина — Сталина также, как он продемонстрировал её при выборах в Верховный Совет СССР, союзных и автономных республик. В этот день все граждане нашей страны перед лицом всего мира ещё раз продемонстрируют

невиданное нигде в мире, кроме Советского Союза, морально-политическое единство всего советского народа.

В этот день рабочие, служащие, колхозники и наша советская социалистическая интеллигенция, отдавая свои голоса за кандидатов непобедимого сталинского блока коммунистов и беспартийных, ещё раз этим подтвердят свою непоколебимую волю в осуществлении грандиозных задач, поставленных историческим XVIII съездом большевистской партии в деле постепенного перехода от социализма к коммунизму, волю к новым и новым победам под руководством всепобеждающей партии Ленина — Сталина.

Отдавая свои голоса за кандидатов сталинского блока коммунистов с беспартийными, наш советский народ будет голосовать за ещё большее укрепление мощи нашей социалистической родины перед лицом всё возрастающей угрозы войны со стороны международных поджигателей войны, привыкших загребать жар чужими руками. Наш советский народ, посылая в органы государственной власти своих лучших сынов и дочерей, будет давать им твёрдый наказ: крепить обороноспособность нашей счастливой социалистической родины, крепить силы и мощь нашей доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, дабы в любой момент дать надлежащий отпор любому врагу, попытавшемуся посягнуть на нашу священную родину.

Прошедшие выборы в Верховный Совет СССР, союзных и автономных республик показали невиданное нигде в мире единство нашего советского народа с его вооружёнными отрядами Красной Армии и Военно-Морского флота. И в предстоящих выборах в местные Советы депутатов трудящихся это единство также находит своё каждодневное выражение. Рабочие, служащие, колхозники и наша советская интеллигенция повсеместно выдвигают кандидатами в депутаты местных Советов представителей Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД.

Коллектив сотрудников Морлова выдвинул мою кандидатуру в депутаты Петропавловского городского Совета депутатов трудящихся по 23-му избирательному округу города Петропавловска-Камчатского. Выражая глубокую благодарность коллективу сотрудников Морлова за оказанное мне доверие в эти незабываемые дни, я хочу немного оглянуться назад. Мог ли в проклятое царское время сын крестьянина-бедняка стать командиром в армии, стать лейтенантом-лётчиком и летать на боевой машине? Мог ли в старое время сын крестьянина-бедняка быть приобщённым к активной политической жизни, к управлению государством? Это была

бы несбыточная мечта, которой в условиях самодержавного строя царской России никогда не суждено было бы сбыться. Но это стало возможным в советской стране, где власть принадлежит народу и где армия является неотъемлемой частью всего нашего советского народа.

В великой Сталинской Конституции страны победившего социализма, в статье 138-й, золотыми буквами записано, что “граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными”. Такого права нет ни в одной буржуазной стране, даже в так называемых “буржуазно-демократических”, которые только кичатся своим “демократизмом”, а в действительности отстраняют от участия в политической жизни страны широкие массы трудящихся, в том числе граждан, находящихся на военной службе. Да и не мудрено это! Разве могут буржуазные правители допустить к участию в политической жизни страны сотни тысяч солдат, которые являются теми же рабочими и крестьянами, только лишь переодетыми в серые шинели? Одно это бросает в холод и жар “сильных мира сего” в буржуазных государствах, ибо участие солдат в политической жизни страны, а отсюда и повышение их политического сознания, в корне бы подорвало господство капитала и поставило бы под угрозу само существование буржуазного общества.

Иное положение у нас в стране, где хозяевами являются трудящиеся, свободные граждане страны социализма. У нас армия и народ неразрывны и составляют одно целое. У нас весь личный состав армии, начиная от рядового красноармейца и краснофлотца и кончая высшим командованием, имеют одинаковые политические права, и все приобщены к активной политической жизни. У нас армия, наряду с повышением своей боевой мощи, непрерывно повышает и политический уровень своего личного состава, дабы с ещё большим успехом выполнить поставленные перед ней задачи по обороне нашей страны, по охране мирного созидательного труда советского народа.

Являясь кандидатом в депутаты Петропавловского городского Совета депутатов трудящихся по 23-му избирательному округу, я заверяю своих избирателей, что приложу всё своё умение, все свои способности, чтобы оправдать ваше доверие на поприще государственной деятельности, что в своей работе путеводной звездой буду иметь исторические указания великого Сталина, данные им 11 декабря 1937 г. на собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы, что во всей своей работе постараюсь

осуществить требования, предъявляемые к деятелю ленинско-сталинского типа.

Заверяю своих избирателей, что приложу все свои силы, все свои способности, чтобы повышать боеспособность нашей Красной Армии и укреплять неприступность границ нашей социалистической Камчатки. И если враг нарушит наши священные рубежи и нагрянет на нашу счастливую родину, то и в борьбе с ним оправдаю доверие своих избирателей и буду до последней капли крови бороться за полное уничтожение врага, за торжество непобедимого и всепобеждающего дела партии Ленина — Сталина, за торжество коммунизма!»

Пространная речь кандидата насыщена многочисленными и традиционными пропагандистскими штампами советского времени и интересна, прежде всего, как документ эпохи. Но теперь, по прошествии нескольких десятков лет с момента начала движения нашей страны в исторический тупик, а именно в дикий, один раз уже отвергнутый капитализм, многое из сказанного им может заставить задуматься.

Обещание лейтенанта Снегирёва «до последней капли крови бороться за полное уничтожение врага» не было красивым словесным оборотом. Совсем недавно — 15 сентября 1939 г. — достигнуто перемирие с Японией после упорных боёв на реке Халхин-Гол, а вскоре ожидалась схватка с германским фашизмом: в Европе уже повсюду полыхала война.

Наконец наступило раннее утро дня «голосования» 24 декабря 1939 г. Вот как оно проходило в посёлке АКО (район современных улиц Ленинградской и Ключевской). «Предрассветный час. Молочная синева понемногу проясняется. Посёлок залит светом. Сегодня он проснулся необычайно рано. Заиндевелившие окна блещут сотнями огоньков. Издали, на серебристо-снежном фоне над зданием школы имени Толстого, где помещается 1-й избирательный участок, горит яркая звезда. У парадного подъезда — увитые зеленью портреты великих вождей Ленина и Сталина».

Хотя ещё нет и пяти часов утра, к участку собираются избиратели. Первым здесь оказался вахтёр Камчатторга Михаил Иванович Макаров. «В эту ночь он не спал: пришёл в девять часов вечера накануне и с волнением ожидал счастливого часа — шести часов утра (начала голосования. — С. Г.)».

Ожидание собравшихся скрашивает импровизированный концерт: кто-то принёс с собой гармонь. «Несётся задорная комсомольская песня. Гармонь играет лихую плясовую. Гордо подняв

голову, пускается в пляску Валя Таланина, пионервожатая школы. Люди часто посматривают на часы. Осталось пять минут. Как долго тянутся эти минуты!»

И вот пробили долгожданные шесть часов. «В торжественной тишине раздаётся голос председателя избирательной комиссии товарища Волина. Он поздравляет трудящихся с всенародным праздником и приглашает их приступить к голосованию. Один за другим подходят они к столам регистраторов. Те заметно взволнованы, приветливо улыбаются избирателям».

Первым к урне подошёл М. И. Макаров, за ним спешит его супруга Мария Васильевна. «Любовно сложенные бюллетени медленно опускаются в избирательный ящик...

— Вот я выполнил свой почётный гражданский долг, — говорит товарищ Макаров. — Я знаю, что всё это делается для нас самих. Сейчас я проголосовал за счастливую жизнь. Живу я хорошо. Вместе с женой получаем тысячу рублей в месяц. Дети наши учатся здесь в школе. А что я раньше видел? С шести лет пошёл работать на ткацкую фабрику, шпули мотал. На этой фабрике в Симбирске вымотали все соки у моего отца, деда. Всё их потомство губило на этой фабрике свою жизнь. Как же я могу не радоваться! — заканчивает свой рассказ товарищ Макаров...

К столу регистратора подходит черноглазая девушка в белом берете. Она протягивает свой паспорт. Ей восемнадцать лет. Лицо её покрылось румянцем. Немножко смущённо она берёт бюллетени, крепко держит их в своих руках. Ива Гейлер, десятиклассница, отличница, впервые идёт к урне.

— Я горда и счастлива, — говорит молодая избирательница».

А вот участок, разместившийся в клубе Камчатрыбстроя. Пожилая домохозяйка сокрушается о том, что ей не удалось проголосовать первой.

«Я обманула своего старика, сказала, что пойду по воду, а сама пришла сюда, чтобы проголосовать первой, и вот... Опоздала немного», — говорит она, словно извиняясь. Её морщинистое лицо светится тёплой улыбкой.

А в это время в зал входит группа моряков дважды орденоносного парохода «Коряк». Они несут красные знамёна.

У подъезда останавливаются сани. В них привезли семидесятишестилетнюю Агафью Тихоновну Алексееву. Ходить бабушке трудно, но «невыразимое желание отдать свой голос за партию, за Сталина, который создал хорошую и весёлую жизнь», всё же привело её сюда, на участок.

Первым из елизовчан проголосовал коренной камчадал шестидесятидевятилетний Леонид Павлович Заочный.

А вот что происходило в центре Корякии. «Радостно встретили день выборов жители Паланы... Семидесятисемилетняя Солодякова Анна и восьмидесятишестилетняя Мохнаткина Матрёна пришли голосовать задолго до шести часов утра. В клубе игры, танцы, струнный оркестр. Исполнение народного танца начинает заведующий молочной фермой колхоза Солодяков Панфил.

К нему быстро присоединились колхозники, за ними пошли учащиеся школы. Танцуют молодые и старики. Семидесятишестилетняя Сновидова Маланья не отстаёт от молодых. Так продолжалось весь день. К шести часам вечера проголосовало девяносто девять процентов избирателей».

Итоги выборов в Палане показали полное единство «блока коммунистов и беспартийных». За стахановца Пымтинского рыбокомбината Г. Ф. Раенко, баллотировавшегося в Хабаровский краевой Совет, подано девяносто девять и шесть десятых процента голосов, за комбрига А. М. Городнянского, командира 101-й горнострелковой дивизии, в Камчатский областной Совет — девяносто девять и шестьдесят две сотых процента, а за председателя Паланского сельсовета В. И. Шмагину в Корякский окружной Совет — девяносто девять и семь.

В селе Мильково все сто процентов избирателей приняли участие в голосовании. Попробуйте угадать, с каким результатом прошли здесь выборы?

Избирательные комиссии отмечали, что множество опущенных в урны бюллетеней содержали приписки от руки. Наиболее часто встречались следующие: «Голосую за любимого Сталина», «Голосую за партию Ленина — Сталина», «Голосую за кандидатов блока коммунистов и беспартийных», «Желаю Вам здоровья и успехов в работе!»

А так выбирали в Верховный Совет в 1946 г.

Первые послевоенные выборы в Верховный Совет Союза ССР состоялись в феврале 1946 г., вскоре после окончания Великой Отечественной войны. После получения правительственного указа и положения о выборах, в Камчатской области развернулась подготовка к избирательной кампании. Пленум обкома ВКП(б) 15—16 октября разработал, а 23 октября 1945 г. бюро обкома

утвердило план мероприятий по организации массово-политической работы среди населения для подготовки к выборам.

Образованные четыреста тридцать пять избирательных участков должны были принять сто тридцать семь тысяч триста двенадцать избирателей. В целях уточнения их списков проводилась массовая проверка путём подворного обхода населения и приглашения его на участки. Она обнаружила более четырёх с половиной тысяч неучтённых избирателей, из которых на областной центр приходилось почти четыре. Кроме этого, в списках выявлена и исправлена две тысячи триста семьдесят одна ошибка.

В работе окружных и участковых избирательных комиссий задействованы две тысячи четыреста восемнадцать человек, из них тысяча двести пятьдесят девять коммунистов, триста восемьдесят два комсомольца и семьсот семьдесят семь беспартийных. Во всех районах области с членами участковых избирательных комиссий предварительно проведены инструктажи по организации и порядку голосования. В Петропавловском и Олюторском районах, а также в Чукотском округе (в то время входившем в состав области) прошли однодневные семинары с показом техники голосования прямо в помещении одного из избирательных участков.

Для оказания помощи участковым избирательным комиссиям окружные и районные комитеты ВКП(б) выделили двести сорок два партийных активиста.

30 января 1946 г. в области прошла проверка готовности избирательных комиссий и предприятий связи к подведению итогов голосования. Для доставки протоколов в Корякском округе выделены шесть самолётов, на Чукотке — четыре, в южных районах области — восемь. Кроме них организованы многочисленные олени и собачьи упряжки, а также специальные команды лыжников-курьеров.

В соответствии с указаниями Хабаровского крайкома ВКП(б), окружные и районные партийные комитеты накануне выборов провели сплошную проверку организационно-технической готовности избирательных участков. В ней участвовали четыреста шестьдесят пять представителей партийных и комсомольских организаций, местных газет.

Основной формой разъяснительной работы с населением о предстоящих выборах являлись беседы, проводимые агитаторами. Для подготовки последних во всех районах области были организованы трёх- и десятидневные курсы, на которых обучались, в общей сложности, тысяча шестьсот семьдесят один человек. Кроме них,

действовали триста восемьдесят семь кружков по изучению положения о выборах, в которых занимались ещё почти пять тысяч человек.

В первой половине января 1946 г. работали три тысячи девятьсот двадцать восемь агитаторов, к началу февраля их количество возросло до четырёх тысяч восьмисот шести, в том числе три тысячи восемьдесят один коммунист, девятьсот шестьдесят шесть комсомольцев и семьсот восемьдесят девять беспартийных. В это число входили три тысячи девятьсот тринадцать мужчин и девятьсот двадцать три женщины. Агитаторов из числа коренных народностей насчитывалось шестьсот шестьдесят девять человек.

В Чукотском округе агитатор Хухункаун каждый вечер беседовал с земляками в охотничьей избушке. Он говорил: «Когда наш кандидат Отке, которому мы отдадим свои голоса, станет депутатом и приедет в Москву, надо чтобы он не краснел перед Сталиным за чукотских охотников. Поэтому мы должны дать в этом году много пушного зверя». Сам Хухункаун агитировал не только словами, но и делами: будучи охотником, он добыл пушнины больше всех.

В Петропавловске агитатор Засоренко работал в бараке Камчатморстроя. Избиратели написали письмо в газету «Камчатская правда», в котором высоко оценивали его деятельность: «Мы, рабочие Камчатморстроя, живущие в общежитии, довольны своим агитатором Степаном Ивановичем Засоренко. Он часто приходит к нам и хорошо рассказывает о положении о выборах, о Сталинской Конституции, рассказывает обо всех новостях в нашей стране и за границей. Беседы он проводит очень интересно. К нему часто приходят послушать беседы рабочие из соседних комнат».

Многие агитаторы не ограничивались только разговорами и знакомством избирателей с порядком голосования, а вникали в их быт и жизнь. В селе Авача агитатор Сотин строил свою работу на примерах, близких его слушателям. Во время одной из бесед о правах и обязанностях граждан СССР, подробно рассказав о том, «какими огромными правами пользуются советские граждане на основе Сталинской Конституции, он перешёл к разъяснению их обязанностей. На примере нарушения правил социалистического общежития одним из жильцов сделал вывод, что малейшая небрежность приводит к нанесению ущерба социалистической собственности и советскому государству».

На комбинате имени Кирова агитаторы Кайгородов и Ослапов старались сделать свою работу интересной для избирателей. При разъяснении прав и обязанностей граждан они использовали при-

меры из литературных произведений: отрывки поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», фрагменты романа Горького «Мать». При разъяснении преимуществ советской избирательной системы с помощью произведений Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» и Марка Твена «Как меня выбирали в губернаторы» сопоставляли её с избирательной системой капиталистических стран.

С целью широкой популяризации кандидатов в депутаты было проведено триста тридцать четыре встречи с избирателями, на которых присутствовало в общей сложности почти тридцать пять тысяч человек. Большую работу проделали доверенные лица кандидатов в депутаты, коих насчитывалось четыреста тридцать пять. С докладами выступали секретари обкома и горкома ВКП(б), большие руководители. Так, управляющий Камчатгосрыбтрестом, в который обратилось недавнее АКО, К. Н. Кулаженко посетил избирательные участки № 396 и 400, председатель облисполкома Н. И. Павлов выступил перед избирателями на участках № 396 и 397 с докладом «Камчатка накануне выборов». Всего с начала января по 10 февраля 1946 г. состоялось тысяча семьсот семьдесят предвыборных собраний и митингов, на которых присутствовало сто восемьдесят тысяч слушателей. Здесь выступили с речами и предложениями более восьми тысяч участников.

Различного рода листовок, плакатов, биографий и портретов кандидатов в депутаты, лозунгов предвыборного характера было отпечатано семьдесят три с половиной тысячи экземпляров. Тираж областной газеты «Камчатская правда» в ходе избирательной кампании увеличился с одиннадцати до двадцати тысяч экземпляров. Всего в ней напечатано двести сорок статей и заметок на предвыборную тематику. Обком ВКП(б) направил в районы области двадцать тысяч экземпляров агитационной литературы.

Накануне выборов областной центр, посёлки, рыбокомбинаты, далёкие кочевья выглядели празднично. На рейде Петропавловска расцвелись флагами и иллюминацией боевые корабли Тихоокеанского флота и грузовые пароходы. Особенно красиво выглядели избирательные участки, украшенные лозунгами, транспарантами, хвойными гирляндами и иллюминацией. Большую активность в оборудовании участков принимали сами жители. Они приносили из дома ковры, мебель, занавеси, портреты. Хозяйственные организации оказали помощь в постройке кабинок, урн, отделке помещений.

Вот как был оформлен избирательный участок № 539 Усть-Камчатского района, размещённый в клубе рыбокомбината. «На прилегающих к клубу улицах дома украшены лозунгами и транспарантами,

портретами руководителей партии и правительства, портретами героев Отечественной войны, выдержками из предвыборного обращения ЦК ВКП(б). На здании избирательного участка на транспаранте написано: “Сквозь солнце сияло нам солнце свободы, и Ленин великий нам путь озарил, нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил (слова Гимна СССР, утверждённого в 1944 г. — С. Г.)”.

На центральном фасаде здания — портреты товарищей Сталина и Молотова, ниже — портреты наших кандидатов товарищей Пуркаева и Юмашева. Красочно и художественно оформлен текст биографий кандидатов в депутаты и лозунги, призывающие голосовать за сталинских питомцев. У входа в избирательный участок — полотно с надписью “Добро пожаловать!” В зале помещения избирательного участка расстелены ковры, дорожки, со вкусом расставлены мебель, искусственные и живые цветы. На столах литература, журналы, газеты. В зале, у места избирательной комиссии, — портрет Сталина в маршальской форме, по бокам вдоль стен — ковры, на них вышиты шёлковой гладью цветы и узоры. Ковровая дорожка ведёт к художественно задрапированным кабинам, на каждой из которых написан номер, всего их восемь. В зале играет музыка».

Много вложили труда, выдумки и старания активисты, члены избирательных комиссий и агитаторы в оформление избирательных участков и агитпунктов, готовясь ко дню выборов. Как сообщает официальный отчёт, «даже там, куда не долетали самолёты с материалами, плакатами, где не хватало бумаги, краски, материалов, портретов, активисты писали лозунги на свежееоструганных досках, украшали участки хвойными гирляндами и находили кусок материала, чтобы сделать простой флажок над входом...»

С вечера 9 февраля 1946 г., дня, предшествовавшего голосованию, повсеместно наблюдалось стремление граждан попасть на избирательный участок пораньше и занять очередь для того, чтобы первыми отдать голоса «за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных». Особую активность, как и ранее, проявляли люди старшего возраста. В Петропавловске на участки № 396 и 400 первыми пришли шестидесятипятилетний Логинов и пятидесятипятилетняя Завадская. В Мильково к четырём утра к урнам для голосования явилось около трёхсот селян. В селе Паратунка первым без посторонней помощи пришёл восьмидесятитрёхлетний В. М. Думенко, в Начиках — восьмидесятилетняя Е. А. Осмина.

День выборов 10 февраля вылился в большой всенародный праздник. Он превратился «в сплошную демонстрацию беспредельной

любви и доверия партии большевиков к спасителю отечества, первому всенародному депутату товарищу Сталину».

Избиратель П. А. Бояринов, явившись на избирательный участок № 393 в Петропавловске, заявил: «Для нас сегодняшний день — целая радость. Мы будем голосовать за большевистскую партию, за товарища Сталина. Да и как за них не голосовать?! Вот я получаю пенсию. А кто мне её дал? Государство! Большевистская партия!» В совхозе Большерецкого района девяностосемилетняя (!) избирательница Симкова заявила: «Пришла пораньше, чтобы первой проголосовать за товарища Сталина, за хороших людей, которые думают о нас».

На Чукотке избиратель Номгыргин при получении бюллетеня сказал: «Хорошая теперь власть у нас. Раньше царь душил нас ясаком, а сейчас мы сами своих земляков-чукчей посылаем в верховные органы власти. Это сделали для нас товарищи Ленин и Сталин. Спасибо им за хорошую жизнь!»

В Ключах старейшая жительница Д. Н. Юркова говорила на избирательном участке: «Мне уже девяносто девять лет, семьдесят из них я прожила при царской власти, но никогда не знала, что значит выбирать в народное правительство. Только советская власть дала мне такие права. Вот я и пришла, пока ещё жива и имею силы, чтобы использовать это право и поблагодарить советское правительство за то, что оно принесло мне счастье и радость. С радостью отдаю свой голос за кандидатов в депутаты товарищей Пуркаева и Юмашева». Вот такая политически грамотная оказалась старушка!

А что же молодёжь? А она не отставала от старших товарищей. На избирательный участок № 584 рыбокомбината имени Микояна пришли избиратели, впервые принимавшие участие в голосовании: Моисеева Тоня, Пряшников Надя и Корякова Шура. Они заявили: «10 февраля для нас является праздником и торжеством нашей молодой и цветущей жизни. Мы с радостью отдаём голоса за наших кандидатов товарищей Пуркаева и Юмашева!»

Радостное настроение голосовавших поддерживалось выступлениями самодеятельных артистов. В Петропавловске на участках играли оркестры, шли эстрадные концерты и выступления. В Палане на улицах разыгрывались национальные игры, устраивались гонки на оленьих упряжках и лыжные соревнования.

К шести часам вечера проголосовало девяносто шесть процентов имеющих на это право. Первым в области завершил голосование Мильковский район. Здесь в выборах приняли участие все сто

процентов избирателей. В целом по области не проголосовали всего двести сорок семь человек, то есть лишь восемнадцать сотых процента.

В ходе выборов отмечались «отдельные недостатки». Несмотря на многочисленные усилия по разъяснению техники голосования, ряд граждан не знал, что делать с избирательными бюллетенями. Некоторые опускали их в урну вместе с паспортами.

Итоги голосования за представителей «блока коммунистов и беспартийных» распределились следующим образом. За генерала армии, командующего Дальневосточным военным округом М. А. Пуркаева, выдвигавшегося в Совет Союза, проголосовало девяносто девять с половиной процентов, пришедших на участки. За адмирала И. С. Юмашева, командующего Тихоокеанским флотом, избравшегося в Совет национальностей, — девяносто девять и четыре десятых процента. По Корякскому округу за М. М. Обухова подано столько же голосов, на Чукотке за кандидата Отке — на одну десятую процента меньше.

Вот такие «выборы» по принципу «один кандидат — одно место», получившие позже наименование «безальтернативных», проходили в нашей стране вплоть до конца 1980-х гг. Но всё же выбирали, как правило, лиц достойных, ничем себя не запятнавших. И никакие деньги и частные интересы за ними тогда не стояли. За ними стояла лишь единственная в стране коммунистическая партия, комитеты которой и решали, кому быть кандидатом в депутаты. Их выдвигали на собраниях граждан или трудовых коллективов. Другое дело, что предварительно помянутые парткомы «рекомендовали» собраниям свои тщательно проверенные кандидатуры, не всегда имевшие прямое отношение к месту расположения избирательного округа или работникам именно этого предприятия. Но избранные населением Советы, по мере возможности, действительно старались улучшать жизнь людей.

Не нужно относиться к изложенному выше ни с иронией, ни с пренебрежением. Следует помнить, что это — одна из страниц истории нашего отечества.

Последний российский и первый советский

Три десятилетия тому назад мы стали свидетелями возвращения на военно-морской флот овеянного более чем двухвековой славой Андреевского флага. Этот символ воинской доблести, учреждённый царём Петром I ещё в 1699 г., приобрёл привычный нам вид белоснежного полотнища с двумя синими полосами в 1712 г. Полосы символизируют крест, на котором, по преданию, был казнён апостол Андрей Первозванный, сказавший: «Я не могу быть распят на таком же кресте, как учитель». В таком виде флаг вступил в бурную революционную эпоху и, как сообщают справочники и энциклопедии, был упразднён в конце 1917 г. вместе с другими символами «старого мира». Но далеко не все военные моряки приняли Октябрьскую революцию, а потому и Андреевский флаг вплоть до конца 1922 г. продолжал реять над кораблями белого русского флота, боровшегося с большевиками.

Ныне мало кто знает, что последний корабль под Андреевским флагом покинул русские берега, выйдя из нашего Петропавловска. Им стал тральщик минного батальона Владивостокской крепости «Магнит», а случилось это в четыре часа дня 2 ноября 1922 г.

Единственным видом транспорта, связывавшим Камчатку с остальной Россией в первой половине XX в., являлись пароходы. В годы гражданского противостояния их число, принадлежавшее главному снабженцу полуострова — Добровольному флоту, заметно сократилось. Это заставило приморские власти, которым традиционно подчинялся полуостров в силу своего географического положения, прибегнуть к использованию для этих целей военных кораблей, в том числе «Магнита», переименованного в «канонерскую лодку».

«Магнит» обходил охотско-камчатское побережье в июле и августе 1920 г., контролируя рыбные промыслы и доставляя небольшие партии снабжения. В начале августа он посетил Гижигу, а 16-го пришёл в Петропавловск. В воскресенье 22 августа команда канонерской лодки совместно с местными любителями сценического искусства устроила театральные вечера в городском Народном доме. Его гостям показали драму в одном действии «Любовь шута», водевиль «Кисонька» и дивертисмент «при участии хора братьев Зайцевых», а по окончании устроили танцы. Весь сбор моряки передали

городскому культурно-просветительному обществу. Ещё один подобный вечер состоялся в субботу 28 августа. В его программу вошли оперетта в двух действиях, сочинение некоего Павла Иванова, и ди-вертисмент. Оба номера режиссировал управляющий Петропавловской таможенной заставой К. И. Кодылев.

4 сентября 1920 г. «Магнит» отправился на Командоры, там выгрузил продовольствие и товары и отправился домой во Владивосток. Моряки, проходя мимо Петропавловска, по радио передали знакомым горожанам приветы и пожелания всего самого наилучшего.

Тральщик «Магнит» построен в 1911 г. Водоизмещение девятьсот пятьдесят тонн, длина тридцать четыре метра. Паровая машина мощностью четыреста лошадиных сил обеспечивала скорость хода девять с половиной узлов. Вооружение составляли два орудия калибром семьдесят пять и сорок семь миллиметров. В 1916 г. «Магнит» вошёл в состав Сибирской военной флотилии, где использовался как посыльное судно. 29 ноября 1917 г. экипаж перешёл на сторону большевиков. С весны 1918 г. судно находилось во Владивостокском порту на длительном хранении. 30 июня 1918 г. захвачено «белыми», в январе 1921 г. отбито «красными» и в апреле 1921 г. включено в состав морских сил Дальневосточной республики. 26 мая 1921 г. вторично захвачено «белыми», а в ноябре 1922 г. ушло с ними из Владивостока на Филиппины. Балансовая стоимость судна в 1922 г. определялась в семьдесят тысяч рублей.

«Магнит» посетил Камчатку и в следующем году. 27 июля 1921 г. действовавший в Петропавловске большевистский областной народно-революционный комитет (облнарревком), получивший сведения о том, что канонерская лодка готовится выйти на Камчатку, обсуждал меры противодействия возможной высадке с неё вооружённого экспедиционного отряда. Ревкомовцы полагали, что канонерка идёт в Петропавловск с целью «захвата власти и отторжения Камчатки от Советской России».

Облнарревком, объявив себя избранным «всеми трудящимися области на третьем областном съезде Советов, признавая за собой всю полноту власти», постановил не допустить высадки с корабля никого, кроме местных жителей, возвращавшихся домой «с явно миролюбивыми намерениями». В случае прибытия на «Магните» вооружённого отряда решено вступить с ним в переговоры «по недопущению высадки такового». Если же этого будет недостаточно, то комитетчики заявляли, что будут «вынуждены прибег-

нуть к оружию против захватчиков, посягающих на законную власть, избранную всеми трудящимися Камчатки...»

2 августа 1921 г. «Магнит» вышел с грузами из северного японского порта Хакодате — места, откуда на Камчатку в то время завозилось наибольшее количество продуктов, предметов снабжения и промыслового вооружения. Спустя десять дней он зашёл в Петропавловск. Во время плавания магнитцы оказали помощь шхуне «Чайка». Это судёнышко потерпело бедствие на пути к Командорам. Подоспевший на помощь «Магнит» взял его на буксир и отвёл к острову Медному, где неожиданно разыгравшимся штормом шхуну выбросило на берег. К счастью, всей её команде удалось спастись.

Вместо ожидаемого экспедиционного отряда на канонерке были члены бывшего Дальневосточного Народного Собрания от Петропавловска и Усть-Большерецка — граждане Добровольский и Корюкин, а также двенадцать человек промыслового надзора. Последних отправило Управление рыбных и морских зверобойных промыслов Дальнего Востока, работавшее во Владивостоке при противобольшевистском Временном Приамурском правительстве братьев Меркуловых, пришедшем к власти в мае 1921 г. Одной из целей прихода корабля было снабжение Командоров и контроль состояния их главного богатства — пушного хозяйства. Это национальное достояние рассматривалось противодействующими сторонами как источник средств для продолжения междоусобной борьбы.

На борту «Магнита» находился ревизор А. Ю. Новаковский. Во время захода корабля в Хакодате он провёл пять дней на курорте Инокова в обществе предпринимателей Демби, Данинга и прочих. Во Владивостоке подозревали, что они состояли в некоем «синдикате для захвата всеми возможными способами казённой камчатской пушнины». В Петропавловске командир и экипаж «Магнита» столкнулись с «крайне отрицательным к себе отношением» со стороны облнарревкома. В то же самое время Новаковский находился «в тесном и полном контакте с председателем нарревкома Лариным».

Корабль должен был доставить во Владивосток казённую командорскую пушнину в количестве двадцати морских бобров, шестисот котиков, трёхсот голубых песцов, понятно, что шкур, и рыбопродукцию на сумму более ста пятидесяти тысяч рублей, но этого не случилось. Приморские власти обвиняли в этом Новаковского. Его действия по отношению к пушнине назывались «прямо преступными». Приамурское правительство полагало, что ему будет выгодно, если вся пушнина попадёт в руки крупной фирмы «Демби

и Ко», так как он связан с её представителями родственными узами, будучи женатым на сестре братьев Стовских. Старший из братьев управлял конторой фирмы в Усть-Камчатске, где действовало рыбоконсервное производство. По словам выходившей во Владивостоке «Вечерней газеты», «своя рубашка ближе к телу, а Новаковскому интересы фирмы Демби ближе, чем интересы государства».

Командир «Магнита» лейтенант Д. А. фон Дрейер, «к чести которого нужно сказать, что его деятельность направлена исключительно в защиту интересов государства», предлагал Новаковскому высадить на острова десант в случае сопротивления лиц, имевших отношение к передаче пушнины на корабль.

15 августа 1921 г. облнарревком уведомил ревкомы островов о том, что после состоявшейся 22 марта 1921 г. передачи Камчатской области из состава Дальневосточной республики в РСФСР, управление Командорами перешло к нему и центральному советскому правительству. Поэтому теперь всю добытую пушнину следовало сдавать облнарревкому, обещавшему продавать её при участии аборигенов. Без его разрешения запрещалось передавать меха кому бы то ни было «под страхом ответственности перед законами Советской Республики».

Облнарревком требовал не допустить сдачи пушнины на «Магнит». В случае попытки насильственной «экспроприации» населению предлагалось «применить в действие оружие, кого следует арестовать и выслать областному комитету с первым отходящим с островов пароходом». Петропавловские власти указывали, что часть продовольствия и материалов, шедшие на «Магните», были заготовлены распущенным Рыбосоветом, действовавшим до меркуловского переворота, а другая их часть, погруженная в Хакодате, закуплена на областные средства.

Владивостокское Управление рыбных и морских зверобойных промыслов Дальнего Востока они объявили «органом самозванным, никем не признанным». Поэтому управление и следовавший на судне его промысловый надзор считались не имеющими «никакого отношения к идущим на “Магните” продовольствию и материалам, тем более к Командорским островам и Камчатской области в целом». Командорцы извещались о том, что вскоре к ним должен подойти зафрахтованный облнарревкомом частный пароход «Тунгус», принадлежавший капитанам Ставракову и Крахмалёву, со снабжением, заготовленным при участии представителей островитян. Фрахтователем судна был американский торговец О. Свенсон.

Ему и досталась часть командорской пушнины, проданной облнарревкомом.

«Тунгус» зашёл в Петропавловск 8 сентября. На нём в качестве «командированного по снабжению» отправился представитель облнарревкома А. С. Лукашевский. Пароход доставил на острова дрова, товары и продовольствие стоимостью девяносто тысяч золотых рублей. Командированные на «Тунгусе» известили местное население о переходе островов в ведение Советской России.

Так как небольшой «Магнит» не взял с собой всего необходимого островам, то 1 августа 1921 г. Управление рыбных и морских зверобойных промыслов Дальнего Востока заключило в Хакодате с фирмой «Демби и Ко» договор о дополнительной поставке. В счёт частичной оплаты товаров оно выделило семь тысяч иен, засчитав остальную сумму недоимками фирмы и её платежами за арендуемые промыслы. Фирма обязалась завезти на острова на своём или арендованном пароходе ещё продуктов и двести тонн угля.

Остальная часть командорской пушнины в 1921 г. перешла к фирме «Демби и Ко», которая, как подозревали, выделила «известную долю кому следует». Но факт есть факт: вот такими «совместными» усилиями «красных» и «белых» острова в этом сезоне оказались снабжены так, как не снабжались уже многие годы.

Осенью 1921 г. власть в Петропавловске сменилась: облнарревком ушёл партизанить «в сопки». Главой новой администрации, подчинявшейся Владивостоку, стал известный на полуострове рыбопромышленник Х. П. Бирич. Он, именовавшийся «Особоуполномоченным Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае», прибыл в город 12 ноября 1921 г. на пароходе Доброфлота «Кишинёв». По сути, Х. П. Бирич был наделён полномочиями бывших царских губернаторов.

16 июня 1922 г. он обратился к правительству братьев Меркуловых с просьбой отправить на Камчатку медикаменты, «отсутствие которых резко ощущается населением этой далёкой окраины». 30 июня стало известно, что «правительством сделаны распоряжения о посылке на Камчатку провианта и предметов первой необходимости для населения. Снаряжены три парохода, которые ожидаются на днях в Петропавловске: “Магнит”, “Батарея” и транспорт “Охотск”».

К середине 1922 г. морякам Сибирской военной флотилии, размещавшейся во Владивостоке, как и большинству других лиц, разделявших белую идею, было ясно, что борьба с советской властью вскоре будет проиграна. Тем не менее, патриоты продолжали

выполнять свой долг. Они по-прежнему охраняли северо-восточные окраины страны от хищников. Последних привлекали командорские морские бобры, котики и голубые песцы, камчатская пушнина, рыба, золото и другие богатства, варварски уничтожавшиеся и безнаказанно вывозившиеся.

Ослаблением государственной власти в стране, занятой гражданской войной, воспользовались и соседние державы. Они перестали считаться с часто сменявшимися местными правительствами, не обладавшими ни авторитетом, ни силой для борьбы с хищничеством и самоуправством, которое дошло до того, что даже были организованы особые комиссии по изучению богатств Камчатки и Чукотки, и началось их «обследование».

Вот поэтому командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Ю. К. Старк в июне 1922 г. и назначил для охраны побережья канонерскую лодку «Магнит». Небольшому кораблю предстояло совершить сложное плавание у берегов Камчатки, в Беринговом проливе и Северном Ледовитом океане. Подбор экипажа производился с учётом серьёзности и ответственности этой экспедиции. Офицеры и матросы назначались на канонерку по трём признакам: «марсофлотству», личному удалству, наличию морских знаний и опыта.

«Магнитом» так же командовал лейтенант Д. А. фон Дрейер. Ему и предоставлялось право выбора офицеров и команды, правильность которого позволила бы отчасти возместить те недостатки корабля, которые невозможно было исправить по техническим или финансовым соображениям.

Помимо охранных забот, «Магнит» решал задачи учебного корабля: на нём в поход приобретать морской опыт шли гардемарины, занимавшиеся во Владивостоке «по программе Морского корпуса». Для их теоретического и практического обучения из состава офицеров канонерки были назначены преподаватели-инструкторы. Занятия на корабле шли в течение всего плавания, независимо от действий на побережье.

Подготовка к дальнему походу началась весной 1922 г., ещё до официального назначения «Магнита», и продлилась три месяца. В ней принимал участие весь экипаж: от командира до последнего матроса-добровольца, а также служащие Владивостокского военного порта.

Перед отправлением в плавание корабль участвовал в операциях, которые Сибирская флотилия вела вдоль побережья Приморской области и острова Сахалин. После этого «Магнит» принял во Влади-

востоке небольшие запасы снабжения и провизии, пополнить которые намеревались в Японии. 22 июня 1922 г. состоялся инспекторский смотр корабля. Его произвёл контр-адмирал Ю. К. Старк, пожелавший на прощание экипажу успешного выполнения задания и возвращения домой. В десять часов утра канонерка отдала конец с бочки и покинула Владивосток, чтобы, как потом оказалось, больше никогда туда не вернуться...

В Петропавловск «Магнит» пришёл в воскресенье 6 августа 1922 г. На нём прибыли пополнение команды для стоявшей в ковше канонерской лодки «Свирь», промысловый надзор во главе со старшим смотрителем рыболовства В. Л. Дымским и доверенный торговый фирмы «Чурин и Ко» Проскураков.

В ночь на 11 августа моряки «Магнита» участвовали в тушении пожара в порту, начавшегося на стоявшей у пристани шаланде с горючим. Огонь грозил уничтожить пристань и скромное портовое хозяйство Петропавловска. Приказом Х. П. Бирича 16 августа 1922 г. отличившимся объявлена «сердечная благодарность за распорядительность, находчивость и самоотверженную деятельность». После стоянки корабль отправился на Командоры, а 2 сентября вернулся в порт. Через неделю он вновь вышел в море.

В конце августа 1922 г. гражданская администрация Камчатской области во главе с Х. П. Биричем была заменена военными: это произошло вследствие прихода к власти во Владивостоке вместо братьев Меркуловых Генерального штаба генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, именовавшегося «правителем Приамурского земского края». Правительство Дитерихса назначило своим представителем на полуостров генерал-майора П. М. Иванова-Мумжиева. До прибытия генерала в Петропавловск его обязанности исполнял начальник Петропавловского гарнизона капитан 1-го ранга Б. П. Ильин.

Не имея возможности справиться с партизанами, блокировавшими Петропавловск, на суше, белое командование намеревалось сделать это со стороны моря, где располагало значительными силами. 20 августа Б. П. Ильин, руководивший всеми белыми воинскими силами на Камчатке, подписал обращение к красным партизанам, предлагая им сложить оружие. Отказывавшимся это сделать, он обещал «конец... с первыми же морозами, так как я сожгу все деревни, жители которых оказывают вам приют. Военный корабль сметёт их в пять минут до основания. И в первую очередь пойдут деревни Халактырка и Жупаново. Жалеть женщин и детей мне не приходится, коль скоро они явятся отродьями такого

преступного племени». (Это обращение воспроизведено по вышедшей уже после занятия Петропавловска красными партизанами газете «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» от 3 декабря 1922 г. По сведениям, сообщённым автору историком В. П. Пустовитом, исходного документа в камчатских архивах не найдено.)

23 сентября 1922 г. в Усть-Камчатске заседали волостной и сельский советы совместно с военным советом и госполитохраной (контрразведкой) красных. Обсуждались меры по защите селения от «банд из города Петропавловска». От пассажиров, приехавших на японском экспрессном пароходе «Кобе-мару», они получили сведения о том, что в город прибыли воинские подкрепления, а «Магнит», ушедший на Командоры, на обратном пути может зайти в Усть-Камчатск.

В сентябре 1922 г. «Магнит», выйдя из американского порта Ном на Аляске, направился к острову Врангеля, давно оспаривавшемуся у России Англией, воспользовавшейся ослаблением русской государственной власти и попытавшейся отторгнуть его. Целью этого плавания стало восстановление российского владения островом и подъём на нём Андреевского флага. В двадцатых числах сентября, пройдя мыс Дежнёва, «Магнит» около двух суток ждал перемены северных ветров, нагнавших в Берингов пролив массу льдов. Через эту преграду корабль пробиться не смог.

Вторую попытку преодолеть пролив «Магнит» предпринял спустя несколько дней, но она тоже оказалась безуспешной из-за постоянно дувших северных ветров. Не удалось это сделать и позже. Более того, льды начали угрожать целостности корпуса корабля. Ввиду отсутствия надежды пройти сквозь ледовые заторы и необходимости вернуться на охрану берегов Камчатки, корабль был вынужден оставить северные воды.

«Магнит в очередной раз вернулся в Петропавловск 25 октября 1922 г. Как оказалось, это плавание стало последним, совершённым в российских водах под Андреевским флагом. Корабль привёз местному гарнизону девятьсот девяносто пудов оленины и обмундирование. В воскресный день 29 октября команда провела в Народном доме танцевальный вечер, привлёкший множество горожан. Такой же праздник намечался и на среду 1 ноября. Однако ему состояться было уже не суждено...

25 октября 1922 г. Владивосток заняла красная 5-я Дальневосточная армия. В столице Приморья установилась советская власть. Утром 1 ноября в Петропавловск на имя капитана 1-го ранга

Б. П. Ильина пришла телеграмма от морского агента в Токио адмирала Б. П. Дудорова, извещавшая, что командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Ю. К. Старк ушёл из Владивостока в корейский порт Гензан с верными ему кораблями, войсками и беженцами.

Вечером генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев вызвал городского голову Е. А. Колмакова. Генерал официально сообщил о том, «что город Петропавловск по причине падения города Владивостока и с ним власти правителя Дитерихса будет местным отрядом во главе с представителями правительства покинут, и власть в городе передаётся петропавловскому городскому самоуправлению». На видных местах было расклеено обращение генерала к населению города, привлекавшее толпы любопытных.

Ясным утром 2 ноября 1922 г. без пятнадцати восемь горнист стоявшего на внешнем рейде Петропавловска «Магнита» сыграл «большой сбор». Вахтенный начальник мичман М. И. Никифоров командовал: «Гардемарины и команда на шканцах, во фронт!» Через несколько минут на юте выстроились офицеры, на правых шканцах — первая вахта команды и гардемарины, на левых шканцах — вторая вахта команды.

Звучит следующая команда: «Смирно, господа офицеры!» Она дала знать, что командир корабля лейтенант Д. А. фон Дрейер вышел на палубу. Он обошёл строй офицеров, принял рапорты от специалистов и старшего офицера, поздоровался с гардемаринами и экипажем.

Дальнейшее ярко и прочувствовано излагает один из очевидцев, укрывшийся под псевдонимом «Магнитец». Эти воспоминания были опубликованы в 1940 г. в Шанхае по случаю двухсотлетия со дня основания Петропавловска: «Раздаётся тихий, но ясный голос вахтенного начальника: “Без пяти минут восемь, господин лейтенант”. Сигнальщики у кормового флага и гюйса на баке замерли в ожидании. Горнист, приложив мундштук к губам, “греет” горн, чтобы тот не “скиксовал”. “На флаг и гюйс!”, — раздаётся бодрая команда Миши (вахтенного офицера М. Н. Никифорова. — С. Г.), и все взоры обратились на корму.

“Последний подъём родного флага в водах Камчатки, в водах российских... последний, — невольная мысль у всех на уме, — мы последний корабль под славным Андреевским флагом в российских водах, на родине...”

“Флаг и гюйс поднять!” — командует мичман Никифоров, чем нас всех отрывает от мыслей об уходе...

Как-то резко сорваны фуражки и взоры всех устремились на корму, где флаг, затрепетав в налетевшем лёгком шквале, распустившись за поручни юта по ветру, открыл свой голубой Андреевский крест и медленно-медленно пошёл кверху.

Андреевский флаг... наше святое знамя, флаг Петра Великого, адмиралов Сенявина, Ушакова, Нахимова, Завойко, Макарова и Колчака, во всей своей красе распустился в последний раз на российском корабле, в российских водах далёкой окраины нам всем дорогой и милой родины... Последний флаг... Сколько мыслей роится в голове каждого, стоящего на палубе корабля “Магнит”, готового покинуть и, быть может, навсегда, родные воды... Последний флаг...

Замолк горнист... “На-кройсь! — опять командует Миша, — гардемаринам и команде — разойтись!”...

Закончен последний подъём флага “с церемонией” в водах российских Дальнего Востока и Камчатки, отошёл в историю, и навсегда. Этот обычай — церемониал, повторявшийся изо дня в день во всех уголках нашей необъятной родины, где бы ни находился хотя бы один российский корабль...

Флаг сочетания цвета правды и чистоты и синего — цвета лазурного моря и неба. Этот флаг своим косым крестом, крестом святого Андрея Первозванного, был всегда нам символом служения родине, служения честного, бескорыстного и верного, по заветам Великого Петра и адмиралов российских от времён Гангута и до последних дней жизни адмирала Колчака».

У деревянной свайной пристани в ковше грузился старый, потрёпанный многолетней службой грузовик Добровольного флота «Сишан». Он принимал на борт всех желающих покинуть Камчатку. В числе последних находились не только пришлые люди — «мурки», как их называли местные жители, но и аборигены полуострова, спасавшиеся от красных. Они оставляли свои хозяйства, семьи, родных и добровольно обрекали себя на полную неизвестность. На пристани толпились горожане и жители окрестных селений, некоторые плакали. С разных сторон слышались возгласы: «Зачем вы нас покидаете? Ведь мы-то были с вами и поддерживали вас, как могли и умели!»

Покидающие город граждане и воинское командование желали остающимся стойко перенести ниспосланное свыше испытание, говорили, что уходящие духовно всегда будут с Россией и никакая сила не вырвет из их сердец любовь к своей стране и её народу...

А. А. Пурин, известный камчатский общественный деятель, в тот момент руководитель канцелярии последнего главы Камчатской

области досоветского периода генерала П. М. Иванова-Мумжиева, отправился на Петропавловскую радиостанцию. Он предпринял последнюю попытку связаться с руководителями остатков белого движения на Северо-Востоке России: генералом А. Н. Пепеляевым в Аяне, генералом С. М. Соколовым в Охотске и полковником В. И. Бочкарёвым в Наяхане, чтобы известить их о занятии красными Владивостока и выяснить намерения. Все попытки оказались безуспешны: ни одна из станций на вызовы не отозвалась. Оставшиеся там оказались предоставлены сами себе, не имея кораблей и связи. Большинство из них было обречено на гибель.

С берега вернулся и был поднят на палубу последний моторный катер, доставивший на борт канонерки отдельную морскую десантную роту во главе с её командиром лейтенантом Сеньковским, а также часть воинских чинов гарнизона Петропавловска. Теперь их связь с родной землей прервалась навсегда.

В четыре часа дня с «Магнита» раздался орудийный выстрел — сигнал начала эвакуации, раскатившийся прощальным салютом по пространству Авачинской губы, многократно отразившись от обрамлявших её скал. «Сишан» медленно двинулся к выходу из ковша с четырьмя сотнями беженцев на борту. Он пристроился к «Магниту» и под его охраной направился в беспредельную ширь Тихого океана. Собравшиеся на палубе наблюдали, как удаляющийся Петропавловск постепенно тонет в вечерней мгле...

Часть устаревшего вооружения уходящие белые войска выбросили за борт: вскоре новые власти выловили в ковше у пристани десяток винтовок системы Бердана без затворов. По сообщению местной газеты, 2 ноября около четырёх часов дня «действительно все правительственные чины, их отряды и некоторые из граждан на пароходах “Сишан” и “Магнит” снялись с якоря и, выйдя из бухты, направились в южное от Петропавловска направление».

Канонерская лодка и пароход двинулись в Хакодате. Отсюда «Магнит» с капитаном 1-го ранга Б. П. Ильиным ушёл в Гензан на соединение с отрядом контр-адмирала Ю. К. Старка, 24 октября 1922 г. оставившим Владивосток, а «Сишан» в январе 1923 г. вернулся во Владивосток.

Последний командный состав «Магнита» при уходе из камчатских вод включал: командира лейтенанта Д. А. фон Дрейера, старшего офицера лейтенанта Ю. А. Степанова, старшего штурмана мичмана П. Н. Волчанецкого, младшего штурмана мичмана М. Н. Никифорова, вахтенного начальника и ротного командира лейтенанта М. Подиметопуло, вахтенного начальника и артиллерийского

офицера мичмана М. В. Дешукова, вахтенного офицера мичмана И. А. Буланина, вахтенного офицера гардемарина В. Киркора, старшего механика, поручика по механической части И. И. Котуновского, второго механика подпоручика И. Г. Сергиенко, третьего механика кондуктора В. К. Валшкиса, врача лекарского помощника П. Н. Степанова, старшего боцмана кондуктора В. М. Кобелева.

В число гардемарин, набравшихся на корабле морского опыта, входили Г. Петренко, А. Поляков, П. Дорошенко, В. Смеленец, П. Лашков, Н. Вельмин, И. Колосов, П. Дубнитский, Ю. Хейсканен, М. Савитский, А. Никошин, В. Смирнов и Н. Деснитский. Большинство офицеров и гардемарин после ухода из России осели в Китае и США.

Название «Магнит» петропавловские обыватели слышали ещё несколько раз. Спустя пять дней после ухода корабля из Петропавловска — 7 ноября 1922 г., — незадолго до занятия города красными партизанами в одном из последних номеров газеты «Камчатский листок» была помещена телеграмма адмирала Дудорова на имя капитана 1-го ранга Ильина. В ней сообщалось, что белые армия и флот идут в Гензан и, очевидно, что «Магнит» и «Сишан» следуют туда же на соединение с ними. Из этого «граждане города Петропавловска вчера составили себе представление о том, что пароходы уже соединились и четыре из них идут в Петропавловск. В городскую управу пришло много публики, чтобы узнать, правда ли это, и если да, что намерена предпринять управа?» Итогом такого интереса стал категорический приказ управы: «За распространение ложных слухов — ответственность по закону!»

А вот что 18 марта 1923 г. сообщила уже советская газета «Полярная звезда»: «По сведениям, полученным из Анадыря, белогвардейское судно “Магнит” в октябре прошлого (1922. — С. Г.) года ограбило в бухте Провидения склад Союза камчатских кооперативов, захватив сырьё и сто пятьдесят тонн угля. По слухам, сто тридцать тонн было продано на Аляске в Номе».

Никаких подтверждений этому мы не имеем...

Последним был не только Андреевский флаг, поднятый в Петропавловске утром 2 ноября 1922 г. на «Магните». Последним стал и трёхцветный флаг «Сишана», также более двух веков служивший знаменем всем русским людям. Он тоже вернулся к нам три десятилетия назад, теперь уже как один из государственных символов Российской Федерации.

Нетрудно понять трагедию кучки людей, навсегда покидавших родину и уходивших, по сути, в никуда. Но ведь родина-то осталась,

а вместе с ней остались и сложности снабжения и охраны протяжённого северного побережья, то есть поддержания того, что ныне называется «национальной безопасностью». Сменилась лишь власть, которой теперь предстояло их решать, да вместо трёхполосного гражданского и двухцветного Андреевского над кораблями и судами отныне реял красный флаг.

Первым его носителем в наступившую навигацию 1923 г. стало посыльное судно «Красный вымпел», хорошо знакомое камчатцам. Впервые оно прибыло на полуостров в начале лета 1912 г. как разъездная яхта камчатского губернатора и тогда называлось «Адмирал Завойко». Яхта строилась по отечественному проекту на Охтинской верфи в Санкт-Петербурге. В конце ноября 1911 г. она южным путём пришла во Владивосток, отсюда после зимнего ремонта с началом навигации 1912 г. прибыла в Петропавловск.

«Красный вымпел» — двухмачтовое судно водоизмещением шестьсот пятьдесят тонн с паровой машиной мощностью шестьсот сил и скоростью хода десять узлов. Запас угля в сто восемьдесят тонн обеспечивал дальность плавания до двух с половиной тысяч миль. Беспроволочный телеграф позволял поддерживать связь с Петропавловском и находящимися в море пароходами. На судне имелись моторный катер и три шлюпки. Вооружение: две пушки калибром пятьдесят семь миллиметров и два пулемёта. Способно выполнять ледовые плавания, имея укреплённый форштевень и утолщённую обшивку носовой части.

3 июня 1923 г. «Красный вымпел» вышел из Владивостока по направлению к Петропавловску. На нём находился промысловый надзор во главе со старшим инспектором рыболовства И. И. Семёновым. Вместе с ним следовали младший инспектор рыболовства И. Волков, промысловые досмотрщики Волин, Ильин, Кихтенко, Соловьёв, Коган, Коломиец, Цеменовский и уполномоченный Приморского губернского отдела ГПУ М. И. Лозгачёв. Задача похода — наблюдение за выполнением правил рыболовства и демонстрация советского военно-морского флага в охотско-камчатских водах. Командовал судном бывший флотский офицер А. И. Клюсс.

До Петропавловска плавание протекало при хорошей погоде. Судно миновало пролив Лаперуза, Охотское море, Первый Курильский пролив и 11 июня прибыло в Петропавловск. Здесь стояло восемь дней, принимая уголь, а затем вышло на восточное побережье Камчатки. 14 июля «Красный вымпел» вернулся в Петропавловск пополнить запасы топлива и почистить котлы, а также

дать команде отдых и провести с ней военные учения. Этим занимались по 2 августа.

Красные военморы поддерживали давно сложившуюся традицию устройства совместных с горожанами Петропавловска гуляний. В субботу 19 июля 1923 г. в городском клубе «Имени Коминтерна» они показали шуточные спектакли «Попугай» и «Происшествие». Афиша вечера обещала гостям, помимо театральных зрелищ, «танцы до утра». Ещё один такой вечер, состоявшийся позже, включал новую театральную программу.

16 августа в бухте Лошадиной на охотском берегу судно осуществило «военную операцию» — высадило десант. Во время стоянки в бухте Нагаево, куда заходили за углём и водой, экипаж произвёл учения с артиллерийской стрельбой. 2 сентября «Красный вымпел» вновь пришёл в Петропавловск. После одиннадцатидневной стоянки он отправился во Владивосток (с заходом на побережье), куда вернулся поздно вечером 21 сентября.

Почти весь поход прошёл при сравнительно хорошей погоде. Штормовать в море почти не приходилось. В начале плавания «Красный вымпел» имел ход до десяти узлов при тихом море, к концу он уменьшился до семи: подводная часть обросла водорослями и ракушками. За всё время в топках котлов сожгли около шестисот пятидесяти тонн угля. В Петропавловске на мысе Сигнальном его хранилось восемьсот, в бухте Нагаево — шестьдесят тонн, «Красный вымпел» расходовал в сутки примерно десять. «Весь уголь, как в Петропавловске, так и в бухте Нагаево, оказался вполне доброкачественным».

И. И. Семёнов так описывает условия плавания: «Командиром корабля А. И. Ключсом мне была предоставлена каюта на корме судна внизу. Иллюминатор во время хода судна постоянно заливался водой, даже во время стоянки корабля в бухте или у пристани нельзя было открыть иллюминатор, поэтому в каюте днём было сравнительно темно и сыро, а при тихой погоде и душно. Стол на корабле был очень скудный (паёк военмора), свежее мясо было только в самом начале плавания, а потом щи из солонины и каша.

За время плавания работать приходилось очень поспешно, сообщаясь с погодой, приливами, отливами, количеством угля, воды. Не обошлось дело и без невольного купанья в море. При проходе через реку Панкара моторный катер накрыло сильной волной, и только благодаря присутствию спасательных воздушных банок на катере мы не потонули. Вообще при высадке с корабля на берег часто приходилось довольно круто, и жизнь висела на волоске».

Появление советского вооружённого судна в охотско-камчатских водах произвело надлежащее впечатление и на японцев, и на русских. «Русский красный военный флаг был показан на обоих берегах Камчатки и на охотском побережье, а это сыграло немалую роль в отношении японцев к лицам промыслового надзора. Требования надзора японцами исполнялись, нигде надзор не просил моего вмешательства для воздействия на японских и русских рыбопромышленников вооружённой силой. Нынешним летом пришлось действовать вообще по отношению к японским рыбопромышленникам очень осторожно. В Петропавловске стояли два-четыре контрминоносца, ходивших по побережью Камчатки».

Примером «внимательного отношения» японцев к действиям «Красного вымпела» назывался случай, произошедший 26 июня в Усть-Камчатске. Рано утром судно, вернувшееся с Командорских островов, подошло к рыболовным участкам западнее реки Камчатки и стало на якорь. Старший инспектор рыболовства на катере отправился проверять невода. На одном из них пришлось задержаться ввиду обнаружения ловушки запрещённой конструкции. В это время японский миноносец, стоявший против устья реки, снялся с якоря и направился к «Красному вымпелу», близко стал на якорь и начал следить, что надзор будет делать с неводом. Миноносец стоял до тех пор, пока советский корабль не перешёл к устью реки Камчатки.

«Красный вымпел» своим присутствием на камчатском побережье повлиял и на местное население и местные власти, которые до его прибытия «совершенно не считались с чинами рыболовного надзора и не исполняли их законных требований». После разъяснений, данных Семёновым, «контакт между местными сельскими властями и надзором установился, а население оказывало своё содействие надзору в случае надобности».

За время плавания по охотско-камчатскому побережью было составлено девятнадцать протоколов и девять актов о нарушении правил производства рыбного промысла. Наибольшее их количество допустили японские промышленники. Это — незаконное устройство ставных неводов, неразрешённая засолка рыбы, антисанитарное состояние промыслов и отсутствие на участке переводчика. У русских промышленников на речных участках было обнаружено отсутствие документов и несоблюдение процентной нормы русских рабочих.

В начале 1920-х гг., после объявления так называемого «свободного лова» под охраной своих кораблей, японцы ставили невода,

как им заблагорассудится. Борьбу с этими «неправильными постановками» надзор с «Красного вымпела» вёл неустанно. При их обнаружении снасти срезались и отвозились на корабль. Невод и пойманная рыба, «как добытая незаконным способом», описывались и оценивались. Рыбу «арестовывали» и сдавали на хранение арендаторам, с них брали подписку об уплате Управлению Дальрыбохоты начисленной в качестве штрафа суммы.

У законно действующих промышленников немедленно конфисковать невод и улов при обнаружении их неправомерных действий было невозможно. После нескольких лет самовольного лова «такую крутую меру воздействия» использовать было просто опасно, для этого требовалось применение вооружённой силы. Сами японцы снимать невода не стали бы, а возможность вмешательства их кораблей в столкновение в этом случае становилась весьма вероятной. Кроме того, «незаконные невода» выявили в самом начале хода рыбы, лишение рыбаков орудий лова означало бы их разорение. Поэтому при обнаружении нарушений надзор действовал осторожно: пытался немедленно их пресечь, составлял акты и грозил «строгой карой в случае повторения».

С «хищниками» же, не имевшими права на рыболовство, поступали строго. Одним из таких оказался некто Секия Наказо, скупавший на реке Панкаре рыбу у местного населения на незаарендованном участке. Он же приобретал пушнину и торговал спиртом. Всё его промысловое имущество, рыба, пушнина и спирт были конфискованы.

Наблюдались случаи захода японских шхун в реки, причём в навигационных свидетельствах, выданных советским уполномоченным в Токио, разрешения на это имелись. Так что официально протестовать против нахождения судов в реке было невозможно. «Принимая же во внимание, что стоянки японских шхун во внутренних водах республики крайне нежелательны, и ранее это строго преследовалось надзором, приходилось каждый случай фиксировать и торопить суда выйти из реки». На будущее заход иностранных судов в реки следовало запретить, что вскоре и было сделано.

Выяснилось, что в 1923 г. у японских рыбаков не было промысловых свидетельств. Они объясняли, что Общество рыбопромышленников должно было взять их для всех во Владивостоке. Русские предприниматели таких документов тоже не имели. В этих случаях надзор составлял протоколы, передававшиеся Камчатскому губернскому финансовому отделу. В некоторых труднодоступных местах население самостоятельно незаконно заключало договоры

с японцами о сдаче своего улова. Другими словами, здесь открывались новые беспоплатно действовавшие засольные участки, чем нарушался государственный интерес — налоги с промыслов в казну не поступали.

Одной из задач похода являлось посещение Командорских островов и проверка их знаменитого пушного хозяйства. Сюда «Красный выпел» привёз пятьсот пудов муки, взятой в Петропавловске. На острове Беринга высадились уполномоченный губревкома с двумя пулемётами и новый радиотелеграфист. Уполномоченный ГПУ арестовал предыдущего радиотелеграфиста и отправил его на судно.

Администрация островов во главе с начальником П. М. Колтановским очень обрадовалась прибытию первого в этом году судна. Алеуты же полагали, что всю администрацию, как поставленную «белой властью», сразу арестуют и увезут, а они останутся хозяевами острова. Но этого не случилось. Незадолго до отплытия надзора из Петропавловска губревком назначил нового начальника островов. Ему поручались административные функции. За П. М. Колтановским оставили ведение промыслового хозяйства. По мнению И. И. Семёнова, такое разделение административных и научно-промысловых функций «кроме пользы для пушного хозяйства, ничего не принесёт».

Новая власть взялась за аборигенов крепко. «При выгрузке всех прибывающих на корабль осматривали, как на берегу, так и на корабле». Это произвело впечатление на местных жителей, увидевших, что «военные суда и порядок на островах значатся не только на бумаге, но и на деле». Полное отсутствие спиртных напитков у моряков не давало никакого повода для их обмена на шкурки голубых песцов.

На острове Беринга прошло собрание алеутов. На нём «им была дана информация, где говорилось о твёрдости советской власти, о необходимости подчиняться начальнику островов и всей администрации, об исполнении распоряжения начальника немедленно, без созыва каждый раз особого общего собрания. Например, требуется послать двух человек для починки здания, и для этого собирают общее собрание и рассуждают, нужно это сделать, или нет». Попутно рассказали, что «за все нарушения с жителями будет поступлено по закону и т. п.».

Кроме И. И. Семёнова с алеутами беседовали комиссар корабля и уполномоченный ГПУ. Они разъясняли населению его права и обязанности, знакомили их с советскими законами, доказывали «необходимость усиленной работы». Алеуты никак не предполагали, что за

них примутся так серьёзно, будут заставлять работать и подчиняться. «Они думали, что снова будут разговоры, ничегонеделание, в общем, 1918-й год. Очень много разговоров вызвало требование начальника островов приготовить каждому жителю по восемьдесят шесть штук юколы за первый ход рыбы и столько же за второй для подкормки рыбой песцов».

Аборигены доказывали, что у них нет высоких резиновых сапог, поэтому во время лова рыбы нужно будет мокнуть в воде. Инспектор рыболовства отправился на реку Саранную, дабы самостоятельно убедиться в названных сложностях. Вот что он увидел: «Оказалось, что река очень узкая — всего сажений пятнадцать ширины, на реке устроен двойной запор, сажени в полторы. Рыбу не ловят, а черпают из него маленькой сеткой, причём за каждый раз наши военморы вытаскивали около восьмидесяти штук рыбы. Не моча ног, можно выбрасывать рыбу на морской берег простой палкой с крючком, так много рыбы в запоре. Подобную массу рыбы можно видеть только при выборке морского ставного невода. Несмотря на то, что рыбу пока ещё совсем не ловят, запор закрыт всё время, даже по воскресеньям его не открывают.

Рыба с избитыми носами и боками ищет прохода вверх, половые продукты в быстрой пресной воде усиленно созревают, а она напрасно бьётся у запора. Предложил немедленно открыть запор и открывать его не менее одного дня в неделю. Из всего сказанного видно, насколько легко можно поймать эти восемьдесят шесть штук, и как алеуты всячески отлынивают от исполнения работы».

На острове Беринга на двести четыре человека населения приходилось триста сорок пять взрослых собак и пятьдесят шесть щенков. Для их прокорма ежегодно требовалось до ста пятидесяти тысяч штук лососей. По подсчёту П. М. Колтановского, их стоимость достигала двадцати тысяч рублей золотом. Особенной же пользы от собак прибывшие не усматривали, так как полагали, что ездить зимой на них почти некуда, а держат их, главным образом, по привычке.

Общее собрание жителей прошло и на острове Медном. «Здесь алеуты совсем вышли из повиновения. В карауле устраивают совещания и решают вопросы караула большинством голосов, отказались сделать отгон секачей, самовольно прекратили убой бобров и т. п. На острове Медном и среди надзора не всё благополучно, существуют трения между отдельными агентами. У жены фельдшера обнаружено ещё до нашего прибытия шесть голубых песцов, спрятанных в одеяле, то же обнаружено и у жены одного надзирателя».

«Хищничество» имело место. Алеуты не спешили сдавать в казну добытые шкурки, а прятали их в надежде продать при случае или обменять на спирт. Надзор обнаружил около трёхсот песцовых и девяносто шесть котиковых шкурок. В качестве борьбы с незаконным промыслом предлагался уже опробованный строгий контроль при посещении судов и установление достаточной «пошкурной» платы промышленникам, которой должно было хватать для приобретения в государственном складе всего им необходимого.

О ценности же песцовых шкур, этого национального достояния, говорил такой факт. В Германии белых песцов «плохой окраски» успешно перекрашивали и выдавали за голубых. Такая суррогатная пушнина обходилась в немалую сумму: до ста рублей за шкурку, и всё же это было гораздо дешевле стоимости настоящего голубого песца.

Первый поход «Красного вымпела» под советским флагом показал, что один такой корабль охранять протяжённое охотско-камчатское побережье не может. К тому же, японцы видели, в каком направлении он пойдёт дальше, о чём извещали соотечественников, словно по эстафете. И. И. Семёнов полагал, что для обхода берегов необходимо иметь, «по крайней мере, три больших железных судна и одну парусно-моторную шхуну... Базами для данных судов могут служить следующие пункты: Николаевск, бухта Нагаева, Петропавловск, бухта барона Корфа, бухта Глубокая и бухта Провидения, где в прежнее время находились склады угля, имеется пресная вода. Означенные места очень удобны для стоянки судов».

Вот что сообщал об этом плавании «Краткий очерк о социально-экономическом развитии и географическом положении Камчатки», составленный в недрах губревкома в 1923 г.: «...Непосредственное осуществление контроля рыбалок лежит на отделе Рыбоохоты, который находится во Владивостоке. В текущем году с пароходом “Красный вымпел” командированы инспекторы рыболовства, но таковые в полной мере проводить в жизнь свои задания не сумеют лишь только потому, что их недостаёт, и вследствие редкого курсирования парохода. Кроме “Красного вымпела” других средств передвижения не имеется»...

Как мы знаем, в 1922 г. «Магнит» не смог пробиться сквозь полярные льды к острову Врангеля. Сделать это спустя два года смогла канонерская лодка «Красный Октябрь». Её команда впервые подняла над островом советский флаг.

Остров Врангеля назван в 1867 г. в честь русского моряка Фердинанда Петровича Врангеля, совершившего в 1820 г. плавание «для описи берегов от устья реки Колымы к востоку до Шелагинского мыса и от него на север». Соседний остров Геральд назван в честь английского судна, доставившего сюда в 1849 г. экспедицию капитана Келлета. Впервые на остров Врангеля в 1881 г. высадились команды американских судов «Корвин» и «Роджерс». Несмотря на решения Вашингтонской конференции 1867 г., по которому все полярные земли к западу от линии, проведённой в Беринговом проливе, определялись как подлежащие русскому влиянию, американцы переименовали остров в Новую Колумбию и собирались присоединить его к США. С этого времени берут начало неоднократные попытки США и Канады (то есть Англии) отторгнуть остров от России. В 1911 г. русское экспедиционное судно «Вайгач» произвело его исследование и установило опознавательный знак, тем самым вновь обозначив государственную принадлежность этой земли. В 1916 г. Министерство иностранных дел официально подтвердило нахождение острова и соседних с ним в составе Российской Империи.

С 1913 по 1923 г. на острове зимовали канадские и американские экспедиции (Стефенсона, Крауфорда, Нойса), поднимавшие национальные флаги и в который раз объявлявшие его собственностью своих стран. В 1922 г. премьер-министр Канады Мекензи Кинг вновь заявил о правах Канады на островную территорию. Эти действия вызвали в 1923 г. протесты советского правительства (ноты Наркомата иностранных дел СССР от 28 мая и 9 сентября), в результате чего Англия заявила о том, что вопрос принадлежности острова больше ею не поднимается. Последняя попытка иностранной колонизации острова Врангеля была предпринята в 1924 г., когда сюда отправилась очередная американская экспедиция. Она смогла добраться лишь до Геральда, где подняла флаг США.

В сложившихся условиях советское правительство 3 июня 1924 г. приняло решение отправить на остров Врангеля экспедицию, которой поручалось поднять советский флаг и изгнать иностранцев, если таковые там окажутся.

Начальником экспедиции назначили известного моряка-гидрографа, бывшего полковника корпуса гидрографов Б. В. Давыдова. Помимо прочего, ему предписывалось: «При неизбежности столкновения, вызываемого противодействием иностранцев (американ-

цев) основной цели экспедиции, действовать в зависимости от фактического соотношения сил обеих сторон, вплоть до ареста экипажа американского судна. Если на острове окажется чужой флаг, его следует убрать, мачту срубить».

Для плавания к острову Врангеля была выделена канонерская лодка «Красный Октябрь». На подготовку плавания отводился всего месяц. За это время корабль перешёл из лимана Амура, где выставлял навигационное ограждение, во Владивосток. Здесь взял оборудование, воду, продовольствие и часть угля, разместил полярную экспедицию в составе восьмидесяти одного члена.

«Красный Октябрь» до 15 мая 1924 г. назывался «Надёжным». Этот корабль был заложен в 1896 г. в Копенгагене (Дания), вступил в строй в 1897 г. и вошёл в состав Сибирской флотилии в качестве ледокола Владивостокского порта. Длина пятьдесят пять метров, водоизмещение полторы тысячи тонн, мощность машины почти три тысячи лошадиных сил, скорость хода тринадцать с половиной узлов. В конце ноября 1917 г. экипаж ледокола перешёл на сторону советской власти. С весны 1918 г. «Надёжный» стоял во Владивостоке на хранении. 30 июня его заняли «белые». После окончания гражданского противостояния ледокол отремонтирован и передан дальневосточному Мортрану, а в начале 1924 г. включён в качестве канонерской лодки в состав Морских сил Дальнего Востока. В марте 1925 г. возвращён гражданскому флоту. В годы Великой Отечественной войны входил в состав Тихоокеанского флота.

Историческое плавание началось 20 июля 1924 г. 26 июля «Красный Октябрь» прибыл в Петропавловск. Здесь красные военморы два дня грузили уголь. 29 июля канонерка вышла в море. 3 августа она зашла в бухту Провидения, где вновь пополнила запасы воды и угля, заполнив ими все свободные ёмкости и места. Топливо насыпали и на палубу, сделав для этого дощатые выгородки. На дальнейшем пути корабль заходил в залив Святого Лаврентия. Здесь на помощь экспедиции пригласили нескольких северян — местных чукчей. Для развозов по берегу и во льдах взяли двадцать четыре ездовых собаки. 10 августа корабль миновал Берингов пролив и направился к острову Геральд.

Воспользовавшись отсутствием льда, начальник экспедиции Б. В. Давыдов выполнил глубоководные гидрологические наблюдения, произвёл траление и собрал пробы планктона. При перемене курса от острова Геральда к острову Врангеля встретился первый

лёд. Постепенно он затянул почти всё видимое по горизонту пространство. Решили лечь в дрейф и выждать несколько дней: вдруг лёд разойдётся, но этого не случилось. Начальник экспедиции позже писал в своей книге «В тисках льда» об условиях плавания: «Медлить было нельзя: достичь острова Врангеля в эту навигацию надо было во что бы то ни стало, а потому после полудня 17 августа вошли в лёд и начали пробиваться в нём на запад, расположив плавание близ и южнее острова Геральд и далее к острову Врангеля. Лёд, вообще говоря, был очень тяжёлый».

После двухсуточной борьбы с ним утром 19 августа канонерка приблизилась к островной гавани Роджерса и бросила якорь. Высадившиеся на берег моряки обнаружили здесь мачту для поднятия флага, некогда установленную иностранной экспедицией, и срубили её. К остаткам мачты они прикрепили табличку на русском и английском языках о прибытии «Красного Октября». Затем установили свою мачту и утром 20 августа торжественно подняли над островом Государственный флаг СССР. Прозвучал салют, Б. В. Давыдов сделал заявление о принадлежности острова нашей стране.

После этого «Красный Октябрь» обошёл южные берега острова. Здесь обнаружили четырнадцать колонистов: тринадцать эскимосов и одного американца. По словам начальника экспедиции, «никаких документов, узаконяющих их пребывание на острове, у них, конечно, не оказалось. Поэтому им было объявлено, что они рассматриваются нами как хищники со всеми вытекающими отсюда последствиями: конфискация всего ими упромышленного и орудий промысла». Позднее всех их отправили на Аляску.

Комиссар канонерки М. А. Домниковский записал в своём дневнике: «Задержанный Уэллс сообщил, что все они являются служащими американской фирмы Стефенсона, который, отправляя их, говорил, что остров принадлежит им, и поэтому разрешения от СССР не требовалось. Он же выдал и велел им поднять над ним американский флаг... Ранее был обнаружен и канадский флаг...»

Правительственная задача была выполнена, корабль отправился в обратный путь. Эта часть плавания оказалась гораздо более сложной, чем все предыдущие. Море было забито тяжёлым льдом, который почти не давал кораблю двигаться. Начальник экспедиции понимал, что, скорее всего, избежать вынужденной зимовки не удастся. 23 августа он направил «Красный Октябрь» под укрытие к мысу Биллингса. Здесь почти месяц ушёл на подготовку к долгой стоянке. Для тринадцати снятых с острова эскимосов на бере-

гу построили домик, для экипажа запасли двести пятьдесят пудов свежей оленины. В машине прекратили пары.

И вдруг совершенно неожиданно переменился ветер, разогнавший лёд. Корабль оказался на чистой воде. Подняли пары в котле и 27 сентября снялись с якоря. На переходе лёд не встречался, но сильно штормило. «Красный Октябрь» трое суток швыряло с борта на борт. Размах качки достигал сорока пяти градусов. Готовить горячую пищу было невозможно, экипаж питался всухомятку. Шторм вынес корабль в Берингов пролив. Здесь подошёл к концу уголь. В топки котлов полетело всё, что могло гореть: доски, брёвна, отработанное масло. Утром 30 октября выяснилось, что «Красный Октябрь» опять затёрт льдами. Прошли несколько суток вынужденного беспорядочного дрейфа, и 4 октября стихия выпустила корабль из своих объятий в Беринговом проливе напротив селения на мысе Дежнёва.

На берегу нашлось немного угля, воспользовавшись которым «Красный Октябрь» сумел добраться до бухты Провидения. Здесь запасы пополнили основательнее, а затем двинулись в Петропавловск, где 20 октября 1924 г. и завершились полярные приключения.

После тёплой встречи экипажа руководители экспедиции были приглашены на заседание Камчатского губернского бюро РКП(б). Комиссар канонерской лодки М. А. Домниковский поделился с местными партийцами впечатлениями, полученными в ходе плавания. Далёкие северные окраины только в начале XX в. стали фактической территорией России. До этого там безраздельно царили иностранные торговцы. Чукчи зачастую знали английский язык гораздо лучше русского, торговля, если шла на деньги, а не на «мену», то на доллары, а не на рубли. Вытеснение отсюда иностранцев ставилось имперским правительством как перспективная задача, которая постепенно решалась. Но в годы гражданской смуты всё обернулось вспять. Теперь одной из задач новой государственной, советской, власти вновь стало распространение своего влияния среди аборигенов. Это можно было сделать, во-первых, созданием сети отечественных факторий, снабжавшей местных жителей, и, во-вторых, вытеснением из денежного оборота иностранной валюты.

В населённых пунктах Чукотки уже действовали фактории государственного Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества (ОКАРО). Комиссар «присмотрелся к их работе». Вот что он увидел: «Заведующие факториями вовсе не практиковались в проведении нашей политики. Они абсолютно чужды нашим интересам. Странное явление: был я на мысе Северном, там

познакомился с заведующим факторией, вник в работу, в Уэлене тоже. В Провидении мы были две недели. Там я познакомился основательно с работой факторий, и странное совпадение — они ненормальны...

Фактория в бухте Провидения. Заведующий Козлинский, бывший старый торговец. Казалось, он должен знать дело, но получается на деле, что он ничего не знает, вернее, он не знает наших задач, наших способов и методов. Он имеет четыре ящика патронов. Он знает, что их не хватает населению. Ему также неизвестно о том, что население бедно. Патроны населению нужны. Нужно идти ему навстречу, чтобы можно было из него кое-что извлечь. А он заявляет: «Покамест не принесёшь шкурку, патрона не получишь». Я не сомневаюсь, что в один из дней его постигнет случай, когда его побьют чукчи...»

Что же касается рублей, вернее, червонцев, и долларов, то «наша задача — выжить доллар и внедрить червонец, следовательно, это чьё дело как не ОКАРО? А получается другая штука. В факториях расценка на червонцы и доллары. Чукчи поэтому приобретают доллары, так как видят, что доллары принимаются охотнее...» В Уэлене М. А. Домниковский поинтересовался стоимостью шкуры белого медведя. Американцы давали за неё сто пятьдесят долларов, наши фактории — семьдесят-восемьдесят рублей (по тогдашнему курсу доллар равнялся рублю), то есть вдвое дешевле. Естественно, что чукчи «придерживали» пушнину для американцев. А вообще-то, «чукчам денег не надо, им надо дать товары и патроны».

29 октября «Красный Октябрь» вернулся во Владивосток. Здесь экспедицию ждала торжественная встреча. Все участники похода получили особые нагрудные знаки с изображением северной части Тихого океана и проложенным маршрутом плавания. На эмали в верхней части знака изображена звезда, по кругу идёт надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! За экспедицию на остров Врангеля». 30 июля 1925 г. корабль был награждён Почётным революционным Красным знаменем ВЦИК.

Результатом этого ледового похода стало окончательное закрепление полярного острова за СССР. С этого времени пресеклись все посягательства иностранцев на нашу землю. Представитель Англии на русско-британской конференции 6 августа 1924 г. заявил, что «правительство его британского величества не имеет никаких претензий на остров Врангеля». 4 ноября 1924 г. Наркомат иностранных дел СССР особым меморандумом вновь подтвердил принадлежность островов Врангеля и Геральда Советскому Союзу.

Руководитель экспедиции Б. В. Давыдов прожил после её окончания недолго. Находясь в Ленинграде с отчётом, во время доклада в Географическом обществе он простудился и 30 сентября 1925 г. скончался от воспаления лёгких. Именем этого замечательного исследователя, моряка и патриота названы бухта на острове Врангеля, мыс на острове Большевик, мыс при входе в залив Чихачёва в Татарском проливе. В 1925 г. «Красный Октябрь» в честь руководителя плавания переименован в «Давыдов». Советское освоение острова Врангеля началось в 1926 г., когда на него с парохода «Ставрополь» высадились колония во главе с Г. А. Ушаковым.

...Вот лишь небольшая часть событий, разворачивавшихся на российском Северо-Востоке в начале 1920-х гг. Вывод же из вышесказанного можно сделать такой. Малейшее ослабление российской государственной власти, какую бы «окраску» она ни имела — монархическую, демократическую, советскую или нынешнюю либеральную — всегда сопровождается появлением массы желающих погреть руки на достоянии, собранном воедино десятками поколений русских людей. Свежий пример этому — совсем недавние сомнения «международной общественности» по поводу принадлежности арктического шельфа, примыкающего к северному побережью нашей страны. А ведь ещё вчера задавать такой вопрос никому бы и в голову не пришло...

Первенцы АКОфлота

Весной 1928 г. к целостному развитию экономики Камчатки приступило Акционерное Камчатское общество (АКО). Направлениями его деятельности должны были стать рыбная и лесная промышленность, горнорудные разработки, колонизация края, сельское и пушное хозяйство, оленеводство, другие отрасли.

Для снабжения многочисленных вновь организуемых предприятий обществу требовался собственный морской транспортный флот. Он должен был решать задачи доставки с материка на полуостров рабочей силы и снаряжения, завоза продовольствия и товаров для населения, отправки на рынки готовой продукции. До начала деятельности АКО Камчатку снабжал Совторгфлот. Малое время стоянки его собственных и фрахтованных судов, недостаточный выбор привозимых товаров, ошибки в ходе разгрузки являлись главными недостатками такого снабжения.

Хозяйственная деятельность АКО началась осенью 1927 г. подготовкой к путине 1928 г. В предстоящем сезоне ему следовало купить свои суда.

На первых порах АКО признавало «необходимым приобретение для завоза товаров одного парохода и для развоза их по берегам двух шхун». Председателю правления С. П. Нацаренусу поручалось «поставить этот вопрос перед Наркомторгом СССР, в первую очередь — о шхунах, для получения лицензий». Таким образом, главной задачей считалась покупка относительно небольших судов.

Разрешение на их приобретение общество получило в октябре 1927 г. Предстоящие действия своего будущего флота оно рассматривало 31 октября 1927 г. С докладом «О методах снабженческой работы на Камчатке и в Охотском крае» выступил член правления М. Д. Шеин. По его мнению, «более целесообразным является завоз товаров рейсами Совторгфлота, но не на все фактории, а в определённые пункты, где должны быть организованы снабжающие базисные склады. Дальнейшее снабжение должно идти из этих баз путём завоза товаров на береговые фактории шхунами». Предполагалось, что таких складов будет два или три: один на охотском берегу или Западной Камчатке, остальные — на юге и севере Восточной Камчатки.

Предложения Шеина получили одобрение. Правление АКО поручило своему пушно-снабженческому отделу «срочно проработать вопрос о системе снабжения Камчатки и охотского побережья», о чём доложить ему в середине ноября 1927 г. Результаты этой «проработки» появились к назначенному сроку. 19 ноября 1927 г. к началу навигации 1928 г. было намечено купить две парусно-моторные шхуны «с водоизмещением, приблизительно, первой — в пятьсот — пятьсот пятьдесят тонн для обслуживания факторий восточного побережья Камчатки, и второй — тонн на шестьсот пятьдесят — семьсот — для обслуживания побережья Охотского моря».

На следующий день — 20 ноября 1927 г. — АКО обсуждало «Проект системы снабжения факторий в 1928—1929 гг.». В целях её улучшения принято предложение М. Д. Шеина, заключавшееся в необходимости учреждения основного склада во Владивостоке, на котором следовало накапливать все товары. Здесь же подтверждалось место постройки вспомогательных, также озвученное им. Развозить с них товары по факториям должны были две намеченные покупкой парусно-моторные шхуны, каждая из которых закреплялась за определённым складом.

Пушно-снабженческому и транспортному отделам поручалось «ещё раз подробно проработать вопрос о грузоподъёмности, осадке и конструкции приобретаемых шхун, имея в виду специфические

особенности плавания по Охотскому и Беринговому морям». Окончательные соображения предлагалось представить не позднее 29 ноября 1927 г.

Для приобретения судов в США откомандирован член правления АКО В. Л. Бурьгин. Результаты своей работы он доложил 17 января 1928 г. по телеграфу: «Сегодня осмотрел шхуну постройки 1918 г.: деревянная, трёхмачтовая, мотор триста сил, тоннаж чистый семьсот тонн, имеется двадцать коек матросов, десять администрации, небольшой магазин. Ход восемь миль [в час], имеется парусное снаряжение, электричество, лебёдки, подводная часть [обшита] железным деревом, нос обшит сталью, нет радио. Простят шестьдесят пять тысяч долларов, дешевле не отдадут... Моё впечатление от этой шхуны хорошее».

Правление АКО согласилось на приобретение этого судна, предложив Бурьгину произвести ремонт и освидетельствование, а также установить радиостанцию. 18 января тот сообщил, что осмотрел деревянный теплоход и нашёл его «приличным».

В конце января 1928 г. правление АКО поручило транспортно-складскому отделу укомплектовать купленные суда администрацией и экипажами. Первый камчатский теплоход, то есть судно с дизельной энергетической установкой, — «Апекс» — получил название «Охотск», шхуна «Чарльз Бровер» стала именоваться «Чукоткой».

Во время нахождения в США Бурьгин напомнил Амторгу о необходимости заготовки всех требующихся товаров и отгрузки их на приобретённых судах не позднее середины апреля 1928 г. На этот же срок выхода судов рассчитывало и правление АКО. Однако 3 апреля, за неделю до назначенного времени отхода в СССР, в главную контору общества пришло сообщение Амторга об отсрочке им выполнения заказов до мая. Это могло нарушить ход подготовки к первому промысловому сезону. Сложившиеся обстоятельства потребовали срочных действий.

7 апреля 1928 г. АКО обращалось к Амторгу с просьбой «принять самые энергичные меры к усилению заготовки товаров, перенесения их на западное побережье», то есть в районы США, примыкающие к пункту отправления. Это могло ускорить выход судов. Кроме этого, вместо Владивостока они теперь должны были следовать прямо в Петропавловск. Транспортному отделу ставилась задача снарядить суда и предупредить Амторг о тщательной подготовке их механизмов и оборудования к долгому плаванию, «имея в виду невозможность ремонта и пополнения в Петропавловске».

В Петропавловске пушно-снабженческому и транспортному отделам следовало организовать встречу «Охотска» и «Чукотки» доставленными туда советскими командами с тем, чтобы по их прибытии можно было немедленно приступить к переоборудованию и приспособлению судов к местным условиям. Здесь к этому времени нужно собрать всё необходимое для их погрузки, «обеспечить наиболее полную сортировку товаров, прибывших в Петропавловск из Владивостока, заранее подготовив и складочные помещения...»

В ходе передачи судов от Амторга в АКО отмечались недостатки, о которых в ноябре 1928 г. сообщал член правления О. Х. Кантер: «...такая передача судов, которая практиковалась Амторгом, совершенно ненормальная. Когда “Охотск” прибыл в Петропавловск, многие инструменты расходились по рукам нашей команды, а отчасти — и американской команды. На следующее плавание нам придётся потратить много денег, чтобы пополнить судовой инвентарь. Это хищение стоит тысяч рублей».

18 апреля 1928 г. финансовый отдел докладывал правлению АКО его валютные расходы с момента образования. На покупку парохода (будущего крабоконсервного завода «Камчатка»), «Охотска» и «Чукотки» было «переведено двести тридцать тысяч долларов, сумма уже уплачена продавцам и предполагается ещё перерасход до двадцати тысяч долларов, который нужно будет покрыть в июне». За участие в покупке судов правление АКО выплатило американцу Г. Плауну вознаграждение в восемь тысяч долларов.

Вместимость первого судна АКО — теплохода «Охотск» — составляла семьсот восемьдесят пять регистровых тонн, его главный двигатель имел мощность триста восемьдесят сил, численность экипажа составляла двадцать шесть человек. Кроме главного, на судне стояли вспомогательные бензиновые двигатели. Его конструктивной особенностью являлось наличие высокой надстройки, занимавшей всю кормовую половину корпуса. Она придавала «Охотску» своеобразный силуэт, благодаря которому он получил прозвище «плавающий комод».

В конце весны 1928 г. АКО разработало первое расписание движения своих транспортов. «Охотск» выделен для обслуживания Западной Камчатки и охотского берега. Он должен был выполнить два рейса. Первый — продолжительностью в пятьдесят пять суток (выход 15 июня, приход 9 августа), второй — семьдесят пять (с 20 августа по 2 ноября).

Теплоход, ставший родоначальником камчатского морского транспортного флота, пришёл в Петропавловск 12 июня 1928 г.

Будущий «Охотск» пока ещё носил английское название *Арех* (по-русски «вершина», «верхушка»), из-за чего местные остряки тут же окрестили его на свой манер — «Арехом» (позже в народе ходило ещё одно название — «утюг»). На Камчатку его привёл американский экипаж. Прибывшие на судно советские моряки, более привычные к старым пароходам, увидели много ранее неведомых им технических новинок. Среди них: электрическая пожарная сигнализация, долженствовавшая указывать место возможного воспламенения, электрическое же отопление кают, рефрижераторная установка.

Приёмка судна от американцев открылась торжественно. Судовой «красный уголок», точнее, кают-компанию, украшали лозунги и плакаты, «оригинальные, местного творчества». На одном из них — рука фашиста, заносящая нож над рабочим, которому СССР бросает спасательный круг. На другом — улыбающиеся лица американского и советского капитанов. Под ними английская надпись: «Интернациональное объединение моряков». Царит веселье: «гремит патефон, игла которого непрерывно куролесит по усердно подкладываемым пластинкам. Здесь же — целый квартет. Играет скрипка, мандолина, гитара и балалайка. Американцы и русские смешались в одну весёлую, радостную толпу». Официальный обед «пересыпается небольшими речами». Советский капитан заявил, что новый экипаж судна справится с поставленными ему задачами. Его американский коллега радовался тому, что теплоход доставлен в Петропавловск в целости.

После окончания торжеств началась собственно приёмка судна в состав АКО от перегонной команды. При испытаниях главного дизеля, проводившихся с целью выявить его возможные неисправности и определить наименьший промежуток времени, потребный для перемены хода с переднего на задний, разорвался воздушный трубопровод. Это вызвало задержку испытаний. Попутно устранили и некоторые другие выявившиеся мелкие дефекты.

Неожиданный ремонт вызвал в городе кривотолки о пригодности нового приобретения АКО к длительной и надёжной работе. С целью рассеять неблагоприятное мнение некоторых граждан о теплоходе, создавшееся благодаря распространившимся слухам, газета «Полярная звезда» опубликовала статью капитана С. И. Кострубова с рассказом о судне.

Оно было построено в США в апреле 1917 г. и предназначено для плавания в открытом море. После ряда лет эксплуатации поставлено на линии во внутренних водах Аляски. Для этой цели

переоборудовано устройством кормовой надстройки и установкой в трюме двух больших цистерн. Это ухудшило качества судна в условиях морского плавания: высокая надстройка мешала развивать построечную скорость при встречном ветре, а цистерны отнимали треть полезной грузоподъёмности и изменили осадку. Тем не менее, по словам вполне искушённого в морском деле капитана, «произведённое первое испытание теплохода при его приёме от американцев дало вполне удовлетворительные результаты...

Сама же машина находится в довольно хорошем состоянии и может быть готова в любой момент к работе, гарантируя безопасность плавания (за время перехода из Сиэтла в Петропавловск протяжённостью три тысячи двести миль отказов не случилось. — С. Г.). В целом теплоход представляет собой довольно ценное приобретение для разрешения намеченных заданий АКО на Камчатке». Деревянный корпус судна на случай встречи со льдами изнутри был укреплён поперечными распорками. К тому же теплоход имел «высший класс» Регистра Ллойда, в отличие от других судов, посещавших Камчатку.

19 июня 1928 г. «Охотск» под командованием С. И. Кострубова вышел в свой первый рейс в Усть-Камчатск. Вернувшись оттуда в Петропавловск, затем он должен был отправиться во Владивосток.

И всё же конструкцию судна трудно было назвать удачной. Сочетание деревянного корпуса и двигателей, работающих на легковоспламеняющемся топливе, спустя год стало причиной пожара. 30 июня 1929 г. «Полярная звезда» сообщила: «От вспышки мотора возник пожар на теплоходе “Охотск”. Для прекращения огня судно потопили и сейчас же подняли. Динамо и моторы целы, обгорела обшивка. “Охотск” становится на ремонт». Экспедиция по восточному берегу Камчатки оказалась под угрозой срыва. Правлению АКО пришлось срочно фрахтовать совторгфлотовский пароход «Теодор Нетте». Да-да, тот самый стихотворный «пароход и человек». Он должен был выйти в море в первых числах июля.

Очевидцем этого происшествия стала легендарная А. И. Щетинина, работавшая на теплоходе в начале своей флотской карьеры. Она писала в воспоминаниях: «Во время стоянки у завода (во Владивостоке. — С. Г.), где на “Охотске” только что закончили ремонт, вахтенный моторист запустил вспомогательный двигатель, обеспечивавший работу генератора, и нарушил правила безопасности. Возник пожар. После удаления людей машинное отделение закрыли, судно отбуксировали на мель у южного берега бухты и затопили, для чего

потребовалось прорубить деревянную обшивку борта. Пожар прекратился. Водолазы заделали отверстие в обшивке, воду откачали, и судно снова поставили к заводу на ремонт...»

Осенью 1929 г. «Охотск» работал на Камчатке. 14 ноября «Полярная звезда» сообщила: «Скоро неделя, как аковский теплоход-“утюг” стоит. Народ в АКО с выдержкой. Куда спешить: море не волк...»

Помимо двигателей, «Охотск» был снабжён вспомогательным парусным вооружением, порой оказывавшим существенную помощь малоомощной машине и нередко выручавшим его в опасных случаях. Вот один, также сообщённый А. И. Щетининой: «После долгого осеннего рейса мы снялись во Владивосток. Погода, как и следовало ожидать, была беспокойная. При штормовых северо-западных ветрах капитан решил идти под прикрытием Курильской гряды. Но острова нас мало прикрывали, качка была стремительной, и хода почти не было, а в довершение всех бед в один из штормовых дней вышел из строя главный двигатель. Повреждение оказалось серьёзным. “Охотск”, находясь в районе пролива Крузенштерна, стал игрушкой волн.

Об аварии сообщили во Владивосток и Петропавловск. Надежды на быструю помощь были очень относительны: в зимнем море не было ни одного судна, которое могло бы прийти нам на помощь... Поставили запасной парус, потом, после того как он порвался, — трюмный брезент...»

17 сентября 1930 г. «Охотск», вернувшийся из очередного рейса по побережью, стоял в ковше Петропавловского порта. Следующий день, 18 сентября, стал для него последним. Около семи часов утра воспламенилось машинное отделение. Сыграли тревогу, его задраили наглухо, надеясь таким путём прекратить доступ воздуха и потушить огонь. Ошибкой в организации спасения оказалось то, что с самого начала не определили, что именно горит, а потом выяснить это оказалось невозможным вследствие сильного распространения огня. Под машинным отделением находились две цистерны с топливом, а в трюмных цистернах — ещё сорок тонн горючего. Стало понятно, что взрыва избежать не удастся. Следует отметить, что тогдашний Петропавловский порт никаких средств для борьбы с огнём не имел.

Теплоход отвели на более глубокое место. К нему подошёл паровой траулер «Баклан», неудачно попытавшийся сбить огонь струей пара. Безуспешные попытки прекратить пожар длились почти семь часов. В половине второго раздался сильный взрыв.

Столб пламени взметнулся на высоту нескольких десятков метров, «Охотск» превратился костёр. Теперь стало окончательно ясно, что потушить его не удастся. Находившиеся во время взрыва на «Охотске» команды самого теплохода и моряки стоявших в порту судов, принимавшие участие в тушении, были сметены взрывной волной в воду.

Спустя почти полвека старейшая работница управления АКО М. В. Ленда вспоминала: «Летом 1930 г. я была очевидицей, как горел теплоход “Охотск” в порту. Пламя и чёрный дым окутали судно, зрелище было жуткое, и местные власти приняли решение вывести горящее судно из ковша в бухту и потопить его. Для этого сторожевой корабль “Воровский” стрелял в горящее судно, и оно медленно погружалось в воду».

Долгое время не было известно, что в этом событии пострадало много людей. Сейчас мы можем назвать имена двух пропавших без вести (сгоревших или утонувших) моряков. Это — второй помощник капитана траулера «Баклан» Георгий Константинович Серебреников и ученик механика теплохода Виктор Кузнецов. Был травмирован морской агент АКО. Получили тяжёлые ранения и ожоги шестеро членов экипажа «Охотска», попавшие в больницу: старший и второй помощники капитана, старший механик, радист, хлебопёк и дневальный. Легко ранило и контузило боцмана, плотника и матроса.

В тушении пожара деятельное участие принимали военморы пограничного сторожевого корабля «Воровский», команды парового траулера «Баклан» и портового катера АКО «Коршун».

Два погибших моряка и бесславно сгоревший первенец камчатского морского транспортного флота — теплоход «Охотск» — стали одними из первых многочисленных жертв, положенных на алтарь начавшегося социалистического преобразования Северо-Востока России.

Второе судно АКО — деревянная парусно-моторная шхуна «Чукотка» — имело вместимость пятьсот шестьдесят девять регистровых тонн, а его экипаж насчитывал двадцать семь человек. Им командовал опытный капитан-парусник В. М. Андржеевский. В городе его хорошо знали, так как недавно он трудился агентом Совторгфлота в местном портовом хозяйстве.

Установить точную дату прихода шхуны в Петропавловск не удалось из отсутствия каких-либо сведений на этот счёт. Судя по всему, это случилось спустя несколько дней после прибытия «Охотска». Вполне возможно, что появление «Чукотки» не вызвало боль-

шого интереса по той причине, что суда подобного типа, в отличие от весьма редких в то время теплоходов, заходили в порт достаточно часто. Более того, шхуна меньших размеров «Камчадал» имелась в распоряжении Горкомхоза.

Так или иначе, но первое упоминание «Чукотки» связано вовсе не с её конструктивными особенностями или мореходными качествами, а с обычным хулиганством. Да и само судно было поименовано в тот раз не вполне точно — «шхуна “Чукотск”», видимо, по сходству с «Охотском».

18 июня два члена экипажа — матрос Михаил Константинович Винер, между прочим, секретарь судовой комсомольской ячейки, и почему-то названный кочегаром Павел Сергеевич Брюква — «напившись пьяными, подняли драку в столовой. Была вызвана милиция, милиционером был составлен протокол, дело передано в суд».

Происшествие рассматривалось на заседаниях судовой ячейки и окружного комитета комсомола. Последнее постановило: комсомольцам Винеру и Брюкве вынести строгий выговор с предупреждением об исключении из организации при повторном нарушении и с занесением в личное дело; предложить ячейке шхуны переизбрать секретаря; настоящее постановление сообщить во Владивосток и опубликовать в «Полярной звезде» (откуда мы и узнали о случившемся). А во Владивосток сообщено по той причине, что судно было приписано к тамошнему порту, который и присвоил ему название.

Спустя какое-то время «отличился» ещё один моряк. 5 августа сообщено, что на заседании правления клуба союза советских торговых служащих заслушано заявление ответственного дежурного на вечере отдыха. Речь шла о «скверном поведении матроса шхуны “Чукотка” Ковальчука, выразившемся в грубом отношении к дежурному и несоблюдении порядка». Правление запретило этому матросу посещать клуб в течение трёх месяцев.

Согласно плану, «Чукотка» в 1928 г. должна была работать на Восточной Камчатке и выполнить два плавания. Первое — с 19 июля по 16 сентября, второе — с 23 сентября по 28 октября (общая длительность девяносто шесть суток). Судя по всему, это задание было выполнено. Из первого рейса судно прибыло в порт 16 сентября. Об этом свидетельствует заметка из «Полярной звезды» за 20 сентября 1928 г., вносящая дополнительный окрас в описанное выше и рассказывающая про новые «подвиги» Павла Сергеевича Брюквы. «Весной в 1928 г. матрос шхуны “Чукотка”... произвёл драку с ножом в руках с другими матросами около столовой

Кирица. За это хулиганство он был привлечён к уголовной ответственности, но матрос Брюква не покончил на этом своё хулиганство. По прибытии шхуны “Чукотка” в город Петропавловск 16 сентября с. г., матрос Брюква пришёл на пароход “Астрахань”, где за выпивкой со своими товарищами вынул из кармана “американский” нож, которым стал размахивать кругом себя, указывая, что своим ножом может зарезать медведя, и тут же нанёс матросу парохода “Астрахань” ранение в левую руку, в области плеча. Гражданин Брюква задержан и привлечён к уголовной ответственности».

А его оставшиеся на свободе коллеги отличились повторно. «Ещё в первое пребывание шхуны “Чукотки” в Петропавловске... на двух моряков... были составлены протоколы за хулиганство. Через некоторое время окрбюро комсомола тоже опубликовало своё постановление о выговоре и предупреждении об исключении из комсомола двум комсомольцам-морякам за хулиганство. Потом “Чукотка” ушла в плавание и, недавно вернувшись в порт, моряки опять взялись за хулиганство». Впору было поднимать над шхуной чёрный пиратский флаг.

18 сентября, во вторник, вечером два члена экипажа, «напившись пьяными, вышли “гулять” по улице. От их приставаний женщины шарахались в сторону. Проходившим мимо ребятам грозили ножами и, наконец, затеяли скандал. Публика, прогуливавшаяся по Ленинской, перепуганная скандалом, разошлась по домам.

Стыдно, товарищи моряки. Такое хулиганство кладёт пятно на всю команду шхуны. Комсомольская ячейка и судовой комитет, где ваша воспитательная работа среди команды?»

Конечно, моряки не только нарушали порядок и общественное спокойствие, но и работали. За навигацию 1928 г. первые суда АКО перевезли, в общей сложности, тысячу шестьсот тонн грузов. Это составило чуть больше двух с половиной процентов от общего грузооборота Камчатки за год, равного семидесяти тысячам тонн. За два рейса «Охотск», освободившийся от снабженческих грузов, принял на восточно-камчатских факториях АКО двадцать восемь с половиной тонн различной пушнины на очень крупную сумму — свыше пятисот сорока тысяч рублей. «Чукотка» собрала двести десять мест пушнины и сырья.

Итоги работы своих первых транспортов АКО оценивало в октябре 1928 г. По сообщению начальника транспортного отдела Языкова, в первую навигацию, наряду с зерном, лесом и продуктами, они перевезли много топлива для рыбных промыслов. Часть его из-за неплотности тары испарялась или проливалась, вызывая порчу

других грузов. На будущее предлагалось «этот груз выделить», то есть сделать один или два специальных «нефтепродуктовых» рейса, для чего использовать «Чукотку».

Зиму 1928—1929 гг. оба судна провели в Петропавловске.

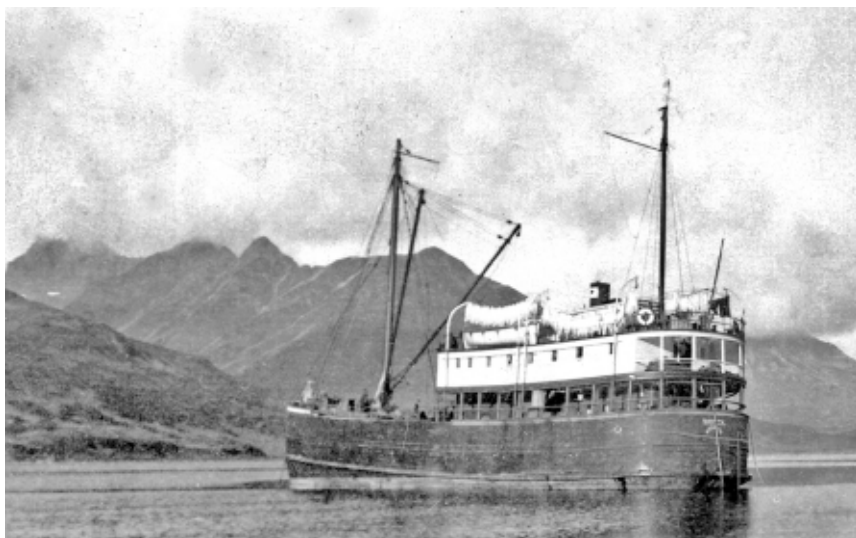
В дальнейшем «Чукотку» использовали в полярных водах. Так, 17 июля 1930 г. она пребывала в бухте Лаврентия, на Чукотке. Капитан известил Петропавловск, что выгрузку здесь завершил, намерен следовать дальше, на Чаун. Команда шхуны в этом рейсе объявила себя ударной. 17 сентября «Чукотка», вернувшаяся из дальнего рейса, стояла в Петропавловске и собиралась уходить во Владивосток.

Видимо, с учётом удачного завершения этого плавания, летом 1931 г. её отправили ещё дальше — к мысу Северному и на остров Врангеля. А ведь до него мог добраться не каждый стальной пароход, в том числе и ледокольный. Чем была вызвана необходимость посылки в ледяные поля небольшого судёнышка с деревянным корпусом, остаётся только гадать.

Но, тем не менее, в середине июня оно под командованием капитана Г. И. Фонарёва со снабженческой экспедицией на борту двигалось благополучно. «Начальник экспедиции товарищ Дьяков сообщает по радио об удовлетворительном ассортименте товаров и продовольствия, которые шхуна везёт на остров Врангеля... Экипаж судна, учитывая трудности выполнения настоящего рейса, заверяет, что выполнит его с честью». Но к концу июня судно было затёрто льдами, началось сжатие, корпус дал течь. Дальнейшая борьба с суровой полярной стихией оказалась невозможной. «Шесть суток нечеловеческих усилий спасти судно и груз вконец измотали физические силы экипажа. Единственное средство спасения судна — вывести его из льдов буксиром на чистую воду».

Это попытался сделать ветеран ледовых плаваний — пароход «Колыма». Но при подходе к «Чукотке» он сам получил большие повреждения, дальнейшее движение в «крепких льдах» было признано для него крайне опасным. «Не имея возможности надеяться на буксир, рискуя остановкой “Фербенкса” (насоса с приводом от двигателя внутреннего сгорания. — С. Г.), откачивающего воду, после чего судно неминуемо пойдёт ко дну, решили перейти, спасая пассажиров и личный состав экипажа, на “Колыму”», — доложил начальник экспедиции. Так и произошло. «По имеющимся сведениям, часть груза “Чукотка” сумела выгрузить в Амгуеме».

1 августа 1931 г. корпус шхуны был раздавлен льдами, и она затонула.

Первенец морского транспортного флота Камчатки —
теплоход «Охотск», 1928 г.

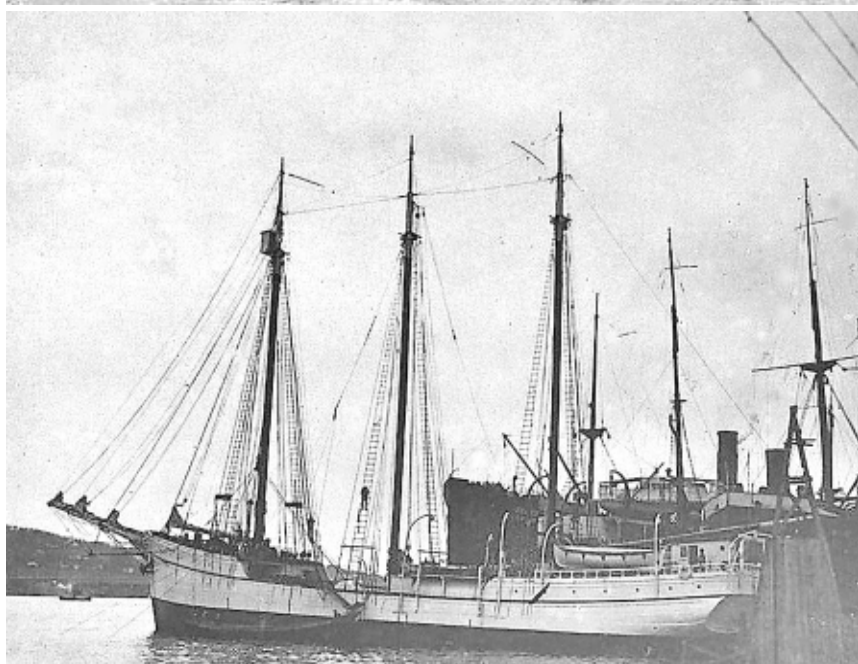
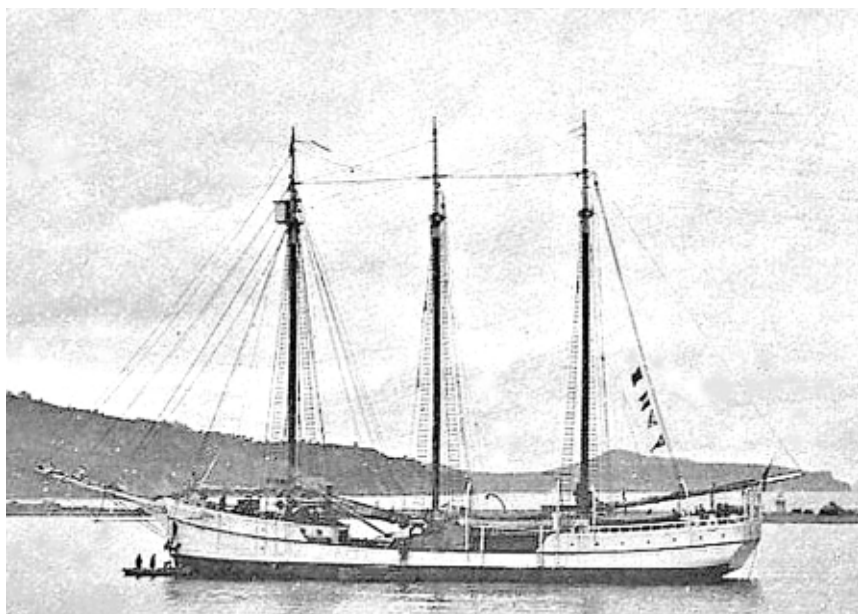
«Охотск» в Петропавловске, май 1930 г.

Пограничный сторожевой корабль «Воровский» расстреливает горящий «Охотск», 18 сентября 1930 г.

Шхуна «Чукотка», теплоход «Охотск» и пароход «Эскимос» в Петропавловске, 1929 г. (все фотографии из фондов ККОМ)

Шхуна «Чукотка» в Петропавловске

На палубе «Чукотки», 1929 г.

Члены экипажа шхуны перед выходом в последний рейс
к острову Врангеля, 1931 г.

Хотя первые транспорты АКО и прослужили недолго, они оставили существенный след как в истории общества, так и промыслового освоения Камчатки в целом. Обзаведение этими судами позволило АКО отработать на деле новый порядок снабжения пунктов протяжённого охотско-камчатского побережья и решить важные вопросы по обеспечению флота личным составом, его разумного использования и технического обслуживания. Помимо этого, первенцы АКОфлота стали своеобразными «морскими школами», готовившими специалистов, хорошо знавших особенности работы на камчатском побережье, со временем внёсших достойный вклад в развитие дальневосточной рыбной промышленности и судоходства.

Как АКО покупало пароходы

Первым промысловым сезоном АКО стал 1928 г. С самого начала работы общество, ввиду отсутствия у него собственного морского флота, столкнулось с большими трудностями в доставке на полуостров промыслового снабжения, грузов, пассажиров и вывозе на материк готовой рыбной продукции. Поэтому одним из направлений его деятельности стало приобретение крупных пароходов, способных поддерживать круглогодичное сообщение Камчатки с Владивостоком, где в то время располагались его снабженческие базы и центр управления.

В навигацию 1928 г. АКО располагало всего двумя небольшими парусно-моторными судами с деревянными корпусами — теплоходом «Охотск» и шхуной «Чукотка». Их небольшая грузоподъёмность даже в малой степени не покрывала быстро растущих объёмов грузоперевозок.

15 октября 1928 г. АКО учредило в своём составе морской отдел, которому поручило управлять флотом, подбирать экипажи для намеченных приобретением пароходов, налаживать их ремонт.

В начале февраля 1929 г. правление АКО получило от своего представителя в США известие о состоявшейся покупке пароходов. 11 февраля заместитель заведующего морским отделом сообщил о начавшемся наборе судовых команд, которые следовало «по времени их готовности к плаванию подготовить к отправке в Америку».

Отделу поручалось укомплектовать три экипажа в составе капитана, его старшего помощника, старшего, второго и третьего механиков, боцмана, плотника, двенадцати матросов и столько же кочегаров первого класса, трёх машинистов и радиста. 8 февраля 1929 г. капитанами новых пароходов были назначены А. И. Дудник

и П. С. Доруховский. Им установили месячные оклады по двести пятьдесят рублей. Старшими механиками судов стали К. И. Соколов, Я. И. Басай и А. Н. Гудков.

26 февраля 1929 г. АКО оповестило профсоюз работников водного транспорта об условиях оплаты экипажей, отправляемых в США для приёмки судов. Набранные во Владивостоке команды следовали на пароходе за счёт общества. С момента посадки на судно и по день прибытия в порт назначения им выплачивались суточные из расчёта основного заработка. Если команду из-за ремонта нельзя будет сразу разместить на купленном судне, то АКО обязывалось предоставить ей жильё и обеспечить питанием, при этом морякам не выплачивались так называемые «столовые» деньги (рубли двадцать копеек в сутки на человека) и надбавки «за календарность». Во время нахождения за рубежом оклад платился в валюте.

Коллективный договор АКО с профсоюзом на 1929 г. определял размер наиболее низкой ставки (первого разряда тарифной сетки) на берегу во Владивостоке в сорок девять рублей (для машинных и палубных учеников — восемнадцать рублей). Тарифная сетка имела следующие коэффициенты: матрос второго класса получал на двадцать пять, первого класса — на сорок, плотник — на пятьдесят пять процентов, старший механик — втрое, а капитан — в три с половиной раза больше. Столовое довольствие команды при плавании судна близ Камчатки устанавливалось равным один рубль тридцать копеек в сутки на человека.

В США АКО приобрело серию стандартных грузовых пароходов, так называемых «Лейков»: «Лейк Элва», «Лейк Элмвуд», «Лейк Эпсфорт», «Лейк Ферлей», построенных в 1919—1920 гг. Суда, наименованные по национальностям коренных народов Севера «Тунгус», «Якут», «Ламут» и «Юкагир», имели грузоподъёмность три тысячи сто тонн, длину восемьдесят семь с половиной, ширину тринадцать и осадку около семи с половиной метров. На них стояли паровые машины мощностью полторы тысячи «лошадей», потреблявшие в час до десяти тонн пара, вырабатываемого двумя трёхтопочными огнетрубными котлами. Первоначально они были рассчитаны на мазутное отопление, но перед продажей их приспособили для работы на угле.

Часть купленных судов перегоняли команды, собранные морским отделом АКО, часть — американские экипажи. Пароходы с американцами в середине лета отправились из Сиэтла во Владивосток через Хакодаде.

Две отечественные команды (тридцать девять человек на «Якут» и тридцать восемь для «Ламута») выехали в Сиэтл через Японию. Некоторое время они находились в Стране Восходящего Солнца — первая в Йокогаме, вторая — в Токио.

6 мая 1929 г. Наркомат иностранных дел СССР направил в адрес АКО выписку из отчёта Генерального консульства СССР в Токио о пребывании экипажей «Якута» и «Ламута» в Японии. Сотрудники консульства и торгпредства должны были следить за тем, чтобы экипажи во время нахождения за границей, «во враждебном империалистическом окружении», показали «дисциплинированность и сознательность моряков советского торгового флота». Как следует из отчёта, эта задача была полностью выполнена.

«Сотрудниками были организованы вечера встречи и смычки с советскими моряками, были устроены экскурсии на громадную, оборудованную современными машинами писчебумажную фабрику, использовано городское общество автобусных экскурсий для осмотра Токио. В свою очередь, моряки показали себя сознательными советскими гражданами — никаких скандалов и пьянки, обычных для иностранных моряков, прибывающих в Японию, — не было и в помине. Поведение советских моряков в Йокогаме настолько поразило владельца гостиницы, в которой обычно останавливаются матросы, что им был устроен за собственный счёт банкет нашим морякам накануне их отъезда. Японские полицейские власти, обычно проявляющие излишнее внимание в отношении советских граждан, на этот раз никаких придирок не чинили».

В Японии «совморяки» получили американские въездные визы и отправились в США. АКО решило сэкономить на перевозке людей и отправило команду для «Ламута» третьим классом, в то время как обычно командированные за границу ехали вторым. 7 мая 1929 г. представитель АКО в Сиэтле — промышленный директор А. Я. Шерстобоев — получил по телеграфу постановление «валютного совещания» для ознакомления капитанов.

Совещание отказало «в выплате жалованья командам во время нахождения в пути Владивосток — Сиэтл, также проживания в последнем до высадки на пароход... по причине удовлетворения продовольствием, квартирой, суточными. Последние уменьшены против сметы на тридцать пять процентов». Общий расход валюты по двум судам устанавливался равным шести тысячам пятистам девяти долларам. Вряд ли подобная «экономия» на заработной плате моряков, и так занимавшей в структуре расходов одно из последних мест, была уместна. Она могла лишь стать причиной

недовольства экипажей, о чём, кстати, предупреждали руководящие органы: «АКО и другим хозучреждениям следует принять во внимание недопустимость халатного отношения к вопросу денежных расчётов при командировках моряков за границу, так как этот вопрос легче всего может вызвать всякого рода недоразумения...»

11 мая 1929 г. правление АКО изучало возможность отправки в Сиэтл за пароходом «Тунгус» ещё одной команды. Принять «Тунгус» и укомплектовать его экипажем решили во Владивостоке.

Купленные суда начали прибывать во Владивосток в июле 1929 г. В середине месяца сюда пришли «Лейк Элва» с тридцатью американцами во главе с капитаном Н. Аером и «Лейк Элмвуд» с командой из тридцати трёх человек, руководимой капитаном Л. Бенсоном.

23 июля 1929 г. Владивостокская контора АКО известила торговое представительство СССР в Токио о переводе ему сорока тысяч иен для оплаты проезда и выплаты жалованья команде парохода «Лейк Элва». Американцы собирались на следующий день отправиться из Владивостока на родину. 24 июля они почтовым пароходом выехали в Японию.

31 июля в Нью-Йорк через Японию последовали моряки с «Лейк Элмвуда» («Юкагира»). Зарплата, суточные и проезд американцев с этого судна обошлись АКО почти в тринадцать тысяч долларов.

В августе 1929 г. во Владивосток прибыл «Ламут». 14 августа АКО просило торговое представительство СССР в Хакодате выдать его капитану двести иен на расходы, связанные с заходом в этот порт.

В сентябрьском отчёте АКО об использовании валютных средств за 1929 г. указывается, что за месяц расходы по покупке и перегону пяти пароходов во Владивосток вылились в пятьдесят одну тысячу долларов. Это по тогдашнему курсу равнялось ста тысячам рублей. А затраты на переход из Германии новенького рыболовного траулера «Баклан» равнялись пяти тысячам четырёмстам фунтам стерлингов, то есть пятидесяти одной тысяче рублей.

Новые пароходы сразу же включились в работу по перевозке грузов. Летом «Тунгус» под командованием А. И. Дудника ходил в Японию. 3 августа 1929 г. правление АКО обращалось к торговому представителю СССР в Хакодате с просьбой выдать капитану валюту для оплаты портовых, лоцманских и прочих расходов на время пребывания судна в Японии.

Осенью «Тунгус» работал в советских водах. 3 декабря 1929 г. его команда просила морской отдел вернуть ей тысячу триста девяносто один рубль и пятьдесят четыре копейки. Их заплатили

из личных средств за продукты, которые судно не получило перед отходом в длительный рейс на Сахалин. Тогда они отсутствовали на складе. В просьбе отказали, объяснив это большим заработком команды в течение плавания на погрузочно-разгрузочных работах.

В июле 1929 г. недавно прибывший «Якут» принял участие в экспедиции на находившийся в ведении АКО остров Врангеля. Здесь с июля 1926 г. пребывала экспедиция под руководством Г. А. Ушакова. Её должен был сменить ледорез «Ф. Литке», а «Якут» использовался как угольный транспорт, обеспечивавший его топливом во время похода к острову.

1929 г. стал первым, в котором АКО располагало достаточно мощным собственным флотом. Почти сразу же выявились серьёзные недостатки в налаживании расторопного и действенного управления им. Основные производственные районы общества располагались на Камчатке, а судами руководила контора из Владивостока. Это зачастую приводило к тому, что в Петропавловске не знали, где они находятся и чем занимаются.

Так, в конце октября 1929 г. имелись сведения, что в Петропавловск должны были следовать «Ламут» и «Якут». О характере груза на первом судне ничего не ведали, рейс второго в официальном расписании не значился совсем. «Знаем... о выходе не по сведениям конторы, а по частным слухам... Пассажирка дала телеграмму о том, что она тридцатого выезжает на “Ламуте”, — вот источник, откуда мы знаем про “Ламут”. Куда идёт, что везёт — для нас это неизвестно».

Да и согласовывали свои действия конторы слабовато. Например, Владивосток распорядился, чтобы «Юкагир» обязательно доставил в Анадырь восемьдесят три тонны остро недостававшего там продовольствия. Когда же «Юкагир» пришёл в Петропавловск, здесь ему приказали анадырский груз оставить и идти в Усть-Камчатск и Карагу. Не успел он снять половину, как получил распоряжение уходить. Разгрузившись в Усть-Камчатске и пройдя половину пути к Караге, «Юкагир» неожиданно получил указание вернуться в Петропавловск, взять сгруженное ранее и следовать в Анадырь. Нагрузившись, «Юкагир» опять двинулся в Анадырь. Но, не дойдя тридцати миль, остановился у кромки сплошного полуметрового льда. Получив на свой запрос телеграфный ответ, что продовольствием Анадырь уже обеспечен, пароход развернулся обратно в Карагу.

Это головотяпство вызвало непроизводительную трату четырнадцати суток при ежесуточной стоимости судна в восемьсот рублей. А к ним нужно прибавить ещё не сделанную полезную работу.

Пароходы зачастую выходили из Владивостока недогруженными, несмотря на то, что многие продукты и товары лежали там на складах. Их поздний завоз на Камчатку вызвал порчу и «чрезвычайно напряжённое состояние на городском рынке и поставил под угрозу снабжение глубинных пунктов». Нередко суда подолгу простаивали в Петропавловске из-за недостатка угля.

Первые транспортные пароходы АКО продемонстрировали завидную долговечность: они работали до начала 1970-х гг., прослужив, в общей сложности, более полувека каждый.

Краболов «Камчатка» и его капитан

АКО, созданное, в том числе, и как инструмент противостояния японскому экономическому проникновению на Камчатку, имело целью постепенное вытеснение иностранных рыбопромышленников из советских вод и продвижению дорогостоящих отечественных рыботоргов на внешние рынки. Естественно, что общество обратилось к опыту, накопленному соперниками, свидетельствовавшему о том, что наиболее прибыльным являлся выпуск крабовых и лососёвых консервов.

С первых же дней своей деятельности общество уделило особое внимание производству именно этой продукции. Уже 13 августа 1927 г. было решено командировать председателя правления С. П. Нацаренуса в Москву решать вопросы приобретения плавучего крабоконсервного завода, или, как их ещё называли, краболова. 31 октября 1927 г. намечена следующая программа работы АКО в сезоне 1928 г.: «1. Максимальное получение продукции в виде консервов... 2. Использование всех промысловых объектов моря, в первую очередь крабов... Общество намечает для этого покупку плавучего крабоконсервного завода...»

30 ноября 1927 г. были утверждены строительные и эксплуатационные сметы краболова. Их представлял И. Г. Потапов, вскоре назначенный его управляющим. На приобретение судна выделялись триста тридцать две тысячи рублей.

Первым краболовом АКО стал купленный в США сухогруз «Чейз», построенный в 1919 г. Он имел длину семьдесят семь с половиной, ширину тринадцать, осадку семь с половиной метров и паровую машину мощностью полторы тысячи «лошадей». Весной 1928 г. американская газета «Сеаттль Пост Интеллидженсер» напечатала фотоснимок, изображавший торжественный подъём флага.

Подпись под ним гласила: «Капитан Г. Ф. Свансон развёртывает советский флаг России, который будет развиваться по утреннему ветерку на пароходе “Чейз”».

Далее сообщалось: «Красный флаг Советской России... вчера был выставлен для обозрения в Сеаттле. Вне всякого сомнения, это знамя было развёрнуто в нашем порту впервые. Красная ткань будет официальным флагом парохода “Чейз”, проданного Интернациональной упаковочной компанией в Сеаттле Камчатскому акционерному обществу, советской организации, которая управляет концессиями в Сибири. “Чейз” под командой капитана Свансона, ветерана-моряка из Сеаттля, служившего много лет американской пароходной компании, ушёл вчера в Хакодате, где будет формально зарегистрирован под русским флагом, так как ближе указанного порта нет консула, чтобы выполнить эту церемонию. Капитан и его экипаж, помощники и матросы в числе тридцати одного человека являются жителями Сеаттля. Они передадут корабль в Хакодате и затем останутся служить на нём в текущую навигацию или же вернутся в Америку».

В японском порту АКО планировало приспособить «Чейз» под краболов. 4 апреля 1928 г. здесь началась его приёмка от американцев. Капитаном судна, получившего название «Камчатка», стал известный дальневосточный моряк Георгий Иванович Александров. Он командовал им только один сезон, затем был послан за границу для приобретения новых пароходов.

С именем Г. И. Александрова связано становление морского флота АКО, в котором он проработал девять лет. Капитан являлся выходцем из петербургской морской семьи. В 1904 г. он командовал миноносцем, затем транспортом Сибирской военной флотилии «Шилка». С началом иностранной интервенции в Приморье капитан увёл корабль из Владивостока в Стамбул, затем работал на зарубежных судах. В августе 1922 г. он стал капитаном стоявшего в Шанхае парохода «Эривань». Старшим помощником у него был Е. Д. Бессмертный — впоследствии также прославленный рыбацкий капитан. В 1923 г. «Эривань» вернулась во Владивосток.

Вот как оценивало капитана руководство АКО в официальной характеристике. «Родился в 1882 г. в г. Ленинграде, беспартийный, капитан дальнего плавания, в прошлом морской офицер военного флота в чине капитана первого ранга. Служит в системе АКО с 1928 г. Перегонял из-за границы первый краболов-пароход “Камчатка”, пароход “Эскимос”. Последнее время командует па-

роходом «Орочон». Обладает административными способностями, пользуется авторитетом у экипажа. Хорошо владеет французским и английскими языками. Прекрасно знает условия Камчатки. Имеет недостаток — частая выпивка. Борется за дисциплину на судне и выполнение трансфинплана. Участвует в общественной работе и в поднятии квалификации своих помощников, также команды. Судно содержит в порядке».

Капитан являлся безусловным авторитетом для комсостава и рядовых моряков. Это в непростых для него обстоятельствах даже было поставлено ему в вину. Так, инструктор политсектора АКО докладывал своему начальству о том, что «бывшему капитану Александрову (бывшему офицеру) в честь встречи Нового года 1 января 1938 г. команда приподнесла торт и шампанское...»

4 июня 1937 г. на Камчатке стало известно о присвоении премий Наркомата пищевой промышленности СССР за перевыполнение планов путины 1937 г. В числе отмеченных этой наградой был и капитан «Орочона» Г. И. Александров.

27 июля 1938 г. «Орочон» завершил очередное плавание и пришёл во Владивосток. Здесь Г. И. Александров покинул судно. 10 августа капитаном «Орочона» стал Е. Д. Бессмертный. По сведениям, сообщённым капитаном П. М. Ивановым, Г. И. Александров умер в конце 1938 г. в Ленинграде. Его сердце отказало, когда он стоял на трамвайной остановке...

На «Чейзе» перед его отходом из США в Японию Амторг провёл инвентаризацию, однако при передаче судна советскому экипажу не досчитались множества вещей. Вот что об этом сообщал Г. И. Александров: «В момент нашего прибытия на пароход на нём хозяйничали американцы, которые, пользуясь беспризорностью парохода, понемногу разбазаривали находившееся на нём имущество. Обстоятельства сложились столь уродливо, что необходимые пароходу вещи, как, например, секстаны, пришлось купить у капитана за наличный расчёт, якобы его собственные, что казалось достаточно подозрительным. Прочий инвентарь, как, например, столовые принадлежности, приходилось выуживать из кают американцев в запакованном для своза на берег виде».

Управляющий заводом И. Г. Потапов предупреждал правление АКО, что «впредь в случае, если мы будем покупать суда за границей, надо посылать нашу команду, ибо в противном случае получаются плохие результаты».

Набор русской команды краболова во Владивостоке шёл с затруднениями. По словам члена правления АКО О. Х. Кантера, она

«была хуже, чем на судах Совторгфлота. Мы получили суда очень поздно, очень поздно набирали команду, а потому самая лучшая категория моряков была разобрана на плавающие суда». На будущее он предлагал учесть отрицательный опыт этой вербовки и откинуть пресловутый лозунг об экономии. «Мы берегли советскую копейку, когда ставился вопрос пойти на некоторую затрату и набрать команду раньше, чем посадить её на суда». Подбору опытных моряков препятствовала и низкая заработная плата. Русский экипаж отправился в Хакодате на пароходе «Астрахань».

Подготовка «Камчатки» к плаванию состояла преимущественно в установке заводского оборудования. Ремонт, за исключением починки брашпиля, машины и окраски корпуса, из-за отсутствия средств не выполнялся. В ходе работ выявились несогласованность и отсутствие планомерности в действиях судовой администрации, управляющего заводом и подрядчиков. Зачастую из-за мелочей приходилось прекращать крупные работы, затем вновь возвращаться к ним и переделывать уже сделанное. По замечанию капитана, «корпус парохода нещадно сверлился, резался, пережигался без всякой пользы к делу, нанося существенный ущерб крепости парохода, ставя иногда пароход в опасное положение. Например, во время интенсивной погрузки грузом и топливом, без ведома судовой администрации у ватерлинии пробивались отверстия для шпигов, и только будучи случайно и своевременно усмотренными, не вызывали значительных последствий».

Работы завершились 8 мая 1928 г. «Камчатка» вышла в море и направилась на западное побережье полуострова. На ней находились двести восемьдесят японских рабочих — ловцов и обработчиков, команда из тридцати шести человек и администрация завода. Японцев возглавлял сендо, то есть главный мастер, Хага-сан, опытный руководитель, хорошо зарекомендовавший себя при подборе и найме рабочей силы, установке и наладке оборудования завода.

(Первый краболов был символически назван в честь полуострова, у берегов которого ему теперь предстояло работать, добывать лучшего в мире камчатского краба. Здесь уместно вспомнить вот такую легенду, или, скорее, байку. Как известно, этикетка на крабовой консервной банке издавна несёт надпись «Chatka». Историю её происхождения объясняют так: когда-то для первых партий консервов заказали этикетки с надписью «Kamchatka», по месту производства. Они, якобы, оказались длинноваты, и при оборачивании банки часть надписи перекрылась, осталась видимой помеченная «Chatka». Поскольку консервы оказались удачными и пользо-

вались большим спросом, то эта обрезанная надпись и стала, как теперь говорят, «брендом». Так это или нет, гадать не будем, только отметим, что этикетку ведь можно было завернуть и в другую сторону. Тогда бы камчатской маркой стала «Kamcha». Дарю идею.)

Местом лова капитан и сендо выбрали район реки Морошечной. Первые ловушки были поставлены здесь 16 мая на глубине около сорока трёх метров. Они существенно отличались от современных, представляя собой сети длиной шесть и шириной два с половиной метра. Ячея имела размер двадцать сантиметров. Сети связывались одна с другой в ряды по тридцать штук. К каждой из них снизу привязывались каменные грузила, сверху — наплава. По краям порядка цеплялись якоря, от которых на поверхность воды поднимались линии, соединённые с тремя большими наплавами. Между двумя порядками также крепился якорь с линею. Начало промысла по японскому обычаю было отмечено особым «праздником сетей».

Порядки, выставленные вдоль течения, выдерживались на дне трое суток. Пробная постройка оказалась вполне удачной, принесла на каждую малую сеть по двадцать крабов. 19 мая началось производство консервов.

Отечественные технологи на судне отсутствовали, обработкой крабов управляли японский мастер и его помощник. Так как японские рабочие не справлялись с переработкой улова, то управляющий заводом предложил работать русской команде: заворачивать содержимое банок в пергамент. Платили за это пятнадцать рублей в месяц. Через неделю команда стала просить по восемнадцать с половиной, а затем по двадцать пять рублей. Управляющий заводом отказался повысить оплату, что привело к обострению отношений с русскими моряками.

Недовольство команды усиливалось также из-за неразберихи: транспортный отдел АКО не доставил на судно медикаменты и спецодежду, закупленные продукты оказались плохими. В ходе рейса отмечены нарушения дисциплины. Одного моториста пришлось списать на берег. Наблюдались случаи пьянства, так как на судне имелись спиртные напитки, взятые в Японии. Их выдавали персоналу, работавшему в холодной воде. По сообщению управляющего заводом, русских запасов спиртного на борту не было. Для предотвращения пьянства и поддержания дисциплины в последующих рейсах по настоянию В. Л. Бурыгина расходы на приобретение спиртного из сметы на снабжение флота в 1929 г. были вычеркнуты.

Рейсовое задание «Камчатке» установлено в восемнадцать тысяч восемьсот восемнадцать ящиков. Из-за позднего начала переоборудования судна, вызвавшего месячную задержку с выходом на промысел, она оказалась невыполненной на три с половиной тысячи ящиков. Всю продукцию приобрели английские фирмы — её традиционные покупатели. Комиссия, проверявшая качество консервов, выставила им оценки «хорошо» и «очень хорошо».

Основным недочётом в организации нового производства оказалось отсутствие чётко разграниченных полномочий между командованием судна и администрацией завода. Здесь проявилось нежелание И. Г. Потапова, не имевшего опыта, прислушиваться к мнению «старых, опытных в своём деле работников», в том числе капитана и сендо. «Завоевание» управзаводом авторитета, по словам капитана, создало «обстановку, которая ничем не отличалась от знакомой же обстановки, при которой проходила подготовка парохода к плаванию в Хакодате. Другими словами, сумасшедший дом на пароходе оставался всё время плавания вплоть до прихода во Владивосток».

Г. И. Александров полагал, что единственной властью на корабле должен быть капитан. Он писал: «В настоящее время мы вынуждены заимствовать специалистов по корабельному делу и рабочих в Японии. Должно признать, что всякий японский главный мастер лучше всякого нашего управзавода. А если это так, то всегда будет производством фактически управлять главный мастер, а роль нашего управзавода уподобится дирижированию поющим граммофоном. Дабы не обесценивать авторитет русской администрации в глазах иностранцев, необходимо, чтобы управляющее лицо было, несомненно, признано высшим лицом на корабле, лицом, на котором полностью лежит ответственность за корабль, для которого море есть нормальная обстановка, его пост деятельности, и чтобы власть такого лица поддерживалась как законами СССР, так и международными».

Его предложения были учтены при подготовке к промысловому сезону 1929 г.: правление АКО сделало вывод о том, что на плавзаводах, являющихся новым и многообещающим типом судов, должно быть единовластие в лице капитана. Должность управляющего заводом упразднялась, а заведование им возлагалось на помощника капитана по производству, не имевшего специального морского образования. Капитану устанавливался месячный оклад двести сорок шесть рублей. Дополнительно за руководство предприятием ему доплачивались ещё сто сорок четыре. Старшему

механику краболова за наблюдение за работой механизмов завода и их обслуживание также устанавливалась персональная надбавка в размере шестидесяти рублей.

Так с подачи Г. И. Александрова на рыбацком флоте появилась новая должность — капитан-директор.

Первая зимняя навигация АКО

Долгое время считалось, что зимние плавания на Камчатку невозможны. Обычно навигация на берегах полуострова завершалась в конце октября, а последний пароход рейса Владивосток — Петропавловск — Владивосток, нередко с заходом в один из японских портов, возвращался домой в ноябре, в крайнем случае — в начале декабря. После этого морская связь области с миром обрывалась и была возможна только при помощи собачьих упряжек по сухопутью или, позже, — посредством радиотелеграфа.

Первые попытки выполнить зимние рейсы были предприняты в 1920-х гг., хотя ещё в 1919 г. местные власти, обращаясь к правлению Добровольного флота — основного в то время снабженца Камчатки, — просили «рассеять создавшееся мнение о невозможности зимнего рейса в Петропавловск».

В январе 1922 г. первое такое плавание выполнило гидрографическое судно «Охотск», отправленное по решению «особого по Охотско-Камчатскому краю совещания». Оно действовало во Владивостоке при правительстве братьев Меркуловых, предназначалось для оказания «культурно-экономической помощи, улучшения казённого имущества и хозяйства в крае, выяснения нужд и желаний местного населения».

Необыкновенно ранний поход «Охотска» должен был упрочить влияние этого правительства. Намечалось, что «Охотск» после непродолжительной стоянки отправится обратно во Владивосток. Но льды, сковавшие Авачинскую губу, не позволили ему сделать этого до апреля 1922 г.

Опыт «Охотска» длительное время оставался не востребуемым: первая полноценная зимняя навигация на Камчатке состоялась в ноябре 1930 — марте 1931 гг. и выполнялась силами недавно появившегося транспортного флота АКО.

25 ноября 1930 г. с продовольствием в плавание по маршруту Владивосток — Петропавловск — Командорские острова — Усть-Камчатск — Петропавловск отправился пароход «Ительмен» под командованием капитана Е. Д. Бессмертного. В последнем пункте

судно должно было пополнить запасы угля и вернуться во Владивосток. Во время плавания дирекция АКО изменила маршрут парохода, направив его на Западную Камчатку. По выходу из Владивостока он имел триста шестьдесят тонн угля при ежедневной потребности в тридцать. На пути к Камчатке «Ительмен» попал в жестокий шторм и долго отстаивался около острова Шумшу.

Стало ясно, что «выполнение пароходом указанного рейса из-за штормовых погод, очевидно, повлечёт за собой израсходование почти всего имеющегося на нём угля». Перед выходом в рейс капитан получил заверения в том, что для обратного пути в Петропавловске для него будет запасено триста тонн топлива. В случае его отсутствия «Ительмен» ждала зимовка, результатом которой могли стать срыв не только завоза снабжения, но и ремонта из-за того, что здесь не было предприятий, способных его выполнить.

Для предотвращения возможного простоя начальник морского управления АКО Чучкин обращался к «соответствующим органам о гарантированном закреплении за пароходом “Ительмен” потребного ему количества угля из пришедшего Совторгфлоту с пароходом “Томск”».

После обхода западного побережья полуострова «Ительмен» направился в Петропавловск. Здесь, понимая важность налаживания круглогодичного движения судов на Камчатку, готовились к его встрече, а также к приёму других пароходов. 3 декабря 1930 г. Чучкин издал приказ об организации погрузо-разгрузочных работ: «Товарищи! В ближайшие дни в наш порт прибывают из Владивостока почти одновременно три парохода: “Орочон”, “Коряк” и “Якут”. В одно время с ними из рейса на западное побережье возвращается сюда пароход “Ительмен”. Все эти пароходы заполнены до отказа, согласно полученным из Владивостока сведениям, необходимейшими для Камчатки грузами. Они должны выйти от нас в обратный рейс к месту зимовки возможно скорее.

Всякий лишний день их простоя создаёт вполне реальную угрозу в смысле не только с осложнением условий разгрузки, но и возможности вынужденной зимовки пароходов здесь, в порту. Вы сами понимаете, что этого допустить нельзя! Тяжесть условий плавания в здешних водах в это время года вам известна. Трудности эти будут увеличиваться с каждым днём. Наш долг закончить выгрузку как можно скорее.

Я призываю всех сотрудников морского и автогужетранспортного управлений к дружной совместной работе. Каждый сотрудник должен чётко уяснить себе всю серьёзность стоящей перед

ним задачи и все свои силы отдать на её выполнение. В этом наш долг, и этот долг мы должны выполнить. Только в коллективном упорном труде — залог успеха.

Пусть каждый вложит свой опыт, свои знания и способности в это дело. Пусть каждый работает не за страх, а за совесть. Предупреждаю, что всякое разгильдяйство, халатность, недобросовестное отношение к своим обязанностям будут пресекаться самым решительным образом вплоть до предания суду, невзирая на лица. Дружно за дело, товарищи!»

Успешной и быстрой обработке судов в Петропавловске препятствовало отсутствие в здешнем порту какого-либо технического оснащения и достаточного количества рабочей силы. Из-за того, что ковш был забит льдом, а ледокола на Камчатке в то время ещё не было, пароходы не могли подойти к единственному деревянному причалу. Грузы из их трюмов судовыми стрелами снимались на лёд, затем отвозились к складам на санях.

21 января 1931 г. новый руководитель АКО — директор-распорядитель Б. И. Гольдберг — телеграфировал из Владивостока морскому управлению в Петропавловске о важности поддержания круглогодичного движения судов на полуостров: «Придавая огромное значение зимним рейсам на Камчатку и необходимости возвращения “Коряка” во Владивосток, просим принять самые энергичные меры к успешной разгрузке всех грузов. Организуйте выполнение всех этих работ ударно, путём соцсоревнования, установив премиальные команде, артелям грузчиков, наладьте быструю отвозку грузов со льда гужем (на лошадях. — С. Г.). О ходе разгрузки информируйте ежедневно. “Эскимос” выходит двадцать второго».

23 января 1931 г. пароход «Коряк», двигаясь в Авачинской губе в торосистом льду толщиной до полуметра, получил в носовой части возле ватерлинии вмятины по обоим бортам. В акте его осмотра сделан вывод, что суда подобного типа могут использоваться для зимних плаваний на Камчатку лишь «в случае величайшей необходимости, так как только благодаря случайности судно не дало течи, что будет неизбежно при дальнейших манёврах во льду».

Между экипажем «Коряка», возглавляемым капитаном С. С. Годлевским, и морским управлением возникло противостояние из-за оплаты работ по распиловке льда для подготовки судна к выгрузке. Получив от Гольдберга приведённую выше телеграмму и приказ Чучкина, команда «Коряка», не договариваясь об оплате, ударно трудилась в течение четырёх суток. По окончании работ старший

помощник капитана В. Филимонов составил ведомость, оплатить которую АКО отказалось. Экипаж также не получил полагающейся ему премии. Это дело дошло до высшей инстанции — камчатского окружного комитета ВКП(б). 24 марта 1931 г. власти рекомендовали АКО «немедленно произвести расчёт с командой парохода за произведённые работы». Попутно партийцы обращали внимание «на рваческие настроения администрации парохода “Коряк”». Вряд ли подобное отношение к морякам, выполнившим, по сути, опытный поход, способствовало приливу у них трудового энтузиазма.

12 февраля 1931 г. дирекция АКО, подводя итоги первой зимней навигации, приняла постановление по докладу морского управления, в котором отмечались характерные недостатки в его деятельности, в частности, «в целом беспечное отношение с его стороны к наблюдению за прохождением парохода “Якут” зимним рейсом из Владивостока. Немедленно установить связь и наблюдение за ним, и в течение круглых суток следить за его прохождением...

Считать недопустимым, что никто из управления никогда не осматривает пароходов ни по прибытии, ни до отхода, что никем не устанавливается степень необходимости хозяйственных ремонтов. Принять самые срочные меры к изжитию в дальнейшем подобных явлений, граничащих с преступной небрежностью...»

Снабжение Охотско-Камчатского края в 1928—1930 гг., несмотря на формальное стопроцентное выполнение задания, из-за несвоевременной доставки товаров и продуктов в отдельные районы оказалось неудовлетворительным. Это стало возможным как из-за отсутствия на Дальнем Востоке необходимого количества судов, так и вследствие «бесплановости, являющейся результатом отсутствия оперативного и бухгалтерского учёта». Основное количество грузов на Камчатку в это время перевозили пароходы Совторгфлота, собственные, а также советские и фрахтованные иностранные — японские, английские, китайские.

Недостаточное снабжение огромной территории продовольствием привело во многих районах к голоду, сопровождавшемуся вспышками цинги. По сведениям, пришедшим 29 апреля 1931 г. из Уэлена, «население района жило впроголодь». В этом же месяце с Шантарских островов сообщали о том, «что заболеваемость в 1931 г. была значительно выше и разнообразнее, чем за прошлое время». Кихчикский рыбопромысловый район также телеграфировал о неудовлетворительном снабжении, приведшем к нехватке продуктов для детей. Козыревск докладывал о «большой заболеваемости

цингой... необходимости увеличить нормы», такие же вести шли и из Анадыря.

По словам Б. И. Гольдберга, эти «прорывы были частично восполнены снабженцами (судами. — С. Г.) АКО. Не будь у АКО собственных пароходов, Камчатка имела бы огромные трудности в самые тяжёлые периоды года. Эти же суда спасли положение и в 1930 г., проделав впервые в водах Тихоокеанского бассейна так называемые “ледовые походы”. Считавшееся до 1930 г. невозможным сообщение материка с Камчаткой в зимний период преодолено снабженцами АКО».

Так в начале 1930-х гг. были окончательно рассеяны сомнения о необходимости иметь в составе АКО морской транспортный флот. «Ещё раз отмечу, что только героические походы снабженческих пароходов АКО частично могли восполнить пробелы 1930 и 1931 гг.», — писал по этому поводу Б. И. Гольдберг.

Тревожный рейс «Буревестника»

К началу 1934 г. АКО располагало морским транспортным флотом с общей грузоподъёмностью шестнадцать тысяч шестьсот тонн, состоявшим всего из четырёх пароходов. В этом году на Камчатку предполагалось завезти около двухсот пятидесяти тысяч тонн различных грузов, из которых собственными силами общество должно было переработать более ста тысяч. Для усиления своего флота оно получило несколько наибольших судов: бывший пароход Совторгфлота «Колыма» и пять паровых рыболовных траулеров.

Пополнение образовало так называемую «каботажную» группу. Траулеры «Дальневосточник», «Блюхер», «Буревестник», «Восток» и «Палтус» были построены в 1929—1931 гг. за границей и являлись вполне современными. Ранее они принадлежали владивостокскому Тралтресту, закрытому за «неперспективность». Первые годы в составе АКО траулеры не использовались по своему прямому назначению — для лова рыбы. Они выполняли роли транспортов или портовых ледоколов. «Дальневосточник» с 1936 г. служил в качестве пассажирского и административно-разъездного судна и ходил по особо разработанному для него расписанию по камчатским побережьям. Так пытались восполнить отсутствие на полуострове собственного пассажирского судна.

Траулеры могли перевозить около двухсот тонн груза, чего вполне могло хватить для снабжения, например, одного-двух комбинатов.

Как показал опыт, каботажная группа АКОфлота оказалась в камчатских условиях весьма удобной и подвижной, её суда постоянно и значительно перевыполняли планы перевозок, их оборачиваемость была значительно выше, чем крупнотоннажных пароходов.

Вечером 7 мая 1936 г. «Буревестник» под командованием капитана П. А. Глинского вышел из Петропавловска на западное побережье. На борту находилось сто двадцать тонн палубного груза (двадцать две тонны горючего в бочках и трубы) и сто пятьдесят пассажиров. В числе последних были четверо сотрудников НКВД, пограничники, краснофлотцы, стахановцы комбинатов, женщины с детьми и работники политотдела АКО. Стахановцы разместились в первом трюме, краснофлотцы, женщины и дети — во втором, сотрудники НКВД — в каюте, а остальные пассажиры расположились с вещами на машинном кожухе.

Траулер «Буревестник» был построен в мае 1930 г. в Данциге (Германия). Вместимость сто семьдесят две регистровых тонны, водоизмещение пятьсот сорок четыре тонны. Длина сорок девять с половиной, ширина восемь с половиной, осадка четыре с небольшим метров. Главная паровая машина системы «Ленц» мощностью шестьсот «лошадей» обеспечивала ему среднюю скорость хода восемь узлов. Запас угля двести, воды — сто шестьдесят тонн. Судно имело траловую лебёдку с тяговым усилием двенадцать тонн и две стрелы грузоподъёмностью одну и полторы тонны. Его экипаж насчитывал тридцать человек.

Перед выходом в море «Буревестник» не получил сводки погоды. В начале плавания ничего не предвещало осложнений. С пяти часов утра 8 мая задул попутный ветер, увеличивая ход до восьми узлов. Ветер постепенно усиливался и к середине дня превратился в циклон. Сообщение об ухудшении погоды пришло на судно с опозданием, в то время, когда вокруг уже бушевал одиннадцатибалльный ураган, представлявший для небольшого судна очень серьёзную опасность.

Как только волны стали захлёстывать палубу, находившимся там пассажирам предложили спуститься в трюм. Те вещи, которые они не взяли с собой, вскоре были смыты за борт. После полудня шторм усилился настолько, что волны стали полностью накрывать траулер и срывать палубный груз. Его перемещение создало крен судна, мощная волна захлестнула кочегарку и машину, разметав по ним уголь и шлак, которые попали в льяла и засорили водоотливную систему.

В одиннадцать часов 8 мая был объявлен аврал. Матросы, руководимые старшим помощником капитана П. Д. Киселёвым, работали на палубе: они с риском для жизни сбрасывали находившийся здесь груз за борт. От сильной качки бочки и трубы, перемещавшиеся по палубе, наносили повреждения оборудованию судна.

В машине боролись за живучесть судна кочегары, механики и машинисты, возглавляемые старшим механиком Н. Г. Оборотовым (Николай Григорьевич Оборотов скончался 8 марта 1950 г. Его могила, одна из немногих, сохранилась на старом городском кладбище на четвёртом километре). Уровень воды здесь медленно повышался и вскоре подошёл под мотыли главной машины. Плававшие в воде шлак и мусор попали в её движущиеся части, машина стала греться. В это же время в кочегарке вода залила среднюю топку парового котла, что угрожало его взрывом. Давление пара упало, машина остановилась, судно осталось без хода и управления. Вода, поступавшая из румпельного отделения в кормовые жилые помещения, серьёзно повредила каюты комсостава.

Среди части пассажиров началась паника. «Здесь проявил малодушие... помощник по комсомолу Микояновского комбината, который пускал разговоры о том, что тральщик гибнет». Для предотвращения паники командование судна мобилизовало пассажиров на помощь экипажу. В течение суток они вручную вёдрами отливали воду из кочегарки и машины. В этой чрезвычайной обстановке не лучшим образом повели себя сотрудники НКВД. Один из них «забегал в трюм, выгоняя пассажиров на отливку воды, угрожая им револьвером, а также лез не в свои сани в части распоряжений, за что старший помощник Киселёв его неоднократно одёргивал». Наиболее организованными оказались самоотверженно трудившиеся политотдельцы, стахановцы и военнослужащие. С их помощью машина и кочегарка были осушены, судно получило ход.

С четырёх часов утра 9 мая шторм стал стихать, но вода прибывала в кормовые помещения. Машина, загрязнённая углём и мусором, по-прежнему грелась. Капитан запросил управление АКО о разрешении прекратить рейс и возвратиться в Петропавловск, на что получил согласие.

Но с прибытием в порт испытания для экипажа не закончились — здесь разразился шторм пострашней, чем в море. Сразу же после прихода траулера началось расследование происшествия. «И вот местные следственные органы, военный прокурор... повели следствие по этой аварии. Следствие велось тринадцать дней, было допрошено шестнадцать человек. Этот следственный зуд... держал

в напряжённом состоянии весь экипаж. Каждый думал, что вот-вот пришьют дело. А следствие велось именно под этим углом...»

Местная военная прокуратура, занимаясь поисками «диверсионных актов», явно переусердствовала. Происшествие вначале должна была расследовать аварийная комиссия Петропавловского порта, и только после этого дело могло быть передано в прокуратуру для привлечения виновных к ответственности. Итоги, к которым в 1936 г. могло привести служебное рвение карательных органов, нам теперь хорошо известны.

Виновников аварии, «к великому огорчению местных органов», не нашли. Напротив, бюро обкома ВКП(б) и начальник АКО И. А. Адамович объявили экипажу благодарность за то, что «он с честью выполнил долг советских моряков в борьбе со стихией». Определённую роль в благополучном окончании дела сыграло заступничество ехавших на траулере политотдельцев. 17 мая 1936 г. в докладной записке своему руководителю — заместителю начальника политсектора АКО В. Т. Ершову они высоко оценивали самоотверженную и слаженную работу командиров и рядовых моряков.

«Благодаря нерастерянности командования судна и лично капитана товарища Глинского и помполита товарища Петрова, были приняты меры по спасению людей из кормовых кают и трюма, а также мобилизована была вся команда и пассажиры на откачку воды, задраивание отдельных люков. Горячее участие принимали политотдельцы, стахановцы и ехавшие пограничники-красноармейцы и краснофлотцы. Благополучный исход относим исключительно к находчивости командования судна, которое, несмотря на личный материальный ущерб, понесённый во время шторма, даже лишившись кают, вело борьбу со стихией за спасение судна».

Под понятие «диверсии» в 1936 г. легко могло попасть обычное техническое происшествие. В отчётных материалах, представляемых командованием судов руководству АКО, содержался особый раздел, носивший название «Диверсионные акты». В качестве одного из них, якобы имевшегося на «Буревестнике» в июле 1936 г. во время плавания по Западной Камчатке, называлось обнаружение гайки «неизвестного происхождения» в цилиндре главной машины. «Из-за этого поломался парораспределительный клапан». Попадание крепёжных деталей парораспределительных устройств в закрытые полости машин не было редкостью. Но при желании из него можно было сделать далеко идущие выводы. «Расследова-

ние этого дела не установило, кто и когда мог подбросить эту гайку. Но ясно одно, что она была подброшена с целью повредить главную машину».

После возвращения в порт на траулере был произведён текущий ремонт. Уже в июне его экипаж включился в социалистическое соревнование предприятий Наркомата пищевой промышленности СССР, взяв на себя обязательства выполнить годовой план: к 19-й годовщине Октябрьской революции 1917 г. сделать восемнадцать рейсов и перевезти четыре тысячи четыреста тонн груза. При этом увеличить скорость хода на один узел и снизить расход угля на две тонны в сутки.

«В своей работе мы применяем “кривоносовский метод” — увеличение скорости машины и форсировки котла (назван так в честь П. Ф. Кривоноса, одного из инициаторов стахановского движения, поднявшего почти вдвое скорость движения паровозов. — С. Г.). Увеличили скорость хода вместо шести миль до семи. Если в прошлый год мы давали девяносто — девяносто пять оборотов нашей машине, то теперь даём сто — сто пять...», — сообщал помполит судна. При этом на «Буревестнике» с момента постройки не производились капитальный ремонт механизмов и докование. Хорошее состояние механизмов являлось заслугой его старшего механика Н. Г. Оборотова и членов машинной команды, среди которых выделялся стахановец кочегар Чаплыгин.

Годовой план перевозок 1936 г. уже к концу сентября был выполнен на девяносто процентов. Только за последний рейс на восточное побережье через руки команды прошло семьсот тонн грузов.

В соответствии с графиком, в декабре 1936 г. «Буревестник» встал на зимний ремонт в Петропавловске в бухте Раковой. Среди экипажа и судоремонтников развернулось соревнование. «Ряд товарищей из экипажа дают стахановские нормы выработки. Боцман Фесенко перевыполняет норму на двести-триста процентов, матросы Хван и Рывкин — на сто пятьдесят — двести процентов. В машинной команде особенно отличились товарищи Зайков — третий механик, Лесовой — машинист, Степанов — машинист».

Бытовые условия экипажей судов АКОфлота в 1930-х гг. оставляли желать лучшего. Так, команда «Буревестника» жаловалась на однообразное питание и плохое снабжение промышленными товарами. По сообщению помполита судна И. И. Петрова, «в ряде случаев некоторым лицам из экипажа нечего одеть, так как негде приобрести себе костюм, ботинки. Когда мы требуем организовать

для моряков особый магазин, или что-нибудь вроде этого, то работники Снабторга прикрываются тем, что они этим нарушают свободную советскую торговлю. Подобное неудовлетворение моряков увеличивает текучесть кадров, а также создаёт у них настроение выезда с Камчатки». Из-за того что «торговая сеть моряков не удовлетворяет» предлагалось организовать на судах АКО по примеру Мурманского тралового флота судовые лавки, «где бы моряк в любое время смог для себя приобрести нужный ему товар».

Недовольство моряков усиливалось задержкой зарплаты. К концу сентября 1936 г. она достигла пяти месяцев. Команда на общем собрании решила обратиться с жалобой на задолженность к самому наркому пищевой промышленности А. И. Микояну. «Казалось бы, что управление АКОфлота должно особенно проявить заботу об экипаже “Буревестника”, который за 1934, 1935 и 1936 гг. идёт в первых рядах по выполнению плана грузоперевозок... Эта задержка зарплаты очень пагубно отразилась на текучести кадров... Сейчас осталось старой команды, работавшей в 1934—1935 гг., только семь человек... В настоящее время качество кадров невысокое».

Названные недостатки, по мнению помполита, «расшатывают трудовую дисциплину. Нарушения труддисциплины проявляются, главным образом, в пьянстве». Нарекания моряков вызывало также «совершенно неорганизованное культурное обслуживание в порту».

Вот как они самостоятельно скрашивали свой досуг. Библиотека траулера насчитывала шестьсот книг. Часто проводились «групповые читки отдельных моментов “Поднятой целины” и рассказов Пантелеймона Романова», а также газет «Камчатская правда» и «Камчатский комсомолец». Для этого на судне имелись «специально выделенные чтецы» — матросы Ужвенко и Кравцов.

За 1936 г. экипаж выпустил четырнадцать стенных газет. На судне имелся струнный оркестр из шести человек, были две гитары, две гармони-двухрядки, четыре мандолины. Музыку можно было послушать и на виктролах (патефонах), три из которых принадлежали членам команды. Достижения самодеятельных артистов траулера показывались на вечерах моряков, организуемых политсектором АКО в клубе общества.

На траулере работала организация Осоавиахима, охватывавшая восемнадцать человек. Они провели восемь занятий по стрельбе. Хорошими, как тогда говорили «ворошиловскими», стрелками стали моряки Карев, Ужвенко, Хван и Рывкин. Во время стоянки

в порту командование судна договорилось с областным советом Осоавиахима о присылке инструктора «по приёмке норм на значок ворошиловского стрелка». Это была очень почётная спортивно-оборонная награда, названная по имени наркома обороны Маршала Советского Союза Климента Ворошилова, очень известного в стране человека.

В 1938 г. траулер передали из АКОфлота в Морлов АКО. В мае этого года после восстановления промысловых механизмов он впервые вышел на промысел. В 1939 г. судно вновь работало как транспорт. В годы войны «Буревестник» промышлял камбалу, неоднократно перевыполняя установленные планы: в 1943 г. он добыл двенадцать с половиной тысяч центнеров вместо семи. По результатам работы за первый квартал 1943 г. его экипаж был награждён премией Центрального Комитета профсоюзов и Наркомата рыбной промышленности СССР в размере тридцати тысяч рублей. В 1944 г. судно прошло ремонт в США. В 1950-х гг. оно продолжало успешно работать в составе камчатского тралового флота.

Как «Орочон» спасал «Симу»

В 1935 г. на расширение морского флота АКО правительство СССР выделило миллион рублей. На эту сумму общество закупило за границей несколько уже использовавшихся транспортных, которые начали прибывать на Камчатку осенью 1935 г. 10 октября в Петропавловск пришёл пароход «Сима». Он сразу же включился в работу по снабжению камчатского побережья и вывозу продукции с расположенных там рыбокомбинатов.

В следующем 1936 г. работа «Симы» началась 12 февраля рейсом из Петропавловска на западное побережье и затем до Владивостока. 13 февраля на общесудовом собрании экипаж «проработал» рейсовое задание. Для палубной команды был составлен ежесуточный план обработки каждого трюма. Машинная команда «расписала» между собой отдельные механизмы.

Во время рейса отличились матросы Беликов, Деев, Суконов, Краснов, третий помощник капитана Крикун, кочегары Постак и Панин, машинисты Шнек и Сафронов, получившие по окончании плавания денежные премии. Вместо положенной «люкосуточной» нормы выгрузки на трюм в девяносто тонн фактически обрабатывалось до ста девяноста. В итоге план был перекрыт почти

вдвое. Второй рейс по маршруту Владивосток — западное побережье Камчатки — Владивосток длился с 4 мая по 7 июня и также прошёл успешно.

Следующее плавание со снабженческим грузом и рабочими для рыбокомбинатов из Владивостока на восточное побережье Камчатки «Сима» начала 23 июня 1936 г. Пароход под командованием капитана Якимова отправился в Находку за бункеровочным углём, погрузка которого заняла четверо суток. Затем ранним утром 28 июня судно снялось в Петропавловск.

«Сима» — сухогрузный пароход. Построен в 1923 г. в Лютене (Германия). Грузоподъёмность три с половиной тысячи тонн, скорость хода девять узлов. Имелось шесть пассажирских мест. Запасы угля тысяча, воды — девятьсот сорок тонн. Четыре трюма, девять паровых лебёдок грузоподъёмностью по пять тонн. Длина сто три, ширина пятнадцать, осадка с полным грузом почти семь метров. Пароход населял экипаж в пятьдесят три человека.

В море на специально организованных занятиях пассажиры и команда познакомились с проектом Сталинской Конституции. Его одобрили, слушатели в ходе обсуждения задали докладчикам полторы сотни вопросов, семнадцать моряков высказали своё мнение при обсуждении докладов.

30 июня 1936 г. пассажирам, подавляющее число которых ехало на Камчатку впервые, была предложена лекция о природных условиях полуострова. Её прочитал один из сотрудников находившейся на пароходе научной экспедиции. Лекция собрала около трёхсот человек и вызвала большой интерес. На 3 июля наметили провести с пассажирами беседу о рыбной промышленности, но последовавшие вскоре события заставили её отложить.

Вечером 2 июля, следуя в плотном тумане, «Сима» приблизилась к берегу и выскочила на камни. Берег с борта судна был замечен в половине восьмого вечера, когда до него оставалось всего несколько десятков метров. Машине тут же был дан полный задний ход, но остановить пароход не удалось. Днище «Симы» оказалось пробито. В месте расположения угольных бункеров корпус пронизала гряда острых скал.

Туман для судов того времени, не имевших радиолокаторов и эхолотов, являлся серьёзной опасностью. Во время движения «Сима» подавала гудки, но эхо, отражавшееся от прибрежных скал, было принято на ней за сигналы встречного судна. Из-за тумана никак не удавалось определить точное место положения парохо-

да. Судя по показаниям лага, он находился в районе Четвёртого Курильского пролива, однако, как выяснилось позже, оказался южнее — возле острова Онекотан.

Тот принадлежал Японии. Неподаляку от него располагалась её военно-морская база. Отношения между Японией и СССР в середине 1930-х гг. были напряжёнными, незадолго до описываемых событий между сторонами имела место пограничная напряжённость в Посьетском районе.

Отдельные пассажиры, особенно впервые находившиеся в море, растерялись, считая, что они попадут в плен к японцам или погибнут от шторма. Помполит «Симы» Евфграфов и коммунисты беседовали с людьми, разъясняя им обстановку и подбадривая упавших духом. Часть партийцев закрепили за трюмами, в которых размещались пассажиры. Так удалось избежать возникновения среди них паники.

«Сима» стала готовиться к встрече японских властей. На ней среди прочих пассажиров находились около шестидесяти военно-служащих. Совецание администрации парохода, коммунистов и командиров решило переодеть их в штатское, а форму, воинские и партийные документы спрятать. Начальник строительства спиртового завода, следовавший с семьёй на судне, снабдил их новыми документами. Его жена выписывала необходимые удостоверения, тут же для них придумывали должности и квалификации, а также сочиняли различные адреса. Затем были составлены новые списки пассажиров.

Эти старания оказались ненапрасными. Вскоре к «Симе» подошла шлюпка с пятью японцами, двое из них поднялись на паром. Несколько рабочих на палубе «стрельнули» у них по сигаретке. Прибывшие пробыли на капитанском мостике около часа. Они интересовались пароходом, судовыми документами и грузами.

После первого посещения парохода японцами его командование провело «широкую разъяснительную работу с массами», запретив им вступать в контакт с иностранцами. В следующий раз с двух эсминцев на катере и шлюпке прибыли ещё восемь японцев. Среди них был переводчик. Визитёры вновь поднялись на мостик, снова расспрашивали о месте назначения и характере груза. Особенно интересовались количеством пассажиров, а также смотрели их списки. На сей раз все люди пребывали в трюмах. Японцы опять пробыли на судне около часа, опечатали судовую радиостанцию, но позже разрешили ею пользоваться.

Сразу же после аварии «Сима» пыталась сняться с камней самостоятельно. Для этого с кормы были заведены два якоря, машина на полную мощность работала задним ходом. Но усилия оказались тщетными. Следующая попытка, предпринятая с наступлением прилива, тоже была неудачной.

«Сима» дала радиогаммы в АКО и находящимся в море судам с просьбой о помощи. Вскоре к месту аварии подошёл пароход АКОФлота «Орочон». Руководителями спасательной операции АКО назначило капитана «Орочона» Г. И. Александрова и помполита В. Г. Лопырева. Начальник АКО И. А. Адамович приказал капитану «Симы» Якимову выполнять все распоряжения Александрова, которого уполномочил «поступать по спасению “Симы” так, как это будет требовать дело». Александрову следовало ежечасно оповещать руководство общества о ходе работ.

Несколько раз «Орочон» пытался стянуть «Симу» с камней. На него были заведены буксиры, которые в силу ветхости быстро рвались. Стало ясно, что без облегчения «Симы» снять её не удастся. Для этого решили передать с аварийного судна на «Орочон» пассажиров и наиболее ценные грузы. Это сделали с помощью пятнадцать кунгасов, которые «Сима» везла с собой на палубе. Лопырев доложил руководству АКО о том, что все они спущены и силами девятнадцати бригад, собранных из пассажиров, началась выгрузка содержимого трюмов. Лучшей бригаде обещана премия в размере тысячи рублей. Некоторые из пассажиров «Симы» работали очень хорошо, за что получили благодарность от командования судна. Каждому из них позже выдали на руки копию приказа по судну о поощрении.

Кунгасы перемещались от судна к судну по заведённым между ними леерам. Таким способом на «Орочон» передали восемьдесят тонн смолы, семьдесят тонн угля и прочее, а также шестьсот ящиков с консервными банками. Некоторое количество малоценного груза пришлось выбросить за борт.

При пересадке пассажиров среди них возникло недовольство: двенадцать семей оказались разъединёнными. Причиной этого стал приказ японцев «Орочону» немедленно выйти в нейтральную зону, то есть за пределы трёхмильной полосы от берега. 5 июля из Петропавловска пришло разрешение «Орочону» работать в японских водах, и на следующий день семейства воссоединились.

Растерянности среди экипажа не было, на заводке якорей, буксиров и лееров он сплотно работал почти круглосуточно. Особенно отличились боцман Беликов, матросы Харичков, Турпак,

Суконов, Деев, Ильченко, старший механик Башков, второй помощник капитана Кадет. Но не все трудились не за страх, а за совесть. Во время пребывания «Симы» на камнях два члена её экипажа были уволены с судна. Один из матросов отказался выйти на заводку леера на «Орочон», кочегар, назначенный на лебёдку для выгрузки угля, явился к ней пьяным. Водка продавалась кем-то из пассажиров, которого, несмотря на ряд обысков, найти не удалось.

7 июля руководство АКО рассматривало возможность доставки на «Симу» водолазов со спасательного судна «Кит». Очередная сводка о ходе аварийных работ гласила: «Переброска водолазов Бондаренко и Шубникова со спасательного судна “Кит” самолётом к месту аварии “Симы” (полусутки хода от Озерной). Пароход “Орочон” вчера пытался стянуть — не удалось. Необходима быстрая разгрузка. Поперёк бункеров проходит гряда камней. Выгрузка самого ценного на “Орочон” (капитан Александров). Вечером в двадцать два часа пытаемся в третий раз стягивать облегчённую от груза “Симу”. Положение с принятыми уже пассажирами серьёзное из-за отсутствия на “Орочоне” специальной организованной кухни. Организовали выдачу сухого пайка, берём его из груза. Денег на оплату у большинства вербованных пассажиров нет».

Стягивать «Симу» больше не пришлось — к вечеру 7 июля облегчённый пароход самостоятельно всплыл, сойдя с камней. Капитан Якимов направил в АКО следующую радиограмму: «Двадцать часов пятнадцать минут... Судно всплыло, на станových якорях стянулся на глубину... Креплю кунгасы по-походному, прибыва воды нет, успеваем откачивать».

Капитан Александров предложил «Симе» подойти к «Орочону» для выяснения её способности самостоятельно продолжить плавание. «В случае благоприятного исхода готов был её конвоировать без перегрузки и снятия пассажиров в Петропавловск. Погода туманная, собираемся поднимать на борт кунгасы. “Сима” надеется дойти своим ходом».

На следующий день Г. И. Александров оповестил руководство АКО: «Восьмого в пять утра вышел в Петропавловск. “Сима” идёт впереди нас». Утром 9 июля он связался с «Симой» и получил от неё следующий ответ: «Погода ясная, подхожу к берегу, помощи не нужно, следую в Петропавловск. Привет. *Якимов*».

Так закончилась операция по спасению «Симы». За неё командование «Орочона» получило благодарность от руководства АКО, а рядовые моряки — премию и оплату сверхурочных работ.

Командному составу премию не дали, что вызвало его законное недовольство, дошедшее до начальника политсектора АКО. Последний телеграфировал на «Орочон» помполиту Лопыреву: «Награждение за снятие “Симы” выразилось благодарностью начальника АКО командованию парохода и двумя тысячами рублей премии, также сверхурочные полагаются только лишь рядовому составу. Никто не мешал Вам вместе с капитаном, находясь в Петропавловске, уточнить этот вопрос личным докладом начальнику АКО...»

Впрочем, справедливость восторжествовала. 31 октября 1936 г. начальник АКО издал следующий приказ. «Пароход “Орочон” провёл успешно работу, в частности по оказанию помощи пароходу “Сима”, успешное выполнение снабженческого рейса в северной части западного побережья Камчатки. Хорошие темпы работы “Орочона” вместе с Микояновским комбинатом обеспечили погрузку рыбопродукции. В связи с этим приказываю премировать капитана парохода “Орочон” товарища Александрова оплатой путёвки для лечения за счёт АКОфлота, а также увеличить ему отпуск сверх нормального на срок, необходимый для лечения.

Помполита Лопырева, стармеха Ковалёва, старпома Дудникова — премировать месячным окладом. Для премирования остальных работников экипажа, командного состава разрешаю израсходовать к ранее выданным двум тысячам ещё две тысячи. Директору Микояновского рыбокомбината товарищу Шведову и начальнику политотдела... за организацию совместно с пароходом успешной погрузки рыбопродукции объявляю благодарность и разрешаю за счёт комбината израсходовать две тысячи рублей на премирование... участвовавших в погрузочных работах».

Виновником аварии был признан капитан «Симы». «Не были соблюдены элементарные правила судовождения — не было вперёдсмотрящего, шли в тумане полным ходом при повороте в пролив, при виде выступления прямо по носу скал, четвёртый помощник проявил растерянность, да к тому же не имел права капитан ставить его одного на вахту».

В Петропавловске начался ремонт «Симы». Док здесь отсутствовал, поэтому решили ограничиться тем, что днище парохода в местах повреждений залили бетоном. Его, в общей сложности, израсходовали почти сто пятьдесят тонн. В очередное плавание пароход вышел уже в августе 1936 г. Его экипаж возглавил новый капитан. Рейс протекал по восточному побережью Камчатки. Пароход посетил девять пунктов, сдал снабжение и принял рыбопродукцию. За это время отличилась механическая служба. «Коче-

гары 1-го класса Тараканов и Панин во время своих вахт равномерно держали пар на марке в течение всей вахты, благодаря чему на их вахтах машина увеличивала ход парохода до девяти с половиной миль, вместо восьми на других. Экономия угля за сутки шесть-семь тонн... Старший механик Башков судовыми силами организовал работы заводского масштаба — отливку подшипников главной машины. Четвёртый механик Мельников хорошо заведовал палубными механизмами, без простоев по вине лебёдок».

Не обошлось и без происшествий: 1 ноября в Усть-Камчатске при отходе от берега пароход потерял якорь. Здесь же во время выгрузки разбили бочку с суриком, утопили винт для моторного катера и два мешка сахара. Стоимость утраченного «вычли с виновных в тройном размере», после чего потери и порчи груза больше не случалось.

Моряки жаловались на плохое питание: «Отсутствуют свежее мясо, овощи, была солонина и макаронные изделия, остальное заготовить не могли, так как АКОфлотом не были отпущены средства. С половины октября питание удовлетворительное, так как на комбинатах заготовили свежее мясо, картофель. На пароходе нет рефрижераторной установки... Были случаи, когда в июне вышли в рейс на восточное побережье с тысячей килограммов мяса, заготовили во Владивостоке, дошли до Петропавловска — испортилось».

Хотя корпус судна требовал замены около двадцати листов обшивки и части набора, оно работало без серьёзного ремонта до конца 1938 г. С января по июль 1939 г. АКОфлот не давал «Симе» никаких заданий, ссылаясь на невозможность её эксплуатации из-за пробоины, величина которой толком так и не была исследована. В док пароход также не ставили, используя его в качестве плавучего склада. При этом на нём содержался полный штат команды. В конце июля 1939 г. Регистр СССР разрешил «Симе» выход в море, после чего она направилась в рейс на побережье и за лесом на Сахалин. Только в конце 1939 г. пароход был поставлен в очередь на капитальный ремонт на Петропавловской судовой верфи.

Эшелон идёт на восток

Препятствием бурному экономическому развитию Камчатки, начавшемуся в конце 1920-х гг., стало отсутствие на полуострове достаточного количества рабочих рук. Всё население Камчатского округа в ноябре 1927 г. составляло лишь немногим более

тридцати четырёх тысяч человек. При этом на его громадной территории оседло проживало всего двадцать с небольшим тысяч.

Наймом и доставкой на полуостров рабочей силы занималось специальное подразделение АКО — вербовочное бюро (верббюро). Сеть его пунктов была разбросана по всей стране, в первую очередь по исконным рыболовецким местам. Множество людей, не имевших навыков работы на рыбных промыслах, ввозились из центральных областей СССР. Их большая часть ломала привычную жизнь, спасаясь от нужды.

Вот документ, характеризующий достаток завербованных, датированный 28 марта 1933 г. «Мы, нижеподписавшиеся, вербовщик АКО Батраков, от Борского сельсовета товарищ Медведев, в присутствии завербованных рабочих Григорьева и Захарова составили настоящий акт в нижеследующем. Граждане села Несмеяновки Борского района Долгих Павел Степанович и Долгих Матрёна Алексеевна, завербованные АКО в качестве промрабочих, которые самовольно взявшие семью и иждивенцев четыре человека и получившие аванс в сумме сто пятьдесят рублей, граждане Долгих, не желающие ехать без иждивенцев согласно договора, возратить вышеуказанную сумму отказываются, на что и составлен настоящий акт. При описи имущества на месте у Долгих такового не оказалось».

Похоже, что не последнюю роль в том, что это семейство согласилось сниматься с насиженного места и ехать на далёкую, суровую, необустроенную Камчатку, сыграл небольшой денежный «здаток».

Набор отечественной рабочей силы обычно начинался в феврале и длился до самого конца весны. К началу апреля первые работники начинали прибывать во Владивосток. Так, в апреле 1934 г. АКО завербовало тысячу семьсот человек, из них во Владивостоке уже находилось четыреста. Средняя численность работников АКО в этом году составляла пятнадцать тысяч восемьсот сорок шесть человек, из которых в рыбной промышленности трудились десять с половиной тысяч. Наиболее крупными предприятиями общества являлись Кихчикский и Озерновский рыбокомбинаты (тысяча четыреста шестьдесят девять и тысяча двадцать шесть человек соответственно), а также подразделения владивостокской конторы, в которых вместе с работниками здешней жестянобаночной фабрики трудились две тысячи шестьсот тридцать шесть человек. Аппарат дирекции АКО в Петропавловске насчитывал двести восемь служащих.

Постоянный вывоз рабочей силы из одних и тех же мест привёл к сокращению числа тамошних рыбаков. Они, отправляясь вроде бы на сезонную работу на Дальний Восток, назад почти не возвращались, оседая на новом месте. Противодействуя этому, руководители некоторых районов Азово-Черноморского бассейна пытались «затормозить отход ловцов». Так, в 1936 г. в Новороссийском районе «имели место случаи выделения и посылки к нашему пункту вербовки наряда милиции, в задачу которого ставилось препятствовать заходу к нам рабочих, желающих вербоваться на Камчатку». Тем не менее, вместо ожидаемых восьмисот здесь завербовали целых девятьсот сорок шесть человек.

Схожая картина наблюдалась и в Сталинградском крае. Здесь местные власти прямо вербовке не препятствовали, но нанять требуемое количество людей также не позволили. Сократилось и число районов, где разрешался наём. «Особенные препятствия, даже своего рода враждебное отношение к вербовке АКО, мы встречали в Енотаевском районе и в Астрахани, где местными органами власти уже ставился вопрос о выселении нашей вербовочной конторы из города в Харабалинский район, что, несомненно, не только затруднило бы, но даже привело бы к полному срыву всей нашей вербовочной работы».

А вот в Западной Сибири, наоборот, «вербовка в этом году (1936 г. — С. Г.) сопровождалась исключительно благоприятными условиями и помощью со стороны краевых организаций». Здесь АКО пользовалось авторитетом, поэтому план набора был перевыполнен на двадцать два процента (вместо тысячи восьмисот приняли две тысячи двести двадцать три человека). При этом сто семьдесят четыре труженика отправились на Камчатку на три года, заключив соответствующие договоры.

В этом регионе «была поставлена задача переключения рабсилы, главным образом, на сельские местности, так как в прошлые годы рабочие набирались по преимуществу в городах». Особенностью местной вербовки являлось то, что отсюда, в отличие от европейской части СССР, вместе с рабочими на полуостров отправлялось небольшое количество домохозяев: помянутые выше две тысячи двести двадцать три работника захватили с собой всего лишь шестьдесят одного члена семьи. АКО с удовлетворением отмечало, что «такой незначительный процент иждивенцев значительно удешевляет плановую стоимость вербовки одного рабочего по этому краю».

Давших согласие ехать на Камчатку ждала долгая дорога: в пути они нередко находились два и более месяца. Вот как была

организована доставка людей на полуостров в 1936 г. В соответствии с планом, сюда предполагалось доставить тринадцать тысяч шестьсот сорок четыре человека, из них тысячу шестьсот сорок четыре — с Дальнего Востока, а двенадцать тысяч — из Сибири и центральных областей СССР. В декабре 1935 г. заявка на рабочую силу была увеличена: теперь только для рыбного управления АКО требовалось двенадцать тысяч триста шестьдесят человек.

В ноябре 1935 г. правительство определило численность рабочей силы в девять тысяч девятьсот человек. Начать вербовку оно решило 16 января 1936 г. Всего набрали девять тысяч сто семнадцать человек. Их сопровождали две тысячи четыреста семьдесят девять иждивенцев, в том числе тысяча триста пятьдесят четыре ребёнка. Первые два эшелона с людьми двинулись во Владивосток по железной дороге 18 и 22 февраля 1936 г. К лету сюда прибыло, в общей сложности, девять тысяч шестьдесят шесть завербованных. Во Владивостоке по медицинским причинам отсеялось ещё шестьдесят работников, которых пришлось отправить обратно. Это свидетельствовало о том, что врачебные комиссии на местах не уделяли достаточного внимания медицинскому осмотру людей, направлявшихся в столь дальний путь.

Сложности с отправкой эшелонов возникли из-за несвоевременного получения средств от Госбанка. Поздний перевод денег едва не сорвал отправку из Сызрани последнего, самого большого состава, насчитывавшего свыше полутора тысяч человек. По плану он должен был выйти 28 апреля 1936 г., но первый денежный перевод пришёл только 27 апреля. В результате рабочие не получили авансов. Части из них выдали деньги уже в пути, часть догоняла эшелон пассажирскими поездами. В ряд районов средства не поступили «вследствие наступления Первомайских праздников», поэтому более двухсот человек ехали до Новосибирска за свой счёт. Здесь только на девятый день после отправки уполномоченный АКО выплатил причитающиеся им деньги.

Такое несвоевременное финансирование, по мнению представителей АКО, «могло сорвать отправку, так как рабочие... могли просто отказаться от посадки... Завербованные могли разойтись в пути следования, что привело бы АКО к большим материальным убыткам». Отсрочка отправки вагонов вызвала их простой, за который обществу пришлось уплатить крупный штраф.

Эшелоны с рабочими включали вагоны-изоляторы, лавки, клубы. Руководящий состав ехал в специальном вагоне, в котором также размещалась канцелярия. Отправку эшелонов затруднило сокра-

щение числа предоставляемых вагонов: в феврале их подали только восемьдесят вместо девяноста семи, а в марте — сто шестьдесят вместо двухсот двадцати шести. Три вагона в пути вышли из строя, у них полопались оси. В каждом вагоне располагались двадцать восемь человек. Время в пути люди коротали, посещая клуб, кроме него имелся «особый актив культурников из самих рабочих непосредственно по вагонам». Эшелоны снабжались газетами, литературой политико-просветительского характера и беллетристической, настольными играми, музыкальными инструментами и патефонами. Во всех эшелонах выходили стенные газеты и действовали самодеятельные хоровые и музыкальные кружки. В первом и втором составах проводилась техническая учёба.

«Методы культмассовой работы во всех эшелонах были почти одинаковыми и почти не отличались от обычной работы в этом направлении прошлых лет. Исключением из этого был эшелон № 7, где под руководством и при непосредственном участии помощника по политчасти начальника эшелона товарища Заонсохова в эту работу было внесено новое. За время следования эшелона был организован санитарный кружок, которым подготовлено и выпущено шестьдесят значкистов ГСО (знак «Готов к санитарной обороне СССР» учреждён в 1934 г. — С. Г.), все до одного в этом эшелоне вагоны участвовали в социалистическом соревновании. Восемьдесят процентов рабочих были охвачены индивидуальным соревнованием, объектами которого были борьба за чистоту и порядок, дисциплинированность, изжитие пьянства, выпивок и ругани и т. д.».

Время следования поездов до Владивостока достигало месяца. Питались люди на определённых станциях по талонам Главного управления буфетов транспорта Наркомата внутренней торговли СССР. «Организация такого горячего питания... является чрезвычайно важной и политически ответственной задачей. В условиях зимнего следования такое питание особенно необходимо. Однако надо прямо сказать, что, за небольшим исключением, обеды не заслуживают удовлетворительной оценки. Очевидно, лозунг “Жить стало лучше, жить стало веселей!” ещё полностью до станционных буфетов не дошёл. Администрация буфетов совершенно забывает, что в настоящее время, при возросшей зажиточности колхозников и рабочих их нельзя кормить “по старине” стандартными обедами 1932—1933 гг. с весьма низким качеством и неудовлетворительными вкусовыми ощущениями». Плохое качество пищи стало причиной массового отказа от этих «стандартных обедов». Из розданных

московской конторой АКО двухсот семи тысяч талонов сто тридцать одна тысяча была возвращена.

Медицинское обслуживание людей в пути проводилось во включённых в состав эшелонов санитарных вагонах. За всё время следования десяти составов в пути из-за несчастных случаев погибло восемь пассажиров. Четырнадцать заболевших сняли с поездов и поместили в железнодорожные больницы.

Во Владивостоке приём прибывающих не всегда проходил гладко. Несмотря на то, что о подходе каждого эшелона здешнее верббюро своевременно извещалось по телеграфу, поселенческий лагерь на Второй Речке оказывался не подготовлен к размещению людей. Зачастую их встреча и расселение носили настолько безобразный характер, что вызвали многочисленные коллективные жалобы, адресованные местным органам власти и даже в Москву — самому наркому пищевой промышленности А. И. Микояну.

Представители владивостокской конторы АКО не встречали ни один эшелон, хотя об этом было заранее договорено. По прибытии на Вторую Речку рабочие вынуждены были несколько суток ночевать под открытым небом на морозе или под дождём. В результате этого люди заболевали. Возмущённый происходившим рабочий Леун обратился к руководству московской конторы АКО и в центральную газету «Правда» с письмом, в котором он так охарактеризовал условия своего пребывания в переселенческом лагере: «Проведя четыре дня на сырой земле... я заболел ангиной, гриппом, сильно простудился. Место в палатке мне не предоставили ввиду переполнения. Центральная поликлиника признала у меня острый ревматизм рук, ног и поясницы».

Все начальники эшелонов отмечали «исключительно безобразный приём рабсилы и непринятие своевременных мер к размещению рабочих по баракам и палаткам».

Дальнейший путь на Камчатку завербованные продолжали на судах АКО или Дальневосточного государственного морского пароходства (ДВГМП). В середине 1930-х гг. людей перевозили, как правило, на грузовых пароходах в твиндеках, оборудованных нарами. При этом в трюме могли находиться промысловый груз, снабжение, продовольствие, а иногда — и уголь. Специальные пассажирские суда, такие как пароход «Ильич», могли принять ограниченное число пассажиров.

В каютных местах, имевшихся в количестве от четырёх до шести-десяти далеко не на всех грузовых пароходах, следовал руководя-

щий состав предприятий. Ограниченность срока, в течение которого людей необходимо было доставить на промыслы, чтобы успеть к началу лососёвой путины, и недостаток судов вынуждали размещать на пароходах до тысячи пассажиров, а в отдельных случаях и больше. Условия, в которых перевозились люди, зачастую были очень тяжёлыми.

Руководство Кихчик-Кольского рыбокомбината докладывало начальнику политсектора АКО А. Р. Орлинскому об обстоятельствах одного пассажирского рейса следующее. «Посадка же и проезд на Камчатку на пароходе поставлены отвратительно. На “Шатурстрое”, когда он шёл в Митогу, было около двух тысяч пассажиров, находившихся в трюме. Во время плавания в течение девяти дней штормило. Из-за тесноты и качки люди валились в своих рвотных испражнениях друг на друга. Из трюма нёсся кислый запах. Питьевая вода давалась наполовину с солёной. Основным питанием была треска-клипфикс (то есть солёная. — С. Г.). В довершение всего на палубе были устроены походные кухни рядом с бочками горючего. Загорелась кухня — затушили. Но могли бы погибнуть и пароход, и народ.

Такая езда озлобляет людей. Люди устают от таких переездов. Производительность труда в первые дни их прибытия на промыслы ничтожна. Прибывших к месту работы рабочих размещают по палаткам и баракам с двойными нарами. Теснота, клопы, вши, отсутствие дезинфекционных средств — явление неизбежное. Публика, прошедшая “огонь, воду и медные трубы”, быстро приспособляется к обстановке, но культурный рабочий только и мечтает отбыть сезон и уехать восвояси...»

16 мая 1936 г. из Владивостока в Петропавловск отправился пароход АКОфлота «Эскимос», имевший на борту тысячу сто восемь человек. Судно шло со скоростью около семи узлов, поэтому его плавание длилось одиннадцать суток. Невероятная скученность людей в твиндеках имела последствиями антисанитарное состояние и вспышки инфекционных заболеваний. Часть пассажиров, в основном малолетние дети, оказалась больна и во время рейса скончалась.

Некоторые выводы из случившегося были сделаны, морская перевозка людей в следующем сезоне оказалась более упорядоченной. 5 января 1937 г. была утверждена численность рабочих рук, которые следовало завербовать на начавшийся год — одиннадцать тысяч сто пятьдесят человек, из которых на долю рыбной промышленности приходилось девять тысяч сто пятьдесят.

На перевозку пассажиров между верббюро и АКОфлотом заключались договоры. Для того, чтобы вовремя доставить людей на комбинаты и предотвратить практику прошлых лет «продолжительной задержки транзитных рабочих во Владивостоке», начальник АКОфлота В. М. Слободенюк обязывался «под личную ответственность специально для перевозки транзитных рабочих в 1937 г. выделить два парохода... соответственно оборудованных нарами, кухнями и прочими службами...»

Помимо двух специализированных пароходов, начальник АКО обязывал АКОфлот на каждом его судне, выходявшем из Владивостока на Камчатку, перевозить людей в оборудованных твиндеках. Для постройки в них нар управление снабжения АКО должно было без задержек отпускать лесоматериал и гвозди. Их стоимость относилась на счёт комбинатов, на которые ехали люди.

«В целях обеспечения лучшего обслуживания рабочих в пути следования Владивосток — Камчатка предлагаю начальнику АКОснабторга... организовать на всех пароходах... общественное питание и продажу продуктов первой необходимости за наличный расчёт... Начальнику вербовочной конторы вменяю в обязанность заблаговременно выделять из числа едущих рабочих необходимый штат поваров и обслуживающих кухню рабочих. Оплату этих рабочих производит АКОснабторг по существующим ставкам...»

С учётом того, что посёлок Рыбак не мог полностью обеспечить транзитных пассажиров жилплощадью, Верббюро обзавелось своим мобильным жилфондом из двухсот пятидесяти небольших палаток общей вместимостью две с половиной тысячи человек. В Петропавловске оно должно было в 1937 г. построить общежитие на сто — сто пятьдесят проезжих.

С прибытием на побережье, к месту расположения комбината, испытания для людей не завершались. Вот, например, что происходило в мае 1935 г. на Западной Камчатке, в районе Озерной. Поздно вечером 20 мая сюда подошёл пароход «Скала». Начался приём приехавших, и весьма торжественно: к судну выехали кунгасы с духовым оркестром. Поскольку море закрывал туман, то, чтобы не потерять направление, на берегу разожгли большой костёр. Прибывавших на кунгасах отмечали и отправляли в баню, а оттуда разводили по палаткам на ночлег. Перевозка людей на берег продолжалась всю ночь, с парохода сошло до девятисот человек.

По сравнению с прошлым годом их встречали значительно лучше, но всё же в эту ночь выявилось много досадных недоделок. Питание на берегу налажено было плохо, палатки обустроены неважно —

здесь не оказалось столов, умывальников, скамеек. Видимо, оказалось то, что комбинат начал готовиться к приёму людей слишком поздно — только 12 мая. Но даже и за эти дни не сделали всё то, что можно было бы — даже не поставили уборные. На первой базе комбината и рыбоконсервном заводе рабочим выдали матрацы и наволочки. «Это хорошо, но всё же много мелких дефектов в подготовке к встрече эти наволочки и матрацы прикрыть не могут». Массово-политической, то есть разъяснительно-агитационной, работой вновь прибывших не охватили, в этом смысле они остались «беспризорными».

Не вполне удачно было выбрано место остановки парохода. Людей высадили не на тех базах, куда они были назначены. А это значило, что многим из них вновь предстояли переезд и обустройство на новом месте, лишние хлопоты и нервотрёпка. Да и комбинату выходила дополнительная забота, совершенно не нужная сейчас, в разгар постановки неводов...

Вот в таких условиях много десятилетий назад проходило заселение нашего полуострова. Значительная часть приехавших на рыбные промыслы и другие предприятия АКО людей осела здесь навсегда, связав свою жизнь с Камчаткой. Возможно, что именно их потомки сейчас читают эту книгу.

Как «Эскимос» пассажиров возил

Одной из характерных черт рыбной промышленности Камчатки в 1930-х гг. являлась её ярко выраженная сезонность. Основные промыслы работали ограниченное время — не более четырёх месяцев в году. Отсутствие в области достаточного количества рабочих рук заставляло завозить их из материковой России и Японии. По мере роста размеров и количества местных рыбопромышленных предприятий непрерывно увеличивалась и общая численность доставлявшихся на полуостров рабочих и служащих.

По данным, приведённым директором-распорядителем АКО Б. И. Гольдбергом в записке, адресованной И. В. Сталину, на предприятиях общества в 1928 г. трудились три тысячи семнадцать русских и полторы тысячи японских рабочих. К 1932 г. их число и соотношение изменились, составив двенадцать тысяч сто шестьдесят четыре и пятьсот человек соответственно. Этот год стал последним, в течение которого на советских предприятиях работали иностранцы. В 1934 г. через порт в Петропавловске, по сообщению

начальника политотдела порта и транспорта АКО В. Т. Ершова, прошло уже более двадцати пяти тысяч человек.

К весне, началу промыслового сезона, вербовочное бюро АКО сосредотачивало желающих работать на Камчатке в посёлке Рыбак под Владивостоком. Затем, по мере подхода судов, людей автотранспортом доставляли во Владивостокский порт и размещали на пароходах. Многие следовали на Камчатку семьями, поэтому на судах зачастую находились десятки детей. Для них судовые администрации силами ехавших педагогов, медработников и активистов организовывали своеобразные «детские сады», готовили специальное питание.

Одним из судов, регулярно перевозивших людей на Камчатку и обратно, являлся пароход АКОфлота «Эскимос».

Четырёхтрумный грузовой пароход «Эскимос» был построен в 1919 г. по заказу США в Японии. Приобретён АКО в 1929 г., первый капитан — Г. Г. Пот. Чистая грузоподъёмность судна составляла три тысячи двести тонн. Осадка с грузом семь, порожнего — четыре метра. Длина девяносто три, ширина тринадцать с половиной метров. Пассажиров мог принять в двадцать четыре классных каютных места, до восьмисот человек — в твиндеках. Запас угля тысяча шестьсот, воды — семьсот тонн. Расход угля на ходу до тридцати двух тонн в сутки. Грузовые работы выполнялись девятью паровыми лебёдками и четырёхтонными стрелами, а также одной тяжёловесной стрелой. Пароход имел четыре шлюпки. Главная машина тройного расширения мощностью полторы тысячи «лошадей» обеспечивала ему скорость хода до восьми узлов. Экипаж по штату насчитывал пятьдесят человек.

Задание «Эскимоса» на 1936 г. предусматривало выполнение семи плаваний и перевозку тридцати трёх тысяч «тонно-пассажиров» (один пассажир засчитывался за одну тонну груза). 9 февраля 1936 г. «Эскимос» под командованием капитана Н. М. Остапука вернулся из Петропавловска во Владивосток. В предыдущем рейсе судно успешно снабдило западное побережье Камчатки, перевыполнив план на сорок семь процентов. Наиболее отличившиеся члены экипажа — Козлов, Корольков, Ведута, Чеков, Мацевич, Коновалов — получили за ударную работу премии в размере от двухсот до четырёхсот рублей.

Пароход встал на текущий ремонт, в ходе которого намеревались перебрать главную машину, гребной вал, лебёдки, вычистить котлы, а также заменить изношенный штуртрос. Продолжитель-

ность стоянки оценивалась в полтора месяца. Главные механизмы команда чинила своими силами, завершив работы раньше срока. Остальные заказы, переданные местным предприятиям, своевременно выполнены не были. Так, последнюю деталь доставили на пароход только 29 апреля.

Сменивший Остапюка капитан Гарнизонов докладывал в Петропавловск о готовности судна встать под погрузку с 16 марта. Морское же агентство АКО во Владивостоке сообщало, что ремонт закончился лишь 16 апреля, а фактически судно можно было начинать грузить только с 25 апреля.

Такие противоречивые сведения о состоянии дел на «Эскимосе» характеризуют отношение к делу лиц, ответственных за его эксплуатацию. В течение трёхмесячной стоянки парохода никто из них не знал, что у него нет одной якорной цепи, потерянной в предыдущих рейсах. Без неё Регистр СССР не мог выпустить «Эскимос» в рейс, так как не была обеспечена безопасность мореплавания. Последующая задержка с выходом на Камчатку как раз и была вызвана долгими поисками цепи, которую, оставленную одним из судов Кработореста, нашли в бухте Диомид только 8 мая.

Со времени прихода «Эскимоса» во Владивосток на нём сменились три капитана. Обратно в Петропавловск пароход повёл П. П. Караянов, присланный из резерва АКОфлота. Команда судна также обновилась более чем на две трети: большинство моряков ушли в отпуск. Их заменили резервом с парохода «Чавыча». Но с приходом «Чавычи» во Владивосток все члены её экипажа были направлены на своё судно, а на «Эскимосе» пришлось собирать команду заново.

С 18 по 28 апреля на пароход погрузили тысячу сто тонн угля и тысячу семьсот пятьдесят тонн различных путинных грузов. С 22 по 25 апреля владивостокская организация Осоавиахима проводила дезинфекцию судна, выкуривая паразитов и крыс, заполнив помещения ядовитым газом — хлорпикрином (применялся как химическое оружие в Первой мировой войне). После дезинфекции с 26 по 30 апреля в твиндеках установили нары, рассчитанные на восемьсот человек. Одновременно судно принимало палубный груз, в число которого входили катера и кунгасы. Со 2 по 8 мая «Эскимос» простаивал в ожидании якорной цепи и продовольствия.

В ночь на 8 мая 1936 г. пароход перешёл к причалу, с которого началась посадка людей. С утра верббюро подвозило их в порт и размещало на причале. Посадка началась в одиннадцать часов вечера, причём до четырёх часов утра 9 мая в твиндеках трёх

трюмов расположились семьсот пятьдесят человек. В первый трюм помещать людей запретил санитарный надзор порта, обнаруживший здесь скопление ядовитого газа. В ходе посадки возникла путаница, в результате которой многие семейные пары были разделены: мужья сели на пароход, а жёны остались на берегу и наоборот. Вскоре выяснилось, что документы для пограничного контроля не готовы, поэтому уполномоченный пограничного отряда отменил посадку, перенес её на утро. На пирсе осталось несколько сотен человек, которые, чтобы не ночевать под открытым небом, самовольно сели на пароход.

Утром 9 мая пограничники высадили всех пассажиров на берег и после осмотра судна приступили к их повторному размещению, во время которого из-за плохого учёта на борт поднялись тысяча сто восемь человек вместо ожидаемых восьмисот. Это привело к невероятной скученности людей и антисанитарному состоянию в занимаемых ими помещениях. Администрация парохода и комбинатов, на которые следовали рабочие, попыталась разместить всех, для чего были установлены дополнительные нары, где только можно было.

В восемь часов вечера пароход вышел на рейд для приёмки горючего и четырёх больших кунгасов. Их погрузка началась ночью и шла до вечера 10 мая. Затем судно двинулось в бухту Находка за углём, несмотря на то, что его можно было получить во Владивостоке. В Находке шестьсот тонн топлива, потребные для перехода до Петропавловска, грузили с 11 по 14 мая. Затем пароход, на борту которого находилось громадное число людей, отправился за водой в бухту Витязь. Здесь он простоял ещё более суток, пока не вышел на Камчатку. На всё это ушло восемь суток, хотя продукты питания для пассажиров были выделены на двадцать пять дней из расчёта на семьсот человек. В этом также проявилась безответственность владивостокской конторы АКО.

Наконец вечером 16 мая «Эскимос» снялся в Петропавловск. Несвоевременно проведённая дезинфекция дала себя знать сразу же после выхода в море. Газ, которым производилось окуривание, скопившийся в закоулках трюмов, «во время ненастной погоды, качке судна проявлялся в такой сильной степени, особенно в третьем трюме, что рабочие чуть ли не в панике принуждены были бежать из трюма... Возмущению рабочих не было предела, большинство озлобленных этим явлением... заявляли прямо, “что здесь хотят нас уморить”, и что “дальше Петропавловска они не поедут”». Подобное происшествие в течение рейса повторялось трижды.

В таких условиях перевозились люди на Камчатку в 1930-х гг.
Твиндек и трюм парохода

Переселенцы со скотом едут на полуостров. 1940 г.
(из фондов ККОМ)

Встреча переселенцев в Петропавловске, 1940 г.
(из фондов ККОМ)

Жилые палатки на рыбокомбинате, середина 1930-х гг.

Судовые медики выявили два случая заболевания пассажиров сыпным тифом. Одну семью из четырёх человек высадили обратно во Владивостоке, другую пришлось оставить на судне. На борту ещё более тридцати человек страдали другими опасными заболеваниями: гриппом, чесоткой, свинкой. Кроме этого, одиннадцать малолетних детей болели скарлатиной. По словам родителей, их посадили на пароход из карантинного барака верббюро больными, не дав отбыть в нём установленного срока пребывания. Вскоре разыгралась трагедия: за время перехода, длившегося одиннадцать суток, шестеро ребятишек скончались от скарлатины и были похоронены в море.

Развитие заболеваний ещё более усугубило положение пассажиров и увеличило опасность дальнейшего плавания. Дело не дошло до полной катастрофы только благодаря тому, что судно в пути не задержали штормы. Главную вину за сложившееся положение несла владивостокская контора АКО, не сумевшая организовать нормальную подготовку парохода к ответственному рейсу.

«Конечно, нет слов, что ослабления создавшихся условий можно было бы достичь больше, если бы администрация судна более внимательно проявила заботу о своевременном устройстве: отоплении изолятора, форсировании постройки добавочных нар, перемещении из трюма в трюм и т. д.», — сообщали следовавшие на судне политотдельцы своему начальству. Но последнее справедливо оценило это как «перестраховку пишущих», задав риторический вопрос: «Кто же им самим мешал это сделать, будучи на пароходе?»

Экипаж судна, как мог, старался облегчить положение пассажиров. Для того чтобы поднять их настроение, моряки подготовили два номера стенной и четыре выпуска радиогазеты. Сами ехавшие выпустили стенгазету «За путину». Тяготы плавания скрашивались занятиями и беседами, проводившимися политработниками комбинатов и помполитом «Эскимоса» В. П. Огневым. Их темами стали: «Речь товарища Сталина о стахановском движении», «Доклад товарища Микояна на седьмой сессии ВЦИК», «Камчатка и рыбное хозяйство», «Международное положение на фоне Дальнего Востока». Инженерно-технический персонал комбинатов организовал занятия по изучению техники лова и обработки рыбы, знакомил людей с вопросами трудовых отношений и деятельностью предприятий.

Своеобразной достопримечательностью «Эскимоса» был старый моряк пятидесятилетний боцман Н. М. Гришин, который с 1907 по

1912 г. служил в царском флоте матросом, затем плавал на гражданских судах, «получал пятнадцать рублей в месяц, за счёт которых должен был приобретать одежду. Сейчас получает восемьсот семьдесят... Посоветовали ему перестать скучать о стопках водки, которые он вместе с зуботычинами получал в царском флоте. Он нас понял и согласился, что может и должен провести несколько бесед с молодёжью о том, как жилось раньше во флоте и сейчас».

Но и «сейчас» во флоте жилось ой как не сладко. Из-за этого на пароходе наблюдалась большая текучесть кадров: более сорока моряков из пятидесяти работали на нём меньше года. Командный состав «Эскимоса» заявлял о том, что «у нас есть не текучесть, а перебежка с одного судна на другое. А задержка с выплатой зарплаты приводит к тому, что заставляет некоторых формально увольняться, дабы получить деньги для перевода семьям и после этого спокойно работать на том же самом месте». Моряки были недовольны отсутствием жилья на берегу и плохой заботой об их родных. «Например, можно записаться на получение угля, уплатить деньги, через пять месяцев прийти из рейса, а угля не доставят, семьи живут в холоде, квартиры не ремонтируются...» Нередки были и задержки с выплатой зарплаты, достигавшие пяти месяцев.

После описанного выше злополучного плавания на Камчатку «Эскимос» вернулся во Владивосток. Здесь его команда вновь обновилась почти наполовину: многих моряков призвали на военную службу. В очередной рейс на полуостров он отправился 15 августа. Во время стоянки судна в Большерецке команда, бригада грузчиков и пассажиры «оказали помощь испанским революционерам», собрав для них тысячу семьсот шестьдесят один рубль.

О сложности нахождения осенью на камчатском побережье говорят следующие факты. 11 сентября 1936 г. судно стояло в районе Микояновского комбината. Внезапно поднявшийся ночью норд-вестовый шторм заставил его сняться с якоря и идти штормовать. Командование «Эскимоса» запросило у Петропавловска разрешение прервать плавание и вернуться в порт затем, чтобы здесь пополнить запасы топлива и воды. Получить уголь с других судов, находившихся поблизости, было весьма сложно.

«Стоит очень неустойчивая погода, шторма следуют один за другим через одни-двое суток, поэтому за время бункеровки не раз придётся штормовать в море, сжигать уголь, требуя дополнительного бункера. Бункеровка в Микояновске может затянуться до двух недель. Наконец, штормовая погода может привести к тому,

что бункеровка будет отставать от расхода угля. Тогда пароход окажется в опасном положении, не в состоянии будет дойти даже до Петропавловска. Настоящий шторм может длиться ещё сутки, потом сутки-двое не позволит грузиться прибой. В результате не хватит также воды...

Кроме груза консервов, на борту имеем около двухсот пассажиров. Чтобы не потерять много времени, не подвергнуться аварийной опасности, настаиваем на необходимости немедленно следовать в Петропавловск».

После непродолжительной стоянки здесь «Эскимос» направился в очередной снабженческий рейс. 14 ноября 1936 г. его экипаж спас в штормовом море несколько десятков человеческих жизней. Пароход, стоявший на якоре возле Ичи, получил штормовое предупреждение и готовился отойти мористее. Отход задерживал судовой катер, ушедший на рыбокомбинат. В семнадцать десять с судна заметили возвращающийся катер, боровшийся с волнами, дали ход и пошли ему навстречу. В восемнадцать часов катер подняли на пароход, повернувший в море. Через полчаса «Эскимос» застопорил машину, заметив догонявший его кавасаки, тащивший на буксире кунгас с людьми и грузом.

С кавасаки сообщили, что сильный ветер не позволил им войти в реку. В восемнадцать сорок пять пароход отдал якорь и грузовыми сетками стал снимать с кунгаса мокрых, замёрзших людей, уже потерявших всякую надежду на спасение. Затем был поднят сам кунгас, а вот тяжёлый кавасаки оторвать от воды не удалось. Его команда не захотела покинуть своё судёнышко, оставшись штормовать на нём в море. На следующий день она погибла в неравной борьбе с ледяными волнами.

Двадцать пять спасённых были накормлены, переодеты и размещены в тёплых, сухих помещениях. Сильный шторм продолжался неделю. Только 21 ноября люди и кунгас были переданы на пароход АКОфлота «Якут», «Эскимос» же, израсходовав запасы топлива и воды, был вынужден сняться в Петропавловск.

В декабре 1936 г. «Эскимос» встал на ремонт на недавно сданную первую очередь Петропавловской судовой верфи. Качество ремонта, по словам капитана П. П. Караянова, оказалось хорошим: «Свое первое испытание — ремонт судов флота АКО — камчатский завод выдерживает вполне хорошо».

Репрессивный механизм, неутомимо работавший всё время после советизации страны, в наступившем 1937 г. набрал наибольшие обороты. Он перемолол немало человеческих судеб. Досталось

и работникам АКО, в том числе и морякам. Так, на пять лет был осуждён А. В. Арсентьев, капитан парохода «Ительмен».

Резко изменился тон руководящих документов, как поступавших из «центра», так и рождавшихся в недрах самого аппарата АКО. 14 июля 1937 г. в адрес помполита «Эскимоса» В. П. Огнева пришла телеграмма из политуправления Наркомпищепрома СССР, предупреждавшая о необходимости усиления бдительности: «Не надо забывать, что вы работаете бок о бок с одним из самых агрессивных государств — Японией, которая выжидает случая напасть на нас или, во всяком случае, старается подорвать нашу мощь. Для этой цели засылаются к нам агенты, шпионы, а также вербуются на месте из банды троцкистов, бухаринцев, рыковцев и прочей мерзости...»

Обстановку того периода хорошо передают слова одного из руководящих работников, высказанные в мае 1937 г.: «Разоблачение активного контрреволюционера Адамовича (бывшего начальника АКО. — С. Г.), вскрытие вредительства и аресты вредителей в системе АКО вместо ободряющего труда для оставшихся работников, особенно ни в чём не замешанных, породили среди инженерно-технических работников такие настроения: “А вдруг и меня завтра?”... Этот холодок в работе чувствуется, и некоторая, мне кажется, растерянность среди инженерно-технических работников есть. Ведь не все же они вредители! Вот я сталкиваюсь по аппарату с работниками АКО, они мне говорят: “Как бы чего не вышло, мне куда поспокойнее”. Кто же работать будет?»

А вот выдержка из проекта секретного приказа, разработанного наркоматом для «ликвидации вредительства в рыбной промышленности», хорошо отражающая стиль большинства руководящих документов той эпохи. «Вскрытые факты вредительства в Обском, Азербайджанском трестах и на Мурманском судоремонтном заводе с бесспорностью подтверждают, что троцкистские агенты японо-немецких фашистов проникли и на предприятия рыбной промышленности. Случаи пожаров крабоконсервных заводов Дальневосточного края, аварийность флота, задержки в вывозе рыбопродукции с побережья Камчатки, Сахалина и Амура показывают, что японо-немецкие агенты направляют свою вредительскую деятельность в наиболее уязвимые места рыбной промышленности: флот, консервные заводы и предприятия Дальнего Востока и Мурманска, вызывая аварии, порчу продукции и повышенные потери».

Одновременно для ликвидации последствий и предупреждения на флоте «вредительства», помимо ставшей уже привычной борь-

бы с «диверсионными агентами», в приказе назывались вполне разумные организационные и технические меры по обеспечению безаварийной работы и своевременного ремонта судов.

Сложившаяся в стране атмосфера подозрительности, нетерпимости и страха привела к тому, что теперь любую провинность можно было выдать за политическое преступление. Помимо всего прочего, это позволяло легко сводить счёты с личными недругами. Поэтому даже официальные документы нередко не могут служить объективным источником сведений о разворачивавшихся драматических событиях, сохраняя лишь хронологию событий.

Так, после проверки работы помполита «Эскимоса», его сняли с должности. «Как за первую, так и за вторую стоянку во Владивостоке никакой работы не проводилось, за исключением митинга о военно-шпионской группе Тухачевского, Уборевича, Якира и других. За рейс Владивосток — западный берег Камчатки — Сахалин — Владивосток было проведено два общих собрания экипажа, два политзанятия по решениям февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и докладу товарища Сталина.

В следующем рейсе Владивосток — западный берег Камчатки — Петропавловск с 10 августа по 13 сентября провели только подготовительную работу к выборам судового комитета, но выборы так и не закончили до прихода в Петропавловск. Положение о выборах не изучали. Митинга о гибели судов “Благоев” и “Тимирязев” также не проводили (30 августа 1937 г. у берегов Алжира эсминец испанских мятежников потопил торпедами советское судно «Тимирязев», спустя два дня — 1 сентября 1937 г. — подводная лодка атаковала в Эгейском море пароход «Благоев». — С. Г.).

Соцсоревнование отсутствовало, не имеется даже показателей, во время хода они не вывешивались. Членские взносы в профсоюз не платили по шесть месяцев и более. За 1937 г. судком отчислений не получал, культинвентаря на судне нет. За время рейса имела место пьянка в Крутогоровском и Микояновском комбинатах. С приходом в Петропавловск почти весь экипаж пьянствовал...»

За это помполита и сняли с работы приказом начальника политуправления Наркомпищепрома СССР Ф. Д. Корнюшина. Последнего, сменившего на время на посту начальника АКО покончившего жизнь самоубийством И. А. Адамовича, вскоре самого объявили «врагом народа».

«Эскимос» тем временем продолжал работать. В сентябре 1937 г. он на пятьдесят шесть суток передавался во фрахт АКОснабторгу для выполнения рейса по Восточной Камчатке от Уки до Апуки.

Тогда же начальник АКОфлота М. М. Плехов (впоследствии также репрессированный) подписал характеристики на «стахановцев рыбной промышленности», представленных на премию наркомата. В их число были включены два механика «Эскимоса»: «Четвёртый механик Корольков Михаил Григорьевич, 1916 года рождения, сын крестьянина, на пароходе непрерывно три с половиной года, поступил уборщиком камбуза, затем машинный ученик, машинист второго и первого классов, четвёртый механик... Старший механик Любимов Сергей Николаевич, 1896 года рождения, член ВКП(б), стаж шестнадцать лет, в АКО с 1932 г., первый разряд. На “Эскимосе” работал третьим, вторым и с конца 1936 г. — старшим механиком. Опытный, знающий механик, ведёт техминимум, общественник, под его руководством был произведён ремонт парохода».

Это всего лишь несколько штрихов, очерчивающих условия, в которых проходило промышленное освоение Камчатки в довоенные годы. К природным тяготам и бытовой неустроенности добавлялись сложности, созданные неорганизованностью и безответственностью определённых должностных лиц.

Так начинался камчатский траловый флот

В начале 1930-х гг. камчатские рыбаки свою основную добычу брали так называемыми «пассивными орудиями лова» — морскими ставными неводами. «Активный» же, то есть в открытом море, лов трески и сельди, ведшийся с небольших деревянных судов — кавасаки, носил ограниченный характер. Опыт, накопленный к этому времени отечественными и зарубежными промысловиками, свидетельствовал о том, что морской лов при помощи крупных траулеров, сейнеров и дрейфтеров выгоден и имеет большие перспективы. Первенцем активного морского рыболовства на Камчатке стала созданная в январе 1936 г. База активного опытного лова (БАОЛ), наследником славных традиций которой являются современные камчатские рыбопромысловые организации, имеющие морские добывающие суда.

Появление БАОЛ стало ответом на оживление японского лова в морях, омывающих берега полуострова. Помимо прямого назначения, создание советского морского промыслового флота рассматривалось как средство давления на японцев с целью ограничения хищнически ведшегося ими лова лосося. Удачным примером тако-

го давления являлась восьмилетняя деятельность советской крабовой флотилии, начавшей работу в 1928 г. Проекты организации на полуострове рыболовецкого предприятия принципиально нового типа появились в 1934 г. Уже в 1935 г. АКО предполагало выставить в открытое море три сейнера и траулер.

В подготовленной аппаратом общества «Объяснительной записке к контрольным цифрам потребности рабочей силы для производства рыбной промышленности АКО на 1935 г.» для обслуживания судов активного лова уже предусматривался специальный штат. На первых порах АКО намеревалось обзавестись тремя сейнерами для добычи сельди. «Штат этих судов установлен из пятнадцати человек на судно».

В конце ноября 1935 г. из Главрыбы пришло распоряжение: «Петропавловск. АКО. Адамовичу. Нарком (имеется в виду народный комиссар пищевой промышленности А. И. Микоян. — С. Г.) в своём выступлении на слёте стахановцев взял обязательство дать в 1935 г. тринадцать миллионов центнеров рыбы. Устанавливаю план на декабрь семь тысяч центнеров гослову... Необходимо широко развернуть лов в Авачинской губе, также использовать в декабре на лове тральщики (так тогда называли траулеры. — С. Г.), перенеся их ремонт на январь...»

Начальник АКО И. А. Адамович распорядился выделить для этой цели паровой траулер «Блюхер», использовавшийся АКО-флотом как транспортное судно. Его не позднее 7 декабря 1935 г. следовало «передать в распоряжение инструктора добычи рыбного управления АКО товарища Гавриленко, с какового момента все распоряжения рыбного управления для капитана тральщика обязательны».

Организовать активный лов при помощи «Блюхера» в 1935 г. не удалось. Причиной этого стало отсутствие пригодных к работе орудий лова. Они пришли в Петропавловск из Владивостока на пароходе «Ильич». «Трал — хлам, доски разбиты, не хватает бобинцев, нет ниток для ремонта». К тому же в день прибытия «Ильича» руководство АКО вновь поставило «Блюхер» на грузоперевозки. В феврале 1936 г. траулер вообще передали из АКО Дальморзверьтресту, где он вошёл в состав китобойной флотилии «Алеут». Здесь «Блюхер» использовался в качестве буксира, доставлявшего туши убитых животных к китобазе для последующей разделки.

Достаточно крупные промысловые суда — сейнеры, только что построенные в Японии в счёт уплаты за переданную марионеточному

государству Маньчжоу-Го Китайско-Восточную железную дорогу — пришли лишь в середине 1936 г. Они стали не только школами для подготовки специалистов активного лова, но и своеобразными лабораториями: на них в море выходили сотрудники Камчатской опытно-научной исследовательской рыбной станции. Учёные вели разведку районов промысла, занимались исследованиями по определению наиболее подходящих орудий и методов лова. Ниже показано, как возник и работал первые десять лет камчатский морской рыбопромысловый флот.

1936

Приказ начальника АКО И. А. Адамовича № 31 от 19 января: «Организовать в системе Карагинского рыбокомбината на внутреннем хозрасчёте базу активного опытного лова, включив в состав последней: тральщик — один, дрейфтеров — два, сейнеров — два. Временно исполняющим дела начальника БАОЛ с правами заместителя директора Карагинского комбината назначить Макштаса П. М...»

Приказ начальника АКО № 64 от 5 февраля: «Устанавливаю на 1936 г. по БАОЛ при Карагинском рыбокомбинате следующий штат работников: на дрейфтере — одиннадцать; на сейнере — пятнадцать, на тральщике — тридцать пять человек. Всего штат девяносто два человека».

Приказ начальника АКО № 139 от 21 марта: «...Утверждаю следующие основные показатели вновь организуемой БАОЛ... Добыча сырца установлена: красная — пять тысяч, сельдь — семь тысяч центнеров... Начало лова рыбы с 10 июня по 15 ноября 1936 г. в районе комбинатов Усть-Камчатского, Озерного (сезонная база на восточном берегу Камчатки. — С. Г.), Авачи, Олюторки».

Первую промысловую экспедицию БАОЛ возглавил сотрудник рыбного управления АКО И. А. Гольдберг. 8 октября 1936 г. из Петропавловска в район Олюторского комбината вышли сейнеры «Авача», «Виллой», дрейфтеры «Ударник» и «Стахановец». Траулером, который предполагалось использовать в качестве плавучей базы, БАОЛ ещё не располагал. Суда вернулись в порт в начале ноября: дальнейший лов продолжать было нельзя из-за наступившего похолодания и появления льда.

(Дату 8 октября 1936 г. следует признать за начало камчатского активного морского промысла. Из неё «растут» все наши современные рыболовецкие конторы. Автор этой книги предложил общественности установить в этот день официальный праздник Камчатского края — «День Камчатки рыбацкой».)

Результаты лова превзошли все ожидания. Выйдя в море с большой задержкой из-за опоздания с приходом на полуостров, суда сумели выполнить задание более чем наполовину. Наилучшие результаты показал сейнер «Авача» (капитан Косьмин), добывший три тысячи триста пятнадцать центнеров сельди и двести двадцать центнеров трески — свыше половины всего улова флотилии. Сейнер «Вилуй» (капитан Якимов) поймал за четыре замёта тысячу семьсот шестьдесят шесть центнеров сельди. Дрифтер «Ударник» (капитан Перинго) выловил четыреста семьдесят пять центнеров сельди и двести двенадцать трески. «Ударник» способствовал хорошей работе всей флотилии, являясь разведчиком рыбных косяков.

Начальник экспедиции отмечал прекрасную работу старшего механика Правикова, дрейфмейстера Алёшкина (через двадцать лет он станет в числе шести самых выдающихся камчатских рыбаков первым Героем Социалистического Труда на полуострове), помощников механиков Мосунова и Николаенко, матросов Граховатского, Самовского, Черепанова и Мартынова. «Несмотря на непригодность судов к условиям северных морей (отсутствие отопления жилых помещений, ряд других неудобств), коллектив флотилии упорно боролся за освоение новой для большинства техники и успешно выполнил поставленную перед ним задачу. Меньший улов сейнера “Вилуй” обусловлен лишь потерей им кошелькового невода в бурную погоду». По окончании осеннего лова оба дрейфтера встали на зимовку, а сейнеры отправились исследовать возможность добычи в ближайших к Петропавловску бухтах.

Вот что рассказывал матрос сейнера «Авача» Поляков о своём первом промысловом сезоне: «Ещё сравнительно недавно я не был рыбаком, но когда представилась возможность поступить на сейнер “Авача”, я с радостью воспользовался ею. Меня увлекла перспектива плавать по морю, разыскивать стаи рыб, стать матросом, а впоследствии — неводчиком. Заинтересовал и новый способ лова кошельковым неводом, впервые вводимый на Камчатке.

12 марта — в первый день моей работы на подготовке к активному лову — я приступил к пошивке селёдочного кошелькового невода. Инструктор товарищ Грубишич постоянно был с нами в сетевязальном цехе, и при его помощи мы подготовили хорошие снасти к приходу сейнеров.

Как вымётывать невод, как его выбирать, нас учили в Моржовой бухте. Живо вспоминаю, как я стоял в первый раз на корме сейнера, учился быстрыми движениями рук без ошибок выбрасывать

в море первый порядок невода — дальше он развёртывался от хода судна...

Работали мы по ночам. В поисках косяков рыбы захаживали в море, держали наготове невод. Мокрые полотнища смерзались, но мы перебирали невод длиной в триста шестьдесят метров по три-четыре раза в ночь, чтобы его в любую минуту можно было забросить в море. В первые замёты мы брали небольшие уловы — по сто — сто пятьдесят центнеров за одно притонение. Хотя на лов мы вышли на четыре с половиной месяца позже, чем предполагалось по плану, наш сейнер выловил три тысячи пятьсот тридцать шесть центнеров рыбы и выполнил свой план.

Сейчас я остаюсь зимовать на сейнере. К путине будущего года нам надо подготовить два селёдочных кошельковых невода и один лососёвый, так что работы будет достаточно. Кроме того, мы в ближайшее время должны выйти на разведки вблизи Петропавловска. Моя мечта — стать неводчиком. Старшие товарищи — специалисты кошелькового лова товарищи Грубишич и Эстафиади (Евстафиади. — С. Г.) мне помогут в этом».

А вот как охарактеризовал первый промысловый сезон «Авачи» её капитан М. В. Косьмин: «...Кошельковый невод имеет в длину пятьсот и ширину сорок-пятьдесят метров. На выборку его после замёта в море требуется всего пятнадцать-двадцать минут. Лучшее время для лова — ночь. Самое важное для успешного облова косяка — это точно определить направление его движения, ибо если окружать косяк с “хвоста”, то рыба ускользнёт...

Сильно отражались на успешности промысла резкое похолодание, наступившее в октябре, неблагоприятная погода. От смёрзшихся сетей леденели пальцы, но команда не бросала работу, у всех было одно стремление — выполнить план, доказать, что советские рыбаки могут успешно работать на сейнерах. И вот, никогда не ловившие рыбу кошельковыми неводами, наши ловцы, набранные из грузчиков, рядовых рабочих, столяров, за пятнадцать замётов с сейнера “Авача” взяли три тысячи пятьсот тридцать шесть центнеров...

Эти успехи говорят о том, что ловцы сумели в короткое время освоить сложную технику, и теперь с помощью наших инструкторов товарищей Эстафиади и Грубишича сами будут готовить новые невода и дрейфтерные сети для лова в будущем году. В числе этих рыбаков имеются такие прекрасные ударники, как матросы Поляков, Рохлецов, Баталов, Паршин, ученик механика Гончаров, помощник механика Мосунов и другие...»

Осенью 1936 г. БАОЛ получил пополнение — небольшие промысловые суда, основной задачей которых являлась разведка рыбных косяков.

Приказ начальника АКО № 636 от 25 октября: «Прибывшим из Японии рыбопромысловым разведчикам утверждаются следующие названия: № 1/11 — “Сатурн”, № 2/27 — “Нептун”, № 3/28 — “Юпитер”».

Значение начала активного морского промысла на полуострове было понято и оценено сразу. Научные сотрудники М. Л. Альперович и К. И. Панин характеризовали его как переломный этап в развитии рыбной промышленности Камчатки. «Путина текущего года ознаменовалась событием чрезвычайной важности для камчатской рыбопромышленности — прибытием и началом работы судов активного лова — сейнеров и дрифтеров. Первые результаты применения в наших местных условиях лова кошельковым неводом и плавными жаберными сетями, бесспорно, выходят из рамок простых разведочных и опытных работ и являются уже промыслом, давшим к тому же неплохой эффект. Наиболее интересные результаты разведки и лова получены в районе Олюторского залива в октябре. Начав поисковые работы в середине сентября, сейнер “Вилуй” обнаружил сельдь лишь в начале октября. Видимо, в этот период сельдь подошла в район разведок.

Первая экспедиция судов активного лова имела объектом добычи преимущественно сельдь. В дальнейшем, несомненно, активный лов охватит также и лососёвых, образующих не меньшие косяки, чем сельдь. Тем не менее, последняя является, бесспорно, наиболее рентабельной из промысловых рыб для судов активного лова в силу ценности самой породы и несложности дальнейшей обработки...

Основным достижением октябрьской экспедиции БАОЛ... надо считать тот факт, что возможность работы сейнеров и дрифтеров в условиях Камчатки, даже в осеннее время, — блестяще доказана... Первые работы дали хорошие результаты... Не будет преувеличением сказать, что результаты работы экспедиции открывают новый этап развития рыбной промышленности Камчатки — этап постепенного перехода государственного лова на активные методы».

Общий вылов рыбы БАОЛ в 1936 г. составил шесть тысяч четыреста сорок пять центнеров, то есть немногим более половины планового задания. Причиной его невыполнения стало позднее начало промысла ввиду задержки прибытия судов.

1937

Приказ народного комиссара пищевой промышленности СССР № 200 от 4 февраля: «Отмечая положительные итоги начала работы активного рыболовного флота на Камчатке и в целях его дальнейшего развития в системе АКО, приказываю... получаемые из Японии два сейнера... передать АКО с непосредственным направлением из Японии в Петропавловск.

Начальнику АКО тов. Адамовичу:

а) базу активного флота на Камчатке предусмотреть в Раковой губе Авачинского залива, для чего произвести в текущем году все необходимые подготовительные работы;

б) все имеющиеся суда активного лова (сейнеры, дрейтеры) широко использовать в сезон 1937 г. на добыче сельди и лососёвых с наиболее широким оперативным охватом важнейших районов добычи;

в) в местах лова рыбы активным флотом: Олюторском, Корфском, Усть-Камчатском, Жупановском рыбокомбинатах предусмотреть в 1938 г. увеличение посольной ёмкости для обеспечения приёма и обработки сырца, доставленного сейнерами и дрейтерами».

Но основные положения этого приказа в 1937 г. так и остались на бумаге: увеличения судового состава не произошло.

Утверждённый план добычи на этот год составлял шестнадцать тысяч центнеров. Выполнить его не удалось: поймать смогли немногим более девяти тысяч. Наиболее удачно сработал экипаж «Авачи» — на его долю пришлось три тысячи семьсот десять центнеров. Это судно оказалось единственным, выполнившим задание.

Постановление АКО по балансу-отчёту БАОЛ: «Признать хозяйственную деятельность БАОЛ за 1937 г. совершенно неудовлетворительной. Отметить, что руководство БАОЛ не боролось за выполнение плана, вследствие чего план выполнен только на пятьдесят восемь процентов при износе орудий лова на сорок два процента».

Из отчёта о производственной деятельности БАОЛ: «Весь промысловый флот активного лова состоит из пяти судов... Путину разбивалась на три периода: весна, лето, осень. В зимний период времени строились все орудия лова для весенней путины... Зимой, когда суда находились в консервации, на временно созданной базе в Моховой были изготовлены орудия лова... Вооружив суда... приступили к лову в Авачинской губе и в открытом море. Весенняя путина длилась в течение всего мая, в период этого времени было поймано... сельди в Авачинском заливе двести шестьдесят центнеров.

По окончании весенней сельди все суда были переключены на лов красной в Камчатском заливе. Непосредственно в Усть-Камчатске для лова красной за период весенней путины было построено два кошельковых лососёвых невода для сейнеров, сто тридцать лососёвых сетей для дрейфтеров и разведчиков...

Прибыли на место промысла в Камчатский залив в первых числах июня. 10 июня начался ход красной. Все суда были брошены на промысел. За июль поймано: красная — четыреста восемьдесят, кета — восемь с половиной, треска — двадцать пять с половиной центнеров...

Сам БАОЛ своей обрабатывающей базы не имел... Мог бы поймать в четыре-пять раз больше. Так как лов кратковременный и места лова отдалены от баз, доставка сырца на береговые обрабатывающие базы занимала очень много времени. Опыт применения лососёвого кошелькового невода для лова красной в путину 1937 г. в Камчатском заливе не увенчался успехом — это можно объяснить тем, что красная рыба держится не густыми косяками, а разряжено... Необходимо изучить биологию данной рыбы...»

После окончания лова в Камчатском заливе суда БАОЛ отправились в район Жупаново на промысел сельди. Сюда до начала её хода были доставлены необходимые дрейфтерные сети. Первые пятнадцать центнеров были предложены местному комбинату, который категорически отказался принимать их, объясняя это тем, что не успевает перерабатывать собственный улов. После этого дрейфтеры прекратили самостоятельный лов и стали возить добычу сейнеров во льду на Авачинский комбинат, на что тратились одни ходовые сутки.

«В этот период времени суда наиболее часто снимались с лова для транспортных работ. После окончания лова рыбы в Жупановском районе все суда были отозваны в Петропавловск для подготовки к осенней путине 1937 г. в Олюторском заливе.

20 августа все суда были собраны, был проведён профилактический осмотр машин, корпусов, текущий ремонт... После полного вооружения и подготовки к выходу в Олюторский залив, в первых числах сентября флот в составе двух дрейфтеров и двух сейнеров был отправлен на промысел...

9 сентября разведчик “Сатурн”, выделенный для научно-исследовательской работы и промысловой разведки... вооружённый необходимым числом сетей, с научными сотрудниками, был отправлен на место промысла. С прибытием всей флотилии... в Олюторский залив... нами временно была создана база стоянки судов, на

которой поставлен склад для промыслового снаряжения, а также проведён водопровод для питания судов пресной водой.

Сразу же после сдачи груза суда вышли на промысловую разведку в море. В это время разведчик “Сатурн” с научными работниками начал исследования.

За период с сентября месяца не было обнаружено косяков крупной сельди, а была масса молоди, и то разряженными косяками. Делали замёты, и максимальный улов был сорок центнеров, а большую часть составляли уловы пять-шесть центнеров. С понижением температуры и появлением холодных ветров от норд-веста появилась крупная сельдь. 12 октября “Сатурн” поймал дрейфтерными сетями три центнера, а 14 октября дрейфтер “Стахановец” взял первый улов триста центнеров, после чего все суда стали ловить».

В сентябре 1937 г. в Олюторском заливе БАОЛ взял девяносто три, в октябре — восемь тысяч сто тридцать два центнера. Опыт путины 1937 г. показал, что без своей обрабатывающей плавучей базы активный лов не может дать хороших результатов. «Неспособность берега обеспечить нормальную приёмку сырца от судов БАОЛ, а также не всегда предоставляющаяся возможность проводить выгрузку сырца на открытых берегах Камчатки, небольшие запасы горючего и небольшой радиус охвата района в связи с необходимостью бункеровать суда топливом отрывают много промыслового времени на переходы с места промысла на место бункера, а потому в путину 1938 г. матка (плавучая база. — С. Г.) чрезвычайно нужна...»

Вот какие меры, по мнению руководителей БАОЛ, следовало предпринять в будущем, чтобы промысел шёл более успешно:

- создать береговую базу с зимней стоянкой и ремонтом судов, как-то: склады, пошивочные мастерские, механические мастерские;

- иметь плавучую обрабатывающую базу с запасами горючего и продовольствия;

- весь промысловый флот использовать исключительно на лове, а рыбу возить подсобными транспортными судами небольшого тоннажа;

- вооружить суда несколькими видами орудий лова;

- наладить промысловую разведку для изучения районов лова и их сырьевой базы.

Итог работы БАОЛ в 1937 г. подвёл вот такой документ. В нём помимо объективной оценки сложившегося положения присутствуют характерные для тех лет попытки оправдать его действиями неких «врагов народа».

Приказ № 30 по АКО от 4 января 1938 г.: «Враги народа — японо-троцкистские шпионы и вредители, долгое время сидевшие у руководства рыбной промышленности АКО, умышленно задерживали развитие активного лова, несмотря на его огромные перспективы. Созданная в 1936 г. БАОЛ не внесла в дело освоения глубинного лова сколько-нибудь серьёзных улучшений. Имея опыт работы в 1936 г., БАОЛ провалил план путины 1937 г... При ознакомлении с материалами, характеризующими деятельность БАОЛ, установлено:

...Директор БАОЛ Макштас, имея в наличии три промысловых разведчика, отказался от использования их на поисковых работах, в связи с чем два разведчика были переданы на всё время путины другим организациям. При разреженном ходе сельди игнорировался лов дрейфтерными сетями, что не дало возможности в достаточной мере определить подходы сельди и направление миграции её...

Поделка орудий лова была поручена завербованному бандой Адамовича некоему Грубишичу и техноруку Дегтярёву. В результате их работы лампы поделаны не были, а невода пошиты вредительно, из-за чего сельдь пробивалась, а рыбаки БАОЛ во время самой путины вынуждены были проводить доделку неводов.

Приказ народного комиссара пищевой промышленности товарища Микояна (№ 200 от 4 февраля 1937 г.) о производстве подготовительных работ по строительству базы активного лова директором Макштасом до конца выполнен не был, в результате чего БАОЛ к концу второго года своей работы не имеет постоянного места для стоянки, ремонта судов, а также береговых работ...

Имея образцы подлинной стахановской работы (неводчики Евстафиади, Пинчук и ряд других товарищей), опыт и знания лучших людей БАОЛ не передавались основной массе ловцов...»

1938

Выводы о необходимости иметь в составе БАОЛ «матку», то есть приёмно-обрабатывающее судно, последовали быстро. 8 февраля приказом по АКО объявлено: «Траулеры “Буревестник”, “Восток” и “Дальневосточник” считать переданными БАОЛ с наличными командами, составом и вооружением...»

В середине февраля они ремонтировались на Петропавловской судоверфи, восстанавливали промысловое оборудование. Однако отсутствие у АКО небольших транспортов заставляло часто снимать их с лова и отправлять на грузоперевозки.

Приказ начальника АКО № 60 от 23 марта: «Ввиду острой необходимости в переброске для путины горючего и мелких партий

груза, для чего крупный тоннаж использовать нерационально, приказываю БАОЛ траулер “Дальневосточник” передать АКОФлоту...»

4 июня стало известно о присуждении правительственных премий «за перевыполнение планов путины 1937 г.». В Морлове её получили рыбаки «Авачи»: начальник лова Евстафиади, мотористы Пилипчук и Дмитриев.

Летом Камчатское отделение ТИНРО совместно с БАОЛ организовало научно-промысловую разведку сельди в Кроноцком заливе. 1 июля разведчик «Сатурн» начал его исследование от мыса Ольги до бухты Моржовой. Он проводил опытный лов, изучал гидрологические условия залива и состояние кормовой базы сельди. 11 июля «Сатурн» обнаружил несколько больших косяков в северной части залива и сообщил об этом промысловым судам. В этот же день сейнер № 2 поймал триста восемьдесят центнеров, 13 июля сейнеры взяли ещё шестьсот. Впереди вновь шла «Авача» — за один день она поймала почти триста центнеров. 14 июля улов принял «Рефрижератор № 2», который вскоре отправился в Петропавловск.

По словам учёных, «существовавшее раньше мнение о разрозненном, некосяковом ходе жупановской сельди опровергнуто».

К началу августа годовой план был выполнен только на четыре с небольшим процента. О причинах этого сообщала газета «Камчатская правда»: «Улов поднимается медленно из-за того, что большинство судов занимается перевозками: из двенадцати ловят шесть. Но и этим небольшим количеством Шабуров и Айунц (директор и главный инженер БАОЛ. — С. Г.) руководят безобразно. Весной они направили в Корф “Авачу”. Селёдка прошла, “Авача” простояла шесть дней в Усть-Камчатске. В это время пришли и все остальные суда, опоздав на семнадцать дней. К тому времени на восточное побережье для ликвидации прорыва срочно выехали начальник рыбного отдела АКО Власкин, Шабуров и Айунц. Последний в самое горячее время уехал в Ключевской лесокombинат, занялся хозяйственными делами, дав приказ без него из Усть-Камчатска не уходить. Такое распоряжение дал и Власкин. Не смея ослушаться начальства, шесть судов в течение месяца стояли в Усть-Камчатске без дела. 6 июля в Жупаново пошла сельдь, а суда ждали Айунца. 12 июля суда пришли в Жупаново, но поздно. Только одна “Авача” 9-го и 10-го сделала по одному замёту и выловила несколько сот центнеров...»

Неблагополучно обстояло дело с обеспечением судов даже самым необходимым: зимней одеждой, крайне нужной людям, работавшим на верхней палубе. Один из штурманов траулера «Буревест-

ник» сообщал по этому поводу следующее. «Перед выходом в море руководители БАОЛ не снабдили команду тёплой одеждой. На всю команду было выдано только несколько пар резиновых сапог и поношенных ватных брюк. Когда мы обратились в БАОЛ, что при таком количестве одежды выходить на зимний лов невозможно, дайте хотя бы нам ещё ватные тужурки, нам ответили: “По нашей договорённости вы получите ватные тужурки в Озерновском комбинате”. В комбинате ватных тужурок не оказалось. Так нам в первом зимнем промысловом рейсе пришлось работать в резиновых сапогах, в летних ботинках, без рукавиц и перчаток. Недавно мы получили на шестнадцать человек палубной команды четыре пары катанок... Плохо также обстоит дело у нас с постельными принадлежностями. На сорок человек команды нет ни одного полного комплекта белья...»

В конце года БАОЛ был реорганизован.

Приказ начальника АКО № 301а от 5 ноября: «БАОЛ переименовать в “Управление активного морского рыболовства АКО (Морлов)”... Директором и главным инженером управления активного морского рыболовства назначить тов. Ульянова Н. И. ...Предлагаю выбрать место для базы флота Морлова и свои соображения по этому вопросу представить мне на утверждение...»

Записка о хозяйственной деятельности Морлова: «Имеет три разведчика, два дрефтера, четыре сейнера и три тральщика... Морлов в текущем 1938 г. работал без плана и вместе с рыбным промыслом занимался грузоперевозкой. Контрольная цифра лова рыбы составляла всего тридцать одну тысячу триста центнеров рыбы, из коих девять тысяч триста — сельди, четыре тысячи — красной, шесть тысяч — трески и двенадцать тысяч — камбалы. К концу 1938 г. был закончен план, в котором предвиделся убыток от реализации рыбопродукции на четыре с половиной миллиона рублей, однако он не был утверждён начальником АКО ввиду позднего его составления.

За 1938 г. упромышлено рыбы три с половиной тысячи центнеров. Убытки за 1938 г. по Морлову составляют один миллион семьсот тысяч рублей...

На выполнение плана Морлова повлияли: эксплуатация судов не по назначению, неудовлетворительное снабжение спецодеждой, необеспеченность сдачи рыбы (отказ комбинатов), снятие двух сейнеров с промысла (“Авача” и “Вилуй”) и бездействие их на протяжении сорока шести дней, отсутствие какой-либо собственной береговой базы...»

При годовом задании в тридцать одну тысячу триста центнеров рыбы, наиболее значительную часть которого составляла камбала, было поймано всего три с половиной тысячи центнеров, преимущественно сельди. Камбалу не ловили совсем.

1939

Несмотря на явную нереальность, план вылова на 1939 г. был установлен в пятьдесят две тысячи с половиной центнеров. Вот как готовилось к весенней путине одно из подразделений Морлова — сетепопшивочный цех на базе Моховой. «Рыбаки... с честью выполнили взятые на себя обязательства к XVIII съезду партии. После заключения договора с флотом нами изготовлено к весенней путине три кошелековых невода, вполне готовых к эксплуатации. Сейчас ремонтируем ещё два кошелековых невода. 2 февраля закончили пошивку тралов из смоляной нитки для лова камбалы. Ударным порядком шьются лососёвые сети.

Не отрываясь от основного производства, рыбаки получили на руки льняные нитки, из которых в нерабочее время шьют сети. К 15 февраля будет связано тридцать сетей. Весь цех работает по стахановски. Рыбаки товарищи Толстун, Рохлецов, Юдков, Кузнецов, Елизаров, Раздолгин, Закревский и другие систематически выполняют планы... На вязке тралов в особенности отличается стахановская бригада товарища Алёшкина, досрочно закончившая выполнение производственного задания. Шлюпочные мастера Е. Д. и В. Д. Константиновы сделали три шлюпки для разведчиков. Ими взято обязательство к 1 апреля изготовить ещё пять шлюпок для сейнеров и дрейфтеров».

В это время среди рыбацких коллективов Камчатки, как и по всей стране, шло социалистическое соревнование «Имени Третьей Сталинской пятилетки». Труженики сетепопшивочного цеха работали действительно замечательно. Бригада П. Н. Пинчука на вязке лососёвых сетей перевыполняла задания вдвое: рыбак Забелин при норме семь с половиной связывал по восемнадцать, Елизаров, Немцов и Кузнецов — по шестнадцать метров. Трудившиеся на оторочке сетей Тыстун и Закревский вместо трёхсот давали до семисот метров.

В апреле для исследований «в части организации научно-промысловой разведки сельди в Кроноцком, Корфском заливах, бухтах Уалла и Анапка» дрейфтер «Стахановец» после ремонта до 15 ноября передан Камчатскому отделению ТИНРО. Стоимость его эксплуатации и расходы на освоение новых районов промысла относились на счёт АКО. На эти цели предполагалось потратить

полтора миллиона рублей. 17 мая в распоряжение учёных поступил разведчик «Сатурн». Начальнику экспедиции предписано «обеспечивать... не реже одного раза в месяц информирование АКО и Морлова о ходе и состоянии работ, а при всех случаях обнаружения рыбы об этом немедленно извещать через береговую радию Морлов и капитанов промысловых судов».

В феврале директор Морлова Р. М. Айунц обратился к начальнику АКО с рапортом, в котором обосновывал необходимость расширения своего берегового хозяйства за счёт его объединения с базой Моховая. «Учитывая постепенную ликвидацию обрабатывающей базы на Моховой, в связи с развитием рыбного комбината на территории порта (порта АКО в ковше. — С. Г.), считаю целесообразной передачу этой базы в ведение Морлова со всем имеющимся промфинпланом». Главным доводом в пользу передачи Айунц выдвигал общность территории и части помещений двух предприятий.

Решение об их слиянии принято 27 апреля. Приказом по АКО, проект которого Р. М. Айунц составил 13 марта, «учитывая широкие перспективы развития Морлова на Камчатке и неотлагательное строительство базы Морлова в составе: слипа, механических мастерских, сетевязальной, траловой мастерской, складских сооружений, лабазов, консервационных мастерских и прочего», база Моховая передавалась Морлову. Тогда же решено произвести топографическую съёмку её территории, а затем начать новое строительство. «Весь руководящий состав Морлова и базы Моховой остаётся на своих местах. Руководство базой Моховой осуществляет директор тов. Ковалёв, который за свою работу несёт ответственность перед директором Морлова».

Хотя вскоре этот приказ был отменён, «как изданный без разрешения наркома», идею объединения поддержали, приказав директору Морлова и отделу капитального строительства закончить топографические и геологоразведочные работы, составить генплан и представить его на утверждение наркомата. Пока же «база Моховая заканчивает свой хозяйственный год в части добычи, обработки и реализации как самостоятельная хозяйственная единица».

Фактическое объединение Морлова и базы Моховая произошло лишь в начале 1941 г.

Вплоть до конца года Морлов не имел помещения для конторы, занимая бывший гараж. Начальник АКО С. П. Емельянов 1 ноября распорядился предоставить ему другое здание: «начальнику коммунального хозяйства АКО тов. Перелыгину выделить дом в городе по улице Красинцев, 5 под контору для Морлова. В пятидневный

срок произвести сдачу вышеупомянутого дома Морлову. Комхозу АКО выселить людей... в другие дома комхоза. Директору Морлова АКО тов. Айунц принять все меры для переселения жильцов, живущих в этом доме, но не работающих в АКО, в дома соответствующих организаций. Контору Морлова перевести в вышеупомянутое помещение не позднее 15 ноября».

Из объяснительной записки к годовому отчёту: «На продуктивность работы промысловых судов оказало влияние отсутствие угля и нефти в период лова... Работа на лове составляет только семь, на транспортных перевозках — тридцать четыре процента, остальное — текущий ремонт в ненавигационное время.

Средний годовой заработок одного рабочего в 1938 г. — восемь тысяч семьсот двадцать пять, в 1939 г. — десять тысяч пятьсот тридцать восемь рублей.

Работа по текущему ремонту судов, пошивке ста неводов и ста двадцати орудий лова проходила по-стахановски, выявлено тридцать восемь стахановцев, которые по окончании работы были все премированы.

Текучесть в Морлове была большая, начиная с января 1938 г. принято двести восемьдесят один, уволено двести шестьдесят три, в среднем на месяц двадцать девять — тридцать человек... Имеем выдвижение работников с низших квалификаций на высшие: четыре матроса — в боцманы, три боцмана — во вторые помощники, один матрос — на старшего помощника, один матрос — в третьи помощники, один боцман — в старшие помощники, один моторист — в старшие механики, один моторист — во вторые механики, кассир — в ответственные исполнители по кадрам, механик — в групповые механики...

Жилфонд: квартир — пятьсот десять, общежитие — сорок пять квадратных метров, введено в эксплуатацию в 1939 г. Площадь нежилых помещений — двести двадцать два квадратных метра. Общее число проживающих на жилплощади предприятия — сто сорок восемь, общее число работающих на предприятии, пользующихся его площадью — шестьдесят один человек».

Годовое задание вновь было провалено: вместо полагавшихся пятидесяти двух с половиной тысяч центнеров поймали в десять раз меньше.

В конце года Морлов возглавил В. П. Нахабов. К 1 октября рыбацкое предприятие по-прежнему располагало двенадцатью судами: тремя траулерами, четырьмя сейнерами, двумя дрейфтерами и тремя разведчиками.

1940

В этом году Морлов возглавляли П. И. Мамонов и А. Я. Думенко.

Приказ по управлению госрыбтреста АКО № 126 от 1 апреля:
«Утвердить... промфинплан на 1939/40 хозяйственный год... всего сорок шесть тысяч центнеров».

12 июля экипаж сейнера № 2 (капитан Соловьёв, неводчик Пинчук) впервые начал дневную добычу сельди. До этого рыбаки придерживались старой традиции ловить её тёмными ночами, определяя перемещение косяков по фосфорическим вспышкам на поверхности воды. В районе Жупановского комбината капитан и неводчик заметили на море необычную рябь, вызванную всплесками рыб. Так впервые днём был обнаружен косяк сельди. Первый же замёт принёс двести центнеров. Днём 14 июля взяли ещё четырёста.

«Когда рыбаки пришли в Петропавловск и рассказали, что они ловили сельдь днём, им не поверили.

— Не может этого быть! Все селёдку ловят ночью, а вы днём... Да вы просто шутите! Ведь ночью ловят селёдку на Каспии, в Приморье. Везде ловят ночью.

— Не верите, как хотите, а мы ловили днём!

Сейнер опять в море. Шесть часов вечера 20 августа. Солнце клонилось к закату. Яркие лучи его золотили морскую поверхность. Капитан и неводчик на вахте. Они внимательно наблюдают за морем. Входим в бухту Жировую. Вдруг заметили всплески воды. Это оказался огромный косяк сельди. За один замёт невода поймали около тысячи центнеров. Сейнер взял на борт семьсот двадцать семь центнеров да нагрузил в мешок (садок) сто шестнадцать. Это был необычайно рекордный улов кошельковым неводом в камчатских водах...»

4 сентября рыбаки Морлова собрались на сейнере № 1. Здесь они обсуждали опыт дневного лова и предложения по совершенствованию его организации. Капитан дрейфтера «Ударник» Козинец вновь заговорил о необходимости обзаведения судном-«маткой». «Если будет выделена плавучая база, то мы сможем ловить рыбу круглосуточно, тогда в два-три раза перекроем свои планы. В настоящее время рыбу мы ловим не более трёх часов в сутки, остальное время мы или ремонтируемся, или стоим в порту, или бегаем за продуктами. Организация плавучей приёмной базы позволит нам избежать этих простоев». Он заявил, что не видит препятствий к дневному лову сельди, так как неоднократно натёкался на косяки рыбы, но взять их не мог из-за того, что следовал

на береговую базу с уловом на сдачу. То же говорил и неводчик сейнера № 1 Тропин.

Групповой механик Цуркан и боцман сейнера № 1 Товкач предложили использовать плавучую базу не только для сдачи улова, но и как снабженческое судно, а также в качестве ремонтной мастерской. «Порвался немножко невод — опять в порт, произошла какая-нибудь самая незначительная поломка машины, болтик сломается — тоже идём в порт...» Неводчик «Стахановца» Баталов заявил прямо: «Пусть скорее дают нам траулер. Мы завалим его рыбой!»

Недоумение рыбаков вызвало отсутствие на таком важном совещании начальника АКО и главного инженера общества Айунца, ещё недавно руководившего Морловом и хорошо знавшим все его сложности.

Спустя несколько дней экипаж сейнера № 2 выступил с почином «За десяти тысячный улов сельди на каждый сейнер!»

«В ознаменование пятилетия стахановского движения и двухсотлетнего юбилея города Петропавловска-на-Камчатке мы, экипаж сейнера № 2 Морлова АКО, берём на себя обязательства: до конца 1940 г. выловить ещё шесть тысяч четыреста центнеров, доведя лов до десяти тысяч...»

Надо сказать, что глубевой сейнерный лов сельди на Камчатке имеет большие перспективы, и если его правильно организовать, то вылов десяти тысяч центнеров на судно в год не будет казаться таким большим и невероятным, как это предполагают некоторые отсталые люди теперь...

Выловленный сырец обязуемся сдавать весь высокого качества. Обязуемся также обеспечить бесперебойную работу сейнера и всех его механизмов, содержать в хорошем состоянии орудия лова. Наш невод находится в эксплуатации уже две путины, мы принимаем обязательство провести ему капитальный ремонт своими силами в процессе работы, не прекращая лова.

Со своей стороны мы требуем у управления Морлова АКО своевременного обеспечения сейнера запасными частями, инструментом, горючим, смазкой, чтобы с выходом на лов и на лову у нас не было никаких задержек. Также очень важно, чтобы Авачинский комбинат, которому мы сдаём рыбу, не задерживал от нас улова и точно выдерживал установленную норму разгрузки — сто центнеров в час на судно.

Ни один сейнер в Советском Союзе ещё не имеет вылова десяти тысяч центнеров сельди в год, поэтому, являясь инициатором борьбы

за десятитысячный улов на сейнер, мы вызываем все остальные сейнеры Морлова АКО и других бассейнов последовать нашему примеру».

Следует отметить, что выполнить намеченное вновь не удалось. Всего по плану четыре сейнера Морлова должны были добыть семнадцать тысяч шестьсот сорок центнеров, но поймали всего десять тысяч сто семь. При этом инициатор почина — сейнер № 2 — справился с заданием всего на восемьдесят восемь процентов. Вины рыбаков в этом не было: судно снова отозвали на грузоперевозки...

Осенью впервые на Камчатке на судах Морлова началось охлаждение рыбы льдосоляной смесью. Новую методику предложил технолог АКО Б. В. Крюгер. Опыты проводились на траулере «Буревестник». В его трюме установили отсеки с разборными стенками, куда слоями засыпали лёд и соль, затем накрывая их листами жести. На листы укладывали рыбу, затем вновь помещали лёд и соль. Рыба хорошо промораживалась, хранилась до выгрузки в Петропавловске и сдавалась первым сортом.

В конце года Морлов имел шестнадцать промысловых судов: семь паровых траулеров («Дальневосточник», «Буревестник», «Гага», «Восток», «Лебедь», «Топорок», «Палтус»), четыре сейнера калифорнийского типа («Авача», «Вилуй», № 1 и № 2), два дрейфтера («Стахановец» и «Ударник») и три разведчика («Нептун», «Сатурн» и «Юпитер»). В этом году улов составил девятнадцать тысяч центнеров.

Срыв объяснялся поздним выходом траулеров (вместо 15 марта — только 25 мая) из-за отсутствия топлива. Они завершили работу уже 1 июля, так как их отправили на грузоперевозки. По этой же причине не выполнили план большинство сейнеров и дрейфтеров. Единственным успешно работавшим в 1940 г. судном Морлова стал дрейфтер «Ударник».

В ноябре произошла авария с ледоколом «Малыгин». Часть судов АКО была привлечена к его поиску. Среди них находились и траулеры Морлова.

Приказ начальника АКО № 53 от 4 ноября: «Для доставки к месту работы и обслуживания экспедиции, направляемой на поиски потерпевшего аварию ледокола “Малыгин”, приказываю: директору Морлова Думенко А. Я. снарядить “Дальневосточник” и снабдить всем необходимым для плавания в течение полутора месяцев. Начальником экспедиции... назначаю начальника экспедиции шхуны “Смольный” тов. Кухарского, которому выполнять все распоряжения начальника Петропавловского порта. Срок выхода

“Дальневосточника” назначаю на семнадцать часов 14 ноября (капитан Берг К. К.). Капитану “Дальневосточника” держать радиосвязь с береговыми станциями и ежедневно информировать о ходе работ начальника Петропавловского порта».

Решение управляющего АКО по годовому отчёту Морлова: ...отметить: план заготовки рыбы-сырца выполнен на сорок два процента, что даже с учётом отвлечения флота на грузоперевозки не оправдывается теми возможностями выполнения плана, которые у Морлова имелись... Выполнение плана по выпуску валовой продукции в неизменных ценах составляет двадцать восемь процентов... Хозяйственную деятельность Морлова АКО признать неудовлетворительной».

1941

Задание предусматривало вылов сорока тысяч центнеров. В этом году Морлову был передан рыбозавод базы Моховой вместе с недавно построенным одним из первых на Камчатке холодильником и подсобными предприятиями. С 1 марта Морлов стал предприятием с законченным циклом производства, так как теперь в нём добыча объединилась с обработкой.

В его состав вошли:

- промысловый флот;
- цеха: засольный, копильный, колбасный, консервный, икорный, «огневой сушки рыбы» и строительный;
- холодильник;
- сельскохозяйственная ферма;
- коммунальное хозяйство.

Одновременно Морлов коренным образом изменил характер промысловой деятельности: из сезонной она превратилась в круглогодичную. Но, тем не менее, «успешное разрешение в 1941 г. проблемы круглогодичного морского рыболовства в его организационных формах не могло сразу оказать заметного влияния на результаты хозяйственной деятельности».

В этом году предполагалось провести опыты: освоить симметричный трал и изучить его промысловые качества в различных условиях. «На все эти работы была составлена смета... но изменническое нападение немецко-фашистских орд на Советский Союз временно приостановило эту работу, и, более того, значительную часть флота пришлось переключить на работу не по прямому назначению».

Начало Великой Отечественной войны большинство судов Морлова встретило на промысле.

Радиограмма с борта траулера «Топорок»: «Находясь в море, мы услышали по радио сообщение народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова о переходе германскими войсками советской границы без объявления войны. Экипаж тральщика “Топорок” с глубоким возмущением выслушал сообщение о вероломстве фашистов Германии, напавших на нашу священную и неприкосновенную социалистическую родину. Экипаж готов в любую минуту по зову коммунистической партии и правительства встать на защиту социалистических рубежей и дать сокрушительный отпор фашистским бандитам, чтобы им не повадно было совать своё свиное рыло в наш советский огород. В настоящий момент экипаж тральщика “Топорок” обязуется ещё теснее сплотить свои ряды, выполнить и перевыполнить производственный план, как по качеству, так и по количеству, усиливая мощь нашей социалистической родины».

Часть промыслового флота Морлова была мобилизована: суда вошли в состав Тихоокеанского флота.

Приказ начальника АКО С. П. Емельянова № 013 от 19 июля: «Во исполнение телеграфного указания начальника штаба Тихоокеанского флота... приказываю... директору Морлова АКО Ермошкину не позднее 21 июля сего года передать в распоряжение командира Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота два сейнера: “Авача” и “Вилуй”».

Начавшаяся война потребовала от людей значительного напряжения сил, так как многие физически крепкие работники были призваны на воинскую службу и покинули предприятие. «Ввиду создавшейся обстановки, недостаток на производстве базы Моховая Морлова рабочей силы — мужчин — требует вовлечения в производство вторых и третьих членов семей (то есть жён и старших детей рыбаков. — С. Г.).

Для этой цели женщины должны быть на время работы освобождены от имеющих ребят ясельного и дошкольного возраста. Если имеются на двадцать пять человек, для детей дошкольного возраста с 1 августа организуется детсад — двенадцатичасовая работа двух групп по двадцать пять человек. Не имея соответствующего помещения для детсада, временно подготавливается помещение бывшей конторы базы Моховой площадью сорок восемь квадратных метров. Помещение — барак не новый, требует большого ремонта... Лучшего помещения на сегодняшний день нет... На новый хозяйственный год — поднять вопрос о... строительстве специального дома для детсада».

Заключение АКО о хозяйственной деятельности Морлова: «План заготовки рыбы-сырца выполнен на пятьдесят два с половиной процента... План по выпуску не выполнен из-за недолова. Морлов дал более разнообразный ассортимент продукции против предусмотренного. Такие изделия, как консервы, копчёности, маринады и колбаса вырабатывались не только из лососёвых пород, но из менее ценных. Так, например, из двухсот тридцати трёх центнеров сырца, направленного на производство рыбной колбасы, рыбы лососёвых пород было только восемьдесят девять центнеров, остальные — треска, камбала, корюшка, навага. На маринад направлено сто восемьдесят три центнера уйка (мойвы. — С. Г.)... Использование этих наименее ценных пород рыбы на производство качественной продукции следует отметить как положительный момент...»

Невыполнение плана было вызвано в первую очередь отвлечением флота на обслуживание военных нужд.

1942

Оставшиеся в Морлове суда и их экипажи были военизированы. 24 января создан «дивизион рыболовецкой службы» из траулеров «Дальневосточник», «Буревестник», «Восток», «Топорок» и «Гага». Его командиром стал директор Морлова АКО Г. Я. Ермошкин. В 1942 г. в состав Тихоокеанского флота вошли дрейфтеры «Стахановец» и «Ударник». В начале 1943 г. «Ударник» погиб, разбившись о камни.

План вылова на год утверждён в объёме тридцати двух с половиной тысяч центнеров. При его разработке особо отмечалась необходимость бережного отношения к пойманному сырцу, использованию всех отходов производства, в том числе молок и головок, направляя их «в первую очередь на питание рабочих и служащих в свежем или солёном виде». В крайнем случае, отходы следовало использовать как корм ездовых собак.

Наиболее мощные промысловые суда — паровые траулеры — решено в наибольшей степени использовать на лове. В этом случае установленный план впервые можно было выполнить. Вот как моряки «Востока», приступившего к промыслу после длительного перерыва, рассказывали о своей работе в январе: «Мы получили распоряжение выйти в море... Команда нашего тральщика “Восток”, горя желанием проверить свои силы и вооружение и дать стране как можно больше продукции, с энтузиазмом взялась за работу. Первое пробное траление дало хорошие результа-

ты, мы подняли на борт полторы тонны камбалы. До этого экипаж тральщика ещё не работал на активном лове. “Восток” использовался как транспортное судно, и первый хороший улов воодушевил коллектив.

Затем за пять промысловых суток мы сделали сорок тралений и добыли пятьсот шестьдесят центнеров рыбы. Задание на вторую половину января мы выполнили, несмотря на то, что это дело для всей команды новое, а погода все дни была исключительно неблагоприятной — шторм со снегом достигал семи баллов. Это сильно затрудняло промысел. Но наши люди работали самоотверженно, стойко перенося трудности.

Особо отличился тралмейстер (так в то время называли тралового мастера. — С. Г.) Павел Егорович Алёшкин, который всё время держал трал в исправности, и матрос второго класса Владимир Кульков, хорошо работавший на уборке рыбы в трюм. Не отставал от них матрос первого класса Дмитрий Неупокоев. Илья Григорьевич Евстафиади, несмотря на штормовую погоду, хорошо держал тральщик на рыбных банках. Кочегары товарищи Вагайцев и Челаков всегда держали пар на марке и обеспечивали нужный ход судна. Механик Лесовой обеспечил бесперебойную работу механизмов.

Вместе с нами работал инженер добычи Морлова товарищ Томашевский. Он обучил экипаж траловому лову.

Сейчас мы уже имеем некоторый опыт тралового лова. В предстоящий выход в море на промысел мы учтём недостатки, которые были в первом рейсе, и задание на февраль выполним в срок. Хочется скорее снова выйти на активный лов. Между тем из-за снабжения углём и водой выход тральщика задерживается. Этого нельзя допускать!»

Приведённая выше газетная заметка показывает образцы отличного труда и дисциплины. Именно такие материалы публиковались для широкой публики. Во внутренние документы предприятий попадали и другие, не столь парадные, эпизоды. Вот выписка из капитанского приказа по траулеру «Восток» от 31 мая: «За отказ от участия в уборке рыбы с палубы и пререкания со мной, имевшее место в настоящем рейсе, помполита Хомякова лишаю тридцати процентов оплаты за пойманную и сданную рыбу». Получается, что пререкался с командиром и отлынивал от работы сам «комиссар», долженствующий быть образцом для остальных моряков.

В течение лета на «Востоке» произошло несколько серьёзных и даже трагических происшествий. Так, кочегар второго класса

покончил жизнь самоубийством, утопившись от неразделённой любви. Один из членов экипажа нанёс две ножевые раны буфетчице. Имели место «пьянка в Палане и дебош значительной группы, полное разложение трудовой дисциплины». Трёх членов экипажа арестовали, двоих — кочегара и третьего механика — предали суду, они получили по году тюрьмы. Третий — целый старший механик — по ходатайству коллектива был освобождён.

Приказ по управлению АКО № 258 от 23 июля: «...помощникам капитанов по политической части на судах флота АКО присвоить должностные звания “политрук”».

В октябре на добыче рыбы первенствовал траулер «Топорок» (капитан Лозовский, тралмастер Попов). Его суточные уловы превышали тридцать тонн. С 7 по 12 октября судно поймало сто пять тонн, преимущественно камбалы. Рейсовое задание выполнено на сто десять процентов.

Траулер «Восток» (капитан Ленский, тралмастер Токарев) за восемь дней добыл сто две тонны. После сдачи улова на Кихчикский комбинат судно опять вышло на лов и с 11 по 14 октября поймало ещё пятьдесят тонн. Траулер «Гага» с 21 сентября по 6 октября выловил сто тринадцать. Между командами шло «предоктябрьское соревнование за право рапортовать к двадцатипятилетию советской власти о выполнении фронтового задания».

Заключение о хозяйственной деятельности Морлова: «план по заготовке рыбы-сырца выполнен Морловым в количестве тридцати трёх тысяч девятисот центнеров, или сто четыре и четыре десятых процента». По сравнению с прошлым годом рыбы было поймано вдвое больше. Лучше всех сработали моряки «Топорка», давшие почти два плана.

«Необходимо отметить, что Морлов на протяжении ряда лет, будучи ещё БАОЛ, впервые в отчётном году, благодаря налаженности в работе, добился значительных сдвигов в части увеличения добычи рыбы, выполнив, таким образом, план заготовки рыбы... по сравнению с прошлыми 1940—1941 гг. Выполнение плана проходило крайне напряжённо и, в основном, было успешно завершено в конце четвёртого квартала... Во втором и третьем кварталах траулеры снимались на грузоперевозки... что следует рассматривать как ненормальное явление...»

Впервые за годы существования БАОЛ — Морлова его работа в 1942 г. признана удовлетворительной.

К концу года Морлов располагал: пристанью, медпунктом, яслями, пошивочными мастерскими, промышленным комбинатом, столяр-

ными мастерскими, конюшней, электросетью, столовой, складом, конторкой засольного цеха, вешалами для сушки неводов, овощехранилищем, шлюпочной мастерской и кузницей. Его работники проживали в десяти каркасно-засыпных палатках, крытых древесной щепой, в бараке, в домике, перестроенном из парикмахерской, в трёх утеплённых палатках и одном новом доме.

Трудившийся в то время кочегаром ветеран флота В. М. Корочин так вспоминал о своей работе: «...В 1942 г., когда рыболовные паровые тральщики работали у мыса Сивучьего и в заливе Камбальном, за два часа траления подъёмы были до двух тонн, и это считалось хорошо, но зато краба было удивительно много, и причём очень крупного. В каждом поднятом трале их было до пяти-сот штук. Тогда возник вопрос: почему же мы, рыбаки, выбрасываем этого краба за борт как прилов, тогда как он считается деликатесным продуктом?

На западном побережье в то время работали несколько краболовов, и руководство Морлова договорилось о том, чтобы они принимали от нас пойманный краб. Пришло указание: весь краб укладывать на палубе штабелем панцирем вниз и сообщать краболову. Теперь за каждый подход на сдачу мы его сдавали по две-три тонны, и нам было отрадно на душе, что этот ценный продукт был использован по назначению.

А улов камбалы, как это я запомнил, увеличился в то время, когда траулер “Буревестник” вышел на большую глубину на траверзе Явино. Как обычно, мы прошли с тралом около часу и когда стали выбирать трал, то думали, что где-то за что-то зацепились. Но оказалось, что это никакой не зацеп, а просто в трале было неимоверно много рыбы, и мы вытащили одни обрывки, а весь трал оказался оторванным и остался на грунте. Мастера добычи Алёшкин и Кузнецов кое-что пригодное из него взяли. Но когда вооружили новый (в то время на нерабочем борту был готовый трал), то уже стали с тралом идти пять минут, а иногда на стопор не брали, и при подъёме оказывалось девять — двенадцать тонн. Таким образом, это время можно считать началом лова на Явинской банке».

1943

Газета «Камчатская правда», 25 февраля, статья «Люди “Буревестника”»: «Сложна работа моряков. Но ещё сложнее она на промысловых судах. Человек должен быть здесь не только моряком, но и опытным рыбаком, в любое время способным оставить

штурвал или лопату кочегара и встать к тралу или на сортировку и засолку рыбы.

Таких людей воспитывает на своём небольшом судне капитан Владимир Михайлович Неклюдов. Ему сорок восемь лет, и тридцати три из них посвящены морю, морскому лову. Начав морскую службу в водах Ледовитого океана, Владимир Михайлович за тридцать с лишним лет избородил многие моря и океаны. С 1932 г. он непрерывно плавает в водах, омывающих Камчатку, ловя краба, треску, камбалу, сельдь.

Когда перед траловым флотом АКО была поставлена задача максимального вылова рыбы, Владимир Михайлович пришёл на “Буревестник”. Нерадостными были первые дни. План не выполнили, люди работали с прохладцей, не вкладывали в работу души, не болели за честь судна. Пришлось начинать с людей, воспитывать в них чувство ответственности за работу, за государственный план. И сейчас Владимир Михайлович может гордиться. Люди “Буревестника” — это лучшие рыбаки Морлова.

Тралмейстер — первый помощник капитана на лове рыбы. От его знаний, умения, инициативы зависит успех дела. Таким требованиям отвечает Павел Егорович Алёшкин — первый тралмейстер “Буревестника”.

— Человек дела! Неутомимый работник, — так характеризует капитан своего тралмейстера. Его можно видеть на полубаке и днём, и ночью. Когда идёт траление, всё внимание Павла Егоровича сосредоточено на одном: правильно протралить намеченный участок моря, быстро поднять трал на судно и освободить его от ценного груза. Тралмейстер хорошо знает, что трал должен подниматься свободно и без задержек. Поэтому он ведёт траление пять-семь минут, что гарантирует быструю маневренность и сохранность снаряжения. “Буревестник” не потерял ни одного трала.

Держать пар на марке, а судно на курсе — такое требование предъявляется к машинной команде. Игнат Игнатович Наркевич — старший механик. Он, его помощники, кочегары и машинисты у жарких топок помогают успешному тралению. Когда трал в действии — нужно держать высокое давление в котлах и обеспечивать необходимый ход судна. Моряки-рыбаки никогда не жалуются на машинистов и кочегаров, напротив, восторженно о них отзываются. Да и как не говорить о хорошей работе механиков, когда они делают всё, чтобы обеспечить бесперебойный лов?!

Вышла из строя центробежка, грозит срывом рейса. Этого допустить нельзя, и Игнат Игнатович с помощниками быстро находят

дефект, своими силами исправляют его, и судно продолжает лов. Крепление талей ослабли, разболтались скобы. И здесь механики помогли — быстро устранили неисправность.

Штурманы товарищи Тяжкин и Салтыков — опытные судоводители. У них судно всегда идёт по курсу, не сходит с рыболовной банки.

Вместе с механиками и штурманами, вместе с капитаном и тралмейстером матросы товарищи Пронин, Жулында, Корочин, Трофимов, засольщик Лисаков, буфетчица Евдокия Позднякова и другие в тихую и штормовую погоду борются за каждый центнер выловленной рыбы. Это они по четырнадцать — шестнадцать часов беспрерывно работают на приёмке трала, уборке рыбы.

Небольшой коллектив траулера живёт одной мыслью — помогать фронту стахановской работой на лове. И их труд виден. Они первыми в Морлове выполнили квартальный план. Они продолжают лов, в труде отметив двадцать пятую годовщину Красной Армии».

Нередко моряки попадали в опасную обстановку. Об одном таком случае рассказывает следующий документ.

Приказ по АКО № 298 от 14 июля: «18 и 25 марта 1943 г. рыболовный траулер “Гага” на пути из Охотского моря в Петропавловский порт в районе острова Уташуд — мыс Кузачи дважды обезуглился. Израсходовав весь уголь и находясь вблизи опасности, в целях спасения судна, груза и людей, по распоряжению капитана Кеербергена сожгли всё, что могло гореть: разное деревянное оборудование, окрасочный материал и груз — картон, три с половиной тысячи килограммов. Кроме этого, потерял верп весом двести килограммов и шестьсот метров ваера, выброшено за борт десять тонн камбалы, испортившейся во время качки.

Расследованием установлено, что плавание рыболовного траулера “Гага” проходило в крайне осложнённой гидрометеорологической обстановке, которая не только задержала ход судна, но и не позволила из-за плохой видимости своевременно возвратиться в Охотское море, чтобы там отстояться и пополнить бункер. 31 марта 1943 г. пароход “Орочон” прибуксировал траулер “Гага” на рейд Озерновского рыбокомбината и выдал ему восемьдесят тонн угля. 4 апреля траулер “Гага” прибыл благополучно в Петропавловск».

Судовой состав Морлова вновь изменился: 31 июля и 29 октября Тихоокеанскому флоту переданы сейнеры № 1 и № 2.

Объяснительная записка к годовому отчёту. «1943 г. является переломным периодом в занятии управлением Морлова АКО

своих функций по добыче рыбы-сырца активным морским ловом, а также обработки пойманного сырца на заводе Моховая. Тщательная подготовка к обеспечению судов всеми необходимыми орудиями лова, материалами и топливом, правильное распределение рабочей силы и другие факторы обеспечили перевыполнение государственного плана по всем основным показателям...

Приведённые показатели с полной очевидностью подтверждают самоотверженную работу коллектива рыбаков и рыбачек Морлова АКО в 1943 г. по выполнению поставленных перед ними хозяйственных задач. Особое внимание надлежит уделить судозыбкам рабочих траулеров “Буревестник” (капитан тов. Неклюдов)... и “Топорок” (капитан тов. Оводовский)».

Решение начальника АКО по годовому отчёту Морлова: «В 1943 г. впервые добился весьма существенных успехов в выполнении плана по заготовке рыбы-сырца. При плане в тридцать шесть тысяч центнеров фактически заготовлено сорок четыре тысячи центнеров, или сто двадцать два процента».

1944

Из приказа начальника АКО № 183 от 12 мая об установлении Морлову годового плана: «...заготовка рыбы-сырца, тысяч центнеров... итого — шестьдесят с половиной...»

Несмотря на то, что численность судов Морлова в годы войны сократилась, улов заметно вырос, превысив в этом году шестьдесят одну тысячу центнеров. Годовой план был перевыполнен.

На траулерах велось соревнование вахт. Так, на «Топорке» они заключили между собой договоры, в которых обязались ловить не менее восьми тонн рыбы. 20 января вахта третьего помощника капитана Салтыкова и тралмейстера Косыгина добыла почти тринадцать тонн. Заступившая на смену вахта второго помощника капитана Романова и помощника тралмейстера Кулинова выловила уже четырнадцать с половиной. Первой же за эти сутки стала вахта старшего помощника Гладкова и помощника тралмейстера Шашина: она взяла пятнадцать. Всего же за сутки рыбаки добыли семьдесят две тонны рыбы. Такой результат был достигнут впервые. Впрочем, вскоре он был заметно перекрыт: 30 января вахта Романова и Кулинова выловила уже семнадцать с половиной тонн.

Радиограмма с борта траулера «Топорок»: «Экипаж одержал крупную трудовую победу — 24 марта завершил выполнение годового плана вылова рыбы. Меньше чем за три месяца промысла в чрезвычайно трудных условиях зимы, в бурном Охотском море

моряки выловили тринадцать тысяч центнеров рыбы. Полный горячей любви, беззаветной преданности матери-Родине, воодушевлённый предстоящими победами героической Красной Армии, экипаж траулера успешно продолжает лов рыбы в фонд Верховного Главнокомандования Красной Армии».

«Камчатская правда», 2 апреля: «В течение долгого времени среди тральщиков Морлова АКО рекорд по добыче оставался за командой тральщика “Тага”, выловившей за сутки пятьдесят пять тонн рыбы. Это считалось большой производственной победой в траловом рыболовстве. Моряки тральщика “Восток” (капитан тов. Ленский, тралмейстер тов. Косяченко) решили перекрыть этот рекорд. Они долго готовились к этому, выискивали новые банки, увеличивали число тралений. 31 марта им удалось одержать крупную производственную победу. В этот день команда тральщика выловила сто двадцать тонн рыбы и установила новый трудовой рекорд. Моряки не останавливаются на достигнутом. Они дали твёрдое слово добиться ещё лучших результатов и этим помочь наступлению героической Красной Армии».

Объяснительная записка к бухгалтерскому отчёту: «Победоносное наступление героической Красной Армии на фронтах Отечественной войны и трудовые подвиги трудящихся нашей родины в тылу породили небывалый подъём среди моряков, рыбаков и рыбацек нашего коллектива на досрочное выполнение государственного плана 1944 г., всестороннюю поддержку Красной Армии в её борьбе за наше правое дело.

На всём протяжении Великой Отечественной войны коллектив Морлова АКО, несмотря на трудности военного времени, из года в год навёрстывал темпы добычи и обработки рыбы... Наращиванию темпов добычи способствовала самоотверженная работа в трудных условиях зимней и тяжёлой метеобстановки передовых траулеров и всесторонняя подготовка необходимого количества орудий лова. Так, например, “Топорок” — капитан Неклюдов, тралмейстер Попов, старший механик Анкур (план — тринадцать тысяч центнеров, отчёт — восемнадцать тысяч), “Тага” — капитан Иванов, тралмейстер Токарев, старший механик Мамонтов (план — девять тысяч, отчёт — одиннадцать тысяч девятьсот пятьдесят).

Если учесть, что траловый флот на добыче рыбы использовался только на тридцать пять процентов своего времени, становится понятным, какие широкие перспективы имеются для развития морского тралового рыболовства у берегов Камчатского полуострова...»

1945

В начале года наиболее успешно действовал «Буревестник» под командованием капитана П. М. Иванова. В течение четырёх дней января в районе Озерной судно добыло двести пятьдесят тонн. Самый большой улов — девяносто одна тонна — пришёлся на 14 января.

«В конце января команда тральщика “Буревестник”, по-фронтовому проведя два рейса, обязалась в январе в честь победного наступления Красной Армии провести ещё один рейс. Это обязательство с честью выполнено. Выйдя в третий раз на лов, члены экипажа за тридцать четыре часа добыли двести двадцать тонн рыбы». Команда заявила: «Увеличением добычи рыбы мы помогаем родным советским воинам. Пусть они беспощадно громят врага, ещё стремительнее идут вперёд к Берлину!»

Отлично трудились и моряки «Топорка» (капитан Неклюдов, тралмейстер Попов). В февральском море за короткое время они добыли сто тонн. Экипаж решил перевыполнить рейсовое задание к годовщине создания Красной Армии на сто пятнадцать процентов, сэкономить пятнадцать тонн топлива и «честным трудом славить героических советских воинов».

Помимо помощи фронту напряжённым трудом в море, рыбаки Морлова приняли непосредственное участие в боевых действиях. 9 августа на территории Камчатской области было введено военное положение: началась советско-японская война. На следующий день исполняющий обязанности директора Морлова, он же «командир дивизиона» А. Я. Думенко, распорядился организовать «унитарную команду противовоздушной обороны в составе сорока шести человек с шестью отделениями... Приказываю командирам отделений быть с 10 августа всегда в полной готовности. Для производства практических занятий устанавливаю два раза в неделю — вторник и четверг — по два часа». На случай возможных воздушных налётов противника введены особые правила светомаскировки.

Готовился к боевым действиям и промысловый флот. Последним аккордом Второй мировой войны стала Курильская десантная операция. Вот что вспоминал о событиях августа 1945 г. бывший старший механик траулера «Гага» А. Е. Мамонтов: «Перед высадкой нашего десанта на Курилы “Гага” стояла на судоверфи. Только взялись за паровой котёл, шесть трубок уже вырезали. А тут военные: “За сколько сможете подготовить судно к участию в высадке?” Мигом прикинули всё, и уверенно: “За сутки”. Знаю:

скорее и чудо не поможет. Они в ответ: “Не подходит”. Взяли “Буревестник” и “Дальневосточник”, нас оставили. Очень жалели все, но сделать действительно ничего нельзя было».

«Буревестник» и «Дальневосточник» под командованием П. М. Иванова и К. К. Берга перебрасывали десант из Петропавловска на остров Шумшу. Пять членов экипажа «Дальневосточника» получили боевые награды за отличие при доставке военных грузов и их своевременное снятие в сложных погодных условиях. «Экипаж тральщика лично участвовал во всех грузовых работах и заслужил отличную оценку командования Камчатского оборонительного района». Старший механик траулера Г. К. Плюснин был награждён орденом Красной Звезды. Такую же награду получили старший помощник капитана «Буревестника» Н. С. Колядин, старший механик этого же траулера А. Н. Андриюшков и другие моряки.

Рыбаки показали на островах образцы мужества и героизма. Вот лишь несколько примеров этому. Механик мобилизованного сейнера «Авача» А. А. Черняев под вражеским обстрелом отвёл на буксире моторной шлюпки в безопасное место охваченную пламенем десантную баржу с боезапасом, чем предотвратил тяжёлые потери от её взрыва на ближайших судах. Во время массированной контратаки японских танков, будучи раненым, тралмастер М. Ф. Барабашев с группой бойцов под ураганным огнём противника отправился на рейд и доставил с десантного судна патроны к противотанковым ружьям. Ими были уничтожены двадцать танков и бронемашин противника. За этот подвиг обоих наградили орденом Отечественной войны второй степени.

В начале сентября во Владивостоке завершилось строительство восьми деревянных рыболовецких сейнеров с двигателями мощностью по сто пятьдесят лошадиных сил — «Трал», «Шкив», «Ваер», «Вертлюг» и другие. Их передали Морлову и решили доставить в Петропавловск самым простым, но в то же время самым рискованным способом — на буксире. Это должен был сделать пароход «Ительмен» под командованием В. Т. Войтенко. В конце сентября караван тронулся в путь через два моря и океан.

Плавание началось сравнительно спокойно. Первый удар стихии нанесла сейнерам в Японском море. Их настиг шторм, разорвавший один буксир. Затем заглохли двигатели на двух судёнышках. С большим трудом и риском для жизни их экипажи смогли устранить неполадки. В Охотском море испытания продолжились: здесь тоже штормило. На сейнерах подняли паруса, в качестве

которых использовали трюмные брезенты. В районе Четвёртого Курильского пролива снова начали рваться буксиры. Суда пошли своим ходом.

Наконец показались берега: караван подошёл к острову Алаид. Здесь моряки встретили наших пограничников. «Раньше советские корабли далеко обходили этот остров. Теперь он навсегда наш — путь в океан свободен». Подремонтировав на сейнерах моторы, караван двинулся дальше. 7 октября он в полном порядке прибыл в Петропавловск.

Удачно завершившееся плавание стало результатом упорного труда капитанов сейнеров Соколова, Маликова, Вахтеева, механиков Сорокина, Щепкова, Флотова, матросов Гридина, Барашко, Саяпина. Но вскоре выяснилось, что их труд был напрасен: сейнеры оказались непригодны для камчатских условий и были отправлены обратно.

Вот всего лишь несколько фрагментов первого десятилетия деятельности БАОЛ — Морлова, организации, заложившей основы активного лова в прилегающих к Камчатке морях. Впереди рыбаков Морлова ждал нелёгкий мирный труд, качественный и количественный рост флота, выход промысловых экспедиций на просторы Мирового океана.

Трагедии «Кита» и «Вилюя»

В центре Петропавловска на живописной Аллее флота, расположенной напротив здания, в котором когда-то размещалась контора старейшего рыбацкого предприятия Камчатки — Ордена Ленина Управления тралового и рефрижератного флота, наследника БАОЛ — Морлова, установлены обрамлённые траурными венками пять чёрных мраморных досок. На них нанесены имена моряков, навсегда ушедших в свой последний рейс. Открывает эту печальную галерею список погибших осенью 1938 г. на буксире «Кит».

Паровой спасательный буксир «Кит» пришёл на Камчатку вечером 14 сентября 1935 г. Он стал первым судном специального назначения, вошедшим в состав морского транспортного флота АКО. Буксир, приобретённый в Бремене, был построен в Германии в 1921 г. Он имел мощную машину, буксирную лебёдку и центробежный водоотливной насос, способный откачивать тысячу двести тонн в час.

Буксир-спасатель «Кит». Дедвейт четыреста пятьдесят тонн. Скорость хода восемь узлов. Одна грузовая лебёдка и одна стрела грузоподъёмностью две тонны, две спасательные шлюпки. Главный двигатель: паровая машина тройного расширения мощностью тысячу сорок пять сил. Команда двадцать восемь человек, в том числе шесть кочегаров, три машиниста и шесть матросов.

13 мая 1935 г. «Кит» отправился из Германии на Дальний Восток. Руководил перегоном судна капитан Е. Е. Потапов. Во время перехода до Владивостока, длившегося семьдесят восемь суток, моряки пережили несколько опасностей, осложнивших плавание. При прохождении пролива Ла-Манш «Кит» попал в десятибалльный шторм, задавший ему изрядную трёпку. В Бискайском заливе в топках котла провалились прогоревшие колосники, то же случилось и у берегов Алжира. Команда самостоятельно отремонтировала судно, и далее плавание продолжалось без особых происшествий. За время большого перехода буксир посетил ряд иностранных портов, в том числе Роттердам, Порт-Саид, Коломбо. В последнем он простоял семь суток, занимаясь чисткой котлов и хозяйственными работами.

30 июля 1935 г. «Кит» вошёл в залив Золотой Рог. Во Владивостоке началась подготовка к отправке на Камчатку, длившаяся до 22 августа. Через три недели судно пришло в Петропавловск, доставив сюда партию бочек с нефтепродуктами.

Е. Е. Потапов командовал судном до 19 сентября 1935 г., после него буксир принял В. Т. Оводовский. Первый капитан «Кита» Е. Е. Потапов скончался в городской больнице 8 ноября 1935 г. Его смерть стала последствием массового отравления в столовой Петропавловского порта АКО, произошедшего в праздничный день 7 ноября.

Специализированное буксирно-спасательное судно вплоть до своей трагической гибели использовалось не только по прямому назначению, но и как транспорт, перебрасывая небольшие партии грузов и пассажиров на рыбокомбинаты. К этому руководство АКО вынуждал недостаток на Камчатке малых грузовых судов. Зачастую для этой же цели применялись рыболовные траулеры и сейнеры, снимавшиеся с промысла.

Условия, в которых на них перевозились люди, были весьма суровыми. «Хорошо, если попадётся большой пароход, и счастье тому, кому удастся забраться в твиндек и укрыться там от непогоды. А то и так бывает: подвернулся “Кит” — буксирно-спасательное судно, которое имеет право перевозить только двенадцать человек

пассажиров, — а на него садят их две сотни, и едут они на палубе, уставленной бочками с керосином...»

В конце октября 1935 г. «Кит» собирался выйти в свой первый камчатский рейс с грузом соли. 20-го числа буксир завершил ремонт и приступил к приёмке двадцати тонн «железа». Его грузила передовая бригада Петропавловского порта Павла Труфакина. Завершив погрузку угля на пароход «Чавыча», ведущуюся под проливным дождём, насквозь промокшие портовики, вернувшиеся на берег, не разошлись по домам, а начали обработку «Кита», успешно выполнив и это задание.

Состоявшееся затем при начальнике управления морского транспорта и порта АКО М. М. Плехове совещание «по вопросу производственного похода к восемнадцатой годовщине Октября» наметило перевести «Кит» для дальнейшей погрузки к складам, располагавшимся на Озерновской косе. Отход судна был намечен на 23 октября. Однако он был задержан происшествием на акватории порта: вечером этого дня буксир принял участие в своей первой спасательной операции — снятии с мели парохода «Чавыча».

25 октября начальник управления морского транспорта и порта АКО М. М. Плехов издал приказ следующего содержания. «23-го числа мною было дано задание капитану буксирного катера “Кит” товарищу Оводовскому В. Т. снять с мели пароход “Чавыча”. Благодаря энтузиазму лучшей части ударников экипажа, буксир “Кит” под руководством капитана товарища Оводовского Василия Терентьевича данное мною задание выполнил блестяще, и пароход “Чавыча” в три часа 24 октября был снят с мели. За ударную работу и блестящее выполнение поставленной перед экипажем задачи по снятию с мели парохода “Чавыча” экипажу буксира “Кит” от лица службы объявляю благодарность».

Работа «Кита» на камчатском побережье в 1935 г. продолжалась до конца ноября. Чаще всего он ходил с грузами до Усть-Камчатска. 11 ноября 1935 г. Наркомпищепром СССР назначил на «Кит» помощником капитана по политической части В. Н. Прокофьева.

К началу зимы 1935—1936 гг. в Петропавловском порту сложилось тревожное положение: имевшиеся здесь запасы угля для судов подошли к концу. Топливо ожидали с пароходом ДВГМП «Урицкий», но твёрдой уверенности в его прибытии к концу декабря не было, так как судно не могло получить его во Владивостоке. Это грозило выводом флота из эксплуатации и необходимостью законсервировать его до весны. В результате могли сорвать-

ся зимний завоз и подготовка комбинатов к весенней путине, чего допустить было никак нельзя.

16 декабря 1935 г. состоялось совещание капитанов стоявших в порту судов и руководителей порта. Считали остатки угля. Его на трёх крупных транспортах («Якуте», «Эскимосе» и «Симе») и трёх более мелких пароходах (траулерах «Буревестник» и «Блюхер», буксире «Кит») оставалось всего пятьсот семьдесят две тонны. При этом двести следовало отдать пассажирскому экспрессу «Ильич», выполнявшему регулярные рейсы до Владивостока. Оставшегося угля с учётом ежедневной потребности пароходов в двадцать пять тонн могло хватить всего на две недели (только его суточный расход на «Ките», исключительно для поддержки пара в котлах без производства грузовых операций и перешвартовок, составлял четыре тонны).

Собравшиеся затем заместитель начальника порта Н. П. Весёлкин, начальник политотдела В. Т. Ершов, главный инженер порта М. М. Триумфовский, капитан над портом Архангельский, диспетчер Меркурьев и капитаны судов Кириллов («Якут»), Оводовский («Кит»), Бессмертный («Сима»), Барботько («Эскимос»), Шишковский («Ильич») постановили: «Принимая во внимание отсутствие угля, предложить всем капитанам судов АКО перейти на строгий режим расхода топлива с учётом его максимального сохранения». Для предотвращения полного «обезугливания» начальнику АКО предлагалось срочно отозвать находившийся на западном побережье Камчатки пароход «Чавыча» и «разбронировать» неприкосновенный запас, хранившийся в порту.

Самое большое количество угля, составлявшее всего триста тридцать семь тонн, «количество которого является под сомнением», имелось на «Симе». Для определения его действительных запасов создана комиссия из Триумфовского и старших механиков Баранова («Сима»), Вистина («Эскимос») и Осколкова («Якут»). Присутствующие обращались к начальнику АКО И. А. Адамовичу с просьбой «о созыве у него в ближайшее время совещания капитанов по вопросу об угле и производстве грузовых операций». По распоряжению Адамовича оно прошло 25 декабря.

Это совещание постановило, что все грузовые работы, требовавшие большого расхода воды и топлива, следует прекратить до прибытия угля из Владивостока. Диспетчер порта Меркурьев предложила «организовать снабжение водой судов, для чего необходимо поставить один из тральщиков или “Кит”». Капитан Оводовский заявил, что буксир не сможет сделать этого ввиду того, что он «для

развозки воды непригоден, так как машина сейчас неисправна, и по техническим причинам». В качестве «водолея» решили использовать «Буревестник», имевший самый малый расход угля.

В качестве ещё одной меры по сокращению расхода драгоценного топлива старший механик «Якута» Осколков назвал переход на отопление жилых помещений судов камельками, хотя это и признавалось «опасным в пожарном отношении... и связано с опасностями замерзания труб».

Вынужденную стоянку вмёрзшие в лёд пароходы, в том числе и «Кит», использовали для проведения ремонта. В начале 1936 г. капитана В. Т. Оводовского на нём сменил П. М. Иванов.

С наступлением весны судно вновь начало работать на перевозке небольших партий грузов. Так, в апреле 1936 г. буксир выделялся в распоряжение начальника управления снабжения АКО для доставки продовольствия и промышленных товаров на организуемую в Петропавловске районную ярмарку.

Летом 1936 г. «Кит» принял участие в операции по спасению севшего на камни парохода «Сясьстрой» и его пассажиров. 10 июня судно, вёзшее на комбинаты свыше тысячи рабочих, в пятнадцати милях от мыса Крашенинникова (остров Карагинский) налетело на подводную скалу и получило пробоины в трюмах. К ночи вода в них поднялась почти на пять метров. Первым к аварийному судну пришёл находившийся от него в ста милях пароход АКО «Ительмен». Он начал снимать с повреждённого судна людей. Получив с «Сясьстроя» сигнал бедствия, из Усть-Камчатска на помощь двинулся пароход «Сучан», а из Петропавловска снялся на место аварии «Кит». На нём находился водолаз, намеревавшийся определить состояние подводной части корпуса «Сясьстроя». «Кит» работал на месте аварии с 11 июня по 11 августа, то есть шестьдесят два дня.

В конце 1936 г. судном командовал М. Н. Никифоров, должность старшего помощника капитана занимал Н. Ф. Шурыгин, «дедом» — старшим механиком буксира — был С. Д. Баранов.

В 1937 г. на судно вернулся капитан П. М. Иванов. В этом году «Кит» впервые провёл успешный опыт по доставке морским путём в Петропавловск плота с лесом — так называемой «сигары». Такую попытку пытались предпринять ещё летом 1935 г. Она оказалась неудачной: плохо скреплённую сигару по дороге размыло волнами. Неудачу в духе времени приписали деятельности «вредительских элементов», якобы принимавших все меры к тому, «чтобы преградить путь камчатскому лесу».

Опыт был повторён в сентябре 1937 г. 7 сентября «Кит» взял в Усть-Камчатске на буксир заготовленный в Ключах плот объёмом тысячу двести шестьдесят «кубов» и вышел с ним в море. 8 сентября караван со скоростью три с половиной узла проследовал мимо мыса Кроноцкого. 10 сентября он прибыл в Петропавловск. Сплотка первой сигары длилась двенадцать суток. В Усть-Камчатске ею руководил А. И. Милютин.

По его словам, «плот делали по американской системе — сигарообразный, обтекаемой формы. Для лучшего сопротивления волнам плоту придана гибкость. Он может вполне выдержать шестибалльный шторм. Единственное, чего боится наш плот — это попутной волны, которая угрожает ему переломом». Сигара длиной пятьдесят и шириной семь метров имела осадку три и возвышалась над водой на два метра. Длина буксирного конца превышала триста метров. Во время плавания сигару пришлось дважды перетягивать для того, чтобы предотвратить её разрушение. В этом плотогонам помогли моряки «Кита», возглавляемые П. М. Ивановым.

После этого опыта доставка леса в Петропавловск по морю прочно вошла в практику работы АКОфлота. «Мы опровергли вредительскую теорию о невозможности использовать камчатский лес», — заявил по окончании плавания капитан сплотки А. И. Милютин.

В самом конце 1937 г. одно из таких плаваний завершилось неудачей: «Кит» потерял и плот, и буксир. В ходе расследования происшествия, обошедшегося казне в триста тысяч рублей, виновными были признаны моряки. «Обнаружилась фанера, подложенная под стопорную ленту (под тормоз буксирной лебёдки. — С. Г.). Во время приёмки плота у лебёдки находился второй механик Мицай, боцман Арен и матрос Бондаренко. Подсыпал песок и подложил фанеру Мицай. Это видели боцман и матрос, но укрыли эти факты от комиссии».

Вот такой факт деятельности «вредителей», проникшей, как считалось, во все области жизни советского общества той поры, был выявлен в результате следствия. Сейчас нам, представляющим обстановку того времени, нетрудно предположить, какими методами могли быть получены подобные «признания».

Летом 1936 г. капитан «Эскимоса» Г. А. Барботько подал начальнику АКО И. А. Адамовичу записку с предложением снять с мели пароход «Нэнси Моллер» грузоподъёмностью пять тысяч тонн, ранее принадлежавший английской компании из Шанхая. Осенью 1930 г. это судно было выброшено на мель в районе Жупановского комбината. Идея была принята, но осуществить её

только силами АКО считалось невозможным. 19 июля 1936 г. Адамович писал по этому поводу наркому пищевой промышленности А. И. Микояну: «Я бы лично считал, что нам самим заниматься этим вопросом будет крайне сложно — затратим большие средства, оторвём от прямой работы наши плавсредства, и поскольку у нас нет эпроновских специалистов и эпроновского опыта (ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения, специализированная судоподъёмная организация. — С. Г.), — вряд ли мы сможем это дело до конца довести, хотя наши работники и согласились эту работу проделать». Адамович просил разрешения Микояна передать выполнение спасательной экспедиции ЭПРОН, обещая последнему своё содействие.

Спустя год, в начале лета 1937 г. пароход «Ангарострой» доставил в Петропавловск в распоряжение ЭПРОН оборудование для подъёма «Нэнси Моллер». Отсюда на место работ его собирались доставить на «Ките». Ко времени начала снятия судна с мели из Владивостока ждали специальный буксир.

В конце осени 1937 г. «Кит» пришёл с восточного побережья в Петропавловск, где должен был ремонтироваться и затем выйти в Жупаново к «Нэнси Моллер». Не успев завершить ремонт в полном объёме, 16 декабря 1937 г. буксир получил приказ собрать машину, принять бункер и идти в море. Взяв уголь, имевший, как позже выяснилось, крайне низкое качество, судно отправилось в плавание. Разыгравшийся шторм сорвал с креплений перевозимые на верхней палубе бочки с топливом, которые, перекатываясь, повредили рулевое управление. Моряки, спасая судно и себя, выбросили за борт двадцать одну ёмкость, после чего «Кит» вернулся в порт. Вскоре он отправился в комбинат повторно, но не успел пройти и до ворот Авачинской губы, как в двух топках котла прогорели и провалились колосники. После вынужденного ремонта буксир вышел в третье плавание. Когда он прибыл на место, то выяснилось, что корпус «Нэнси Моллер» разбило штормами, и он не подлежит восстановлению.

С 1 апреля по 15 июня 1938 г. «Кит» получил в Петропавловске свой последний ремонт. В этом году он по-прежнему работал как транспортное судно, справившись с плановым заданием на грузоперевозки всего наполовину.

1 октября 1938 г. приказом руководства АКО «Кит» в соответствии с положением о буксирно-спасательных судах, «относящихся к судам специального назначения, имеющим мощные машины и снабжённые мощными водоотливными средствами», был

переведён из третьей группы судов АКОфлота, включавшей небольшие паровые траулеры, в пятую. В её состав входили крупные пароходы. Его намеревались укомплектовать специалистами, хорошо знавшими буксирно-спасательное дело, разработав для них новые тарифные ставки и систему оплаты труда.

Однако служить «Киту» в составе флота АКО оставалось совсем немного: через месяц он погиб со всеми находившимися на нём людьми. Трагедия произошла, предположительно, вечером 31 октября или ночью 1 ноября 1938 г. Утром 31 октября «Кит» с сотней тонн горючего в бочках и десятью пассажирами снялся из Петропавловска на восточное побережье Камчатки для снабжения комбинатов. Последние известия с него получили по радио в этот же день около пяти часов вечера. Капитан Ф. Д. Сорокин сообщил, что проходит траверз мыса Налычево. Более никаких сведений о местоположении и состоянии буксира не поступало.

Комиссию по расследованию причин гибели «Кита» возглавил заместитель начальника АКО Грахов. В неё вошли: аварийный инспектор Левченко, капитаны «Орочона» Бессмертный, «Снабженец № 2» Тищенко, «Эскимоса» Максяткин, капитан порта Стукалин, пожарные инспекторы НКВД и АКО Чередниченко и Красносельский.

В ходе расследования удалось установить, что погрузка горючего на «Кит» велась под наблюдением работников пожарной инспекции АКО и порта, причём по их требованию бочки, имевшие течь, были с него сняты. Капитан порта дважды задерживал выход буксира по заявлениям Ф. Д. Сорокина: первый раз из-за неисправности радиостанции, второй — из-за течи тары для горючего. Письменного разрешения на выход в море пожарный надзор не дал, ограничившись словесным, обычным в практике порта АКО. Перед выходом в море радиостанция «Кита» была исправлена. Погода благоприятствовала плаванию, судно имело удовлетворительное состояние корпуса и механизмов, не было перегружено.

Поиски пароходами и авиацией, обследование береговой полосы посуху, ведшиеся до конца ноября 1938 г., ни к чему не привели: следов катастрофы обнаружить не удалось. «Никаких признаков буксирного парохода “Кит” и его экипажа и пассажиров не обнаружено... Буксирный пароход “Кит” пропал без вести...» Так как дальнейшие поиски в зимнее время в море признавались невозможными, то аварийная комиссия считала необходимым продолжать их «по берегу от мыса Лопатки до мыса Кроноцкого, а также по береговой линии Командорских островов».

27 ноября 1938 г. составлен заключительный акт по расследованию обстоятельств гибели буксира. Комиссия посчитала «совершенно недопустимым явлением погрузку горючего на “Кит”, как на судно, совершенно неприспособленное для перевозки горючего. Практиковавшаяся перевозка горючего на судах АКО, а также дальневосточного бассейна, была необходимостью ввиду отсутствия специальных судов в системе АКО... Завоз горючего был вызван настойчивым требованием комбинатов ввиду острой нужды в горючем».

Таким образом, посылка буксирного судна, непригодного для нахождения в штормовом море, в ненавигационное время с опасным грузом признавалась вынужденной мерой. «Установить конкретных виновников... ввиду того, что “Кит” не обнаружен, также не обнаружено никаких его предметов, по которым можно было бы установить причину его аварии... не представляется возможным».

Беспристрастные бухгалтерские документы оценили затраты на поиски судна, стоимость его груза, задолженность погибшим членам экипажа и расходы по эксплуатации в сто двадцать пять тысяч шестьсот десять рублей. В качестве пособий осиротевшим семьям моряков «Кита» было выплачено пятьдесят с лишним тысяч, пожелавшие уехать с Камчатки получили на дорогу ещё пять с половиной...

Нам и поныне неизвестна причина аварии: был ли это внезапно налетевший шквал, вызвавший смещение груза, произошло ли столкновение с подводными скалами или плавающим предметом. Может быть, надежды моряков на спасение лишила повторно вышедшая из строя радиостанция, не позволившая установить связь с портом или судами, хотя вряд ли можно было рассчитывать на быструю помощь в пустынном осеннем море. Мы не знаем, какие страдания пережили люди, находившееся на «Ките»: погибли ли они вместе с судном внезапно и быстро, или им пришлось замерзать в открытых шлюпках, пронизываемых ветром и заливаемых ледяными волнами.

Вот он, скорбный список жертв стихии:

Сорокин Фёдор Дмитриевич
Дробинкин Николай Иванович
Ивлев Илья Георгиевич
Леонтьев Пётр Михайлович
Беков Михаил Алексеевич
Зудин Николай Иванович
Черницын Николай Иванович

Черных Василий Маркович
Белов Александр Николаевич
Завелицкий Данил Артемьевич
Маслов Виктор Михайлович
Дудкин Василий Андреевич
Страхов Денис Егорович
Климочкин Евгений Андреевич
Мальцев Павел Осипович
Волобухов Василий Тимофеевич
Иванченко Степан Тихонович
Стахович Алексей Степанович
Лукьянов
Попов Михаил Иванович
Пухлов Георгий Андреевич
Червяков Алексей Васильевич
Лебедев Владимир Хрисантович
Кравцов
Панафидин Георгий Григорьевич
Клейманов Василий Дмитриевич
Смолина Анна Степановна
Макаров

Список этот неполный. Не удалось полностью установить имена и отчества всех упомянутых в нём, и их численность. Сюда включены лишь двадцать восемь членов экипажа «Кита». Но, как следует из материалов расследования, на буксире находились ещё десять пассажиров, то есть случайных людей. Их имена нам не известны. Были ли они зарегистрированы в каких-либо документах? Возможно, что это выяснят будущие исследователи.

Ещё одна трагедия, унесшая жизнь тридцати одного человека, произошла штормовой ночью 16 января 1954 г. В этот день, предположительно в районе Усть-Камчатска, погиб теплоход Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства «Вилуй».

Пароходство, размещавшееся в Петропавловске, было создано в мае 1949 г. В 1952—1953 гг. его флот пополнился небольшими теплоходами «Алдома», «Аджима», «Вилига», «Вилуй» и «Витим», построенными в Хабаровске. Каждое судёнышко, числившееся в списках судового состава пароходства как «дизельная шхуна», принимало на борт до двухсот пятидесяти тонн груза. Состав их экипажей в эксплуатации устанавливался равным двадцати четырём человекам (капитан, три его помощника, четверо механиков, электромеханик, радист, боцман, шестеро матросов, три моториста, электрик, повар, буфетчик и матрос-дневальный). При нахождении

в ремонте он уменьшался до семнадцати, а в зимнем отстое — до одиннадцати человек.

В конце 1952 г. «Виллюй» встал в Петропавловске на ремонт, закончившийся 22 марта 1953 г. Работы, по сообщению капитана А. И. Лукьяненко, были произведены некачественно и не в полном объёме. Не наладили радиопеленгатор и эхолот, текла палуба верхнего мостика. После осмотра судна Регистр СССР позволил ему плавать в пределах Авачинской губы. Выход в открытое море разрешался только после ликвидации недоделок.

8 апреля 1953 г. приказом начальника пароходства П. С. Черняева между Петропавловском и Усть-Камчатском установлена регулярная грузовая линия, на которой с 1 июня закреплены «Виллюй» и его однотипный собрат «Витим». По этому маршруту они возили в Усть-Камчатск уголь, а обратно возвращались загруженные лесом.

Практика эксплуатации установленных на теплоходах двигателей показала, что у них часто наблюдались отказы при реверсе. Это затрудняло управление судами и могло стать причиной серьёзных происшествий. Впрочем, аварии при реверсе происходили и по вине экипажей. Так, 25 мая 1953 г. строгий выговор получил второй механик «Виллюя», перепутавший на манёврах ход, из-за чего теплоход ударился в борт парохода «Новгород». Кроме выговора, с виновника вычли треть зарплаты в счёт погашения нанесённого убытка.

Ночью 5 июля 1953 г. на «Виллюе», следовавшем из Корфа в Апуку, резко снизилось давление масла в дизельгенераторе. Его остановили, пустив второй. 9 июля при переходе из Корфа в Петропавловск упало давление масла и в нём. В Петропавловске, разобрав двигатели, обнаружили в их коленчатых валах трещины. Причиной происшествий стала работа с частотой вращения, запрещённой заводской инструкцией. Убыток от происшествия составил одиннадцать с половиной тысяч рублей. Старшего механика наказали за нарушение правил эксплуатации строгим выговором, также удержали и часть заработка.

10 июля 1953 г. теплоход был выведен из эксплуатации для аварийного ремонта. При проверке судна в рулевой рубке и жилых помещениях обнаружили грязь и беспорядок. На деревянной палубе команда промывала соляром части механизмов. В результате этого палубные доски пропитались нефтепродуктами и имели неприглядный вид. В подшкиперской кладовой инвентарь хранился хаотически, аварийно-спасательное имущество валялось в беспорядке на палубе. Плохо обстояло дело и с жилищно-бытовыми

условиями команды: не было чистого постельного белья и одеял, продукты хранились в антисанитарных условиях. За скверную организацию службы капитану и его старшему помощнику были объявлены строгие выговоры.

Чтобы снять имевшийся груз, 17 августа на судно временно на один рейс установили маломощный дизельгенератор. Эту работу некачественно выполнили механические мастерские. Старший механик самостоятельно перецентрировал двигатель с генератором, отступив от правил эксплуатации, что вскоре привело к поломке. В результате «Виллой» с 19 сентября вновь был поставлен на аварийный ремонт, тянувшийся до 23 ноября.

В итоге деятельность судна за 1953 г. свелась к следующему. Январь, февраль и двадцать два дня марта оно простояло в ремонте, первое плавание началось 23 марта. С 19 по 22 июня теплоход вновь ремонтировался, а 10 июля был выведен из эксплуатации для проведения аварийных работ. Затем с 8 по 21 августа он опять стоял в аварийном ремонте. 19 сентября «Виллой» вновь вышел из эксплуатации, в октябре снова находился в ремонте. С 23 ноября до 22 декабря «Виллой» пребывал в море. Всего за год теплоход перевёз три тысячи восемьсот тонн грузов, пройдя шесть тысяч миль.

В течение года «Виллой» неоднократно садился на мель. Последнее такое происшествие произошло в декабре 1953 г. во время очередного рейса в Усть-Камчатск. Теплоход стянули с мели два буксирных катера, причём один из них ударился в борт «Виллю» и оставил в нём значительную вмятину. Несмотря на это, после возвращения в Петропавловск никакого осмотра корпуса здесь не провели.

14 января 1954 г. «Виллой» вновь вышел из Петропавловска в Усть-Камчатск, имея на борту двести пятьдесят тонн угля, двадцать членов экипажа и одиннадцать пассажиров, в том числе детей. По пути в случае благоприятной погоды судно должно было зайти на остров Беринга, высадить там партийного работника и принять на борт делегатов областной партийной конференции. Полученный заранее благоприятный трёхдневный прогноз погоды не оправдался, и уже к вечеру 15 января капитан Анкундинов сообщил, что юго-восточный ветер в районе Командоров достиг восьми баллов. Поэтому «Виллой», не заходя на остров Беринга, направился в Усть-Камчатск, где его ожидали к утру 16 января.

15 января в двадцать три пятнадцать с судна пришла радиogramма о том, что ветер переменился на восточный, а его сила увеличилась до девяти баллов. Кроме этого, в трюме обнаружилась течь, причину которой экипаж установить не смог. 16 января

в два сорок «Виллой» сообщил о том, что он получил крен, водоотливные средства вышли из строя, а поступление воды продолжается. Сила ветра выросла до десяти баллов. Затем были приняты ещё две радиограммы, в одной из которых извещалось о том, что судно потеряло плавучесть. С него спустили шлюпку и успели посадить в неё трёх человек, после чего она сразу же потерялась. В последней депеше радист доложил, что он вынужден покинуть радиорубку.

Сразу же после получения тревожных известий из Петропавловска на помощь направились несколько судов, которые из-за тяжёлой ледовой обстановки в порту и отсутствия здесь ледокола смогли выйти из Авачинской губы лишь спустя сорок часов. Некоторые суда, стремившиеся на спасение, из-за полученных при работе во льду повреждений вообще не смогли выбраться на чистую воду. К предполагаемому месту аварии из Усть-Камчатска подошли пароход «Якутск» и рефрижератор № 173, из Петропавловска — пароход «Миклухо-Маклай». Затем на место катастрофы прибыл проходивший неподалеку транспорт «Степан Разин». Кроме того, район 18 января был обследован с воздуха. «Ни людей... ни судна, а также самих следов аварии в результате предпринятых поисков обнаружить не удалось, и есть основания считать, что теплоход утонул на большой глубине, а все люди, даже если они и сумели высадиться на шлюпку, погибли».

Что же стало причиной этой трагедии? По свидетельству очевидцев, перед погрузкой на судно угля не были приняты меры по предупреждению его попадания в трюмные льяла. На основании этого следствие сделало вывод о том, что куски топлива, попавшие в осушительную систему, вывели её из строя, чем способствовали затоплению теплохода. Течи корпуса, ослабленного посадками на мель и столкновениями, могло способствовать и то обстоятельство, что «Виллой» был выпущен в последний рейс без буксира или иного ледокольного судна. Он в течение почти двенадцати часов самостоятельно пробивался во льду Авачинской губы до выхода на чистую воду.

Не был забыт и человеческий фактор. «Командные кадры были подобраны явно неудовлетворительно». В отношении капитана и старшего механика руководство пароходства ставило вопрос о понижении их в должностях, в том числе из-за плохой организации несения службы и слабой технической подготовки.

Ведший следствие транспортный прокурор Камчатского бассейна заключил, что гибель судна «явилась результатом крайне

беспечного, преступного отношения руководителей пароходства к вопросу подготовки и выпуску в рейс теплохода «Виллюй». Непосредственной причиной аварии объявлялось «стихийное бедствие, течь корпуса... Виновники не установлены».

Скрупулёзно подсчитанный убыток от этого чрезвычайного происшествия составил пять миллионов сто девяносто семь тысяч рублей...

Объединяет два описанных трагических случая факт неоправданной посылки в бурное море небольших судов, неприспособленных для плаваний в зимних условиях. Итогом покрытия очередных «производственных потребностей» стали несколько десятков человеческих жизней. Ныне приведённый выше список погибших на «Ките» нанесён на стены недавно возведённого в Петропавловске величественного Камчатского морского собора, единственного на Дальнем Востоке. Составить же перечень имён моряков и пассажиров «Виллюя» пока не удалось.

Море всегда было, есть и будет враждебной человеку стихией. Когда-то давно введший великого мореплавателя в заблуждение самый большой океан планеты, получивший от него название «Тихий», позже его многократно опроверг, унеся в пучину тысячи людских жизней. Ещё одна трагедия, связанная с гибелью судна и его многочисленного «населения» выше уже упоминалась. Это исчезновение у берегов Камчатки ледокола «Малыгин», названного так в честь исследователя Арктики середины XVIII в., капитана-командора Степана Гавриловича Малыгина.

Судно это было знаменитое. Ледокол, некогда называвшийся «Брюсом», в 1915 г. купленный у Великобритании, вначале переименовали в «Соловья Будимировича». Он ещё в 1928 г. участвовал в спасении экипажа дирижабля «Италия», за что был награждён орденом Красного Знамени, так же, как и хорошо известный камчатцам ледокол «Красин», в честь моряков которого в Петропавловске была названа одна из центральных улиц. Через четыре года во время зимнего похода на остров Шпицберген «Малыгин» сам потерпел аварию, но был спасён.

С 1935 г. ледокол использовался как судно полярной гидрографии. Работавшие на нём экспедиции совершили на Крайнем Севере несколько больших географических открытий. В 1939 г. он Северным морским путём прибыл из Архангельска во Владивосток, который теперь стал портом его приписки. Отсюда на следующий год он отправился в свою очередную, но как оказалось, последнюю

полярную навигацию. Ледокол успешно дошёл до Новосибирских островов, выполнил поставленную задачу и двинулся обратно, причём последним из всех находившихся там судов.

23 октября 1940 г. «Малыгин» вышел из Providения в Петропавловск. На нём помимо экипажа из пятидесяти трёх человек пребывала научная экспедиция в составе тридцати двух членов. Вскоре начался северо-восточный шторм, быстро набиравший силу. Из-за снега ничего не было видно, волны захлёстывали палубу. Что определённо происходило в те дни, никто рассказать не может. Все сведения с места бедствия в Петропавловск, ближайший порт, поступали только по радио.

Вечером 27 октября судно подало сигнал бедствия. С него сообщали, что крен достиг двадцати градусов и постепенно растёт. Вода проникла в котельное отделение, во избежание взрыва пришлось погасить сначала один котёл, затем другой. Из приходивших в Петропавловск отрывочных сообщений полная картина не складывалась. Уже позже, в ходе расследования, предположили, что волны сорвали горловину угольной ямы, через которую вода, смешанная с углём, попала в кочегарку. Что-то подобное когда-то произошло с траулером «Буревестник» и описано выше.

Горловину с большим трудом задраили, но судно приняло много воды. В течение шестнадцати часов с ним поддерживалась радиосвязь, но в два часа ночи 29 октября она прервалась...

К примерному месту нахождения «Малыгина» сразу же по получении аварийной радиограммы двинулись находившиеся в том районе суда. Сообщение, что пароход пребывает в районе мыса Южного, сбива многих моряков с толку, потому что таких мысов было два. Первые суда к месту предполагаемой аварии пришли на вторые сутки, когда спасать было уже некого...

Поиски следов «Малыгина» длились больше месяца. В них принимали участие и аковские траулеры «Топорок», «Восток», «Дальневосточник», «Гага». Побережье обследовали пограничники, обходили местные жители из сёл Ивашки, Дранки, Хайлюли.

Использовались и пограничные самолёты. Экипаж самолёта «Звезда» возглавлял командир эскадрильи майор Соловьёв, в него вошли штурман эскадрильи старший лейтенант Карягин, борттехник Хамков и радист Донцов. Вторым самолётом руководил помощник командира эскадрильи старший лейтенант Шурьгин. Вместе с ним почти месяц трудились лётчик-наблюдатель лейтенант Перевезенцев, борттехник Фомин и радист Алексеенко.

Лётчика Шурыгина на Камчатке знали хорошо, недавно избрали в областной Совет депутатов трудящихся. Василий Алексеевич отличился ещё в ходе знаменитой «Челюскинской эпопеи» 1934 г. Тогда он получил задачу вести ледовую разведку и направлять путь парохода «Смоленск» от мыса Олюторского в бухту Провидения за челюскинцами. Несмотря на тяжёлые погодные условия, с этим он блестяще справился, за что решением коллегии ОГПУ был награждён именным оружием, а по предложению председателя правительственной комиссии по спасению челюскинцев В. В. Куйбышева — премией в размере полугодового оклада. Этот опытный лётчик научил полётам в трудных условиях Севера не один десяток молодых коллег.

Оба самолёта, поднимаясь с необорудованной площадки, в сложнейшей обстановке вначале искали судно. После того, как стало ясно, что оно погибло, пытались обнаружить кого-нибудь из экипажа.

Наконец на полуострове Озерной нашли обломки шлюпок, отдельные предметы и тело одного из членов экспедиции. Был обнаружен и портфель её начальника Я. К. Смирницкого с деньгами и документами, отражавшими ход научных исследований. Уже прощаясь с жизнью, он завернул их в непромокаемый материал и набил портфель пробкой...

Приключения «Камо», «Глобуса» и «Витима»

В разные годы у камчатских берегов случались навигационные происшествия, официальные описания которых вполне годятся как основы сюжетов рассказов, а то и приключенческих повестей. Некоторые принимавшие в них участие суда погибли, другие, хоть и с повреждениями, но уцелели, люди спаслись и успешно добрались до своих портов, попав в объятия родных и близких. Вот о трёх таких историях со счастливым исходом, случившихся в 1936—1937, 1951 и 1961 гг., я и хочу рассказать.

В начале декабря 1936 г. пароход «Камо», названный в честь известного революционного деятеля, успешно завершал так называемый «ненавигационный» рейс, то есть находился в море после срока официального запрета плаваний, в первую очередь из-за ледовой опасности. Подобные «ледовые походы» обычно вызывались крайней необходимостью, например, в доставке в отдалённые населённые пункты заканчивавшегося там продовольствия, без которого зимовка была невозможна. Так случилось и в этот

раз — судно ходило на Хатырскую культбазу, а сейчас возвращалось во Владивосток.

Пароход «Камо» был довольно крупным судном, имел длину около ста семи и осадку семь с небольшим метров. Машина мощностью в тысячу шестьсот сил позволяла развивать скорость хода до одиннадцати узлов. Ранее, ещё во время Первой мировой войны, он назывался «Жулан». Судно работало на Балтике, в 1932 г. было передано на Дальний Восток и включено в состав Дальневосточного государственного морского пароходства.

Культбаза, или культурная база — комплексная форма обслуживания малых народностей Севера, появившаяся во второй половине 1920-х гг. Задача культбазы — приобщение аборигенов к новой, социалистической жизни на основе европейской культуры. На базе размещались туземный совет, больница, школа, клуб, интернат, магазины, склады, ветеринарная служба, радиостанция, баня, жильё и даже краеведческий пункт. Их сотрудники среди прочего вели просветительную, образовательную и даже научную работу.

В пути следования возле острова Карагинского пароход попал в тяжёлый, хотя и битый лёд. Он многим рисковал, находясь в таком весьма сложном положении. Через несколько дней оно как будто улучшилось, но ненадолго. Выбившись из льдов, «Камо» вошёл в чистую воду. Сильное течение сносило его в сторону берега. Учитывая снос, капитан отвернул на несколько градусов мористее. Теперь казалось, что дальнейший путь будет безопасным. Однако днём 9 декабря при плохой видимости неожиданно прямо по курсу перед пароходом показались буруны. Команда в машину «Полный назад!» ни к чему не привела, и судно, двигаясь по инерции, наскочило на рифы. Сильная зыбь подняла пароход и крепко посадила его днищем на прибрежные камни. В помещения хлынула вода, остановилась динамо-машина, дававшая электроэнергию, погасло освещение, прервалась радиосвязь.

Из-за навигационной ошибки пароход сел на камни мыса Кекурного острова Карагинского в Беринговом море. О том, чтобы сняться самостоятельно, не было и речи. Помочь было некому — эта часть большого острова была необитаема. Стемнело, в крошечной темноте ревел ветер, бушевало море. Надо было срочно спасать людей, и экипаж, и пассажиров, сменённых обитателей культбазы, среди которых были женщины и малолетние дети.

По приказу капитана люди перешли в носовую часть парохода. Отсюда они три дня тщетно пытались спустить шлюпку и отпра-

вить её к берегу на поиски места для высадки. Ничего не выходило — сильная пурга и шторм преграждали ей путь. И только 11 декабря, преодолевая невероятные трудности, морякам всё же удалось достичь берега. Затем они приступили к перевозке на сушу пассажиров и продуктов. В обычных условиях этого себе и помыслить было нельзя, но теперь стало единственным путём к спасению. За вёсла и руль шлюпки сели самые опытные члены экипажа.

Возле берега их подстерегало новое несчастье — произошёл снежный обвал, чуть не унёсший несколько жизней. Но вместе с тем он помог избрать более удобное место для высадки. В миле от берега незамедлительно приступили к сооружению зимовочного лагеря. Всем самым необходимым воспользовались из судовых запасов и перевозимого груза. Было понятно, что помощи ждать неоткуда, придётся выживать здесь до весны. Женщин и детей устроили в наскоро сооружённых из подручных материалов «домиках», вместо печек приспособили железные бочки. Обеспечив себя сносным жильём, камовцы приступили к организации пекарни и даже бани. Женщины наладили пошивку рукавиц и тёплой одежды.

Первые дни жизни в лагере люди были обеспокоены судьбой одного матроса, отправившегося на судно добывать необходимые предметы хозяйственного обихода. Он четыре дня и ночи жил на пустом пароходе в ожидании благоприятной погоды. Не теряя самообладания, словно Робинзон Крузо, соорудил плот, на котором хотел доставить на берег судовое имущество. Это удалось, причём как нельзя кстати. Как только он добрался до суши, корпус парохода разломился надвое, а позже был полностью разрушен волнами.

Началась северная «робинзонада». Добраться до промысловых баз, которые имелись на острове, не было никакой возможности. Покинуть его можно было только морем, за которым установили наблюдение. На двадцатые сутки пребывания на острове вахтенный заметил вдали огонёк. Сначала не думали, что он принадлежит какому-то пароходу, так как несколько дней до этого наблюдавшие были введены в заблуждение звёздами Большой Медведицы. Но огни явно приближались, а когда их принадлежность уже не вызывала никаких сомнений, вахтенный дал световой сигнал: «К берегу подхода нет, осторожно!» Оказалось, что к острову приблизился пароход «Сахалин».

Утром следующего дня при дневном свете он приступил к поискам подходов к берегу. Затратив немалые усилия, моряки «Сахалина» сняли всех людей и, кроме того, взяли на борт ценную

пушнину, вывезенную с севера и спасённую камовцами во время катастрофы...

Вот такая история приключилась в суровых северных камчатских водах в середине тридцатых годов. Она чем-то напоминает знаменитую «челюскинскую эпопею», и в первую очередь — высоким духом, коллективизмом и способностью людей к самоорганизации.

17 июля 1951 г. в два часа дня в Охотском море, в Рекинникской губе произошла авария парусно-моторной шхуны «Глобус», принадлежавшей Камчатрыбфлоту. К этому времени в его составе было уже несколько десятков небольших деревянных судов, имевших маломощный двигатель и нёсших на трёх мачтах косое (шхуны) и прямое (баркентины, их было всего две) парусное вооружение. Шхуны, построенные в Финляндии в счёт послевоенных репараций, то есть возмещения нанесённого СССР ущерба, использовались как транспортные, баркентины — как учебные Петропавловского морского рыбопромышленного техникума. Когда все они собирались в порту на зимний отстой, в небо поднимался настоящий лес мачт. Может быть, такое зрелище и навело кого-то из моряков на мысль романтично назвать этот необычный флот «королевским». Название прижилось и сохранялось долго.

Шхуной «Глобус» командовал капитан Т. М. Кривоногов, штурман малого плавания, окончивший соответствующие курсы в 1949 г. Несмотря на молодость — ему исполнилось всего двадцать три года, — это был уже вполне опытный моряк. На флоте он работал с апреля 1945 г., подростком придя на него в качестве пекаря, затем стал матросом, прошёл штурманские должности на крупных пароходах и вот теперь капитанил на небольшом судне.

14 июля 1951 г. шхуна пребывала у левого борта парохода «Орочон», стоявшего на якоре в Пенжинской губе на рейде рыббазы Чемурнаут. Пароход служил плавбазой сельдевой экспедиции. «Глобус» доставил ему бункерный уголь. Стояла тихая погода, началась разгрузка первого трюма.

Полученный по радио очередной прогноз погоды от нуля до шести часов утра 15 июля предположил северный ветер в три-четыре балла. Последующие прогнозы на эти сутки обещали юго-западный ветер до шести баллов. Перегрузка угля со шхуны на пароход тем временем продолжалась. После полудня ветер начал свежеть. В час дня первый трюм был освобождён, шхуна перетянулась на швартовах вдоль борта «Орочона» и начала перегрузку из второго. Ветер усиливался и к четырём часам достиг шести

баллов, волнение увеличилось. Шхуна стала ударяться о борт парохода, швартовы от рывков начали обрываться. На «Глобусе» приготовили к действию машину. После обрыва швартовов шхуну отнесло от «Орочона», она отдала оба якоря, подрабатывая малым передним ходом.

Ветер дул с моря на берег, от которого шхуна находилась на расстоянии около пятнадцати миль. На таком ограниченном водном участке она не могла штормовать, не рискуя быть выброшенной на берег. Оставалась единственная возможность удержаться на месте на обоих становых якорях при работе машиной. Этих мер было бы достаточно, чтобы сохранять безопасное положение во время отлива только под действием силы ветра. Но во время прилива к ней добавлялась и сила течения, почему шхуну несло к берегу.

Тем временем ветер усиливался. К вечеру 15 июля он достиг уже восьми баллов. Прогнозы погоды на 16 июля предусматривали тот же юго-западный ветер в пять-семь, и только к концу суток с усилением до восьми баллов. На деле же с утра 16 июля уже ревел десятибалльный шторм. К вечеру 16 июля налёг туман, видимость ухудшалась. При отливе снос прекратился, главный двигатель работал вхолостую или его останавливали. С приливом якоря снова поползли. Запустили двигатель, сначала работали малым передним ходом, затем полным. Полностью вытравили обе якорные цепи. И вот усилившийся до одиннадцати баллов ветер развернул «Глобус» бортом к волне и понёс к берегу.

Пытались отправить сигнал бедствия по радио, но станция отказала, радист исправить её не сумел, а аварийной на судне не было. Передать просьбу о помощи флажным семафором или другими сигналами не могли из-за плотного тумана.

Моряки приготовили два адмиралтейских верпа и в половине восьмого утра 17 июля отдали их. В это время шхуна находилась от скалистого, высотой около двухсот метров, берега всего в двух милях. Глубина непрерывно уменьшалась и к полудню достигла пятнадцати метров. В два часа дня 17 июля шхуна ударилась кормовой частью о грунт, в пять часов удар повторился, и теперь корпус начало бить о грунт с каждой волной.

Капитан Кривоногов, предвидя неминуемое крушение, посоветовавшись со своими помощниками и механиками, дал команду приготовить шлюпки к спуску на воду для высадки на берег экипажа и остававшихся на борту рабочих с «Орочона». На воду спустили спасательный бот, в который сели шестнадцать человек. Ещё четверо должны были расположиться в рабочей шлюпке.

Пока пытались спустить её на воду, бот с людьми оторвало от шхуны и понесло к берегу, на который их, к счастью, выбросило благополучно.

Четверо оставшихся на борту во главе со вторым помощником капитана спустить рабочую шлюпку не смогли. Они находились на «Глобусе», пока тот не обсох, то есть не оказался на суше во время очередного отлива. Шторм тем временем продолжался, и только с 20 июля ветер стал медленно ослабевать и к концу следующих суток достиг трёх-четырёх баллов.

За помощью несколько моряков отправились пешком по берегу на рыббазу Чемурнаут, откуда радиовали на «Орочон» и в Петропавловск о случившемся. 23 июля в шесть утра во время отлива к месту аварии из Чемурнаута прибыл катер «Джамбул», на котором возвратились члены экипажа. Началась подготовка к снятию судна с грунта. На месте аварии при отливе обнаружили и подняли на борт отбитое перо руля.

24 июля в половине шестого утра во время прилива катер стащил «Глобус» и повёл его на буксире к «Орочону». Здесь выгрузили весь уголь, остававшийся во втором трюме. Моторной помпой парохода осушили первый трюм. В восемнадцать часов сорок минут с «Орочона» завели на шхуну буксир и дали ход.

2 августа на рейде Озерновского комбината «Орочон» передал «Глобус» на буксир «Эскимосу», который 6 августа и доставил пострадавшую шхуну в Петропавловск. Здесь 8 августа водолазы осмотрели её подводную часть, обнаружив существенные повреждения предохранительной медной обшивки и киля, обломанную пятку руля и две небольшие пробоины.

Официальное заключение об аварии, подписанное начальником Камчатгосрыбфлотинспекции И. В. Апенкиным, гласило: «Шхуна оказалась в обстановке непреодолимой силы... В действиях капитана Кривоногова и прочих лиц судового экипажа я не усматриваю каких-либо упущений, нарушений или небрежности, которые могли бы способствовать наступлению аварии, и виновными никого из них не считаю».

«Глобус» нуждался в серьёзном доковом ремонте...

А вот что происходило с 24 по 27 декабря 1961 г. у мыса Африка. Это — самая восточная оконечность Камчатского полуострова, а несколько необычное название для холодных северных вод она получила в честь русского крейсера «Африка», охранявшего наши берега ещё в XIX в. Здесь терпел бедствие теплоход

«Витим» Управления тралового и рефрижераторного флота. «Витим» — родной брат описанного выше «Вилюя», тоже малый теплоход хабаровской постройки.

С 1956 г. судам этого типа формально был определён срок плавания до 15 октября с удалением от берега не более ста миль. Но по опыту многих лет они с «успехом» использовались в местном каботаже между рекой Пахачей и бухтой Лаврова в Олюторском заливе в гораздо более позднее время. «Доказано, что никакого риска плавания этих судов в указанном районе до 1 декабря и на переходе в базу в Петропавловск нет». Только вот этот переход должен был проходить в сопровождении более крупных судов.

15 декабря «Витим» под руководством штурмана дальнего плавания А. Д. Маковецкого вышел с двумястами тоннами рыбопродукции из реки Пахачи, чтобы вместе с таким же малым судном «Алдома» в сопровождении теплохода «Гомель» и траулера «Кишинёв» возвратиться в Петропавловск. При нахождении примерно в тридцати милях от реки, в час дня на «Витиме» вышел из строя главный двигатель — лопнула цилиндровая втулка.

16 декабря судно на буксире «Гомеля» вошло для укрытия в бухту Лаврова, где механики и мотористы под руководством «деда» С. С. Трунова заменили втулку. «Витим» был готов идти дальше, но со всеми находившимися в бухте судами оказался в ледовом плену. Топлива и воды оставалось на пять-шесть ходовых суток, их подвоз не ожидался. «Суда, оставаясь на пределе со своими запасами, упорно пробивались во льдах к выходу в море с помощью буксира “Прилив”. Только к исходу 23 декабря, благодаря тому, что лёд был поломан зыбью, караван вышел из ледового плена, не подозревая, что благотворное действие зыби в смысле освобождения от ледового плена, как правило, предвещало приближение шторма со всеми испытаниями другого рода».

Суда отправились в плавание без буксирных тросов «в хорошем понимании требований Регистра», при неблагоприятном прогнозе погоды. Но к этому, напомню, побуждали малые оставшиеся запасы топлива и продуктов.

24 декабря машина «Витима» вдруг начала сбавлять обороты, из картера пошёл едкий дым. Машину остановили, начали выяснять причину. Подняли поршень второго цилиндра, повреждений не нашли, проверили коленчатый вал, подшипники, тоже ничего не обнаружили. В конце концов выяснилось, что лопнула шестерня механизма газораспределения, провернулся распределительный вал. Механикам это стало понятно лишь на третьи сутки со времени

остановки, то есть 27 декабря, когда вокруг уже бушевал жесточайший шторм.

«Несмотря на то, что машинная команда, находясь наравне со всем экипажем под угрозой гибели со своим судном, проявляя максимум человеческих сил и сообразительности для спасения, и обнаружив в результате этого с величайшим трудом причину самопроизвольной остановки двигателя, должна была сильно огорчиться, когда увидела, что исправление повреждений в море не в её силах по техническим условиям».

Будь главный двигатель исправен, избежать нависшей над «Витимом» опасности было бы нетрудно. Что и показала «Алдома», хоть и имевшая повреждённый гребной винт и худшее техническое состояние, но ушедшая в укрытие в Камчатский залив.

25 декабря, только через шесть часов после остановки машины, «Гомелю» удалось завести на теплоход буксир, составленный из собственного швартовного троса и буксирного каната «Витима» общей длиной свыше пятисот метров. Тем временем ветер усилился до восьми баллов, прогноз обещал дальнейшее ухудшение погоды.

Капитан «Гомеля», стараясь побыстрее укрыться от ветра и понимая малую надёжность буксира, расположил курс так, что когда трос порвался, оба судна оказались всего в тринадцати милях от берега. Ветер, достигший десятибалльной силы, потащил их к мысу Африка с двухузловой скоростью. Буксир лопнул у самой кормы «Гомеля», поэтому с носа «Витима» поднять его и завести снова не было никакой возможности.

К счастью, в это время на рейде Усть-Камчатска стоял спасатель «Зевс» морского пароходства, к которому и обратились за помощью. «Гомель» находился рядом с «Витимом», но сделать ничего не мог. Оставалось только ждать подхода «Зевса». 15 декабря к шести часам вечера «Витим» снесло на глубину сто тринадцать метров в шести милях от берега. Чтобы уменьшить дрейф, решили спустить по буксиру на скобе стоп-анкер. Это удалось, но всё же через два часа судно было уже в двух милях от мыса. В пятнадцать минут восьмого отдали оба якоря, а через час подошёл «Зевс». Используя линемёт, он трижды пытался забросить так называемый «проводник», но тот всякий раз рвался из-за сильной качки. Передать надёжный буксир никак не удавалось.

26 декабря жестокий шторм от северо-востока продолжался. В полдень «Витим» потерял стоп-анкер и держался на двух стантовых якорях, продолжая дрейфовать к берегу. «Зевс» всё так же

безуспешно пытаться подать буксир, по проводники по-прежнему рвались. Попробовали подать их на бочке, тоже не вышло.

27 декабря в начале первого часа ночи «Витим» оказался в непосредственной близости к берегу в прибойной полосе на двадцатиметровой глубине. Дважды его накрыло огромными волнами, нанёсшими большие повреждения. Они сорвали левый фальшборт, причём в местах его крепления палуба была разорвана, вода начала поступать в трюм. Через разбитые стёкла залило рулевую рубку, частично сорвало трюмный брезент и сломало лючины, снесло леера и палубное имущество.

К утру 27 декабря ветер стих до семи-восьми баллов. С рассветом моряки осмотрели повреждения, временно заделали клиньями разрывы в палубе. Без пятнадцати двенадцать, то есть на третьи сутки, «Зевсу» удалось подать буксир. На «Витиме» его закрепили, но «Зевс» развернуло бортом к волне и ветру, в этот момент на теплоходе лопнула левая якорная цепь. Теперь возникла угроза выброски на берег обоих судов. На «Витиме» отсоединили правый якорь, положение поправилось, и в половине третьего караван вышел на курс, отвернув от опасности.

Но на этом испытания не закончились. В полночь, на пути к укрытию от шторма, в Камчатском заливе на «Витиме» при десятибалльном ветре внезапно возник сильный крен в подветренную сторону. Оба капитана решили изменить курс, чтобы при крайней нужде посадить теплоход на грунт западнее Камчатского мыса, чем не дать ему затонуть. Выяснилось, что на нём волны выбили клинья, забитые в разрывы палубы. Их снова заделали, воду из трюма откачали, крен уменьшился.

28 декабря в три часа дня «Витим» был доставлен в Камчатский залив, где с помощью «Зевса» заварили повреждения и приготавливались к буксировке в Петропавловск. 31 декабря караван пришёл в родной порт. Это тяжелейшее плавание успешно закончилось, одновременно с ним подошёл к завершению и 1961-й год. Интересно, какие тосты произносили за праздничным новогодним столом эти отважные моряки? Возможно, и о том, что главным подарком им оказалась сохранённая собственная жизнь.

В официальной бумаге — заключении об этой аварии приведены вот такие слова: «В течение трёх суток экипаж теплохода “Витим” стоял лицом к лицу с опасностью погибнуть вместе с судном, вёл стойкую, героическую борьбу со стихией, выдержал самые суровые морские испытания. А судно в его руках отстоялось на якорях вблизи скалистого берега, как-то отыгрываясь среди

безобразно бушующих, огромных океанских волн при ураганном ветре, в прибойной полосе, на мелководье. Оно не опрокинулось, и не было затоплено».

Сейчас так писать документы, наверное, никто уже и не умеет.

А вывод был таков: «Непосредственные виновные лица в аварии не усматриваются».

Первый рыбацкий танкер

Быстро развивавшееся в 1930-х гг. хозяйство АКО требовало ежегодно возрастающего количества жидкого горючего для двигателей комбинатских электростанций, моторов маломерного промыслового и транспортного флота, расширявшегося парка автотракторной техники. На побережье до 1938 г. его доставляли на попутных пароходах в металлических бочках: общество ещё не располагало специализированным наливным судном. Перевозка горючего в бочках была неудобна: при их заполнении нефтепродукты разливались, в ходе перегрузки из-за плохих погодных условий нередко гибла значительная часть ёмкостей. К тому же не всегда удавалось собрать пустую тару, которой зачастую не хватало для размещения очередных партий груза.

Всё это заставило руководство АКО задуматься о приобретении специального судна. 13 марта 1936 г. Наркомпищепром СССР распорядился выделить ему из заказанных в Японии плавсредств, поставка которых в СССР ожидалась в течение 1937 г., долгожданный танкер. Судно, получившее название в честь великого пролетарского писателя «Максим Горький», пришло в Петропавловск из Владивостока 13 ноября 1937 г.

Его прибытие ознаменовало очередной этап в развитии морского транспортного флота АКО: он начал пополняться новыми, специально построенными судами. Первый рыбацкий танкер имел и современную энергетическую установку — мощный дизельный двигатель. Все остальные суда АКОфлота в это время были паровыми. 8 сентября 1937 г. составлен эксплуатационный паспорт судна. Вот выдержки из этого документа.

Построен в Японии, в Иокогаме. Первое название — «Танкер № 4». Длина пятьдесят девять, ширина одиннадцать, глубина трюма пять с половиной метров. Осадка с грузом четыре метра шестьдесят пять сантиметров, порожнего — два метра восемьдесят пять сантиметров. Главный двигатель — дизель мощностью

шестьсот лошадиных сил. Дальность плавания — тридцать ходовых суток. Вспомогательный огнетрубный котёл с рабочим давлением пара восемь с половиной атмосфер.

В конце 1938 г. появился второй паспорт, данные которого дополняли приведённые выше, нередко существенно отличаясь от них. Вот они.

«Максим Горький». Танкер, теплоход. Эксплуатационная скорость восемь с половиной узлов, дальность плавания семь тысяч четыреста миль. Экипаж тридцать два человека. Водоизмещение две тысячи сто семьдесят шесть, чистая грузопместимость тысяча сорок тонн. Длина по ватерлинии шестьдесят, ширина одиннадцать, высота борта пять метров. Один сухогрузный трюм объёмом двести девяносто шесть, восемь танков суммарным объёмом тысяча тридцать семь кубических метров. Дизель фирмы «MAN» с непосредственным реверсом, семь цилиндров, мощностью восемьсот лошадиных сил при двухстах шестидесяти оборотах в минуту. Построен в 1937 г. Топливо — моторная нефть, запас сто пятьдесят семь тонн. Расход топлива на ходу (тонны в сутки): летом — три, зимой — четыре с половиной. Запас воды семьдесят семь тонн, расход на ходу и стоянке — три с половиной тонны. Котёл двухтопочный, построен фирмой «Июкогама Док» в 1937 г., шотландского типа с поверхностью нагрева шестьдесят квадратных метров, с пароперегревателем и сухопарником, рабочее давление пара восемь с половиной атмосфер, топливо — мазут. Радиопеленгатора нет, пассажирские места не предусмотрены. Электростанция: два динамо мощностью по двенадцать киловатт, один дизельгенератор.

В конце лета 1937 г. судно пришло из Иокогамы во Владивосток, к порту которого и было приписано под номером 716. Здесь его намеревались «окончательно отделать», так как выяснилось, что по многим показателям оно не соответствовало требованиям Регистра СССР. Эти отклонения, которые не были своевременно усмотрены и устранены в ходе приёмки танкера в Японии, привычно были объявлены происками «вредителей»: «Постройка его произведена явно вредительски. Он не может эксплуатироваться из-за отсутствия ряда агрегатов и механизмов, на нём установлено плохое электрооборудование».

Во Владивостоке требуемые переделки не удались. Местное морское агентство АКОфлота отправило танкер в Петропавловск, где необходимого ему оборудования не имелось. В результате «Максим

Горький» простаивал в порту. Наконец 3 декабря 1937 г. он получил распоряжение идти за топливом на нефтебазу в Сероглазке, где принять сто двадцать тонн для заправки рефрижератора «Волга», но во время нахождения танкера у нефтебазы выяснилось, что рефрижератор в топливе не нуждается.

В середине декабря судно вновь решили вернуть во Владивосток. Экипаж, отмечая, что времени для его переоборудования остаётся совсем мало, полагал, что работы вряд ли удастся завершить к началу путины. «Так вредительно отнеслись в АКОФлоте к танкеру», — говорили некоторые моряки. Их недовольство также вызвали длительная задержка зарплаты и снижение суммы «столовых» с двух сотен рублей, установленных для танкеров Дальневосточного пароходства, до ста пятидесяти, принятых на сухогрузах АКО.

Эксплуатация судна началась 9 мая 1938 г. До этого оно находилось на переоборудовании. С учётом первой стоянки во Владивостоке после прихода из Японии, то есть с 1 октября 1937 г., простояло двести двадцать дней.

Первый годовой план танкера предусматривал выполнение с 1 мая по 1 октября пяти рейсов: одного из Владивостока в Петропавловск и четырёх из Петропавловска по камчатским побережьям. Всего следовало перебросить пять тысяч тонн нефтепродуктов.

В эту навигацию танкером командовал капитан К. Слюнин. В её ходе выявлен ряд новых дефектов главных и вспомогательных механизмов. По словам капитана, «в каждом рейсе обнаруживаются всё новые и новые ненормальности в работе. Материал на отдельных деталях очень низкого качества. Это ещё раз доказывает недоброкачественность японской продукции, особенно приготовленной для Советского Союза...» (танкер строился в счёт суммы, причитавшейся с Маньчжоу-Го за уступку Китайско-Восточной железной дороги). Как серьёзный недостаток капитан отметил отсутствие плавучего якоря, необходимого при нахождении танкера вблизи берегов на случай выхода главного двигателя из строя.

Надо сказать, что отношения с экипажем у капитана Слюнина не сложились. 31 июля 1937 г. судовой комитет рассматривал вопрос о его «незаконных действиях». Моряки отметили, что с первых дней после прихода на танкер ещё в должности старпома он «положительно восстановил против себя не только всю команду, но и административный состав судна своим не находящим себе границ наигрубейшим отношением к членам команды... Окончательно подорвал свой авторитет как среди команды, так и среди

административного состава судна, вмешиваясь и отменяя распоряжения старшего помощника Овчаренко. Тем самым подорвал трудовую дисциплину на судне. Команда не держится на танкере, не желает работать в подобных условиях...»

Помимо вышесказанного, что можно было списать на эмоциональность командира, обрисованы и его серьёзные промахи. Вроде таких: «находясь в рейсе по западному берегу Камчатки, были такие моменты, как посылка матросов на японский рыбозавод, а также после этого посадка танкера на мель в Микояновске, что им было скрыто, боясь понести ответственность...» Первое в условиях шпионomanии можно было расценить как государственное преступление, а второе являлось чрезвычайным навигационным происшествием.

А вот и уголовщина: «при отходе из Петропавловска в прошлый рейс... с трудом при активном содействии политсектора АКО были получены деньги для оплаты команде танкера зарплаты за май и июнь месяцы, а также для приобретения столового довольствия в сумме двадцать девять тысяч рублей. Команда этих денег не увидела, они были растражжены не по назначению. В результате команда три месяца не получает зарплату...»

Судовой комитет в составе председателя Суханова, секретаря Матвеева и члена Базилева просил руководство АКОФлота «в целях оздоровления работы капитана Слюнина убрать с судна». Видимо, так и было сделано, ибо его имя во флотских бумагах более не упоминалось.

За 1938 г. судно сделало пять намеченных плаваний, пройдя шесть с половиной тысяч миль. Работа осложнялась тем, что руководство АКО нередко через голову управления АКОФлота отдавало ему противоречивые указания, создававшие путаницу. Так, получив задание развезти из Петропавловска горючее по комбинатам, танкер перед заходом в порт подготовил танки, выкачав из них балластную воду. На следующий день от начальника АКО пришёл приказ следовать во Владивосток. Танки снова заполнили водой. Вскоре начальник АКО отменил свой прежний приказ, направив судно на восточное побережье, а за час до отхода поступило распоряжение заместителя начальника грузить цемент. В результате план перевозок был не выполнен.

27 марта 1939 г. на основании опыта, полученного за прошедшую навигацию, танкеру установлены следующие часовые нормы слива нефтепродуктов: в Петропавловске на хранилища нефтебазы в Сероглазке — сорок пять тонн мазута и шестьдесят лёгкого

топлива, на комбинатах — десять с половиной и тринадцать тонн соответственно.

На побережье топливо переливали в бочки, доставленные с берега на кунгасах. Такая выгрузка отличалась большими разливами (в истекшем 1938 г. они достигали пятнадцати процентов полной грузоподъёмности танкера, то есть до ста тридцати пяти тонн за рейс!). Танкер нередко долго простаивал в ожидании очереди под налив во Владивостоке. Много времени терялось на рейдах рыбокомбинатов из-за их не готовности к приёму привезённого.

Ускорить разгрузку и уменьшить потери драгоценного горючего позволило необычное техническое решение, предложенное экипажем. Оно заключалось в том, что «в 1939 г. был сконструирован и установлен разливной трубопровод с двенадцатью револьверными клапанами, а также приёмная магистраль... Вновь сконструированный и установленный разливной трубопровод был применён на практике в первом рейсе по Западной Камчатке в июне 1939 г.». Он позволил совершенно устранить утечки, одновременно выдавать топливо с обоих бортов в двенадцать бочек и увеличил скорость их налива вдвое.

Новую приёмную магистраль опробовали в июле — сентябре при наливе нефтепродуктов во Владивостоке и на их сливе в Петропавловске в сентябре 1939 г. Её использование позволило швартоваться кормой, повысило противопожарную безопасность (ранее наливали резиновыми шлангами через открытые горловины танков), ускорило погрузку почти вдвое и предотвратило потери. В изготовлении новых трубопроводов принимали участие работники морского отдела владивостокской конторы АКО и судовой экипаж во главе со старшим механиком В. А. Устименко. Регистр СССР принял их с оценкой «отлично».

В 1938/39 хозяйственном году (до 1941 г. планы работы предприятий составлялись для «хозяйственного года». Он длился с 1 октября текущего календарного до 30 сентября следующего) танкер должен был сделать в общей сложности семь рейсов и перевезти шесть тысяч восемьсот тонн. Его экипаж в начале 1939 г. насчитывал тридцать два человека. Среди моряков наблюдалась высокая текучесть. К концу года ушли двадцать шесть человек. Возможно, что причиной этого стали плохие бытовые условия. Так, постельных принадлежностей имелось всего по одному комплекту, а полотенца отсутствовали вообще. По словам помполита Г. Г. Прохорова, только после улучшения «бытового положения»,

то есть обзаведения тремя комплектами постелей и регулярной их сменой, текучесть кадров сократилась.

По окончании ремонта танкер с 8 по 13 июля 1939 г. грузился, после чего снялся на Западную Камчатку. Это плавание окончилось 6 августа в Микояновске. Судно прошло тысячу восемьсот семьдесят две мили и перевезло девятьсот восемьдесят пять тонн горючего. Затем оно вернулось во Владивосток, а 20 августа отправилось отсюда в Петропавловск, куда прибыло 27 августа, после чего стояло в ожидании разгрузки до 3 сентября.

В сентябре танкер непроизводительно потерял ещё семь суток из-за разноречивых распоряжений: он дважды получал распоряжения следовать в Оху на Сахалин, которые затем отменялись. В октябре и ноябре «Максим Горький» находился на Западной Камчатке. Здесь бушевала непогода: за весь октябрь было всего три рабочих дня, остальное время пришлось штормовать в море.

До конца хозяйственного года, то есть до 1 октября 1939 г., совершено три рейса: один по маршруту Владивосток — Петропавловск, второй — на побережье, где было «обеспечено десять баз горючим, третий — «по перевозке спецгруза». Все три — с солидным перевыполнением заданий. За полное снабжение комбинатов управляющий АКО объявил всему экипажу благодарность.

Но, несмотря на успешное выполнение отдельных рейсовых заданий, годовой план грузоперевозок был провален. Судно успело выполнить лишь пять рейсов и развезти только три с половиной тысячи тонн (то есть чуть больше половины намеченного). Причиной этого стала длительная задержка в ремонте, который вместо планового срока с 1 декабря 1938 г. по 22 марта 1939 г. шёл с 15 декабря 1938 г. по 11 июля 1939 г., то есть почти семь месяцев. Кроме этого, грузоподъёмность судна использовалась не полностью, а непроизводительные простои достигли пятидесяти пяти суток. Недогруз по каждому рейсу составлял, в среднем, около двухсот тонн, установленные нормы слива горючего на комбинатах не выполнялись из-за недостатка в них тары и плавсредств. Собственные дизели за год пережгли почти девяносто тонн топлива и смазки.

Осенью 1939 г. с «Максимум Горьким» произошли две аварии. 23 сентября он протаранил теплоход «Ненец», нанеся ему тяжёлые разрушения, при этом повредив собственную носовую оконечность. Виновными признали старшего механика и капитана: «Вина не только машины, которая отказала в реверсе на задний ход, но и капитана Бурчика, который неумело швартовался на пароход».

Убытки АКОфлота за нанесённые «Ненцу» повреждения превысили тридцать пять с половиной тысяч рублей. Виновники получили от заместителя наркома строгие выговоры.

15 ноября 1939 г. танкер сел на мель в Авачинской губе возле самого берега, причём «только случайность не привела к аварии (берег оказался песчаным)». Причиной этого происшествия вновь стал отказ машины: она опять не смогла отработать задним ходом.

Видимо, эти случаи и стали причиной снятия капитана Бурчика с судна: в конце года им командовал капитан Ляхович. Впрочем, документов, подтверждающих эту догадку, пока не найдено.

А вот ещё один эпизод из жизни судна в 1939 г. (цитируется по донесению в адрес политотдела АКО): «Старший механик Устименко в прошлый рейс в Петропавловск вместе со старпомом и радистом, благодаря пьянству на берегу, опоздали к отходу судна. В результате судно из порта не выпустили, и их опоздание повлекло простой. Старший помощник и радист были сняты с отдачей под суд через военный трибунал. Когда же снимали с работы старшего механика и прислали ему замену, второй механик вновь назначенному механику сказал: “Куда вы лезете, вы откажитесь от этого судна, скажите, что этой машины не знаете, ведь человек попадёт под суд!”»

Когда вновь назначенный стармех заявил, что он эту машину плохо знает, ему ответили, что ничего, второй механик давно работает на этом судне, он поможет. Но второй механик заявил, что он молодой механик, дело знает слабо, надо оставить старого механика. Таким образом, Устименко снят с судна не был и не получил ни единого взыскания ни по партийной, ни по административной линии».

Не имея дополнительных сведений, трудно судить об объективности изложенного и справедливости предъявленных морякам обвинений. Одно можно сказать с уверенностью — единственная в АКОфлоте дизельная машина «спасла» старшего механика, не дав сломать ему судьбу, а может быть, и жизнь.

Положение с завозом начало выправляться к зиме. За первый квартал 1939/40 хозяйственного года танкер должен был сделать два рейса и перевезти две тысячи тонн, фактически же доставил потребителям гораздо больше и стал первым судном АКОфлота, перевыполнившим квартальный план.

В последующие три месяца судно совершило ещё два плавания по маршруту Владивосток — Петропавловск. Здесь задание снова перевыполнено, но сработать ещё более успешно опять помешали

простои. За эти три месяца танкер бесполезно потерял тридцать пять суток из-за отсутствия ледокола и топлива.

В начале января 1940 г. на судно пришло распоряжение следовать в Петропавловск. Подготовка к зимнему плаванию длилась четверо суток, за которые моряки перебрали механизмы главной машины, очистили котёл. К 7 января всё было готово к выходу, но затем последовало длительное ожидание ледокола, который мог бы вывести судно из льдов Амурского залива. В результате рейс начался только 22 января. Первые пять суток он протекал спокойно, но 27 января в районе мыса Лопатка «Максим Горький» попал в жестокий двенадцатибалльный шторм.

Разбушевавшаяся стихия нанесла ему ряд повреждений. 30 января в аккумуляторном помещении возник пожар, который быстро обнаружили и погасили. Правда, от огня пострадала часть аккумуляторов, вследствие чего на семь часов была прервана радиосвязь с берегом. После её восстановления капитан известил АКО-флот: «Благодарю за сведения. Штормовку в море нахожу наиболее благополучным и единственно возможным для себя вариантом. Имел ход полмили в час. Обмерзание незначительное, повреждений значительных не имею... По судну все спокойно. Прошу не беспокоиться, помощи не нужно, связь со “Щорсом”, “Волгой” имею. *Ляхович*».

А впереди танкер ждало ещё одно суровое испытание. В полночь 31 января вахта обнаружила, что носовая часть погружается в воду. Сложилось угрожающее положение, которое могло закончиться катастрофой. Тщательный осмотр показал, что затоплены сухогрузный трюм и коффердам, где располагались водоотливные средства. Теперь было невозможно пустить в ход осушительную систему. Для спасения судна пришлось выкачать за борт сто семьдесят шесть тонн груза.

Трюм и коффердам затопило из-за того, что морская вода попала через воздушные трубы в балластные цистерны. Кроме того, она поступала через трубопровод, выходивший из коффердама на верхнюю палубу. Он соединялся с насосом, сообщавшимся с льями трюма. Клапаны насоса для предотвращения замораживания были открыты, а трубопровод на палубе оказался заглушен ненадёжно. Волны выбили заглушку, поступившая вода быстро создала дифференциал на нос, и судно начало тонуть.

Во время устранения аварии отличились четвёртый механик Козлов, донкерман Шамарин, плотник Булганов, боцман Ливанов, матрос Лобов, старший механик Устименко, капитан Ляхович. «Все они

выполняли работу, рискуя быть смытыми волнами, находясь в воде в тяжёлых условиях, они выполнили всё, чтобы спасти судно».

Потери от буйства стихии, кроме перечисленных выше, составили также четыреста килограммов сахара, два мешка крупы, по ящику сухого картофеля и сливочного масла. На палубе волны повредили поручни, сбили швартовую вьюшку, вентили и трубопровод, разбили переходный мостик и причинили много мелких неприятностей.

Весной 1940 г. судно сделало ещё четыре рейса: два из Петропавловска на западное побережье Камчатки, причём в одном из них — мартовском — задание не было выполнено из-за плохой погоды, вновь нанёсшей судну повреждения; один по маршруту Владивосток — Петропавловск и последний из Владивостока снова на западный берег. «В текущем квартале выполнен междурейсовый ремонт машины и на палубе, большая работа была сделана по ликвидации поломок, сделанных штормом в марте. Покрасили корпус и надстройки. Установили радиопеленгатор, привели в порядок все навигационные приборы и приобрели хороший секстан. Таким образом, судно обеспечено всеми необходимыми навигационными приборами».

В апреле 1940 г. капитан Ляхович покинул танкер, отправившись в отпуск, а на его место был назначен С. И. Пронин. Одновременно на треть обновился экипаж. «Политико-моральное состояние экипажа высокое, это было видно из того, как команда радостно встретила указ Президиума Верховного Совета СССР о переходе с семичасового на восьмичасовой рабочий день, с шестидневной на семидневную неделю и запрещение самовольных уходов», — сообщал в начале июля 1940 г. своему начальству помполит Г. Г. Прохоров.

В целом 1939/40 хозяйственный год прошёл удачно. При плане в восемь тысяч перевезено почти девять с половиной тысяч тонн. «Мог бы больше, но почти половина времени от общего эксплуатационного затрачена на непроизводительные простои».

С. И. Пронин вспоминал: «В 1940 г. меня назначили капитаном на танкер “Максим Горький”. У единственного на Камчатке танкера работы было много. За год мы умудрились сделать двенадцать рейсов: четыре на Западную Камчатку, три — на восточную, два — во Владивосток, два — на Сахалин и один в Анадырь. Летом 1940 г. танкер находился в Кировском комбинате на Южной базе, а на Центральной базе стоял рефрижератор Востокрыбхолода. К полудню ветер с моря покрепчал, подняли якорь с на-

мерением отойти мористее. Радист приносит телеграмму с рефрижератора. Его капитан просит помощи, так как его кормой навалило на ставной невод. С ходу подошёл по носу, отдал два якоря, подал буксир и оттащил его от невода. Этим спас судно от возможного выброса на берег, так как ветер ещё более усилился. Капитан рефрижератора дал согласие подписать документы о выплате вознаграждения, но я отказался, так как считал, что советские моряки должны оказывать друг другу помощь безвозмездно.

В январе 1941 г. при переходе из Владивостока в Петропавловск, подходя к Сангарскому проливу, старший механик Рядченко доложил, что в упорном подшипнике гребного вала обнаружены наждачный песок и глубокие насечки на вале. Мы проверили каждого человека, уточнили, когда это могло случиться. Договорились проявлять бдительность. Ближе к ужину старпом Нешевец сообщил, что в солянке нашёл битое бутылочное стекло. Проверка на камбузе подтвердила наличие в кастрюле стекла. Команде выдали сухой паёк. Всё было рассчитано, чтобы мы зашли в Японию, в порт Хакодате. На борту находился явный враг. Все наши старания ни к чему не привели. С приходом в Петропавловск подал рапорт начальнику флота в надежде, что «органы» займутся этим вопросом. Но ничего подобного не произошло. Враг остался безнаказанным, а ведь это случилось накануне войны.

31 июля 1941 г. во время профилактики главного двигателя в мастерских Востокрыбхолода во Владивостоке почти всю команду мобилизовали в Тихоокеанский флот».

В 1941 г. АКО намеревалось использовать танкер на уже ставших привычными направлениях. Теперь им командовал капитан А. Е. Миронов. Однако трёхлетняя эксплуатация выявила множество слабых мест в конструкции судна, в особенности — низкую надёжность цилиндрических крышек и втулок главного двигателя. С января 1941 г. «Максим Горький» стоял во Владивостоке в ожидании их изготовления. Тут моряки и узнали о начале Великой Отечественной войны.

3 июля 1941 г. газета «Камчатская правда» сообщала читателям о небывалом опыте, который собирались провести наши судоремонтники. «Цилиндрические крышки будут отлиты в Петропавловске. Танкеру «Максим Горький» необходимо заменить семь цилиндрических крышек, детали сложные, ответственные, весом триста пятьдесят килограммов. Завод во Владивостоке отказался, не приняла заказ Петропавловская судостроительная фабрика. АКО собралось заказать

их в США. Потом от намерения отказались. Наркомрыбпром разрешил изготовить на месте — в механических мастерских АКО.

Стахановец-модельщик Лупак изготавливал формы, руководить литьём будет знатный мастер-рационализатор П. И. Редько... В первых числах произведена первая отливка. Нарком рыбной промышленности Ишков дал указание сообщать ему о положении дел с отливкой крышек...»

Судя по всему, изготовить крышки на месте не удалось. В середине ноября 1941 г. танкер ремонтировался во Владивостоке «хозспособом». Капитан Миронов докладывал о том, что корпус теплохода нуждается в доковании, а его главный двигатель — в цилиндрических крышках, которые к тому времени уже были отлиты в США и находились в обработке на судовой верфи.

Таким образом, почти весь 1941 г. танкер был выведен из эксплуатации и в грузоперевозках не участвовал. В общей сложности он простоял в порту двести двадцать шесть суток. Правда, руководство АКО флота с удовлетворением отмечало, что «в результате произведённого капитального ремонта состав флота в техническом отношении значительно улучшился, и пароходы “Чавыча”, “Сима”, “Анатолий Серов”, “Эскимос”, “Якут”, “Максим Горький” в состоянии справиться с повышенными требованиями по перевозке, стоящими на 1942 г...»

Первая военная навигация у танкера открылась в 1942 г. С началом войны АКО отказалось от практики «хозяйственных годов», перейдя к планированию в календарных, упростившему учёт и отчётность. На предстоящий год «Максиму Горькому» установлен план перевозки в девять тысяч тонн. Его же фактическое выполнение составило только восемьдесят семь процентов от названной величины.

Причина невыполнения — повреждение дрейфующими льдами гребного винта. Это случилось 18 января 1942 г. в Беринговом море в районе мыса Сивучьего. Виновным признан капитан П. Н. Козлов. Он нарушил правила судовождения, проложив курс вопреки указаниям лоции ближе к берегу. Ущерб превысил тридцать тысяч рублей. Судно было вынуждено возвратиться в Петропавловск на ремонт.

События разворачивались так. Танкер шёл из Олюторского залива в Усть-Камчатск. При прохождении залива Озерного в его западной части судно зажали дрейфующие льды. Как следует из материалов расследования происшествия, капитан «неправильно оценил ледовую обстановку, считая судно на пути истинного кур-

са или несколько отклонённым в сторону моря, счёл нужным изменить курс для выхода на чистую воду в вестовом направлении. Этим самым приблизил судно к берегу и оказался в сплошном торосистом крупнобитом дрейфующем льду, где его зажало и дрейфовало в зюйдовом направлении. Воспользовавшись образовавшейся трещиной во льду, танкер стал пробиваться к выходу на чистую воду в сторону моря и обломал одну лопасть стального гребного винта».

Трещину во льду с судна заметили 18 января в восемнадцать сорок, затем переменными ходами оно начало пробиваться в сторону моря. В девятнадцать двадцать, во время разворота носом к выходу из льдов, на танкере ощутили толчок, а затем началась сильная вибрация корпуса. Механики отметили увеличение числа оборотов машины. В таком состоянии судно в двадцать три часа двадцать пять минут прошло траверз мыса Столбовой и вышло на чистую воду.

Капитана обвинили в том, что он не подготовился к рейсу, не изучил по лоции гидрологического режима, не учёл особенностей зимнего плавания и «не информировал своего старшего помощника о своих намерениях, чем лишил его возможности принимать участие в вопросах безопасного судовождения». В качестве наказания ему объявлен строгий выговор.

В результате аварии, а затем из-за того, что в Петропавловске танкер вмёрз в лёд, он не участвовал в перевозках до середины апреля 1942 г. У места погрузки (нефтебазы) лёд имел такую толщину, что к берегу не мог пробиться даже ледокол.

Смена повреждённого винта шла с 12 по 14 марта 1942 г. В этой работе отлично проявила себя судомеханическая служба судна: «дед» Устименко, второй механик Мащенко, третий механик Шелепов, четвёртый механик Деревянко и моторист Тихонов. Начальник АКОфлота Я. М. Драбкин распорядился выдать людям, работавшим во льду и холодной воде, три литра спирта. Вряд ли процесс смены винта предусматривал его использование в технических целях. Можно предположить, что употребить его можно было только одним способом — в качестве фронтowych «ста граммов». Тем не менее, помполит судна обвинил механиков в устройстве «коллективной пьянки».

Работа «Максима Горького» возобновилась 17 апреля 1942 г. «Выполняя исторические указания товарища Сталина, данные им в выступлении по радио и первомайском приказе 1942 г. — разгромить немецких захватчиков в 1942 г.», моряки полностью снабдили

все комбинаты АКО горючим на предстоящую путину. Команда судна насчитывала тридцать три человека. «Лучшие люди судна: токарь Зинченко — имеет неоднократные поощрения за хорошую работу, которую можно было выполнить только на судовой верфи; радист, секретарь комсомольской организации судна Жуков; донкерман Балицкий; старший механик Устименко... — добился безотказной работы механизмов, а вся профилактика ведётся во время грузовых операций; матрос Дудин — лучший матрос судна; второй механик Рядченко — имеет благодарность от начальника АКО флота; мотористы Тихонов и Куропаткин — лучшие мотористы судна; уборщица Болетонова».

Весь экипаж к лету 1942 г. подписался на денежно-вещевую лотерею на сумму пять тысяч сто рублей, или пятую часть от своей зарплаты. Кроме этого, моряки собрали на две с половиной тысячи рублей тёплой одежды для бойцов Красной Армии.

Командование судна полагало, что оно могло сработать гораздо лучше, если бы АКО флот заранее намечал предстоящие плавания и не допускал простоев. Так, в третий рейс 1942 г. на Западную Камчатку было погружено всего девятьсот двадцать пять тонн вместо тысячи ста, долго стояли под наливом в Сероглазке. В комбинатах за три рейса потеряно пятьдесят шесть суток. «Необходимо отметить, что служба флота АКО какого-либо воздействия на работу судов не оказывает. За этот период руководящие материалы по работе флота: приказы, инструкции, положения, за исключением одного приказа с объявлением капитану строгого выговора, не поступали. Обобщение опыта работы транспортного и промыслового флота не проводится. Из службы флота на судне даже никого не было».

Проведённая с началом войны военизация флота рыбной промышленности привела к заметному улучшению дисциплины. Немалую роль в этом сыграло ужесточение наказаний, причём их степень не всегда соотносилась с тяжестью проступков. За первую половину 1942 г. с формулировкой «за нарушение трудовой дисциплины» военный трибунал Тихоокеанского бассейна осудил из состава экипажа танкера несколько человек.

«Второй помощник капитана И., будучи на вахте в рейсе на восточном берегу, напился пьяным и не вышел на две вахты. Осуждён к четырём годам с отправкой на фронт», то есть получил четыре года тюрьмы, заменённых штрафным батальоном. «Третий помощник Ж. вместе с И. не вышел на одну вахту», заслужил такое же наказание.

23 июля 1942 г. был оглашён приказ начальника АКО, доводивший до моряков ещё одно решение военного трибунала. Он приговорил капитана танкера П. Н. Козлова, допустившего «антисанитарное состояние жилых помещений», не обеспечившего «надлежащего хранения аварийных и противопожарных средств», к одному году исправительных работ по месту работы. Третий механик, который «10 марта, находясь в нетрезвом состоянии, не мог нести вахту, 5 мая, будучи отправлен на берег по служебным делам, напившись пьяным, опоздал к отходу судна», был наказан тремя годами исправительно-трудовых лагерей. Приведение этого приговора в исполнение отсрочено до окончания войны, а осуждённый «направлен в действующий ВМФ» (зачлась ему при определении меры наказания и злополучная мартовская «коллективная пьянка»).

Капитан П. Н. Козлов ранее работал на судах Наркомата морского флота и в АКОФлот попал после того, как был осуждён военным трибуналом. Припомнили ему и «неподходящее» происхождение: «Капитан Козлов Поликарп Николаевич, сын командующего сибирской казахской (казахьей. — С. Г.) армией в царское время. Дело знает, но имеет много нездоровых сторон... Осуждён военным трибуналом за работу в Морфлоте к году принудительных работ с вычетом пятнадцати процентов из зарплаты. Поэтому всё время высказывает недовольство, возмущается по адресу Морфлота, называет представителей наркомата... бездарными руководителями...»

В это же время за важный и тяжкий труд одиннадцать членов экипажа получили благодарности. Матрос Толкунов поощрён «за бдительное несение вахты: будучи во льдах, предотвратил аварию».

Условия военного времени наложили отпечаток на судовую службу. К обычным занятиям моряков добавились специальные: строевая подготовка, обучение штыковому бою, изучение винтовки, организация противохимической защиты. На судне подготовили два расчёта для пулемёта Дегтярёва. В ходе военной учёбы были сыграны шестнадцать тревог, в том числе по две противовоздушные и химические.

Всё же уровень боевой подготовки в 1942 г. признавался недостаточным. Командование судна сетовало на то, что «помощи от военного сектора АКО никакой нет, кроме разработки программ, а материалами, как правило, по темам не обеспечивает. Все темы, которые на судах не в состоянии провести своими силами, начальник боевой подготовки товарищ Иванов обещал проводить во время стоянки в порту, но и этого не делается».

24 октября 1942 г. танкер отправился из Петропавловска на Сахалин в Москальво. Это плавание проходило при сильном шторме, задержавшем судно в пути на семь суток. В Москальво моряки столкнулись с «необеспеченностью владивостокской конторы лимитом», что вызвало простой. «Получив лимиты со стороны Сахнефти, танкер встретил абсолютную неподготовленность в работе и явные факты саботажа», — так они расценили задержку погрузки судна. Её удалось закончить к вечеру 8 ноября, «несмотря на то, что погода была штормовая, с наличием молодого льда, который полуразрушил пирс и угрожал замерзанием судна. Команда пришвартовала судно к пирсу и отшвартовала его своими силами».

Всего с начала эксплуатации после аварийного ремонта по замене винта судно потеряло семьдесят два дня, из них двадцать три только по рейсу в Москальво. За десять месяцев 1942 г. годовой план выполнен на семьдесят шесть процентов, за это время сэкономлено сто десять тонн топлива.

Осенью 1942 г. танкер решили отправить на межрейсовое техническое обслуживание в США. Туда он ходил под командованием капитана М. Е. Зеленского. Рейс в Сиэтл длился с 23 ноября 1942 г. по 23 января 1943 г. Ввиду низкого качества топлива и плохого состояния главного двигателя переход длиной в три тысячи сто миль из Петропавловска до Сиэтла продолжался шестнадцать суток. Обратное на Камчатку судно вышло из Портленда и в штормовых условиях двигалось девятнадцать суток.

«Максим Горький» пришёл в Сиэтл 9 декабря 1942 г. Здесь он на семь дней встал в док, в котором были проведены необходимые корпусные работы и исправлен руль. Кроме этого, сменили электропроводку, установили эхолот, отремонтировали трубопроводы, покрасили корпус. Одновременно с заводскими работами команда своими силами перебрала главный двигатель и очистила танки.

На американском заводе заказали запасные части к топливным насосам, впускные и выпускные клапаны главной машины, изготовили новую шестерню для регулятора. Судно вооружили: по указанию военного представителя СССР на нём установили пулемёты. Кроме этого, танкер снабдили не лишними в условиях военных рейсов спасательными плотами, аварийным радиопередатчиком и двумя новыми приёмниками.

Ремонт в Сиэтле завершился 22 декабря 1942 г., затем судно отправилось в Портленд за грузом. Отсюда оно 1 января 1943 г. ушло на родину, куда прибыло 23 января. Во время пребывания судна в США простые американцы приносили на танкер множе-

ство различных вещей как подарки советским людям. Их решили передать эвакуированным. Вещи «поступили во Владивосток на склад 9 марта 1943 г.».

Производственная программа АКОфлота на 1943 г. предусматривала выполнение танкером девяти рейсов и перевозку восьми тысяч тонн нефтепродуктов. Он должен был находиться в эксплуатации триста тридцать девять суток, из них на ходу — сто семьдесят восемь.

После возвращения из США «Максим Горький» направили в Москальво для доставки топлива в Петропавловск. По пути он по распоряжению из Владивостока заходил в Сопочную и Колпаково, где слил по семьдесят пять горючего. Отклонение от маршрута отсрочило выполнение очередного рейса в Америку.

Вновь туда «Максим Горький» отправился 30 апреля 1943 г. Во время зимнего плавания у поршней главной машины обнаружили трещины. Местная судоверфь не могла устранить дефекты. Перед уходом в Америку танкер должен был доставить нефтепродукты на комбинаты восточного побережья. Выполняя ответственное задание по обеспечению малого промыслового флота топливом, срыв которого грозил провалом весенней путины, экипаж взял обязательство, несмотря на неисправные поршни, увеличить проходимое расстояние на тридцать миль в сутки (при норме сто пятьдесят две мили).

Чтобы сократить время пребывания в США, ежедневный пробег на переходе в Сан-Франциско был доведён до двухсот двадцати пяти миль, а «во время нахождения в Сан-Франциско экипаж взял обязательство произвести чистку танков собственными силами, работая не восемь, а двенадцать часов. Также было постановлено во время чистки увольнений в город не производить». В результате увеличения скорости переход из Корфа в США вместо двадцати суток занял шестнадцать, а обратный путь в Петропавловск вместо двадцати четырёх — девятнадцать. Дополнительно к грузу, принятому в США в танки, топливом залили два коффердама. Это позволило доставить на Камчатку ещё сто тонн драгоценных нефтепродуктов. Грамотная деятельность машинной команды дала экономию за рейс семи тонн топлива. Рейс завершился 25 июня 1943 г. в Петропавловске. Танкер привёз домой подарков и белья для солдат на сумму сто двадцать девять долларов и более чем на три тысячи рублей.

В 1943 г. в АКОфлоте насчитывалось сто семьдесят пять стахановцев. В числе лучших среди них признавался боцман танкера

С. Б. Власов. Капитан «Максима Горького» М. Е. Зеленский «был выдвинут на руководящую работу» за трудовые успехи с должности старшего помощника капитана парохода «Ительмен».

В 1943 г., впервые за свою пятнадцатилетнюю историю, АКОфлот выполнил годовой план перевозок. Значительный вклад в это внесли и моряки «Максима Горького»: вместо назначенных восьми тысяч тонн они перебросили более девяти с половиной. Но при этом из-за отклонения от курса следования «по условиям военного времени» увеличились пробеги. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования рыбопромышленных предприятий в третьем квартале 1943 г. «Максим Горький» получил премию наркома в размере семнадцати с половиной тысяч рублей. Вместе с ним был поощрён пароход «Чапаев».

В 1944 г. АКОфлот работал в исключительно неблагоприятных метеоусловиях. Суровая и затяжная зима, сопровождавшаяся тяжёлыми ледовыми условиями в проливе Лаперуза, привела к тому, что транспортные суда потеряли, в общей сложности, сто девяносто одни сутки на ожидание включения их в караваны для организованной ледовой проводки. Ещё шестьдесят суток затрачено собственнo на проводку в самом проливе.

21 января 1944 г. вышел приказ Наркомрыбпрома, предписывавший флотским организациям проводить ремонты судов преимущественно силами экипажей. Руководство АКОфлота расценило его как «не учитывающий отсутствие на судах плотников, столяров, кузнецов, токарей. Этот приказ не учитывает также то, что экипажи наших судов занимаются и погрузо-разгрузочными работами».

Ежегодно утверждаемые наркоматом графики ремонта судов постоянно им же самим и нарушались. Так, в 1943 г. он пытался поставить танкер вместо ремонта на приморскую линию, но благодаря вмешательству руководства флота и инспекции Регистра СССР этого сделать не удалось.

За год несколько раз менялось руководство судна. С 1 января по 24 октября капитаном был М. Е. Зеленский, затем его ненадолго сменил капитан И. С. Сергеев, а с 1 декабря судно принял Г. А. Барботько. Старшие помощники капитана сменились дважды: 19 сентября П. И. Нешевец сдал дела А. Н. Бурлуцкому. Механическую службу по-прежнему возглавлял «дед» В. А. Устименко.

В 1944 г. на судах АКОфлота появились новые члены экипажей — юнги. Это были подростки, в том числе и дети воинов-фронтовиков, отбিরавшиеся особой комиссией. Таким способом велась практи-

ческая подготовка будущих моряков. Теоретическим премудростям их должны были обучать на берегу. В 1944 г. на танкере находился один юнга. С 15 мая по 25 июля 1944 г., то есть в течение семидесяти суток, танкер проходил средний ремонт в США.

16 января 1945 г. прошло совещание экипажа. Выступивший капитан Г. А. Барботько обрисовал работу за прошедший год. При плане в восемь тысяч тонн «Максим Горький» перевёз в 1944 г. чуть больше пяти тысяч. Невыполнение задания вновь объяснялось большими простоями и сверхплановыми пробегами в балласте. Тем не менее, моряки сэкономили девяносто шесть тонн топлива. Они «также стремились к выполнению плана... но по причинам, от них не зависящим, не могли добиться выполнения планов, так как вынуждены были сделать меньшее количество рейсов с грузом, чем было предусмотрено».

В августе 1945 г. танкер принял участие в боевых действиях на Курилах, будучи «мобилизован как временный военный транспорт». В течение восемнадцати суток он, переданный в состав сил поддержки конвоя с десантом, перевёз триста сорок пять тонн горючего для военной техники и десантных судов.

Девять его моряков: старший помощник капитана А. Н. Бурлуцкий, четвёртый помощник капитана А. Л. Кошелев, стармех В. А. Устименко, четвёртый механик И. Д. Зинченко, радист М. Т. Жукова, матросы П. М. Алексеев, В. П. Медведев, А. В. Мыкольников, моторист А. Н. Пупыкин — награждены «за образцовое выполнение задания командования Камчатского оборонительного района по снабжению кораблей в зоне военных действий в трудных метеоусловиях. Своей успешной и самоотверженной работой личный состав судна содействовал успеху операций по захвату Курильских островов, заслужив тем самым благодарность командования».

В течение года экипаж добился значительной экономии недостающего топлива, уменьшив его расход почти на семнадцать процентов. Этого удалось достигнуть использованием тепла отработавших газов главного двигателя в паровом котле.

Напряжённая служба судна в годы Великой Отечественной войны привела к тому, что его техническое состояние значительно ухудшилось. Основные ремонты танкер получал «на ходу и в портах своими силами», причём «в портах ремонтировался мало». Несмотря на это, план 1946 г. он перевыполнил на шестьдесят три процента и отмечался как передовой по уходу за механизмами и в безаварийной работе.

К 1947 г. корпус танкера находился в удовлетворительном состоянии, но его главная машина «окончательно выходит из строя

по причине износа клапанов и цилиндрических крышек. Во Владивостоке и Петропавловске их нельзя изготовить, а на отправленный заказ и чертежи в министерство, центральное управление флота ответило, что заводы заказы не принимают, а для клапана вскоре будет поставлена сталь из Свердловска». На вспомогательном двигателе треснула цилиндрическая крышка. Командование Камчатрыбфлота признавало, что «танкер выйдет из строя в ближайшее время».

Тем не менее, он работал и в 1948 г. Годовой отчёт Камчатрыбфлота за этот год свидетельствует о том, что танкер нуждался в доковом ремонте, главный двигатель требовал проведения капитальных работ. Их выполнение осложнялось тем, что Петропавловская судовой верфь по-прежнему не могла заменить изношенные цилиндрические втулки и крышки. Смены также требовали вновь прогоревшие и треснувшие поршни и одни из самых слабых частей машины, доставлявшие много забот и в прошлые годы, — выхлопные клапаны.

5 декабря 1948 г. танкер следовал к месту назначения. Около половины третьего часа дня в проливе Лаперуза в машине «был обнаружен шум, характер которого при работе главного двигателя определить было крайне затруднительно, так как главный двигатель имел большую выработку в рабочих втулках цилиндров. Убедившись, что для выявления истинной причины стука требуется остановка на длительное время главного двигателя, решили дойти к своим берегам. Достигнув берега Сахалина, стали на якорь». Здесь механики нашли серьёзное повреждение, но, проявив недюжинную смекалку, обеспечили работу изношенной машины, «что позволило танкеру благополучно прибыть в Петропавловск». В ходе расследования происшествия выяснилось, что устранение его последствий «производилось ударными темпами, было закончено в кратчайший срок досрочно на три дня и выполнено качественно». Старшему механику Шуганову и второму механику Зинченко объявлены благодарности от руководства Главкамчатрыбпрома.

Все последующие годы вплоть до конца 1980-х гг. танкер исправно обслуживал потребности камчатской рыбной промышленности. Не всегда удавалось наладить его рациональную эксплуатацию. Одной из основных сложностей являлось управление движением судна различными отделами Главкамчатрыбпрома. «Несогласованные указания о перестановках, заходах... непосредственно капитанам пароходов дают почти все заместители начальника Главкамчатрыбпрома... Неразбериха, непроизводительное использование».

В качестве примера этого назывались четыре рейса навигации 1950 г., из которых судно было отозвано, не слив на побережье двести сорок пять тонн горючего. Капитан С. И. Пронин в августе 1950 г. сообщал управлению флота: «По рейсу № 4 на западный берег Камчатки. Ещё при наливе в Петропавловске было видно, что рейс будет неполноценным по причине того, что груз заливается не тот, в котором нуждается берег. Все наши доводы не привели ни к чему, в результате сто семьдесят три тонны бензина танкер доставил обратно в порт Петропавловск, оставив в то же время западный берег в острой нужде в соляре»...

С. И. Пронин вернулся на свой танкер в сентябре 1949 г. Судно стояло в ремонте на Петропавловской судовой верфи. Вот что этот замечательный моряк вспоминал о своей работе в первые послевоенные годы: «Как-то вызвали меня в обком ВКП(б) и рассказали о сложившейся на побережьях обстановке с горючим, особенно в Анапке и Корфе, где на подходе нерестовая сельдь. Я заверил, что завершим ремонт досрочно.

Мы вышли в начале марта 1950 г., у мыса Африка встретили тяжёлый паковый лёд, решили его обойти. Оторвались от берега на двести миль, а края поля не видно. Решили пробиваться на север. Уже при входе в разряженный лёд обломалась лопасть гребного винта. Старший механик Рядченко предупредил меня, что дальше следовать нельзя, так как от сильной вибрации можно разбить дейдвуд.

Выбрав обороты, при которых тряска прекратилась, со скоростью до трёх миль в час продолжали следовать по назначению. Сообщил обстановку в управление флота и попросил разрешить продолжить рейс, а также заменить винт своими силами в Корфе или бухте Южной Глубокой. Управление дало «добро». В Анапку подошли через двое суток. Здесь лёд от берега ещё не отошёл. Горючее разгрузили на него в бочках, а в Корфе сгрузили остаток, оставив для Южной Глубокой шестьдесят тонн.

Рабочие комбината помогли вкопать бриделя на косе, защищённой от южных ветров. Воду и бункер перекатали в нижние отсеки, трюм затопили водой, после чего в полный прилив выбросились кормой на песчаную косу и закрепились на бриделях. С началом отлива приступили к съёму винта. Только на третий день после применения стяжных устройств изнутри и снаружи винт удалось снять. Запасной поставили настолько удачно, что его не снимали четыре года. Так было выполнено задание. Вскоре подошла сельдь.

В середине декабря 1951 г. мы вышли на Западную Камчатку до Ичи. Целый месяц штормовали, а в январе начали понемногу работать. Севернее острова Птичий стоял затёртый во льдах пароход “Орочон”. У нас заканчивалась вода. Управление флота посоветовало взять её с него. Так как пробиваться к “Орочону” было трудно, и неизвестно, чем это могло кончиться, я решил попробовать собрать снег со льда. Выбрали чистое ровное поле, где слой снега доходил до пятнадцати сантиметров. Объяснил экипажу создавшуюся обстановку. За светлый день погрузили две тысячи мешков снега, из которого получили тридцать тонн воды. Это обеспечило полную выгрузку всего горючего и позволило не ограничивать экипаж в пользовании водой. За этот рейс мы получили благодарность от министерства.

Зимой 1952 г. нас поставили на профилактический ремонт на судовой верфи между двумя краболовами. Обстановка была пожароопасная. На льду скопилось много остатков горюче-смазочных веществ. Неоднократно перед администрацией верфи ставили вопрос о необходимости рассредоточить суда. Лично проверил все противопожарные средства, на палубе и ботдеке установили дополнительные ящики с песком, всё горючее убрали с палубы в трюм, перезарядили огнетушители. Как-то на юте сварщик верфи варил поручни. По халатности остаток электрода бросил за борт. Он попал на ветошь, пропитанную нефтью. Огонь начал распространяться между бортами, пламя врывалось в иллюминаторы.

Экипаж был сплочённый и натренированный. Моряки, как один, по тревоге включились в борьбу с огнём. Задраили на заглушки все иллюминаторы, огонь, распространившийся на ботдек, потушили песком. К концу пожара подошёл буксир “Геркулес” (капитан Чернявский), мощными струями с мостика ликвидировавший остатки огня. Судовой верфь заменила потрескавшиеся иллюминаторные стёкла и отремонтировала спасательный бот, всё остальное восстановили своими силами. В результате танкер вышел из ремонта досрочно.

В июне 1952 г. мы стояли в бухте Ложных Вестей под сливом горючего. Радиист принёс радиограмму со шхуны, находившейся в Анапке: “Якоря не держат, несёт на камни, окажите помощь”. Через два часа подошли к ней, встали на два якоря, подали буксир, но к этому времени ветер начал стихать. Шхуну благополучно поставили на стоянку возле комбината. Капитан шхуны был из местных — камчадал. Он был хорошим судоводителем, но попал в аварийную обстановку. Только прощаясь с ним, получил из управ-

ления приказ оказать ему помощь. Этот пример показывает, что в любых случаях нужно действовать решительно, без промедления, так как время — главный фактор в предупреждении аварий...»

В послевоенные годы рыбацкий флот Камчатки пополнился ещё несколькими наливными судами. В 1947 г. пришёл трофейный германский танкер «Херсонес», в начале 1950-х гг. появились танкеры типа «Иртыш». Успешной работе этих судов способствовал богатый опыт, накопленный моряками «Максима Горького». А сам он, постаревший, ещё в 1980-х гг. доживал свой век в качестве сборщика льяльных вод в рыбном порту Петропавловска и был списан уже в 1990-х.

Между прочим, старенькое судно в некотором роде стало провозвестником «новой эпохи» — «первоначального накопления». В самом конце 1991 г., 29 декабря, был опубликован президентский указ, определявший программу предстоящей приватизации государственных и муниципальных предприятий, то есть раздела былой «общенародной собственности». В местной, камчатской программе на 1992 г. значился, наряду с мебельной фабрикой и другими предприятиями, и ещё один её объект — сборщик льяльных вод рыбного порта «Максим Горький»...

Военные будни АКОфлота

В начале лета 1941 г. АКОфлот располагал одиннадцатью крупными судами общей грузоподъёмностью тридцать четыре тысячи восемьсот тонн. Возраст большинства из них превышал двадцать лет, в силу многолетней работы без должного технического обслуживания они имели плохое состояние. Четыре транспорта: пароходы «Орочон», «Эскимос», «Сима», «Якут» и танкер «Максим Горький» — бездействовали, находясь в ремонте.

Задачей флота являлась доставка снабжения для камчатской рыбной промышленности «с материка» в Петропавловск, отсюда — на рыбокомбинаты побережья, вывоз обратно заготовленной ими продукции и обеспечение связи между областным центром и многочисленными населёнными пунктами протяжённого побережья полуострова.

Ещё в начале 1941 г. три парохода — «Эскимос», «Орочон» и «Якут» — были отправлены на «внешний» ремонт в США. Этим в условиях шедшей Второй мировой войны в определённой степени была преодолена международная изоляция СССР, состоявшаяся после советско-финляндской войны, выразившаяся, например,

в исключении нашей страны из Лиги наций. Суда ушли в США ещё до официального принятия закона о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. «Орочон» направился в Портленд, «Эскимос» и «Якут» — в Сан-Франциско. Ремонт двух последних завершился уже после начала войны — 26 июля и 6 августа 1941 г.

На обратном пути в СССР пароходы везли оборонные и снабженческие грузы. «Якут» доставил зажигательную смесь, известную под названием «коктейль Молотова». Разлитая по бутылкам, она использовалась в боях под Москвой осенью и зимой 1941 г. для уничтожения фашистских танков и бронетехники. Её выгрузили во Владивостоке, откуда она дошла до подмосковных полей сражений.

В 1941 г. в АКОфлоте трудились пятьсот двадцать два человека. Суда были полностью обеспечены опытными капитанами и старшими механиками. Несколько моряков имели высокие и редкие в то время правительственные награды: капитан А. И. Дудник — орден Ленина, капитаны Ф. И. Волчкович и Е. Д. Бессмертный — ордена Трудового Красного Знамени, третий механик парохода «Коккинаки» А. Н. Соколов — орден «Знак Почёта». Кроме того, двадцать два моряка были отмечены знаками «Отличник рыбной промышленности СССР» и семнадцать — похвальной грамотой Наркомрыбпрома СССР.

Весть о начале войны застала большинство исправных судов в море. Команда парохода «Щорс», получив её по радио, собралась на митинг, принявший следующую резолюцию: «Заслушав речь заместителя председателя Совнаркома СССР и народного комиссара иностранных дел товарища Молотова о неслыханном разбойничьем нападении германских фашистов на мирное население советских городов, экипаж парохода “Щорс” выражает своё негодование и заявляет: все как один по зову партии и правительства встанем на защиту социалистической непобедимой родины! Будем держать своё судно в полной готовности для выполнения любого задания нашего советского правительства! Ещё больше повысим дисциплину и организацию труда экипажа парохода. Обеспечим своевременное выполнение рейса, поможем нашей Красной Армии разгромить германских фашистов!»

Слова моряки подтвердили делами: в ходе осеннего рейса экипаж «Щорса» добился в «предоктябрьском», то есть посвящённом двадцать четвёртой годовщине Октябрьской революции, соревновании отличных показателей. Они сдали в фонд обороны страны облигации государственного займа на двадцать пять тысяч руб-

лей, ещё триста семьдесят рублей направили для приобретения подарков бойцам Красной Армии.

Работавшие пароходы показали хорошие результаты. «Ительмен» (капитан М. Е. Зеленский), выполнил задание 1941 г. на сто три, «Чавыча» (капитан Ф. И. Волчкович) — на сто двадцать шесть, «Анатолий Серов» (капитан А. И. Дудник) — на сто двадцать процентов, а «Коккинаки» (капитан В. Н. Соломко) — более чем вдвое. Их экипажи добились перевыполнения плана за счёт превышения расчётной скорости хода и полной загрузки. Время стоянки судов существенно сокращало участие в грузовых работах их команд. Остальные пароходы — «Щорс» (капитан П. Я. Жуковский) и «Чапаев» (капитан Е. Д. Бессмертный) — хотя и не выполнили плана, но доставили консервные банки, горючее и рабочих на комбинаты, обеспечив бесперебойный выпуск рыбопродукции для фронта и тыла воюющей страны.

Наряду с решением производственных задач, судовые экипажи занимались военной подготовкой. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 ноября 1941 г., заместитель наркома рыбной промышленности СССР И. А. Шередека и командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И. Р. Апанасенко издали распоряжение о военизации флота. В начале декабря 1941 г. начальник АКО С. П. Емельянов издал приказ о переводе «всех рабочих, служащих, инженерно-технических работников предприятий АКО, управления АКО, а также рыбаков рыболовецких колхозов Камчатки на положение состоящих на действительной военной службе, независимо от возраста, пола и отношения к военной службе». Приказом по Наркомрыбпрому СССР 30 ноября 1941 г. в военизированных подразделениях флота рыбной промышленности Дальнего Востока были воссозданы недавно, ещё до начала войны, упразднённые политорганы, то есть политотделы, в АКОфлоте введены должности судовых комиссаров.

24 января 1942 г. из судов, принадлежащих обществу, были организованы два дивизиона: «особый транспортной службы» (из пароходов АКОфлота) и «рыболовецкой службы» (в него вошли траулеры Морлова). Командирами дивизионов назначены начальник АКОфлота Я. М. Драбкин и директор Морлова Г. Я. Ермошкин.

Сразу же после этого большое внимание было уделено ужесточению дисциплины на судах. Несмотря на военизацию, на флоте действовал не военно-морской устав, а устав Наркомрыбпрома, утверждённый в 1939 г. Тем не менее, в результате более жёсткого применения взысканий за нарушения дисциплины в первом

полугодии 1942 г. военный трибунал осудил пять человек только из числа комсостава. Хорошо же работавшие моряки активно поощрялись объявлением благодарностей. В результате несение службы заметно улучшилось.

В течение первого полугодия 1942 г. АКОфлот покинули девять человек. Из них девятых призвали в армию, много моряков уволилось по болезни — зимой 1941—1942 гг. наблюдались вспышки цинги. Значительная убыль личного состава стала существенной сложностью, так как резервом кадров, особенно командных, флот не располагал. Из-за этого пришлось набирать людей во Владивостоке, причём вновь принимаемые не всегда оказывались на высоте. Выходом из положения стало «продвижение собственных кадров»: так, три старших помощника капитана (М. К. Винер, В. С. Дубасов, И. Д. Кадет) были назначены капитанами.

Всего к концу 1942 г. на восьми действовавших пароходах АКО насчитывалось сто двадцать стахановцев и тридцать два ударника. За нарушение дисциплины наказали семьдесят девять человек, из них шестьдесят один был осуждён. В Красную Армию за год призвали тридцать пять моряков.

Флот не только отдавал свои кадры в действующую армию, но и сам готовился к возможному участию в боевых действиях: недалеко от районов его работы располагались военные базы Японии — союзника гитлеровской Германии. Осенью 1941 г. отдел боевой подготовки (ОБП) АКО разработал специальную программу военных занятий с экипажами судов объёмом сто часов. В марте 1942 г. она была увеличена для комсостава до двухсот сорока, а для рядового — до ста сорока часов. Проведение занятий на первых порах осложнялось отсутствием специальной литературы и пособий.

15 апреля 1942 г. заработала комиссия по осмотру судов АКО «на предмет оборудования артиллерийским и пулемётным вооружением». По каждому судну составлены акты с указанием калибра, количества и мест установки оружия, размещения боезапаса. Документы представлены на утверждение командиру Петропавловской военно-морской базы. Вооружение должно было обеспечить самооборону судов от возможных атак авиации и подводных лодок.

Проведение военных занятий на первых порах осложнялось отсутствием специальной литературы и пособий. Помполит парохода «Анатолий Серов» В. П. Румянцев в августе 1942 г. сообщал: «Несмотря на то, что с изучением военного дела положено много трудов, всё же результаты освоения... являются некачествен-

ными. Объясняется это тем, что у нас на судне нет ни одного командира, знающего военное дело, не у кого позаимствовать в учёбе. Из пособий имеется одна единственная книга “Военно-морское дело” на всю команду, что особенно затрудняет самостоятельное изучения материалов».

Тем не менее, на «Орочоне» успешно завершили программу всеобщего обязательного военного обучения. Здесь также имелись «трудности в наглядных пособиях. Попытки достать оружие для практических занятий не увенчались успехом. До сих пор не имели даже малокалиберной винтовки».

На «Чапаеве» действовала первичная организация Осоавиахима из тридцати членов. В течение 1942 г. прошли занятия по изучению противогАЗа, трёхлинейной винтовки, флотского устава. Палубная команда практиковалась в световой и флажной сигнализации, игрались пожарные и водяные тревоги. Моряки познакомились с типами боевых кораблей и самолётов.

Военная подготовка заметно улучшилась в 1943 г., когда суда были обеспечены необходимыми пособиями и вооружением. 16 марта 1943 г. командиру особого транспортного дивизиона А. Я. Каменецкому, сменившему на этой должности Я. М. Дабкина, предписывалось по прибытии судов в Петропавловск укомплектовать все посты, положенные по боевому расписанию. На каждом судне из числа комсостава вводилась должность помощника командира корабля по военной части, которому поручалось обучение личного состава.

Значительное содействие морякам в овладении вооружением оказывали военные специалисты. Так, 8 октября 1943 г. «для оказания помощи в проведении боевой организации и боевой подготовки экипажа парохода «Якут» в рейс откомандирован флагманский минёр ОБП лейтенант А. В. Скобляков. В плаваниях в течение рабочего дня с моряками должны были обязательно проводиться ежедневные часовые занятия. Двухчасовые тренировки следовало организовывать на судах, находящихся на стоянках в портах или в ремонте. Кроме этого, боевые расчёты должны были ежедневно ухаживать за вверенным им оружием. Чтобы сохранить подготовленные расчёты, отделу кадров АКОФлота запрещалось без согласования с ОБП перемещать моряков, изучивших военно-морские специальности.

Приказом по АКО 20 августа 1943 г. на комиссаров (политруков или помполитов) судов были возложены обязанности помощников капитанов по боевой подготовке. Для некоторых из них

это стало непосильной ношей. 26 октября помполит «Чапаева» обратился в обком партии с заявлением, что с военным делом детально он «не знаком и выполнять... не в состоянии...» Просил перевести на береговую работу. Эту просьбу уважили, отправив его в отдел пропаганды Петропавловского горкома партии.

Проводимые меры по боевой подготовке на ряде судов дали неплохие результаты. Осенью 1944 г. отмечались пароходы «Якут» (капитан П. Д. Киселёв) и «Кура» (капитан И. Д. Кадет). Капитану «Якута» Киселёву, командиру БЧ-2 второму помощнику капитана Князеву и командиру зенитного автомата «Эрликон» машинисту первого класса Королькову за «хорошее состояние вооружения и подготовку артиллерийских расчётов» объявлены благодарности.

Впрочем, так было не на всех пароходах. «Произведённой проверкой состояния вооружения и боевой подготовки артиллерийских и пулемётных расчётов... установлено, что комсостав пароходов “Терек” и “Анатолий Серов” не следит за состоянием вооружения своих судов, не занимается боевой подготовкой расчётов, сам не изучает оружие... В результате этого материальная часть покрыта ржавчиной, грязная, расчёты не знают обслуживаемой ими матчасти и не умеют использовать её для самозащиты судна».

В июле 1944 г. на «Орочоне» не действовала пушка, пулемёты имели сломанные зенитные прицелы. «Матчасть всего вооружения грязная, покрыта ржавчиной; кранцы первых выстрелов не заполнены боезапасом, боезапас не смазан; запчасти вооружения находятся в арсенальной смазке и к немедленному использованию непригодны». Виновный в плохом содержании вооружения второй помощник капитана в наказание «арестовывался при каюте на пять суток с исполнением служебных обязанностей».

Но винить моряков в нерадивом несении службы было нельзя. Нагрузка на них, несших тяжёлые вахты, непрерывно занимавшихся саморемонтом дабы обеспечить возможность дальнейшей эксплуатации крайне изношенных судов и работавших на выгрузке, была очень высока, находясь на пределе человеческих возможностей.

Помимо помощи фронту напряжённым трудом в море, все экипажи АКОфлота ежемесячно, начиная с осени 1941 г., до конца войны отчисляли двухдневный заработок на оборону и участвовали в подписке на денежно-вещевую лотерею. Только в ноябре 1941 г. они собрали на «Ительмене», «Щорсе» и «Коккинаки» семнадцать тысяч рублей. Эти суда также передали для бойцов Красной Армии шестьдесят тёплых вещей. Команда «Эскимоса»

решила ежемесячно перечислять на нужды обороны свой трёхдневный заработок. Дополнительно в январе 1942 г. его моряки отдали двухдневную зарплату на покупку тёплых вещей для фронта, а в феврале — внесли личные средства на строительство танковой колонны «Камчатский рыбак».

Наилучших трудовых результатов в 1941 г. добились экипажи «Орочона» и «Эскимоса», завоевавшие в третьем квартале вторые премии во Всесоюзном социалистическом соревновании Наркомрыбпрома СССР. Ряд судов добился существенной экономии топлива и смазки. Так, на «Эскимосе» вахта машиниста Егорова сэкономила тридцать килограммов машинного масла, а кочегары Пичугин, Молодцов и Залогин в октябре сэкономили почти двести тонн угля. «На судне “Чавыча” выросли мастера своего дела: боцман Кислицын, кочегар Филиппов, четвёртый механик Припотень, показывающие примеры отличной работы, передающие свой опыт другим членам экипажа. Полторы тысячи человеко-часов отработала команда на грузовых работах, сэкономила смазочные и прочие материалы на тринадцать процентов от норм».

Зимой 1941 и весной 1942 гг. на Камчатке сложилась крайне тяжёлая ледовая обстановка. Пароход «Анатолий Серов», вышедший 21 марта 1942 г. под командованием недавно вступившего в должность капитана И. Д. Кадета из Петропавловска на западный берег, вплоть до 9 мая дрейфовал во льдах Охотского моря. Во время плавания судно получило крупные повреждения: у него была смята носовая оконечность, оказалось вывернуто и срезано много заклёпок обшивки, погнут винт и сломан брашпиль. После освобождения из ледового плена пароход выгрузился в комбинатах, принял там две тысячи восемьсот шестьдесят тонн продукции вместо плановых двух тысяч двухсот и направился во Владивосток, куда пришёл 9 июня. Через неделю он встал в ремонт. Команда обязалась трудиться по двенадцать часов в сутки, добиваясь выполнения норм не менее чем вдвое, и закончить все работы к 1 июля. Свои обещания она сдержала, перевыполнив нормы на двести пятнадцать процентов.

В конце января и первой половине февраля 1942 г. пароход «Чавыча», следуя с путинными грузами из Владивостока на Западную Камчатку через Цусимский пролив, претерпел суровые испытания, выдержав два сильных шторма. Пароход получил во Владивостоке скверный уголь. К концу дня 29 января начал падать барометр. Моряки дополнительно укрепили палубный груз. 30 января появилась сильная качка. Здесь и проявилось низкое

качество топлива: давление в котлах упало, судно развернуло бортом к волне. Волны захлестывали палубу, разрушали судовые конструкции и имущество.

Капитан решил поставить пароход кормой на волну, начал менять курс вправо по мере смещения шторма к северу. Для облегчения кормы выкачали за борт сто тонн пресной воды. Волны стали захлестывать меньше, но их разрушительное действие продолжилось. Чтобы успокоить волнение, моряки применили старинный способ: стали лить за борт через шпигаты машинное масло. Это дало ожидаемый результат. Так боролись со стихией до полудня 31 января, когда центр циклона обогнал пароход и начал уходить от него. Ветер стал стихать, волнение уменьшилось.

До 8 февраля погода благоприятствовала дальнейшему плаванию. «Чавыча» направилась в Петропавловск для устранения полученных повреждений. Ночью 8 февраля начал усиливаться северо-восточный ветер, достигший к восьми утра штормовой силы. Давление пара в котлах упало до четырёх атмосфер, судно вновь развернуло бортом к волне. Снова пробовали лить масло, но на сей раз безуспешно. В таком положении «Чавыча» находилась до 13 февраля. Пароход снесло на семьдесят миль на юго-восток, он «обезуглился», так как суточные нормы расхода топлива были заметно превышены. По радио вызвали помощь из Петропавловска. Она пришла утром 13 февраля в лице «Чапаева», доведшего «Чавычу» на буксире до порта. Рейс был прерван.

План перевозок на 1942 г. пароходу «Якут» был определён в размере четырнадцати тысяч двухсот тонн. К выполнению задания судно приступило в январе, выйдя в плавание из Владивостока на Западную Камчатку с углём. Мощные ледовые поля в Охотском море вынудили пароход длительное время дрейфовать. Лишь в начале апреля с большими перебоями он приступил к разгрузке в Микояновске. Здесь принял продукцию и доставил её во Владивосток. За этот рейс судно перевезло почти пять тысяч тонн груза и двести сорок шесть пассажиров. Из-за длительного отсутствия связи с берегом «Якут» не мог пополнить запасы продовольствия. В результате треть моряков заболела цингой, «что, бесспорно, отразилось на политико-моральном состоянии всего коллектива и особенно на командном составе, который... не был подготовлен к тяжёлым операциям».

В следующее плавание из Владивостока в Анадырь пароход вышел 1 июля 1942 г., вернулся обратно 12 сентября 1942 г., перевезя шесть тысяч семьсот тонн и триста девяносто человек.

На стоянках экипаж покрасил борта и надстройки. В Анадыре моряки принимали активное участие в разгрузке. Здесь же они ловили и заготавливали рыбу для собственного пропитания. «В течение этих рейсов экипаж работал по двенадцать-пятнадцать часов в сутки. Исключительно большая работа была произведена палубной командой при буксировке плота из Усть-Камчатска в Петропавловск. Несмотря на свежую штормовую погоду, до девяти баллов, и неоднократный обрыв буксира, плот был в целости доставлен в Петропавловск, за что часть коллектива начальником АКО была премирована, части объявлена благодарность и отпущены средства для премирования».

Третье плавание прошло на восточное побережье. Здесь приняли две тысячи тонн груза и пятьдесят шесть пассажиров, часть которых привезли в Петропавловск. На подарки бойцам Красной Армии экипаж «Якута» собрал четыре тысячи пятьсот шестьдесят рублей.

После длительного ремонта 27 января 1942 г. в свой первый рейс на Западную Камчатку вышел пароход «Сима». До первого пункта назначения — Озерной — дошёл за сутки. «Настроение команды было очень бодрое и возбуждённое, все рвались поскорее прибыть к месту назначения». В Озерной обрабатывался лесовоз «Искра», поэтому «Сима» потеряла в очереди «три золотых дня». С 1 по 21 февраля в труднейших ледовых условиях она выгрузила более двух тысяч тонн груза и приняла продукцию. На борту парохода оставалось ещё восемьсот тридцать пять тонн, но к последней неделе февраля лёд стал особенно тяжёлым. С 21 февраля по 28 марта «Сима» непрерывно дрейфовала во льдах, её то прижимало к берегу, то несло на север или юг.

Несколько раз судно пыталось пробиться к комбинату. Когда бесполезность этих попыток стала очевидной, его отозвали в Петропавловск. При выходе из льдов вышло из строя рулевое управление. При исправлении механизмов отличились старший помощник В. С. Дубасов, старший механик С. П. Нерух, второй механик П. А. Ильяшенко, боцман Мануйлов. На переходе судно попало в жестокий шторм. Тем не менее, благодаря слаженной работе экипажа оно 31 марта 1942 г. своим ходом благополучношло до Петропавловска.

Экипажи судов принимали все меры к увеличению количества перевозимых грузов и уменьшению балластных пробегов. Пароход «Орочон» при грузоподъёмности в четыре тысячи шестьсот тонн за свой первый рейс в 1942 г. перевёз четыре тысячи семьсот

шестьдесят две, в следующем — пять тысяч пятьсот девяносто три, а в последнем — уже шесть тысяч тридцать три тонны. Его экипаж завоевал первую премию во Всесоюзном соревновании. За полугодие моряки перевыполнили план грузоперевозок на четверть. Возглавлял экипаж «Орочона» Г. А. Барботько, работавший капитаном в АКО с 1929 г.

«Скромный, спокойный, отличный моряк, Григорий Акимович не знает слова “невозможно”. Если нужно выполнить задание, он без шума организует коллектив и всегда блестяще справляется с задачей. Этому показателем ряд премий и благодарностей, которые товарищ Барботько заслужил своей работой. В одном из последних рейсов, умело рассчитав свои резервы, капитан Барботько добился использования грузоподъёмности судна на сто двадцать процентов».

Вместе с капитаном отлично трудились старший механик К. П. Коробов, заслуживший за работу в прошлом 1941 г. достаточно редкую награду — знак «Отличник Наркомрыбпрома СССР», второй механик П. Г. Кибличенко, боцман А. О. Башкирцев, матрос первого класса Ф. Ф. Недолужко.

Пароход «Эскимос» в июле — августе 1942 г. при грузоподъёмности три тысячи четыреста тонн вёз три тысячи шестьсот девяносто две, одновременно буксируя плоты с лесом общим весом более трёх тысяч тонн. Помполит «Анатолия Серова» В. П. Румянцев в августе 1942 г. доложил: «За переход Владивосток — Петропавловск ежедневно выпускаем диаграмму с показателями работы в отдельности на каждой вахте: давление пара, обороты винта, пройденные за вахту мили. За этот же переход в порядке тренировки команды произведено шесть учебных тревог. За дисциплинированное поведение, хорошие показатели на ремонте и в рейсе одиннадцати членам команды объявлена благодарность, за перевыполнение рейсового плана объявлена благодарность всему экипажу».

Пароход «Коккинаки» перевыполнил план грузоперевозок 1942 г. на восемь процентов, сэкономив семьсот семьдесят тонн угля, что составило почти четверть его годовой потребности. Машинная команда, следуя призыву «ухаживать за механизмами, как боец на фронте ухаживает за своим оружием», увеличила эксплуатационную скорость на пятнадцать процентов. Экипаж, включавший двадцать пять стахановцев и ударников, текущий ремонт выполнял исключительно собственными силами. Особенно хорошо трудились второй помощник капитана С. Г. Митяев, боцман П. Е. Клименко,

второй механик З. Н. Алёшков, третий механик А. С. Царёв, матрос А. Шавкунов, плотник М. Дурнов, кочегары Г. С. Попов, Ф. Я. Шаталов, П. Науменко. Особым уважением экипажа пользовалась пекарь М. И. Стрюкова, которой шёл шестьдесят второй год.

Вот как выглядели социалистические обязательства моряков «Чапаев» на навигацию 1942 г.: «Экипаж парохода “Чапаев” в ответ на первомайский приказ товарища Сталина (о разгроме немецко-фашистских захватчиков в 1942 г. — С. Г.), включается во Всесоюзное социалистическое соревнование на лучшее транспортное судно в системе Наркомрыбпрома. Экипаж обязуется выполнять планы не ниже, чем на сто десять процентов, увеличить грузоподъёмность судна на пять процентов, увеличить ходовую скорость на пятнадцать процентов... До конца хозяйственного года не допускать ремонтов с выводом судна из эксплуатации. Междурейсовые ремонты проводить силами экипажа, выполнять сдельные нормы на сто пятьдесят — двести процентов, принимать активное участие в погрузо-разгрузочных работах — переработать силами экипажа не менее двух с половиной тысяч тонн и обеспечить работу на лебёдках. Сокращать расход норм топлива и смазочных материалов...»

Чапаевцы приняли вызов экипажа «Щорса» и предлагали ежеквартально проводить взаимную проверку хода соревнования. В качестве «жюри» в этом состязании выступали начальник флота Я. М. Драбкин и руководители отделов управления.

На пароходе «Сима» к началу 1943 г. насчитывалось одиннадцать стахановцев и десять ударников. Во время переходов судовые вахты соревновались между собой. Победителями в борьбе кочегаров стали Д. Ф. Леонов и А. А. Чернышёв, второе место заняли Н. А. Антонов, И. И. Флотов. Эти вахты лучше всех «держали» пар, позволяя машине развивать наибольшее число оборотов. «Необходимо отметить, что товарищ Чернышёв раньше считался почти самым плохим кочегаром. С ним никто не хотел стоять вахту», — отмечал помполит судна. Заслуженным авторитетом пользовался второй механик П. А. Ильяшенко, обеспечивавший отличную работу вверенных ему механизмов и добившийся двадцатипроцентной экономии смазки. Лучшими стахановцами на палубе являлись боцман Галкин и матрос Пухов.

Официальное донесение так описывается один из осенних рейсов «Симы»: «С прибытием на западный берег мы обязались все грузовые работы на борту судна проводить своими силами. Весь судоекипаж разбили по бригадам и вызвали на соревнование Микояновский комбинат. В первый же день бригада штурманского

ученика В. В. Наугольниковца дала сто шестьдесят процентов нормы, бригада плотника М. С. Устинова — сто семьдесят, в дальнейшем бригада Устинова довела выработку до двухсот семидесяти процентов. Могли давать ещё больше, но берег задерживал подачу кунгасов... Выгрузили своими силами три тысячи четыреста тридцать тонн за один этот рейс...

В период рейса проводились занятия по программе “военного рыбака”. Что сами знали, то и рассказали своим людям. В сентябре основной упор брали на сигнализацию. В октябре военных занятий не проводили ввиду круглосуточной работы в трюмах. В рейсе провели подписку на денежно-вещевую лотерею. Сумма подписки — восемь тысяч двести восемьдесят рублей, что превышает двадцать пять процентов месячного заработка. Отчислили на подарки бойцам на фронт три тысячи рублей».

Во втором квартале 1943 г. по результатам Всесоюзного соцсоревнования «Сима» завоевала вторую премию. Вскоре на Камчатку пришло сообщение о награждении группы работников рыбной промышленности орденами и медалями СССР. В их числе был боцман «Симы» П. М. Иванченко, получивший медаль «За трудовое отличие».

Весной 1944 г. в состав АКОфлота вошли три парохода Народного комиссариата морского флота СССР — «Терек», «Кура», «Шелонь». «Кура» была передана в аварийном состоянии, требовавшем немедленного ремонта, в результате чего её эксплуатация началась только 15 июня. «Терек» и «Шелонь», хотя и были сильно изношены, но сразу же приступили к работе.

Навигация с начала 1944 г. и до конца сентября отличалась исключительно неблагоприятными метеоусловиями. Сангарский и Цусимский проливы для прохода судов были закрыты японцами. Тяжёлый лёд в проливе Лаперуза потребовал организации ледокольной проводки, но проходила она со значительными перебоями, вызывавшими большие простои. Преодолевая льды, «Ительмен», «Шорс», «Коккинаки» и «Чавыча» получили пробоины и согнули лопасти гребных винтов. Повреждения, потребовавшие длительной постановки в док, здесь получила и «Кура».

Межрейсовый и аварийный ремонт судов АКОфлота проводился на Петропавловской судовой верфи. Он отличался длительностью и дороговизной и, как правило, полностью не выполнялся из-за недостатка необходимых материалов. Это также способствовало преждевременному износу пароходов. В 1944 г. только одна «Чавыча» была отремонтирована быстро. Несмотря на отсутствие дру-

гих баз и целевое назначение верфи на обслуживание судов Наркомрыбпрома, АКОфлот правом преимущественного ремонта на ней не обладал. Ремонт во Владивостоке для него был невозможен, так как на имевшихся здесь рыбацких предприятиях он не намечался и даже прямо запрещался. В результате всё минимально необходимое обслуживание пароходы получали только в Петропавловске.

Такое положение заставило всячески поощрять саморемонт. На всех судах были организованы мастерские, снабжённые токарными и сверлильными станками. Особое значение в этих условиях приобрели подбор, обучение и выдвижение судовых механиков. В течение 1944 г. на «Эскимосе», «Чапаеве», «Тереке» и «Анатолии Серове» вторые механики были повышены до старших. Кадры механиков, в целом, оказались на должной высоте. Их аттестация, проведённая в 1944 г., «подтвердила наличие достаточно высокого уровня технически грамотных механиков. По отдельным судам со значительно изношенными механизмами (“Коккинаки”, “Эскимос”, “Максим Горький”, “Щорс”), плавание становится возможным только благодаря высокой грамотности, сознательности и самоотверженности машинных команд». Состав механиков был постоянным, большая текучесть наблюдалась у кочегаров и машинистов. «В известной мере эта текучесть является результатом предварительного отбора при эпизодическом уходе судов в заграничные рейсы».

Во время войны на Дальнем Востоке был сосредоточен крупный отечественный транспортный флот, в состав которого вошли суда, ранее работавшие в западных бассейнах страны. Существующих судоремонтных мощностей в дальневосточных портах не хватало, что заставляло отправлять пароходы на «внешний ремонт» — в США. Это было одной из форм помощи СССР со стороны союзной державы.

После начала в 1942 г. военных действий между США и Японией на Тихом океане для советских судов создавалась прямая угроза атак авиацией или подводными лодками воюющих сторон. Для предотвращения возможных нападений необходимо было чётко обозначить государственную принадлежность наших пароходов. С этой целью на судах АКОфлота на обоих бортах в районе мостика, а также на носовом и кормовом трюмах были нанесены бортовые и палубные опознавательные знаки в виде белого прямоугольника с изображением флага СССР и чёрных букв «USSR» под ним. При плавании в Японском, Охотском и Беринговом морях суда

круглосуточно несли на корме Государственный флаг СССР. Ночью зажигались топовые и бортовые отличительные огни, на гот-мачте — условные огни, видимые по всему горизонту, тоже показывающие государственную принадлежность. При встрече с другими кораблями следовало освещать кормовой флаг и опознавательные знаки прожекторами, а также семафорить символы «USSR». При подходе к берегам США капитаны советских судов в части несения опознавательных знаков и огней руководствовались указаниями, получаемыми от представителей американской конвойной службы. Во время плавания суда должны были соблюдать радиомолчание, за исключением случаев аварий и нападений.

Несмотря на то, что за весь военный период суда АКОФлота атакам не подвергались, меры предосторожности были совсем не лишними: в море погибло несколько транспортов Морфлота. Так, 17 февраля 1943 г. в Восточно-Китайском море был торпедирован и затонул пароход «Кола», направлявшийся из Владивостока на Камчатку. Из семидесяти трёх членов его экипажа и пассажиров спаслось всего четверо. Их принял на борт японский военный корабль.

В девять часов утра 6 июля 1944 г. гружёный углём пароход «Обь», следовавший из Владивостока в Петропавловск, подвергся нападению неизвестной подводной лодки. После попадания торпеды судно затонуло на траверзе Озерной примерно в пятидесяти трёх милях от берега. Из тридцати пяти членов команды погибли четырнадцать.

Американские подводники и лётчики топили японские суда в непосредственной близости от камчатских берегов, там, где ходили суда АКОФлота. Так, 5 июля 1944 г. подводная лодка атаковала в районе Озерной стоявший против японского завода № 34 в полутора милях от берега пароход «Синмей-мару». Он затонул, но большинство японцев были спасены: из команды погибли три человека. 19 июля 1944 г. судно Дальневосточного пароходства «Дальстрой» подобрало семнадцать японцев из команды потопленного парохода «Ниппе-мару» и доставило их в Усть-Большерецк. Отсюда советские власти передали пострадавших на японский завод № 24.

На протяжении всего 1944 г. море выбрасывало на западное побережье Камчатки тела японцев и спасательные костюмы с затонувших японских судов.

В течение 1941—1945 гг. большинство судов АКОФлота прошли ремонт в США, однако они не получили его в требующемся

объёме. Как правило, так называемый «ремонт военного времени» выполнялся под контролем американских технических комиссий не в привычном для советских моряков объёме из расчёта четырёх-пяти лет службы судна после его окончания, а на год-два года. Так, на пароходе «Эскимос» и буксире «Кашалот» заменённые в котлах трубки вышли из строя ровно через год после их установки, а в котлах парохода «Сима» они потекли через полтора года после смены. Судовые администрации зачастую не могли вмешиваться в ход проводимых работ. В результате после американских «капитальных» ремонтов через короткий промежуток времени требовалось проведение новых.

В сентябре 1942 г. из Петропавловска в Портленд вышел «Орочон». Здесь в течение девяти суток он одновременно производил текущий ремонт и принимал груз. Из-за отсутствия в Портленде угля за бункером пароход направился в Сиэтл, затратив на это девятнадцать суток, в результате рейс длился два месяца. Во время ремонта пароход также был снабжён зенитным вооружением. Экипаж «Орочона» приобрёл пятьдесят девять пар тёплых носков и пятьдесят пар зимнего белья стоимостью сто восемь долларов, которые он решил передать в действующую армию. Во время перехода в СССР экипаж, разбитый на боевые расчёты, провёл несколько учебных тревог и занятий у орудий. В ноябре 1942 г. «Орочон» прибыл во Владивосток. В результате полного использования ёмкости трюмов он привёз снабженческих и оборонных грузов больше на триста двадцать пять тонн.

24 ноября 1942 г. из Петропавловска в Портленд отправился пароход «Щорс». По пути в районе Алеутских островов с 1 по 6 декабря 1942 г. он снял с парохода Морфлота «Турксиб», выброшенного штормом на берег, четыреста пятьдесят тонн груза. 19 декабря 1942 г. «Щорс» встал в ремонт. Многие работы, в том числе переборку главной машины, выполняла его команда. В конце января пароход начал погрузку и 8 февраля взял курс на Петропавловск. Во время этого плавания дважды приходилось стопорить машину для устранения выявившихся дефектов её ремонта. В США на «Щорсе» установили одну пушку и два крупнокалиберных пулемёта. Приписанные к ним моряки, по словам помполита М. И. Первушина, хорошо овладели вверенным им оружием. По приходу в Петропавловск экипаж передал местным властям в подарок к двадцать пятой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии девяносто две пары шерстяных носков и ящик сигарет, купленные на личные средства. Кроме этого, внёс четырнадцать

тысяч двести рублей на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак».

В начале января 1943 г. в Сан-Франциско пришёл пароход «Чапаев». Наркомрыбпром установил срок его ремонта в тридцать пять суток. Он встал на завод «Harley Marine Works», на котором уже пребывали пять советских судов. Предприятие, оказавшееся маломощным и недостаточно оборудованным, определило трудоёмкость работ в полтора месяца, но этот срок не выдержало, поэтому «Чапаев» простоял пять с половиной месяцев. В США на него установили пушку калибром семьдесят пять миллиметров и два двадцатимиллиметровых зенитных автомата «Эрликон». За время стоянки десять моряков парохода прошли трёхдневное обучение в центре подготовки американской морской пехоты.

17 марта 1943 г. из Петропавловска с грузом консервных банок, продовольствия и рабочими для Усть-Камчатска вышел пароход «Якут». 7 апреля, после выгрузки, он направился в США. Предполагавшаяся здесь замена крайне изношенных котлов не состоялась. За время стоянки отремонтировали машину, заварили и сменили часть котельных труб, листов корпуса, рулевое устройство, установили четыре «Эрликона» и спасательные плоты. Палубная команда покрасила пароход и помещения, машинная — отремонтировала лебёдки. 22 мая «Якут» ушёл в Петропавловск. На переходе по метеопричинам и из-за разрыва пяти труб в котлах он потерял в пути четверо суток.

Ремонт в США в 1943 г. проходил и «Анатолий Серов». Пароход попал на хороший завод «General Engineering Company». У командования и экипажа установились дружеские отношения с руководством предприятия, мастерами и бригадирами. С американцами не возникало никаких недоразумений, они выполнили ряд работ, не предусмотренных планом. Экипаж работал по десять — двенадцать часов ежедневно. Отлично зарекомендовали себя старший механик Н. Р. Домра, второй механик Д. Р. Винтовкин, третий механик Семенюта, под наблюдением которых находились главные объекты ремонта. Хорошо показали себя машинисты Любченко и Кармелюк, старший кочегар Гаврилов, штурман Баклаг, матросы Шилютин, Мухин, Кошуба, Дудин, Гришин, Капитонов. Качество ремонта, по заключению механиков, портового инженера Половко и главного инженера при советском представительстве в Вашингтоне Гаврилова, было признано хорошим.

За время заграничного плавания с экипажем проводились беседы и политинформации. Изучалась и военная техника: в военно-

морской школе США экипаж три дня знакомился с устройством зенитных автоматов и один день проходил практические стрельбы. В обратном рейсе также изучали материальную часть: конвойный офицер Запорощенко провёл три занятия по сборке, разборке и чистке оружия. Кроме этого, сыграли пять шлюпочных и пожарных тревог. Подготовка экипажа была оценена как хорошая.

На 1944 г. Наркомрыбпром СССР также наметил весь капитальный и текущий ремонт судов АКОфлота провести в США. Петропавловская верфь должна была использоваться только как база для междурейсового ремонта и производства запчастей. В 1944—1945 гг. в США отправились семь пароходов для крупного ремонта продолжительностью до семидесяти пяти суток и два — на текущее техническое обслуживание.

Перед направлением судов в США их команды тщательно проверялись «соответствующими органами». При этом зачастую отсеивались квалифицированные моряки, личности которых по различным причинам вызывали недоверие. «Имеются такие суда, на которых во внешние рейсы допускаются не свыше десяти человек из числа команды», — сообщало в одном из отчётов руководство АКОфлота. Зато на пароходы приходили так называемые «американцы» — случайные люди, поступившие с единственной целью — попасть за границу. Как правило, моряками они не были и для работы на флоте оказывались непригодными. Так, на «Симу» кочегаром устроился учитель одной из петропавловских школ. Слабое здоровье не позволило ему нести тяжёлую вахту у котлов, превратив в обузу для экипажа.

За годы войны АКОфлот освоил новый вид перевозок — буксировку леса, заготовленного Ключевским и Сахалинским лесокombинатами в виде морских плотов. За 1943 г. его суда отбуксировали двадцать шесть сигар объёмом около девятнадцати тысяч «кубов». Вот что докладывало командование парохода «Якут» об одном из таких рейсов. «Исключительно большая работа была произведена палубной командой при буксировке плота из Усть-Камчатска в Петропавловск. Несмотря на свежую штормовую погоду (до девяти баллов) и неоднократный обрыв плота, последний был в целостности доставлен в Петропавловск, за что часть коллектива начальником АКО была премирована, части объявлена благодарность и отпущены средства для премирования команды».

В 1944 г. из Усть-Камчатска приведено четырнадцать сигар, причём одну из них в сентябре из Петропавловска пароход «Коккинаки»

отбуксировал в Микояновск. Это стало первым в истории Камчатки и её флота случаем доставки леса морем с её восточного берега на западный.

В мае 1945 г. закончились сражения в Европе, но на Дальнем Востоке Вторая мировая война ещё продолжалась. В августе 1945 г. СССР начал боевые действия против Японии. 9 августа 1945 г. в Камчатской области было введено военное положение. Заключительным эпизодом войны стала высадка на Курильские острова, проведение которой советское командование возложило на силы Камчатского оборонительного района (КОР), возглавляемого генерал-майором А. Р. Гнечко. Суда АКОфлота принимали в ней непосредственное участие.

Петропавловская военно-морская база не располагала достаточным количеством транспортных средств для доставки десанта на острова. Часть десантников разместились на мобилизованных гражданских транспортных и рыболовецких судах. С 8 августа по 3 сентября пароходы АКОфлота «Ительмен», «Чапаев», «Коккинали» и танкер «Максим Горький» использовались для перевозки вооружения и людей, остальные суда во избежание потерь рассредоточились в закрытых бухтах и портах.

Погрузка транспортов с десантом шла в Петропавловске. Недостаток здесь причалов привёл к тому, что с каждого из них приходилось грузить одновременно несколько плавсредств. Для того чтобы упорядочить это, суда обрабатывались по специальному графику. Приняв людей и грузы, они отходили на рейд Авачинской губы, а их места занимали следующие. Посадка десанта закончилась к вечеру 16 августа 1945 г.

Рано утром караван из шестидесяти четырёх вымпелов двинулся в путь на Курилы. Всего на борту кораблей и судов разместились восемь тысяч восемьсот двадцать четыре десантника, девятью пять орудий, сто двадцать три миномета, сто двадцать тяжёлых и триста семьдесят два лёгких пулемёта. Во время перехода волнение моря составляло три-четыре балла, движение каравана затрудняла малая видимость. С одной стороны, это скрывало суда и корабли от неприятеля, с другой — мешало им выдерживать график движения, который и без того нарушался в силу того, что военные и гражданские моряки не имели практики совместных плаваний на большое расстояние в таком крупном соединении.

Десантная операция началась рано утром 18 августа высадкой на остров Шумшу — основной опорный пункт японской

обороны на Курилах. Бои шли до 23 августа. К концу месяца силы КОР заняли всю северную гряду Курильских островов, включая остров Уруп.

После окончания операции к правительственным наградам были представлены семеро моряков парохода «Коккинаки» во главе со старшим помощником капитана Я. Я. Изаком и девятнадцать членов команды парохода «Чапаев», возглавляемого капитаном А. Д. Коломейцем. Их наградили за образцовую подготовку судов и экипажей «к спецрейсу с десантными частями КОР на Курильские острова и успешную доставку десанта, его высадку в условиях боевых действий». Остальной личный состав экипажей своим самоотверженным трудом и участием в погрузо-разгрузочных работах по переброске боеприпасов, вооружения и техники с пароходов на берег заслужил благодарность командования.

Помимо этих работ, моряки принимали с берега раненых десантников, оказывали им первую медицинскую помощь, ухаживали и кормили. Особенно заботились о пострадавших воинах уборщица «Коккинаки» М. С. Заболотская, помполит «Чапаева» В. А. Кортиков и буфетчица этого же парохода В. Т. Завалина.

Вот что вспоминал об участии в Курильской десантной операции А. Р. Янсон, тогда студент Петропавловского морского рыбопромышленного техникума, проходивший практику на «Чапаеве»: «В августе 1945 г. при объявлении войны Японии “Чапаев” с экипажем был мобилизован для участия в Курильской военно-десантной операции. После погрузки в трюма боезапаса, боевой техники, около шестисот тонн, солдат из зенитной роты, 17 августа 1945 г. в составе первого эшелона боевых десантных кораблей “Чапаев” вышел в район Первого Курильского пролива.

После высадки десантников и частичной выгрузки боезапаса “Чапаев” получил приказ принять на борт пленных японских солдат и следовать в Усть-Большереецкий комбинат для принятия на борт артиллерийской части. Приказ был выполнен, и после капитуляции японцев на острове Шумшу “Чапаев” выгрузил в Четвёртом Курильском проливе артиллеристов, погрузил на борт трофейное оружие, раненых и 3 сентября 1945 г. прибыл в Петропавловск. Судно вышло на рейд, готовясь к постановке в ремонт на судоверфи, а мы, курсанты, списались с “Чапаева” и продолжили учиться в морском рыбном техникуме...»

Четыре мобилизованных судна находились в распоряжении командования КОР в общей сложности шестьдесят девять суток. За это время они перевезли шесть тысяч семьсот тонн военных

грузов и более трёх тысяч десантников. Остальные суда флота простаивали, потеряв из соображений безопасности восемьдесят девять суток.

Во время высадки и после завершения операции большую помощь войскам оказали не только моряки, но и работники петропавловского рыбного порта АКО, добровольно пошедшие с десантом. Портовики принимали участие в разгрузке транспортов, они разместили на берегу пришедшие на пароходах грузы и обеспечили работу мелких плавсредств. За организацию и руководство этой работой начальник рыбного порта Я. Я. Завадский был награждён орденом Отечественной войны первой степени, а начальник погрузочного отдела порта Н. К. Мельничук — орденом Красной Звезды.

К награде «за умелое руководство и организацию работ по разгрузке боеприпасов, снаряжения и техники десантных частей в условиях боевых действий и выгрузке их на островах в районе боёв» был представлен стивидор А. Т. Бабилов. За самоотверженный труд «по выгрузке техники, боеприпасов и вооружения под обстрелом противника с судов за период боёв на островах» награждены грузчики и их бригадиры: Наданов, Чугунчиков, Корецкий, Ленский, Жуган, Казанов, Михайлов и другие.

Всего за годы войны сорок два работника флота были награждены орденами и медалями СССР, а по её окончании более трёхсот пятидесяти человек получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

За военные годы характер деятельности АКОФлота существенно изменился. Работая в условиях ограниченных ресурсов, в 1941 г. он впервые за годы своего существования получил прибыль. В 1943 г. также впервые был выполнен, а по отдельным показателям — значительно перевыполнен план грузоперевозок. В 1944 г. количество завозимых судами АКО на Камчатку грузов достигло трёх четвертей от их общего поступления (до войны оно не превышало одной трети). В том же 1944 г. после многолетних неудачных попыток в практику вошли теплотехнические испытания судов, в результате которых были определены их экономические скорости, выявлены наиболее благоприятные режимы эксплуатации и установлены технически обоснованные нормы расхода топлива.

В годы войны на полуострове впервые начала действовать сеть морского и рыбохозяйственного образования. Одним из её звеньев стал «институт юнг», положивший начало основанной в 1946 г. Петропавловской мореходной рыбопромысловой школе.

Впереди АКОфлот ждала мирная работа. В начале октября 1945 г., в связи с реорганизацией АКО, его переименовали в Управление транспортного флота Камчатского государственного рыбопромышленного треста (Камчатрыбфлот).

Какой пароход первым зашёл в устье реки Камчатки?

Громадное морское побережье Охотско-Камчатского края в конце XIX в. имело всего две морских пристани, возле которых могли швартоваться пароходы — в Петропавловске и Аяне. В остальных пунктах они обрабатывались так называемым «рейдовым» способом, при котором грузы и пассажиров вначале размещали на кунгасах, затем их буксировали к берегу паровым или моторным катером и там разгружали.

Рейдовая выгрузка была невозможна при волнении моря свыше пяти баллов: в этом случае она нередко сопровождалась потерей грузов и гибелью людей. Ожидание же улучшения погоды в море зачастую вызывало значительные простои судов.

Весьма сложным в навигационном отношении являлся рейд Усть-Камчатска, к началу XX в. приобретшего славу главного рыбного цеха полуострова. В баре реки Камчатки неоднократно разворачивались трагедии. Так, в 1883 г. здесь утонули командир и матрос со шхуны «Пурга», а в 1907 г. погиб весь экипаж парового катера «Котик».

В 1902 г. два предпринимателя — А. А. Прозоров и француз Моно — приехали в Усть-Камчатск с целью осмотра места для новых предприятий. Отправившись на паровом катере в реку через устье, они погибли в барах под накрывшей катер волной.

Две крупных аварии произошли в 1919 г., причём одна из них унесла жизни двадцати девяти человек. Катер японской рыбопромышленной фирмы «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша», буксировавший кунгас с рабочими, попал в устье реки в буруны. Кунгас опрокинулся и накрыл людей, большая часть которых утонула. В начале июля также вблизи устья во время выгрузки парохода Доброфлота «Эривань» произошла вторая авария. На моторном катере Первого камчатского общества потребителей находился двадцать один человек. Сильной волной катер накренило, пассажиры, пытаясь выровнять судёнышко, перевалились в противоположную сторону, после чего следующей волной пятнадцать из них были опрокинуты в воду. Часть втащили обратно на катер, других

подняли подоспевшие рыбаки, но, тем не менее, погибли шестеро корейских и китайских рабочих.

Подобные происшествия наблюдались и в последующие годы. По данным Камчатской комплексной экспедиции, работавшей в Усть-Камчатске в 1936 г., на баре с 1931 по 1936 гг. погибли пятьдесят человек, то есть, в среднем, по восемь человек в год. В навигацию 1936 г. утонула шхуна «Краболов» с командой из семи человек и, кроме того, несколько катеров и кунгасов с людьми.

Одна таких трагедий случилась уже в совсем недавнее время. 27 декабря 1998 г. здесь перевернулась самоходная баржа, разгрузившая продовольствие и имущество с пограничного сторожевого корабля «Николай Старшинов». На ней погибли два офицера и семеро матросов. Тел утонувших найти так и не удалось.

Трудности преодоления бара подробно описывает купец первой гильдии надворный советник А. Ф. Филиппеус, в 1870—1880-х гг. XIX в. поставлявший грузы и товары в пункты Охотско-Камчатского края. «Снабжение Нижнекамчатска сопряжено с большими трудностями и опасностями. Течение реки Камчатки близ устья никогда не бывает менее четырёх узлов, а после снежной зимы доходит до шести и семи узлов.

Устье загорожено баром, и морская прибыль хотя несколько и спирает течение реки и углубляет фарватер на बारे, но спор морской и речной воды почти постоянно производит страшную россыпь, через которую при малейшей морской зыби пройти невозможно. При благоприятных обстоятельствах на прибылой воде судно, сидящее не более восьми футов, может войти в реку и подняться до селения, но как для входа, так и для выхода надо терпеливо выжидать стечения благоприятных обстоятельств, а эти обстоятельства, особенно для парусного судна, иногда заставляют себя ждать по несколько месяцев...

Первые годы контракта я посылал из Петропавловска парусную шхуну, которая входила в реку и употребляла почти всё лето на снабжение этого места, но теперь уже более десяти лет я вожу на своём пароходе десятисильный паровой катер и три огромных грузовых баркаса. И хотя при божьей помощи до сих пор всё проходило благополучно, но неоднократно случалось, что жизнь людей на баркасах висела на волоске.

Между тем, я никогда не форсирую, а спокойно на рейде выжидаю тихой погоды».

Катастрофы происходили, главным образом, из-за плохого знания фарватера и малой опытности старшин катеров. Для облегче-

ния заходов в 1930-е гг. против устья реки на острове Книповича поставили опознавательный знак в виде столба с треугольным щитом. Створом он не служил, поэтому позволял определить только положение устья. Опытный старшина баржи при бурунах на отмелях долго, иногда до двух часов ходил возле баров, изучая, с какой последовательностью чередуются валы и, «посадив» катер на гребень наибольшей волны, вместе с ней «перекатывался» через бар и попадал в устье.

Предотвратить гибель людей и пропажу грузов, уменьшить простой судов можно было только одним способом — созданием в Усть-Камчатске морского порта. Эту идею высказывал ещё в середине XIX в. первый камчатский губернатор В. С. Завойко. А связана она была с доставкой леса, заготовленного в долине реки Камчатки, в строившийся Петропавловск. Но в то время осуществить её помешали разразившаяся Крымская война, непосредственно задевшая полуостров своим огненным дыханием, да и отсутствие достаточных средств.

Последующие проекты обустройства усть-камчатского рейда относятся к начальному периоду развития рыбной промышленности в этом районе — первым десятилетиям XX в.

В 1907 г. предприниматель Г. А. Крамаренко, исследовавший рыбопромышленный потенциал Камчатки, рекомендовал «обратить внимание на устройство железнодорожного пути по западному побережью с выходом в Петропавловскую гавань, а также принять к сведению беспокойный рейд Усть-Камчатского залива и, если возможно, устроить и там нечто вроде мола».

Он указывал, что «самая большая и самая богатая рыбой река — это на восточном побережье река Камчатка, в среднем течении которой имеется даже хороший строевой лес, — но рейд её невозможен». Однако и тогда до практического осуществления подобных проектов дело не дошло. Частникам он был не по силам, этим могло заняться только государство.

В объём работ знаменитой экспедиции, отправленной на полуостров на средства миллионера Рябушинского, входило и исследование вод реки Камчатки. Этим в 1908 и 1909 гг. занимался В. Н. Лебедев. В 1908 г. он обследовал реку от её истоков до устья, а в 1909 г. — устьевую часть, изложил свои заключения о режиме предъустьевых водоёмов в монографии. Через несколько лет впервые для целей портостроения этот район изучала специальная «Экспедиция портовых изысканий Тихого океана» отдела портов Министерства торговли и промышленности. В 1912 г. ею руководил

инженер путей сообщения Г. Л. Фаерман. Экспедиция провела промерно-съёмочные работы, составив соответствующие планы, и предложила три способа решения возможного портоустройства.

Первый — порт сооружается в устье реки, имеет регулирующие устройства и требует постоянного углубления бара. Второй — прорывается канал в самом узком месте с выходом в бухту Переволочную, где углублением и образуется портовый бассейн. Третий — порт создаётся в южной протоке реки Озерной и соединяется с Камчатским заливом. Эти планы не были осуществлены из-за начавшейся Первой мировой войны и последовавшей за ней гражданской.

В 1929 г. снова работала обновлённая «Экспедиция портовых изысканий на Тихом океане». Её задача: уточнение подробным обследованием участков, названных в указанных выше трёх вариантах. В этом же году полуостров посетила особая правительственная комиссия, снова поставившая вопрос о создании порта в районе Усть-Камчатска. Главным побудительным моментом к этому стало «то положение, что за непроизводительные простои судов большого тоннажа уплачивались громадные суммы».

В очередной раз этот вопрос был поднят в середине 1930-х гг. Тогда в Усть-Камчатске действовали несколько рыбоконсервных заводов АКО. Эти предприятия нуждались в разрешении сложностей, связанных со своевременным получением снабжения, и особенно — с отгрузкой готовой продукции, которая нередко оставалась зимовать на заводах и промыслах. Как правило, её доставляли на суда, стоявшие в Камчатском заливе, с берега на деревянных кунгасах, буксируемых катерами.

В 1928 г. в Усть-Камчатск пришли две американские стальные баржи грузоподъёмностью девяносто пять тонн каждая, которые предполагали использовать для морской погрузки консервов на пароходы. Но баржи оказались для этого непригодны, так как были плоскодонными и громоздкими. Имеющиеся маломощные катера не могли без риска буксировать эти сооружения.

В 1930 г. руководство комбината для продления навигационного периода высказывало пожелание иметь в своём распоряжении ледокольный катер с прочным стальным корпусом для работ в начале сезона в море и на реке, когда лёд вызывал задержку разгрузки прибывающих пароходов.

Было понятно, что и это предложение является полумерой. На повестку дня встала задача постройки в Усть-Камчатске полноценного морского порта. В 1936 г. Наркомрыбпром СССР решил направить на полуостров Камчатскую комплексную экспедицию.

В числе прочего ей предписывалось выполнить изыскательские работы и составить технико-экономические обоснования проектов создания новых гаваней.

11 апреля 1936 г. наркомат издал приказ, по которому экспедиции, возглавляемой Б. А. Бронштейном, следовало изучить и выбрать бухты на восточном побережье Камчатки для организации баз по сосредоточению рыбной продукции «из тяготеющих к ним рыбозаводов и обслуживания рыбопромыслового флота». Такие базы намечалось расположить в бухтах Южной Глубокой или Сибирь, лежащих в заливе Корфа; в районе Усть-Камчатска вблизи мыса Шуберта или озера Нерпичьего (для обслуживания Усть-Камчатского и Шубертовского рыбокомбинатов, Ключевского лесокомбината и населения долины реки Камчатки) и в Петропавловске.

11 июня 1936 г. народный комиссар пищевой промышленности СССР А. И. Микоян известил Дальневосточный краевой комитет ВКП(б) о том, что «в целях усиления технической базы рыбной промышленности и установления перспектив её развития на Дальнем Востоке мною посланы экспедиции в Приморье и на Камчатку. В числе задач, подлежащих решению экспедициями, входит выбор площадок для нового строительства. В этих целях мною организованы комиссии, в состав которых, помимо руководства трестов и экспедиций, прошу командировать ваших представителей. Означенные комиссии на месте установят целесообразность выбора той или иной площадки».

Результатом работы Камчатской комплексной экспедиции стал проект портового строительства на сумму девятюсто шесть миллионов рублей, из которых на сооружения первой очереди предполагалось потратить двадцать семь. В названную сумму входили затраты и на создание порта в устье реки Камчатки. В 1937 г. начальник усть-камчатской обследовательской партии Г. Н. Зорич и заместитель начальника экспедиции Ф. Э. Криммер подготовили обоснование его строительства.

В 1930-х гг. осуществить эти планы снова не удалось. Начавшаяся в 1941 г. война отложила их до лучших времён. Все усилия строителей в военные годы были направлены на возведение нового морского порта в Петропавловске и обновление уже существовавшего здесь хозяйства АКО. Порт в Усть-Камчатске появился только во второй половине 1950-х гг.

Пока же, при его отсутствии, большинство названных выше сложностей можно было попытаться решить организацией заходов

в реку крупных морских судов. Но у них имелся один главный недостаток — значительная осадка.

Первую попытку зайти в устье реки Камчатки 15 августа 1909 г. предпринял пароход Управления водных путей Амурского бассейна. На нём находилась экспедиция под руководством П. Крынина. Вот как он описывал это событие. «“Владивосток” под командованием капитана Миловзорова осторожно и смело проходил бар, имея с обоих бортов лоты и футштоки и, встретив на нём одиннадцать футов (фут равен тридцати с половиной сантиметрам. — С. Г.), около восьми часов вечера, уже с темнотой, вошёл в реку. Это был первый морской пароход, вошедший в реку Камчатку. На следующий день были произведены промеры реки в шлюпках, и к вечеру 16 августа “Владивосток” подходил к селению Усть-Камчатскому, где он произвёл целую сенсацию: жители, собравшись на берегу, встретили пароход ружейными выстрелами-залпами — внешнее выражение камчадалов радости при встрече приезжающих. Пристань была освещена, а в селении устроено целое празднество».

Следует отметить, что «Владивосток» можно назвать «морским пароходом» лишь с большой натяжкой: это, по сути речное, судно имело вместимость всего сто пятьдесят шесть регистровых тонн и машину мощностью сто пятьдесят сил, позволявшую развивать ход всего семь узлов. Его экипаж насчитывал вместе с составом экспедиции двадцать человек. «Владивосток» имел «обычную речную осадку» в три с половиной — четыре фута. С полными запасами топлива и воды из расчёта на двенадцать суток плавания осадка увеличивалась до шести-семи футов, то есть до двух метров. С учётом расхода части запасов на путь из Петропавловска до Усть-Камчатки, занявший трое суток (с 13 по 16 августа), можно считать, что осадка парохода во время захода в реку была значительно меньше.

В реке Камчатке в это время работал двухвинтовой паровой катер «Камчатка» с осадкой два с половиной фута (три четверти метра), принадлежавший Камчатскому торгово-промышленному обществу. Им командовал механик И. П. Леппялуото.

Сделанные экспедицией Крынина промеры на баре реки показали глубину около одиннадцати футов, то есть три с лишним метра. Эти данные ясно показывали, что заход в реку крупных морских пароходов был либо весьма рискован, либо просто невозможен из-за их большой осадки, которая, как правило, намного превышала четыре метра. Сведений о том, что в 1910 гг. морские суда входили в реку Камчатку, не выявлено.

В 1920—1930-е гг. из относительно крупных судов, заходивших в её устье, можно назвать парусно-моторную шхуну «Наркомпрод Брюханов» с шестифутовой осадкой без груза и двенадцатифутовой при полной загрузке, японский миноносец, сидевший в воде тоже на двенадцать футов. В 1935 г. один из траулеров АКО «пытался войти в реку, но, коснувшись дна, повернул назад». В 1936 г. бары неоднократно преодолевала шхуна «Разведчик» с осадкой в девять футов.

В середине 1930-х гг. задача организации захода в реку стояла как перспективная. О ней упоминается в проекте АКО, касающемся сооружения двух небольших грузопассажирских судов прибрежного плавания, предназначенных для района Усть-Камчатска. 9 марта 1936 г. находившийся в Москве заместитель начальника АКО Г. Д. Торопов подал А. И. Микояну проект задания на их постройку.

Первое судно с чистой грузоподъемностью семьсот тонн предназначалось для линии Петропавловск — Усть-Камчатск. Оно должно было иметь осадку около трёх метров, позволявшую ему проникать в устье, и «этим самым избежать простоев в ожидании хороших погод». Конструкция судна и его мореходные качества должны были удовлетворять условиям океанского плавания в любой сезон в условиях движения в битом льду и в пределах его кромки. Скорость хода намечалась в одиннадцать узлов, запас топлива должен был позволять находиться в море двадцать суток. Второе судно, предназначенное для этого же района, должно было иметь большие размеры — его чистая грузоподъемность тысяча тонн. На обоих предусматривались по два самоходных десятитонных кунгаса и один моторный катер для их буксировки. Этими средствами они могли проводить самостоятельную разгрузку.

Указанные суда не были построены по экономическим причинам.

Очередные попытки захода в реку были предприняты в конце 1930-х гг. Одну из них, датируемую летом или осенью 1938 г. намеревался осуществить экипаж буксира-спасателя «Кит». Вот что об этом в письме, адресованном ветерану флота Т. М. Кривоногову, вспоминал один из старейших камчатских капитанов А. А. Гринько: «По поводу промеров глубин на подходе и в устье реки Камчатки уточняю: глубины я промерял ещё раньше, когда был старпомом на буксире “Кит” (потом погибшем). Мы часто околачивались на рейде Усть-Камчатска, и мне это надоело, так как туда ходили часто и много теряли времени на непроизводительные стоянки и, естественно, планы не выполняли. Глубины были нанесены на

кальку в довольно крупном масштабе, причём и в прилив, и в отлив. Брали также и пробы солёности верхнего слоя воды. Оказалось, что в отлив невдалеке от устья слой пресной воды бывает даже больше фута и, поддерживая храповик шланга на такой глубине, вполне можно бункероваться, что мы и делали. Копия кальки пошла в контору, и кто хотел, мог воспользоваться. Осенью я был переведён на другое судно, а «Кит» в первый же рейс погиб».

Здесь следует заметить, что буксир-спасатель «Кит» был значительно крупнее крынинского «Владивостока»: загруженный, он имел осадку около четырёх метров.

Далее А. А. Гринько вспоминает: «Сам я результатами промеров так и не воспользовался, а вот Козырев, видимо, о промерах знал и осуществил заход, причём довольно удачно. Я с ним на эту тему не беседовал, хотя и встречался во Владивостоке». Здесь рассказчик имел в виду капитана Камчатрыбфлота Г. А. Козырева, под командованием которого в реку Камчатку 22 августа 1946 г. зашёл пароход «Якут».

Можно предположить, что с 1938 по 1946 г. предпринимались и другие попытки проникнуть в реку с моря на относительно крупных судах. Одна из них, показавшая такую возможность, состоялась в первых числах октября 1945 г. Этот удачный опыт выполнил паровой траулер Морлова АКО «Топорок» под командованием капитана В. М. Неклюдова.

Вот как он описывался в газетной заметке «Смелый рейс опытного капитана»: «Кто хоть раз побывал в Усть-Камчатском заливе, тот знает, как зачастую трудно здесь разгружать пароходы. Чуть подует ветер — начинается зыбь, образуется сильный накат, огромные бары перекатываются через устье реки. В такое время нельзя работать. Бесцельно простаивают пароходы, стоят станки консервных заводов, нуждающиеся в срочном путинном грузе. Как избежать простоя? Нельзя ли судну войти в реку и пристать к берегу? Этот вопрос давно уже волновал капитана тральщика “Топорок” товарища Неклюдова. Опытный моряк знал коварное свойство камчатских рек — менять фарватер после каждого шторма.

Как-то, будучи в Усть-Камчатске, капитан разговорился о возможности захода тральщика в реку с директором базы технического снабжения товарищем Лазуренко и руководителем морских сплотов леса товарищем Милютиным. Они уверяли, что в течение всего года река Камчатка ведёт себя благонравно: фарватера не меняет, его глубина держится без заметных колебаний в сторону обмеления.

У капитана возник смелый план, который и был осуществлён в первых числах октября. В этот день стоявшие на рейде суда не разгружались из-за сильной зыби. Воспользовавшись свободным временем, товарищ Неклюдов вместе с боцманом товарищем Тулапиным направился на катере в реку. Он обследовал отмели, собственноручно замерял глубины. Результаты превзошли все ожидания.

Капитан вернулся на судно. Он вызвал старшего механика товарища Анкура и дал ему задание: любыми средствами обеспечить работу машины от “самого малого” до “самого полного”. В каюту капитана пришёл лучший рулевой судна товарищ Закиров. Он также получил наказ: чётко и быстро работать у штурвала.

— Вира якорь! — раздалась команда.

Тральщик плавно развил ход и, проскочив устье, через четверть часа уже стоял в реке у пристани. Это были напряжённые минуты. Когда очередным валом забрасывало корму, надо было резко переключать руль. С этим рулевой справился. Вся команда постаралась помочь капитану осуществить смелый замысел. Через два с половиной дня, разгрузив горючее, судно приняло полный груз клёпки и вышло в море».

Траулер «Топорок» по размерам (водоизмещение тысяча двести тонн, осадка с грузом четыре с половиной метра) сопоставим с «Китом», но он так же существенно уступал грузовым морским пароходам, которыми располагало Дальневосточное пароходство и транспортный флот наследника АКО — Главкамчатрыбпрома.

Итак, теперь оставалось ввести в реку крупный пароход. Им и стал уже известный нам «Якут» под командованием Г. А. Козырева. Этот сухогруз одним из первых вошёл в состав морского флота АКО: его приобрели в США в 1929 г. Он был построен в 1919 г. в Детройте. Водоизмещение «Якута» составляло четыре тысячи четыреста тонн, чистая грузоподъёмность — три тысячи сто тонн. Это было достаточно большое судно длиной восемьдесят семь и осадкой в полном грузу семь с лишним метров.

События разворачивались так: «Последний рейс парохода “Якут” был особенно сложный. Придя в Усть-Камчатск с грузом угля, судно шесть дней простояло на рейде, не имея возможности приступить к погрузо-разгрузочным работам — мешала штормовая погода. Этим рейсом команда завершала кварталный и годовой план...

22 августа собралось совещание комсостава. Капитан Козырев принял решение: войти в устье реки Камчатки и там провести погрузку. До “Якута” ещё ни один морской пароход не отваживался войти в реку с быстрым течением и узким фарватером. Приняты

меры предосторожности. Старший помощник Бурлуцкий сделал промеры глубины устья, ему помогал матрос первого класса Ступак. Тщательные промеры показали, что судно хотя и с некоторым риском, но вполне сможет войти в устье реки.

К речному причалу из-за малой глубины не подошли, ошвартовались посреди реки, выгрузили уголь, взяли клёпку, пассажиров и сигару. По выходе из реки «Якут» сел на мель, но дно оказалось илистое, повреждений нет. Следующий прилив снял «Якут» с мели».

Теперь на вопрос, поставленный в заглавии, мы можем ответить так: первым крупным морским судном, сумевшим зайти в реку Камчатку, стал пароход «Якут», принадлежавший Управлению транспортного флота Главкамчатрыбпрома.

Во второй половине 1950-х гг. многократно поднимавшиеся предложения о создании в Усть-Камчатске морского порта были окончательно разрешены. Он был организован 9 июня 1955 г. как подразделение Петропавловского морского торгового порта (третий район), в свою очередь входившего в состав Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства. Усть-Камчатский порт специализировался на отгрузке леса и рыбопродукции и поставках продовольствия и снабжения для населения долины реки Камчатки.

Проведённые гидротехнические работы позволили побороть своенравный характер реки и открыли дорогу в неё для морских судов различных назначений.

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Начальник уезда

В нашем краеведческом музее хранятся документы, некогда принадлежавшие одному из «первых лиц» Камчатки — начальнику Петропавловского уезда Станиславу Матвеевичу Леху. Он руководил уездом, охватывавшим территорию нынешнего Камчатского края, весьма продолжительный срок — с 1905 по 1917 г. На это время выпало немало интересных и важных в истории России и Камчатки событий: русско-японская война, учреждение отдельной Камчатской области с губернским правлением, начавшееся экономическое и социальное развитие территории, крушение двухсотлетней империи. Но, несмотря на это, до недавнего времени о личности С. М. Леха мало что было известно. Имеющиеся бумаги: выписка из церковной книги, учебные ведомости, воинские приказы, личная переписка, рукописи, телеграммы, а также привлечённые со стороны архивные материалы — позволяют составить его жизнеописание.

Будущий «начальник Камчатки» С. М. Лех родился 11 февраля 1872 г. в Иркутске. Семейство Лехов появилось в Сибири не по доброй воле: его отец, «дворянин римско-католического вероисповедания» Матвей Лех, был сослан сюда за участие в противоправительственных действиях, известных как «Польское восстание». Оно началось в январе 1863 г., завершилось в ноябре 1864 г. За причастность к восстанию власти казнили сто двадцать восемь бунтовщиков, восемьсот отправили на каторгу, а двенадцать с половиной тысяч выслали из Царства Польского на поселение вглубь Российской Империи, в частности, в Сибирь. Впрочем, уже в апреле 1866 г. император Александр II объявил польским политическим ссыльным амнистию: им значительно сократили сроки каторги или заменили их поселением.

В метрической книге Иркутского костёла за 1872 г. под шестым номером содержится следующая запись: «Тысяча восемьсот семьдесят второго года, одиннадцатого дня марта месяца... окрещён младенец по имени Станислав-Валентин настоятелем сей же церкви Христофором Шверницким с совершением всех обрядов таинства, политического ссыльного Матвея и Елены из Бридицких, Лехов, законных супругов сын, родившийся 11 февраля сего года в г. Иркутске в четыре часа утра. Восприемниками были Иван

Воюцкий с Каролиною Киселевскою в присутствии Петра Шверницкаго и Елены Мелин».

Настоятель костёла отец Христофор Шверницкий (в разных источниках его именуют Христофором Швермицким, Кшиштофом Швермицким, Кшиштофом Шверницким) в Иркутске был известным и уважаемым человеком. В Сибири этот выходец из дворян Августовской губернии Марьямпольского уезда селения Варнуяны Царства Польского тоже очутился как ссыльный: 6 декабря 1846 г. он попал под следствие и военный суд по подозрению, что получил из Пруссии запрещённые в Российской Империи книги. Весной 1852 г. был выслан на жительство в Иркутск «без лишения прав состояния». Через три года получил разрешение вернуться на родину, но решил остаться в сибирской столице.

Почти тридцать лет — с 1856 по 1885 г. — он служил настоятелем Иркутского костёла и капелланом при войсках, умер в 1894 г. Х. Шверницкий стал настоящим духовным отцом не только для семьи Лехов, но и для всей польской иркутской общины, которая стала складываться ещё в начале XIX в., тоже, в основном, из ссыльных.

Начальное образование и воспитание Станислав получил, по всей видимости, дома. В одиннадцатилетнем возрасте в 1883 г. он поступил в Иркутскую гимназию, где попал под попечительство классного наставника А. Франковского. Учебный год в гимназии делился на четыре «срока», сейчас бы мы сказали, что на «четверти». В каждом «сроке» первого класса изучались пять дисциплин: русский и латинский языки, арифметика, география, чистописание. Все они оценивались по четырём статьям: «успехи, внимание, прилежание, поведение».

Запечатанный мелким шрифтом оборот «Свидетельства об успехах и поведении воспитанника» за первый класс гимназии, оттиснутый в иркутской типографии Н. Н. Сеницына в 1882 г., напоминает об основных составляющих успешной учёбы, остающихся значимыми и в наше время: «Хорошие успехи ученика более всего зависят от его *постоянной внимательности в классе*. Чтобы основательно усвоить предмет, ученик должен во время урока внимать в слова наставника и если чего-нибудь не понимает, то просить у него объяснений, иначе посещение классов не имело бы никакого значения. Другое условие хороших успехов — *исправное приготовление уроков дома*. Случается, однако, что при всём своём желании ученик не может хорошо приготовить своих уроков по каким-нибудь вполне уважительным причинам. В таком слу-

чае в самом начале урока он должен объявить об этом учителю. Третье условие хороших успехов — *постоянное и своевременное посещение классов*. В случае совершенной невозможности явиться на урок по болезни или другой вполне уважительной причине, уведомление о том должно быть прислано в тот же день для надлежащего со стороны учебного начальства распоряжения. Неисполнение этого правила подвергает ученика ответственности, как пропустившего урок самовольно и без уважительной причины».

Любопытна и не совсем привычна для нас и использовавшаяся тогда шкала оценки знаний и дисциплины гимназистов. Вот что значили отметки в графе «Успехи»: единица — вовсе неудовлетворительно, двойка — не совсем удовлетворительно, тройка — удовлетворительно, четвёрка — хорошо, пятёрка — отлично. В графе «Поведение»: единица — худо, двойка — не совсем одобрительно, тройка — добропорядочно, четвёрка — хорошо, пятёрка — отлично.

В первом «сроке» у первоклассника Станислава Леха не ладилось с чистописанием: «успехи — двойка, внимание — тройка, прилежание — тройка, поведение — тройка». Но к концу учебного года дело поправилось, появились четвёрки и даже пятёрки. За год он пропустил двенадцать уроков, но ни разу не опоздал. Поведение «вне класса» оказалось отличным, за леность и нарушение порядка не наказывался и никуда, например, в кондуит, не записывался.

В первом «сроке» из тридцати одного собрата-гимназиста Лех оказался девятым учеником, а к концу четвёртого — поднялся до третьего, правда и число сотоварищей за это время уменьшилось до двадцати пяти. В конце года перед каникулами состоялись переводные письменные экзамены во второй класс, по-тогдашнему «испытания», по обоим языкам и арифметике с оценками «пять», «три» и «три» соответственно.

Обучение в гимназии длилось до 1887 г. 15 августа этого года Станислав перевёлся в третий класс Иркутского четырёхклассного городского училища императора Александра III. В нём он 12 июня 1889 г. окончил обучение, показав при отличном поведении отличные же знания арифметики, геометрии и истории. Оценки «очень хорошо», то есть непривычную нам четвёрку с половиной, получил по географии и естествоведению, «хорошо» — по русскому языку, рисованию и черчению. «Кроме того, обучался пению и гимнастике». А вот «ручному труду» и закону божьему по православным канонам Станислав, как католик, не обучался.

Через три дня, 15 июня 1889 г., Иркутское окружное по воинской повинности присутствие выдало юноше свидетельство о приписке

его к призывному участку. Оно объявляло его «подлежащим исполнению воинской повинности в 1893 г.». Призывник обязывался не позже 1 марта 1893 г. доставить в присутствии сведения о составе семьи, «согласно высочайшего повеления 23 июля 1874 г.». Означенное «повеление» гласило: «...представить... о составе их семейства сведение, удостоверенное полицией, по месту жительства семейства призываемого, или же начальством того ведомства, в коем находится отец, дед или брат лица, подлежащего призыву. Сведения о составе семейств дворян, потомственных и личных, могут быть, по желанию их, удостоверены вместо полиции или служебного начальства предводителем дворянства того уезда, где приписан призываемый».

Дальнейшее образование Станислав Лех продолжил в основном в 1874 г. Иркутском юнкерском училище. Оно предназначалось для обучения вольноопределяющихся, в основном из числа казаков, и пополняло офицерскими кадрами казачьи войска Сибири и Дальнего Востока и регулярную армию. В нём могли учиться казаки Забайкальского, Амурского, Уссурийского войск, Иркутской и Красноярской сотен. По штату количество обучавшихся на курсе определено в девяносто человек: по тридцать юнкеров регулярных войск, урядников пешего казачьего войска и урядников конного войска. В основном обучавшиеся были русскими, небольшую долю воспитанников — примерно пять процентов — составляли поляки.

Для зачисления в юнкерское училище в качестве вольноопределяющегося требовалось выдержать «испытания» в объёме ранее пройденной в гимназии или городском училище программы. Испытания, прошедшие под председательством начальника училища полковника Фёдорова, завершились так: закон божий — пятёрка, русский язык — четвёрка, арифметика — тройка, геометрия — тройка, география и история — по четвёрке. Общая сумма баллов — двадцать три.

Экзамены принимали: законоучитель — уже знакомый нам священник Шверницкий, преподаватели: русского языка — коллежский советник Бобровников, арифметики и геометрии — кандидат прав Шереметевский и коллежский секретарь Латтман, географии — Генерального штаба капитан Федяй и отставной коллежский советник Перетолчин, истории — снова Генерального штаба капитан Федяй. По результатам испытаний комиссия заключила: «На основании статей 171-й и 173-й пункта третьего устава о воинской повинности и правилам для производства испытаний, вышепоиме-

нованный Станислав Лех имеет право поступить в военную службу вольноопределяющимся на правах третьего разряда, а согласно приказу по военному ведомству 1886 г. за № 132 на правах второго разряда».

Вольноопределяющимися именовались нижние чины Русской Императорской Армии, добровольно поступавшие на службу и пользовавшиеся некоторыми льготами. Ими можно было стать только при наличии некоторого образовательного ценза. Так, вольноопределяющийся второго разряда с 1886 г. должен был окончить не менее шести классов гимназии или реального училища, или два курса духовной семинарии. Желаящие служить сдавали специальный экзамен, программа которого совпадала с шестилетним курсом обучения в учебных заведениях ниже гимназии. Минимальный срок службы вольноопределяющихся второго разряда устанавливался равным двум годам и девятилетнему пребыванию в запасе. Для получения же офицерского чина им следовало прослужить не менее трёх лет.

Военным делом Станислав занимался, судя по всему, серьёзно и с удовольствием. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся приказ по строевой части от 2 апреля 1892 г.: «По представлению командующего сотней юнкера Леонид Волков, Александр Арсеньев, Анатолий Пель-Горский-первый, Иннокентий Петров-второй и Станислав Лех — за основательное знание строевой службы и усердие в ней — производятся: первый — в младшие училищные урядники, остальные — в младшие училищные унтер-офицеры. Объявляя об этом, предписываю означенную перемену внести в алфавитные списки поименованных юнкеров...»

Досуг будущих воинов скрашивался чтением, самостоятельным сочинительством стихов и их переписыванием каллиграфическим почерком в личные тетради-дневники. Эти стихи, чаще незатейливые, но иногда и весьма добротные, видимо, сыграли в юнкерской жизни Станислава заметную роль. Иначе как можно объяснить то, что он сохранял их при себе на протяжении без малого трёх десятков лет. В общей сложности таких стихотворных страниц в фонде С. М. Леха насчитывается сорок пять. В их числе даже целая поэма — «Институтка», посвящённая некоей воспитаннице «большого зданья, скромных девочек приют»: «...Под тёплым кровом института/ В кругу подруг она росла/ (Пусть имя будет ей Анята.)/ Судьба к ней ласкова была,/ Дала ей рост и гибкость стана...»

До нас дошла фамилия одного из сочинителей-сотоварищей Станислава — Малкин. Вот образец его романтического творчества, написанный в Иркутске в начале 1890 г.:

*Вечная память прошедшему году,
Вечная память разбитым мечтам.
С верой глубокою жду я свободу,
Вновь отдаюсь прихотливым волнам.
Полное море! Житейское море!
Что принесёт твой коварный прибой?
Счастье ль новое, старое горе?
Слёзы отчаянья или покой?
Сладкие ль звуки и шёпот влюблённый —
Сон упоительный, полный огня,
Или, быть может, в пучине бездонной,
Пользуясь силой, поглотит меня.*

А это фрагмент стихотворения Малкина, посвящённого Иркутску:

*Да! Ты красива, столица Сибири,
Дикого севера дочь.
Столько вокруг тебя света и шири
В эту роскошную ночь...*

Талант поэта Малкина оказался многогранен. Во время его пребывания в Благовещенске родились шуточные строки:

*Полно же, Наденька, белым платочком
Слёзки отрите свои.
Будьте, как были, невинным цветочком
Общим кумиром семьи.
Что за охота в беспечное детство
Зоркие портить глаза?
Будет пора, пригодится кокетство,
Вовремя капнет слеза.
Ну, перестаньте ж, за вас мне обидно...
Не о чем вовсе рыдать...
Наденька! Наденька, как вам не стыдно
В эти лета ревновать!*

О творческой зрелости стихослагателя Малкина свидетельствует тот факт, что одно из его произведений, по сути, маленькая ода, было представлено вниманию августейшей особы. Во всяком случае, так следует из авторского примечания: «Читанное в день пятидесятилетнего юбилея Гатчинского Императорского института государыне императрице. 1887 г., 23 ноября».

*Как владычица жизни и света,
Животворной любовью полна,
Молодая предвестница лета,
Согревает природу весна.
Как ея золотая денница
Оживляет повсюду народ,
Так и нас, славной Руси царица,
Оживил и согрел Твой приход.
Под державной твоею рукою
Не боимся житейских мы бурь,
Незнакомы мы с горем, с нуждою
И чиста нашей жизни лазурь.
Ты родную нам мать заменила,
Возвратила семейный очаг,
К просвещению дорогу открыла,
В жизни первый направила шаг.
Для сирот совершила ты много,
Как царица, как мать их любя,
И с горячей слезой перед богом
Жарко молимся мы за тебя,
Чтоб господь даровал тебе счастье
И хранил твоих царских детей,
Как хранишь ты сирот от ненастья
Материнской любовью своей.*

Покровительствовала этому учебно-воспитательному заведению сама императрица Мария Фёдоровна, мать будущего императора Николая II. Обращает на себя дата публичного представления стихотворения: ноябрь 1887 г. Кто же тогда мог подумать, что через тридцать лет казавшаяся незыблемой Российская Империя рухнет в одночасье, а строки «Чтоб Господь даровал Тебе счастье/ И хранил Твоих царских детей» не станут пророчеством...

Ещё одним развлечением иркутской молодёжи были юнкерские балы. Об одном из них свидетельствует сохранившаяся рукопись неизвестного, не столь умелого, как Малкин, автора, скорее всего, участника этого события. В стихотворении, написанном по принципу «Что вижу, о том и пою», упоминаются фамилии юнкеров-одноклассников Станислава:

*Бал начался чудным вальсом, полетели все стрелой.
Все вертелись, все скакали, и качался пол гнилой.
Там Пель-Горский (старший) отличился,
Он по зале колесил, кавалеров подводил.
Кавалеры не простые — юнкерочки молодые.*

*Вот Решетников высокий быстро даму подхватил.
И по зале её ловко с быстротою прокрутил.
Всех стройнее, всех изящней в вальсе Мищенко летал.
И без всякого усилья он танцоров побеждал.
Но вот виден в конце залы трёхаршинный кавалер.
Он и строен, и прекрасен в простоте своих манер.
Вот мазурка прогремела, первый Мищенко летит,
Следом пары, и Арсеньев уж плечами шевелит.
Стендер бледный и печальный, с томным блеском чудных глаз
Своей странною улыбкой покориł невольнo нас.
Но вот слышен голос громкий: «Занимайте своих дам!»
Кавалеры с быстротою: «Закусить не нужно ль вам?»
Вдруг в середине вихря вальса вылетает Делеско.
И уводит нас, что сделать было не совсем легко.
Но хотя был вечер скромный, он удался юнкерам.
Веселитесь до упаду. Слава! Слава! Юнкерам!!!*

Замечание о качавшемся гнилом поле соответствует действительности: юнкерское училище в то время размещалось в старом, изношенном здании. Капитальные сооружения для него были возведены в начале следующего века.

В начале августа 1892 г. Станиславу был присвоен чин подпрапорщика, не входивший в Табель о рангах. С 1880 г. его до присвоения «высочайшим» распоряжением офицерского чина получали выпускники пехотных юнкерских училищ. Для подпрапорщиков были установлены специальные знаки различия — погоны, обшитые по краю узким золотым галуном. Теперь юному воину пришло время отправляться на службу. Частью назначения стал 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Эта регулярная воинская часть была создана в июле 1849 г. как Иркутский гарнизонный батальон. В октябре 1861 г. её преобразовали в 6-й Восточно-Сибирский линейный батальон, в мае 1880 г. переименовали в 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, а с октября 1883 г. — вновь в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. В конце XX в. батальон был переформирован в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

8 августа 1892 г. начальник училища Генерального штаба полковник Макаревич подписал предписание подпрапорщику С. М. Леху: «Предлагаю вам немедленно отправиться к месту своего служения в посёлок Новгородский (Посъет). О времени отъезда мне донести».

В этот же день выдана подорожная: «Иркутское юнкерское училище сим свидетельствует, что предъявитель сего подпрапорщик 6-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона Станислав

Лех имеет право требовать почтовых лошадей за указанные прогоны, по две лошади с проводником».

О том, как бывший юнкер добирался до своего первого места службы, что видел и какие при этом испытывал чувства, а также как началась его офицерская карьера, он сам рассказал в «стихотворном» письме сёстрам. Оно озаглавлено «Ответ готов без труда в духу военным» (сохранён стиль оригинала):

*Ех вы! Сестрицы мои дороги!
Ваши стихи очень слышны?
Будто бы я птица не человек,
Будто я неехал, а летел.
Я с Иркутска на тройки вкатил,
Я свою судьбу с малолетства порешил,
Я на постройках не стоял, я смотрителей ушию гнал!
Ей ты дуралей! Подавай лошадей!
А то встану накладу и в штрафную книгу запишу.
И так катил день и ночь,
У сутки сто верст прочь.
Сон и голод мне незамечался,
Но кушак на мне увеличался.
Да очень потешно,
Мне на службу было нужно спешно.
Потому что мой такой нрав,
Такую мне Бог молодость дал.
Не ставте мне этого вину,
Когда я на доброе жертвую молодость свою,
Служу Богу и Государю.
Должен знать всякой обязанность свою.
Моё желание исполнилось с Благословением Божиим.*

*Я приехал во Владивосток,
Где наших братьев целый полк.
Чуден город! Красивый Владивосток!
Со всех сторон народ приток
Благоухающий край,
Граничит обезьян Китай.
На глазах великий Океан,
На нём судна как птицы летят.
На горе, на посту
Стоит наша батарея на мосту.
Что же я могу вам больше сказать,
Когда вам меня не понять.
Я на Востоке перекрестился
И горько и жалосно прослезился...
Но всё это отлично,*

Но плакать мне неприлично.
Потому что я на службе состою,
Самостоятельную жизнь веду.
Но что-то мне в душе говорит:
Зачем при мне нет родных,
Не родных не друзей.
Полна моя грудь страстей.
Нескем поговорить
Дабы своё впечатление разделить.
И вот я своё сердце скрепил,
и так в Посьет укатил.

Местность Посьет,
Где женского пола нет,
Нескем развлекаться,
А нужно начальству представляться.
Когда я начальству представился,
Я начальству понравился.
Моё достоинство оценили,
Меня к чину представили.
Я чин скоро получил:
Меня сам Государь своею милостью утвердил.
Я остался доволен и счастлив.
С этого времени я подпоручик лихой,
Я офицер строевой.
Начальство меня знает,
Мне команду доверяет.
Я свою команду соберу,
Я на ученье отведу
Храбрых молодцов,
Стрелков и бойцов.
Я хорошо своё дело знаю,
Я с достоинством обучаю,
Не в пример другим,
По уставу вызубренным.
Как себя держать,
И как ученье солдатам передать.
Когда солдатики в охранении стоят,
То мне навстречу «Ура!» кричат.
Когда солдатики из ученья идут,
То мне песенку поют:
«Наш красавец подпоручик молодец,
Храбрый воин и боец!
Ну те ж братцы — разом на врага,
Ура! Ура! Ура-а-а!
Мы стрелки молодецкие,

*По примеру воинственные.
Нам не страшен Великий Обезьян
И мильённый Китай.
Ну те ж, братцы, разом на врага!
Ура! Ура! Ура-а-а!!!»*

Похоже, что общение с поэтом Малкиным не прошло для нашего героя бесследно: ему тоже захотелось попробовать себя в стихосложении. Но и со стилем, и с правописанием, в противовес чистописанию, у недавнего юнкера оказалось не всё в порядке. Однако благодаря этой неуклюжей попытке до нас из далёкого 1892 г. дошёл вот такой необычный «автобиографический очерк».

От времени службы С. М. Леха в Посьете сохранились двадцать два заказных почтовых конверта из-под писем от родных и знакомых, датированных 1892—1894 гг. и пришедших, в основном, из Иркутска. На конвертах адресат титулуется «его высокоблагородием» (так обращались к старшим офицерам) и даже «его высоко-родием» (это обращение к гражданским лицам, имевшим немалый V класс Табели о рангах — статский советник). Сам же Лех в это время пребывал в более чем скромном чине подпоручика, к которому полагалось обращаться «ваше благородие». Что и сделал один из корреспондентов — поручик Олейников, лучше всяких «шпаков», то есть гражданских, разбиравшийся в военной иерархии.

Переписка с родными: отцом, мамой, сёстрами Гесей, Делой, Цезией (Сезей) и самым младшим членом семьи — братом Людовиком (Луи) представлена двадцатью семью письмами на польском. В число корреспондентов Леха в 1894—1896 гг. входили упомянутый поручик Олейников, титулярный советник Поприщев и «заведующий канцелярией управления заведующего железнодорожными работами нижних чинов» поручик Трифонов из Владивостокской крепости.

Особо отметим письма невесты Леха — Веры Борисовны Новак. Их девятнадцать. 10 мая 1894 г. Вера писала жениху: «Мы только что приехали в Нагасаки (из Посьета. — С. Г.). Сейчас двадцать часов. Пароход, на котором мы приехали, уходит снова во Владивосток, и я тороплюсь написать пока немного, то есть отвести душу... Простите, что в прошлом письме не поздравила с прошедшим днём ангела. Поздравляю и желаю, чтобы следующий год мы провели вместе и под одной фамилией... Мама, Надя, Люба, Соня и Коля кланяются...» Из последней строки следует, что в семье Новак было пятеро детей, столько же, сколько и в семействе Матвея Леха. У его сына Станислава тоже будет пятеро наследников.

А вот фрагмент послания от 8 июня 1894 г.: «...Недавно появилась кукушка, и я спрашивала, сколько тебе жить — двадцать восемь лет, а мне двадцать четыре года. Значит, тебе будет пятьдесят один год, а мне сорок два, но это глупости. Мне иногда кажется, что я тебя не увижу, то есть не вернусь в Посьет, но это бывает минутами. Сегодня я больна, но дня через четыре буду здорова. Мне предлагают, чтобы я начала делать приданое. Надя читала твоё письмо, смеётся над твоей загадкой и говорит: Ты, Вера, ответь на загадку так: “До свадьбы, но я так не хочу, а хочу вот как: Отгадка. До того времени, когда Стасик будет совсем мой...”»

Ах, Стасик, чем дальше, тем у меня больше и сильнее разгорается ревность. Я не знаю почему, но при имени В., я не знаю, что со мной делается. Я её ненавижу и считаю счастливее себя. Она видит тебя почти каждый день и чувствует пожатие руки, а я, как нищая, читаю письмо с жадностью, точно голодная, давно не видевшая тебя, но я унижаю себя тем, что через семь месяцев я буду купаться в море блаженства, хотя я себя и утешаю этим, но быть спокойной не могу. Мне кажется, что что-нибудь да будет между мной и В...»

(Стоило ли верить глупой кукушке, отмерявшей Станиславу ещё двадцать восемь лет жизни до возраста пятидесяти одного года? Судя по этому предсказанию, его земной путь должен был завершиться в 1922 г. А на самом-то деле оказалось, что ему было отпущено только двадцать шесть лет, всего лишь до весны 1920-го...)

Упреждая возможную ревность жениха, Вера сообщала ему о некоем докторе, видимо, когда-то неудачно претендовавшем на её расположение: «...Тебе какой-то субъект сказал, что В. Б. вас любит только потому, что ненавидит доктора, но они все, которые так говорят и думают, жестоко ошибаются. Я не потому тебя люблю, что какой-нибудь доктор мне на... (неразборчиво) или какой-нибудь другой причине, а я просто тебя полюбила всеми силами своей души, и никакая сила не заставит меня разлюбить тебя, а, напротив, чем дальше, тем я больше и больше люблю своего Стасика, который меня любит очень сильно, и никакие разговоры подобных типов, которыми... (неразборчиво) Стасика услужливые языки, не смутят душу сомнением. Дорогой Стасик, когда же будет то время, когда будем все вместе? Мне не верится, что это когда-нибудь будет. Мне сейчас сильно хочется сесть тебе на колени и целовать тебя, но это только хочется, а исполнить моё желание нет возможности. Я сейчас смотрю на твою карточку

и думаю, что ты теперь дома и пишешь или читаешь и думаешь о твоём Верунчике...»

Упомянутая Надя, младшая сестра Веры Борисовны, в то время гимназистка, самостоятельно поддерживала с Лехом уважительно-дружеские отношения, делясь с ним своими новостями, если, конечно, они имелись. Вот фрагмент её, выведенного старательной детской рукой, послания: «Дорогой Станислав Матвеевич! По какой причине Вы просите меня не сердиться на Вас за то, что Вы называете меня уменьшенным именем? Ведь и дома Вы меня так же звали. Я, напротив, очень рада этому... Что я могу Вам написать после всех Ваших философствований? Смешно будет, если Вы мне будете писать о различных высоких предметах, как, например: о свободе людей, о жизни, о пользе чтения, а я Вам о своих единицах и двойках, даже чуть не о куклах... Вот, например, я хотела бы поделиться с Вами всеми мыслями и новостями, но, к сожалению, нет ни новых мыслей, ни других новостей...»

Посылала письма Леху и Верина сестра Людмила.

Спустя много лет, в 1908 г., вместе с семьей Лехов в Петропавловске жила некая «девица Навак», видимо, одна из младших сестёр Веры Борисовны.

Свадьбу молодые сыграли в Посьете 8 января 1895 г. От этого торжества в семейном архиве осталось меню парадного обеда: «Майонез из рыбы, телятина с шампиньонами и горошком, гусь с яблоками. На десерт — мороженое».

«За здоровье молодых поднимаем бокал! Ура!» — со станции Новокиевской спешили поздравить их некто Врук, Пермин и Клименко. «Поздравляем Веру Борисовну, Станислава Матвеевича со счастливым днём бракосочетания с пожеланием всего наилучшего вам, ново-брачным», — телеграфировал из Владивостока некто Чернов.

16 сентября 1895 г. Вера Борисовна отметила именины. Из Иркутска пришла телеграмма «Поздравляем Верочку с днём ангела. Целуем. Родители, сёстры, братья».

Молодой супруг тем временем служил как в Посьете, так и откомандировывался в Славянку. 12 июля 1896 г. он, всё ещё подпоручик, в состязательной офицерской стрельбе «выполнил условие на получение обыкновенного приза суммою квадратов действительных выстрелов двести шестьдесят четыре, в чём подписью и приложением казённой печати удостоверяю». Свидетельство, выданное победителю 31 июля 1896 г., подписал начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады.

Это свидетельство — последний документ, из которого мы можем проследить биографию С. М. Леха в её докамчатский период. Следующее упоминание о нём относится только к 1903 г., когда он был помощником начальника уезда Командорских островов.

24 мая 1902 г. северные округа Приморской области, в том числе Петропавловский, переименованы в уезды, во главе которых стояли начальники, нёсшие как административные, так и полицейские обязанности. Первым начальником Петропавловского уезда в 1903—1904 гг. был А. П. Сильницкий, затем, после его незаконного отстранения от должности, — некоторое время чиновник Павский.

В навигацию 1904 г. Камчатка из-за начавшейся войны с Японией не имела пароходного сообщения с Владивостоком. Казённое продовольствие и снабжение на полуостров завозилось при посредничестве Камчатского торгово-промышленного общества на американских пароходах из Сан-Франциско. Эти же пароходы изредка доставляли известия о ходе войны, причём в американском изложении. Тем не менее, пребывавшие в блокаде камчатцы сумели в 1904 г. дать врагу достойный отпор. Японцы, понеся существенные потери, не смогли в этом сезоне закрепиться на полуострове и не сумели вывезти с него ни одного рыбьего хвоста: побережье охраняли дружинники-ополченцы.

Весной 1905 г. начальником Петропавловского уезда был назначен надворный советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VII класса соответствует армейскому подполковнику) Станислав Матвеевич Лех. Он прибыл в Петропавловск из Владивостока через Иркутск, Якутск, Охотск и Гижигу. Последние военные новости, привезённые им, были аж январскими.

20 апреля 1905 г. С. М. Лех подписал свой второй приказ (первым вступил в должность), объявив весь вверенный ему уезд находящимся на военном положении. 2 июня 1905 г. в Авачинскую губу зашёл пароход «Цецилия» под германским коммерческим флагом. По давно заведённому порядку начальник уезда С. М. Лех и уездный врач В. Н. Тюшов прибыли на него для выполнения требуемых формальностей по оформлению прихода. «Цецилия» простояла в Петропавловске четыре дня. Перед отходом её капитан под большим секретом поделился с одним горожанином новостью о майском разгроме русского флота: «Флота вашего нет, да и в Петропавловске, как оказывается, так же нет военных судов. Когда мы будем уходить, я брошу вам газеты, из которых

вы узнаете о вашем флоте...» Из английских газет, издававшихся в Шанхае, «сперва с недоверием, а потом с полным отчаянием жители Петропавловска узнали ужас Цусимской катастрофы».

А вскоре Петропавловск подвергся нападению отряда японских кораблей. 31 июля в Авачинскую губу вошли лёгкие крейсеры «Сума» и упомянутый «Идзуми», обстрелявшие город и высадившие десант. Большинство горожан перебралось в селение Завойко, в Петропавловске остались несколько человек. По их рассказам, японцы обращались с ними хорошо и враждебных чувств не проявляли. В Завойко начальник уезда и местный торговец, он же городской староста, Г. М. Чупятлов организовали ополчение из казаков, вооружённых винтовками системы Бердана. Через короткое время японцы ушли. Население города вскоре вернулось обратно и ещё долго жило в полной неизвестности. Но японцы больше не появлялись.

Занятие Петропавловска стало одним из последних эпизодов русско-японской войны. В августе 1905 г. между воюющими странами был заключён мирный договор. О нём на полуострове вновь узнали с опозданием. Только 18 ноября 1905 г. начальник уезда известил старост селений западного берега Камчатки об окончании войны: «Довожу до всеобщего сведения, что прибывший пароход привёз нам известие об окончании войны и о заключении мира. Теперь следует помолиться богу за ниспослание мира, и чтобы мир был продолжительный, чтобы кровь человеческая более не проливалась».

Свидетельств о жизни Петропавловска в 1905—1913 гг. до нашего времени сохранилось немного. В их числе очерк посетившего его генерала М. С. Латернера «Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на “Шилке”» и изданный камчатской колонией в Шанхае в 1940 г. в память двухсотлетия основания Петропавловска юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940». Ценность этих материалов заключается в том, что их оставили не случайные заезжие, а серьёзные учёные и администраторы, привыкшие к точному и ёмкому описанию фактов и событий.

Вот как выглядел Петропавловск летом 1908 г. по описанию М. С. Латернера: город «невелик, часа достаточно для ознакомления с ним с внешней стороны. Главная масса построек расположена по склону Петровской горы и обращена на юго-запад, меньшая расположена на перешейке, соединяющем Петровскую гору с Никольской и отделяющем ковш от лагуны, находящейся за городом...

Авачинский проспект, очень узкая и грязная улица, начинается у лагуны несколькими хатками и кончается почти у кладбища новым двухэтажным домом окружной лечебницы.

На этом же проспекте есть ещё другой двухэтажный дом — общежитие служащих Камчатского торгово-промышленного общества. Остальные дома как проспекта, так параллельной ему улицы и нескольких переулков, все одноэтажные и различаются между собой только величиной и древностью, а есть и землянки вновь наехавшего люда, не успевшего ещё обстроиться. Из одноэтажных домов лучше других дом уездного начальника (С. М. Леха. — С. Г.), стоящий среди десятка старых лип и выстроенный из материала, оставшегося от дома адмирала Завойко.

Недавно вблизи полицейского управления выстроен хороший дом для городского училища и дом благочинному. На улицах и пустырях города бросается в глаза масса битого бутылочного стекла и жестянок от консервов, точно нет других отбросов, или те аккуратно прячутся, а эти нарочно оставляются у всех на виду как эмблема местной жизни. А что жизнь здесь хмельная, то об этом свидетельствует и масса питейных заведений “распивочно и на вынос”, и продажа во всех лавках водочных изделий. Единственная японская лавка и та, кроме готового платья и разной мелочи, торгует и скверным японским пивом. Вывески ремесленников совершенно отсутствуют. Ни гостиницы, ни постоялого двора в городе нет.

На склоне Никольской горы, обращённом к лагуне, расположена братская могила. Вблизи её, на месте, занятом теперь под склады и магазин Чурина, видны остатки фундамента бывших казарм Петропавловского гарнизона, а против них остатки рва и вала батареи, долженствовавшей встретить неприятеля, если бы он вздумал высадиться у лагуны.

На небольшой площади вблизи пристани и полицейского управления стоит Камчатский собор, он состоит из двух деревянных церквей...»

Круг обязанностей начальника Петропавловского уезда был весьма широк. «Начальнику уезда всегда может встретиться неотложная надобность съездить в уезд, между тем сильным к тому тормозом служит его функция как мирового судьи, судебного следователя и начальника почтовой конторы, которому каковые все функции увеличиваются». Лица, посещавшие Камчатку, высказывались в том духе, что часть его многочисленных забот надо бы перело-

жить на отдельно заведённых чиновников. Вот лишь несколько примеров этих забот.

5 июня 1907 г. он по секрету доносил военному губернатору Приморской области о просьбе единственного в Петропавловске политического ссыльного — бывшего народовольца Н. Перлашкевича, присланного сюда за участие в революционных событиях во Владивостоке, перевести его в Охотск. «К удовлетворению означенного ходатайства с моей стороны препятствий не встречается ввиду того, что мотивы, приведённые Перлашкевичем в подкрепление своего ходатайства, действительно заслуживают уважения».

А мотивы сам ссыльный изложил в прошении на имя начальника уезда так: «Ввиду невозможности при существующей в городе Петропавловске-на-Камчатке дороговизны квартиры (десять рублей в месяц за комнату в одну квадратную сажень), а также на все пищевые продукты, кроме солёной рыбы, я не могу просуществовать в этом городе не только безбедно, но даже кое-как, а потому прошу распоряжения вашего превосходительства о переводе меня в г. Охотск, где всё, без исключения, дешевле: и квартиры, и предметы первой необходимости (квартиры от трёх рублей в месяц и ниже)... тем более что в городе Петропавловске никаких для меня заработков нет, а к тяжёлому подённому труду я после долгих лет каторжных работ и ссылки более не способен».

К этому прошению Лех присовокупил свою «почтительнейшую просьбу» впредь не делать Петропавловск «местом ссылки политических во избежание агитации их среди матросов военных судов и могущих быть нежелательных последствий».

31 октября 1907 г. начальник уезда извещал губернатора о бедственном положении единственной местной, то есть городской, больницы. Во вверенном ему уезде обитали шесть тысяч девятьсот пятьдесят «душ» обоего пола, в том числе в Петропавловске — триста восемьдесят четыре, при всего-то шестидесяти семи дворах. В долинах рек Камчатки и Быстрой в семнадцати поселениях жили тысяча семьсот шестьдесят человек. На все эти «души» имелись два фельдшера в сёлах по реке Камчатке, один в Тигиле и один при единственном же враче (В. Н. Тюшове) в Петропавловске.

«Принимая во внимание ограниченность в медицинских познаниях фельдшеров и крайне жалкую организацию сельских аптек, приходится прийти к заключению, что сельское население на Камчатке вовсе лишено медицинской помощи и обречено на грубую

эксплуатацию разными знахарями. Вести борьбу с этим злом и оказать существенную пользу населению одному врачу на весь уезд непосильно...»

Лех предлагал устроить, во-первых, сельскую лечебницу «с врачом и постоянными кроватями» в центре Камчатки, во-вторых, улучшить лечебницу в городе. Для неё в 1902 г. двухэтажное здание выстроило Камчатское торгово-промышленное общество. Нужда в ней росла и по той причине, что, помимо населения, имелся и постепенно рос «посторонний элемент», то есть приезжие, матросы с военных судов и служащие коммерческих пароходов. Начальник уезда полагал, что лечебница должна иметь восемьдесят «кроватей с амбулаторией и аптекой», а также квартирами для врача и акушерки.

Казна ежегодно отпускала на содержание лечебницы по тысяче двести шестьдесят рублей в год, остальные средства можно было найти на месте. Плату за лечение «посторонних лиц» следовало установить такую: «для бедных — по одному рублю, а для состоятельных — по два рубля в сутки». На время навигации предлагалось командировать в Петропавловск из Владивостока фельдшера и санитаря, служащих по морскому ведомству, как это уже делалось для некоторых других пунктов, «принимая во внимание, что низшего медицинского персонала во Владивостокском порту всегда достаточно».

В воскресенье 13 июля 1908 г. в полицейском управлении прошёл аукцион. Продавали пушнину, собранную в качестве ясака с жителей Петропавловского уезда. Этот аукцион стал первым за продолжительное время: в предшествующие годы всю пушнину отправляли для продажи во Владивосток. С. М. Лех устроил его, пользуясь пребыванием в порте нескольких пароходов. Но ожидаемого достичь не удалось: даже первосортная шкура морского бобра оказалась продана довольно дёшево — за восемьсот рублей.

25 июня 1908 г. С. М. Лех докладывал своему начальнику — прибывшему в Петропавловск губернатору Приморской области генерал-майору В. Е. Флугу о создавшихся напряжённых взаимоотношениях местных жителей, заселявших устья рек, с чинами рыболовного надзора. Недавно на Камчатку на охранном крейсере «Командор Беринг» прибыл чиновник Министерства государственных имуществ, ведавшего рыбопромысловыми угодьями. Он разъяснил, что местные рыбаки могут продавать пойманный ими лосось кому хотят, но только не японским рыбопромышленникам, получившим по русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. офи-

циальный доступ к протяжённым берегам полуострова и с каждым годом всё плотнее и плотнее «заселявшим» их. Однако ввиду неразвитости отечественной рыбопромышленности других покупателей не имелось.

В прошлом, 1907 г., Г. М. Чупятов скупил улов у жителей и перепродал его японцам. Заведующий рыбными промыслами запретил эту продажу и хотел арестовать всю рыбу. Уездный начальник содействовать ему в этом отказался, понимая, что средства, вырученные от таковой продажи, являются существенной добавкой к небогатому бюджету аборигенов. Надо сказать, что местное общество пребывало с заведующим рыбными промыслами «не в ладу», не сумев найти с ним общего языка. Вопрос о возможности продажи улова иноземным промышленникам успешно разрешился в следующем рыболовном сезоне.

Внимания требовала располагавшаяся неподалеку от Петропавловска в бухте Раковой колония прокажённых (лепрозорий). В 1908 г. там содержались десять взрослых больных и двое детей десяти-двенадцати лет. Жизнь здесь была тягостной: «больные проводят время в полной праздности, и только один занимается зверовой охотой в ближайших горах. Недавно умер один больной, категорически отказывавшийся даже убирать около себя, говоря, мол, вы меня сюда посадили, так и делайте всё сами. Побегов больных почти не бывает. С больными живёт много лет фельдшер, физически здоровый человек, но почти всегда пьяный».

С. М. Лех занимался благоустройством колонии, пользуясь для этого «всяким случаем получить с кого можно, чем можно и сколько можно. Чаще всего, конечно, дают деньгами, но он не отказывается брать строительными материалами, медикаментами и прочим». Вот на такие средства и были построены три домика, в которых располагались больные.

А вот пример работы возглавляемого начальником уезда полицейского управления по прямому назначению: расследованию уголовного преступления. Пятничным утром 19 сентября 1908 г. в складе Камчатского торгово-промышленного общества обнаружилась кража ценной пушнины. Исчезли шкуры двух морских бобров, ста тридцати шести соболей, сотни горностаев и другие общей стоимостью пятнадцать тысяч рублей. Одну из собольих шкурок нашли втоптанной в грязь на улице.

Осмотр места происшествия показал, что работала группа злоумышленников: замки на дверях целы, подкопа, следов проникновения через слуховые окна нет, только в одном из окон вырезаны

два стекла. Их размеры не позволяли пролезть сквозь окна взрослому человеку. Видимо, кто-то из злоумышленников пробрался в склад перед его закрытием. Ночью он взломал сундуки с пушной и передал её через вырезанные стёкла поделщикам, отнёшим похищенное в заранее приготовленное место. Утром, как только склад открылся, преступник незаметно вышел.

Проведённый обыск на пароходах, стоявших в порту, ничего не дал. «По поводу этой кражи в городе много толков, и никто не сомневается, что она учинена “мурками” (то есть приезжими. — С. Г.). Отсюда вывод: как можно меньше безработных пускать в край».

Вообще-то подобное в Петропавловске происходило редко. Из отзывов многих гостей города следует, что местные жители отличались кротким нравом, определённым благочестием, патриархальностью уклада и почитанием властей. Первыми тяжёлыми уголовными преступлениями считаются взлом сейфа в 1905 г. в полицейском управлении во время эвакуации города и исчезновение из Петропавловского казначейства в ноябре 1912 г. громадной суммы — ста девяносто двух тысяч рублей. Характерно, что оба «были произведены приезжими».

Военный транспорт «Шилка» бесплатно привёз из Владивостока в Петропавловск партию безработных, «с появлением которых начались безобразия и буйства, наводившие панику на обывателей». А вскоре к ним прибыло «подкрепление»: пароход «Уссури», шедший анадырским рейсом, доставил в город из района Караги тридцать шесть работников тамошней рыбалки. Они «начали вламываться в частные дома и едва не прирезали дежурившего по городу казака». Уездный начальник созвал домовладельцев. Вооружившись револьверами и винчестерами, призвав десяток казаков с берданками, те во главе с ним отправились к возмутителям спокойствия и предупредили, что «при повторении безобразий и насилий виновные будут арестованы». Кроме этого, домовитые горожане установили ночные дежурства по двое со сменой каждые три часа. Уездный же начальник для этого отрядил и казаков, а также закрыл торговлю спиртным на время стоянки пароходов. Все эти меры и восстановили прежнее спокойствие.

Попутно стало понятно, что следует просить морское начальство, чтобы оно не возило без согласия камчатской администрации лиц «без определённых занятий». Эти безработные, «состоящие в большинстве из подонков общества, явятся бичом населения, до настоящего времени не знающего замков и не посягающих на чужую собственность». Вот пример его непорочности: «Нередко

можно зимой встретить лежащий на дороге или повешенный на дереве груз, снятый с нарты при тяжёлом пути. Груз этот иногда по несколько недель лежит на дороге, пока за ним не придёт хозяин, и никому в голову не придёт даже полюбопытствовать, что именно лежит».

Надо сказать, что с этого времени (примерно с 1908 г.) многие городские обитатели из числа аборигенов стали покидать город и селиться в более спокойных окрестных селениях.

Первое известное нам убийство в Петропавловске, причём ребёнка, произошло в ночь на 2 октября 1916 г. «К розыску злоумышленников приняты энергичные меры». Чем завершились эти розыски, нам неизвестно.

Служебные заботы — заботами, а отдых — отдыхом. Хотя последний тоже требовал определённых хлопот. Для прибывавших в Петропавловск гостей начальник уезда и его супруга устраивали вечеринки. Они проходили традиционно: ужин, карточная игра, неспешные беседы, музицирование. «Каждая вечеринка кончается игрой в “макао”, именуемой здесь “девяткой”. Это, кажется, единственная азартная игра, которую знают в Камчатке». Особенно ценили эти вечера отдыха морские офицеры, получавшие возможность провести несколько часов вне корабля. А вообще, гости признавали, что эти собрания «причиняют значительные хлопоты госпоже Лех». (А дел у Веры Борисовны и так хватало. Взять хотя бы заботы о собственном многочисленном семействе. По словам побывавшего в 1910 г. в Петропавловске Г. Крамаренко, у Лехов было пятеро детей: «Из девочек самой старшей лет четырнадцать-пятнадцать, самой младшей лет пять, и один мальчик Валя».)

Это, так сказать, дружеские посиделки. А вот как проходили официальные приёмы, в которых начальник уезда принимал участие по должности. В субботу 28 июня 1908 г. по случаю отъезда губернатора Приморской области В. Е. Флуга у С. М. Леха состоялся обед. После него все присутствовавшие сфотографировались в саду возле дома. Вечером губернатор дал ответный приём на военном транспорте «Шилка». Стол накрыли на верхней палубе, украшенной флагами и разноцветными электрическими лампами. По окончании приёма все приехавшие с губернатором перебрались на уходивший во Владивосток пароход Камчатского торгово-промышленного общества «Котик». Когда последний тронулся, казаки, выстроенные на Сигнальном мысу, дали несколько ружейных залпов, а городской староста Г. М. Чупятов там же зажёл фейерверк.

А вот ещё одно долгожданное «культурное событие общегородского масштаба». Вечером 13 июня 1908 г. небольшой зал городского училища был битком набит публикой: давался вечер, сбор от которого должен был пойти в пользу учебного заведения. Большинству местных жителей впервые предстояло увидеть поставленную любителями драматического искусства пьесу Островского «Не всё коту масленица». Ещё вчера по городу расклеили рукописные афиши и разослали пригласительные билеты. Самодеятельные актёры сыграли для первого раза неплохо.

После спектакля два любителя пения — доктор Квашонкин и купец Одолин — исполнили несколько дуэтов, вызвав настоящий восторг присутствующих. Затем состоялись танцы под звуки граммофона. Сбор за этот, как мы бы сейчас сказали, благотворительный вечер, превзошёл все ожидания. Плата за билеты, чай, конфеты, напитки, карты превысила четыреста рублей. Один из пришедших дал за билет сто рублей. Кроме этого, декорации, парики и грим, выписанные некоторыми любителями драматургии за свой счёт, тоже были пожертвованы в пользу училища.

Благотворительности не чурался и сам начальник уезда. Известно, что в 1907 г. он подарил библиотеке городского училища сто девять книг, в 1912 г. пожертвовал три рубля в Петропавловскую больницу на приобретение белья, в октябре 1916 г. передал пять фунтов махорки для нужд действующей армии. 1 января 1917 г. «Камчатский листок» в специальной рубрике «Солдату в окопы» в списке лиц, внёсших пожертвование взамен новогодних визитов в пользу раненых воинов и их семейств, вновь упоминает и С. М. Леха.

В июле 1908 г. Петропавловское уездное полицейское управление получило с казённой почтой «штаты» будущей администрации Камчатской губернии. Препроводительная бумага требовала от уездного начальника с первым отходящим пароходом текущей навигации выслать приамурской краевой администрации «соображения о найдешевейшем для казны способе перемещения в Петропавловск будущих чинов губернской администрации». С. М. Лех смеялся по этому поводу: «Отвечу — “на добровольце по третьему классу”», подразумевая самые дешёвые места на грузопассажирском пароходе Добровольного флота.

«Штаты» предполагалось ввести в действие со второй половины 1909 г. Новая Камчатская губерния должна была вобрать существовавшие Анадырский, Охотский, Гижигинский и Петро-

павловский уезды. Последний предполагалось разделить на три части (станы) с резиденциями приставов в Петропавловске, Усть-Камчатске и Тигиле.

Будущему губернатору устанавливался годовой оклад в двенадцать тысяч рублей, ещё две тысячи предназначались ему в качестве «квартирных». Губернское правление включало: вице-губернатора, заведующих медицинской и ветеринарной частями, инженера, он же архитектор, правителя канцелярии, двух старших и двух младших делопроизводителей, журналиста (архивариуса), ветеринарного фельдшера, четырёх чиновников для особых поручений. Помимо них, предполагались должности ихтиолога, лесничего, представителя государственного контроля, товарища (заместителя) прокурора. Организовывались казначейство и почтовая контора.

«Штаты» не содержали должностей мировых судей. Их обязанности, а также заботы судебных следователей, по-прежнему должны были нести уездные начальники. По этому поводу С. М. Лех вполне резонно замечал, что вместо ихтиолога, лесничего и контролёра, которым пока не было никакой работы, следовало бы иметь несколько мировых судей. «Неудобства совмещения административной должности с судебной особенно сильно чувствуются в делах казённого управления, где приходится постановлять приговоры по собственным протоколам или в делах, где полиция является в роли частного обвинителя». Впрочем, вскоре стало ясно, что в Петропавловске будет открыт самостоятельный окружной суд.

В 1909 г. произошло уже давно ожидавшееся коренное административное переустройство Приамурского края, который был разделён на четыре области: Амурскую, Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую, где введены губернские учреждения. Камчатская область включала шесть уездов: Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Чукотский, Анадырский и Командорский. Во главе уездов стояли уездные начальники и их помощники. Одновременно последовало «высочайшее повеление» о соединении Камчатки с метрополией радиосвязью и о постройке на полуострове телеграфной линии между Петропавловском и Охотском протяжением в три с лишком тысячи вёрст.

Первым камчатским губернатором назначен доктор медицины статский советник В. В. Перфильев, вице-губернатором — Е. Ф. Бодунген. Вместе с ними в Петропавловск был отправлен и соответствующий штат служащих различных учреждений.

Станислав Матвеевич Лех

Начальник Петропавловского уезда С. М. Лех (в центре) и ополченцы. 1905 г

М. В. Д.
ОБЛАСТНОЙ КОМИССАРЪ
КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ
Цѣлопроизводство В.П.

Прокурору Петропавловскаго
Окружнаго Суда

4 —
10 ИЮНЯ 1917 г.

№ 3622

г. Петропавловскъ
на Камчаткѣ.

Вслѣдствие отношеній отъ 16-го
сего іюня за № 443, уведомивъ Васъ,
что изъ формулярнаго списка С. М. ЛЕ-
ХА видно, что онъ родился 11 февраля
1872 года; Высочайшимъ приказомъ 1-го
Августа 1897 года былъ произведенъ въ
чинъ поручика и таковымъ же приказомъ
отъ 27 февраля 1898 года зачисленъ въ
запасъ стрѣльцовыхъ частей. Отъ призвы-
ва въ настоящую войну ЛЕХЪ освобождал-
ся по должности Уѣзднаго Начальника.

На основаніи телеграммы Мин.
Вн. Дѣлъ отъ 26 Марта сего года за
№ 25063, приказомъ моимъ отъ 21-го Аю-
ля за № 18 ЛЕХЪ уволенъ со службъ

ЗА ОБЛАСТНОГО КОМИССАРА *И.Д. Правитель Канцеляріи*

И.Д. Правителя Канцеляріи *И.Д. Правитель Канцеляріи*

Сообщение комиссара Камчатской области о С. М. Лехе, июнь 1917 г.

Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер 10 августа 1909 г. телеграфировал министру внутренних дел: «...9 августа на пароходе Добровольного флота “Тамбов” отправился из Владивостока в Петропавловск камчатский губернатор. На том же пароходе следуют архитектор, артели рабочих и строительные материалы для административных построек, из коих три дома предполагено закончить к 1 октября, чтобы дать чинам областной администрации возможность провести зиму при сносных условиях. Часть этих чинов отправится на Камчатку на почтовом пароходе, отходящем из Николаевска 20 августа, а другая часть в конце октября или начале ноября на военном транспорте».

В соответствии со «Списком служащих Министерства внутренних дел по Камчатской области на 1 января 1915 г.», областную администрацию составляли: губернатор Николай Владимирович Мономахов, вице-губернатор Александр Гаврилович Чаплинский, правитель канцелярии Фёдор Фёдорович Сомов, старший делопроизводитель канцелярии Эмиль Эдуардович Михельсон, старший чиновник особых поручений Вячеслав Ростиславович Векентьев, младший чиновник особых поручений Аполлон Петрович Журавский, сверхштатный младший чиновник Пётр Митрофанович Ключков, младший делопроизводитель Константин Андреевич Ковальчук-Коваль, экзекутор Емельян Филиппович Барыкин.

Полицейскую администрацию области составили: начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех, его помощник Андрей Михайлович Пименов, секретарь Петропавловского полицейского уезда Иннокентий Михайлович Громов, приставы: первого стана Валентин Павлович Костров, второго — Ефим Сергеевич Михряков, третьего — Людвиг Леонтьевич Шикер; начальники уездов: Гижигинского — Владимир Георгиевич Осмоловский, Охотского — Николай Николаевич Червлянский, Анадырского — Николай Александрович Скляренко, Чукотского — барон Эвальд Вильгельмович Клейст, Марковского — Николай Павлович Сокольников.

В 1909—1910 гг. начинается активная застройка Петропавловска. В городе возведены больше тридцати казённых зданий для размещения учреждений и расселения их служащих. Все строительные материалы и артели рабочих доставлялись пароходами из Владивостока. Число рейсов росло от навигации к навигации. Постройка административных зданий начинается и в разных уездах области.

10 ноября 1910 г. Лех участвовал в историческом событии — пуске радиотелеграфной, как тогда говорили «беспроводной», станции, связавшей Петропавловск и Камчатку с материком, о чём лично сообщил в канцелярию приамурского генерал-губернатора: «Имею честь уведомить... что радиотелеграфное сообщение с Петропавловском-на-Камчатке сего числа открыто. Начальник округа *С. М. Лех*». Под округом здесь подразумевался почтово-телеграфный.

Бурное строительство вызывает необычайное оживление. На Камчатку устремляются рыбопромышленники, коммерсанты, здесь открываются торговые предприятия, быстро растёт число рыбных промыслов. Население Камчатской области к 1 января 1913 г. насчитывало тридцать четыре с половиной тысячи человек. В Петропавловском уезде обитали десять тысяч шестьсот восемьдесят один человек.

В 1909 г. в Петропавловске насчитывалось около шестидесяти жилых построек. С введением губернаторства камчатская столица быстро разрасталась. Среди традиционных небольших камчатских одноэтажных домиков появились вполне солидные двухэтажные здания, правда, исключительно деревянные. К 1913 г. всех домов было уже две сотни. Каменные дома не строились из-за опасения их разрушения частыми землетрясениями.

Ещё одной серьёзной опасностью для скученного деревянного города был огонь. Специальной пожарной охраны и снаряжения, за исключением ручного насоса и двух бочек, при Петропавловском полицейском управлении не имелось. Поэтому у *С. М. Ле*ха возникла мысль учредить добровольную пожарную дружину, что им и было сделано. Численность дружинников быстро достигла сорока, с ними еженедельно производились практические занятия. Кроме того, по желанию губернатора *Н. В. Мономахова* обращению с пожарными инструментами были обучены двадцать казаков и организован отряд «добровольцев-водоснабжателей» из двадцати живших в городе китайцев.

Первую пожарную дружину возглавил *К. А. Ковальчук-Коваль*. Так на Камчатке возникло Петропавловское «вольно-пожарное» общество. Оно обладало собственным зданием (депо) и земельным участком. В депо ежедневно дежурили начальники отрядов, из него провели электрическую сигнализацию в казармы жандармской команды и казаков. На казённые средства были приобретены ещё одна, более мощная, «пожарная машина» с большим количеством шлангов, лестниц, багров, инструменты и десяток химических огнетушителей. Это хозяйство предназначалось для тушения

здания радиостанции. На первых порах после образования камчатской пожарной дружины больших пожаров не было, а те, что случались, «ликвидировались в самом зачатке».

За заслуги в организации пожарной охраны начальнику Петропавловского уезда С. М. Леху и губернатору Камчатской области Н. В. Мономахову в ноябре 1916 г. были вручены серебряные знаки почётных членов Петропавловского пожарного общества.

И всё же, несмотря на принятые меры, разгулов огненной стихии избежать не удавалось. Большие пожары бушевали в январе 1911 и в декабре 1913 г., уничтожив радиостанцию и здание почтово-телеграфной конторы, а также жильё служащих.

2 октября 1916 г. загорелись лес и трава у подножия Мишенной сопки, создав угрозу сельскохозяйственной ферме. Участие в тушении приняло большое число горожан и обитателей Сероглазки. Последними руководил начальник Петропавловского уезда С. М. Лех. А 12 декабря 1916 г. случился сильный пожар, которым было уничтожено... само здание пожарного общества.

Осенью 1916 г. власть в области и Петропавловском уезде перешла ко «вторым» лицам. Начальник уезда захворал настолько серьёзно, что 29 октября передал полномочия помощнику А. М. Пименову, который теперь именовался «исправляющим должность начальника уезда». В свою очередь «исправляющим должность помощника начальника уезда» стал Н. В. Гантимуров. А 16 ноября 1916 г. губернатор действительный статский советник Н. В. Мономахов на «Индибирке» — последнем пароходе закрывавшейся навигации — уехал в разрешённый министром внутренних дел шестимесячный отпуск. Накануне в семь часов вечера в собрании драматического общества по случаю отъезда его превосходительства состоялся прощальный обед. Во главе области остался вице-губернатор действительный статский советник А. Г. Чаплинский.

Петропавловское уездное полицейское управление продолжило свою обычную деятельность. Так, 12 декабря А. М. Пименов объявил «для всеобщего сведения», что 18-го числа в его здании состоится аукционная продажа тридцати двух шкур морских котиков, присланных старшим смотрителем командорских пушных и рыбных промыслов.

10 января 1917 г. ещё болевший С. М. Лех через «Камчатский листок» (№ 740) обратился к горожанам с личной просьбой: «Мною утерян выигрышный билет третьего выигрышного займа». Нашед-

шему предлагалось вернуть билет «за хорошее вознаграждение». Тут же Лех предупреждал, что за сокрытие билета будет преследовать судом.

Совсем скоро размеренная и привычная жизнь камчатских обывателей и их руководителей начала стремительно рушиться. 1 марта 1917 г. в Петропавловск по радио пришли ошеломляющие сведения об отречении императора Николая II от престола. Эта новость во всеуслышание была объявлена горожанам после богослужения с паперти Петропавловского собора вице-губернатором А. Г. Чаплинским только через три дня. 8 марта в присутствии вице-губернатора, губернской администрации и епископа Камчатского и Петропавловского Нестора прошло общее собрание горожан и представителей окрестных селений. Здесь же по указанию Временного правительства России был избран областной комитет общественной безопасности (областной комитет). Такие же комитеты появились и в уездах.

Областной комитет сделал представление Временному правительству о назначении должностных лиц. Вице-губернатор А. Г. Чаплинский и уездные начальники были переименованы в комиссаров Временного правительства. По свидетельству общественного деятеля А. А. Пурина, областной комитет «занился хозяйственными вопросами края и разработкой проектов о местном самоуправлении, считая, что до Учредительного Собрания административный аппарат области не должен быть изменён. Все мы дружно сотрудничали, и никаких разногласий между нами не возникало».

В середине марта Временное правительство телеграммой предложило заменить вице-губернатора и старую администрацию вновь избранными лицами, «так как правительство считало неудобным в условиях революции оставление их у административного аппарата». Из газеты «Камчатский листок» следует, что 11 марта 1917 г. начальником Петропавловского уезда вновь числился А. М. Пименов, а 19 марта он уже именуется «уездным комиссаром».

Административный аппарат Камчатской области был переформирован в апреле 1917 г. Первым лицом области — областным комиссаром — избрали члена Петропавловского окружного суда, до этого председателя областного комитета К. А. Емельянова. Новым председателем областного комитета стал А. А. Пурин. Одновременно была образована комиссия по созыву первого Камчатского областного съезда представителей населения для обсуждения и разрешения всех затрагивающих интересы области вопросов. Между прочим, областной комитет разместился в бывшем

губернаторском доме, а потом к нему добавилась Камчатская областная продовольственная управа.

По словам А. А. Пурина, «русская революция, как всякая революция, дала волю анархически настроенным элементам. Особенно много их находилось на Камчатке. Легальными и нелегальными путями проникали они сюда, спасаясь от военной службы, растекались по соболиным заповедникам и золотоносным районам, где годами занимались хищничеством и сбытом ценностей через сельских посредников. Когда пришла революция, весь этот элемент выполз из своих нор и появился в разных местах области и в Петропавловске. Отдельные лица начали вести себя вызывающе и выступать против администрации».

Если в Петропавловске смена власти прошла мирно, то в отдалённых уездах области было неспокойно. Так, в Ново-Мариинске под арестом оказался бывший начальник Анадырского уезда К. Г. Царегородцев. По свидетельству А. А. Пурина, «в конце июня группа хищников, всё время издевавшаяся над К. Г. Царегородцевым, доставила его в Петропавловск для народного суда. Обвинительный материал в нескольких томах был передан прокурору окружного суда. Никакой вины за К. Г. Царегородцевым не значилось. Его обвиняли в том, что он законными мерами боролся с хищничеством и спаиванием инородцев и не допускал обирать их. По освобождении К. Г. Царегородцева последовал призыв к резне, и недобольные выехали во Владивосток...»

Может быть, опасение возможной расправы и стало причиной того, что бывший начальник Петропавловского уезда коллежский советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VI класса соответствовал армейскому полковнику) С. М. Лех покинул полуостров ещё до наступления лета 1917 г. Тогда это можно было сделать только одним способом — на пароходе. Но точных данных на этот счёт мы не имеем. Известно, что главный снабженец Камчатки — Добровольный флот — намечал отправку своего первого судна навигации 1917 г. на Камчатку на 24 марта. Следовательно, его заход в Петропавловск можно было ожидать не раньше начала апреля. Второй пароход флот намеревался послать из Владивостока лишь 10 мая. Между 15 и 25 марта в Петропавловске ожидалась шхуна «Бельведер» торгового дома «Гиббард, Свенсон и Ко».

Косвенным подтверждением поспешного покидания Лехом места долгой службы являются оставленные им многочисленные сугубо личные документы и письма, использованные при написании

этого очерка. До нас не дошло никаких личных бумаг ни от губернатора Н. В. Мономахова, ни от вице-губернатора А. Г. Чаплинского.

Во вторник 4 июля в Петропавловск пришёл пароход «Ставрополь». В этот же день отправился во Владивосток пароход «Тверь», на котором в действующую армию отбыл бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский. Вместе с ним Камчатку покинул бывший областной инженер И. С. Багинов. В воскресенье 9 июля ушёл пароход «Астрахань», на котором уехали епископ Нестор, а также свыше пятидесяти призывников, направлявшихся в действующую армию. В числе покидавших Камчатку находился и освобождённый от судебного преследования бывший Анадырский уездный начальник К. Г. Царегородцев...

Как сложилась судьба Леха и его семьи после отъезда с Камчатки, мы тоже не знаем. Известно лишь, что наш герой — бывший начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех — прожил недолго. Он погиб, будучи в возрасте сорока восьми с небольшим лет. Об этом скупко сообщает юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940»: «Прослужил на Камчатке с 1903 по 1917 г. Погиб в Николаевске-на-Амуре в 1920 г.».

В последний день февраля 1920 г. Николаевск-на-Амуре заняли отряды партизана-анархиста Я. И. Тряпицына. В их власти город, захлестнутый безбрежным террором против всех слоёв населения, пребывал несколько месяцев. С 1 марта по 2 июня 1920 г. «партизаны», а точнее, бандиты, расстреляли, зарезали, утопили и засекли шомполами всех офицеров, большую часть интеллигенции, многих крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Была уничтожена вся японская колония во главе с консулом, а также экспедиционный отряд японских войск. Город был разграблен и сожжён дотла. Количество убитых в Николаевске-на-Амуре русских граждан превышало шесть тысяч, японцев — семьсот человек.

Одной из жертв этой резни и стал С. М. Лех. Пострадали и другие камчатцы, пребывавшие в ту пору в Николаевске. Так, почти полностью был уничтожен состав Петропавловского окружного суда, переведённого сюда с полуострова в конце 1918 г.

Совсем недавно в Государственном архиве Камчатского края удалось обнаружить два документа, позволяющие дополнить жизнеописание многолетнего начальника уезда. Вот его собственноручная телеграмма, пришедшая в Петропавловск около середины июня 1917 г.: «По семейным обстоятельствам оставил должность поручика армии, перешёл на службу в Министерство внутренних дел,

был назначен начальником Петропавловского уезда, состоял десять лет. До учреждения камчатского губернаторства на мне лежали обязанности мирового судьи, казначея, военачальника, следователя, агронома... (пропуск) дел.

Кроме помощника имел одного секретаря, других работников не было. То же повторилось с приездом губернатора. Только в последние годы прибавлен один писец. Такой постановкой дела работа тормозилась, уследить за всем не было физической возможности. За это долгое время у меня оказалось казённых недоборов пять тысяч рублей, почему возбуждено следствие. За отсутствием средств покрыть недобор не могу, ибо как чин полиции уволен со службы.

Ввиду чистосердечного признания прошу применить ко мне амнистию, дарованную всем свободным сынам России, а как уволенного чиновника полиции и офицера запаса призвать меня в действующую армию на передовые линии, приостановив следствие до окончания войны. Недоборы покрою по мере возможности. Ходатайство это штабом Приамурского военного округа отклонено.

Возраст даст мне право принести силы свои на алтарь отечества и, быть может, искупить допущенные недочёты или принять во внимание те условия, в коих приходилось работать мне десять лет на отдалённой окраине России.

Гражданами Петропавловска выражено мне полное сочувствие, и выражают один политический, приговорённый к казни, избавленный мною от повешения, скрывал его при старом режиме. Былые политические ссыльные, побывавшие здесь, могут подтвердить моё к ним отношение (здесь можно вспомнить историю с Н. Перлашкевичем. — С. Г.). Всё это даёт мне нравственное право просить причислить меня к будущей России и как верного сына её призвать в армию. Я физически совершенно здоров и годен в строй.

Здесь, на Камчатке, чины полиции по своей деятельности только по ошибке числились в Департаменте полиции. Манифест о призыве опубликован только теперь. Поручик запаса *Лех*».

16 июня 1917 г. прокурор Петропавловского окружного суда запросил у камчатского областного комиссара разъяснение об отношении к воинской повинности «бывшего Петропавловского уездного начальника Станислава Матвеевича Леха». На следующий день, 17 июня, он получил ответ: «...уведомляю Вас, что из формулярного списка С. М. Леха видно, что он родился 11 февраля 1872 г. Высочайшим приказом 1 августа 1897 г. был произведён в чин

поручика и таковым же приказом от 27 февраля 1898 г. зачислен в запас стрелковых частей. От призыва в настоящую войну Лех освобождался по должности уездного начальника.

На основании телеграммы Министерства внутренних дел от 26 марта с. г. за № 25063, приказом моим от 21 апреля за № 18 Лех уволен со службы».

Леди-капитан Анна

1936-й год для Анны Ивановны Щетининой — первой в мире женщины-капитана дальнего плавания — стал особо памятным: советское правительство наградило её орденом Трудового Красного Знамени. Это в те времена было редким событием. А год назад — 12 сентября 1935 г. — она привела на Камчатку пополнение для АКОфлота, насчитывавшего тогда десять транспортных судов. Им стал сухогрузный пароход «Чавыча», построенный в 1923 г. в Любеке (Германия). Он имел чистую грузоподъёмность три с половиной тысячи тонн, скорость хода девять узлов, длину почти сто три, ширину четырнадцать с половиной и осадку около семи метров, его главная машина развивала мощность полторы тысячи лошадиных сил.

23 апреля 1935 г. камчатцы были оповещены, что АКО приобрело в Германии, в порту Гамбург, у компании «Ганза» два парохода. Оба получили «камчатские» названия в честь самых крупных лососёвых рыб — «Кижуч» и «Чавыча». Причём второй, как и положено чавыче, оказался гораздо больше первого.

Позже оба судна, принятые советскими экипажами, после ремонта ушли из Гамбурга в Одессу принимать грузы, предназначенные для Петропавловска. «Чавыче» в числе прочего предстояло доставить и особо важный — оборудование для строившейся Петропавловской судовой верфи. Сообщалось, что из Одессы пароход прямым рейсом пойдёт на Камчатку.

Новость, конечно, радостная, но кажущаяся вполне привычной. АКО уже не раз покупало суда за границей, перевозка же грузов из Одессы напрямую, без захода во Владивосток, была давно налажена и считалась очень удобной. Но последний случай всё-таки был особым. Дело в том, что «Чавычу» вела первая не только в нашей стране, но и в мире женщина-капитан дальнего плавания Анна Ивановна Щетинина.

На полуострове её знали хорошо. Свою флотскую службу она начинала на одном из судов-первенцев АКО — теплоходе «Охотск»,

трудилась на пароходе «Ламут». Прошла все морские «ступеньки» от матроса и рулевого до старшего помощника капитана, которым стала в 1934 г. на «Эскимосе». Набрав необходимый стаж плавания, имея полное морское образование (в 1929 г. окончила Владивостокский морской техникум), получила свой капитанский диплом.

Путь из Европы на Дальний Восток ей был знаком, преодолевался уже в третий раз. В 1931 г. в качестве третьего помощника капитана она перегоняла из Гамбурга же во Владивосток траулер «Топорок», в 1932 г. из Италии туда же, но уже вторым помощником, — траулер «Гага».

Массовое выдвижение женщин на руководящие посты стало приметой советской жизни. Пропагандисты указывали, что «основным критерием в определении женщины как работника у нас служит её работоспособность, преданность делу, высокая квалификация и идейно-политическая вооружённость». С этими качествами у Анны Ивановны всё было в порядке. «Кому это неизвестно? Разве только тем, кому диким кажется выдвижение женщин на командные должности, да ещё в мореплавании». Но это в СССР, а вот зарубежная публика была этим фактом крайне удивлена.

Приезд Щетининой в Гамбург произвёл настоящий переполох. Поначалу многие этому просто не поверили, но вскоре привыкли и особенно старались выглядеть истинными джентльменами. Капитан, сдававший «Чавычу» советским морякам — немец преклонных лет, общался с ней в парадном облачении при белом галстуке, так же поступал и его старший помощник. «Исключительная напыщенность сопутствовала всей приёмке корабля».

Рассказывали и такую историю: в одном из портов кому-то срочно понадобилось увидеть капитана «Чавычи». Щетинина приняла незваного гостя в штатской одежде. Тот удивлённо сказал, что хотел видеть капитана, а не его супругу. Анна Ивановна молча кивнула и через некоторое время представилась гостю в форме: «Вы хотели видеть капитана?»

Особое любопытство к женщине-капитану проявили в Сингапуре. Местные газеты восприняли приход «Чавычи» под командой Щетининой как редчайшую сенсацию. «Девушка-капитан (это вполне уместное сочетание слов, Анне Ивановне было всего двадцать семь лет. — С. Г.) привела пароход из Европы... Порт Сингапур за всё своё существование впервые принял пароход под командованием женщины... Она строга и справедлива... Небывалый в истории мореплавания факт».

Газеты сообщали о цвете волос капитана, её возрасте, одежде и прочем. Так, корреспондент «Санди таймс» писал, что капитан в рабочее время носит простые белые чулки и китель без погон и знаков отличия. Она облачается в более торжественное одеяние, когда выходит на берег. «Все, находящиеся на пароходе, обращаются к ней “Анна Ивановна” или проще — “Товарищ капитан”, и это несмотря на то, что она является командиром большого коммерческого корабля, на котором имеется тридцать шесть матросов». Видать, невдомёк было этому писаке, что погоны в Советской России были отменены вместе с буржуазным строем, обращение же «товарищ» в ней не было панибратством, а являлось самым распространённым. За рубежом же её нередко называли «леди-капитан».

Весть о ней распространилась далеко, достигла и тех берегов, к которым «Чавыча» и близко и не подходила. Во время стоянки в Одессе Анна Ивановна получила письмо из английского Бристоля. Совершенно незнакомая барышня выражала свои глубокие симпатии к ней и просила помочь стать таким же мореплавателем...

«Путь от Гамбурга до Одессы прошли благополучно, — позже рассказывала Щетинина. — Выйдя из Гамбурга, мы попали в туман и шли в нём шесть суток. В тумане прошли весь бурный Бискайский залив. Мы его прошли благополучно». Путь до Петропавловска она предполагала покрыть в пятьдесят суток. «Чавыча» пришла в Одессу 15 июня, а через месяц, 16 июля, вышла на Камчатку. В Петропавловске пароход торжественно встречали 12 сентября 1935 г. Выходит, что переход из Европы занял пятьдесят восемь суток.

К 20 сентября «Чавыча» всё ещё выгружалась. За восемь суток с неё сняли тысячу триста тонн, что составляло меньше половины всего груза. А вскоре в порту ожидали подход «Ильича» и «Большого Шантара», нужно было освобождать причал и людей для их обработки. 22 сентября были созданы несколько разгрузочных бригад из сотрудников городских организаций. Горком комсомола прислал в порт бригаду из четырнадцати человек, которая работала с четырёх часов дня до полуночи. Затем трудились двадцать пять членов профсоюза. В семь утра их сменила бригада в составе двадцати человек, организованная горкомом партии. Полностью освободили второй трюм, с утра приступили к очистке третьего. «Во время ночной работы бригада профсоюзников выпустила стенной бюллетень, в котором взяла под обстрел все недостатки выгрузки». Руководил такой авральной разгрузкой сам председатель облисполкома.

25 сентября приказом начальника АЖО «за хороший переход парохода “Чавыча” из-за границы в Петропавловск и за экономию времени в переходе» А. И. Щетининой объявлена благодарность и вручена премия.

Вскоре капитан ушла в отпуск, а пароход возглавил её старший помощник М. Н. Остапук. В конце октября 1935 г. «Чавыча» готовилась к выходу в свой первый рейс по Камчатке. Во время стоянки бригада слесарей механического цеха ещё строившейся судовой верфи произвела на судне небольшой ремонт, позволивший приспособить его к зимнему плаванию: была заменена система парового отопления. Кроме этого, верфь выполнила ряд сварочных работ.

Между прочим, этот ремонт стал первым опытом деятельности нового предприятия.

В середине декабря 1935 г. «Чавыча» находилась в Митоге. Здесь сильнейшим штормом, пронёсшимся над комбинатом 11 декабря, были разрушены многие здания и сооружения: главная контора, магазин, жилой барак, пекарня. К счастью, обошлось без жертв. 14 декабря судно передало на берег продовольствие и тёплую одежду для пострадавших от стихии.

В этом плавании произошла трагедия. Застигнутое в районе острова Алаид сильным штормом, из которого оно едва выбралось, судно направилось к Четвёртому Курильскому проливу. «После сильного шквала, налетевшего на пароход, палуба была затоплена. Через некоторое время палубу освободили от воды и на ней обнаружили три трупа. Есть основания предполагать, что сильная волна сбила с ног проходивших в это время по палубе людей и захлестнула их. При таких же обстоятельствах были ранены четыре человека». Судно «до крайности замедленным» ходом пошло в Петропавловск.

За январь и февраль 1936 г. пароход доставил на Западную Камчатку четыре тысячи тонн снабженческих грузов и сто семьдесят девять пассажиров, выполнив рейсовое задание на 109 %. Следующее плавание он совершил на восточное побережье в Корф и Олюторку. Всего за апрель и май пароход перевёз туда шесть тысяч тонн и тысячу двести семьдесят пассажиров, также полностью справившись с планом.

Летом 1936 г. «Чавыча», теперь снова под командованием Анны Ивановны, вновь ходила на Западную Камчатку. За июль и август она перевезла уже шесть с половиной тысяч тонн грузов и тысячу триста тридцать восемь пассажиров.

Здесь, в Большерецке, в августе она была запечатлена на плёнку уже известным к тому времени фотомастером Г. А. Липскеровым, трудившимся в Камчатской комплексной экспедиции Наркомрыбпрома СССР. «На обветренном лице — румянец. Ярко горят карие глаза. Строгая капитанская форма, приветливая улыбка. За день до этого радио сообщило об её награждении орденом Трудового Красного Знамени».

Осенью 1936 г. пароход перебросил из Владивостока в Петропавловск ещё четыре с половиной тысячи тонн различных грузов и доставил десяток пассажиров. В итоге годовой план 1936 г. был выполнен уже к 7 ноября 1936 г.

Вот что вспоминала Раиса Богомоллова, откликнувшаяся на прозвучавший в феврале 1937 г. из уст Валентины Хетагуровой, депутата Верховного Совета СССР первого созыва, призыв: «Комсомольцы — на Дальний Восток!» о своих встречах с капитаном, случившихся при необычных обстоятельствах. «На Камчатку мы плыли пароходом из Владивостока, где провели несколько дней, осмотрели город, познакомились с первой в мире женщиной-капитаном дальнего плавания Анной Ивановной Щетиной. Она — молодая, загорелая, коротко стриженная — всех нас пленила. Она долго расспрашивала нас, кто мы, откуда, где будем работать, и обещала приехать в гости».

Как выяснилось довольно скоро, это не было дежурными словами.

«...И вот мы на Камчатке, на берегу Охотского моря, работаем на рыбокомбинате, разделяем, засаливаем рыбу. Специально для нас, восьмерых, построили домик, живём коммуной. Однажды, в конце рабочей смены, в час яркого морского заката увидели: подходит к берегу пароход, становится на якорь, матросы спускают лодку, что-то грузят и направляются к нам.

— Кто это? — любопытствовали мои подруги.

— Обычный рейс, за консервами пришёл пароход, — объяснили местные женщины.

Но, к общему удивлению, подошедшие моряки стали расспрашивать, где найти старосту группы девушек, недавно приехавших на комбинат. Старостой была я, в это время находилась на смене, на засолке. Слышу, зовут: “Рая, Рая!” Выбралась по лестнице наверх — передо мной моряк, щегольски вскидывает руку к фуражке. А я стою перед ним в рабочей блузе с длинными рукавами, в огромных рукавицах, в резиновых ботах поверх ботинок, в берете, по самый нос надвинутом... Девочки мои потом долго смеялись, вспоминая эту “картинку”. Но моряк и бровью не повёл, протянул

письмо и сказал, что капитан парохода “Чавыча” Анна Ивановна Щетинина приглашает сегодня нас, восьмерых, к себе на чай...

Кинулись к домику, а моряк за нами:

— Покажите, где вы живёте, — проводил нас и исчез.

Вскоре моряки внесли нам ящики. Это были подарки Анны Ивановны: швейная машинка, гитара, мандолина, патефон с набором пластинок и две корзины с фруктами.

Во всех деталях запомнился вечер на “Чавыче”. Нас поразило сочетание красоты и строгости в обстановке кают-компаний, идеальная чистота на палубе. Был чай с разными вкусными вещами и танцы...»

По приходу «Чавычи» в рыбокомбинат её командование заключало с администрацией договор, по которому экипаж обслуживал лебёдки и отвечал за сохранность грузов, а предприятие обеспечивало грузовые работы. Их ход нередко осложнялся непогодой. Так, в феврале 1936 г. во время стоянки на западном побережье при шестибальном ветре и сильном волнении стал тонуть кунгас с продукцией, стоявший у борта парохода. Матросы Чудинов и Лысов быстро спустились на него и спасли от гибели сто пятьдесят ящиков консервов.

Во время стоянки в Олюторском комбинате из-за нехватки людей продукция грузилась медленно. Для ускорения работ собрали бригаду из пятнадцати пассажиров, пожелавших помочь морякам. Здесь пароход в течение одиннадцати суток был затёрт льдами. За время вынужденного дрейфа подошло к концу продовольствие. Моряки сели на жёсткий паёк: команде выдавали по шестьсот, комсоставу — по четыреста граммов хлеба в день. Пресная вода для котлов и питья тоже оказалась на исходе. Весь экипаж и пассажиры были «мобилизованы» на заготовку снега. Его собирали с льдин, насыпали в форпик, а затем плавил паром. Так добыли около ста тонн воды. Это позволило пароходу снять в Олюторке почти всю заготовленную продукцию.

В течение всех суток ледового плена А. И. Щетинина не сходил с капитанского мостика, собственноручно управляя судном, ища удобный случай, чтобы вывести «Чавычу» из льдов. Команда парохода работала слаженно, без суеты. Старший помощник Винер, матросы Кужель и Фёдоров для освобождения судна пытались распилить льдину пилой, но это не получилось. Для разворота парохода заводили за торосы лёгкий якорь. В результате титанических усилий «Чавыча» покинула тяжёлые льды без повреждений корпуса. Чтобы избежать поломки гребного винта, капитан

решила притопить корму, для чего команда и пассажиры в течение нескольких дней перетаскивали содержимое носовых трюмов в кормовой. Тем не менее, хотя осадка судна кормой и увеличилась, винт всё равно продолжал задевать льдины, в итоге три его лопасти были погнуты.

С 10 по 20 мая на «Чавыче» проводилась стахановская декада по покраске. Матросы Пленник, Кужель, Беда, Колобов, Лысов, Сухоруков и Старшов перевыполняли нормы вдвое и втрое.

В августе 1936 г. на западном побережье, когда пароход стоял на рейде Воровского комбината, одна из пассажирок упала в море. Спасая её, несший вахту матрос Фёдоров бросился за борт. Ему на помощь поспешил матрос Янукович, и совместными усилиями перепуганную женщину быстро извлекли из воды.

К середине 1936 г. из состава экипажа, перегонявшего «Чавычу» на Камчатку, осталось всего три человека — капитан, матрос и боцман. Высокая текучесть кадров объяснялась, в первую очередь, тяжёлыми условиями труда, особенно у кочегаров, которым сильнее всего доставалось во время штормов. Не всегда качественным оказывалось питание. Пароход не имел холодильной камеры, поэтому мясо, особенно летом, хранить было негде. Зачастую недоставало овощей, но случаев цинги не отмечалось.

Нелегко приходилось и ехавшим на пароходе пассажирам, особенно тогда, когда судно не могло подойти к берегу из-за непогоды или сложной ледовой обстановки. Об одном таком случае помощник капитана по политической части И. А. Поздняков информировал политсектор АКО. «Ставлю вас в известность, что на борту парохода имеем сто тридцать девять пассажиров... Запас питания на пароходе имеем на шесть суток, неприкосновенный запас — на пять суток. На пассажиров выделили два мешка муки, семьдесят пять килограммов крупы, сливочное масло и рыбных консервов по две банки на человека в день. Хлеба сто граммов, чего недостаточно. Одиннадцать человек не имеют денег для питания. В трюмах холодно и сыро. Положение неважное. Каждый день приходит делегация, предъявляет требования нормального питания и доставки их в порт...»

«Чавыча» стала хорошей школой для многих моряков. За её счёт на учёбу был послан радист, которому в декабре 1936 г. присвоили звание радиотехника. Машинист Евдомаха за отличную работу дважды получил премию и был переведён в четвёртые механики. Матрос Кужель стал четвёртым помощником капитана (позже он сам стал известным камчатским капитаном). Учеником

радиста был принят бывший беспризорник, который после четырёхмесячного обучения успешно выдержал испытание на присвоение квалификации младшего радиста. В начале ноября 1936 г. петропавловский городской отдел народного образования обратился в АКО с просьбой устроить на судно шестнадцатилетнего «трудновоспитуемого».

Конечно, в жизни экипажа была не только работа. Повышение культурного уровня команды проводилось на занятиях общеобразовательного кружка, на судне действовал кружок политической грамоты и истории ВКП(б). Из-за отсутствия «красного уголка» их занятия проходили в кочегарском кубрике.

Досуг моряков скрашивался участием в судовом драмкружке, которым руководила сама Анна Ивановна. В нём занимались восемь человек. Кружок дал несколько вечеров самодеятельности, один — в Воровском (позже Кировском) комбинате. Здесь рабочим показали пьесу «Пустяковое дело». Судовая редколлегия выпустила за год четыре фотобюллетеня и три стенных газеты с карикатурами. Работал на пароходе и фотокружок, правда, у него нередко случались перебои с материалами.

Во время стоянок во Владивостоке команда коллективно посещала городские парки и театр. На западном побережье Камчатки она сделала «вылазку» за ягодами. В Крутогорово проводились учебная гребля на шлюпках и соревнования по плаванию. На судне имелась прекрасная пловчиха — буфетчица А. Г. Дёмина. Военный кружок изучал устройство и порядок применения оружия и противогаза, по приходу в Петропавловск он провёл состязания в стрельбе из малокалиберной винтовки на популярный значок «Ворошиловский стрелок».

А. И. Щетинина пользовалась большим уважением в коллективе АКО. 13 октября 1936 г. его руководитель И. А. Адамович, с которым, кстати, у неё складывались непростые взаимоотношения, подписал официальную характеристику: «Капитан парохода “Чавыча” Щетинина Анна Ивановна — капитан дальнего плавания, работает в системе АКО с 1927 г. с должности штурманского ученика, прошла всю стажировку до капитана включительно на судах АКО. В марте месяце 1935 г. приняла за границу в Гамбурге пароход “Чавыча”, который успешно перегнала на Камчатку в кратчайший срок по сравнению с другими судами, причём создала некоторую экономию валюты. Обладает административными способностями, пользуется авторитетом у экипажа. Ведёт на судне общественную работу, занимается поднятием квалификации эки-

пажа. Английским языком владеет слабо. Судно содержит в образцовом порядке. За отличную работу награждена орденом Трудового Красного Знамени».

А вот оценка морских и личных качеств капитана «Чавычи» простыми моряками, правда, данная ей немного позже — в 1938 г.: «Анна Ивановна Щетинина по диплому капитан дальнего плавания. Нелегко этого достигнуть мужчине, но Анна Ивановна достигла этого благодаря своей настойчивости, умению и хорошим способностям. Говоря об Анне Ивановне, нужно сказать, что это человек строгих правил. У неё есть чему учиться, она может руководить работой.

Большая, трудная и ответственная работа — быть капитаном океанского судна. Анна Ивановна с этой работой до сих пор справляется с честью, за что имеет орден Трудового Красного Знамени. Во всем мире нет таких трудных условий плавания, как плавание в наших северных водах. Места почти неисследованные или малоисследованные, средств ограждения нет. Туманы и неисследованные морские течения были причиной многих аварий судов. Но Анна Ивановна, благодаря своему умению и настойчивости, всегда была победительницей.

Товарищ Щетинина не только хороший капитан, но и хороший товарищ-общественник. Мы все любим нашу Анну Ивановну и гордимся ею».

Деятельность капитана и возглавляемого ею экипажа находилась под пристальным вниманием официальных органов. 31 декабря 1936 г. политуправление Наркомпищепрома СССР предупреждало помполита «Чавычи» И. А. Позднякова: «...Вы должны иметь в виду, что к вашему пароходу предъявляются исключительно высокие требования в деле постановки политико-массовой работы. Тот факт, что капитаном парохода является единственная в мире капитан-женщина товарищ Щетинина, предъявляет к вам исключительно большие требования в деле создания образцовой, сознательной дисциплины среди рабочих и повышения их культурно-политического уровня».

Интерес к Анне Ивановне проявили и карательные «органы». В 1937 г. на неё явно собирали компромат, но обошлось.

Добавим к сказанному выше ещё несколько документальных штрихов, иллюстрирующих жизнь экипажа «Чавычи» в 1936 г.

Февраль. Радиограмма в АКО: «Семнадцатого на рейде Ичинского комбината при подъёме кунгаса сломалась тяжеловесная стрела,

упала на борт. Больших повреждений, ущерба и жертв нет, поломалась лебёдка...»

Апрель. Радиограмма в АКО: «Во Владивостоке сменили команду на шестьдесят процентов, военизировали. По столкновению красных пограничников с японцами в Посъетском районе проводили общее собрание, митинг. Вся команда добровольно отчислила тысячу рублей на подарки раненым бойцам. В морской госпиталь преподнесли лично комиссией парохода. При буксировке катера имелась авария руля, исправили своими силами... 26 апреля полагаем выйти в Корф».

20 июня. Радиограмма в АКО: «...Сообщаю, что проработан новый закон о запрещении аборт. Команда, пассажиры желанно одобрили, вынесли добавления: 1) просить правительство, если мать бросает детей, применения к ней и отцу равной доли наказания, 2) плату за развод должен платить тот, кто первый пожелает развода, 3) нужно установить предел развода, 4) при разводе детей нужно оставлять не обязательно при матери, а тому, кто может дать лучшее воспитание, 5) запрещение абортов всем будет неверно. Если отец, мать больны, необходимо делать аборт, поэтому нужно установить комиссию, которая будет проводить аборт».

5 июля. Радиограмма в АКО: «Экипаж “Чавычи”, обсудив постановление ЦИК и СНК СССР о государственном внутреннем займе четвёртого года второй пятилетки... полностью постановление одобрил, добровольно все подписались на месячный оклад. Даём социалистическому государству средства для строительства культурной и радостной жизни всех трудящихся! Увеличим мощь нашей любимой социалистической родины! Призываем все пароходы АКО подписаться на месячный оклад».

21 августа. Радиограмма в АКО: «Узнали из сообщения Верховной прокуратуры, что вскрыты козни троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока, который вёл подготовку совершения террористических актов, к убийству лучших руководителей партии и советской власти. На собрании рабочие требуют от Верховной прокуратуры применения к врагам народа высшей меры наказания...»

3 декабря. Радиограмма в управление АКОфлота: «“Чавыча” прибыла в Большерецк в ночь с 29 на 30 ноября при сильном восточном ветре. Встала на расстоянии пяти километров от берега. Утром подошли кавасаки... Начали работы, поднялся прибой, один из кунгасов затонул у борта с двумястами ящиками консервов. Следующая попытка не удалась, пароход ушёл в Микояновск...

Обратники (люди, собиравшиеся выехать с Камчатки. — С. Г.) в Большерецке живут в палатках и в бане...»

В начале ноября 1936 г. А. И. Щетинина и И. А. Поздняков обратились к начальнику АКО И. А. Адамовичу и руководителю политсектора общества А. Р. Орлинскому с рапортом о выполнении судном годового задания. «Разрешите донести вам, что пароход “Чавыча”, участвуя первый год в перевозках пассажиров и грузов флотом АКО, досрочно выполнил свой план годовых перевозок, а, завершив свой рейс номер четыре к 9 ноября сего года, будет иметь перевыполнение на три и три десятых процента.

Нам, морякам, по роду своей работы, подвижности нашего предприятия, приходится часто менять своё географическое положение, благодаря чему, работая в АКО и плавая больше всего в водах Камчатки, мы имели возможность видеть её со стороны океана и Охотского моря. Мы видели Камчатку с её высокими берегами с востока и пологими с запада, Камчатку зимой, Камчатку летом, то приветливую, то суровую. Видели её в тумане, в снегу и зелёную летом при солнце. То приближались к ней, то уходили далеко в морские просторы, боясь в борьбе со стихией оказаться выброшенными на рифы.

Мы видели жизнь и труд людей, осваивающих Камчатку. Есть среди нас знающие Камчатку пустынную, без маяков, льдами закрытую для посещения её зимой. Такое представление о Камчатке осталось лишь в воспоминаниях у этих ранних мореплавателей. Резко изменилось культурное и промышленное лицо Камчатки 1936 г.: густая сеть рыбокомбинатов, заводов, электричества, большой промысловый флот и орудия лова. В тёмную ночь Камчатка бросает навстречу кораблям свет своих маяков, облегчая мореплавание.

Естественно, что весь организм Камчатки требует общения с большим материком. Такому организму нужны здоровые кровеносные сосуды, роль которых, за неимением пока других видов транспорта, выполняет водный транспорт, где большая роль падает на собственный флот АКО. Своевременная доставка для Камчатки людей, продовольствия, промыслового снаряжения, плавсредств — решает вопрос освоения колоссальных богатств Камчатки для нашей страны.

В 1935 г. флот АКО был пополнен несколькими новыми единицами, в том числе — пароходом “Чавыча”. А 1936 г. является первым полным годом работы нашего судна в АКО, но коллектив его в большей своей части составлен из людей, работающих в АКО несравненно больше года. Правда, судозкипаж в подавляющем своём

большинстве состоит из людей сравнительно молодого возраста, но с достаточным опытом, знаниями своего дела и условий плавания у берегов Камчатки.

Судозкипаж проникнут гордостью за предоставленное ему право обогащать свою родину богатствами Камчатки, за право участвовать в цивилизации некогда забытой царской Россией Камчатки с её полудикими тогда народностями. Гордость наполняет душу за то, что в историю Камчатки мы войдём не казаками-завоевателями, а большевиками.

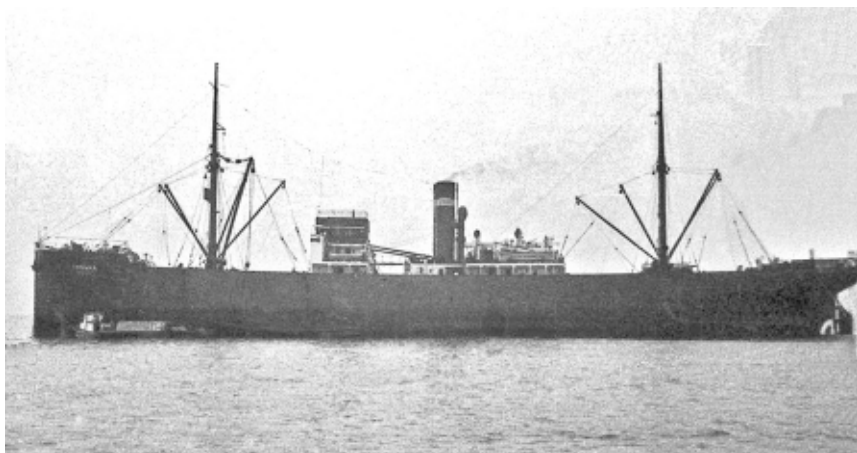
Большой прилив энергии вызывает исключительное внимание партии, правительства и первого друга Камчатки — дорогого наркома товарища Микояна к нашей работе и жизни. Но и небольшой, казалось бы, едва заметный участок работы — пароход “Чавыча” — не ушёл от внимания партии и правительства, и за хорошую работу мы получили командира, награждённого высокой наградой правительства — орденом Трудового Красного Знамени.

Ваше умелое руководство, внимание и забота о нас позволили нам выполнить досрочно годовой план грузоперевозок. В дальнейшем мы, вдохновлённые волей к большим победам, обещаем вам, что под вашим руководством количество перевезённых нами двадцати трёх тысяч восьмисот сорока семи тонн против годового задания в двадцать три тысячи сто семнадцать тонн будет значительно увеличено в этом году».

Вот такой документ той, уже далёкой, эпохи.

В августе 1936 г. на Камчатку пришло известие о награждении группы рыбаков орденами. Среди заслуживших высокое отличие были и капитаны пароходов АКОфлота «Сима» и «Чавыча» Е. Д. Бессмертный и А. И. Щетинина. 10 января 1937 г. заместитель начальника АКО П. М. Никитиных распорядился откомандировать её «в Москву за получением ордена». Соответствующее распоряжение в этот день пришло на Камчатку от начальника Главрыбы. На время отъезда полномочия капитана передавались старшему помощнику В. П. Зенькову.

23 января 1937 г. в адрес Щетининой пришла телеграмма от наркома пищевой промышленности СССР А. И. Микояна с ещё одним поощрением. «Поздравляю Вас и всю команду с досрочным выполнением плана грузоперевозок 1936 г. Особенно отмечаю умелую, энергичную борьбу со стихией. За спасение советского парохода премирую капитана Щетинину двухмесячным окладом, состав парохода — полуторамесячным окладом, всю команду — месячным окладом».

Пароход «Чавыча», 1937 г.

Первая в мире женщина — капитан дальнего плавания
Анна Ивановна Щетина в 1937 и 1970-х гг.
(из фондов ККОМ)

А. И. Щетинина с моряками «Чавычи» (из фондов ККОМ)

В это же время, 23—24 января 1937 г., в Петропавловске проходила производственная конференция предприятий АКО. Её стенограмма содержит немало примечательных эпизодов, характеризующих состояние дел общества. Основные сложности, препятствовавшие нормальной работе АКОфлота в истекшем 1936 г., озвучила Анна Ивановна, уже приобретшая всесоюзную известность. Выдающиеся личные качества, а также большой авторитет среди моряков придавали её словам значительный вес, заставляя прислушиваться к ним хозяйственных и партийных руководителей различных рангов.

Вот что она говорила об одном из осенних рейсов «Чавычи» в 1936 г. «Мы встали под погрузку, нам сказали, что мы получим груз во Владивостоке. Через некоторое время нас оттянули на ремонт в бухту Диомид, и мы должны были на буксире следовать в порт на АКОбазу. Потом внезапно получили распоряжение о том, что, поскольку угля во Владивостоке нет (а для того, чтобы сняться за углём, обычно даются сутки), мы должны своим ходом идти в бухту Находка за углём. В это время один котёл у нас находился в чистке, так как происходила его подготовка к сдаче для получения Регистра.

Я и помполит явились к управляющему морской конторой для того, чтобы доказать, что нас не предупредили, и мы не можем сами идти в Находку. Управляющий с нами согласился и сказал: “Мы вам дадим буксир”. Только мы пришли к себе, как получаем бумажку, в которой говорится, что вследствие задолженности порта буксир нам не дадут, и содержится категорическое распоряжение: сниматься в Находку. Пришлось срочно готовиться. Таким образом, мы получили три разных распоряжения в один день».

Недостатки при погрузке судов проявлялись не только в их простоях, но и в нерациональном размещении грузов. «Ни одно судно не обходится без беды по части спецификаций. Ведь по спецификации составляется план. А у нас спецификации часто меняются. Я помню, когда выяснилось, что мы идём в Корф и Олюторку, то Владивосток и Петропавловск об этом прекрасно знали, а потом оказалось, что идём только в Корф. И уже после этого нам дали другую спецификацию. Мы получили совершенно другой груз, и нам с ревизором срочно пришлось составлять другой план, иначе планировать погрузку.

В плане погрузок АКО и Морфлота совершенно ясно оговорено, что спецификация должна даваться за определённое количество суток до погрузки. Это систематически не выполняется... Получается

так, что дают спецификацию, потом этого груза не хватает, заменяют его другим... При такой нагрузке никаких правил не может быть соблюдено. Ведь должно быть заранее рассчитано, какой должен быть дифферент, какой должен быть центр тяжести и т. д. А у нас дают самые разнообразные грузы... Лампочки погружали под тяжёлый груз... У нас, как правило, план-наряд получается за день до ухода судна в рейс, а спецификация всё время меняется».

Неразбериха продолжалась и в самом плавании. «Приходим в Пымту, стоим двое суток. С берега приходит кавасаки и спрашивает, зачем пришла “Чавыча”. Мы простояли двое суток, а берег даже не знал, зачем пришёл пароход».

План плаваний судов АКО, разрабатываемый на позднюю осень и зиму, не всегда учитывал навигационные условия на камчатских побережьях. «Нужно осваивать Камчатку, но нужно считаться с природными условиями, — говорила Анна Ивановна. — Уже пора убедиться, что в осеннее время на западном берегу работать невозможно, и держать там десять судов не нужно. В некоторых районах плавания лёд мешает работать: это в Олюторском заливе и проливе Литке. Поэтому АКОфлот должен учитывать это и посылать суда туда раньше или позже, нужно избегать делать туда навигации в это время. “Чавыча” в этом году имела поломки и согнула винт, и всё это в Олюторском районе».

Капитан назвала ряд организационных и технических мероприятий, проведение которых могло улучшить работу флота, таких как:

- получение судном план-наряда и спецификации на следующий рейс сразу после прибытия в порт, без задержек;

- личные посещения пароходов начальником АКОфлота для знакомства с их состоянием;

- закрепление каждого судна за определённым комбинатом: «тогда будут взаимно стараться и судно, и берег наладить работу»;

- чёткое планирование работы флота в ненавигационный срок. Зачастую суда одновременно становились в ремонт и также в одно время выходили из него, скучиваясь в порту Петропавловска, не приспособленном для их массовой обработки;

- организация ремонта на основе заранее сообщённых техническим службам дефектовочных ведомостей. Это позволяло бы к прибытию пароходов на завод подготовить необходимые материалы и приспособления, «тогда у нас суда не будут запускать»;

- создание в Петропавловске особого «морского склада» и его отделения во Владивостоке. «Склад необходим, чтобы нам не бегать и не кланяться АКОснабторгу и АКОрыбснабу... так как у нас

суда не заходят в Петропавловск по полгода, а потребность в материалах для ремонта у судов имеется»;

— организация резерва моряков для замены специалистов, накапливавших за время плавания много выходных дней;

— своевременная передача на суда извещений об изменении условий плавания, дабы избежать случаев вроде: «Нам не сказали, что в Петропавловске выставлены огни, и мы не знаем, где они выставлены»;

— регулярное направление пароходам метеосводок и сведений о ледовой обстановке;

— установка маяков или отличительных знаков на всех комбинатах, оборудование судов современными навигационными приборами, «а то наш лаг так работает: мы проходим десять миль, а лаг показывает пять».

В своих морях капитан была уверена. «Мы, команда, план выполним. Выполним и перевыполним, но если организация окажет нам большее внимание и обеспечит нас материалами». На реплику начальника политсектора А. Р. Орлинского: «А если внимание не сосредоточат, то план не выполните?», Анна Ивановна ответила: «План будет выполнен. Но мы вас заставим уделить нам достаточно внимания!»

В 1938 г. Анна Ивановна покинула Камчатку. Её назначили первым начальником Владивостокского морского рыбного порта. Великую Отечественную войну она встретила на Балтике, но в 1941—1946 гг. командовала транспортными судами на Дальнем Востоке, совершала рейсы в США за оборонными грузами. В 1950 г. окончила высшее инженерное морское училище в Ленинграде, работала в нём преподавателем, деканом судоводительского факультета. С 1960 г. преподавала в Дальневосточном высшем инженерном морском училище имени Г. И. Невельского во Владивостоке, трудилась капитаном крупных судов. С 1977 г. — капитан-наставник Дальневосточного морского пароходства. Передавая свой огромный опыт, написала ряд учебных пособий, книгу воспоминаний «На морях и за морями». Награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями. В 1978 г. ей присвоено звание «Герой Социалистического Труда». Она стала почётным гражданином города Владивостока.

«Честная, очень требовательная ко всем и, в первую очередь, к себе. Может, несколько и грубовата для женщины, так работа

ведь какая...» — кратко охарактеризовал её один из видных капитанов Камчатрыбфлота Е. И. Скаврунский.

Анна Ивановна Щетинина скончалась 25 сентября 1999 г., похоронена на владивостокском Морском кладбище, последнем причале многих видных моряков.

Начальник АКО

Любой человек, знакомящийся с историей Камчатки первой половины XX в., не может пройти мимо АКО, этого необычного хозяйственного механизма, созданного в 1927 г. для всеобъемлющего освоения и развития нашего края. Общество действовало до осени 1945 г., а в разные годы им руководили лица, называвшиеся председателями правления, директорами-распорядителями, начальниками. Это были С. П. Нацаренус, Б. И. Гольдберг, И. А. Адамович, П. Н. Притыко, С. П. Емельянов. Дольше всех — с февраля 1944 по конец августа 1949 г. АКО, а затем выросшие из него Камчатгосрыбтрест и Главкамчатрыбпром возглавлял Константин Никитич Кулаженко.

По имевшимся в нашем распоряжении документам удалось составить его жизнеописание лишь до 1949 г., когда он покинул Камчатку, будучи переведён на новое место работы. Больше никаких сведений найти не удавалось, за исключением известия о том, что он какое-то время жил и трудился в Прибалтике.

Ниже привожу часть очерка «Хороший человек Кулаженко» из вышедших под моей редакцией первых на Камчатке морских воспоминаний капитана дальнего плавания Т. М. Кривоногова «Кают-компания. Рассказы старого моряка». Автор повествует о своём случайном знакомстве с бывшей работницей рыбной промышленности, приехавшей на полуостров в 1945 г.: «Прибыли мы сюда после окончания Астраханского технического института рыбной промышленности. Получили специальность инженеров-технологов. Молодые девчата, мы должны были начать здесь свою трудовую жизнь. Позади годы учёбы, полуголодное студенческое существование. Одежка на нас была крайне беденькая, да и откуда ей было другой взяться? На студенческую стипендию не разгодишься... Почти у всех на ногах были брезентовые тапочки, пошитые сапожниками-умельцами.

В рыбном порту нас встретил работник отдела кадров АКО и усадил на пару грузовиков. Привезли к двухэтажному зданию

управления АКО на Микояновской улице (сейчас на этом месте стоит здание бывшего Камчатрыбпрома. — С. Г.). Встречавший нас работник отдела кадров и вместе с ним начальник административно-хозяйственного отдела повели нас к начальнику АКО Константину Никитичу Кулаженко. Он был высокого роста, как оказалось, очень доброжелательный. С нами приветливо поздоровался, поздравил с прибытием на полуостров. Встречавшему нас кадровику сказал: “Вы в первую очередь девчат накормите, устройте на ночлег и сводите в склад — оденьте и обуйте”. Дело в том, что в то время одежда и обувь выдавались по ордерам. Но в Петропавловск, в склады на Озерновской косе, как раз завезли “американские подарки” — большие тюки с добротными вещами, и кое-какую одежду и обувь выдавали нуждающимся.

После обеда пришли на эти склады. Выдали нам платья, туфельки, курточки — кому что придётся. Подаркам этим мы были несказанно рады. После этого нас поселили в общежитие, снабдили постельным бельём. А вечером все встретились в столовой АКО, она была на нижнем этаже здания. Состоялся скромный ужин. С приветственным словом к нам обратился К. Н. Кулаженко. Он поздравил нас с прибытием, пожелал успешной работы. “Такие специалисты с высшим образованием здесь нужны, — сказал он, — и я надеюсь, что вы останетесь здесь надолго, обзаведётесь семьями, вырастите детей. Рыбы здесь много, хватит ловить и нам, и нашим детям и внукам”.

И ведь как в воду глядел! Жизнь моя сложилась так, что я работала на Кировском комбинате, одном из крупнейших на западном побережье Камчатки...»

Этот бесхитростный рассказ мне близок и понятен. Хотя бы потому, что подобный слышал и от своей мамы — Нины Алексеевны Гавриловой, тоже выпускницы Астрыбвтуза, тоже инженера-технолога, только приехавшей на полуостров три года спустя, в 1948 г., и попавшей на другой комбинат — Микояновский (позже Октябрьский). Получается, что он — словно маленькая часть моей собственной семейной истории.

А далее капитан Кривоногов поведал о другом знакомстве: «Много лет назад в поезде Клайпеда — Москва я разговорился со случайным попутчиком. Им оказался инженер-кораблестроитель. Узнав, что я с Камчатки, он сказал, что с одним камчадалом у него была памятная встреча. В 1958 г. его послали в командировку в Польшу на судостроительную верфь.

“После окончания командировки меня на попутном судне отправили в Клайпеду, — рассказывал он. — Но с выходом в море судно завернули в Ригу. После командировки за границу советских денег у меня не было, и что делать рано утром без копейки в незнакомом порту, я не знал. Надо же было как-то добираться в Клайпеду. Пошёл в управление рыбной промышленности, обратился к секретарю в приёмной. Она меня выслушала и сказала: “Зайдите к заместителю начальника Кулаженко, может быть, он поможет. А то пока вы дожждётесь из Клайпеды денег, пройдёт день-два”.

Зашёл я к Кулаженко и рассказал, что возвращаюсь из Польши в Клайпеду, и по воле случая оказался без копейки денег. “Ну, ладно, — сказал тот. — Не будем терять время. Скоро отходит утренний поезд на Клайпеду”. Вытащил из кармана сто рублей и протянул мне: “Счастливого пути! Передайте привет своему начальнику. Я с ним лично знаком”.

Действительно, на поезд я успел и по прибытии домой первым делом перевёл деньги Кулаженко. Вот такая у меня была встреча с бывшим камчатским руководителем...»

Вот так два разных человека подметили теплоту и душевность, отличавшие Константина Никитича, которые мы ещё увидим далее. Попутно подтвердился и слух о его пребывании в Прибалтике. Но, конечно, к биографии это мало что добавило. И вдруг в июне 2017 г. в Камчатский краевой объединённый музей обратился живущий в Нижнем Новгороде Константин Владимирович Ковалёв — его внук, с просьбой уточнить факты из биографии деда, касающиеся камчатского периода. Лично общаться с дедом ему не пришлось, так как тот умер ещё до рождения внука, поэтому все сведения Константин Владимирович почерпнул от мамы, Татьяны Константиновны Ковалёвой, дочери Константина Никитича, да из семейного архива.

Из слов Татьяны Константиновны следовало (цитирую письмо К. В. Ковалёва), что К. Н. Кулаженко «помогал в Таллине развивать рыбную промышленность... Там строились порты, и, по всей видимости, Константин Никитич имел к этому непосредственное отношение... Были Латвия и Куба... На Кубе руководил строительством порта... Знаю, что это было в период Карибского кризиса, мама была вместе с ним в течение двух лет, но он приехал туда раньше неё. В Латвии он занимал министерскую должность. К сожалению, найти конкретные сведения у меня не выходит, но и мама, и близкие люди говорят, что он был министром рыбной промыш-

ленности Латвии. Подтвердить это или опровергнуть мне пока не удаётся, поскольку с историческими данными в Латвии и Эстонии всё плохо... Не желают люди помнить историю, а иногда даже борются с ней».

Теперь мы узнали, что Константин Никитич и его супруга Галина Фёдоровна Кулаженко (Фролова) провели свои последние годы и скончались в Риге, а их дочь с мужем и детьми в 1996 г. переехали в Россию, в Нижний Новгород. Татьяна Константиновна по нашей просьбе очень хотела составить жизнеописание отца, но осуществить это важное дело не смогла. Она умерла от тяжёлой болезни 11 сентября 2017 г. Теперь разбором бумаг деда занялся К. В. Ковалёв, постепенно оцифровывая интересные документы, письма, фотографии и отсылая их на Камчатку. Так сложился тот объём сведений, который вместе с материалами, хранящимися в камчатских архивах и музее, и позволил написать этот очерк.

Константин Никитич Кулаженко родился 3 августа 1906 г. в селе Речки Речковской волости Гомельского уезда Гомельской губернии в Белоруссии. По национальности белорус, происходил из семьи крестьян-середняков. С 1918 по 1924 г. учился и окончил школы первой и второй ступеней на родине, в 1925 г. — курсы по подготовке учителей в Гомеле. Как основную в документах 1930-х гг. называл профессию учителя. По ней немного поработал: в 1924—1925 гг. заведовал пунктом по ликвидации неграмотности в селе Перелевка, а в 1925—1926 гг. трудился заведующим школой.

Затем переехал в Ленинград и добровольно поступил в курсанты 2-й артиллерийской школы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, где учился с 1926 по 1929 г. Здесь в 1927 г. вступил в комсомол, его членом состоял по 1932 г., а в октябре 1930 г. стал партийцем, то есть вступил в ВКП(б). Как указано в личном деле, в партийной линии «колебаний не было, в оппозиции не участвовал». Тогда это значило многое.

Но в армии послужить не получилось. В 1929 г. поступил работать светокопировщиком в конструкторское бюро судостроительного и механического завода имени Марти в Ленинграде. После сокращения этой должности по 1932 г. был такелажником. Начинал простым рабочим, позже «дорос» до бригадира. В 1931—1932 гг. учился на вечернем рабфаке при Ленинградском институте инженеров путей сообщения и в вечерней совпартшколе при заводе. В 1932—1933 гг. обретённый педагогический опыт вновь пригодился, теперь как заведующему этой самой партшколой.

Затем поступил на первый курс электромеханического отделения института. Правда, как он сам указывал в биографии, «учиться не пришлось — парткомом был командирован на Украину — уполномоченным по заготовке фруктов, овощей, где проработал до сентября 1932 г. По окончании вернулся в Ленинград и был направлен в Белоруссию — уполномоченным по заготовке мяса и овощей, где проработал до марта 1933 г.».

В 1933 г. перешёл на ленинградский завод имени Молотова, здесь снова был такелажником. В конце 1933 г. начинается его партийная работа — молодого коммуниста, уже получившего и рабочую, и педагогическую закалку, отправляют на Дальний Восток. Он указывал: «в декабре 1933 г. выехал вместе с женой Екатериной Андреевной Александровой в распоряжение Хабаровского крайкома ВКП(б)». Здесь началась его «специализация» в рыбопромышленной отрасли, в которой отныне пройдёт вся оставшаяся трудовая жизнь. До июля 1935 г. Константин Никитич был инструктором парторганизации Дальгосрыбтреста во Владивостоке.

29 апреля 1934 г. Народный комиссариат снабжения СССР издал приказ № 1210 «Об организации политсекторов: а) при Востокрыбе, б) при Акционерном Камчатском обществе». Это делалось «в целях обеспечения руководства политотделами рыбных промыслов и помощниками капитанов судов по политчасти». Политсекторы были высшей инстанцией в рыбопромышленных трестах, им подчинялась сеть политотделов, развёрнутых на отдельных предприятиях, например, на рыбокомбинатах. После её организации Константин Никитич и был «мобилизован в политотделы». Здесь последовательно прошёл должности инструктора политотдела треста, начальника курсов политработников, заместителя директора по политчасти рыбозавода, заместителя начальника политотдела Дальгосрыбтреста.

С последней должности направлен на «усиление» кадров АКО на Камчатку. На полуостров прибыл 7 июля 1937 г., а 9 июля приступил к исполнению обязанностей начальника политотдела (начПО) одного из крупнейших рыбокомбинатов западного побережья — Озерновского.

В это время на полуострове, в частности, в системе АКО, разворачивались драматические события. Выступление И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистов и иных двурушников» на местах восприняли как сигнал к началу чистки,

в первую очередь руководящих кадров. 26 апреля газета «Камчатская правда» опубликовала статью В. М. Молотова «Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами» — его речь на пленуме ЦК ВКП(б) с небольшими изменениями, перепечатанную из «Правды» от 21 апреля. Одновременно с 18 по 30 апреля в Петропавловске шла 2-я городская партийная конференция, а чуть позже — в мае — открылась областная партконференция, ставшие «катализатором» в деле разоблачения «врагов народа» в АКО.

22 апреля в ожидании ареста застрелился начальник АКО И. А. Адамович, подвергшийся шельмованию за связи с «врагами народа» и «вредителями». Этим в глазах многих он словно «подтвердил» свою причастность к ним. 24 апреля на заседании бюро обкома ВКП(б) озвучено решение Хабаровского крайкома партии: «Акт самоубийства Адамовича расценивать как троцкистско-вредительский, направленный против партии и советской власти...» С этого времени на всех собраниях и заседаниях зазвучали определения: «банда Адамовича», «шайка Адамовича» и прочие подобные.

Начались аресты, в первую очередь коснувшиеся руководящих работников управления общества и ряда комбинатов, но затронувшие и многих рядовых тружеников. Значительную часть арестованных расстреляют во Владивостоке 16 марта 1938 г. Общество оказалось фактически обезглавленным. 17 мая 1937 г. был утверждён штат его центрального аппарата из двухсот четырнадцати должностей, из них сорок три остались вакантными.

В конце мая 1937 г. на Камчатку прибыла бригада под руководством начальника политуправления Наркомпищепрома СССР Ф. Д. Корнюшина с целью «дальнейшего разоблачения вредительства». Уже 9 июня в Петропавловске в клубе АКО открылся публичный суд над бывшим директором Крутогоровского комбината Б. Г. Разгоновым, арестованным 16 апреля, венчавший так называемое «Крутогоровское дело». В конце октября бригада, руководимая Корнюшиным, проделав работу «по выявлению врагов народа», отбыла обратно в Москву.

Вот в такую обстановку всеобщей подозрительности и шпиономании и попали ступившие на камчатскую землю К. Н. Кулаженко и Е. А. Александрова. Предшественник Кулаженко — бывший начПО И. Ретинский и директор комбината Г. Граждан были к этому времени арестованы. Но, по косвенным сведениям, оба уцелели.

13 сентября Кулаженко телеграфировал в Петропавловск, в политсектор АКО: «По имеющим письменным данным, Орлинский (бывший начальник политсектора АКО, тоже репрессирован. — С. Г.) и Адамович Ретинского и Граждана считали лучшими людьми, лучшими организаторами. На деле эти “лучшие организаторы” зажимали на комбинате критику, самокритику. Пример — заявление членов партии: Ретинский на партсобрании запрещал критиковать работников политотдела. По приезде меня на комбинат, Козлов (исполняющий обязанности начПО и редактор комбинатской многотиражки. — С. Г.) в разговоре со мною заявил: “Зря исключили из партии Граждана, он был хороший человек”. Также, по заявлениям членов партии, при исключении Граждана работники политотдела были против исключения последнего. Партийная организация, чтобы исключить Граждана из партии, собрала тайное собрание от начальника политотдела».

Как видно, отношения между работниками прежнего состава политотдела и рядовыми партийцами комбината были явно ненормальными.

Справедливости ради следует отметить, что безобразий в постановке дела и в управлении АКО, и на рыбных промыслах было, действительно, много. В конечном счёте они выливались в огромные убытки, порчу продукции, невозможность её своевременного вывоза, плохие жилищно-бытовые условия работников, невыплату им заработной платы, порождавшие справедливое недовольство людей.

Как один из примеров приведём части весьма пространного послания в политсектор АКО, Ф. Д. Корнюшину и временному начальнику АКО П. Н. Притыко. Можно, конечно, назвать его и доносом, но ведь перечисленные безобразия от этого никуда не исчезнут. Написано оно инструктором икорного цеха Ершовым, прибывшим в Озерную 30 мая 1937 г.

«Бросилась в глаза непорядочность рыбного промысла: разбросанность, нечистота, грязное повсюду найдёшь болото, трупы собак лежат неубранные на дороге... На берегу моря и речки лежат, по виду с основания, хорошие, массивные якоря, привезённые специально для ставки неводов, без призора, беспорядочно, занесённые песком. Видны только лапки этой несчастной жертвы, которая попала людям, не имеющим ничего принципиального и общего с целью хозяйского глаза...

Транспортировка, выгрузка, платёжестоймость перевозки, а потом привезти на Озерновский комбинат и закопать их в песке вреди-

тельски! Это лозунг старый, затеянный ещё вредителем Адамовичем, падает корнем и отростками-побегами повсюду по комбинатам Камчатки.

Направо от пристани красуется громадный бункер — неуютно покрытый, наспех, вредительски заготовленный лёд. И по соседству, на третьей базе, такой же бункер, такой же красоты, таких же следов вредителей. Это происходит по обычаю — по заданию рыбного отдела, головотяпски выполняющего приказы на месте...

Лёд нужен обязательно. Кто может сказать, что лёд-холод не нужен на рыбном промысле летом? Лёд-холод играет большую роль на промыслах, при помощи которого консервируют продукт, делая его стойким, влажным, вкусным, малосольным, ароматическим, нежели продукт тёплого посола. Но одно забыли, что сделали с этими бункерами льда. Ровным счётом ничего, он погиб на семьдесят процентов совершенно. Его использовали самую малость для хранения сырца-рыбы в бункерах заводов консервной сети. Это — отвод глаз администрации аковской шайки, старой авантюры. Под этими заголовками, якобы на пользу, гробим не один десяток тысяч ежегодно, затем посмеиваясь, потирая вредительские алчные руки.

Я, пишущий эти строки, малограмотен в смысле описания ещё шире всех безобразий, творящихся и теперь ещё на комбинатах рыбной отрасли АКО, и, может быть, затеяют оставшиеся после вредителя Адамовича дельцы в аппарате АКО новым работникам АКО, что так должно и быть...

Когда прибыл на рыбный промысел Опала принимать должность инструктора по обработке икры, это было 9 июня с. г., то были вскрыты мной безобразия, превышающие Озерную на сто процентов. Промысел загрязнён мусором, банками, рогожками, дельными новыми матами, которые едят коровы, таскают по промыслу свиньи, делают из матов себе уютные гнёзда. Бочки лежат плотно набитые клёпкой, не делаются, не готовятся к путине. Бондари работают не по назначению, пилят дрова, делают, что попало, но не бочки. Ледник не достроен, пристани не достроены, бочат под икру нет, соль лежит под дождём навалом, непокрытая, которую уносят в большом проценте дожди, осадки влаги.

Привезённые рабочие с материка — завербованные, сидят без чая, чай не кипячёный, дров не заготовили ввиду пьянства всей администрации Опалы.

Пьянство процветало... Зимой происходили побоища, кулачные бои между рабочими. Ходили, и теперь ходят с разбитыми черепами

и побитыми ногами. Это всё происходило на глазах парторга, пьяницы, “передовика” Батурина, который разложил партлинию до неузнаваемости. При появлении моём, пишущего эти строки, на промысле и по выходу моей первой заметки о безобразиях в газете “За большевистскую путину”, стали немного стесняться, прятаться в телятники, свинарники и конюшни, и, не стесняясь прелестями, — запахом...

Именно кто вредитель? Вредители промысла были и сидят по сей день на Опале: Мухин (теперь арестован), засольщик Малегин, расценщик Лыков, парторг Батурин, завхоз. Все эти лица теперь ходят на воле, сваливая всю вину на пойманного с поличным Мухина, себя числят как бы в стороне. Парторг притворился малограмотным, не понимая тогда, в чём дело, якобы, совершенно моя хата с краю...

Они, оказалось, опять остаются на Опале на зиму... Так ли это товарищ Сталин ставит вопрос о заселении Севера и его края людьми, достойными... ударниками, стахановцами, но не пьяницами, развратниками и самогонщиками, тем развращать последних рабочих промысла? Привлечь оставшихся после Мухина к строгой ответственности, как вредителей, покровителей... лиц во вредительстве, пособников, убить, вплоть до микроба, вредительство».

А сейчас я изложу лишь отдельные сведения, почерпнутые из протоколов собраний партийной организации центральной базы комбината с участием К. Н. Кулаженко и Е. А. Александровой. Самый ранний протокол датирован 22 июля 1937 г. На собрании присутствовали десять партийцев. Первый вопрос повестки дня: проработка газетной статьи о некоторых коварных приёмах вербовочной работы иностранных разведок. Её огласил К. Н. Кулаженко.

Из выступлений: «Мы должны извлечь уроки из этой статьи и не допустить в нашей обстановке подобных явлений, особенно на примере прихода иностранных пароходов, где рабочие соприкасаются с иностранцами. Наши неводы ставят рядом с японскими. Отделены от баз парторганизации, а также руководство. Здесь к подбору надо подойти внимательно и посылать туда работать только проверенных людей... У нас вообще непроверенный руководящий состав нашего комбината. Взять, к примеру, посылку девяти кавасаки за солью в Большерецк во время хорошего хода трески. Это является сомнительной работой...

Шпионами могут быть не только инженерно-технические работники, но шпионажем может заниматься и тот, кто прикрылся под видом рабочего на нашем предприятии...»

Замечание Е. А. Александровой: «Все моменты, имеющиеся в комбинате, не были подняты на принципиальную высоту. Мы не научили коммунистов на этих фактах бдительности. На Дальний Восток едет масса людей, недовольных советской властью и партией, и мы их плохо изучаем. Критика и самокритика не развёрнуты на комбинате, особенно по отношению к руководителям комбината...»

11 августа 1937 г. на другом собрании прошли выборы нового состава парткома, в коем осталось лишь два человека. Прозвучало мнение, что он не мог плодотворно действовать ввиду плохого руководства бывшего политотдела. «Со стороны врид начальника политотдела С. И. Козлова помощи, действительно, не было. Он занимался исключительно вопросами хозяйства, а не партийно-массовой работой и работой комсомола, которая, по существу, развалена, не перестроила свою работу в соответствии с решениями февральского пленума ЦК ВКП(б). В результате важнейшие вопросы внутрипартийной работы выпали из поля зрения парторганизации комбината. Поднятие политического уровня коммунистов было пущено на самотёк, кружки занимались нерегулярно, с низкой успеваемостью части коммунистов... Воспитательной работы не велось».

К. Н. Кулаженко: «...по приезду на комбинат я сразу поставил вопрос, что дальше так работать нельзя. Необходимо срочно перестроить работу, как парткома, так и парторганизации, профсоюзной, комсомольской... Товарищи до сих пор не могут понять, что партийно-массовая работа является основным рычагом успешного выполнения хозяйственных планов. Всё зло в том, что парторганизация и комсомол оторвались от масс, от ликвидации последствий вредительства. Выявление последышей врагов народа возможно только через актив и рабочие массы.

Что касается разговоров о том, что нормы выработки все завышены, это будет неправильно и не по-большевистски, ориентировать на это рабочих нельзя, так как среди части рабочих имеются “камчатские”, настроенные на погоню за длинным рублём. Не спорю, на ряде участков кадры нужно проверять, распоряжение на этот счёт уже дано.

Считаю совершенно неправильным, что коммунисты, работающие продолжительное время в рыбной промышленности, не изучают рыбное дело, не овладевают техникой производства, чтобы иметь возможность своевременно давать отпор антигосударственным теориям.

Когда я приехал, то руководство комбината... мне доказывало, что в 1937 г. рыбы будет мало, так как нечётный год. В результате

этой негосударственной теории, которую парторганизация своевременно не осудила, комбинат оказался неподготовленным».

В избранный тайным голосованием новый партком вошли коммунисты Александрова, Петров, Шабалов и Цхай. Выдвигали и кандидатуру Кулаженко, но он заявил самоотвод. Секретарём парткома стала Е. А. Александрова, член ВКП(б) с 1924 г.

Между прочим, бывший секретарь парткома обвинил Кулаженко «в протаскивании... товарища Александрову в партком для создания семейственности». Это заявление остальные коммунисты расценили как неправильное, «которое партсобрание должно осудить. Товарищ Александрова прислана сюда работать, а не сидеть, имеет опыт партработы, и мы должны только приветствовать, что такой товарищ будет стоять у руководства нашей парторганизацией, что даёт возможность улучшить нашу работу».

Обсуждены и две статьи, напечатанные в районной газете «Ударник». Одну из них под заголовком «Мельзоб не оправдывает звание коммуниста» (это и есть бывший секретарь парткома) решено «в основном считать правильной, за исключением двух последних абзацев в отношении контрреволюционной агитации Мельзоба, что требуется дополнительно расследовать... передать дело в следственные органы для расследования. В случае подтверждения указанных фактов поставить вопрос о партийности тов. Мельзоба».

По второй статье решили просить Большерецкий райком партии о привлечении к ответственности редактора, поместившего её, не проверив фактов. «Статья не соответствует действительности. В статье говорится, что Шумков — ставленник бывших руководителей АКО. В действительности же Шумков был гоним прежним руководством АКО, был снят с Митогинского комбината (трудился его директором. — С. Г.) Тороповым и Орлинским и направлен в Озерную “для исправления” с сопроводительной бывшего начальника политсектора Орлинского, где в течение двух месяцев находился без работы и без жилья. Руководство комбината, директор Граждан и начПО Ретинский, издевались над Шумковым, угрожая ему, что ты “послан сюда на исправление, а поэтому не имеешь права протестовать против созданного тебе положения”.

Работать на ферму Шумков был направлен против его желания... В течение двух лет работы тов. Шумкова на ферме парторганизация комбината ни разу его не заслушала о работе, а также как со стороны парткома, так и политотдела не было оказано никакой помощи, несмотря на то, что Шумков неоднократно ста-

вил вопрос о неблагополучном состоянии на ферме, что подтверждают члены партии.

В статье указано на большой процент падежа скота на ферме. Это действительно так. Падёж поросят с 1 июля по 1 августа 1937 г. выражается в сто двадцать одну штуку, благодаря совершенно не приспособленным помещениям для свиней. В статье совершенно неверно указано, что на ферме орудовала шайка вредителей, возглавляемая Шумковым. Вредительство имеет место, но только не стороны Шумкова, а возглавлялась она Гражданином, бывшим директором комбината, в данное время арестованным, бухгалтером Пыхаловым, бывшим офицером семёновского карательного отряда, Васильевым, бывшим начальником планового отдела (в данное время арестованный), которые проводили свою разрушительную работу на ферме...

Тов. Шумков неоднократно ставил вопрос об очищении сельхозфермы от этих классово-чуждых элементов, но стороны парторганизации никаких мер не принималось. Тов. Шумков виноват в том, что он, как член партии, не довёл дело по выявлению вредителей до конца, не поставил этот вопрос перед вышестоящими организациями, дав возможность враждебным элементам продолжать разрушительную работу...

Партийная организация Озерновского комбината считает, что районная газета допустила большую ошибку, поместив статью, не проверив предварительно правильность фактов, указанных автором данной статьи. Парторганизация просит райком партии о немедленном направлении следственных органов для проведения тщательного следствия и привлечения действительных виновников к суровой ответственности. Одновременно парторганизация считает необходимым поставить вопрос перед органами НКВД об изъятии с комбината явно классово-чуждых и враждебных элементов.

Для оздоровления состояния сельхозфермы партийному и хозяйственному руководству комбината провести тщательный отбор лучших рабочих для закрепления штата фермы. Одновременно послать для укрепления комсомольской первичной организации сельхозфермы двух-трёх крепких комсомольцев».

Вот так, это лишь единственный и маленький эпизод, касающийся деятельности только одного подразделения комбината. А сколько их было! Позже заведующего фермой Шумкова всё-таки арестовали, но, разобравшись, освободили, и он продолжил работу на комбинате.

31 августа 1937 г. был арестован и новый директор комбината Л. С. Иванов (он тоже уцелел, был освобождён из-под стражи 5 сентября 1939 г.). В вину ему, в частности, ставился перевод трёх тысяч ящиков консервов из высшего в первый сорт «с целью, чтобы поехать самому во Владивосток сдавать эту продукцию, как и было в 1936 г. Но это его преступное действие было своевременно разоблачено».

9 сентября 1937 г. очередное партсобрание среди прочего обсуждало состояние пропаганды и политической агитации. Заключительные слова произнёс К. Н. Кулаженко, отметивший, что партучёба только начинает перестраиваться по-настоящему. «Литературой мы должны обеспечить все базы, беру это на себя. Что смогу достать из Хайково, с комбината Микояна, достанем. Поставлю вопрос перед тов. Притыко о заброске нам недостающей литературы. Составление конспектов по изучению тем для каждого коммуниста и комсомольца обязательно. Будем проверять, учить, как составлять конспекты».

Недавно один из пропагандистов, беседуя с рабочими о диктатуре пролетариата, дал «вредное, то есть правооппортунистическое определение». Он заявил, что новая Сталинская Конституция ослабляет её. «Как-то на занятиях комсомольской школы в соседнем с комбинатом колхозе говорил, что в капиталистических государствах при введении новой техники безработица уменьшается, а не увеличивается. А на митинге в колхозе 7 ноября сказал, что мы почти что построили социализм, когда ясно сказано товарищем Сталиным, что мы построили социалистическое общество».

Вопрос об этих заявлениях, шедших вразрез с «линией партии», решено вынести на отдельное собрание, где разобраться, ошибка это или сознательное поведение. (Кстати сказать, на районном партсобрании этот же пропагандист заявил, что «парторганизация комбината контрреволюционная — в парторганизации свито контрреволюционное гнездо». Это вызвало законное возмущение коммунистов, и в итоге тот был из партии исключён.)

Пока же собрание постановило: переориентацию кружков по изучению истории партии на схему отдела пропаганды ЦК ВКП(б) и в соответствии с указаниям товарища Сталина считать совершенно правильной, назначить пять «твёрдых» дней занятий в месяц. Обратиться в райком партии с просьбой утвердить пропагандистом кружка по изучению истории партии К. Н. Кулаженко, а пропагандистом кружков политграмоты для сочувствующих — Е. А. Александрову.

За короткое время работы начПО Константин Никитич несколько раз подвергся необоснованным нападкам, например, был обвинён в поддержке недавно снятого председателя соседнего колхоза «Красный труженик». Его он знал мало. После прибытия на комбинат 19 июля уехал райцентр становиться на учёт, вернулся 22-го. Понятно, что за короткое время ознакомится с состоянием колхоза как следует не успел.

А в это время вышла «политическая ошибка»: колхоз решил вручить одной из бригад переходящее знамя, что и сделали председатель и начПО. Позже стало известно, что бригадир, которому приписали кулацкое происхождение, «над ним надругался». Потом выяснилось, что председатель совершил до этого ещё несколько «политических ошибок», о которых Кулаженко не знал, поэтому «считал возможным сначала дать ему взыскание и предложить ему исправить. Если ничего не выйдет, то тогда уже ставить вопрос об исключении».

В оправдание он заявил: «Тех материалов, о которых говорил сегодня Б., которые разоблачают С. (председателя. — С. Г.), до сегодняшнего дня я не знал. Б. мне о них не говорил, а держал в тайне. Когда было совещание, которое проводил тов. Притыко, и после выступления С., я пришёл к убеждению, что С. — законченный оппортунист, о чём говорил тов. Притыко, и вопрос с ним был предрешён. Верно, надо было этот вопрос, может, решить быстрее, я допустил промедление, но, *повторяю, товарищи, что с плеча я рубить не буду, пока не разберусь в том или в другом вопросе.* Теперь для меня совершенно ясно — С. надо исключить и поставить вопрос о его снятии с председателя колхоза».

Далее: «Говорить, о том, что Кулаженко смазывал вопросы о С. — это ложь. Напрасно ты стремишься приписать мне контрреволюционные дела, что, мол, соли не было, а Кулаженко проверял. Было бы тебе, тов. Б., известно, что мною было нажато сразу же по всем линиям насчёт соли, как я только обнаружил, что соли не хватает. И в то же время проверил, так как без проверки нельзя. Тары тоже заявляли, что нет, а ведь сумели кое-что найти. А вот теперь оказывается, что в то время, когда мы возили соль на кунгасах из Микояна и Большерецка, на 3-й базе Устимов сумел запрятать большое количество соли».

В этом начПО был поддержан большинством коммунистов. Один из них заявил: «Меня крайне удивляет то, что все неполадки, которые были раньше на комбинате и до приезда Кулаженко, их все сваливают на Кулаженко, обвиняя его во вредительстве».

В итоге собрание постановило признать, что с его стороны была допущена медлительность в разборе дела С., но заявления о том, что он и сейчас его поддерживает, считать неправильным. Отмечено, что газета «Ударник» снова напечатала заметку, не проверив изложенное в ней.

19 мая 1938 г. К. Н. Кулаженко выступал на 3-й областной партконференции, где в этот же день был избран секретарём Усть-Большерецкого райкома ВКП(б), к которому территориально относился Озерновский комбинат.

В выступлении охарактеризовал основные сложности, мешавшие производительно работать. Косвенно подтвердил значительную убыль руководителей различного уровня: «Трёх работников избрали секретарями, а три политотдела приходится запира́ть на замок. Я считаю такое решение задачи неудовлетворительным. Такое положение укрепления райкомов партии не совсем правильное. Надо думать и не надо забывать о том, что и начальников политотделов нет, а если есть только вриды, ни одного заместителя которые не имеют. Отсюда и результат всей работы на комбинатах, как и в самом районе...

У нас одно время чуть не сгорел завод... Вместо помощи стали подбирать на меня материал, и вместо практической помощи была помещена в газете заметка о Кулаженко, где меня пытались оклеветать врагом, а в то время я был председателем выборной комиссии, что повлияло на ход подготовки к выборам... (имеются в виду первые выборы в Верховный Совет СССР, проводившиеся на основе принятой в конце 1936 г. новой Конституции СССР. — С. Г.).

Я должен остановиться на вопросе укомплектованности комбината работниками. Первое то, что на комбинате нет директора, а тот, который есть, является вридом. Здесь говорили о том, что мы не занимаемся выдвижением. У нас всё руководство комбината состоит из выдвиженцев, сейчас одного выдвигаем учиться. В дальнейшем этот работник может быть хорошим директором. (Выдвиженцами в 1930-е гг. именовали сотрудников одного и того же предприятия или организации, назначенных на более высокие должности. — С. Г.)

Хочу остановиться на работе больницы. Ну, товарищи, никакой критики эта работа себе не выдерживает. Больница не имеет ни одного грамма йода, ни одного грамма перевязочных материалов, не имеет хорошего врача, а который есть, так это не врач. Ведь есть такие случаи безобразия. Вместо чесотки этот врач признаёт люйс (льюйс, люэс — старинное название сифилиса. — С. Г.).

Был случай с одним стариком. Человек уколол себе палец, получилось небольшое заражение крови, а врач делает диагноз, что у него — сибирская язва. И, что вы думаете, этот старик поседел от ужаса, зная о том, что эту болезнь лечить невозможно. И только когда я случайно зашёл, посмотрел и сказал ему, что это просто небольшое заражение, на второй день встречает меня этот же старик, и стал благодарить за то, что я “вылечил” его...

Не могу не остановиться на торговле. Купить фуражку или кепку, то это, конечно, невозможно... Также нет сапог, а присланные пятьсот пар — это только фонд торговли, а о спецодежде, видимо, забыли. Что же, пришлось распределять этот торговый фонд ловцам, иначе они не вышли бы в море.

В отношении подготовки к путине краба. Ловить надо, но нет баночек, нет угля. Треску ловить надо, нет горючего. Но факт остаётся фактом, что и невода без горючего ставить невозможно. Также и разгрузка пароходов. Пароходы разгружаются, каждый знает, только при наличии горючего. С промысловым снаряжением обстоит дело не лучше. Мы не имеем ни одного грамма стального троса для центральной лебёдки.

Должен сказать и особо резко подчеркнуть положение на сегодняшний день со школой. На комбинате имеется много детей школьного возраста, а интерната нет. Правда, мы построили хорошую баню, вот из этой-то бани пришлось занять половину под интернат. Но ведь это не выход. Сейчас у нас дети учатся в три смены, а в будущем году прилив детей гораздо больше, придётся проводить учёбу в четыре смены. Это совершенно ненормально. Надо обратить серьёзное внимание на учёбу нашего молодого пополнения».

Деятельность на посту секретаря райкома партии по октябрь 1938 г. К. Н. Кулаженко успешно сочетал с исполнением обязанностей начПО. 8 октября 1938 г. подготовил одно из последних своих сообщений в Петропавловск начальнику политсектора АКО. Погода на побережье стояла хорошая, поэтому 5 октября удалось завершить разгрузку пароходов и начать размещать на них продукцию. Не хватало бондарей, тарировка отставала. В день собирали сотню бочек, а надо было три. На пароходе «Челюскинец» отправлены на материк триста двадцать сезонников. Для расплаты с ними не хватило средств: «Народ сидит без денег. Большие невыходы на работу».

По части партийно-массовой работы: 30 сентября комсомольцы отчитывались о ходе подготовки к выборам в Верховный Совет

РСФСР, об итогах обмена документов и выполнении решения обкома по изучению публиковавшегося в газетах «Краткого курса истории ВКП(б)». Историю партии изучали так: получаемые статьи разбирали сначала в кружках, затем — на семинаре агитаторов и пропагандистов, после чего «отборные», политически подготовленные пропагандисты знакомили с материалами рабочих в цехах.

«Провели совещание комсомольского актива по вопросу роста партии. Выявляется неисчерпаемый резерв партии, хорошие производственники, полные желания и стремления исполнить мечту — стать членом великой коммунистической партии большевиков. Даже в обиде на парторга Петрова, который мало обеспокоен вопросами роста». Составили план подготовки к предстоящей двадцать первой годовщине Октябрьской революции, начали проводить беседы, политинформации.

«На 3-й базе 1 октября 1938 г. мною сделан доклад о положении в Чехословакии (о предстоящем разделе этой страны, закреплённом Мюнхенским соглашением 29 сентября 1938 г. — С. Г.). Присутствовало восемьдесят человек, задано восемь вопросов. Доклад прошёл с большим вниманием».

Деятельность К. Н. Кулаженко на посту начПО Озерновского комбината была признана успешной. Из официальной характеристики: «За период своей работы хорошо сумел поставить партийно-воспитательную работу и мобилизовать коллектив на выполнение плана рыбодобычи и обработки, в результате чего план рыбокомбинатом был выполнен: в 1937 г. на сто пятьдесят четыре процента и в 1938 г. — на сто процентов. После этого тов. Кулаженко с указанной работы был выдвинут первым секретарём Усть-Болше-рецкого райкома ВКП(б), где также значительно улучшил руководство и помощь райкома ВКП(б) первичным парторганизациям. За период его работы значительно улучшилась партийно-массовая работа в районе и повысилась авангардная роль коммунистов на предприятиях и учреждениях района».

Он приобрёл заслуженный авторитет среди коммунистов и беспартийных тружеников, говоривших, например, что «торговля и трудовая дисциплина стали налаживаться с момента приезда тов. Кулаженко. В этом много помог тов. Кулаженко... Если бы не приехал Кулаженко, план был бы не выполнен...» Ему, в частности, во многом удалось изжить незаконное распределение товаров, «записочки и блат», приводившие к спекуляции со стороны отдельных лиц, например, сапогами и мануфактурой.

В феврале 1939 г. переведён в Петропавловск и назначен на высшую партийную должность в системе АКО — начальника полисектора общества. Здесь проработал полтора года, до тех пор, пока ЦК ВКП(б) своим решением не ликвидировал политотделы в рыбной промышленности.

Архивные фонды содержат несколько частных материалов, относящихся к этому времени, в том числе письма работников Озерновского комбината. 8 марта 1940 г. Кулаженко получил послание моториста Д. Бурлуцкого: «...У меня к Вам есть просьба... Я работаю в Озерной с 1936 г. мотористом катера. За этот период времени я был премирован за хорошую и бесперебойную работу мотора в 1939 г., работая на кавасаки № 151, за период путинного времени, у меня не было ни одного простоя по какой-либо вине. За эту работу меня представили к награде наркому. За это я благодарю наших руководителей комбината в том, что они могли оценить мою работу.

Я с ещё большей энергией стал выполнять свою работу, которая принесёт пользу нашему комбинату. После этого я был назначен мотористом кавасаки № 189, который был прикреплен к пароходу “Ительмен” по обслуживанию населения западного побережья Камчатки от Озерной до Усть-Хайрюзово. С 15 сентября по 17 ноября кавасаки работал без перебоя, за что командование парохода вынесло благодарность всей нашей команде в составе четырёх человек и поставило вопрос перед начальником АКО и перед политсектором АКО о премировании всей команды. Сейчас я работаю по ремонту моторов.

Константин Никитич! Я хочу учиться, но меня не посылают. Прошу Вас, чтобы Вы поставили вопрос перед АКО о том, чтобы меня послали учиться на материк...»

Ответ Кулаженко от 21 марта 1940 г.: «Письмо Ваше, товарищ Бурлуцкий, получил. Вы просите помочь Вам в части посылки на учёбу. Желание вполне законное, учиться Вам, безусловно, необходимо. Но для того, чтобы поступить учиться в техникум или институт с зачислением на госстипендию (субсидирование учащихся за счёт хозяйственных организаций сейчас отменено), необходимо выдержать приёмные экзамены в объёме семилетнего образования, так как без сдачи приёмных испытаний ни в одно учебное заведение не примут.

Какое образование Вы имеете, я не знаю. Но если меньше семи лет, то советую Вам сейчас основательно заняться учёбой без

отрыва от производства в общеобразовательной школе взрослых или при помощи прикрепленного для этой цели к вам одного из инженеров комбината. В части оплаты преподавателя с директором комбината тов. Ассоровым договорённость есть. Обратитесь к нему, он Вам поможет.

После того, как Вы будете иметь соответствующую подготовку, отдел кадров управления треста поможет Вам в поступлении в учебное заведение. А сейчас выезжать Вам на учёбу, не имея достаточной подготовки, бесполезно. Сообщите, как будет дело у Вас идти с подготовкой».

Ровно через месяц, 8 апреля 1940 г. пришло второе письмо Бурлуцкого: «Очень Вас благодарю за ответ, но дело в том, что я имею лишь образование за пять классов. Поэтому я обратился к директору, чтобы он мне выделил одного инженера для подготовки, ввиду того, что я в школу не ходил, а ходил на техминимум второй ступени. Сейчас сдал на “хорошо”. Но учиться в данный момент, Вы сами знаете, что нет времени, потому что уже скоро начнётся путина. Вероятно, после путины мне придётся остаться, и меня подготовят за семилетнее образование, тогда я Вам напишу. За Ваше внимание ко мне я очень Вам благодарен».

10 марта 1940 г. датировано письмо озерновского бондаря Г. Ф. Елфутина. Он рассказал Константину Никитичу о текущих комбинатских делах, сложностях с организацией бондарного производства и ненормальных отношениях с одним из заведующих базой. Заметил, что тот, «пожалуй, со своим командованием к путине сорокового года, наверное, не думает оставить людей. А бондарей осталось на путину — три ученика, ввиду командования С... Он не хочет разговаривать с рабочими вообще... Придёт в мастерскую, как говорят, в год раз, и то по обещанию, и то не как руководитель, а как раньше жандарм, чуть да не с палкой. Однажды заставляет нас делать чаны повременно, а мы просим настойчиво сдельно, просто не начинаем работать. Он давай сначала над нами насмехаться, в особенности надо мной, якобы я не умею бочки делать...»

Далее сообщил: «...Константин Никитич! Дело моё прикрыли без последствия, документы отдали. Благодарю за передачу моего заявления областному прокурору, которое я Вам посылал письмом. За это благодарю и Вас, и Екатерину Александровну, передаю стахановский привет. Больше, пожалуй, не увидимся. Спасибо за Ваше руководство в нашем комбинате в 1937 и 1938 году...»

Судя по всему, речь в конце этого послания шла о заступничестве, возможно, что и от политических обвинений. Да и благодар-

ность простого трудяги высокому начальнику за его руководство в сложные годы наибольшего размаха репрессий тоже говорит о многом.

27 января 1940 г. Кулаженко обратился к новому озерновскому начПО с сообщением, что арестованный в 1938 г. работник предприятия Скиндеев освобождён, просил сообщить, живёт ли сейчас на комбинате его жена Прасковья Михайловна, дабы передать ей эту новость. А 28 апреля 1940 г. телеграфировал освобождённому из-под стражи Шумкову о прекращении дела в его отношении, снятии подписки о невыезде и сообщил: «о своей партийности ставьте вопрос в райкоме партии». То есть о восстановлении членства в партии, а значит, по понятиям тех времён, и о полном восстановлении в гражданских правах. Слово «реабилитация» тогда почти не употреблялось.

С октября 1940 г. по июнь 1941 Константин Никитич — заместитель начальника АКО и управляющий Владивостокской конторой общества. С июня 1941 г. по февраль 1944 г. — один из руководителей Камчатской области — секретарь обкома ВКП(б) по рыбной промышленности — важнейшей отрасли хозяйства. Камчатка в военные годы стала настоящим рыбным цехом СССР. Рыбопродукцией снабжали фронт и тыл воюющей страны. В качестве примера этому можно привести письмо бойцов Красной Армии, пришедшее в ноябре на Озерновский комбинат: «Дорогие земляки! Ваш труд крайне нужен фронту. Очень часто прямо в окопах получаем мы рыбные консервы, выработанные вами на Камчатке. Нам, бывшим работникам предприятий Камчатки, это особенно приятно. От всей души благодарим вас, дорогие земляки, за вкусный питательный продукт. Призываем вас приложить все свои силы для дальнейшей помощи фронту. Общими усилиями — вы трудом, а мы штыком — ускорим окончательную победу над заклятым врагом — фашизмом. С приветом, фронтовики-гвардейцы *П. Вагнер, П. Тихомиров, А. Комендантов, И. Ковалёв*».

В военные годы супруга Кулаженко — Е. А. Александрова — трудилась секретарём Петропавловского горкома ВКП(б) по кадрам.

К этому времени относится эпизод, описанный в начале 1980-х гг. жителем Петропавловска К. Г. Просвиркиным. Он, призванный в армию, в 101-ю стрелковую дивизию, размещённую на полуострове, в 1943 г. был демобилизован по специальному решению Государственного Комитета Обороны и направлен на строительство Петропавловского морского торгового порта. Порт ударными темпами

возводился для приёма оборонных грузов из США и Канады, шедших как союзническая помощь.

«Приступил я к работе в должности помощника начальника отдела кадров в возрасте двадцати шести лет, а через месяц государственная штатная комиссия утвердила вместо начальника отдела кадров должность помощника начальника порта по кадрам. Из одеяния у меня была довольно поношенная гимнастёрка и такие же солдатские хлопчатобумажные брюки, пара нательного белья да ещё сумел достать белую рубашку, воротник обшит тесьмой, вот и всё... Приходишь на работу, кадровые работники смотрят на тебя с недоумением...

(Здесь надо уточнить, что приобрести бельё и одежду тогда было очень непросто, даже при наличии денег. — С. Г.)

Не вытерпел я, пошёл в горком ВКП(б) к секретарю Екатерине Андреевне Александровой, жене К. Н. Кулаженко, и стал отказываться от кадровой работы... Заявил, что ко мне люди идут на приём с презрением. Я ведь в грязном одеянии, у меня даже нет сменного белья. Выслушала она меня, убедила, что руководство порта моей работой очень довольны, а что касается белья, придите ко мне завтра, и придите обязательно.

Прихожу на следующий день, она передаёт мне свёрток и говорит: “Это бельё”. Я старался ей вручить деньги, она категорически отказалась их взять. Пошёл я в казарму, надел кальсоны, они настолько велики, что дважды ими опоясался, а штанины служили ещё и вместо портянок, велики были и нательные рубашки. По-видимому, это бельё принадлежало К. Н. Кулаженко. Вы... рост Константина Никитича, наверное, знаете, знаете и его комплекцию, а мой рост — сто шестьдесят два сантиметра. Пришлось идти и работать, а потом и все кадровые работники убедились, что молодёжь работать умеет...»

В феврале 1944 г. К. Н. Кулаженко назначен начальником АКО. Из характеристики, подписанной секретарём Камчатского обкома ВКП(б) по кадрам В. М. Мальцевым 8 марта 1944 г.: «В феврале 1939 г. тов. Кулаженко был выдвинут начальником политотдела треста АКО. В результате правильного сочетания партийно-массовой работы политотделами все рыбокомбинаты и трест АКО план выполнили на 105 %, за что тов. Кулаженко и ряд работников политотделов были награждены наркомом знаком “Отличник рыбной промышленности”... Личные качества тов. Кулаженко: хорошо политически грамотный, дисциплиниро-

ванный, в партийной организации области пользуется авторитетом, член президиума и бюро обкома ВКП(б)».

За время, остававшееся до окончания 3 сентября 1945 г. Второй мировой войны, под его руководством в производство было внедрено несколько важных новшеств, в том числе первые в отечественной практике рыбонасосы, разработанные талантливым инженером Н. Ф. Чернигиным, применены новые технологии обработки улова. Состоялась и первая в истории Камчатки техническая конференция работников рыбной промышленности.

К весьма уважаемому в отрасли знаку «Отличник рыбной промышленности СССР», полученному в 1940 г., прибавились орден «Знак Почёта» (октябрь 1943 г.) и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (6 июня 1945 г.). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 г. с формулировкой «за участие в боевых действиях против японских милитаристов» награждён медалью «За победу над Японией». Удостоверение о награждении за подписью члена военного совета Камчатской военной флотилии капитана 1-го ранга Петрова датировано 2 сентября 1946 г.

Комбинаты западного побережья Камчатки, ближайшие к мысу Лопатка, обеспечивали доставку на Курильские острова бойцов-десантников, снаряжения и снабжения. Работники рыбного порта, моряки и суда АКОФлота и Морлова приняли в боевых действиях и поддержке десанта самое непосредственное участие. Всю эту большую работу организовывали и согласовывали военное командование, обком ВКП(б) и руководство АКО.

Один из архивных документов сообщает, что эти заслуженные награды пропали, точнее погибли, в числе прочих личных вещей во время крушения поезда, случившегося 8 января 1947 г. у станции Боготол Сибирской железной дороги. А стало это нам известно из ходатайства Камчатского облисполкома перед Президиумом Верховного Совета СССР о выдаче взамен них новых знаков, «как исключение», датированного 26 декабря 1948 г., то есть почти через два года после катастрофы.

После окончания войны надобность в таком многоотраслевом объединении, как Акционерное Камчатское общество, отпала. Поэтому 15 октября общество было преобразовано в Камчатский государственный рыбопромышленный трест. Его управляющим утверждён К. Н. Кулаженко. В 1946 г. Камчатгосрыбтрест стал Главкамчатрыбпром (ГКРП). К. Н. Кулаженко оставался его

руководителем до марта 1949 г., когда был переведён на должность заместителя начальника.

Одновременно с политической и производственной деятельностью он принимал участие в работе двух первых созывов Камчатского областного Совета депутатов трудящихся (КОСДТ). Выборы его состава первого созыва состоялись 24 декабря 1939 г. К. Н. Кулаженко баллотировался по 28-му избирательному округу, включавшему уже ставший почти родным Озерновский комбинат. В соседнем, 29-м округе, избрана известная на полуострове работница комбината Е. А. Кабунова — бригадир рыбообработчиц. Первая сессия КОСДТ открылась 10 января 1940 г. в здании областного драматического театра. На ней образованы постоянные комиссии Совета. Константин Никитич возглавил одну из них — по местной промышленности. На седьмой сессии 18 февраля 1944 г. он избран в состав облисполкома.

Председательствовал на восьмой сессии, открывшейся 9 октября 1944 г., рассмотревшей важнейшие вопросы: о подготовке к зиме предприятий и учреждений области, о состоянии и задачах здравоохранения. На девятой, 7 июля 1945 г., начальнику АКО К. Н. Кулаженко предписано открыть на предприятиях рыбной промышленности новые детские сады на девятьсот шестьдесят восемь мест. Одиннадцатая сессия протекала 30 и 31 марта 1946 г. под председательством К. Н. Кулаженко, снова при секретаре Е. А. Кабуновой. Рассматривалось состояние культурно-просветительной работы и меры по улучшению бытового положения трудящихся области.

Выборы второго состава КОСДТ состоялись 21 декабря 1947 г. в, как тогда говорили, «обстановке исключительного трудового и общественно-политического подъёма». В числе депутатов — К. Н. Кулаженко, начальник главного управления Камчатской рыбной промышленности. Так тогда официально называлась его должность. Он снова вошёл в состав облисполкома. Одна из первых поставленных здесь ему задач: до 1 июня 1948 г. разобраться с ходом капитального строительства школ, входивших в системы ГКРП и Министерства просвещения СССР, изучить возможность изготовления на Ключевском лесокомбинате мебели, инвентаря и оборудования для Петропавловского морского рыбопромышленного техникума.

17—18 декабря 1948 г. председательствовал на четвёртой сессии, обсуждавшей меры по организационно-хозяйственному укреплению рыболовецких колхозов и состояние здравоохранения.

Надо отметить, что преобразование АКО в рыбопромышленный трест, которым, по сути, стал ГКРП, весьма отрицательно сказалось на итогах его деятельности. Если улов 1947 г. впервые в истории превысил два миллиона центнеров и работа оказалась прибыльной, то в последующие два года планы выполнены не были, имелись значительные убытки.

Возможно поэтому постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1949 г. № 3677 «О финансово-хозяйственной деятельности за 1948 г. и о ликвидации просроченной задолженности Госбанку и поставщикам Министерства рыбной промышленности СССР» за подписью самого предсовмина И. В. Сталина «...за допущенные на предприятиях потери по бесхозяйственности и непроизводительные расходы» К. Н. Кулаженко снят «с работы заместителя начальника Главного управления Камчатской рыбной промышленности».

На деле от должности освобождён 1 октября 1949 г. в связи с отзывом в распоряжение Министерства рыбной промышленности СССР. Выходит, что на нашем полуострове он проработал немногим более двенадцати лет. Для тридцатых-сороковых годов, отличавшихся очень высокой подвижностью населения и кадров, это весьма существенный срок. За это время он стал здесь одним из крупных руководителей, организатором основной камчатской хозяйственной отрасли — рыбной промышленности.

Снятие с должности не стало роковым, накопленный огромный опыт и знания пригодились и дальше. Вскоре Константин Никитич был назначен управляющим Новосибирским госрыбтрестом Главсибирьрыбпрома. Масштаб, конечно, с камчатским не сравнить, но здешнее хозяйство тоже оказалось весьма разветвлённым. Распоряжением по Министерству рыбной промышленности СССР от 16 января 1950 г. Кулаженко установлен персональный месячный оклад в размере тысяча девятьсот пятьдесят рублей. Распоряжение подписал министр А. А. Ишков.

В 1950—1951 гг. Константин Никитич учился и окончил самые первые годичные курсы руководящих работников рыбной промышленности, открытые при Астраханском рыбвтузе. Здесь занимался у таких известных специалистов, как профессора А. В. Кипариди, В. Н. Мирский, Б. М. Близер, других. В Астрахани встретился и с людьми, известными ему по работе на Камчатке, — В. А. Лычагиным (с которым впервые познакомился ещё в июле 1937 г., только начав трудиться в Озерновском комбинате), Б. А. Изгородиным, М. К. Старицыным, другими.

Выпускники-рабфаковцы, 1932 г. Крайний справа в первом ряду —
Константин Никитич Кулаженко (из собрания К. В. Ковалёва)

К. Н. Кулаженко,
начало 1940-х гг.

Начальник АКО в рабочем
кабинете, 1940-е гг.

К. Н. Кулаженко (второй слева во втором ряду) после награждения орденом «Знак Почёта». Москва, 1943 г. Второй слева в верхнем ряду — К. И. Панин (из собрания К. В. Ковалёва)

К. Н. Кулаженко (в первом ряду в центре) с сотрудниками управления АКО, 1944 г. (из фондов ККОМ)

К. Н. Кулаженко (в первом ряду в центре) с сотрудниками
управления АКО, 1945 г. (из фондов ККОМ)

К. Н. Кулаженко в начале 1970-х гг.
(из собрания К. В. Ковалёва)

от 26 декабря 1947 года.

" О заявлении КУЛАЖЕНКО Константина Никитича".

Докладчик: тов. ДЕДКОВ

Во время крушения поезда 6/1-1947 года у станции Борготолъ у тов. КУЛАЖЕНКО Константина Никитича, в числе личных вещей погибли орден " Знак Почета" и медали " За Доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.", "За победу над Японией".
тов. КУЛАЖЕНКО просит Исполнительный Комитет Камчатского Областного Совета депутатов трудящихся возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о выдаче ему утраченных-нового знака ордена " Знак Почета" и медалей.

Исполнительный комитет Камчатского Областного Совета депутатов трудящихся Р Е Ш И Л :

1. Возбудить как исключение ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о выдаче взамен утраченных во время крушения поезда нового знака ордена "Знак Почета" и медалей "За победу над Японией" и "За Доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г." тов. КУЛАЖЕНКО Константину Никитичу.

Решение Камчатского областного исполнительного комитета
в отношении К. Н. Кулаженко от 26 декабря 1947 г.
(из фондов ГАКК)

Удостоверение о награждении К. Н. Кулаженко ленинской юбилейной медалью, 1970 г. (из собрания К. В. Ковалёва)

В тех биографических материалах о К. Н. Кулаженко, которые сейчас нам доступны, с начала 1950-х по середину 1960-х гг. имеется пробел. Не всё понятно и в том, как шла его личная жизнь. Насколько нам известно, детей у них с Е. А. Александровой не было. Сведения о ней крайне скудны, пока не найдено в архивах даже её номенклатурное личное дело. Это для партийного работника, секретаря горкома, весьма странно. Разводиться в среде партийцев столь высокого уровня, коими были оба, в те времена не было принято. Значит, случилось что-то серьёзное, возможно, непоправимое...

Единственное, что можно в связи с этим предположить, это то, что та самая железнодорожная катастрофа 8 января 1947 г. у станции Боготол могла закончиться для их семьи трагически... Но и этому мы пока не имеем никаких подтверждений. Так, главная газета области «Камчатская правда», орган обкома и горкома ВКП(б), в 1947 и 1948 гг. некрологов почему-то не печатала...

Из сведений, предоставленных нам К. В. Ковалёвым, приведённых выше, следует, что на это время и пришлась работа его деда в прибалтийской рыбной промышленности, пребывание в Республике Куба, второй брак с Галиной Фёдоровной Фроловой, рождение дочери Татьяны. Это подтверждают и слова самого Константина Никитича в его письме от 21 февраля 1968 г.: «За эти девятнадцать лет, как уехал с Камчатки, я работал в Сибири, учился и работал в Астрахани, работал в республиках Прибалтики — Литве, Эстонии, работал по оказанию помощи в организации рыбной промышленности в Республике Куба и сейчас работаю в Латвийской республике».

Во время пребывания на Кубе, в Гаване, он консультировал местных специалистов по своей прямой специальности. Ещё в феврале 1960 г. было подписано советско-кубинское торговое соглашение, Кубе предоставлен советский кредит в сто миллионов долларов. СССР стал поставлять республике нефть, промышленное оборудование и машины, продовольствие и сырьё, закупать местный сахар и другие товары, а также оказывать экономическое и техническое содействие в развитии народного хозяйства. Всё это шло в условиях экономической блокады со стороны США. При участии советских специалистов к концу 1960-х гг. на «Острове свободы» было построено и реконструировано более сотни предприятий. Вот в этой большой работе в качестве советника поучаствовал и Константин Никитич, помогая, в частности, организовывать Гаванский рыбный порт.

11 апреля 1966 г. советник по экономическим вопросам посольства СССР на Кубе Н. Кудин сообщил ему приятную новость: «Направляем Вам копию письма директора Национального института рыболовства тов. Альваро Лавастила Росадо, в котором руководство института выражает Вам благодарность за плодотворную помощь, оказанную Вами рыбной промышленности в период пребывания в Республике Куба. Поздравляю Вас с высокой оценкой Вашей работы кубинской стороной и выражаю от себя лично глубокую благодарность за проделанную Вами работу».

21 апреля 1966 г. датировано письмо из Гаваны, адресованное министру рыбного хозяйства СССР А. А. Ишкову: «Нам сообщили, что уважаемый товарищ Кулаженко К. Н., который с блеском представлял Государственный комитет по рыбному хозяйству СССР, назначен на должность в Главном управлении рыбной промышленности Западного бассейна в г. Риге. Почти в течение года мы имели честь и удовольствие решать совместно с тов. Кулаженко все вопросы, связанные с развитием нашего рыболовства, и хотим передать Вам благодарность за ту действенную помощь, которую оказал нам тов. Кулаженко за время пребывания в нашей стране».

Это оценки высоких официальных лиц. А вот отзывы специалистов, которых он возглавлял и с которыми тесно сотрудничал. Они почерпнуты из частных писем, написанных уже после его отъезда из Гаваны, в которых, в числе прочего, сообщались некоторые технические и организационные подробности работы порта и приписанных к нему рыбаков.

В. Соколов, 11 июня 1966 г.: «В целом дела идут неплохо: “Бурю” — тысяча сто тонн — загрузили менее чем за трое суток, у них такого ещё не было...» Он же: «Константин Никитич! Спасибо Вам за Ваше отношение ко мне. Я его оправдаю и отвечу удвоенной взаимностью...»

А. Голосеев, 7 декабря 1966 г.: «Порт работает всё лучше и лучше. Наших специалистов по контракту в порту начинают постепенно сокращать, а рыбаков по контракту всё прибавляется и прибавляется, к концу года будет около трёхсот человек. Наш флот работает хорошо. В Мексиканском заливе обстановка хорошая, а на Патагонском шельфе — отличная... Все Ваши знакомые, как советские, так и кубинцы, передают Вам большой привет, желают быстрого выздоровления».

Отрывок из послания из Гаваны от С. Н. Григорьева от 19 марта 1967 г.: «...Трудно стало работать. Часто вспоминаю Вас, Ваш опыт, нужный совет, скромность, уважение к людям, нетерпимость

к чванству, чувство локтя, всё то хорошее, что могли накопить люди старой партийной закалки. Вы меня понимаете... Уже работает у них двадцать шесть тунцеловов, четыре тресколова, два морозильных траулера. Наших рыбаков у них по контракту уже за двести».

Его же письмо от 30 января 1968 г.: «Вы просите сообщить Вам, как здесь идёт работа и жизнь. Порт работает хорошо, трудности с судоремонтом, но даём рекомендации по улучшению дел, иногда прислушиваются...»

Из этого письма следует, что во взаимоотношениях между советскими специалистами и кубинскими властями в это время возникли какие-то осложнения, возможно, вызванные началом в 1968 г. так называемого «революционного наступления», когда на Кубе менялись сложившиеся формы хозяйствования, полностью устранялась ещё сохранявшаяся частная собственность. При этом кубинские руководители упрекали советских вождей за недостаточную, по их мнению, стойкость в отстаивании революционных принципов на мировой арене.

Письмо далее: «Рыбомучной [завод] — в феврале будем пробовать первую установку, вторая — ещё идут поставки, монтаж не начат, идут поставки по нефтебазе».

Из сообщения сотрудника Академии наук Украинской ССР: «Хотя я уже пять месяцев в Союзе, но всё ещё продолжаю заниматься кубинскими делами. Только что отправил в Москву рукопись справочника для рыбаков “Мексиканский залив” (коллективная работа нашей группы), в котором будут даны необходимые сведения по сырьевой базе, технике лова и обработке рыбы применительно к тропическим условиям. В декабре будем сдавать в печать второй выпуск трудов “Советско-кубинские рыбохозяйственные исследования” (надеюсь, что первый выпуск Вы получили с автографами всех авторов). И, таким образом, все обязательства нашей группы перед советской и кубинской сторонами будут выполнены...»

Думаю, используя свой кубинский опыт, обобщить все доступные материалы по сырьевой базе рыболовства в тропической зоне океана... Для проведения этой работы мне был бы очень нужен Ваш совет и, если возможно, то и помощь...»

Причиной отъезда К. Н. Кулаженко с Кубы стал сердечный недуг, потребовавший серьёзного госпитального лечения. Один из его коллег с горечью заметил: «Всё время чувствуем, что Вас нет.

С. — это не Кулаженко. Да он как-то не прижился к нам ко всем, как Вы...» По семейному преданию, его водитель, узнавший, что Константин Никитич больше в Гавану не вернётся, уволился, не пожелав трудиться при новом начальстве.

А он тоже не забывал своих бывших сотрудников. Уже работая в Риге в «Запрыбе», отправлял с оказией им на шедших к острову судах посылки с советскими деликатесами, разнообразившими непривычный для многих тамошний продуктовый ассортимент.

3 августа 1966 г. в связи с шестидесятилетием со дня рождения К. Н. Кулаженко награждён почётной грамотой Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «за долголетнюю и плодотворную работу в рыбной промышленности» на двух языках. Поздравлений по случаю юбилея пришло много, во всех — оценка вклада, внесённого в её развитие за тридцать с лишком последних лет.

«...Являясь ветераном рыбной промышленности, Вы вложили много труда и энергии в развитие этой отрасли промышленности на Дальнем Востоке, на западных рубежах нашей родины, где в послевоенные годы рыбная промышленность создавалась заново. Вами оказана большая помощь Республике Куба по развитию национальной рыбной промышленности. При Вашем непосредственном участии рыбная промышленность Западного бассейна пополнилась современными первоклассными судами, построены новые береговые предприятия, выращены опытные кадры моряков, рыбообработчиков, судоремонтников, работников морских рыбных портов...» — писал руководитель Калининградского производственного объединения рыбной промышленности Н. Носов.

В это время К. Н. Кулаженко трудился заместителем начальника Главного управления рыбной промышленности Западного бассейна «Запрыба».

Не забыли его и на Камчатке. 13 февраля 1968 г. в Ригу, на улицу Вилиса Лациса, дом № 2, квартира 30 отправлено приглашение: «Уважаемый Константин Никитич! 28 февраля с. г. исполняется пятьдесят лет со дня выхода первого номера “Камчатской правды” — одной из старейших газет Дальнего Востока. Мы приглашаем Вас на юбилей газеты и будем очень рады, если Вы примете наше приглашение. Ждём также Ваши замечания, пожелания». Его подписал редактор В. П. Дмитриев.

Спустя неделю, 21 февраля, последовал ответ: «Большой благодарностью отвечаю Вам за приглашение принять участие в праздновании полувекового юбилея газеты. Я бы с большим удовольствием

принял участие в этом торжестве, но обстоятельства складываются так, что я не могу выехать к вам и принять участие в этом празднике.

Газета “Камчатская правда” родилась пятьдесят лет тому назад, через год после Октябрьской революции. За эти полстолетия она прошла путь от Камчатки кочевников, культурно отсталой области нашей страны, до Камчатки индустриальной, Камчатки, на которой сейчас успешно развивается ряд важнейших отраслей промышленности и сельское хозяйство, Камчатки сплошной грамотности, области с большими перспективами будущего.

Несмотря на то, что вот уже скоро будет девятнадцать лет, как я уехал с Камчатки, я всё время остаюсь с камчадалами. И куда бы меня не забрасывали жизнь и работа, будь это в Советском Союзе или за границей нашей родины, я всегда помню Камчатку и всегда с удовольствием вспоминаю прожитые на ней годы.

Камчатка — это школа мужества, это жизненный университет. Камчатка меня многому научила, она научила решать вопросы самостоятельно, не оглядываясь назад и не ожидая, что кто-либо решит их за тебя. Она меня научила работать.

В моей жизни получилось счастливое для меня сочетание. Школа ленинградской партийной организации, старейшей из старейших коммунистических организаций нашей страны, школа честности, справедливости и партийной принципиальности в решении жизненных вопросов. Школа Камчатки, камчатской партийной организации, с теми же принципами, меня научила принимать решения самостоятельно в любых условиях и при любых обстоятельствах, не ждать когда-либо кто-то решит за тебя, находить решение по всем вопросам, которые встречаются в жизни. За это я благодарен камчатской партийной организации и её органу — газете “Камчатская правда”...

Я всё время следил и слежу за жизнью и деятельностью камчадалов, я радуюсь вашим успехам и достижениям и переживаю ваши неуспехи... В день пятидесятилетия газеты мне хотелось бы выразить большую благодарность всем и всему коллективу вашей газеты за то, что вы меня не забыли. Прошу вас через газету передать моё самое наилучшее пожелание всем камчадалами и пожелать успехов в освоении ещё не освоенных недр камчатских.

Мне бы хотелось выразить свою мечту и дожить бы до этих дней, когда они исполнятся, когда из Петропавловска можно будет приехать в Москву по железной дороге поездами. Мне хотелось бы пожелать успешного развития на Камчатке курортов,

чтобы на Камчатку, так же как в Ессентуки, Железноводск, Пятигорск и на другие курорты страны, ехали бы люди нашей великой страны отдыхать и лечится, чтобы Камчатка стала здравницей нашей родины...»

С полуострова, из Петропавловска, 18 февраля 1968 г. ему писал давний, ещё с довоенных времён, знакомый Яков Никонович Лукьянов, по свидетельству родных, «дядя Яша, лучший друг души». Во время войны он был начальником военного отдела АКО, после её окончания — заместителем Константина Никитича по кадрам. Думаю, что современным обитателям Петропавловска будет интересно познакомиться с данным им описанием нашего города более чем полувековой давности: «...Снега выпало до трёх метров, пурги частые, после пурги солнечные дни с температурой до плюс одного-двух градусов. Старые камчадалы говорят, что в этом году особенно много снега.

Город расстроился, протяжённость его стала до двадцати километров. Техники по очистке дорог много, поэтому транспорт всегда работает, самолёты ежедневно летают. Прямые рейсы на Москву, Симферополь, Хабаровск, Владивосток. Аэровокзал прекрасный.

В городе большой драмтеатр, широкоформатный кинотеатр, дворец культуры моряков (рыбников), около пяти-семи других разных кинотеатров. В общем, ничего похожего нет в сравнении с сороковыми годами, то есть каким знал город Константин Никитич. Вот, сегодня 18 февраля, а газеты центральные мы читаем за 17-е, то есть не как раньше было с опозданием до месяца.

Работаю я заместителем начальника Управления транспортно-го и рефрижераторного флота “Камчатрыбфлот”. Это управление недавно организовалось, очень бедное, базы почти нет, судов у нас сорок пять, но они крепко изношенные, часть сейчас — мелкие рефрижераторы стоят на ремонте. Управление убыточно, вот это самое главное. Большой конкурент у нас — Камчатское пароходство. Сейчас, как я выяснил, будем принимать от Запрыбы несколько судов, бывшие сухогрузные плавбазы. Короче говоря, пока я своей работой морально не удовлетворён. Ну, ничего, придётся много поработать, чтобы привести эту организацию в нормальное состояние. Сейчас намечаем ряд мероприятий.

...Живу я пока на судне, которое вывели из эксплуатации. Будем организовывать на нём плавмастерскую. В марте обещают мне жильё дать в новом доме... До оформления пенсии мне работать один год и девять месяцев. Этот срок не такой уж большой, но,

учитывая возраст и здоровье, это, очевидно, покажется долго, тем более есть твёрдое намерение перебраться в Ригу...»

30 сентября 1972 г., отметив шестьдесят шестую годовщину, Константин Никитич вышел на пенсию с объявлением благодарности по Запрыбе, награждением почётной грамотой и ценным подарком. Приказом по Минрыбхозу СССР отмечен по этому случаю денежной премией. Немногом ранее, 29 мая 1972 г., на пенсию вышла и супруга, Галина Фёдоровна, трудившаяся заместителем начальника Западной инспекции по качеству рыбной продукции. Приказом министра А. А. Ишкова от 29 мая 1972 г. ей объявлена благодарность.

К. Н. Кулаженко скончался 13 сентября 1974 г. в возрасте шестидесяти восьми лет от сердечной недостаточности. Похоронен в Риге, рядом покоится его жена.

Михаил Стукалин — военмор, гидрограф, лоцман

В самое ближайшее время в нашем городе появится ещё одна памятная доска. Она будет закреплена на стене старого, хорошо известного многим, построенного в 1958 г. дома № 56 на улице Ключевской. Место расположения и надпись сейчас согласовываются в соответствующих инстанциях. Скорее всего, доска будет размещена на стене, выходящей на лестничный спуск с улицы к автобусной остановке на КП, месте бойком, что называется «проходном».

Предложенный автором этой книги вариант текста таков: «В этом доме в 1958—1961 гг. жил капитан 2-го ранга Михаил Васильевич Стукалин (1901—1961). В годы Второй мировой войны он возглавлял лоцманскую службу Петропавловской военноморской базы Тихоокеанского флота. Военные лоцманы под его руководством выполнили без потерь свыше пяти тысяч проводок судов и кораблей всех типов через минные поля, выставленные на подходе к Петропавловску для его защиты».

Эта надпись повторяет, уточняет и дополняет текст ещё одной таблички, которая вот уже второй десяток лет закреплена на ограде могилы М. В. Стукалина, когда-то потерянной, затем найденной, а теперь бережно сохраняемой на старом Халактырском кладбище. На ней указано: «Военный гидрограф Стукалин Михаил Васильевич (1901—1961). В годы войны возглавлял военно-лоцманскую службу Петропавловской военноморской базы. Военные

лоцманы под его руководством провели через минные поля без единого ЧП порядка пяти тысяч судов всех типов».

Автором этих слов, а также инициатором восстановления утраченного было захоронения является недавно ушедший от нас старейший камчатский краевед Алла Хаимовна Паперно. Она же позаботилась и об установке указателя, позволяющего любому желающему добраться от уже основательно «застроенной» центральной аллеи кладбища к месту упокоения главного военного лоцмана Камчатки военных лет.

Я хочу рассказать и о нём самом, и о людях, причастных к сохранению памяти об этом замечательном человеке, а значит, — и памяти о той большой работе, которая выполнялась в нашем Петропавловске и на подходах к нему в тяжёлое военное время.

Михаил Васильевич Стукалин родился 9 ноября (по старому стилю 27 октября) 1901 г. в селе Быково Николаевского уезда Астраханской губернии (позже эти места входили в состав Сталинградской области). Родители — Василий Иванович Стукалин (умер в 1941 г.) и Елена Григорьевна, девичья фамилия Ковылина (умерла в 1920 г.) — крестьяне. Миша был старшим сыном в семье, где позже на свет появились ещё трое его братьев.

Похоже, что родители стремились оторвать первенца от нелёгкой, а зачастую и беспросветной крестьянской жизни, дать ему образование и тем «вывести в люди». Мишу отправили в город Самару набираться ума. В 1912 г. он окончил начальную школу и поступил в реальное училище. Такие учебные заведения давали среднее образование, в их старших классах преподавались прикладные предметы (механические, химические, технологические, коммерческие). Их питомцы могли поступать в технические, промышленные и торговые вузы и даже в университеты.

Но окончить училище ему не удалось. Причина существенная — начало гражданской войны в России, в частности, занятие 8 июня 1918 г. Самары мятежными «белочехами». В это время Михаил, перейдя в последний, седьмой класс, пребывал на каникулах и гостил у родителей в своём селе.

В городе и окрестностях при помощи иноземных штыков была установлена «контрреволюционная» власть Комитета членов Учредительного Собрания, так называемого Комуча. Но продержалась она недолго — в октябре 1918 г. Самару взяли «красные». Юноша возвратился туда в конце ноября этого же года и продолжил учёбу — теперь поступил в Самарскую научно-просветительную ассоциацию,

основанную по инициативе преподавателей Самарского университета, позже преобразованную в рабочий факультет или, сокращённо, в рабфак. Здесь началась его подготовка к поступлению в университет.

В марте 1919 г. Михаил стал студентом-первокурсником физико-математического факультета на вновь открытом естественно-географическом отделении. В мае 1920 г., окончив два курса, добровольцем пошёл служить на флот: 17 мая 1920 г. зачислен в морское отделение штаба Туркестанской военной флотилии Туркестанского фронта. Должность — «военмор», то есть «военный моряк». С этого времени по февраль 1928 г., получив специальную и гидрографическую подготовку, служил в строевых и гидрографических частях Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ) на командных должностях в Туркестанской военной флотилии, на Балтийском флоте и в Дальневосточной военной флотилии. Надо полагать, здесь ему весьма пригодилась математическая и естественнонаучная подготовка, полученная в университете.

В августе 1920 г. он уже флаг-секретарь начальника штаба, в феврале 1921 г. — помощник командира канонерской лодки № 5 «Чарджуй» Аму-Дарьинской военной флотилии. С июля 1921 г. — флаг-секретарь начальника гидрографической экспедиции Главного гидрографического управления РККФ. Затем служил в морском представительстве штаба Туркфронта в Самаре и Ташкенте, в 1923 г. — в Москве. Потом был младшим производителем гидрографических работ в УБеКо (Управление безопасного кораблевождения) в Петрограде, в 1924 г. — уже старший производитель тех же работ, но теперь УБеКо во Владивостоке. С сентября 1926 г. — вахтенный начальник сторожевика «Красный вымпел» Отдельной Дальневосточной флотилии. Этот корабль под названием «Адмирал Завойко» изначально (в 1910 г.) строился как разъездное судно для камчатского губернатора. 9 февраля 1928 г. Стукалин «уволен в долгосрочный отпуск» — так значится в его учётной карточке. (Этот «отпуск» завершился в июле 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, когда он вновь был призван, то есть, выражаясь словами документов, «мобилизован» на флот.)

После увольнения, по сути, в запас, остался на Дальнем Востоке. Два года — с марта 1928 до марта 1930 г. трудился в Управлении портовых изысканий на Тихом Океане, размещавшемся во Владивостоке, был техником-гидрографом, потом штурманом на шхуне «Красный якут». Пять лет — с марта 1930 г. по март

1935 г. работал в Совторгфлоте, сначала помощником капитана на судах, а затем групповым диспетчером отдела эксплуатации флота управления Дальневосточного государственного морского пароходства. Это управление в те годы было одним из главных перевозчиков на Камчатку и обратно грузов и пассажиров.

В 1934 г. окончил четвёртый курс судоводительского отделения Владивостокского вечернего мореходного техникума. Когда служил в РККФ, проходил специальную подготовку на курсах усовершенствования командного состава в 1928 и 1934 гг. Как он указывал в автобиографии, «выдержал испытания в квалификационных комиссиях военно-морского флота по специальностям штурмана и гидрографа. Имею по стажу плавания диплом капитана малого плавания».

В апреле 1935 г. переведён в Дальневосточное управление ГлавСевморпути. Здесь до февраля 1937 г. был инженером по эксплуатации флота и морским инспектором. Хватало и судоводительской практики: арктическую навигацию 1936 г. провёл на легендарном краснознамённом ледоколе «Красин» в должности флагманского штурмана.

В феврале 1937 г. заключил трудовой договор с АКО и переехал в Петропавловск, здесь назначен капитаном Петропавловского порта, которым распоряжалось общество. С 1938 г. порт АКО официально именовался «рыбным». 22 ноября 1939 г. М. В. Стукалин, как «выдвиженец», стал его начальником. (Официальный приказ об этом по Наркомрыбпрому СССР, подписанный заместителем наркома, датирован лишь 29 марта 1941 г.)

Вот его собственноручное описание доставшегося хозяйства (1940 г.): «Все операции с грузом сосредоточены почти полностью в пределах Петропавловского ковша, который является единственным оборудованным причальными устройствами... Исключение составляют лишь нефтяные грузы, сливаемые с судов, остававшихся на рейде бухты Сероглазка, в цистерны, расположенные на склоне её берега. Кроме того, часть судов большого тоннажа, которые по своим осадкам не могут быть приняты к причалу ковша, разгружаются на внешнем рейде, либо у самого порта, либо в одной из бухт.

Складское хозяйство существующего порта не отвечает его грузообороту... Самым узким местом в работе порта является острейший дефицит в складских помещениях. Большая часть грузов в порту находится вне складов на стеллажах под брезентами, загромождая и без того незначительную территорию порта и мешая проезду

автомашин. Кроме того, рядом с грузовыми складами, в центре порта, находится угольный бункер. Угольная пыль проникает в склады и грязнит не только тару, но и самый груз...

Территория порта замощена только у складов, в остальной части мощения нет. Из прочих хозяйственных предприятий следует отметить, что ни одного предприятия, действительно соответствующего нуждам порта, в настоящее время не имеется... Даже имеющееся здание конторы управления порта совершенно не удовлетворяет по своим малым размерам потребностям сегодняшнего дня».

Наш порт тогда располагал всего двумя свайными деревянными причалами, никакой механизации в нём не было, кроме сильно изношенной дороги-узкоколейки с вагонетками. «Вся обработка происходит за счёт мускульной рабочей силы».

Этому более чем скромному хозяйству вскоре предстояло заняться важнейшим делом — приёмом и обработкой судов с оборонными грузами, шедшими на фронты.

С 14 ноября 1940 г. при управлении порта под председательством М. В. Стукалина заработала аттестационная комиссия. Она выдавала квалификационные документы на право занятия низших должностей плавсостава. 30 апреля 1941 г. приказом по АКО Михаил Васильевич был поощрён благодарностью «за инициативу и деятельное участие» в организации чёткой работы команды потового парового буксира «Норд-Ост» по «проведению ледакольной компании на судоверфи по выводу тральщиков из дока, а также прокладки канала от судоверфи до жестяно-баночной фабрики...» Этим были существенно сокращены непроизводительные расходы и на сорок дней раньше открыта навигация в бухте Раковой.

Портом Стукалин руководил до 9 июля 1941 г., когда снова был призван в РККФ. Официально же от должности освобождён 1 августа 1941 г. приказом по управлению АКО, подписанным лишь 23-м числом, то есть «задним».

Теперь Михаил Васильевич, которому было присвоено звание капитан-лейтенанта, стал командиром дивизиона тральщиков Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота. В феврале 1942 г. вступил в ВКП(б), взысканий за всё время пребывания в партии не имел. С 4 мая 1943 г. он — начальник военно-лоцманского пункта (ВЛП) гидрорайона ПВМБ ТОФ. Так официально звучала его должность, которую мы сейчас произносим как «главный лоцман Камчатки в годы Второй мировой войны», под которой он вошёл в историю Камчатки.

С началом войны хозяйственная значимость нашего полуострова в жизни страны резко выросла. Это было связано с тем, что рыбо-промысловые районы, располагавшиеся в Баренцевом, Балтийском и Чёрном морях, попали в зону боевых действий. В таких условиях Камчатка стала одним из основных «рыбных цехов» СССР, вылов сырца здесь с 1940 г. к 1945 г. вырос более чем вдвое.

Порты названных выше морей оказались полностью или частично отрезаны противником. Поэтому большая часть союзнической помощи, доставлявшейся в СССР морским транспортом, была переориентирована на дальневосточные порты, в число которых входили Владивосток, Находка, Советская Гавань, Николаевск-на-Амуре, Магадан (бухта Нагаева) и Петропавловск. Главную роль среди последних играл Владивосток, располагавший четырьмя десятками капитальных механизированных причалов, способный принимать суда любого водоизмещения и связанный с европейской частью СССР железной дорогой.

Морские пути, ведущие из Тихого океана во все советские дальневосточные гавани, за исключением Петропавловска, проходили через проливы Курильских островов, Лаперуза, Сангарский или Цусимский, контролировавшиеся японским флотом, нередко задерживавшим советские суда, вёзшие, по их мнению, стратегические грузы. Имелся ещё один маршрут — мелководным Татарским проливом, недоступным для глубоководных в воде крупнотоннажных пароходов, — в Николаевск-на-Амуре и Владивосток.

Петропавловск, обращённый «фасадом» прямо в Тихий океан, оказался единственной дальневосточной гаванью, имевшей непосредственный выход к североамериканскому побережью. Поэтому с началом войны порт АКО играл роль не только перевалочного пункта, но и базы снабжения пароходов, выполнявших плавания по маршрутам Владивосток — Петропавловск — порты США и Канады. Он принимал суда не только со снабжением, предназначенным Камчатской области и её рыбной промышленности, но и со стратегическими транзитными грузами, шедшими из-за границы в другие порты. Зимой они накапливались в Петропавловске, затем перегружались на суда с небольшой осадкой и следовали во Владивосток и Николаевск-на-Амуре через Татарский пролив.

С началом войны в Авачинском заливе были выставлены протяжённые минные поля. В июле и августе 1941 г. этим, в частности, занимался минный заградитель «Охотск». Оборонительные минные заграждения прикрывали подходы к Петропавловску от вражеских поползновений со стороны союзника гитлеровской

Германии — Японии, которая долгие годы не скрывала своих захватнических планов в отношении наших дальневосточных земель.

ВЛП ПВМБ, имевший номер 3, размещался на подходе к Петропавловску в юго-западной части Авачинского залива в бухте Ахотен. Так по-итальянски она называлась до 1952 г., сейчас известна под именем Русской. Впервые описанная ещё в 1790 г. бухта издавна служила морякам удобным местом укрытия от штормов и приёма запасов чистой и вкуснейшей пресной воды. В позднее советское время живописную бухту часто посещали морские экскурсии. В октябре 2005 г. стараниями А. Х. Паперно здесь при помощи пограничников была установлена памятная доска, напоминавшая теперь редким посетителям о былой деятельности ВЛП № 3. Спустя какое-то время она исчезла и восстановлена только в августе 2015 г. энтузиастами под руководством атамана Петропавловск-Камчатского городского казачьего общества И. Т. Вариченко.

В годы войны в бухту заходили суда, следовавшие в Петропавловск. В отдельные дни здесь их собиралось до двух десятков. Задача военных лоцманов: подняться на борт одного из подошедших пароходов, собрать караван из нескольких и, следуя первым, провести его кильватерной колонной лишь им известным «секретным фарватером» в Петропавловск. Оттуда вывести другое судно или несколько, вернуться назад, затем, чтобы повторить описанное ещё множество раз.

Организацией этой важной и опасной работы и занимался капитан-лейтенант Михаил Васильевич Стукалин с середины 1943 г. по 18 октября 1945 г. Под его руководством было, как мы уже знаем, выполнено более пяти тысяч таких проводок. Их наибольшее число пришлось на вторую половину 1944 — первую половину 1945 г. Ежемесячно в Петропавловск и обратно следовало до трёхсот советских судов: американцы и англичане ожидали вступления СССР в войну с Японией.

Историк Л. А. Барканова со ссылкой на фонды Центрального государственного архива ВМФ сообщает, что в одном его наградном листе об этом большом деле записано так: «Отлично организовал и руководит лоцманской службой, обеспечил бесперебойную и безаварийную лоцманскую проводку транспортов и отрядов боевых кораблей (прибывших из США) по фарватерам военного времени и в зонах минных заграждений ПВМБ. Инициативно участвовал в отработке документов по высадке десанта на остров Шумшу». А в другом указано: «Всего проведено 3-м ВЛП за кампанию 1945 г.

без аварий и задержек сто шестьдесят военных кораблей, лично выполнил десять ответственных проводок, в том числе проводил шесть военных кораблей под военно-морским флагом США». (Под ними подразумеваются фрегаты американской постройки, переданные в состав ТОФ по программе ленд-лиза в 1944—1945 гг.)

За безаварийную работу военным лоцманам устанавливались процентные надбавки к должностным окладам. Так, за триста проводок, охвативших суда с общим водоизмещением свыше миллиона двухсот тысяч тонн, полагалась стопроцентная прибавка. М. В. Стукалин получил право на неё к 1 апреля 1945 г., когда общее водоизмещение лично сопровождаемых им судов заметно превысило это число.

Накопленный во время службы на Камчатке опыт массовых прохождений минных полей пригодился и позже. 18 октября 1945 г. (так значится в послужном списке) М. В. Стукалин стал начальником подобного ВЛП № 1 Владивостокского гидрорайона ТОФ. В бухте Ахотен его сменил И. К. Краснопоясовский.

С 19 января 1946 г. Михаил Васильевич руководил ВЛП Порт-Артурского гидрорайона ТОФ. Отсюда 19 декабря 1947 г. он был переведён начальником гидрографического отдела 5-го флота. (В январе 1947 г. ТОФ был разделён на два — 5-й ВМФ с главной базой во Владивостоке и 7-й ВМФ с главной базой в Советской Гавани. В апреле 1953 г. эти флоты были вновь объединены в ТОФ.)

В 1949 г. М. В. Стукалин командовал гидрографическим судном «Вест» 5-го же флота. Его последнее место службы — Управление начальника гидрографической службы ВМФ в Ленинграде, должность — старший редактор отдела составления и издания лоций и навигационных пособий Центрального картографического производства ВМФ. Отсюда 14 марта 1956 г. уволен в запас в звании капитана 2-го ранга «по статье 59-й, пункт “б”», то есть по болезни. Уже давно давало знать о себе сердце.

За время службы награждён тремя орденами Красной Звезды. Два получил в 1945 г. Они имели последовательные номера — 2 028 399 и 2 028 400 — редкий случай! Как мы уже знаем, оба — за успешное выполнение особого правительственного задания по обеспечению лоцманских проводок. Третья «Красная Звезда» вручена в 1948 г. Кроме этого, отмечен орденом Красного Знамени (1956), медалями «За боевые заслуги» (1943), «За победу над Японией» (1946), «XXX лет Советской Армии и Флота» (1948) и «За освобождение Кореи» (1948). Последняя награда вручалась советским воинам-освободителям от имени Президиума Верховного

Народного Собрания Коре́йской Народно-Демократи́ческой Респу́блики. Кроме этого, за работу в годы войны получил почётную грамоту Наркомрыбпрома СССР.

А вот как текла его личная жизнь. 28 сентября 1933 г. женился на Анне Ивановне Семенюк, дочери известного моряка — старшего механика пароходов Совторгфлота Ивана Иосифовича Семенюка. Анна Ивановна появилась на свет в Одессе в 1910 г., по профессии была медицинским работником. 23 марта 1935 г. во Владивостоке у них родился сын Владимир. Он пошёл по стопам отца и деда — тоже стал моряком. В июле 1958 г. окончил Ленинградское высшее морское инженерное училище имени адмирала Макарова, в сентябре 1959 г. трудился четвёртым помощником капитана на пароходе «Валга» Балтийского государственного морского пароходства. Тесть скончался во Владивостоке в апреле 1936 г.

О судьбе других членов собственной семьи Михаил Васильевич давно ничего не знал. Вот что он записал чётким красивым почерком в автобиографии, датированной 7 сентября 1959 г.: «Имел четырёх братьев: Виктор Васильевич Стукалин, рождения 1904 г., агроном; Владимир Васильевич Стукалин, умер в 1937 г. после возвращения с действительной службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии; Евгений Васильевич Стукалин, окончивший в 1939 г. Одесский финансово-экономический институт. Год рождения своих младших братьев Андрея и Евгения точно не помню, так как с братьями не встречался с 1918 г. и редко переписывался. Все братья работали в Ростовской области. С начала Великой Отечественной войны и до настоящего времени никаких сведений о родных братьях своих не имею...» Вот так распорядилась проклятая война...

После увольнения в запас, 23 июля 1956 г. заключил с уполномоченным Московского отделения конторы «Дальрыбпромкадры» Минрыбпрома СССР трёхлетний трудовой договор для работы на Камчатке. В самом начале сентября 1956 г. снова прибыл с супругой в Петропавловск и 7 сентября вступил в должность главного капитана флота Главкамчатрыбпрома — Камчатского совнархоза.

О его работе в Главкамчатрыбпроме в то время сохранилось свидетельство капитана дальнего плавания Т. М. Кривоногова. «Году в 1957-м мне довелось соседствовать с Михаилом Васильевичем на одной лестничной площадке в деревянном доме на улице Ключевской, 19а. Жил он на квартире у капитана Тралфлота Алексея

Николаевича Моисеева (А. Н. Моисеев, прославленный камчатский рыбак, в годы войны тоже служил сначала на тральщиках, а позже — лоцманом в Ахомтене под командой М. В. Стукалина. — С. Г.). Мы дружили семьями. Работал он тогда в отделе флота Камчатрыбпрома.

Ходил Михаил Васильевич в военной форме капитана 2-го ранга. Человек он был интеллигентный, общительный. По его словам, был знаком с такими известными капитанами, как Константин Александрович Дублицкий, Евгений Дмитриевич Бессмертный и другими. Это неудивительно, так как до войны работал начальником Петропавловского морского рыбного порта. К тому же, находясь на службе в гидрографии, имел отношение к морским экспедициям.

Году примерно в 1965-м один из старейших капитанов АКО-флота Сергей Иванович Пронин, живший на пенсии в Ессентуках, прислал в газету “За высокие уловы” (ныне “Рыбак Камчатки”) любопытные воспоминания. В них шла речь о том, что в то время (1957 г.) в Главкамчатрыбпроме решался очень важный вопрос. Приближалась весенняя сельдяная путина, но в районе Анапки и Корфа стоял лёд. Ход сельди, по сути дела, начинается после того, как лёд в мае ломает и относит от берега. После этого сельдь нерестится по побережью и в заливе Уала.

Но штормов весной не было, и этот лёд никак не могло разбить и вынести в море. Если такая безветренная погода стояла бы долго, то путина могла сорваться. Главкамчатрыбпром решил зафрахтовать линейный ледокол Дальневосточного пароходства “Микоян”, выйти на нём в этот район и галсами расколоть ледовое поле в прибрежной полосе на части. Тогда крупнобитый лёд быстрее отнесёт от берега.

Для общего руководства этой необычной операцией выделили двух специалистов — главного капитана флота Главкамчатрыбпрома Михаила Васильевича Стукалина и капитана-наставника Управления тралового флота Сергея Ивановича Пронина.

“Микоян” вышел в море и подошёл в заданный район. Лёд здесь оказался толстым, монолитным. Стали пробовать его колоть. Ледокол имел паровую машину, котлы работали на угле. Уголь оказался крайне низкого качества, низкокалорийным. С разгона ледокол мог войти в сплошное поле не более как на полтора-два корпуса.

Стукалин и Пронин, как опытные мореходы, были убеждены, что с таким ледоколом при некачественном угле они поставленную

задачу выполнить не смогут. А стоимость работы судна велика, и его бесцельная задержка стоила очень дорого. Разбить лёд мог только ожидаемый со дня на день циклон. Сергей Иванович и Михаил Васильевич прибыли в Петропавловск, доложили об этом управляющему совнархозом Н. А. Ваняеву, предложили ему расторгнуть договор на аренду ледокола и отпустить судно в Арктику. Ваняев с их доводами согласился.

А погода стояла, как нарочно, очень хорошая. Море не шелохнёт, безветрие. Прошло дней десять. Погода не менялась. Стукалин и Пронин стали нервничать. Но, наконец, подошёл долгожданный циклон. Несколько дней бушевала непогода. Лёд размолотило и вынесло в море. Следом появились гонцы сельди. Комбинаты приступили к постановке ставных неводов. Все облегчённо вздохнули...

Н. А. Ваняев премировал М. В. Стукалина и С. И. Пронина за грамотное решение поставленной задачи».

1 сентября 1959 г. Михаила Васильевича назначили на вновь учреждённую должность капитана Объединённой Дальневосточной службы наблюдения за флотом при совнархозе. Об этом перед руководством совнархоза ходатайствовал начальник инспекции безопасности мореплавания и портового надзора Камчатского бассейна, известный капитан дальнего плавания Григорий Тимофеевич Ленский, «учитывая многолетнюю службу тов. Стукалина М. В. в системе флота рыбной промышленности Камчатки, опыт и знания в навигационной обстановке Камчатского бассейна».

Казалось, что всё идёт хорошо. Но всё чаще и чаще напоминало о себе больное сердце. Оно отказало 27 февраля 1961 г. Причина смерти: «гипертоническая болезнь третьей степени».

После похорон Михаила Васильевича его супруга вернулась в Ленинград. Есть свидетельство о том, что какое-то время она посылала деньги работникам кладбища, чтобы они ухаживали за могилой мужа. Но как уже было сказано, вышло так, что на долгое время могила М. В. Стукалина оказалась заброшенной и фактически потерянной. Лишь в 2001 г. камчатские краеведы Вадим Валентинович Бооль, друг детства сына Михаила Васильевича — Владимира, известный своими скрупулёзными эколого-краеведческими исследованиями, автор недавно вышедшей книги «Знать своё Отечество во всех его пределах...», и Татьяна Александровна Шубина, активный турист и организатор краеведческой работы, с «подачи» Аллы Хаймовны Паперно разыскали её. При помощи камчатских военных моряков-гидрографов она была восстановлена в 2005 г.

к шестидесятилетию Победы. Ещё спустя десятилетие на могиле был установлен новый чёрный мраморный памятник, сменивший первоначальную скромную металлическую пирамидку, выкрашенную в белый цвет. Его открыли 1 сентября 2015 г. в присутствии депутатов городской думы, ветеранов войны и труда, студенческой молодёжи.

Надо сказать, что новый памятник не всеми был воспринят благожелательно. Поговаривали, что следовало оставить старый, сберечь его как примету былого времени. А кое-кто назвал его смену «противоправным делом» и даже «публичным осквернением символа воинской славы России» (слова из соответствующего закона). Оставим это на его совести, но что случилось, то случилось. На сохранённой отремонтированной ограде была закреплена золотистая табличка, текст которой приведён в начале этого очерка.

Тогда же прозвучало предложение о необходимости установки памятной доски на доме, где жил М. В. Стукалин. Оно было поддержано депутатами Законодательного Собрания Камчатского края, заместителями председателей его профильных комитетов Владимиром Александровичем Агеевым и Анатолием Владимировичем Кирносенко. При их поддержке эта работа сейчас и ведётся.

Со времени кончины М. В. Стукалина прошло уже почти шестьдесят лет. В нашем городе живёт последний человек, знавший его лично. Это — Галина Владимировна Бооль, супруга Вадима Валентиновича Бооля. Неравнодушный ветеран, Галина Владимировна и стала инициатором этого важного дела: «Я мечтаю, чтобы имя М. В. Стукалина вошло в Книгу Памяти земляков — участников Великой Отечественной войны и в альманах “Скрижали”... В ноябре 2021 г. М. В. Стукалину исполнилось бы сто двадцать лет...

Хотелось бы, чтобы камчатцы знали о герое нашей земли. Он, по моему мнению, должен быть почётным гражданином города. Очень надеюсь дожить до установления памятной доски Михаилу Васильевичу. Кто, если не я, неугомонная последняя свидетельница, добьётся восстановления памяти о нём? Выполняю наказ В. В. Путина о восстановлении памяти обо всех защитниках родины...» А в своём официальном обращении к депутатам Законодательного Собрания края она писала: «Прошу вашего содействия в установлении памятной доски на доме, в котором окончил свой жизненный путь этот легендарный человек». Она же первая назвала адрес, по которому он когда-то жил, впоследствии подтверждённый архивными изысканиями автора.

Михаил Васильевич Стукалин

Алла Хаимовна Паперно

Могила М. В. Стукалина на Халактырском кладбище Петропавловска, начало 1960-х гг. (фотография В. В. Бооля)

Начальник штаба Группировки Войск и Сил на Северо-Востоке контр-адмирал Александр Викторович Витко и военные моряки возлагают цветы к памятнику В. М. Стукалину, 2006 г.

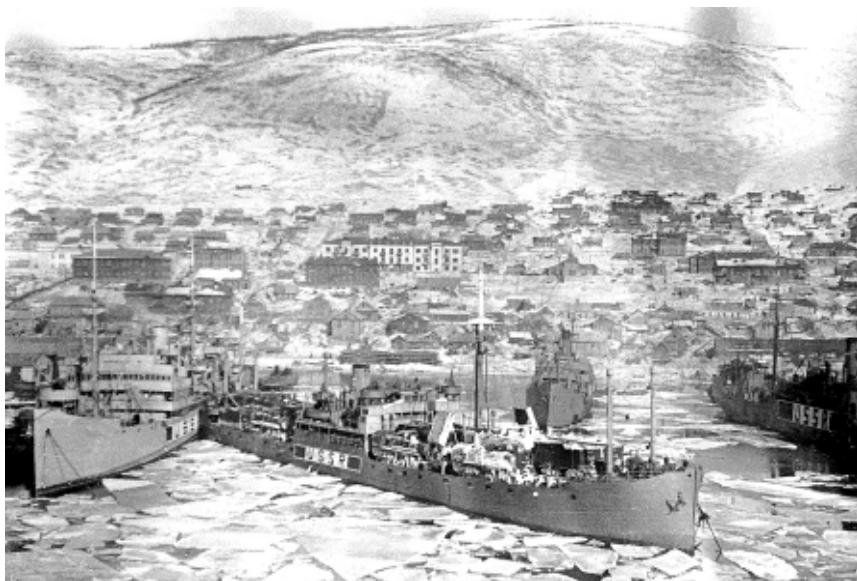
Могила М. В. Стукалина, 1 июля 2014 г.

1 сентября 2015 г. Открытие нового памятника на могиле М. В. Стукалина. Слева направо: председатель Камчатского совета ветеранов А. В. Илюшин, ветеран Великой Отечественной войны Л. Е. Запруднев; заместитель председателя Городской Думы Петропавловск-Камчатского городского округа С. И. Смирнов; председатель Камчатского морского собрания А. Г. Гафиятуллин; сотрудница городской администрации; депутат Городской Думы Петропавловск-Камчатского городского округа В. А. Агеев; курсанты мореходного факультета КамчатГТУ (фотография автора)

1 сентября 2015 г. В. В. Бооль, Г. В. Бооль, Н. В. Шихалеева на могиле М. В. Стукалина (фотография автора)

Суда с грузами союзнической помощи (ленд-лизом), проведённые
в Петропавловск лоцманами ВЛП № 3 под руководством
М. В. Стукалина, весна 1945 г.

Хочется сказать спасибо сотрудникам Петропавловск-Камчатского городского архива (директор Валентина Ивановна Крайникова), отыскавшим личное дело Михаила Васильевича, при помощи которого уточнены и впервые обнародованы отдельные факты его биографии. Обращаясь в архив, мы надеялись обрести и его хороший портрет. Их зачастую подклеивают к личным листкам по учёту кадров. К сожалению, это не удалось. Сейчас мы располагаем лишь одним размытым его изображением в форме капитана 2-го ранга со всеми наградами, видимо, сделанным незадолго до кончины.

Это особенно обидно с учётом того, что сам Михаил Васильевич был отличным фотографом-любителем. Об этом тоже свидетельствует хорошо знавший его Т. М. Кривоногов: «Он... делал уникальные снимки. В годы войны во время лодчанских проводок встречался со многими знаменитыми людьми, в том числе и с Иваном Дмитриевичем Папаниным (дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал, уполномоченный Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Севере. — С. Г.). В то время И. Д. Папанин бывал в Петропавловске, принимал участие в руководстве строительством морского торгового порта и ремонтом аварийных судов, таких, как “Одесса”. По словам внука Михаила Васильевича, альбомы фотографий хранятся где-то у родственников. А ведь это большая ценность для наших камчатских краеведов и музейных работников!

Увлечение фотографией имело и такой выход. Для обложки готовившегося к изданию пособия по кораблевождению потребовался снимок адмиралтейского якоря. Михаил Васильевич ходил по Ленинграду больше месяца и, наконец, нашёл, что искал. На одной из чугунных оград он увидел очень красивый адмиралтейский якорь. Его фотографию и поместили на обложку книги...»

Возможно, что эти уникальные фотоальбомы когда-нибудь окажутся на Камчатке, и с их помощью мы существенно пополним свои знания о работе камчатских портовиков и военных лодчанов в пред- и военные годы. А ведь это их общее дело стало одним из тех трёх отправных исторических моментов, на основании которых наш Петропавловск получил свой нынешний статус города воинской славы.

РУССКИЕ И ЯПОНЦЫ НА КАМЧАТКЕ

Гибель крейсера «Нийтака»

26 августа 1922 г. на западном побережье Камчатки бушевал ранее невиданный шторм. Старожилы удивила не только его мощь, но и необычайно раннее начало. От удара стихии в Охотском море погибло не менее тринадцати шхун, пострадало множество промысловых участков. Утром 31 августа в Петропавловск из Охотска пришла шхуна «Виктор», принадлежавшая А. В. Петрову. Непогода застигла её в пути. По словам Петрова, много лет жившего на Камчатке, это был доселе небывалый шторм. Одной из его жертв оказался японский крейсер «Нийтака», затонувший в районе Озерной почти со всем экипажем.

Боевое крещение «Нийтака» получил 27 января 1904 г. в знаменитом неравном сражении с крейсером «Варяг», ставшем одним из первых эпизодов русско-японской войны. «Нийтака» входил в состав четвёртого боевого отряда японского Соединённого флота под командованием контр-адмирала С. Уриу.

Утром 1 августа 1904 г. «Нийтака» в числе семи японских кораблей второй эскадры Соединённого флота под руководством вице-адмирала Х. Камимурэ участвовал в бою с владивостокским отрядом крейсеров, состоявшим из «России», «Рюрика» и «Громобоя». В этом столкновении российский флот лишился «Рюрика». «Нийтака» существенных повреждений не получил. После гибели «Рюрика» он принимал участие в спасении уцелевшей русской команды.

Крейсер весьма успешно действовал на завершающем этапе войны. Во время печального для российского флота Цусимского сражения он входил в состав третьего боевого отряда вице-адмирала Дева. Кораблём в это время командовал капитан 1-го ранга Шоодзи. Днём 14 мая 1905 г. «Нийтака» вступил в перестрелку с русскими крейсерами, руководимыми контр-адмиралом Энkvистом. В схватке, длившейся до вечера, корабль не получил значительных повреждений и не понёс больших потерь личного состава.

Утром 15 мая «Нийтака» вместе с крейсером «Отова» и миноносцем «Муракумо» начал преследование повреждённого в дневном сражении 14 мая крейсера «Светлана», шедшего в сопровождении миноносца «Быстрый». В результате неравной схватки «Светлана» около одиннадцати часов дня затонула, причём японцы

не прекращали обстреливать гибнущий корабль до его полного погружения, в результате чего много русских моряков погибло от взрывов, уже находясь в воде. Спасать их сразу японцы не стали, погнавшись за «Быстрым». У миноносца не доставало угля и он, будучи не в состоянии обороняться, выбросился на берег. Чтобы беззащитный корабль не достался неприятелю, экипаж взорвал его.

Вечером 15 мая «Нийтака» в составе отряда из шести крейсеров и четырёх миноносцев принимал участие в потоплении крейсера «Дмитрий Донской», возглавляемого капитаном 1-го ранга Лебедевым. Этот неравный бой длился несколько часов. Русский корабль повредил два японских крейсера и успешно отбил несколько торпедных атак. На рассвете 16 мая сильно разрушенный, но не сдавшийся «Дмитрий Донской» был затоплен командой в Японском море возле острова Дажелет. Его гибель стала последним эпизодом Цусимы.

Всего на «Нийтаке» за два дня боёв 14—15 мая 1905 г. погиб один и получили ранения три моряка.

Бронепалубный крейсер «Нийтака» был построен в 1903 г. в Японии на казённом заводе в Иокосуке. Корабль водоизмещением три тысячи четыреста двадцать тонн со скоростью хода двадцать узлов и длиной сто два метра имел броневую палубу толщиной до шестидесяти трёх миллиметров. Он был вооружён шестью шестидюймовыми, десятью трёхдюймовыми и четырьмя более мелкими орудиями. Его экипаж насчитывал триста двадцать человек. В японском флоте во время русско-японской войны 1904—1905 гг. имелись два корабля этого типа.

В соответствии с заключённым после войны Портсмутским мирным договором, Россия не могла содержать на Камчатке территориальные войска и нести вооружённую охрану её берегов и Командорских островов. Территория полуострова отныне обслуживалась гражданским аппаратом. Котиковые, бобровые и песцовые промыслы на Командорах и мысе Лопатка охраняла особая береговая промысловая стража. Побережья Охотского и Берингова морей обходили охранные крейсера, которым при необходимости предоставлялось право требовать помощь от военных флотов Японии, США, Англии и Франции. Эти однотипные суда, принадлежавшие Управлению государственных имуществ, — «Командор Беринг» и «Лейтенант Дыдымов» — пришли во Владивосток в июне 1907 г.

Одним из следствий Портсмутского мира стало заключение между Россией и Японией в июле 1907 г. особой конвенции, упорядочившей взаимоотношения между странами в рыболовстве. Срок её дей-

ствия определялся в двенадцать лет. С этого времени на полуострове начался бурный подъём частной рыбной промышленности, в результате которого всё его побережье покрылось сетью промысловых участков, число которых росло год от года. Ведущее положение в камчатском рыболовстве удерживала японская сторона.

По данным приамурского Управления государственных имуществ, в 1903 г. на Камчатке выставлялись на аукционные торги всего восемь участков, в 1907 г. количество снятых участков достигло семидесяти четырёх, а в 1912 г. — уже ста девяносто семи. При этом на долю русских промышленников приходилось не более пятнадцати процентов их числа, да к тому же нередко заарендованные промыслы ими либо не использовались, либо передавались японцам.

По свидетельству приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, японское правительство в качестве меры поддержки своих промышленников в 1908 и 1909 гг. отправляло для обхода прибрежных вод полуострова вооружённые суда. Начальник экспедиции Управления водных путей амурского бассейна П. Крынин сообщал, что в 1909 г. на западном побережье Камчатки у реки Большой находился японский охранный крейсер «Хи-эй». Одновременно с ним берега обходили русский военный транспорт «Шилка» и крейсер «Лейтенант Дыдымов».

Естественно, что присутствие во внутренних водах России кораблей другого государства без официальной на то просьбы не вызвало удовольствия русского правительства. В последующие годы «по ходатайству главной местной власти» японское патрулирование, непредусмотренное конвенцией, прекратилось как могущее «подавать только повод к нежелательным недоразумениям». Отныне на десятилетие вперёд интересы японских рыбопромышленников на Камчатке обеспечивали российские законы и вооружённые суда.

Впервые после долгого перерыва японский военный корабль появился у камчатских берегов летом 1918 г. 12 июля в Петропавловске произошёл противобольшевистский переворот, низложивший советскую власть. У руля области встал комитет во главе с А. А. Пуриным.

14 июля 1918 г. новая областная газета «Камчатский вестник» в первом номере известила о том, что Усть-Большерецк посетил японский крейсер «Мусаши-Кан». «Причина захода... нам неизвестна. Приходили в селение двенадцать человек с переводчиком, спрашивали о количестве большевиков. Через десять дней будут обратно». «Мусаши-Кан» пришёл в Петропавловск 31 июля. Его

стоянка продлилась несколько дней, и 4 августа он покинул Авачинскую губу. 10 августа корабль вернулся, на нём приехал японский консул С. Огата. Прибытие крейсера, «получившего хороший приём», расценивалось большевиками как своеобразный жест Японии в поддержку новой власти.

В 1919 г. истёк срок действия рыболовной конвенции. Япония начала переговоры о его продлении с правительством А. В. Колчака, организовавшим в апреле 1919 г. во Владивостоке Управление рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока. В результате действие соглашения было возобновлено «вплоть до его пересмотра». В 1919 г. японские корабли на Камчатку не приходили.

Они вновь появились здесь в 1920 г. В начале этого года на полуострове был арестован колчаковский управляющий областью, а власть перешла в руки военно-революционного комитета. Произошла советизация полуострова.

6 апреля 1920 г. была провозглашена Дальневосточная Республика (ДВР). На создание этого буферного марионеточного государства правительство Советской России пошло для того, чтобы избежать войны с Японией. «Вести войну с Японией мы не можем... потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна», — писал по этому поводу В. И. Ульянов-Ленин, председательствовавший в Совете Народных Комиссаров — правительстве Советской России.

В состав ДВР вошла и Камчатская область. Япония хотя и признала ДВР, но стремилась закрепиться в Приморье и на Камчатке. Интерес к полуострову проявляли и США, не желавшие того, чтобы он попал под японское влияние. Центральное советское правительство начало вбивать «клин противоречий» между США и Японией. Осенью 1920 г. в Москве шли переговоры с американским промышленником Вандерлипом о возможной сдаче Камчатки в концессию. Советское правительство 30 декабря 1920 г., учитывая складывающуюся обстановку и имея в виду возможность заключения концессионного договора, подписало с ДВР новое соглашение о границах. По нему Камчатская область передавалась Советской России. 12 января 1921 г. это соглашение утвердило правительство ДВР, получившее от Москвы денежный заём и продовольственную помощь. Но сдача Камчатки в концессию не состоялась: в США к власти пришёл новый президент, который не желал налаживания отношений с Советской Россией. Переговоры о концессии были свёрнуты.

Для камчатских же властей и населения американцы были далеко, а японцы — под боком. С этим приходилось считаться. После русско-японской войны в Петропавловске сложилось многонациональное население: помимо русских, в его состав гармонично вливались многочисленные китайская, корейская и японская общины. Летом в городе в рамках осуществления рыболовной конвенции действовало японское консульство. В 1920 г. его возглавлял консул Сиода. 7 июня 1920 г. он известил областные власти о том, что «в скором времени прибудет на Камчатку флотилия миноносцев, состоящая из четырёх кораблей под командою капитана 2-го ранга Накамура и, кроме того, отдельно прибудет один крейсер под командованием капитана 2-го ранга Хара».

Заведующему областной канцелярией поручалось составить ответ консулу, указав в нём, что со стороны областных властей и рыбного совета при Временном правительстве Дальнего Востока также будут приняты меры к охране камчатских богатств силами кораблей «Командор Беринг», «Лейтенант Дыдымов», «Магнит» и «Сивуч».

Одной из причин появления японских кораблей на Камчатке назывались «Николаевские события»: в середине марта 1920 г. в этом городе между японцами и красными партизанами произошли столкновения, сопровождавшиеся многочисленными жертвами. В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. одновременно во Владивосток, Николаевск, Хабаровск, Уссурийск и Спасск, где были сосредоточены силы большевиков, вошли японские войска.

5 июля 1920 г. японское правительство выступило с декларацией, в которой обосновывало ввод войск большевистскими зверствами. «В течение времени от 12 марта до мая месяца сего года в Николаевске-на-Амуре большевиками были самым жестоким образом убиты японский охранный отряд, чины консульства и японские жители, всего до семисот человек...» Занятие войсками местностей, «кои признаются необходимыми», объявлялось мерой по защите японских подданных. «Войска, в силу необходимости, будут оставлены в соответствующем количестве до тех пор, пока не создастся спокойное и устойчивое положение в вышеупомянутых местностях».

25 июня в Авачинскую губу вошёл отряд боевых кораблей в составе «императорского военного судна “Кошу” и девятого отряда миноносцев», прибывший «с единственной целью охраны рыбалок и японских подданных, проживающих на территории Камчатской области». Кроме них, побережья полуострова обходил

крейсер «Нийтака», которым командовал капитан 1-го ранга Хиеда Личи Арита.

Имевшиеся во Владивостоке русские охранные суда и корабли Сибирской военной флотилии вполне могли самостоятельно обеспечить порядок на рыбалках. Поэтому появление на Камчатке, давно находившейся под пристальным вниманием Японии, военного флота расценивалось как подготовка к захвату полуострова. Любая несдержанность по отношению к японским подданным теперь могла стать поводом для вооружённого выступления непрощенных гостей и оккупации области.

О причинах появления японских кораблей командир «Кошу» капитан 2-го ранга М. Хара заявил следующее: «Охранять нужно русские берега. Партизаны Николаевска и в других местах причинили большой ущерб народу...» На это местные власти отвечали, что «Камчатку сравнивать с Николаевском, Москвой и охоты нет. Здесь иная борьба за существование, иные труженики и иные политические воззрения. Здесь партизан нет, и в них нет надобности... Партизаны появляются вслед за появлением семёновцев, колчаковцев, розановцев и вообще элементов, которым насилие милей идей гуманных».

5 июля городская дума в ответ на заявление капитана Хара выработала и вручила японскому консулу резолюцию, в которой отмечала, что горожане «всё время стремились и стремятся к мирному сожительству с Японией, не нарушая её интересов, а тем более не имели и не имеют стремления посягнуть на жизнь и имущество японских подданных, проживающих в городе Петропавловске». Дума уверяла консула в том, что она не задаётся «никакой целью к сепаратным выступлениям, нарушающим права японскоподданных».

Особое внимание японцев думцы обращали на предотвращение проникновения в город спиртного. В связи с этим консульство извещалось об имевшихся случаях продажи алкоголя некоторыми матросами японских судов, на почве чего «может развиваться усиленное пьянство малосознательных граждан города, а также вызвать, помимо воли всего городского населения, нежелательные недоразумения». Со своей стороны дума также приняла «реши-тельные меры к прекращению всякой продажи спирта в городе Петропавловске, привлекая виновных к строгой ответственности».

7 июля японского консула посетила делегация областного исполнительного комитета в составе председателя И. Е. Ларина, члена комитета И. И. Гапановича и секретаря А. И. Бабкина-Байкалова.

Она также вручила ему ответ на заявление М. Хара. В нём, в частности, говорилось:

«1) Население, зная о целях прибытия японских судов, соблюдает полное спокойствие и ни в чём не нарушает интересов японских граждан, почему для вооружённого выступления японского флота на Камчатке для ограждения интересов Японии не может представиться надобности.

2) Японское командование не должно сверх охраны японских рыбалок обременять себя заботами о покровительстве рыбопромышленности вообще, так как это лежит на обязанности центральных русских органов рыбного управления, а для областного комитета интересы камчатской рыбопромышленности являются предметом внимания, конечно, не менее, чем для японского командования.

3) Полагая, что международные отношения основаны на взаимности, областной комитет надеется, что соответственно жизненные права камчатского народа не будут нарушены Японией, и наше национальное достоинство не будет унижаться, чего не может допустить ни один патриот хотя бы временно слабой страны».

Консул, ознакомившись с вручённым текстом, заметил, что заявление командира «Кошу» не было «вызвано какими-нибудь недоразумениями на Камчатке, которых здесь не было. Оно есть только обращение японского правительства к населению тех мест, где интересы русских и японцев встречаются».

Взаимоотношения между местными властями и жителями с одной стороны и японскими моряками с другой постепенно наладились. 13 июля 1920 г. командиры «Нийтаки» и «Кошу» в сопровождении консула и многочисленной группы офицеров посетили Петропавловское высшее начальное училище. Гостей встречал его инспектор П. Т. Новограбленов, показавший им помещения и все учебно-вспомогательные службы. Командир «Нийтаки» пригласил воспитанников училища побывать на крейсере. Утром 14 июля 1920 г. Х. Арита и М. Хара нанесли официальный визит в областной исполком и в свою очередь «испросили разрешение на высадку для прогулок в пределах города Петропавловска экипажу крейсера».

15 июля председатель исполкома И. Е. Ларин и его сотрудник В. И. Ольгин посетили крейсер с ответным визитом. «Беседа длилась очень продолжительно, в которой выражались искренние намерения и побуждения Японии помочь России в целом и по возможности оказывать поддержку организациям... Капитан Арита

предложил три пуда сахару, который будет направлен несчастным больным в колонию прокажённых...»

17 июля из Паланы пришло известие о стычке местных жителей с рыбопромышленником Эккерманом, ловившим рыбу в устье реки японским неводом и силами японских рабочих, не имея на это разрешения. Хищнический лов вызвал недовольство населения, у которого этим отнималось основное средство его существования. Волостное собрание создало комиссию, арестовавшую промышленника и конфисковавшую невод. На защиту Эккермана выступили работавшие с ним иностранцы. Противостояние могло закончиться кровопролитием. Паланцы просили областную власть распорядиться о закрытии промысла, прислать рыболовный надзор для расследования происшествия и предотвратить японское вмешательство в их дела.

Местная газета выступила с пространным разъяснением этих событий, в котором, помимо возмущения беззаконием, явно сквозило опасение возможного вмешательства в конфликт японских моряков: «Не диво, конечно, что русский негодяй, продававший совесть и честь за японские иены, смеётся над русской слабостью и с радостью ждёт, чтобы столкновение русских и японских рыбаков завершилось вмешательством японского флота, который, как нам заявлялось, немедленно примет меры, коль скоро японские интересы будут хоть немного затронуты. Неудивительно, что японские граждане, которые хотят только жить в мире с нами, которые так возмущены нападением на японцев в Николаевске, выступают союзниками в заведомо преступном деле и вызывают жителей на кровавый спор там, где благодаря миролюбию народа и осторожности областной власти не было ни малейшего повода для применения оружия...

Интересно, что скажет о действиях своих соотечественников здешний японский консул, и любопытно, что сделает японское командование, которое держит в Петропавловске четыре судна для «охраны японских рыбалок» — очевидно от русских насилий, что будет оно делать, когда на русской реке насильничают японцы? Оно, быть может, скажет, что так и должно быть: японское право — на борту японских миноносцев. Но тогда не надо предупреждающих деклараций: нас, японцев, вынуждает посягательство на наши интересы... мы, японцы, покровительствуем рыбопромышленности...

Тогда и мы, русские, будем знать, что ваши интересы — расхищение камчатского достояния, а ваше покровительство — голод камчатского жителя. Действуйте открыто, раз здесь ваша сила,

а честных патриотов мало: идите на берег, ставьте ваши флаги, берите наши учреждения и обратите Камчатку в своё губернаторство.

Но хочется верить, что японское командование, которое здесь находится, честные солдаты, не говорящие раздвоенным языком. Придя сюда для охраны мира, они окажут содействие областной власти, которая также не хочет вражды. Мир нарушен японскими гражданами, и японское командование должно наказать сеющих бурю. Что до Эккермана — предателя родной страны, рассчитывающего пожать барыши во время бури, которая может вспыхнуть, он не должен встретить ничего, кроме презрения в японском офицере и солдате, если только они знают, что такое любовь к родине, как принято думать о японцах».

Ради справедливости следует отметить, что столь бурное выражение эмоций являлось отражением шедшей идеологической борьбы: газета выражала интересы областного руководства, имевшего про-советскую направленность, а поэтому явно не симпатизировала ни отечественным промышленникам, ни тем более японцам.

Впрочем, о том, что японцы не собирались уважать решения русских властей, свидетельствовал, например, вот такой, ставший известным на Камчатке, случай. 22 сентября 1920 г. крейсер «Лейтенант Дыдымов» арестовал в заливе Посъет за незаконную ловлю устриц несколько японских кунгасов. Японцы явились на крейсер, произвели на нём обыск и учинили допрос о причине ареста. Когда им пытались объяснить, что разрешать лов могут только местные власти, выяснилось, что они сами позволяют промышлен- лять устриц и трепангов в территориальных водах России.

Но в случаях появления опасности для жизни морское братство было превыше всего. 7 июля 1920 г. уполномоченный областного военно-революционного комитета М. П. Воловников от лица местной власти выразил благодарность японскому командованию за помощь экипажу и пассажирам «Командора Беринга», севшего 14 июня на камни возле мыса Лопатка. Люди, никто из которых не пострадал, высадились с него на берег, где пробыли до 24 июня. На следующий день японские миноносцы доставили их в Петропавловск. «Русское спасибо японским морякам!»

Акватория Петропавловского порта и прилегающая к ней территория использовались японским командованием для проведения учений. Так, 5 августа они проходили на портовой кошке, а на 25 августа было намечено осуществить «против судейских домов в бухте японский манёвр, куда войдёт один характерный номер». В связи с этим городские обыватели извещались о предстоящей

минной атаке, во время которой японцы намеревались взорвать некий «кораблик». Событие не предвещало, «кроме ощущений слуховых, никаких иных опасений». По окончании учений корабли покинули ковш. 26 августа городская газета известила: «На радость рыбакам освободилась бухта. Все военные суда: крейсер («Кошу». — С. Г.) и миноноски очистили вход рыбы в Петропавловский ковш».

Японские корабли сменяли друг друга в наблюдаемых ими районах, заходя после этого в Петропавловск. Сюда же прибывали военные транспорты, снабжавшие их продовольствием и топливом. Так, «Нийтака» ушёл из Петропавловска утром 10 августа, а 31 августа он вернулся обратно из Усть-Камчатска. Во время очередной стоянки, 17 сентября, экипаж крейсера «по случаю морского праздника» устроил гонки на шлюпках.

9 октября 1920 г. облисполком удовлетворил просьбу командира вспомогательного крейсера «Ивами» капитана 2-го ранга Ширане о сдаче в аренду дома бывшего окружного суда для отдыха посещавших город японских матросов. Исполком решил «подробности договора о сдаче в аренду выработать председателю облкома совместно с заведующим казёнными зданиями». Вскоре командир «Ивами» устроил приём в честь областных и городских властей. Камчатцы не остались в долгу: 15 октября в распоряжение «городской комиссии по устройству ответного обеда» начальником народной охраны (милиции) были выделены «пятьдесят баночек спирта», вполне возможно, что ранее у кого-нибудь отобранного.

Осенью часть японских кораблей ушла на родину. В Петропавловске на зимовку остались «Ивами» и «Канто» — случай, ранее небывалый.

В марте 1921 г. Камчатка вошла в состав Советской России. В этом году Япония в одностороннем порядке прервала действие рыболовной конвенции, объявив так называемый «свободный лов». Его следствиями стали прекращение торгов на участки, накопление арендной платы за них на особом счёте в Японии вместо внесения её в российскую казну и введение «режима самоохраны промыслов». Последнее подразумевало посылку на побережье полуострова отрядов военных кораблей.

25 марта 1921 г. стало известно, что японское правительство решило отправить «броненосец или крейсер и четыре истребителя (контрминоносца. — С. Г.) к берегам Камчатки для обеспечения японских рыбных промыслов в течение лета, с мая по сентябрь».

По сообщению газеты «Иомиури», за неделю перед этим Япония получила меморандум правительства ДВР, объявлявший о передаче Камчатки в ведение центрального советского правительства. «Японские власти не могут уяснить себе того обстоятельства, что подобный акт был совершён в то время, когда шли переговоры между японским правительством и Читой по поводу японских прав на рыбные промыслы вдоль берегов Камчатки... Читинское правительство (правительство ДВР. — С. Г.) передало права на Камчатку или с целью избежать объяснений по поводу пересмотра русско-японского договора, или желая сделать этот вопрос предметом обсуждения между японским правительством и Советами». Газета полагала, во всех случаях Японии следует «принять собственные меры для охраны в будущем сезоне рыбной ловли. Поэтому понятно, что японские власти решили вооружить рыболовные суда и отправить военные корабли для защиты своих прав».

В начале мая 1921 г. была опубликована нота японского генерального консула, выражавшая мнение японского правительства по поводу использования рыболовных участков, расположенных на российской территории. «Ввиду того, что некоторые промышленники уже отправляются к таким участкам, на которых наступает рыболовный сезон, японское правительство считает невозможным дожидаться разрешения данных вопросов путём переговоров, поневоле вынуждено поставить, в виде чрезвычайной меры, условия, на основании каковых разрешается производство японцами рыбного промысла в текущем году. Эти условия заключаются в следующем:

— в текущем году японским рыбопромышленникам разрешается производство рыбного промысла на нижеуказанных участках по побережью русского Дальнего Востока: а) около ста восьмидесяти девяти участков, которые находятся в аренде в текущем году, б) около ста восемнадцати участков, на которые истёк срок аренды в 1920 г.;

— арендные платы и другие сборы собираются советом японских рыбопромышленников в русских водах “Рорио Суйсан Кумиай” в таких размерах, каковые должны вноситься в русскую казну соразмерно с прошлыми годами, и сдаются на депозиты в соответствующее учреждение. Расход этих денег производится лишь по указанию надлежащих властей;

— лица, занимающиеся рыбным промыслом, согласно вышеупомянутым условиям, пользуются защитой японских властей, как следует.

Само собой разумеется, японское правительство в силу этого постановления разрешает своим промышленникам производство рыбного промысла в самом ограниченном размере, а именно лишь на таких участках, на каковые они имеют право. При том условлено, чтобы они вносили соразмерные арендные платы, сборы и прочее в депозиты. И на случай какой-нибудь тревоги, в промысловые воды отправляются японские военные суда, приблизительно в таком количестве, что было летом прошлого года».

Вот как объяснила последнюю ноту газета «Голос Родины». Она сообщила, что японские промышленники, руководимые известным токийским предпринимателем Сейроку Цуцуми, решили добиться у своего правительства расширения японских прав в русских водах. В результате их ходатайства японское правительство разрешило своим соотечественникам, работавшим на Камчатке на условиях прежних арендных договоров, вносить арендную плату вместо русского казначейства в токийское. Оно также освободило их от контроля русских консулов. «Достигнув намеченных целей, группа Цуцуми принялась реализовывать полученные преимущества. Последовало объединение крупных японских рыбопромышленников в синдикат, известный под названием “Ничиро Кайша”. Синдикат пользуется крупной поддержкой японских банков, стремится монополизировать рыбное дело вытеснением русских рыбопромышленников».

19 мая 1921 г. представители Петропавловской городской думы и морского ведомства, городской голова и начальник народной охраны составили акт о том, что «Ивами» и «Канто» во время зимней стоянки сбрасывали шлак и мусор под лёд, а после его вскрытия — в воду. Часть шлака с «Канто» была вывалена на берегу, «чем сделала берег ковша непроходимым». Далее в бумаге говорилось о том, что подобные стоянки, которые «не считаются с общегосударственными интересами, будут засорять бухту, делая этим небезопасным вход в бухту судов, а, отравляя нечистотами воду, препятствуют заходу в бухту весенней сельди», отражаясь на благосостоянии граждан. Акт был предъявлен областному комитету.

Комитет, соглашаясь с высказанным мнением, обратился в японское консульство, прося распорядиться командирам кораблей убрать шлак в место, указанное городским самоуправлением, а также с тем, «чтобы в будущем шлак, мусор, и нечистоты не выбрасывались в бухту, а вывозились на берег и там уничтожались, так как отбросы, выброшенные приливом на берег, подвергаются гниению, заражая воздух».

20 мая в консульство обратилась и городская управа. «От граждан города Петропавловска поступают в управу словесные заявления, что долгое пребывание в бухте “Ковш” военного транспорта “Канто” очень загрязняет бухту, принимая во внимание, что все нечистоты с судна и часть шлака выливаются и выбрасываются просто в воду. Отравляя нечистотами с судна воду, тем препятствуется свободный вход в бухту весенней сельди и вообще рыбы, и до минимума уменьшает этим ловлю, что тяжело ложится на скудный бюджет петропавловского обывателя. На основании сего городская управа просит вас уведомить управу, когда транспорт “Канто” предполагает выйти из бухты “Ковш”».

5 июня консул сообщил, что он передал обращение. Командиры японских кораблей ответили, что загрязнение территории порта стало следствием отсутствия в нём портовых правил и каких-либо специальных приспособлений. «Требования, изложенные в означенном письме, считаются несправедливыми, если только не существуют правила о порте Петропавловска, центральным правительством и на основании международных обычаев установленные, и не установлены сооружения и порядок, дабы прибывающие военные суда могли надлежаще соблюдать таковые правила и пользоваться соответствующими удобствами».

Вскоре «Ивами» и «Канто» ушли в Японию. Им на смену прибыли крейсер «Читосе» и три миноносца. Крейсер «Нийтака» в 1921 г. на Камчатку не приходил. 21 июня командиры кораблей представлялись главе областной власти. Старший японский начальник — командир «Читосе» капитан 1-го ранга К. Эндо — сделал привычное заявление о том, что целью их прихода является защита жизни и имущества японских подданных и покровительство привилегиям, «приобретённым... в этом крае. Следовательно, Япония не имеет никакого намерения вмешиваться во внутренние дела России». (Интересно, является или нет «вмешательством во внутренние дела» присутствие военного флота одного государства в территориальных водах другого без его официальной на то просьбы?)

Далее Эндо сообщил: «Хотя предполагается, что русская власть, безусловно, считает своею обязанностью обеспечить жизнь, имущество и приобретённые японцами права, но Япония, принимая во внимание несчастные события прошлого года на охотском побережье и настоящее положение на Дальнем Востоке, которое ещё не гарантирует полного спокойствия, вынуждена была послать вверенные мне военные суда в Камчатский район. При этом извещаю,

что я не замедлю принять соответствующие меры только в тех случаях, когда жизни, имуществу и интересам японцев станет угрожать опасность».

7 сентября 1921 г. миноносцы покинули берега полуострова и отправились на зимовку в Японию. Крупные корабли остались в порту, продолжая заниматься боевой подготовкой. Так, 13 и 14 сентября команда «Читосе» тренировалась в стрельбе в районе Култучного и Халактырского озёр.

Ослабление государственной власти в России, занятой гражданской междоусобицей, способствовало бесконтрольному хозяйничанью японцев на всём побережье Охотско-Камчатского края. Зачастую это выливалось в недостойные для представителей великого государства формы. По сообщению, пришедшему с парохода Добровольного флота «Сишан», ехавшие на нём японские рабочие агрессивно вели себя по отношению к русским пассажирам. По свидетельству очевидцев, «только благодаря благоразумию русских все наглые выходы японских рабочих были терпеливо снесены и обошлись без инцидента».

Этот случай был не единственным. Инспектор рыболовства Н. Н. Белов в отчёте о деятельности промыслового надзора в Западно-Камчатском районе в 1921 г. сообщал о том, что японцы совершенно не выполняли его законных требований. Они заявляли, что «русского правительства нет, а потому они, действуя по инструкции своего общества рыбопромышленников (Кумияй), не признают русский надзор и считаться с ним совершенно не намерены... В принципе придерживаясь русско-японской конвенции, ввиду отсутствия русской законной власти, они получили все документы в Японии, и с русским надзором поэтому считаться не будут...»

Японцы не только игнорировали распоряжения, но и нередко оскорбляли должностные лица. Это позволяли себе не только администраторы промыслов, но и обычно дисциплинированные простые рабочие. «“Русский собака”, “русский дурака” и другие более красочные слова были обыденными возгласами японских рабочих по отношению к проходящему надзору». Отмечались и случаи прямого нападения: один из рыбаков набросился на промыслового надсмотрщика с ножом.

Несколько инцидентов произошло и с участием военных кораблей. Так, 20 мая крейсер «Ивами» посетил остров Беринга. Его команда доставила сюда запрещённые к ввозу спиртные напитки. К вечеру всё местное население было пьяно. Утром следующего дня япон-

цы привезли «подарки»: девять пудов риса и старые вещи, сложив их возле помещения островного комитета. Позже собрание протрезвевших жителей решило эти «подарки» вернуть, отправив их на бывшей губернаторской яхте «Адмирал Завойко» в Петропавловск для передачи обратно на крейсер. Сделать этого не удалось, так как начавшийся шторм вынудил яхту уйти в море.

8 августа на острове Беринга местные жители задержали по подозрению в браконьерстве шестерых японцев. Для разбирательства их отправили на японском военном транспорте в Петропавловск. Однако спустя месяц нарушителей здесь так и не увидели, по поводу чего высказывалось мнение, что «едва ли это будет сделано, так как известно, что японские транспорты с Камчатки ушли».

На зимовку в 1921—1922 гг. в Петропавловске вновь остался вспомогательный крейсер «Канто». Вот несколько эпизодов, характеризующих его пребывание в порту. 7 февраля 1922 г. в помещении городской управы проходило первое торжественное заседание гласных новой думы. На нём присутствовали представители экипажа крейсера.

9 апреля на праздник Вербного воскресенья питомцы городского училища в сопровождении заведующего посетили «Канто» с экскурсией. Во время пасхальных торжеств «граждане имели большое удовольствие слушать духовой оркестр японского военного транспорта “Канто”. Ежедневно в течение двух часов оркестр исполнял лучшие части опер “Фауст”, “Риголетто”, “Кармен” и другие, и целые мелодии произведений японских и европейских композиторов».

16 мая по случаю отхода «Канто» в Японию его командир капитан 1-го ранга Сицида устроил прощальный приём для жителей Петропавловска. «С четырёх часов пополудни можно было наблюдать стечение горожан около пристани “Нихон Моохи” (японский торговый дом. — С. Г.), откуда кунгасы перевозили гостей на судно. Когда собрались гости, командир судна попросил всех в зал, где играл духовой оркестр...»

Вскоре «Канто» покинул Авачинскую губу, направившись на побережье, а 25 мая он ушёл с восточного берега в южном направлении.

А вот два не столь лирических сюжета, связанных с пребыванием корабля в Петропавловском ковше, показывающих, что он находился здесь не только для услаждения публики игрой оркестра.

26 мая 1921 г. во Владивостоке произошёл переворот, приведший к власти антибольшевистское Временное Приамурское правительство

братьев Меркуловых. 25 сентября 1921 г. из Владивостока на охотско-камчатское побережье отправилась военная экспедиция. 28 октября один из кораблей экспедиции — военный буксир «Свирь» — вошёл в Авачинскую губу. На следующий день советская власть в Петропавловске в очередной раз была низложена: члены обларревкома с верными им людьми ушли в сопки. 11 ноября в порт прибыл пароход Добровольного флота «Кишинёв», на котором приехал особоуполномоченный правительства Меркуловых в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич, известный на полуострове как рыбопромышленник и в определённой мере благотворитель.

Заместитель председателя свергнутого обларревкома М. Савченко-Славский в своём докладе в Дальбюро ЦК РКП(б), датированном 17 октября 1922 г., сообщал, что в феврале 1922 г. «наши отряды численностью в семьдесят человек сделали натиск на город (Петропавловск. — С. Г.), внимательно наблюдая за поведением японцев, которые приготавились к тому, чтобы разоружить отряды областного комитета. Взять город с бою больше не пытались, но установили тесную блокаду...

С 29-го апреля сего года... началась вторая кампания против Петропавловска. Отряд областного комитета увеличился до ста человек... Снова была попытка занять город Петропавловск, но в тот момент, когда один из отрядов пытался занять радиостанцию, с японского крейсера был высажен десант, вооружённый пулемётами, который направился против наступающих на город отрядов. Не зная положения на материке и тактики центра по отношению к Японии, от боя с японцами уклонились...»

Сведений о том, что во время завершившейся зимовки возникали прошлогодние сложности с захоронением отходов жизнедеятельности японских кораблей, не найдено. Можно предположить, что взаимоотношения между японцами и горожанами в этом были каким-то образом улажены.

В 1922 г. Япония пыталась достичь соглашения по конвекционному вопросу с правительством братьев Меркуловых. Его сорвали, с одной стороны, протесты ДВР и с другой — нежелание объединения японских промышленников вести переговоры на эту тему. Весной 1922 г. поводом к захвату Японией полуострова, по мнению правительства ДВР, могло стать «отсутствие на нём законного представительства и административного аппарата РСФСР». Поэтому, например, могли быть потеряны Командорские острова с их огромными пушными богатствами, в том числе из-за «неисполнения РСФСР обязательств по предоставлению содержания и пита-

ния охранной стражи на этих островах», вытекающих из ранее заключённых международных соглашений.

В конце весны 1922 г. на смену «Канто» пришёл уже известный камчатцам «Мусаши-Кан»: он появился в Петропавловске 29 мая. Вечером 12 июня прибыл пароход «Косоку-мару», доставивший уголь для кораблей японского флота. Кроме него отряд снабжали военные транспорты «Кошу», «Цуругизаки» и «Нозима».

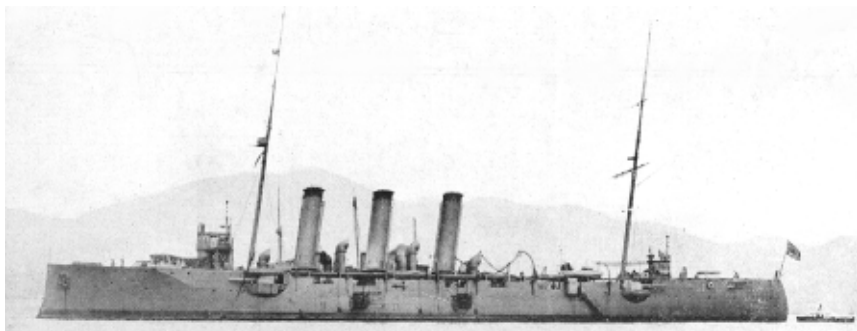
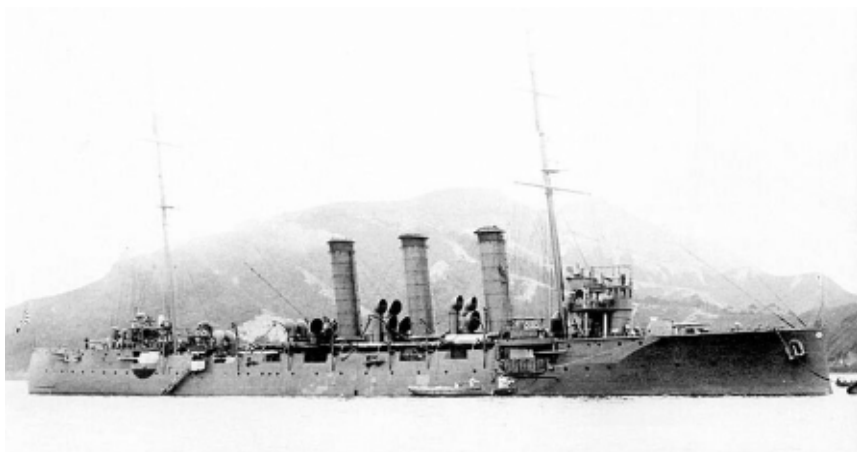
16 июня в Петропавловск пришёл крейсер «Нийтака» в сопровождении контрминоносцев «Мияке» и «Нияке». 20 июня на крейсере состоялся приём для городских властей. В этот же день на западный и восточный берега полуострова ушли оба миноносца, в Усть-Камчатск и Анадырь отправился транспорт «Кошу», а на север проследовал крейсер «Мусаши-Кан». Миноносцы вернулись в порт в воскресенье 2 июля.

Рано утром 5 июля на западный берег Камчатки снялся крейсер «Нийтака». 15 июля в Петропавловск прибыл военный транспорт «Цуругизаки», привёзший для отряда продукты. 20 июля «Нийтака» вернулся в порт, а ему на смену вышли миноносцы. Один направился на север, другой — на западное побережье. 25 июля в порт зашёл военный транспорт «Нозима», который спустя два дня ушёл на Восточную Камчатку.

4 августа в Петропавловск приехал заведующий пушными и рыбными промыслами Командорских островов Храмов, сообщивший, что 11 июля на острове Медном промысловый надзор задержал шлюпку с пятью японцами со шхуны «Хичиман-мару». Сама шхуна успела скрыться в море. 23 июля надзор здесь же арестовал шхуну «Сцито-мару», на которой обнаружил девяносто шесть свежеснятых котиковых шкур и пять живых песцов. Всего было задержано девятнадцать браконьеров, которых миноносец «Мияке» доставил для разбирательства в Петропавловск. Сама шхуна осталась на острове Медном.

В воскресенье 6 августа командование «Нийтаки» решило устроить спортивные игры и состязания по бегу с призами, для чего дало в городской газете следующее объявление: «Начало в двенадцать часов дня. Вход бесплатный. Японское командование приглашает петропавловцев посмотреть спортивные игры и желающих принять участие. Особых приглашений не будет».

8 августа вернулся из похода «Нияке», а утром 11 августа на восточный берег ушёл «Мияке». На следующий день, 12 августа, на западное побережье отправился «Нийтака». Это плавание стало для крейсера роковым...

Крейсер «Нийтака»

Крейсер «Нийтака» у косы Петропавловского порта, 1922 г.

Памятник морякам крейсера «Нийтака» в районе Озерной, 1923 г.

Научно-исследовательское судно Минземлеса Японии
в Петропавловске, 1926 г.

Японские рыболовные промыслы, 1920-е гг. (из фондов ГАКЖ)

Японский плавзавод

Арестованная японская хищническая шхуна в Петропавловске, 1911 г.
(из фондов ГАКК)

Арестованная шхуна на буксире (из фондов ГАКК)

Охранный катер на Командорах, 1927 г.

Петропавловск, начало 1920-х гг. На рейде — отряд японских миноносцев
(из фондов ГАКК)

Вечер-встреча японских моряков.
Петропавловск, начало 1920-х гг.

Японские моряки на фоне бывшего дома
петропавловского уездного начальника

Японское консульство в Петропавловске, 1921 г.

О том, как разворачивались дальнейшие события, повествует опубликованное в русской печати японское сообщение: «Крейсер “Нийтака” стоял на якоре в море около реки Озерной, пятьдесят один градус северной широты и тридцать два градуса восточной долготы. Ночью 23 августа подул сильный тайфун с юго-востока, и весь экипаж приготовился к встрече его. Утром 26 августа юго-восточный ветер переменился, и тайфун подул с юго-запада.

Набежали волны и покрыли палубу сплошным водяным валом, откуда вода полилась во внутренние части и лишила возможности топить котёл, кроме того, берег покрылся густым туманом и, наконец, корабль соприкасался с берегом моря.

Не имея никаких средств спасти корабль, все утонули с кораблём. Когда “Нийтака” тонул, играл национальный гимн “Кими-императора” за императорское государство и за крейсер “Нийтака”».

Судя по всему, команда корабля не ожидала такого поворота событий и была застигнута врасплох. Моряки оказались не готовы противостоять напору стихии. Сравнительно низкобортный крейсер, который, как показывал опыт, подвергался в шторм сильному заливанью и качке, был захлестнут волнами. Из его экипажа спаслись всего шестнадцать человек: матросы Окада, Акагава, Такаяна-ги, Янагизава, Итакава, Кояма, Такахати, Маэда, Хиросэ, Цукада, Чишику, Кавахара, Ямагабаями, Танигучи и унтер-офицеры Камихуза и Хатакеяма. Последний получил серьезные ранения, остальные существенно не пострадали. Имеются сведения о том, что часть моряков находилась на берегу. Возможно, что именно они и уцелели.

26 августа, с получением известия о гибели крейсера, на место катастрофы отправился миноносец «Мияке». К полудню 29 августа здесь были найдены тела шестнадцати моряков. Среди них оказались командир крейсера капитан 1-го ранга Кога, штурман лейтенант Нураяма, мичманы Ота и Хакамада, старший унтер-офицер Хирай, унтер-офицеры Кобаяси и Кубота, матросы Наказима, Иноуэ, Накано, Макикава, Сато, Имадоме, Огава, Маэда, Такино. Как отмечалось в донесении, «все покойные прилично одеты. На них флотские формы и никаких признаков мучения не заметно». Дальнейшие поиски позволили обнаружить ещё два десятка тел.

11 сентября в Петропавловск из района кораблекрушения вернулся транспорт «Нозима», доставивший сюда останки моряков «Нийтаки». 15 сентября состоялось торжественное прощание с ними. В двенадцать часов дня поклониться праху покойных на

транспорт прибыли делегации от петропавловского гарнизона, городского самоуправления и чинов гражданского управления. «В одном из трюмных помещений в носовой части транспорта, среди тишины вечного покоя, охраняемые часовыми матросами, спасшимися с крейсера “Нийтака”, предстали перед прибывшими в маленьких деревянных гробах испепелённые останки ещё так недавно покинувших наш рейд японских моряков в ожидании скорого отправления их на родину.

Здесь, в присутствии командира и господ офицеров транспорта и представителей местной японской колонии, начальник военной депутации подполковник Кузнецов от имени начальника гарнизона капитана 1-го ранга Ильина и военных чинов возложил венок, украшенный живыми цветами и лентами с надписью “Безвременно погибшим морякам крейсера «Нийтака» от гарнизона города Петропавловска-на-Камчатке”, выразив в краткой речи соболезнование и печаль императорскому японскому флоту, армии и дружественному нам японскому народу в постигшем их несчастье. И, отдавая последний привет погибшим, каждый военный глубоким поклоном попрощался с ними.

После выражения соболезнования начальника Петропавловского уезда господина Стецюка (эта временная должность была утверждена выехавшим с полуострова особоуполномоченным в Охотско-Камчатском крае Х. П. Биричем. — С. Г.) был возложен венок с надписью “Морякам японского флота, погибшим на крейсере «Нийтака», от чинов гражданских ведомств Камчатской области”. Городской голова господин Колмаков возложил венок с надписью “Погибшим морякам крейсера «Нийтака» от Петропавловского городского самоуправления”.

Командир «Нозимы» в краткой ответной речи поблагодарил депутацию горожан и военных. 17 сентября судно отправилось в Японию.

19 октября командир дивизиона миноносцев капитан 2-го ранга Накаяма посетил городского голову. Он выразил благодарность населению города от имени японских моряков «за дружеское отношение во время сравнительно долгого пребывания их здесь, а равно за внимание к ним и содействие городского самоуправления, как то: разрешение рыбной ловли, устройство игр и развлечений для команд в городе». На прощание Накаяма, пожелав «скорейшего установления полного порядка в России и Камчатской области, дальнейшего процветания дружбы между соседями Японией и Россией, развития промышленности и взаимных операций»,

просил передать от японских моряков местным школам и Народному дому пятьдесят и двадцать рублей соответственно.

Японские корабли ушли из Авачинской губы на родину 26 октября 1922 г. А 2 ноября Петропавловск покинули отряды белой русской армии. На короткий срок власть в областном центре перешла к городской управе. 10 ноября в город вошли красные партизанские отряды. Теперь здесь окончательно была восстановлена советская власть.

Остававшиеся зимовать на рыбалках японские сторожа нередко нарушали установленные правила, враждовали с местными обитателями. 4 февраля 1923 г. в Петропавловск «этапным порядком» доставлен и посажен под арест старший рабочий, он же сторож рыбалки фирмы «Люри» в устье реки Кихчик, японский подданный Нюро. Его арестовали за убийство обитателя селения Кихчик И. П. Боева.

7 марта на промысле в восьми верстах от реки Воровской обнаружено тело замёрзшего японца Хасебе, вероятно, сторожа. Об этом его соотечественники донесли местным властям, которые хотели предать его земле, но сторожа на рыбалках — японцы не согласились на это, а засолили его и оставили до прихода парохода». Сообщение об этом в местной газете было дано под заголовком «Засол японским способом», обыгрывавшем распространённый вид приготовления рыбы.

12 марта в соответствии с постановлением губревкома милиция на японской рыбалке у селения Компаково отобрала десять бутылок спирта. В ответ на это двенадцать рабочих под предводительством Нозова, вооружившись, ворвались в селение, где избили милиционера и некоторых жителей, «терроризировали население». На следующий день местные обитатели, «возмущённые наглým поведением японцев», объединившись, разоружили часть японцев и повязали их. Зачинщики же — Нозова, Хотезава и два их приятеля — успели скрыться. Их перехватили в Соболево, отобрали оружие и арестовали, отправили в Петропавловск.

«Этот в высшей степени возмутительный случай лишний раз подчёркивает буржуазную политику, проводимую здесь, на Камчатке, японцами. Им нужен беспорядок, им нужна та безалаберность в ведении хозяйства, которая до сих пор всячески ими поддерживалась в разных нарушениях и просто преступлениях. Но это время миновало невосвратно. Доказательством тому служит пример граждан селения Компаково, которые сами при пер-

вой бандитской выходке японцев просто арестовали их, и тем самым показали, что возврата к старому нет, что население поняло предстоящие задачи: восстановление порядка и законности на Камчатке во всех случаях жизни, что и должно приветствовать».

В 1923 г. японское военное присутствие в камчатских водах наблюдалось в тех же размерах, что и в прошлые годы. Вечером 21 мая в Петропавловский ковш вошли «Канто» и три миноносца. По заявлению командира отряда, боевые корабли «прибыли сюда с дружескими намерениями спасти потонувший в прошлом году их крейсер “Нийтака” и его людей, миноносцы же пришли ещё и с другой целью — это следить за правильностью рыбной ловли японскими рабочими на арендованных японскими рыбопромышленниками камчатских рыбалках».

Отклик новых камчатских властей на прибытие эскадры был достаточно резким. Вот он, изложенный пером яркого публициста В. М. Кручины: «Были точно такие же заходы и раньше, то есть в прошлые годы. Начальство таких судов обыкновенно сейчас же по прибытии расклеивало по городу Петропавловску объявления, в которых говорилось, что японские имперские военные суда, желая дружбы с русским народом, пришли охранять японских граждан, живущих на Камчатке. Тут же делалась приписка, в случае, ежели хотя бы одному императорскому подданному будет учинено какое-либо притеснение, то императорскими судами будут приняты решительные меры.

Как видно, разговор начинается о дружбе, переходит к охране, видимо от этой дружбы, “императорских подданных”, а в заключении говорится просто, что мы пришли сюда исключительно только за тем, чтобы вы, русские, не чинили препятствия нам, японцам, обдeldывать свои делишки...»

Губернский революционный комитет, представлявший на Камчатке советскую власть, теперь единственную на всей территории России, вернее, теперь уже СССР, не был извещён о прибытии японского отряда, оказавшись поставленным перед фактом появления иностранных боевых кораблей. «Приход военных японских судов в русский порт без всякого спроса и разрешения власти республики Советов, то есть рабоче-крестьянского правительства, больше чем непонятен».

Вывод же из случившегося был сделан такой: «Пользуясь своей технической силою, японцы не сочли за нужное хотя бы поставить в известность русское рабоче-крестьянское правительство о своём высокочеловеческом намерении спасти людей... Для нас их

цель ясна. Первое — создать моральное давление на русскую власть и русское население вообще, чтобы в случаях нарушения японскими рыбопромышленниками тех или иных рыболовных правил они не соизволили бы учинить препятствие к оному. Второе — это давление на своих, забытых, угнетённых рабочих, чтобы они не вздумали заразиться большевистской заразой».

Итак, японцы, несмотря на изменение политической обстановки, по-прежнему чувствовали себя хозяевами положения на камчатском побережье. Нередко они действительно испытывали новую власть «на прочность». Так, 22 мая в Петропавловск зашёл японский пароход «Синьо-мару». На следующий день в бухте его не обнаружили. Пароход исчез, не оформившись. Это являлось грубейшим нарушением правил судоходства и показателем неуважения к местной власти.

«Ни в одном государстве, ни в каком порту, ни одно судно не может сделать того, что сделал пароход “Синьо-мару”... Всё это ясно и японцам... и, конечно, при другом стечении обстоятельств, командир “Синьо-мару” не рискнул бы, войдя в иностранный порт, не оформив того, что положено, выйти из такового, не сообщив цель своего прибытия, своих дальнейших намерений и того места, куда он пойдёт». Впрочем, через пять дней нарушитель вновь появился в Авачинской губе с повинной: в Усть-Камчатске его не допустили к разгрузке из-за отсутствия разрешения губревкома на право каботажного плавания.

Похожая история приключилась и с пароходом «Шохо-мару», который также прибыл в Усть-Камчатск без необходимых документов. Отсюда пришлось ему не солоно хлебавши идти в Петропавловск. Получив здесь разрешение, вечером этого же дня пароход вновь отправился в Усть-Камчатск на рыболовный участок фирмы Ничиро.

В июне один из миноносцев остановился на створе Петропавловского ковша, перегородив фарватер. Советское военное командование предложило ему освободить проход, переменив место стоянки на более подходящее, что и было выполнено в тот же день. Твёрдая позиция властей, видимо, произвела на японцев впечатление, так как после этого случая подобные грубейшие нарушения международных обычаев и правил мореплавания с их стороны в порту Петропавловска более не отмечались.

Местное военное командование позволило кораблям получать за плату воду из городского водопровода. Морякам, как и в прежние годы, разрешался съезд на берег для прогулок.

30 мая «Канто» отправился в Озерную к месту гибели крейсера «Нийтака». Наиболее ценное оборудование и приборы сняли с корабля и погрузили на транспорт. Останков погибших моряков не нашли. Для того чтобы очистить фарватер для прохода судов, корпус крейсера было решено взорвать. На берегу напротив места прошлогодней трагедии японцы установили памятник своим погибшим соотечественникам.

Японские корабли продолжали патрулировать советские берега до начала войны на Тихом океане между Японией и США, когда их пребывание возле Камчатки стало, по понятным причинам, невозможным.

Арест японской шхуны

Утром 7 июля 1933 г. советские пограничные власти задержали на восточном берегу Камчатки в пятидесяти милях от Петропавловска промысловую шхуну «Котохира-мару», принадлежавшую японской «Тихоокеанской рыбопромышленной компании». Судно, капитан и команда в числе одиннадцати человек были арестованы и под конвоем пограничников отправлены в Петропавловск. По мнению советской стороны, шхуна пребывала в запретном районе — в пределах трёхмильной зоны территориальных вод СССР.

В этот же день работавший на Камчатке дипломатический агент Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР Г. Д. Тихонов посетил японское консульство в Петропавловске, сообщил о задержании шхуны и просил представителя консульства присутствовать во время выяснения обстоятельств дела.

Подобные происшествия возле камчатских берегов наблюдались ежегодно. Япония признавала территориальными водами вначале России, а затем СССР трёхмильную полосу вдоль их берегов. В 1908 г., принимая закон о морском рыболовстве, Россия установила двенадцатимильную зону территориальных вод. Так как Япония заявила о непризнании такой зоны, а российская сторона ничего на это не ответила, то по спорному вопросу тогда не было достигнуто никакого определённого соглашения. После начала действия советско-японской рыболовной конвенции, заключённой в январе 1928 г., в СССР в октябре 1929 г. был принят закон, подтверждавший двенадцатимильное пространство территориальных вод. Японцы не восприняли и это решение. В итоге из-за

расхождения мнений сторон возникало множество случаев, когда японские суда арестовывались или подвергались осмотру с точки зрения Японии в международных, а с точки зрения СССР — в советских территориальных водах.

Нередко такие столкновения сопровождались потерей имущества (в результате изъятия судов и промыслового вооружения) и человеческими жертвами. Так, в 1925 г. в Охотском море был задержан краболов «Ристо-мару», а в июле 1927 г. был убит капитан моторного катера «Нитто-мару», принадлежавшего краболову «Кантон-мару». По данным японской стороны, краболов пытался оказать помощь зафрахтованному СССР японскому судну, терпевшему аварию возле мыса Утхолокский. Когда катер подошёл к нему, то был обстрелян, а его капитан погиб.

Частичное решение этой сложности было достигнуто в 1928 г., когда после переговоров СССР обещал «не захватывать японских судов, не заходящих в трёхмильную зону». В противном случае советские пограничники могли применять оружие. Так, в начале лета 1933 г. наряд обстрелял группу японских рыбаков, в результате чего были убиты три человека. Впрочем, это действие было признано неправомерным. 2 июля 1933 г. в Москве советская сторона согласилась с требованием японского правительства о наказании виновных и возмещении причинённого вреда. Вскоре пограничники, причастные к происшествию, были арестованы. В их число попал начальник камчатской пограничной охраны Киселёв.

Находившийся неподалёку от задержанной шхуны пароход «Хациман-мару», ставший свидетелем, немедленно сообщил об этом японскому сторожевому кораблю, который в свою очередь сейчас же известил Морское министерство Японии. Последнее уведомило Министерство земли, леса и рыболовства (Минземлес), ведавшее японскими промыслами на Камчатке. В его распоряжении имелось охранное судно «Кинрэ-мару», в то время пребывавшее в районе устья реки Камчатки. «Кинрэ-мару» немедленно снялось в Петропавловск «для обследования положения».

Незадолго до этого случая японские власти задержали два советских парохода, принадлежавших Дальрыбе. Оба судна, зашедшие в японские воды в районе Курильских островов, под охраной отряда полиции были отконвоированы в порт Немуро. Первое — пароход «Снабженец» — 2 июля отправилось с Камчатки во Владивосток. По пути оно изменило курс, для того чтобы снабдить водой севший в мае 1933 г. в районе Курильских островов на мель плавзавод «Постышев». Второе, также следовавшее во Вла-

дивосток, должно было зайти на Сахалин для высадки пассажиров, но отклонилось из-за непогоды. На обоих пароходах находились двести восемьдесят пассажиров и более сорока моряков.

Затянувшиеся следственные действия, ведшиеся японской стороной, тяжело отразились на ни в чём неповинных людях. 11 июля 1933 г. газета «Асахи» сообщала о том, что пассажиры и экипажи «из-за недостатка пищи находятся в тяжёлом состоянии. Имеется один случай смерти и несколько тяжелобольных».

Японцы, считавшие задержание «Котохира-мару» незаконным актом, рассматривали его как своеобразную месть за арест названных выше судов. Минземлес через японское Министерство иностранных дел заявило советскому правительству строгий протест и сожалело, что «несмотря на всё учащающиеся конфликты, японские сторожевые корабли всё же не имеют возможности высаживаться на советской территории». Японские дипломаты решили начать переговоры с советским правительством о том, чтобы впредь при возникновении подобных случаев можно было бы допускать в советские воды японские сторожевики «по мере возможности».

Видимо, советские власти чувствовали себя неуверенно. Японский консул информировал своё правительство о том, что «со стороны СССР проявлена осторожная позиция». «Так как японская сторона стоит на твёрдой позиции, то со стороны СССР заметна вроде некая боязнь в отношении того, было или нет незаконное действие японского парохода. Поэтому СССР считает наилучшим выходом из положения обоюдное тщательное обследование обстоятельств дела, но до окончания обследования СССР требует девятьсот иен залога и согласен сейчас выдать обратно пароход “Котохира”». Тихоокеанская рыболовная компания, считая требование советской стороны неосновательным, дала распоряжение капитану Ямадзаки повременить с уплатой залога.

По заявлению японской печати, «настоящий инцидент с пароходом “Котохира” и прочие инциденты крайне ухудшили обстановку в местностях Камчатки. С возникновением инцидента о расстановке сетей в устьях рек, японская сторона в прошлом году на конференции рыбопромышленников (в 1932 г. — С. Г.) вынесла решение об обеспечении безопасности во время рыбного лова. Однако СССР не считался с этим решением. Поэтому заинтересованные японские рыбопромышленники требуют заявления СССР строгого протеста в отношении инцидента с пароходом “Котохира”».

Во время следствия капитан Ямадзаки заявил, что его судно ловило рыбу на расстоянии около пяти миль от берега. Со стороны

мыса Шипунского появились два небольших сторожевых судна, командиры которых приказали остановить лов. Японский капитан стал доказывать, что он занимался промыслом вне территориальных вод, но его доводы не были приняты во внимание, и ему пришлось подчиниться требованиям пограничников следовать в Петропавловск для разбирательства.

В его ходе между японским представителем, секретарём консульства Гото, и дипагентом НКВД Г. Д. Тихоновым также «получились разногласия в определении территориальных вод. Первый настаивал, что пароход находился вне их, а второй — наоборот». Споры продолжились и в дальнейшем, теперь уже с участием консула С. Огата.

10 июля пароход «Унио-мару» обследовал спорное место и установил, что «Котохира-мару» занимался промыслом вне территориальных вод СССР и никаких правил не нарушал. На основании этого японский консул заявил строгий протест камчатским властям, потребовав освобождения судна.

11 июля капитан Ямадзаки сообщил руководству своей компании, что «команда парохода находится в благоприятном состоянии». Вскоре часть рыбаков выпустили из-под стражи.

23 июля 1933 г. Петропавловский народный суд вынес приговор по делу о задержании в советских водах японской шхуны «Котохира-мару». На её капитана наложен штраф, у него конфискованы пятьдесят плавных рыболовных сетей и гарпунное ружьё. Японская сторона не согласилась с таким решением и обжаловала его в вышестоящих советских судах. Летом следующего года приговор был отменён: 9 июня 1934 г. Хабаровский краевой суд ограничился объявлением капитану Ямадзаки предостережения о необходимости соблюдения им в будущем правил плавания в территориальных водах СССР.

14 июня 1934 г. конфискованное имущество было возвращено в Петропавловске японскому консулу Сайто. Он выдал местному суду расписку в том, что «консульством на основании решения краевого суда по делу японской шхуны “Котохира-мару” получены от властей города Петропавловска пятьдесят штук плавных сетей, а также и гарпунное ружьё со всеми к нему принадлежностями для передачи их владельцу Ямадзаки Кацузиро». На этом данное происшествие было исчерпано.

Пограничные стычки, связанные с задержанием судов, в 1930-х гг. были нередки. Японцы арестовывали советские суда, заходившие в прибрежные воды принадлежавших Японии Курильских островов,

подозревая их в ведении разведки расположенных здесь военноморских баз. Показательной в этом плане является история задержания в 1931 г. траулера «Буревестник». Судно ловило рыбу в районе Озерной. По окончании промысла оно отправилось в Петропавловск для сдачи улова. При подходе к Первому Курильскому проливу траулер был окутан сплошным туманом. Капитан решил пройти через Четвёртый пролив, но здесь судно попало в шторм. Малое количество оставшегося угля вынудило его подойти к острову Парамушир и отдать якорь в надежде переждать непогоду.

Подошедший японский эсминец арестовал судно за нарушение границы и отвёл его на буксире в порт Немуро. Здесь «Буревестник» находился двадцать девять суток, ожидая своей участи. Затем его отпустили, предварительно снабдив углём и водой.

Такая же история приключилась и с траулером «Пешков». 20 мая 1934 г. в Токио было достигнуто соглашение о возвращении его в СССР. 31 мая судно отправилось во Владивосток.

Как видно, причиной захода советских пароходов в японские территориальные воды становились навигационные ошибки или тяжёлые метеусловия: суда не располагали обычными для современных судов эхолотами, локаторами и прочими средствами, облегчавшими судовождение. Зачастую их капитаны не имели и прогнозов погоды. Спецслужбы обеих сторон делали свои выводы: японские подозревали наших моряков в шпионаже, а советские — нередко обвиняли соотечественников в попытках «угнать суда в Японию».

Вблизи советских берегов нарушения пограничного режима заключались, как правило, также в заходе в территориальные воды. Кроме этого, японские промысловики нередко нарушали правила рыболовства, установленные конвенцией 1928 г. и дополнительными соглашениями к ней.

13 июня 1934 г. пограничный сторожевой корабль «Воровский» обнаружил неподалеку от мыса Лопатки стоявшую на якоре шхуну № 3417. Заметив сторожевик, та выбрала якорь и полным ходом пошла на юго-запад вдоль берега, не выходя из территориальных вод. После трехкратного предупреждения гудком с «Воровского» шхуна остановилась и была досмотрена. На ней оказались девять человек экипажа, сто свежевыловленных рыбин и мокрые тресковые сети. После составления акта пограничники отпустили задержанное судно.

В японскую печать попали слухи о том, что «Воровский» обстрелял рыбаков. Их источником стала шхуна «Кайо-мару», находившаяся

неподалёку от места происшествия. 16 июня 1934 г. НКВД поручил своему дипломатическому агентству проверить эти сведения, которые не нашли подтверждения. 18 июня советский дипломатический агент передал японской стороне официальный протест против имевшего место 13 июня нарушения границы. В нём указывалось, что советские пограничники, «исходя из искреннего желания избегать конфликтов и осложнений, для первого случая в этом рыболовном сезоне обошлись весьма либерально с хищнической шхуной. Однако дипагентство совсем не уверено, что они будут поступать таким же образом при повторении случаев хищнического лова в наших водах и нарушений территориальных вод СССР...»

Вот небольшая хронология нарушений территориальных вод СССР в июне и июле 1934 г.

10 июня на южной стороне мыса Шипунского, у самого берега, стоял на якоре японский катер, занимавшийся убоём сивуча. При приближении советского кавасаки он снялся с якоря и ушёл в море в район нахождения транспортных судов, за пределы трёхмильной зоны.

В этот же день на участке пограничного контрольного пункта «Кроноки» в двадцати трёх километрах юго-западнее реки Ольга, в ста метрах от берега стала на якорь шхуна. С неё в лодке на берег высадилось несколько человек. Выехавший к месту нарушения границы начальник пункта установил, что японцы брали пресную воду. Всего шлюпка сделала до десятка рейсов от берега к шхуне. Советской стороной составлен односторонний акт.

30 июня, снова на участке «Кроноки» в районе большого водопада, примерно в трёх сотнях метров от берега, стала на якорь шхуна № 69, с которой на шлюпке высадились на берег шесть человек. Набрав пресной воды, четверо возвратились на шхуну, а два остались на берегу, занявшись стиркой белья. По предложению начальника пункта оставшиеся были увезены на шхуну. Составлен односторонний акт.

6 июля у мыса Жупаново в пятидесяти метрах от берега стоял на якоре промысловый кавасаки АКО, к которому с моря подошёл японский катер № 146, команда которого спрашивала, в каком районе они находятся и куда ушли их суда. Получив ответ, катер направился в море. Составлен односторонний акт.

9 июля сторожевой катер «Кит», шедший из бухты Бечевинской, у мыса Шипунского в двухстах метрах от берега обнаружил двадцать два японских катера, ловивших рыбу. Несколько япон-

цев высаживались на берег, но при приближении советского катера поспешно возвратились на свои. Один, под № 492, задержался, так как конец якорной верёвки был закреплён слишком крепко. При подходе к нему «Кита», японцы обрубили конец и быстро скрылись. По сообщению китобойца «Трудфронт», 10 июля в этом же месте вблизи берегов находилось около десятка катеров. Снова составлен односторонний акт.

19 июля инструктор обкома партии, следуя на кавасаки в Петропавловск, в районе бухты Бечевинской заметил в двух милях от берега два японских транспортных судна, стоявших на якоре, и возле них семь мелких судов.

23 июля катер «Кит» обнаружил в полутора милях от берега в районе мыса Кекурный шхуну № 91.

26 июля в зоне ответственности Большерецкого морского контрольного пропускного поста близко от берега ловили пять катеров и три кавасаки. Составлен односторонний акт.

Надо отметить, что в ряде случаев причиной нарушений являлась потребность моряков и рыбаков в пресной воде. В связи с этим советский дипломатический агент в Петропавловске в беседе с японским консулом Сайто высказал предположение о том, «что местные власти не отказались бы рассматривать ходатайство консула о заходе в наши территориальные воды японских рыбопромысловых судов для пополнения запасов пресной воды».

13 августа Сайто вручил ему письмо такого содержания: «По поводу нарушения границы советских территориальных вод японскими рыболовными судами и незаконной высадки на берег команд, случаи коих якобы повторяются в июне месяце каждого года в районе мыса Кроноцкого. В беседе с Вами я высказал своё мнение, что главной причиной таких случаев явилась бы нужда в питьевой воде. На это Вы со своей стороны высказали мнение, что если формально возбуждены перед советскими властями ходатайства о разрешении на доставку питьевой воды в определённых временах и местах, то они сразу не отказались бы от удовлетворения таких ходатайств...

Содержание этих бесед мною было донесено своему правительству. Уже в этом году, поскольку прошло время рунного хода рыбы, не предполагается повторения подобных случаев, однако всё же я питаю глубокую надежду на осуществление вышеуказанного Вашего дружественного предложения для того, чтобы со следующего года абсолютно устранить появление подобных случаев нарушения. Исходя из такового своего горячего желания, я имею

честь обратиться к Вам с просьбой подтвердить Ваше заявление о готовности принятия в любезное внимание ходатайств разрешения на доставку воды, если таковые ходатайства будут возбуждены со следующего года японскими судами, занимающимися рыболовством в открытом море...»

Понятно, что на Камчатке этот вопрос закрыть самостоятельно не могли, требовалось разрешение «центра».

В 1934 г., помимо захода в трёхмильную зону, впервые наблюдались хищения японскими краболовами сетей, выставленных советскими судами. Всего было отмечено семь таких случаев. Так, в начале августа исчезли почти тысяча девятьсот сеток стоимостью свыше тридцати пяти тысяч рублей, принадлежавшие «Второму краболову». Подозрение пало на плавзаводы «Ваканура-мару» и № 33.

«1934 г., августа 2-го дня, Охотское море, плавзавод “Второй краболов”. Мы, нижеподписавшиеся, старшина кавасаки № 5 Ефимов Л. И., моторист Ольховой, ловцы товарищи Доценко, Песковец и Сердюков составили настоящий акт в следующем: 1) 28 июля 1934 г. нами было поставлено... сто пятьдесят сетей. При съёмке 30 июля 1934 г. обнаружили, что сто десять сетей сняты японским краболовом № 33. 2) 31 июля 1934 г. нами поставлено... сто сетей, при съёмке обнаружено, что шестьдесят сетей 2 августа 1934 г. сняты японским краболовом № 33. Что и постановили записать в настоящий акт».

Нередки были случаи «пересыпки» сетей, то есть постановки ловушек поверх уже стоявших. Так, «Ваканура-мару» «пересыпал» сетки краболова «Коряк». При подъёме они «частью порвались, частью остались в море. 7 августа 1934 г. был подготовлен вот такой документ. «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что после постановки и освоения нами нового крабового поля... явились 3 августа в девять часов вечера два японских разведчика, принадлежащие японскому краболову “Ваканура-мару”, и пересыпали все выставленные нами сети в количестве четырёх тысяч семисот тридцати пяти штук на глубине тридцать сажень. При съёмке сеток наши сети рвались, лебёдки, вследствие тяжести при такой глубине, ломались, и при всей съёмке из-за данного случая потеряно в море 225 сеток, что принесло краболову значительные убытки. Командир краболова “Коряк” *Егоров*, помощник капитана по политчасти *Лебедев*, заведующий ловом *Шашин*, старшина кавасаки *Глазенько*, председатель судового заводского комитета *Лузин*».

В свою очередь руководитель краболова «Сингу-мару» Хорагучи 8 июня 1934 г. обвинил советский краболов «Микоян» в пересыпке его сеток. Он обратился к капитану «Микояна» с таким посланием: «Передайте это письмо всем советским краболовам. Милостивый государь, пользуясь случаем с нашим добрым соседом, имею честь глубоко приветствовать. Сим имею честь обратиться к Вам с маленькой просьбой. Дело как нижеследующее: Ваш краболов как раз выбросил сети среди нашего участка... Однако, мне думается, что направление Ваших сетей не такое, как наше, следовательно, полагаю, что сети Ваши находятся над нашими сетями. Покорно прошу Вас, чтобы Вы приняли доброе мероприятие к этому делу. Несмотря на нашу скромную просьбу, если Вы не примите никакого мероприятия или не хотите иметь взаимно добрые отношения, то мы вынуждены для защиты своего интереса снять все пересыпанные сети. Рассчитывая на Вашу доброту, я заранее благодарю, что Вы примите какие-нибудь меры. В ожидании Вашего скорейшего ответа с совершенным почтением остаюсь. Пароход “Сингу-мару”, управляющий *Хорагучи*».

Проведённое расследование показало, что Хорагучи ошибся: скорее всего, пересыпку произвёл какой-то из японских краболовов. Поэтому японцы дальнейшую переписку прекратили.

12 июня 1934 г. краболов «Сануки-мару» в районе Ичи за пределами трёхмильной полосы поставил свои сетки на ловушки участка завода № 6 АКО. 20 июня советский дипагент предложил японскому вице-консулу принять срочные меры к тому, чтобы краболов покинул участок АКО. Вице-консул ответил, что тот не нарушил советские территориальные воды, поэтому может оставаться там и продолжать работу. Дипагентство сообщило о происшествии НКВД СССР. Наркомат предложил разъяснить японцам, что в данном случае речь идёт не о монопольном праве АКО на часть участка, выходящую за пределы трёхмильного пространства, а о недопустимости японцам ставить сети там, где уже имеются снасти других промышленников, в частности, АКО.

Японская сторона согласилась с разъяснениями и указала своему консулу, чтобы он разобрался на месте с действиями «Сануки-мару» и принял меры для улаживания спора.

Впрочем, надо отметить, что большинство подобных происшествий чем-то особенным, как правило, не считались. «Обычно сетки, выставляемые краболовами, сносятся течением воды, теряются, путаются между собою, тонут и в отдельных случаях выбираются из моря вместе с крабами не тем краболовом, который их устанавливал.

Подобные потери вместе с действительными хищениями за последние годы являются обычным явлением в практике работы советских и японских краболов. Представить действительное положение вещей в этом вопросе невозможно. Поэтому в случаях, приведённых в актах, не носящих формы конфликтов между нашими и японскими краболовами, дипагентство не считало возможным и полезным ставить вопрос перед японским консульством, так как японскому в ответ на это смог бы привести десятки аналогичных обвинений против наших краболовов».

Одной из причин, заставлявших японцев идти на нарушения, стало истощение сырьевой базы их привычных промысловых районов. В 1934 г. японские плавучие крабозаводы, на которых работало около трёх тысяч человек, выпустили примерно сто восемьдесят тысяч ящиков консервов (в среднем, двадцать пять тысяч шестисот на судно) стоимостью семь с половиной миллионов иен. Эти показатели резко уступали достигнутому в предыдущие годы. Снижение крабовых запасов было особенно заметно на береговых участках, где для приготовления одного ящика консервов вместо пятидесяти пяти крабов в 1928 г., в 1934 г. требовалось уже от девяноста пяти до ста двадцати.

Рыболовный сезон 1935 г. прошёл без особых нарушений с японской стороны. Наиболее серьёзное происшествие вновь было связано с работой одного из краболовов. В середине мая 1935 г. плавзавод «Дзингу-мару» на полях советских частных компаний («Дальрыбпродукт» и «Торговый дом Бр. Люри») в районе Крутогорово пересыпал своими ловушками три с половиной тысячи сеток этих фирм. Поднимая их, «Дзингу-мару» забирал крабов из советских сетей, резал и топил их. К тому же, его катера ставили ловушки в запретном районе в полутора милях от берега. К 30 мая обе фирмы потеряли около восьмисот сорока сеток.

Представитель НКВД СССР Ф. Е. Чужеземцев заявил японцам протест и потребовал от консула С. Огата принятия мер. По его словам, консул в течение месяца заверял, что он сообщил о происшествии в Москву и Токио, но не имеет ответа. Взамен консул предлагал: «Пусть ваши рыбаки режут японские сети, или пошлите “Воровского” напугать японский краболов».

На предложение отправить на место происшествия надзорную шхуну Минземлеса «Сюнкоцу-мару», консул ответил, что не может сделать этого, так как шхуна ему не подчинена, и что она может выйти туда только после того, как закончат исследовательские работы на восточном берегу Камчатки. Пока продолжался обмен

дипломатическими посланиями, краболов выбрал улов и ночью 21 мая ушёл с места. «Сюнкоцу-мару» пришла сюда только вечером 20 мая, когда промысел уже был завершён. Её командование обратилось к руководству советского завода № 9 с заявлением, что оно хочет выяснить причины его недовольства. Но первые его вопросы не имели ничего общего с происшествием, а касались численности работавших на предприятии, выяснению мест их вербовки и количества рабочих-корейцев.

Администрация завода отказалась вести переговоры, переадресовав их в Петропавловск японскому консульству и дипагентству НКВД. Консул, узнав о таком повороте событий, выразил недовольство и неоднократно обращался в дипагентство затем, чтобы оно дало указание администрации завода на ведение переговоров с представителями шхуны. «Остаётся предполагать одно — что консул в данном случае очень хотел, чтобы с нашей санкции администрация завода выехала вместе с представителями “Сюнкоцу-мару” на крабовые поля, убедилась в том, что японских сеток (которые ночью были сняты “Дзингу-мару”) там нет, и доказать этим всю неправоту и необоснованность наших заявлений в отношении действий краболова...», — подозревали советские представители.

3 июля пограничники и рыбнадзор отметили, что на участке № 11 в Иче, занимаемом АКО, «Дзингу-мару» также поставил свои сети, к тому же в трёхмильной зоне. Акты, составленные на советских предприятиях, показали, что ущерб, нанесённый им действиями этого краболова, составил сто девять тысяч рублей.

Как Усть-Камчатск собирался десант отражать

Во второй половине 1930-х гг. советско-японские отношения заметно осложнились: на дальневосточных рубежах между сторонами назревал военный конфликт. Особое место во взаимодействии Японии и СССР занимала Камчатка. На полуострове исторически сложилось удивительное положение: в рамках рыболовной конвенции сотни километров морского побережья СССР на несколько месяцев в году становились площадкой, на которой размещалась производственная база другого государства.

Ещё в 1934 г. консул Японии в Петропавловске Сайто в интервью, данном корреспонденту японской газеты, заявил: «Рыболовные вопросы очень сложны, и из-за недоразумения по этим вопросам следует ожидать войны между СССР и Японией».

Естественно, что в условиях взаимного недоверия и подозрительности между двумя странами могли возникать различные недоразумения. Весной 1936 г. секретарь Камчатского обкома ВКП(б) В. А. Орлов обратился к районным партийным комитетам и политотделам комбинатов АКО с секретным посланием, после ознакомления с содержанием которого адресатам следовало его уничтожить. Документ разъяснял необходимость принятия самых строгих мер по предотвращению столкновений с японскими промышленниками и боевыми кораблями, «охранявшими рыбалки», чтобы избежать поводов к осложнению и без этого напряжённых отношений с Японией.

«Попытка фашистских групп японского империализма спровоцировать Советский Союз на войну особенно усилилась за последнее время. И эта попытка до сих пор не увенчалась успехом лишь благодаря правильно проводимой мирной политике нашей партии, всеми дальневосточными организациями в своей повседневной практической работе.

У нас здесь, на Камчатке, соприкосновение с японским империализмом осуществляется через рыболовные вопросы. Рыболовные же вопросы на Камчатке сейчас стоят в центре внимания наших взаимоотношений с Японией. И, надо полагать, что и на этом участке фашистские группы японского империализма будут всячески провоцировать нас в наступающем рыболовном сезоне».

Тем не менее, предупреждая возможные столкновения, правительство СССР распорядилось пресекать «в рамках корректного и вежливого обращения» все нарушения обязательств по рыболовной конвенции, заключённой в 1928 г., со стороны японских рыбопромышленников.

Сезон предыдущего 1935 г. прошёл с меньшим количеством нарушений с японской стороны, чем прошлые. Это в значительной степени было связано с тем, что наступил срок пересмотра рыболовной конвенции. 26 мая 1935 г. японское правительство официально заявило о своём желании вступить в новое соглашение о рыболовстве.

С советской стороны в 1935 г. «имели место случаи нехороших действий» отдельных работников промыслового надзора, в том числе взятки, грубое поведение и предъявление японцам необоснованных требований. Отмечались попытки некоторых директоров комбинатов АКО по собственной инициативе вступать во взаимоотношения с иностранными промышленниками.

Для сведения к минимуму контактов с иностранцами отныне все связи с ними разрешалось поддерживать только официально уполномоченным на это лицам и органам: дипагентству НКВД, сотрудникам НКВД и Дальрыбы. Представителям властей на местах (председателям райисполкомов) в случае обращения чиновников японского консульства, выезжавших на побережья для инспекции, следовало «оказывать необходимое законное содействие как официальным чиновникам страны, находящейся с нами в нормальных взаимоотношениях... Этим узким кругом взаимоотношений формального порядка и ограничиваются все функции отношений с японцами местных советских властей. Никакой инициативы в смысле ведения со своей стороны сношений с японцами местные власти проявлять не должны».

Ещё одной стороной взаимодействия советской стороны с японцами была передача имущества рыболовецких фирм на охрану в зимнее время, производившаяся по окончании сезона. Им считалось 28 сентября. Ранее японцы оставляли зимовать на промыслах нескольких своих сторожей, но с начала 1930-х гг. этот порядок был изменён. Теперь имущество сохранялось специально нанимаемыми советскими сторожами. Договоры на охрану японские фирмы заключали с правлениями колхозов, расположенных неподалёку от арендуемых ими участков.

При заходе японских кораблей в территориальные воды СССР местные власти не могли вступать с ними в какие-либо контакты, а о каждом таком случае им следовало немедленно извещать «соответствующие областные организации», то есть управление НКВД и дипагентство НКВД.

Переговоры о продлении рыболовной конвенции закончились в ноябре 1936 г. подписанием особого соглашения. Но в связи с тем, что Япония и Германия 25 ноября 1936 г. заключили Антикоминтерновский пакт, советское правительство отказалось утвердить его. С 1936 по 1940 г. действие старой конвенции ежегодно продлевалось временными соглашениями. Японское правительство в течение этого периода неоднократно пыталось добиться утверждения советской стороной решений 1936 г. или начать переговоры о заключении новой конвенции.

Тем временем на Дальнем Востоке продолжали сгущаться тучи. В 1935 г. СССР, опасаясь военного конфликта, был вынужден уступить Китайско-Восточную железную дорогу. Летом 1937 г. началась японо-китайская война. СССР поддержал Китай не только

дипломатически и финансово, но и поставками вооружения, а также отправкой военных советников и добровольцев. Это также не способствовало улучшению отношений с японской стороной. Ко всему этому добавлялись многочисленные пограничные стычки.

19 февраля 1938 г. грузовой пароход «Кузнецкстрой» с экипажем в двадцать пять человек с тридцатью семью пассажирами был вынужден зайти за углём в японский порт Хакодате, где его задержала морская полиция. Японские власти обвинили капитана В. С. Калитаева в незаконном заходе в японские воды. Через месяц, 19 марта 1938 г., состоялся суд, приговоривший его к штрафу в полторы тысячи иен. В конце месяца судно было отпущено и 7 апреля вернулось во Владивосток.

По словам капитана, «Кузнецкстрой» 12 февраля вышел из Петропавловска во Владивосток. Первые пять дней плавание протекало при благоприятной погоде, но вечером 17 февраля в Сангарском проливе пароход застиг сильный шторм. Запасы топлива на судне подошли к концу, оно несколько раз теряло управление. Капитан дважды информировал портовые власти Хакодате о необходимости захода в порт. После прибытия сюда, где его поначалу встретили как обычное судно, на «Кузнецкстрой» поднялись пятнадцать полицейских, проводивших обыск и грубо обращавшихся с командой и пассажирами. Угля японцы не дали.

Кроме «Кузнецкстроя» был задержан один из советских рефрижераторов, потерпевший аварию возле японских берегов. Японские власти арестовали и судили его капитана.

Вечером 3 июня 1938 г. к Петропавловску подошёл пароход «Довер-мару». В это время порядком штормило, стоял плотный туман. Для встречи судна вечером 3 июня и утром следующего дня из ковша выходил катер. Так как оно не подавало сигналов, то найти его в тумане не удалось. Портовые власти ожидали, что с улучшением погоды пароход вновь появится, но когда туман рассеялся, на рейде его не оказалось. 16 июня стало известно, что японская печать представила дело так, что портовые власти Петропавловска отказались принять «Довер-мару». Расследование показало, что это был вымысел.

По установившемуся порядку, суда входили в порт только с лоцманом на борту. Они должны были накануне сообщать о времени своего захода. Вероятнее всего, произошло обычное недоразумение: «Довер-мару» выполнял случайный рейс, назначенный вместо регулярного, совершавшегося экспрессом «Синдо-мару». Вполне возможно, что его капитан не знал этого порядка.

Этот случай в свою очередь мог отозваться на судьбе советских судов, проходивших вблизи японских вод. Для предупреждения возможных осложнений, 17 июля 1938 г. капитан парохода «Харьков», стоявшего в Петропавловске, просил сообщить ему о том, какие формальности необходимо выполнить для беспрепятственного захода в Хакодате, куда он предполагал выйти на следующий день. Японский консул в ответ на это заявил, что «Хакодате — открытый порт, и что пароходы могут заходить туда свободно».

Советской стороне это было известно, но, памятуя о случившемся с «Кузнецкстроем», она запросила, нет ли каких-либо изменений в существовавшем порядке захода. Он сводился к следующему: капитан должен был примерно за сутки дать телеграмму начальнику таможни с указанием времени прибытия. Советские капитаны обычно слали телеграммы начальнику порта, но в японских портах такой должности не было, а все необходимые формальности выполняла таможня.

В середине июня 1938 г. сторожевой корабль «Воровский» арестовал и отвёл в Петропавловск на разбирательство четыре японских шхуны — «Кисаки-мару», «Томой-мару», «Тайсей-мару» и «Конпио-мару», ведших хищнический лов. В связи с их задержанием японский консул в Петропавловске задал советским представителям вопрос: «Что же, это нужно рассматривать как ответную репрессию за рефрижератор?»

Ответ гласил, что это «не ответная мера, но мы имеем полное право судить нарушителей. Пароход-рефрижератор, а также “Кузнецкстрой” были арестованы японскими властями незаконно, а мы имеем дело с нарушителями».

Консул заметил, что японские власти тоже всегда могут найти формальную причину для ареста. В это же время было отмечено нарушение границы СССР эсминцем «Камикадзе». В свою очередь, 9 и 10 июня советские рыболовные суда, зашедшие на японский участок, порвали там пятьсот пятьдесят сетей.

В июле и августе 1938 г. возле озера Хасан, расположенного в ста тридцати километрах юго-западнее Владивостока у границы с Китаем и Кореей, произошло первое крупное военное столкновение, вызванное вторжением японских войск. 29 июля японцы перешли советскую границу и захватили высоту Безымянную. 31 июля они заняли сопку Заозёрную. В ходе ожесточённых боев 6—9 августа обе высоты были отбиты, а 11 августа военные действия закончились серьёзным поражением агрессора.

Угроза начала большой войны, особенно с учётом присутствия на полуострове японцев, общая численность которых в 1930 г. составляла двадцать две тысячи двести тридцать четыре, а в 1934 г. — почти восемнадцать тысяч человек, способных, по мнению советских властей, сыграть роль «пятой колонны», требовала разработки мер оборонного и идеологического характера. В связи с этим был составлен мобилизационный план Усть-Камчатского района, подготовлены необходимые материалы и проведены учения по сосредоточению военнообязанных на пунктах сбора и «сгона тяговой силы» в сельсоветах. Их организация возлагалась на военного инспектора райисполкома и военного комиссара.

В плане содержалось обращение к населению, в котором упоминались только что произошедшие хасанские события. «Вопреки мирной политике нашей партии и правительства, японские империалисты, поддерживаемые капиталистами других стран, напали на родину трудящихся, страну Ленина — Сталина. Вооружённые крейсерами, танками, аэропланами, они без соблюдения каких-либо международных правил, без объявления войны вторглись внутрь страны Советов для уничтожения форпоста социализма на Дальнем Востоке, для того, чтобы легче и безнаказанно грабить трудящихся Китая, Маньчжурии и трудящихся советских рубежей... Товарищи рабочие и колхозники! Враг у ворот Дальнего Востока и Камчатки, местами вторгается на советскую землю. Нет места унынию и панике!»

Спустя год мобилизационная готовность Усть-Камчатского района прошла проверку в обстановке, весьма сильно приближённой к боевой.

В мае — сентябре 1939 г. произошли бои в нижнем течении реки Халхин-Гол, пересекавшей Монголию и Китай. Здесь советские и монгольские части нанесли крупное поражение вторгнувшимся на территорию Монголии японским войскам. Первое боевое столкновение случилось 29 мая. В начале июля японская ударная группировка, состоявшая из тридцати восьми тысяч человек, была разгромлена советскими и монгольскими подразделениями под общим командованием комкора Г. К. Жукова. Очередные столкновения имели место 8—11 и 24—25 июля 1939 г. 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление, и к 31 августа территория Монголии была освобождена от японцев. 4 и 8 сентября они вновь попытались вторгнуться сюда, но потерпели неудачу. В сентябре над Монголией шли упорные воздушные бои. Военные действия здесь закончились 16 сентября 1939 г.

На Камчатке отражением этих драматических событий стало резкое обострение отношений с японцами, пришедшееся на 18—21 августа 1939 г. в Усть-Камчатске. Непосредственным поводом к нему стал ультимаум японской стороны о выдаче ей к полудню 20 августа катера, задержанного советскими пограничниками за браконьерство ещё в мае этого года.

События разворачивались так. Во второй половине дня 18 августа на рейде рыбоконсервного завода АКО № 2 в полутора-двух милях от берега появились два эсминца. От их бортов отвалили два катера, «наполненные вооружённой до зубов морской пехотой в металлических шлемах во главе с морскими офицерами». Один из катеров подошёл к стоявшему у завода под выгрузкой угля пароходу АКО «Чавыча» и через переводчика потребовал у вахтенного помощника капитана передать властям или представителям НКВД два пакета.

Вахтенный помощник И. Д. Кадет принять их отказался, заявив, что бумаги следует направить властям непосредственно на берег. Капитан «Чавычи» предложил японцам отойти от борта парохода. Посоветовавшись с переводчиком, японский офицер приказал отчалить, и катер пошёл к ближайшему неводу № 3, у которого стоял морской катер комбината.

Японцы, приблизившись к бригаде советских рыбаков, предложили им принять пакеты. Рыбаки Осипов и Ахрипкин взяли их, а японцы «сделали угрозу: “Смотрите, не утопите пакеты, а то будет плохо! Сейчас же передайте пакеты начальнику НКВД!”» В одном из пакетов находилось требование о выдаче катера, во втором — документ о несогласии с таможенным уставом, в котором японцы указывали, что «советское правительство задевает интересы японского государства». Рыбаки отдали бумаги на катер, а позже моторист Калягин вручил их лейтенанту-пограничнику Маркину.

После этого японцы предложили всем стоявшим поблизости судам уйти к крайнему неводу, освободив тем самым рейд. Затем их катера подошли к своим рыбакам.

В половине восьмого вечера 19 августа секретарь Усть-Камчатского райкома ВКП(б) Кузьмин созвал «суженое» совещание, постановившее «раскрепить» партийный актив за заводами № 1 и 2 для «оказания помощи парторганизациям». Директор комбината Алексеев и начальник политотдела Санько к девяти часам вечера собрали в помещении конторы весь партийно-комсомольский состав предприятия. Всего здесь было около девяноста пяти человек.

Не явились двое членов ВКП(б), которых нигде не могли найти. Собравшимся роздали противогазы, организовали патрули, отдельных коммунистов послали на территорию «для проведения светомаскировки и разъяснения населению порядка». При ответственном дежурном по комбинату для связи и выполнения различных поручений находилось ещё десять комсомольцев.

Пятерых коммунистов решили отправить в ближайшие колхозы «для развёртывания агитационной работы по выборам (подразумеваются выборы в местные Советы. — С. Г.), а также международному положению». По комбинату также были разосланы агитаторы «для разъяснительной работы и рассасывания скопившихся групп населения».

Особую группу комсомольцев выделили для наблюдения за соседними японскими заводами. Утром она обнаружила, что на одном из них все ранее забитые окна вскрыты, а группа рабочих копает траншею. Как японцы объяснили позже, это была «канавка для отходов». Вероятно, земляные работы были расценены как рытьё окопов, что окончательно убедило советскую сторону в военных приготовлениях японцев.

Из женщин комбината собрали санитарный отряд в тридцать семь человек во главе с военврачом Возной и членом ВКП(б) Афонасьевым. Пункты медпомощи развернули в заводской амбулатории, библиотеке, больнице и «за протокой в квартире кандидата ВКП(б) Неворотовой». В медикаментах ощущался острый недостаток: особенно мало было бинтов, марли и йода.

Вскоре к помещению комбинатской конторы стали подходить беспартийные рабочие и служащие, выражавшие недовольство тем, что собирают только коммунистов и комсомольцев, и заявлявшие, что они «также желают принять участие в оборонных мероприятиях и просят снабдить их оружием и противогазами». Ночью заведующий химической лабораторией просил допустить его на территорию завода, чтобы достать имевшиеся там у него взрывчатые вещества. «Рвач и дезорганизатор С... работающий токарем, в течение пятидневки отказывавшийся отремонтировать катер из-за несходности в цене, отремонтировал необходимую деталь в тричетыре часа».

Морально-политическое настроение руководителей было, в основном, хорошее, некоторые из них отличились в подготовке плавсредств, предназначавшихся для переброски к Усть-Камчатску советских войсковых частей. Особенно хорошо здесь поработали Волошин, Пташковский и Алексеев. Правда, начальник водного

транспорта АКОторга Г... как следует из донесения, «четыре часа саботировал в предоставлении плавсредств, старался узнать, для чего нам нужны плавединыцы. С работы Г... сняли, о партийности ставим вопрос 5 августа на бюро».

К восьми часам вечера 18 августа была подготовлена светомаскировка, и с наступлением ночи комбинат погрузился в темноту. На главной котельной на всякий случай спустили пары. Около девяти часов вечера оба японских корабля осветили территорию комбината прожекторами, сосредоточив основное внимание на здании радиостанции и прибрежной полосе. Всю ночь они продолжали освещать комбинат, одновременно ведя переговоры по световому телеграфу со своим заводом. Между кораблями всё время курсировали моторные шлюпки. Пушки эсминцев были наведены на РКЗ № 2 и Усть-Камчатск. Корабли следили и за воздухом: когда днём 19 августа неподалёку пролетал советский гражданский самолёт, на него сразу же были нацелены стволы их зенитных орудий.

Ночью 19 августа японцы зачем-то сбросили в воду несколько ящиков яблок, которые прибило к берегу возле РКЗ № 2. «К утру весь берег был усеян прекрасными на вид яблоками, сброшенными в количестве пяти-шести ящиков с кораблей. Ни одно яблоко не было тронутو трудящимися и детьми». Несколько плодов начальник усть-камчатского гарнизона Лючков взял для проведения анализа, остальные приказал закопать в землю. «Двое комсомольцев собрали их и зарыли».

В ночь на 19 августа к берегу начали прибывать советские воинские части, оснащённые техникой и артиллерией. Среди них находился артиллерийский дивизион, вооружённый 152-миллиметровыми орудиями. Он принимал участие в Хасанских событиях. Территория комбината постепенно заполнялась военнослужащими. Настроение населения, увидевшего их, улучшилось. Все указания командования выполнялись людьми беспрекословно. Они помогали разгружать вооружение, рыли окопы, оборудовали стрелковые гнёзда.

«Для маневрирования войсковых частей» потребовалось срочно построить мост. Его соорудили силами партийцев и комсомольцев, трудившихся без отдыха в течение двадцати часов. «К всеобщему удивлению, особо чётко работал телефон с районом». В кабинете директора комбината шли непрерывные совещания. Отсюда поддерживалась связь с военным и политическим командованием подходивших частей.

Попутно с размещением войск, были намечены возможные пункты эвакуации населения. Для этого приготовили кунгасы, расставили трапы, назначили кунгасников и провожающих. За протокой построили сходни и пристани. Политотдел комбината подготовил к эвакуации партийные и комсомольские дела, прочие документы. Типография также была готова к отъезду. Но эвакуацию не начинали.

Напряжение достигло пика к полудню 20 августа. «Весь состав партийной организации и комсомола и основной костяк коллектива был в полной мобилизационной готовности и мог, в случае необходимости, дать четыреста-пятьсот бойцов». Обстановка несколько разрядилась после обеда, когда комендант погранохраны Величко передал японцам арестованный катер и от имени СССР предложил их кораблям покинуть советские воды.

Возврат катера многими расценивался как уступка японцам. Вечером 20 августа в помещении райкома ВКП(б) даже прошло особое совещание с партийным активом с разъяснением о необходимости «проведения агитации среди населения, связанной с передачей катера». Как отмечал секретарь райкома, «по этому вопросу были разные толкования. Кто говорил: “Не нужно было отдавать катер, а нужно уничтожить”. По этим вопросам необходимо было вести разъяснительную работу».

Несмотря на то, что японцы получили катер, их корабли оставались на месте до утра 21 августа. Затем они снялись с якорей и подошли к РКЗ № 2 на расстояние около километра, развернулись и двинулись вдоль берега в направлении РКЗ № 1. После этого эсминцы отвернули в море.

Население отзывалось на происходившее по-разному. «У 13-го барака группа домашних хозяек выставила на улицу патефон и организовала пляску. В землянке Сальниковой группа домашних хозяек в одиннадцать человек организовала попойку бражки. На столе стояла бочка с брагой. На вопрос: “Что является причиной такого веселья?”, они отвечали: “Лучше на тот свет отправляться весёлыми”. К вечеру 19-го числа начали появляться у отдельных лиц признаки беспокойства и паники. Машинистка Голованова спрятала в подполье чемоданы. Домашняя хозяйка Фёдорова надела на себя пятнадцать юбок и сбежала за протоку. Голованова ночевала в кустах.

Комсомолка Фёдорова с грудным ребёнком также намеревалась переехать за протоку, но была разубеждена. Комсомолка Богатырёва

забрала в сберкассе весь вклад и уехала за протоку. Плотник Корольков вырыл яму за ночь и залез в неё вместе с детьми.

Это единицы. Основная масса населения была насторожена, но готова к организованным действиям и предлагала свои услуги командованию. Одна из домохозяек заявила: «Я теперь вижу, для чего нам нужны займы, прошу меня подписать ещё на сто рублей!»

Подавляющее большинство местных жителей и рабочих всё время противостояния оставалось на заводах и в посёлке. «Был один случай, когда женщина с двумя ребятами ушла 19 августа в село Николаевку, а 20-го уже вернулась обратно». Правда, среди части работников возникли опасения за свои жизни. «На втором заводе были такие разговоры: “Здесь, наверное, сидят враги народа и поэтому не увозят отсюда население”. Откуда идёт этот разговор, точно установить не удалось», — сообщали «органы».

Оба завода АКО работали без перерывов, но на ночь рыбаков в целях безопасности снимали с неводов. 19 августа колхозники поймали в реке около шестнадцати тысяч рыб, но из-за отсутствия катеров, переданных военным, доставить их на заводы не удалось, почему весь улов испортился.

Все эти тревожные дни руководители района находились на комбинате. «Морально-политическое состояние было высокое и приподнятое». Секретарь Усть-Камчатского райкома ВКП(б) Кузьмин в докладе секретарю обкома партии С. Н. Николину об обстоятельствах недавно завершившихся событий, датированном 23 августа 1939 г., сообщал: «В заключение могу передать: было единое мнение, как у войсковых частей, так и у рабочих, колхозников, советской интеллигенции — уничтожить зарвавшихся японских самураев. К этому мы готовы в любое время».

«Итогом событий явилось общезаводское собрание женщин-домохозяек и работниц. В переполненном клубе был сделан доклад о международном положении и о японской провокации. Выступавшие работницы высмеяли паникёров и заявили, что они чувствуют заботу партии и правительства и лично товарища Сталина и готовы вместе со своими мужьями защищать священную советскую землю».

В этом сомневаться не приходилось.

Старожил Усть-Камчатска В. И. Гранин так вспоминал об описанных выше событиях: «В 1939 г. захватили японскую шхуну, двух или трёх японцев водили на допрос. Пришли два крейсера: “Если не отдадите, расстреляем Усть-Камчатск!” Связались с Москвой. Отпустили. Потом наши артиллеристы сделали пробный

выстрел по мишени — кунгасу — и попали точно в цель». 152-миллиметровый снаряд в щепки разнёс мишень, стоявшую как раз на том месте, где немногим ранее находился японский эсминец.

Усть-Камчатск был не единственным местом на камчатском побережье, где летом 1939 г. сложилась напряжённая обстановка. Вот свидетельство старейшего работника рыбной промышленности Камчатки Г. Ф. Буйвола, бывшего в то время механиком промыслового флота Жупановского комбината. «В самый разгар пуги у нас закончилось топливо. Директор комбината направил меня в командировку в Петропавловск на нефтебазу. В моё распоряжение выделили кавасаки с командой, состоявшей из старшины, моториста и матроса. Для выхода из советских территориальных вод требовалось разрешение начальника пограничной заставы. Ему также следовало докладывать и о возвращении.

Пост пограничной заставы располагался недалеко от второй базы. Получив разрешение, мы вышли в море. В Петропавловске погрузили топливо и отправились на вторую базу, чтобы доложить о возвращении. Когда мы подходили к месту, то увидели, что там стоят четыре больших японских военных корабля, а в бухте возле реки Жупаново находится наш сторожевик “Дзержинский”.

Был воскресный день. Днём раньше японская рыболовная шхуна нарушила границу и зашла в наши территориальные воды. С пограничного поста её заметили, из реки на перехват вышли два пограничных катера. Они арестовали шхуну за незаконный лов рыбы и привели её в речку Жупаново. На правом берегу реки в то время располагался рыболовецкий колхоз. К колхозным рыбакам подошёл японский военный корабль, и на русском языке с него спросили: “Не видели ли вы нашу шхуну?” Рыбаки, не подумав о последствиях, ответили, что она стоит в реке. Спустя некоторое время прибыли ещё три японских корабля, перекрывшие нашим судам, в том числе и “Дзержинскому”, выход из бухты.

Японцы выдвинули ультиматум: “Если в воскресенье к двенадцати часам дня шхуна не будет выдана, откроем огонь!”

В субботу, после того как они предъявили свои требования, женщин с детьми отправили в посёлок колхоза, мужчины же, вооружившиеся чем попало, ночью охраняли берега бухты от возможной высадки японского десанта.

Когда мы заходили в бухту, то проходили мимо японских кораблей... Через некоторое время к нам пришёл сам начальник заставы, который позволил нам идти по назначению... Когда мы проходили мимо японцев, то были спокойны, думали, что погони

за нами уже не будет. И вдруг... увидели появившийся на горизонте японский корабль...

Японцы решили взять нас на abordаж. На полном ходу к нам запрыгнули два матроса и офицер... В это время к борту подошёл бот и с него высадились ещё пять человек... Нас пришвартовали стальными тросами к головному кораблю, на котором находился их самый высокий чин, кажется, адмирал, точно утверждать не могу...

Вечером японцы стали вести переговоры флагами с “Дзержинским”. Утром в понедельник они спустили катер, в который сели два офицера. Он отправился к нашему кораблю. Один офицер пытался подняться на него, но ему этого не разрешили. Тогда он передал нашим морякам какие-то бумаги и вернулся восвояси.

Полагаю, что вопрос о нашем освобождении и выдаче шхуны в обмен на нас решился в понедельник во второй половине дня. Японцы снова начали вести переговоры с командованием “Дзержинского”. Они предложили нам приготовиться к отходу. Вскоре к нам подошёл японский катер, но вдруг все приготовления приостановились. Оказывается, во время выхода японской шхуны из реки, она села на мель. В это время был отлив. Пришлось ждать, когда наш катер, вышедший из речки, стянет её с мели.

Теперь нам позволили следовать в сопровождении японского катера навстречу шхуне, ведомой нашим катером. Когда мы встретились, то японский катер стал провожать свою шхуну, а наш — нас, доведя кавасаки до “Дзержинского”».

Вскоре после этого японские корабли подняли якоря и ушли. До военных столкновений на Камчатке в 1939 г. дело не дошло...

Активное рыболовство Японии в камчатских водах

Со второй половины 1920-х гг. советские органы, руководившие рыбной промышленностью на Дальнем Востоке, начали планомерное вытеснение японских конкурентов из конвенционных районов. Наступление на японцев принимало различные формы. Оно проводилось в виде ограничения количества выставляемых на торги рыболовных участков, предоставления наиболее ценных промыслов советским организациям различных форм собственности, увеличения государственного участия в отечественной рыбной промышленности.

В конце 1920-х гг. Япония перестала ограничиваться ловлей рыбы и краба в рамках действовавшей между ней и СССР рыболовной конвенции, оговаривавшей условия совместного берегового

рыболовства. С этого времени она начала активно расширять так называемый «активно-глубьевой лов», ведшийся в открытом море. Он рассматривался японцами как возможность существенного увеличения количества добываемой продукции без дополнительных обязанностей перед СССР.

Одним из способов противостояния советскому нажиму японская сторона избрала «глубинный» морской лов, ведшийся на расстоянии нескольких миль от берега вне трёхмильной зоны территориальных вод СССР. Отныне она рассматривала активное рыболовство как средство давления на СССР. Его развитие могло позволить добиться лучших, чем оговорённые конвенцией, условий для японских береговых промыслов, вплоть до ограничения развития советской промышленности.

Впервые методику промысла в открытом море японцы опробовали в 1927 г. в районе Усть-Камчатска. Вначале для этой цели они применили крупные ставные неводы, стоявшие за пределами территориальных вод СССР. Высокая стоимость таких сооружений, достигавшая полумиллиона иен, сильно отражалась на цене продукции и постепенно заставила отказаться от их широкого использования. С начала 1930-х гг. активный лов вёлся уже в двух направлениях: как ставными неводами, так и рыболовецкими флотилиями, состоявшими из траулеров, более мелких промысловых судов (сейнеров, кавасаки, кунгасов) и разведчиков. Они сдавали улов на крупные плавзаводы. В состав флотилий входили также пароходы-снабженцы и рефрижераторы, вывозившие замороженную рыбу в Японию.

Японский журнал «Течи Гио-Гио Кай» в ноябре 1930 г. писал: «С каждым годом наступление советских госрыбоорганизаций увеличивается, и в результате давления советских властей налицо имеется угроза прекращения нашей рыбопромышленности в русских водах... Если окажется, что лососёвых можно ловить не с береговых участков, а в открытом море, то можно будет производить промысел, не имея никакого отношения к СССР. Если бы пойманную рыбу можно было бы обрабатывать на плавучих заводах, как это делается на краболовах, то вопрос бы был разрешён. Если дело будет обстоять так, то вопрос рыбопромышленности в русских территориальных водах решится не дипломатическим путём, а чисто технически».

В 1930 г. свой глубинный невод вдоль берегов Камчатского залива на подходе к устью реки Камчатки выставила фирма «Яги». После этого подходы лосося в реку были почти полностью перего-

рожены сплошной стеной сетей. По словам японского источника, «постепенно практически осуществляется лов в открытом море, и в этом году в водах Восточной Камчатки работала фирма “Яги” при помощи ставных неводов».

Осенью 1930 г. Б. И. Гольдберг, директор-распорядитель АКО — самого крупного советского пользователя охотско-камчатских вод — в докладе краевому комитету ВКП(б) подводил итоги деятельности рыбной промышленности общества. Выполнение плана по добыче рыбы составило семьдесят шесть с половиной, по крабам — тридцать один процент.

Причинами таких слабых уловов он назвал слабый ход лосося и «срыв работы Усть-Камчатского завода фирмой “Яги” путём постановки стального невода», почти перекрывшего рыбе проход к берегу.

«Этот вопрос даже чисто политический. Мы ставили этот вопрос в правительстве, была по этому вопросу создана специальная тройка, и эту фирму сняли с промыслов, но тогда, когда ход рыбы уже прошёл. Фирма эта потерпела большие убытки. И понятно, если бы это не финансировалось японским правительством, то ни одна фирма не выдержала бы этого, она перенесла этот невод на западный берег».

Невозможность решить возникшую сложность дипломатическим путём вынудило советскую сторону к таким действиям. 15 июля 1930 г. пограничный сторожевой корабль «Воровский» с промысловым надзором на борту, возглавляемым старшим инспектором рыболовства К. Русских, подошёл к «месту установки хищнического забора фирмы “Яги”...

В два часа ночи “Воровский” вошёл в неводные заграждения, причём уничтожил один невод и во избежание его намотки на винты вышел задним ходом из сетей. Всего “Воровский” прорвал тройную линию невода, оттяжку, ловушки и крыло, причём крыло было на стальном полуторадуймовом тросе, так что трос пришлось рубить на лапе якоря». После этого корабль ушёл к рыбоконсервному заводу АКО № 1.

Во время этой операции японских эсминцев вблизи не было, но здесь находились четыре японских парохода, «из которых один, после того как мы начали выходить из невода, начал давать гудки и в это же время по-русски начал нас запрашивать по радио: “Кто находится в северных сетях, что делаете?”. Ответа мы никакого не давали, и, выйдя из неводов, изменив курс, скрылись в налётшем опять тумане».

Стоимость уничтоженного «Воровским» невода оценивалась в пятьдесят тысяч, а всего ставного забора из шести ловушек — в пятьсот тысяч рублей.

В районе установки невода всё время находилась исследовательская шхуна Минземлеса Японии «Сюнкоцу-мару» с инспектором рыболовства Мияке на борту, вскоре с западного побережья сюда прибыла шхуна «Кинши-мару» с инспектором Като.

К «Воровскому» с «Сюнкоцу-мару» подошёл катер с письмом Мияке на имя инспектора Русских. На корабле принять его отказались, сообщив, что инспектор находится на берегу. После этого катер отправился на японский участок, где передал письмо арендатору. Вскоре его вручили адресату через погранохрану.

Вот его содержание: «Усть-Камчатск, 15 июля 1930 г. Рыбинспектору Русских. У меня есть дела, о которых с Вами нужно переговорить срочно. Если Вы будете на судне, то прошу ответить мне, когда я могу к Вам заехать, и тогда прошу постараться, чтобы наш пароход “Сюнкоцу-мару” мог бы стоять близко к Вашему судну...»

Утром на месте происшествия появился японский эсминец, возле которого собрались все пароходы и обе шхуны. Было похоже, что они обследовали повреждения. В двенадцать часов дня эсминец полным ходом направился к «Воровскому», зашёл в трёхмильную зону территориальных вод СССР и, находясь примерно в полукилометре от советского сторожевика, выпустил дымовую завесу. Затем он развернулся и сыграл боевую тревогу, направив пушки и пулемёты на «Воровский». Этот манёвр корабль проделал дважды, поворачиваясь к сторожевику то одним, то другим бортом. После этого он вышел из территориальных вод и встал на якорь.

Катер АКО «Коряк» доставил на «Сюнкоцу-мару» ответ советского рыбинспектора, гласивший: «Господин Мияке, по всем интересующим Вас вопросам благоволите обратиться в полпредство СССР в Токио или в крайисполком в Хабаровске. С совершенным к Вам уважением *К. Русских*». Получив ответ, шхуна покинула трёхмильную зону, встала на якорь и более к «Воровскому» и берегу не приближалась.

По полученным советской стороной сведениям, в результате разрушения невода японцы понесли большие убытки. Они смогли сделать всего двенадцать тысяч ящиков консервов, а восемь пришедших за рыбой рефрижераторов ушли обратно пустыми. Вот как фирма «Яги» оценивала потери от этого происшествия: «...имелось предположение о возможности улова в десять тысяч коку

(коку равен полутора центнерам, то есть ста пятидесяти килограммам. — С. Г.). Дело же закончилось тем, что поймали шесть с половиной коку. Но, конечно, это произошло от того, что русское охранное судно перерезало невода, и работу пришлось прекратить перед самым началом главного сезона лова».

Тем не менее, опытная постановка невода в открытом море признавалась удачной и перспективной. «На этом основании по качеству рыболовный участок фирмы “Яги” можно сравнить с хорошим участком фирмы “Ничиро”... Если принять во внимание, что такой лов начали производить в нынешнем году впервые... то легко предвидеть, что лов в открытом море при помощи тате-ами создаёт новую эпоху в рыбопромышленности северных морей».

В конструкцию же невода, по мнению инженера испытательной станции, участвовавшего в эксперименте, следовало внести усовершенствования. «Так как рыба в открытом море идёт более редко, то необходимо при установке тате-ами в открытом море крылья (каки-ами) делать гораздо более длинными. В открытом море против реки Камчатка на восточном берегу необходимо делать крылья приблизительно в пять миль, чтобы рыба не шла к берегу. В противном случае... трудно достигнуть тех результатов лова, как на береговых участках».

В 1930 г. японцы приступили к активному лову и другим методом: применяя так называемые «плавные» сети, выставляемые с судов. Стоимость одной такой снасти длиной пятьдесят метров составляла всего тридцать пять иен, они позволяли при необходимости быстро сменить место постановки, чего со ставным неводом сделать было почти невозможно. Этот способ глубинного лова постепенно вытеснил глубоководные ставные неводы, которые уже к середине 1930-х гг. вышли из употребления.

По данным японской печати, в 1934 г. предполагалось отправить к берегам Камчатки более тридцати пяти крупных судов. В этом году промысел вели флотилии, в состав которых входили плавзаводы водоизмещением до шести тысяч тонн, рефрижераторы, траулеры, разведчики водоизмещением до восьмидесяти тонн и десяти-пятнадцать катеров и кавасаки. Готовую продукцию составляли различные сорта посола и высококачественные консервы.

По словам переводчика Като, работавшего на японском заводе № 34, размещавшемся в районе Усть-Большерецка, на Западной Камчатке в этом сезоне находилось шестнадцать плавбаз (плавзаводов) и четыреста мелких плаведилиц, принадлежавших фирмам «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша», «Хиромусиро Суйсан

Кайша», «Киморо Санчисо», «Тайхэие Иохоги» и «Окомури Годы». Като выражал уверенность в том, что ввиду большой рентабельности лова в открытом море, в недалёком будущем японцы совершенно откажутся от лова с берега. Японские фирмы организовали промысел на основе многолетних научных исследований, ведшихся специализированными судами Минземлеса «Хокойо-мару», «Кинси-мару» и «Сюнкоцу-мару». Прибытие их флотилий к берегам полуострова всегда точно приурочивалось к началу рунного хода лосося.

В 1934 г. одно из них, шхуна «Сюнкоцу-мару», не получило разрешения советских властей на плавание в территориальных водах, потому что в прошлом оно постоянно нарушало условия нахождения в них. При этом было заявлено, что «если шхуна изменит своё поведение, то в будущем такое разрешение, возможно, будет дано».

Несмотря на это предупреждение, нарушения продолжились. 1 июля её заметили на участке поста «Большереецкий» в одной миле от берега, 25 августа с поста «Тигиль» — в двух милях от берега, 26 августа — в трёхмильной зоне между островами Птичий и Скала, а 27 августа рано утром шхуну обнаружил катер Камчатнефти, стоявший на якоре на траверзе реки Аманино. При приближении катера шхуна с якоря снялась и ушла курсом на север, причём «во время выборки якоря одновременно из воды поднимались неуставленные наплава. Видимо, шхуна занималась опытным ловом осеннего краба и рыбы». В тот же день шхуна проследовала мимо участка поста «Палана».

3 сентября в три часа дня «Сюнкоцу-мару» проследовала мимо участка «Большереецкий» в четырёх милях от берега сторону Курил. Последнее её посещение территориальных вод Камчатки состоялось 9 сентября. На сей раз разрешение НКВД имелось, а шхуна шла на помощь своей «сестре» «Кинси-мару», терпевшей бедствие возле острова Птичий.

14 сентября вместе с «Кинси-мару» она ушла в море. В навигацию 1934 г. «Сюнкоцу-мару» видели только на Западной Камчатке, всего двенадцать раз, отмечены три нарушения ею трёхмильной зоны.

Второе исследовательское судно — шхуна «Кинси-мару» — имело разрешение на плавание в территориальных водах с заходом в Озерную, Большереецк, Ичу, Петропавловск, Усть-Камчатск, Олюторку и на остров Птичий «с посещением берега инженером — ответственным руководителем Като и переводчиком Кавагучи».

В Петропавловск шхуна пришла 18 июля с экипажем в двадцать три человека, ещё не имея письменного разрешения на плавание в камчатских водах. По объяснению капитана Симохачи, его получить не успели, «но выяснить истинные причины неполучения разрешения на руки капитаном шхуны оказалось невозможным, так как “переводчик” Кавагучи по-русски изъясняться не мог».

Советские власти полагали, что, выходя из Японии, судно ещё не имело разрешения, так как 16 мая оно уже находилось в районе острова Птичий, где в двух с половиной сотнях метров от берега промеряло глубины. Разрешение пришло по радио.

Таможенный досмотр обнаружил в специально отведённом помещении в пирамиде десять винтовок, девятьсот патронов, два маузера и два браунинга. Кроме этого, на шхуне имелись четыре фотоаппарата «с сильными объективами». Всё это на время стоянки в Петропавловске было опечатано.

Шхуна в 1934 г. посещала западный берег до острова Птичий и восточный до Усть-Камчатска. 7 сентября в семь часов утра «Кинси-мару» во время сильного тумана села на рифы в четырёхстах метрах юго-западнее острова Птичий. От помощи, предложенной начальником морского контрольного пограничного поста «Хайрюзово», её капитан отказался. В этот же день к вечеру шхуна снялась с рифов самостоятельно и встала на якорь в двух милях от берега. Сошедший на берег инженер Като заявил советским пограничникам, что судно потеряло винт и получило несколько пробоин. Предложенный ремонт силами островного крабозавода Като отклонил, сказав, что просит разрешить заход на остров шхуне «Сюнкоцу-мару». 9 сентября она и пришла на помощь соотечественникам.

Постоянно посещала камчатские воды шхуна «Хокёй-мару» — учебное судно Токийского института рыболовства. На его борту находились семьдесят четыре человека, из них тридцать один студент. Оно получило разрешение на заходы в Анадырь, Усть-Камчатск и Петропавловск со стоянкой по четыре дня в каждом пункте и сходом экипажа на берег.

14 июля «Хокёй-мару» побывала в бухте Провидения, часть команды высадилась на берег. Начальник местного пограничного поста, явившись на борт, выяснил, что разрешения на заход в бухту нет. Согласно заявлению капитана, на переходе из Номы на Аляске в Анадырь, около советских берегов судно захватил сильный ветер, и оно зашло в бухту переждать непогоду. «Объяснение явно неудовлетворительное, так как в эти дни в районе бухты

шторма не было, причём даже сильный ветер не мог сбить с истинного курса такое крупное судно».

15 июля в три часа дня шхуна ушла в разрешённый Анадырь, куда прибыла 16 июля. Через три дня она проследовала в Усть-Камчатск, где на берег высаживались пятьдесят пять человек, «которые в сопровождении администрации японского завода посетили нашу школу».

31 июля «Хокойо-мару» зашла в Петропавловск. Здесь при досмотре тоже обнаружена пирамида с двадцатью винтовками, две тысячи патронов и девятнадцать фотоаппаратов различных систем. Во время четырёхдневного пребывания в городе ежедневно на берег сходили группы студентов и матросов. Их часть в сопровождении агента НКВД посетила Петропавловский совхоз АКО. 4 августа шхуна ушла в Хакодате.

Преимущества глубинного лова, по мнению советской стороны, могли быть охарактеризованы следующими данными: два японских плавзавода, стоявшие в районе Усть-Большерецка, программу в семьдесят тысяч ящиков консервов из нерки полностью выполнили к началу августа. На каждом из них было занято не более пятидесяти рыбообработчиков, в то время «как на наших береговых заводах АКО занято до ста двадцати человек, не принимая в расчёт ловцов, причём береговые заводы таких больших программ совершенно не знают».

Ниже приведены основные районы и объекты лова, данные о количестве японских судов в сезон 1934 г. Их, полученные авиаразведкой и наблюдением с берега, нельзя считать абсолютно точными, так как суда меняли своё положение и могли быть отмечены дважды.

В Камчатском заливе с 13 мая по 31 июля девяносто судов (десять плавбаз, два траулера, семьдесят восемь мелких) ловили треску и лосося.

В Кроноцком заливе с 27 мая по 15 августа сто семь судов (тринадцать плавбаз, три траулера, девяносто одно мелкое) добывали крабов, лосося и треску.

В Авачинском заливе с 30 мая по 25 июля девяносто девять судов (шесть плавбаз, четыре траулера, восемьдесят девять мелких) промыслили лосося, треску и крабов.

На участке от бухты Жировой до мыса Лопатка с 22 июня по 10 августа шестьдесят семь судов (восемь плавбаз, три траулера и пятьдесят шесть мелких) ловили лосося и треску.

На протяжении от мыса Лопатки до Усть-Большерецка с 5 июля по 1 сентября находились девяносто девять судов (четыре плавбазы и девяносто пять мелких), добывавших исключительно лосося.

На участке от Ичи до мыса Утхолокского с 3 мая по 30 августа шестьдесят пять судов (краболовы «Ваканура-мару», «Хокусо-мару», «Сингу-мару», «Сонеки-мару», № 33, а также шестьдесят мелких) промышляли крабов.

Общая численность японского рыболовецкого флота в камчатских водах в 1934 г. в сравнении с 1933 г. выросла втрое (от ста семидесяти пяти до пятисот двадцати семи судов). При этом на промысел вышел сорок один плавзавод вместо семнадцати в 1933 г.; двенадцать траулеров вместо восьми; пять краболовов вместо трёх и четыреста шестьдесят девять мелких ловецких единиц против ста сорока семи. Этот флот обслуживали около пяти тысяч человек. Первые плавзаводы в 1934 г. вошли в воды Камчатского залива 13 мая. Они оставались возле полуострова до 1 сентября, постепенно переходя на западный берег, где рунный ход лосося начинался позднее.

В Кроноцком заливе флотилии появились 27 мая, а в конце июля они также начали перемещаться на западный берег, работая в Авачинском заливе, бухте Жировой и районе от мыса Лопатка до Усть-Большерецка, откуда последние из них ушли домой также 1 сентября.

Всего эти плавзаводы, по японским данным, поймали в 1934 г. свыше восьми с половиной миллионов штук лососей против пяти с половиной миллионов в 1933 г. Их продукция в этом году составила 365 000 ящиков консервов, солёной и мороженой рыбы, отправленной на консервные заводы Курильских островов и Хоккайдо. Она стоила двенадцать миллионов иен.

Результатом такой деятельности для советской стороны стали «исключительно плохие последствия для берегового рыболовства в Усть-Камчатском районе». Бурное развитие японского активного промысла привело к заметному подрыву рыбных запасов, особенно в районе реки Камчатки. Это хорошо иллюстрируется количеством пойманной в реке нерки: в 1930 г. — 815 000, в 1931 г. — 516 000, в 1932 г. — 536 000, в 1933 г. — уже 253 000, а в 1934 г. — всего 82 000 штук. Катастрофически низкий улов нерки в 1934 г. не смог обеспечить даже потребности местного населения, вынужденного заготавливать её в других районах.

Уловы отечественных береговых морских промыслов в Усть-Камчатском районе падали год от года. Если в 1931 г. советские

предприятия добывали двадцать восемь процентов всей рыбы, то в 1933 г. их доля составила лишь пятнадцать с половиной. Остальной улов пришёлся на японские сети. Примерно шестьдесят процентов рыбы, пойманной в сезон 1934 г. ставными неводами на береговых участках района и в реке Камчатке, несли на себе следы японских сетей. Рыба среднего размера в уловах почти отсутствовала: попадалась лишь крупная и мелкая. Мелкая прорывалась сквозь сети, крупная — не могла объесться, так как размер ячеи японских неводов был рассчитан на средний размер рыбин.

В 1934 г. советские и японские производственные мощности Усть-Камчатского района были примерно равны: обе стороны имели по три консервных завода с двенадцатью и тринадцатью линиями соответственно. Усть-Камчатский комбинат АКО включал четыре засольных базы, фирма «Ничиро» — три. Отечественные предприятия снабжались рыбой с тринадцати, японские — с пятнадцати участков.

Примерные подсчёты потребности в сырье, достаточном для полной загрузки названных мощностей, показывали, что при проектной мощности консервных линий в пятнадцать тысяч ящиков за сезон для них требовалось около пяти миллионов штук лососей. Засольные базы могли обработать ещё три с половиной миллиона. Хотя проектная мощность заводов АКО была рассчитана на ежегодный выпуск 195 000 ящиков консервов, на деле они производили: в 1932 г. — 70 564, в 1933 г. — 51 451, в 1934 г. — 41 307 ящиков. Количество приготовленных в 1934 г. консервов показывает, что оно составляло чуть больше пятой части технической возможности предприятий.

Приведённые данные показывали необходимость принятия самых срочных мер к противодействию японскому хищническому лову в открытом море. Такими мерами могли стать заключение договорённостей между сторонами, а также начало советского активного морского рыболовства, которое тоже можно было бы использовать как средство давления на японцев. Они это прекрасно понимали.

Вот что в 1934 г. заявлял японский консул в Петропавловске К. Сайто: «Рыболовство в открытых морях является важным вопросом в отношениях между государствами... Получены сведения о том, что СССР в нынешнем году намерен заняться ловом в открытом море. Это обстоятельство создаёт очень сложное положение. Поскольку вопрос о том, не является ли лов в открытом море нарушением нами рыболовной конвенции, нами обсуждался,

мы считаем, что его нельзя связывать с конвенцией, так как она действует только на советских побережьях. Прежде СССР просил Японию прекратить лов в открытых морях, однако нам совершенно ясно, что этот лов не нарушает конвенции, и поэтому мы не считались с протестами СССР».

Протесты советской стороны, в первую очередь, были вызваны резкой, год от года снижавшейся производительностью её береговых участков, вызванной неконтролируемым выловом на подходе к побережью Камчатки. Хищнический промысел наносил наибольший ущерб отечественной промышленности, основанной в то время исключительно на береговом рыболовстве.

«Заставить японцев отказаться от лова в открытом море только словами мы не сможем, нужны меры другого свойства — это как можно скорее организовать свой соответствующий флот... Этим мы поставим японцев перед фактом двухсторонней заинтересованности в ограничении, регламентации или отказе от такого способа лова. Целесообразность подобного мероприятия уже доказана на примере работы наших краболовов. Разговоры о необходимости организации лова в открытом море ведутся давно, но, несмотря на то что мы уже вступаем в период переговоров с японцами о пересмотре действующей рыболовной конвенции, мы не создали до сего времени такого флота, тем самым поставив себя в вопросе о лове в открытом море в полную зависимость от японцев...

Если мы не сможем в оставшийся до 1935 г. короткий срок создать свой флот по лову в открытом море, мы должны будем так или иначе подчеркнуть японцам результаты их восьмилетнего рыболовства в открытом море в Усть-Камчатском районе и... издать административные распоряжения, которыми в целях разведения и охраны рыбы в Усть-Камчатском районе запретить лов рыбы в течение пяти лет, проделав это путём резкого ограничения нормы вылова по всем участкам...»

АКО намечало начать активный морской лов в 1935 г., но в этом году сделать этого не удалось. В 1934 г. общество имело сто восемьдесят шесть береговых участков, причём пятьдесят четыре из них не эксплуатировались из-за нехватки рабочих рук и снабжения. Из поставленных на остальных ста тридцати двух ставных неводов около четверти большую часть сезона не перебирались, то есть тоже не работали. В прошлом 1933 г. бездействовали тридцать четыре участка, причём они примыкали к японским. Это обстоятельство вызывало у советских представителей опасение, что оно может «быть с успехом использовано японцами против

нас при переговорах о пересмотре рыболовной конвенции», которые вскоре должны были начаться между сторонами.

Неблагополучно обстояли дела и с крабовым промыслом. Японские плавзаводы, на которых работало около трёх тысяч человек, в 1934 г. выпустили 180 000 ящиков консервов (в среднем, по 25 600 на судно) стоимостью семь с половиной миллионов иен. Это резко уступало достигнутому в предыдущие годы. Истощение запасов крабов было особенно заметно на береговых участках, где для приготовления одного ящика консервов в 1928 г. их требовалось пятьдесят пять штук, а в 1934 г. — от девяноста пяти до ста двадцати.

Так как японские суда ловили в непосредственной близости к трёхмильной зоне, то советская сторона неоднократно отмечала нарушения ими территориальных вод СССР. В 1934 г. было двадцать девять таких случаев, тринадцать из которых пограничники учли составлением односторонних актов, четырнадцать отметили суда Совторгфлота и АКО, два — авиаразведка. Наибольшее количество нарушений пришлось на окрестности Петропавловска — двадцать одно и Усть-Большерецка — шесть. Основной причиной захода в советские воды японцы называли нехватку на судах пресной воды и необходимость пополнить её запасы.

С начала мая и до сентября 1934 г. побережье Камчатки обходили отряды, состоявшие из двух японских эсминцев, посменно прибывавшие из порта Оминато. Вначале они курсировали от Усть-Камчатска до Тигиля, затем, с переходом японских плавзаводов с восточного на западное побережье, переместились в район от Усть-Большерецка до острова Птичьего.

Вот акт, составленный 18 июня 1934 г. начальником пограничного контрольного поста «Соболево» Г. И. Гороковским «в присутствии красноармейцев того же поста Зеленина М., Теплых В.»: «17-го сего месяца в двадцать один час тридцать минут на траверзе японского рыболовного участка № 767 в пяти милях от берега... встало на якорь военное судно (миноносец) под японским флагом. На другой день, то есть 18 июля, в девять часов пятьдесят минут миноносец, выбрав якорь, на этом же рыболовном участке приблизился к берегу на расстояние двух миль и, не бросая якоря, в таком положении простоял тридцать пять минут. В это время к борту миноносца с крабового поля участка № 123 были направлены два кавасаки, принадлежащие девятнадцатому японскому заводу. Первый за № 884, старшина Эбино Тогитару, второй за № 881, старшина Сагеире Иксабуру. На обоих кавасаки команды

по три человека. Пробыв у борта миноносца по пять минут, кавасаки прошли к берегу завода. После чего миноносец в десять часов двадцать пять минут ушёл курсом на юг. Что делали кавасаки у борта миноносца, не установлено. Миноносец окрашен в шаровый цвет, двухтрубный, двухмачтовый, название не известно, в носовой и кормовой части видны орудийные установки. О чём и составлен настоящий акт...»

Основное количество японских плавзаводов принадлежало фирме «Ничиро», владевшей в районе Усть-Камчатска тремя рыбоконсервными заводами. Постоянное недовыполнение этими предприятиями планов производства продукции с лихвой перекрывалось работой плавзаводов. Но в 1934 г. подрыв рыбных запасов Усть-Камчатского района, дававшего в середине 1920-х гг. до половины нерки, до семидесяти процентов кижуча и до девяноста процентов камчатских уловов чавычи, вызывал опасение в японских рыбопромышленных кругах. Это вынудило их начать освоение новых районов в Кроноцком заливе на восточном берегу, возле реки Озерной и Усть-Большерецка на западном побережье полуострова.

В 1935 г. японцы в Камчатском заливе активным ловом не занимались. В этом сезоне они сосредоточили свои плавзаводы и до двухсот мелких судов южнее, у мыса Кроноцкого. Это вновь отразилось на советском улове нерки в реке Камчатке, составившем к 1 августа всего триста тысяч «хвостов».

По неполным данным, в 1935 г. у берегов полуострова находились до десяти плавзаводов, до двадцати больших шхун, десять траулеров и до пятисот мелких судёнышек. Существенного изменения их общей численности по сравнению с предыдущим сезоном не произошло.

Как и в прошлые годы, в районах лова на протяжении всего сезона находились эсминцы. Они служили своеобразными ориентирами для мелких промысловых судов, становясь точно на границе трёхмильной зоны территориальных вод. По сообщению дипагента НКВД в Петропавловске, «при отсутствии наших судов, мелкие плавединыцы свободно проходили в трёхмильную зону и занимались хищничеством. При появлении на горизонте нашего охранного судна “Воровский” или другого какого судна, миноносцы сигнализировали об этом хищникам, и последние быстро отходили на линию миноносца, зная, что он стоит на границе трёх миль».

Рыболовный сезон 1935 г. прошёл без особых нарушений. Они сводились к заходу в территориальные воды отдельных мелких

плавединиц. Как правило, пограничная охрана оформляла их односторонними актами. Всего она отметила около пятидесяти таких случаев.

К началу 1940-х гг. центр японского лова на Камчатке окончательно переместился с берега в море. Это стало возможным вследствие широко поставленного ещё в начале 1930-х гг. мечения рыб, выявившего их основные миграционные пути, а также благодаря росту рыболовецкого флота и освоению техники морского лова. Японцы начинали промысел в конце апреля у Командорских островов, затем, по мере продвижения косяков к рекам Восточной Камчатки, переходили в Камчатский и Кроноцкий заливы. Большое количество лосося вылавливалось возле Курильской гряды, причём его преобладающая доля приходилась на нерку, шедшую в реку Озерную через проливы северной части Курил. Ловили плавными сетями, собранными в порядки длиной несколько сотен метров, сплошь перегораживавшими проливы между островами.

С началом Тихоокеанской войны, то есть военных действий между США и Японией, характер японского активного рыболовства изменился. С 1942 г. оно проводилось только на Западной Камчатке. Из Озерной, Кошегочка, Опалы, Митоги и других пунктов постоянно наблюдались скопления японских судов, находившихся на расстоянии шести-восьми миль от берега. Их количество заметно выросло по сравнению с 1941 г. Это объяснялось тем, что сюда была переброшена их часть, ранее промышлявшая в районе Алеутских островов.

По оценке дипагента НКВД А. Савельева, в Большерецком районе находилось не менее ста пятидесяти единиц: плавбазы, сейнеры, тральщики, кавасаки и моторно-парусные шхуны. В 1942 г. лов длился до сентября. Советские уловы нерки в Усть-Камчатском районе продолжали снижаться. Японский морской лов по-прежнему отрицательно влиял на уловистость советских ставных неводов: в море перехватывалось значительное количество лосося. Как и в довоенные годы, в ловушки попадало много помятой рыбы со следами сетей.

В 1943 г. из-за условий военного времени численность японского рыбопромыслового флота резко сократилась. Учёные Камчатского отделения ТИНРО полагали, что именно это стало причиной весьма обильного хода нерки в реке Озерной, наблюдавшегося в сезон 1943 г.

Японская рыбная промышленность на полуострове
в 1930—1940-х гг.

Ослабление России в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. и в результате гражданского противостояния 1918—1922 гг. было использовано Японией для проникновения в прибрежные воды Камчатки, Приморья, побережья Охотского моря и Сахалина. Отныне эти районы Дальнего Востока на летний период превращались в сезонную базу японской рыбной промышленности.

Третья статья советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. предоставляла японцам право свободного пользования побережья в пределах границ арендованных участков. О том, какое значение камчатские рыбные промыслы имели для Японии, в 1940 г. говорил доверенный базы № 1023 фирмы «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» Канаяма Косаку: «Если бы не Камчатка, то до ста тысяч народа были бы выброшены на улицу безработными и не могли бы существовать».

Нередко по заключаемым между Россией (СССР) и Японией соглашениям японцы получали преимущества перед отечественными рыбопромышленниками. Однако, несмотря на это, они неоднократно нарушали их основные положения. Вот лишь один характерный эпизод. В июле 1930 г. инспектор рыболовства К. Русских задержал в устье реки Жупаново катер и кунгас фирмы «Нисино Суйсан Кабусики Кайша». Председатель местного сельсовета заявлял о том, что суда этой фирмы неоднократно заходили в устье реки. При осмотре катера в нём были обнаружены крабовые сетки. «Считаем, что в данном случае мы имеем дело с массовым и незаконным переходом нашей границы... а также попытки к хищническому лову крабов...»

Ниже охарактеризованы некоторые особенности работы японских рыбопромышленников на Камчатке и их взаимодействие с советскими официальными органами в 1934—1944 гг. Материалы, лёгшие в основу этого очерка, накоплены дипломатическим агентством НКВД СССР, действовавшим в Петропавловске, и отложились в Архиве внешней политики России.

Общая характеристика японских промыслов. К началу 1930-х гг. главенствующее положение в конвенционных районах заняла компания «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». С 1932 г. она стала арендатором девяноста семи процентов японских рыболовных участков на Камчатке. Оставшиеся три находились в руках двух частных промышленников.

В 1934 г. японцы начали работу в Усть-Камчатском районе с 11 мая. Сезон здесь длился до 10 сентября, то есть сто двадцать восемь дней. В других районах его продолжительность составила (в днях):

- в Карагинском — с 1 июня по 1 октября — девяносто один;
- в Хайрюзовском — с 3 июня по 30 августа — пятьдесят семь;
- в Соболевском — с 15 июня по 28 августа — семьдесят четыре;

- в Усть-Большерецком — с 16 июня по 10 сентября — восемьдесят пять;

- в Тигильском — с 18 июня по 31 июля — сорок три.

Этот чётный год отличался массовым ходом горбуши. В этом сезоне на Камчатке работало 17 865 японцев (в Усть-Камчатском районе — 1 303, в Карагинском — 4 169, в Хайрюзовском — 1 197, в Соболевском — 5 633, в Большерецком — 5 531 и Тигильском — 333). По японским данным, компания «Ничиро» произвела лососёвых консервов на 238 350 ящиков больше, чем намечала. Общая стоимость её консервной продукции за 1934 г. составила тридцать миллионов иен, а на долю солёной рыбы пришлось ещё четырнадцать миллионов.

Советская сторона отмечала, что особенностью этого промыслового сезона являлось полное отсутствие нарушений арендных и концессионных договоров с японской стороны. Более того, «на западном берегу имелся случай, когда администрация японского завода № 23 повела борьбу по своей инициативе с “хищниками в открытом море” и сняла несколько плавных сеток с японского плавзавода, попавших на территорию участка завода».

Дипломатический агент НКВД Г. Д. Тихонов указывал, что во время его пребывания на японских промыслах их администрации неизменно старались выставлять на первое место отсутствие нарушений как «признак добрых отношений между японскими рыбопромышленниками и органами Дальрыбы». Инспекторы Дальрыбы не составили ни одного протокола о нарушениях, за исключением актов о перелове, возникшем из-за того, что вес консервных банок засчитывался в выход готовой продукции. Этот вопрос, ставившийся ещё в прошлые годы, до сих пор не получил разрешения.

Советские официальные лица объясняли такую сдержанность нежеланием японцев давать СССР повод на предстоящих переговорах о пересмотре конвенции, срок действия которой завершался в 1936 г., к обвинению их в нарушении договорённостей,

и наоборот, иметь возможность говорить о подобных нарушениях с нашей стороны.

Следующий сезон 1935 г. оказался для японцев не столь удачен. Итогами работы арендаторы были недовольны. Вопреки их ожиданиям, ход нерки на западном побережье оказался незначителен. Десяток консервных заводов, расположенных в районе Озерная — Большерецк, был вынужден переключиться на производство менее ценных консервов из горбуши. Эти предприятия выполнили планы по выпуску консервов из нерки не более чем на пятнадцать процентов.

В 1934 г. завод № 27 к 31 июля произвёл шестнадцать с половиной тысяч ящиков нерки, а на эту же дату в 1935 г. — всего двести шестьдесят девять ящиков. Завод № 31 к 28 июля 1934 г. поймал и обработал двести двадцать тысяч «хвостов», в 1935 г. — лишь семьдесят тысяч. В Усть-Камчатском же районе, напротив, ход нерки был хороший, за счёт него японцы сумели частично восполнить недолов на западном берегу.

А вот улов горбуши на Западной Камчатке в 1935 г. был чрезвычайно обилен, причём рыба оказался исключительно крупной. Так, если в 1934 г. на один ящик в сорок восемь фунтовых банок требовалось от восьмидесяти до девяноста горбуш, то в 1935 г. — всего тридцать рыбин. Это позволило перекрыть план по выпуску консервов из горбуши. В целом годовое задание фирма «Ничиро» количественно выполнила переловом горбуши взамен недобора нерки.

В Карагинском районе японцы в сезоне 1935 г. наладили выпуск нового вида продукции — лососёвой колбасы. Она состояла на семьдесят процентов из рыбного фарша, небольшого количества свинины, картофельной муки и пряностей. Готовая продукция укладывалась в металлические ящики и заливалась жиром. В таком виде она отправлялась в Японию. По вкусу рыбная колбаса не уступала лучшим видам варёной мясной.

В 1935 г. к встрече японцев советская пограничная охрана, рыбнадзор и таможня подготовились лучше, чем в предыдущие годы. На местах состоялись межведомственные совещания, где «не только ещё раз перед нашими работниками, соприкасающимися с японцами, были заострены вопросы тактичности, вежливого обращения в целях того, чтобы избежать всяких недоразумений и конфликтов, но и установлен контакт в работе между представителями этих ведомств». Итогом стало отсутствие в последующем со стороны японцев жалоб или недовольства действиями и поведением советских представителей.

Секр. Выходило
19 г.

0 7 4 8 7

ЗА РЕВОЛЮЦИОННУЮ ОБОРОНУ 1934 ГОДА

● 愛國愛黨愛人民愛社會愛自然。

1. НИИЛ, 2-я Восточная Океана,
2. НИИЛ, Новосибирская Океана,
3. Полпредство СССР в Анкаре,
4. Ученые-исследователи НИИЛ в Кабо-Роваре,
5. Делегация НИИЛ во Владивостоке,
6. Кабинет Ученых СССР в Хамсоне,
7. В. А. А. А.

Генерал-Дипломатический Агент.

Содержало сведения из жизни и о Паше переосмыслено с переименованием в Паша Саиди, секретаря взорванного или похищенного, имел честь просить Паше не отказываться и любезности сделать соответствующие разъяснения, чтобы Паша Саид мог безпримечательно продолжить работу по восточному берегу Мраморного. При этом прилагаю список техных пунктов переименования названного секретаря Паша Саиди.

Примечание: упоминаю в сообщении о переименовании и Паше уведомлении»

Государству ЧИЖОМЫХ,
дипломатическому
агенту НКВД в гор.
Петрозаводске.

Novaya Rossiya

1. $\mathcal{C}$ is a $\mathcal{C}$ -category.

207

J. E. SOCHKA, JR.

Отчёт дипагента НКВД СССР в Петропавловске Г. Д. Тихонова, 1934 г.
(слева) и обращение консула Японии Ю. Коянаги, 1937 г.

О Т Ч Е Т

о поездке на Западное побережье Камчатки.

Данная работа - 26 августа 1942 г.

Поездку на Западное побережье я приурочил к периоду наиболее интенсивного лова горбуши и кижди, т. е. следовательно, ко времени, когда представлялось возможным ознакомиться со всеми интересными объектами местного рыболовства.

К этому моменту уже был на пороге перелом экспан-
сии турки, а восточный приобретал практически полное
гегемонство. Тем не менее успешно проходит док рыби и ка-
ковы замечаются переломными события в жизни. Непосредствен-
нейшим свидетелем на месте событий была и предавал осо-
бо значение.

Само собой разумеется, необходимо было внести и целый ряд других изменений касательно поведения японских рыбаков при условии прихода договоров, состояния политического и экономического развития и т.д.

На западном побережье и вблизи на Петропавловском
острове с лучшими работниками ФИНО тов. АЗАРОВИЧ, кото-
рый весьма обстоятельно ознакомил меня с работой рыб-
ных колхозов и колхозно-совхоза со мной поблизости на

Вопрос такой острый, что сдерживать есть, которые

ЗАПЕЧАТОВАНО В ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНОМ ОТДЕЛЕ НКВД
ТОМ. ЦАРАПКИН.

При этом представляли Вам отчет о походе на Западное побережье Камчатки. Эта командировка вошла у меня почти ноль, но к сожалению большая часть времени ушла на

Оно пришлось набраться духа по сути как наиболее выдержанный в том отношении, что он не спешил идти ни с состоянием города, ни с необходимостью ожидать очередных изменений или новых работ.

В отчете я не останавливался на этом вопросе, хотя он и заслуживает серьезного к себе отношения. Не нужно быть большим специалистом, чтобы понять насколько необходимый для хозяйственников и других нужд удобства дороса именно в этом районе Камчат.

[illegible]

Конечно, на строительство дорог, в таком сложном рельефе местности, потребовалось бы большие средства, но в конечном результате наличие прямой дороги оправдало бы все вложения на ее затраты. А, пока, что устроенной существующей дороги между Петропавловском и Сольнским-407.

Этот путь я прошил — где пешком, где на лошади, по-
тратив в оба конца не менее 12 суток. Зато мне представ-
лялось исключительно благоприятная возможность воспользо-
ваться о мостам перестали и наблюдать рунный ход гор-
буш в реках.

Такие образцы в июле я получил предостережение о состоянии рыночного спроса на западных рынках. Чис-

В своем отчете я остановился на вопросах, которые, как мне представляется, заслуживают специального внимания, оставшиеся за пределами этого отчета.

Дипломатический агент НКВД в поездках по западному побережью посетил двадцать японских заводов. Их руководство подчёркивало, что в этом году «как никогда раньше они довольны отношением к ним наших работников... В свою очередь, и поведение японцев не в пример прошлых лет было корректным, исключая возможность возникновения каких-либо конфликтов. Об этом поведении японцев неоднократно приходилось слышать от наших работников, которые уже не первый год работают на Камчатке...» Ларчик открывался просто — в 1935—1936 гг. ожидалось начало переговоров о продлении или перезаключении рыболовной конвенции.

В 1935 г. советская сторона уделила большое внимание подбору инспекторов Дальрыбы. Все они были снабжены форменной одеждой, повышавшей их авторитет в глазах иностранцев. «Это ещё не значит, что всё уже сделано в этом направлении, и что в будущем не предстоит работы в части улучшения состава рыбнадзора. Были случаи и в этом году, правда, единичные, когда отдельные работники рыбнадзора позволяли себе компрометирующие их поступки, как то: требование от администрации японского завода сверхусиленного питания, выпивки с японцами. Был случай, когда у инспектора С... были обнаружены японские иены. Многим инспекторам не хватает общей культурности, на что, нам кажется, Дальрыбе необходимо будет обратить внимание наравне, конечно, с дальнейшим улучшением качественного подбора инспекторов».

Рыболовная конвенция 1928 г. закрепила право японцев «в пределах границ участков свободно пользоваться побережьем. Они могут производить там необходимые починки своих лодок и сетей, вытаскивать таковые на берег, выгружать, обрабатывать и сохранять свои уловы и добычи. В этих целях им должно быть предоставлено право свободно возводить там постройки, склады, хижины и сушильни или перемещать таковые».

Несмотря на это, получение разрешения на строительство сопровождалось большими сложностями. В 1938 г. японцы намеревались укрепить берег на своём заводе № 36: здесь морские волны угрожали разрушением холодильника. По этому поводу консул Юхаси обратился к представителям НКВД и пограничникам. Ни те, ни другие самостоятельно решить этот вопрос не могли: на любое строительство требовалось отдельное постановление Совнаркома СССР.

В сезон 1940 г. арендаторы, несмотря на то, что в прошлые годы им было в этом отказано, снова стремились получить разре-

шение на право стоянки их катеров в укрытиях или захода в устья рек во время штормов.

Летом 1942 г. на побережье Большерецкого промыслового района действовали четыре советских консервных завода, имевшие, в общей сложности, четырнадцать линий, и десять сезонных обрабатывающих баз. Рыбокомбинат АКО имени А. И. Микояна включал завод мощностью в пять линий и четыре базы. Ему принадлежали двенадцать морских промысловых участков, пять из которых в этом сезоне не бездействовали. Большерецкий комбинат с заводом на три линии и двумя базами снабжался рыбой с речных промыслов и трёх морских участков. Опалинская база располагала четырьмя морскими участками, два из которых простаивали. Озерновский комбинат включал два завода с шестью линиями, три базы и девять морских участков, из которых три не работали.

Японская сторона располагала в районе девятью консервными заводами (№ 27—34 и 51), имевшими двадцать шесть линий, и двумя посольными базами (№ 834 и 845). Она промышленно ловила рыбу на тридцати двух ставных неводах и если в прошлые годы вылавливала исключительно лосося, то в 1942 г. полностью забирала всю попавшуюся в прилове разнорыбицу. Отчасти этому способствовал недолов лососёвых: ход рыбы в этом сезоне был поздним, она двигалась разряженными косяками. По оценке доверенных заводов, к середине августа планы были выполнены всего на тридцать процентов. Советская сторона полагала, что японцы сознательно занижали сведения о вылове. «Эти заявления не совсем верны. Улов этого года у японцев, конечно, будет меньше прошлогоднего, но не настолько катастрофическим, каким его рисуют...»

Объём продукции японских консервных заводов на 15 августа 1941 и 1942 гг. составил, соответственно, 398 482 и 212 566 ящиков. Основное количество консервов сделано из нерки и горбуши, кета и другие породы шли в засолку и на заморозку. Икра готовилась как русским, так и японским способами. «Отличие русского способа от японского — в чистоте: при русском способе посола икру пробивают через грохот, отделяя её от пленки, а японским способом засаливают икру целиком, как она выпотрошена из рыбы». Её солили в ящиках ёмкостью по двадцать два и тридцать килограммов для японского посола и по двадцать пять — для русского.

Отходы шли на производство тука и рыбьего жира. Для этой цели на промыслах были сооружены примитивные туковарки на два или три котла. Специальных жиротуковых заводов в районе

не имелось. Неиспользованные отходы (молоки, печень, кишки) закапывали в ямы.

В этом сезоне для посола рыбы стали применять особую кислую глину, называемую «бентонай». Она, подмешанная в определённой пропорции к соли (на сорок килограммов соли четыре-пять килограммов глины), не только снижала её расход, но сохраняла в рыбе сок и противостояла окислению.

Эту смесь насыпали на дно ящика, в котором хранили рыбу, и между рядами, но внутрь тушки не клали. Глина «имеет свойство клея... предохраняет рыбу от гниения, в то же время не даёт ей сильно просаливаться и придаёт мясу лососей слегка сладковатый вкус». Глину вырабатывали «из инфузорной земли» промыванием и отстаиванием последней. «Готовая глина имеет светлосерый цвет». Во время войны в Японии её с добавлением каустической соды пытались использовать и вместо мыла, но качество его оказалось низким. В небольших количествах глину применяли в производстве печения и хлебных изделий. В 1943 г. советские учёные исследовали действие этого продукта и сделали заключение о целесообразности его применения при посолах рыбы для предохранения её жира от окисления.

Образцы «бентонай» были переданы на исследование в АКО, которое пыталось перенять у японцев этот способ посола, для чего отрядило три экспедиции по розыску глины с таким же химическим составом, как японская. Но никаких сведений о полученных результатах мы не имеем.

Ещё одним новшеством, признанным нарушением арендных договоров, стало обнаруженное в 1942 г. такое «повсеместное явление», как впервые вскрытый в прошлом году «факт обезглавливания кеты». Об этом распорядилось руководство фирмы «Ничиро» с целью экономии соли, тары и увеличения за этот счёт выхода продукции. Головы кеты ценности не представляли, поэтому фирме было выгоднее реализовать рыбу, приготовленную без них.

Впервые обезглавленную рыбу засолили в качестве опыта на восточном побережье в 1941 г. Он оказался удачным. Администрация базы № 729 обратилась за разрешением к инспектору Дальрыбы, на что тот «дал санкцию, вселив тем самым в японцев уверенность в безнаказанности данного способа посола». Так они увеличили «количество и качество готовой продукции. Голова рыбы, в среднем, весит триста граммов, следовательно, японцы получили прибыль... за счёт отброса голов, так как головы не используются

для тука, а закапываются в ямы и в вес отправленной в Японию готовой продукции не входят».

Советские рыбинспекторы составляли акты и оценивали эти действия как «неправильный учёт продукции» или «неустановленный способ приготовления кеты». Они полагали, что «для нас это нововведение невыгодно. За счёт общего веса всех отрезанных голов кеты японцы могут искусственно увеличить норму улова».

Рыбинспекторский состав и таможенники в 1942 г. размещались прямо на японских предприятиях, поэтому их надзор оказался более действенным. Всего инспекторы составили тридцать два акта и семь протоколов о приготовлении обезглавленной рыбы. Впрочем, Главрыбвод оставил их «без последствий», что арендаторы учли при подготовке к сезону 1943 г.

Большеречский район в 1942 г. располагал шестидесятью конвекционными участками, тридцать два из них эксплуатировали японцы. Почти все участки были смежными, что существенно упрощало управление промыслами. Общая численность японцев в районе в 1942 г. составила 4 668 человек. По сравнению с прошлым годом, она выросла на 635 человек. Это увеличение произошло за счёт людей, переброшенных сюда с восточного побережья, на котором ввиду небезопасного военного времени в этом сезоне бездействовало сто тридцать шесть участков.

До семидесяти процентов работников были пригодны для воинской службы. «В связи с этим я должен отметить тот факт, что в пунктах расположения японских заводов наши силы весьма малочисленны и рассредоточены», — указывал сотрудник дипагентства НКВД. «Эта часть района не обжита. Населённые пункты встречаются редко, да и те имеют всего по двадцать-тридцать дворов. Остальное пространство буквально пустует. Побережье этого района можно и необходимо осваивать».

Советские пограничники в 1942 г. не отмечали ничего особенного в поведении арендаторов. Внешне они были вежливы и предупредительны, часто спрашивались о последних политических и военных новостях, интересовались работой советских комбинатов.

Почти на всех заводах более или менее регулярно шли военные занятия. К ним привлекали только годных к строевой службе. На заводе № 34 отрабатывали штыковой бой с употреблением вместо винтовок бамбуковых палок, взамен гранат бросали связки камней. Кроме этого, устраивались учебные воздушные тревоги.

С рабочими проводились политбеседы. По сведениям инспекторов Дальрыбы, на заводе № 29 их вёл доверенный Като. Переводчик

Ямахата и конторщик Ито знакомили своих людей с уставом молодёжной патриотической организации. На заводе № 27 изучалась брошюра «О необходимости расширения священной войны на Востоке» и журнал «Информационный еженедельник». Занятия шли в помещениях. При появлении советских представителей они немедленно прекращались. Военная подготовка продолжалась и в 1943 г.

«Необходимо учесть, что за последние два года на 19-м заводе отмечалось проведение военных занятий с рабочими и служащими. В прошлом году (1942. — С. Г.) на завод было завезено шестьдесят шесть пар обмундирования военного образца, но без знаков различия. Весь состав рабочих и служащих был разбит на группы по тридцать — тридцать пять человек. Военные занятия проводились по всем видам боевой подготовки. В числе руководителей данных занятий отмечены старший переводчик Усия и доверенный завода. Следовательно, 19-й завод является одной из главных баз японской военщины на камчатском побережье».

В течение сезона 1942 г. на западном побережье советские пограничники отметили одно нарушение территориальных вод СССР японским эсминцем в трёхмильной зоне возле мыса Лопатка и сорок четыре таких же случая, имевших место в двенадцатимильной зоне.

В 1943 г. Кихчикский район объединял шесть советских комбинатов (имени С. М. Кирова и А. И. Микояна, Пымтинский, Кихчикский, Митогинский, Большерецкий), располагавших шестью консервными заводами с восемнадцатью линиями и девятнадцатью базами. Их обслуживали сорок два морских участка.

Японская сторона располагала здесь семью заводами (№ 18—22, 24, 75) с двадцатью одной линией и пятью базами. Их снабжали сырцом тридцать три морских участка. Численность японцев, прибывших в район в 1941 и 1943 гг., была примерно равна. Её увеличение в 1942 г. советская сторона объясняла тем, что сюда были переброшены рабочие руки, высвободившиеся с восточно-камчатских участков. Последующее снижение в 1943 г. произошло потому, что в этом году война потребовала и этих опытных рыбаков. «Как известно, японцы законсервировали рыболовные участки полностью на восточном побережье, в Приморье и на Сахалине, а также частично — на западном побережье. Объяснение японцев о том, что опасно ловить рыбу на восточном побережье, можно считать фиктивным, так как основной контингент рабочих является пригодным для армии, которая их и забрала.

Сейчас уже имеются из числа рабочих, и даже администрации, люди со следами увечий, полученных вследствие ранений. То, что в этом году японцы резко сократили число действующих рыболовных участков и количество рабочих, показывает, что потребность в боеспособных людях возросла».

Сведения о возрастном составе японцев, находившихся в Кихчикском районе 20 августа 1943 г., показывают преобладание в их числе допризывной молодёжи и старших возрастов. Всего здесь имелось три тысячи семьсот девяносто семь человек, в том числе в возрасте до девятнадцати лет — семьсот двадцать, от девятнадцати до двадцати четырёх — четыреста семьдесят пять, от двадцати четырёх до тридцати пяти — восемьсот сорок пять, от тридцати пяти до сорока двух — шестьсот шестьдесят девять и более старших — тысяча восемьдесят восемь.

22 июля 1943 г. пограничный сторожевой корабль «Дзержинский» на траверзе мыса Три Сестры задержал три японских шхуны. У капитана одной из них — «Дайити-Тенриу-мару № 31» — обнаружена съёмка советского берега. Вечером арестовали ещё одну тресколовную шхуну. В ходе её осмотра выяснилось, что большинство членов команды носят полувоенную форму, на судне замечен порядок и «большая оснащённость различными навигационными приборами. Очевидно, шхуна вместе с людьми принадлежит воинской части, дислоцирующейся в районе Курильских островов».

Это позволило советской стороне сделать вывод, что японцы ведут активную разведку камчатского побережья. Такие же случаи наблюдались и в прошлые годы. Всего к 1 августа 1943 г. в Петропавловск были отконвоированы шесть шхун.

28 июня отмечено ещё одно нарушение государственной границы СССР. В десятом часу вечера к берегу в районе устья реки Озерной подошла шлюпка с парохода «Нисен-мару». 22 июня он вышел из Отару курсом на остров Парамушир и в пути, по словам японцев, «потерял ориентировку», из-за чего сел на мель в миле от берега. Экипаж этого небольшого лесовоза насчитывал двадцать человек, его возглавлял капитан Носимору.

Кроме моряков, на борту судна находилась воинская команда из девяти человек. На «Нисен-мару» стояла трёхдюймовая пушка, два зенитных пулемёта, хранились около сорока ящиков снарядов и двенадцать винтовок. Судно везло уголь. Видимость в момент подхода шлюпки к берегу составляла сто пятьдесят метров. На следующий день пароход по приливу самостоятельно снялся с мели.

По приказанию начальника погранвойск СССР ему разрешили покинуть советские воды, но людей, высадившихся на берег со шлюпки, задержали.

«Судя по данным нарушениям, японцы, видимо, хотят имеющимися остатками людей и плавсредств убить двух зайцев. С одной стороны — как-то возместить потери в недолове рыбы вследствие консервации значительного количества рыболовных участков. Поэтому они пошли на активизацию хищнического лова рыбы около наших берегов, причём самого беспардонного. С другой стороны — основное назначение данных шхун состоит в наблюдении за морем в связи с активизацией военных действий американцев вблизи Курильских островов, одновременно ведут контроль движения наших судов и разведку побережья Камчатки, следовательно, используют рыболовные шхуны в качестве наблюдательных постов японского военного флота».

Нарушения арендных договоров в 1943 г. сводились, в основном, к засолу обезглавленной рыбы и к использованию двух ловушек на неводах. Если в сезоне 1942 г. для отсекаания голов кустарные станки изготовили прямо на промыслах, то в 1943 г. их конструкцию улучшили и произвели эти устройства в массовом количестве на заводах в метрополии. В 1942 г. обезглавленную продукцию изготавливали на основании указания руководства фирмы «Ничиро», а «в этом году японцы идут дальше и объясняют, что они действуют по разрешению своего правительства».

К установке запрещённых двух ловушек на неводы японцев подтолкнули действия советской стороны. В 1942 и 1943 гг. вторые ловушки применяли Ичинский, Пымтинский, Кировский и другие комбинаты. Они ставились здесь вопреки протестам Дальрыбы по указаниям руководства АКО и распоряжению заместителя наркома рыбной промышленности СССР И. А. Шередека.

«20 июля (1943 г. — С. Г.) участковый доверенный на девятнадцатом японском заводе Сато, следуя катером... увидел, что на участке № 763 комбинат работает на двух ловушках, поэтому Сато задал вопрос: “Почему АКО ловит двумя ловушками на одном участке?” Участковый инспектор Дальрыбы отметил, что данный факт оформлен протоколом. Только после категорического требования со стороны Дальрыбы, основываясь на четырнадцатой статье конвенции, вторая ловушка была снята...»

В 1943 г. на Камчатке находилось 9 429 японцев. В этом сезоне здесь эксплуатировалось сто сорок пять участков из арендуемых трёхсот восьми, то есть меньше половины.

30 марта 1944 г. в Москве было заключено соглашение о продлении действия рыболовной конвенции на предстоящий сезон. Интересны отклики представителей администрации некоторых японских предприятий на это событие. Участковый доверенный заводов № 18 и 19 Араки Масакичи заявил: «Продление договора о рыбной ловле мы, японцы, рассматриваем как фактор, свидетельствующий о дружбе между СССР и Японией. Японцы прекрасно понимают значение этого соглашения. Все газеты писали об этом. Но, между нами говоря, мы, конечно, не являемся друзьями, мы только дипломатические друзья, особенно в 1944 г. Мы открыто называем себя друзьями, и это не случайно. В Японии ходят слухи, что Мацуока (министр иностранных дел. — С. Г.) с марта 1944 г. находится в Москве. Об этом нигде не пишут, но, вероятно, это так».

В соответствии с соглашением, японцы полностью законсервировали свои участки на Восточной Камчатке. Частично были свёрнуты промыслы и на западном берегу полуострова. Число действовавших промыслов резко снизилось: в 1944 г. их было только тридцать один из двухсот семидесяти семи арендуемых, то есть одиннадцать процентов. В этом сезоне арендаторы прибыли на свои участки по сравнению с 1943 г. с месячным опозданием. Большинство приехало в середине и даже конце июля. Так, первые пароходы на завод № 31 пришли 19 июля. Опоздание объяснялось недостатком судов, вызванным войной. В общей сложности, на одиннадцать заводов (№ 18—21, 24, 31—34, 42, 75) и засольную базу № 806 прибыло пять тысяч сто двадцать четыре человека, из них сто шестьдесят девять служащих. Раньше всех — 3 июля — люди появились на заводе № 34.

Общее количество японцев по сравнению с прошлыми годами значительно уменьшилось, но их число, работавшее на тех участках, которые эксплуатировались и в прежние сезоны, оставалось примерно постоянным: в 1941 г. — пять тысяч тридцать три, в 1942 г. — пять тысяч девятьсот сорок два, в 1943 г. — пять тысяч триста семьдесят два. Большинство работников вновь представляла молодёжь до девятнадцати лет и зрелые мужчины старше сорока двух, то есть малопригодные или совсем освобождённые от воинской службы. В их числе имелись малолетние подростки, которым приписали возраст из-за того, что Дальрыба не разрешала использовать на промыслах детский труд. Много имелось и инвалидов войны. Возрастной состав японцев был следующий: до девятнадцати лет — шестьсот девяносто один, от девятнадцати до двадцати четырёх — четыреста девять, от двадцати четырёх до

тридцати пяти — тысяча один, от тридцати пяти до срока двух — девятьсот девяносто пять, старше — две тысячи восемьдесят два человека. По сравнению с 1943 г. произошло увеличение зрелых возрастов на девять процентов: старше сорока двух лет в прошлом году было тридцать один процент рабочих, а в 1944 г. — сорок процентов.

Большинство физически сильных и здоровых мужчин встали под ружьё. По словам переводчика завода № 20 Момма Тоору, «в сезон этого года японское правительство дало указание отобрать на рыбопромыслы людей бракованных, непригодных к военной службе, но рыбу ловить они могут».

Советские официальные лица отмечали, что те «имели замороженный вид. Наблюдались случаи, когда рабочие пекли на кострах свежевывловленную рыбу и с жадностью ели её без соли и приправ. Такие рабочие не могли интенсивно работать. Например, 6 июля сего года во время разгрузки парохода “Ункай-Мару № 15” старший рабочий Танако Хандзиро не мог ничем поддержать дисциплину среди рабочих и ускорить разгрузку. Он начал ругаться, затем бросился на рабочих и избил одного из них за то, что тот вяло работал».

Люди были плохо снабжены спецодеждой, даже курибаны (специалисты по спуску и приёму плавсредств) находились босыми в ледяной воде. Рабочий день доходил до семнадцати часов в сутки. В результате плохого питания, нехватки спецодежды и физических перегрузок наблюдались многочисленные заболевания. На заводе № 19 их было отмечено около пятисот: тридцать девять простуд; семьдесят шесть нервных, сорок два кожных, десять суставных; сто семьдесят девять поражений внутренних органов. Кроме этого, на производстве произошло сто восемьдесят пять несчастных случаев.

На заводе № 20 имелось около трёхсот случаев заболеваний, так что больница не могла вместить всех нуждавшихся в помощи и, как правило, туда принимались только тяжёлые. «В каждом помещении можно было видеть несколько человек, которые лежали без всякой медицинской помощи и санитарного обслуживания...» На день отъезда арендаторов на заводе № 32 тяжёлые заболевания имели двадцать четыре человека.

Как и в прошлые годы, неводы были установлены в течение десяти дней после высадки. По традиции, после их установки на заводах прошли праздники «Амиороси». Администраторы выступили с патриотическими речами, пытаясь поднять этим дух

соплеменников. Рабочие пили саке, пели национальный гимн и воинственные песни.

На заводе № 18 такой праздник начался 19 июня маршем молодых рабочих и исполнением гимна. Перед строем выступил участковый доверенный Араки, сказавший: «Надеюсь, все вы знаете, для чего мы приехали на Камчатку, поэтому должны приложить все силы для вылова рыбы. Так как у нас осталось немного времени, то мы должны приложить все силы на выполнение плана, который нам дан фирмой. Каждый должен знать, что наша героическая армия ведёт ожесточённую войну против наших врагов Англии и Америки. Мы здесь находимся на фронте, мы добываем продукты для нашей страны. Поздравляю вас с праздником “Амиороси!”» Затем районный доверенный Омата кричал «Банзай!» в честь императора, армии и лётчиков, «сражающихся против Англии и Америки».

Японцы, по сравнению с прошлыми сезонами, выглядели явно подавленными. Военный перевес уже давно склонился на сторону союзников, и поражение Германии, да и самой Японии, было уже не за горами. Руководство предприятий стало менее разговорчиво, чем в прошлом году. «По вопросу о войне в Европе администрация японских заводов высказывается или за то, чтобы Германия как можно дольше держала фронт, или бы скорее подписала мир с Советским Союзом. Как в том, так и в другом случае они считают, что для Японии облегчится положение на фронте в войне с Англией и Америкой... А что касается рабочих, то они настолько забиты, что не смеют отвечать на самые безобидные вопросы, в их взглядах чувствуется лишь приветливость и нестерпимое любопытство».

Японцы пытались показать своё расположение к СССР. «Арендаторы встречали наших представителей обычно у границы заводов, первыми здоровались, тогда как в прошлом году иногда даже не отвечали на приветствия... В разговорах старались подчеркнуть дружбу Японии к СССР. На некоторых заводах вывешены снимки Сталина и Мацуока».

Руководство промыслов было соответствующим образом проинструктировано. Переводчик завода № 20 Камура рассказывал: «Когда мы выезжали на Камчатку в этом году, нам говорили, чтобы мы поддерживали дружеские отношения с русскими представителями и одновременно предупреждали, что могут быть со стороны русских всевозможные притеснения. Это мы учитывали, но когда мы приехали на Камчатку, то оказалось не так. Русские

относятся к нам очень хорошо, все вопросы разрешаются только положительно. Мы очень рады, что русские понимают, что их сосед Япония тоже воюет с большими трудностями».

На заводах по-прежнему проводились военные занятия: строевые, штыковой бой, перебежки и переползания, метание гранат. Имелась спецодежда цвета хаки: на заводе № 18 — сто восемьдесят шесть, на заводе № 19 — сто шестьдесят четыре, на заводе № 20 — сто пятьдесят восемь и на заводе № 21 — сто шестьдесят комплектов. Её никому, кроме администрации, не выдавали, а хранили как неприкосновенный запас до окончания путины.

Военные действия непосредственно задели японских арендаторов. Так, механик катера завода № 18 Хаяси сообщал: «Говорю вам от всего сердца, что, следуя на Камчатку, пришлось очень много пережить, иногда хотелось плакать. Причина — это боязнь быть потопленным американскими подводными лодками, которые снуют в Охотском море и топят наши пароходы даже у берегов Японии».

Его слова подтверждаются такими фактами. 5 июля 1944 г. подводная лодка торпедировала пароход «Синмей-мару», стоявший под разгрузкой в районе Озерной. 19 июля пароход «Дальстрой» подобрал из воды семнадцать японцев с потопленного парохода «Ниппе-мару». На берег моря выбрасывало трупы моряков, солдат и офицеров, спасательные костюмы, предметы с разбитых и потопленных судов. Это порождало среди японцев ещё большее уныние.

Недостаток средств и материалов привёл к тому, что в сезон 1944 г. японцы впервые не ремонтировали свои предприятия. Даже текущие работы делались лишь для жилых помещений и некоторых станков, без которых совершенно нельзя было обойтись.

С началом войны с США Япония значительно усилила свои гарнизоны на прилегавших к СССР островах Парамушир и Шумшу. Для переброски войск и военных материалов из метрополии сюда были мобилизованы транспортные суда фирмы «Ничиро», часть которых подверглась воздушным налётам американцев и была потоплена.

В первый период войны на Северные Курилы частых атак со стороны американцев не было, ни с моря, ни с воздуха. В 1943 г. американцы потопили семь моторных шхун с дрейфтерными сетями и часть грузового флота. Вследствие затруднения с транспортом и нарушением коммуникаций значительное количество солёной продукции «бара» осталось на зиму не вывезенной.

В 1944 г. фирма «Ничиро» выловила на Курилах рыбы значительно меньше, чем в 1943 г. Морской лов был сильно ограничен

из-за усилившихся военных действий. Из двух сотен шхун на дрейфтерный промысел выходили около половины, притом не удаляясь далеко от берега. Из семидесяти ставных неводов работали только семь, так как значительная часть судов и береговых баз к тому времени была разбита артиллерийским огнём американских кораблей. Воздушные и артоналёты американцев на Северные Курилы летом 1944 г. повторялись почти ежедневно.

Характер изменения численности районов конвенционных вод на Камчатке, в которых действовали японские промышленники, и объём произведённой ими за четыре военных года (1941—1944 гг.) продукции показывают следующие данные:

— в 1941 г. в десяти районах конвенционных вод приготовлено 797 089 центнеров продукции;

— в 1942 г. в пяти районах выработано 513 943,6 центнера;

— в 1943 г. в четырёх районах произведено 506 726 центнеров;

— в 1944 г. в трёх районах выпущено 194 105 центнера.

Общая продукция за четыре года составила 2 011 863,6 центнера. Налицо более чем четырёхкратное её снижение в 1944 г. по сравнению с 1941 г.

В соответствии с договорами на аренду морских рыболовных участков, промыслы должны были окончательно сниматься не позднее 28 сентября. Первые пароходы осенью 1944 г. начали прибывать на побережье только 15 сентября. После 28 сентября возле берегов полуострова стояли шесть судов, которые не грузились из-за шторма. 16 октября пришли пароходы на заводы № 31, 33 и базу № 806. У них оказались просрочены навигационные свидетельства. На заводе № 21 оставались шестьдесят девять человек, которые без всякого оформления сели на судно и ушли в Японию. В этот же день администрация базы № 806 также самовольно, без разрешения пограничников, посадила сто пятьдесят рабочих на пароход «Нирюхо-мару». Продукция осталась зимовать на базе. Последний пароход в 1944 г. убыл в Японию 8 ноября, то есть на сорок дней позже разрешённого срока.

За сезон 1944 г. на японских предприятиях от болезней умерло девять человек.

Руководство японскими промыслами на Камчатке. Фирма «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» являлась акционерным обществом, правление которого размещалось в Токио. Почти все высшие администраторы фирмы были её акционерами. «Ничиро» работала исключительно на Камчатке. Её главная контора размещалась

в Хакодате — в порту северной Японии, традиционно служившим основным местом отправки на полуостров рабочей силы, снаряжения и промышленного снабжения.

Главная контора вела свою деятельность через отделы: финансовый, рыболовных промыслов, разных предприятий и иностранных. По данным советской стороны, основные оперативные дела фирмы решались в Хакодате, а главную роль в начале 1940-х гг. в них играл управляющий отделом рыболовных промыслов Ооми. Ему непосредственно подчинялись:

- управляющие (доверенные) рыболовными районами, разделёнными на секторы, ведавшие восточным и западным побережьями;
- иностранный отдел, состоявший из трёх секторов, занимавшихся делами Дальрыбы, таможни, взаимодействием с советскими пограничниками;
- отдел механизации и оборудования;
- отдел изготовления неводов;
- отдел обработки солёной продукции;
- консервный отдел;
- рыболовный отдел;
- отдел кунгасного хозяйства;
- отдел рабочей силы.

Последние семь отделов имели своих агентов в Панкаре, Облуковине, Иче, Воровской, Кихчике, Большерецке, Опале, Голыгине, Явино, Озерной, Утке, Усть-Камчатске, Уке и Охотске.

Непосредственно на Камчатке располагались главные управления промыслами западного и восточного побережий. Отсюда представители фирмы посещали подведомственные им участки на специальном административно-разъездном пароходе. Побережья Камчатки в свою очередь делились на районы, во главе которых стояли районные доверенные фирмы. Так, Усть-Камчатский район в 1942 г. возглавлял доверенный Такеда Садоми, имевший заместителя Сато и секретаря.

Районные доверенные наделялись обширными правами, сводившимися к единоличному управлению промыслами. На западном побережье находились четыре района и, соответственно, четыре доверенных. Им непосредственно подчинялись участковые (подрайонные) доверенные, число которых в каждом районе было различным и зависело от конкретных производственных условий: количества заводов и баз, объёмов и способов приготовления продукции.

Каждым консервным заводом и прикреплёнными к нему морскими участками управлял доверенный завода или базы, имевший

несколько переводчиков для общения с советскими властями. Кроме этого, на каждом заводе находились директор, заведующий рефрижераторным хозяйством и инженерно-технический персонал. Все предприятия обеспечивались хорошими специалистами, многие из которых служили в фирме свыше двадцати лет. Некоторые из них работали ещё с 1913 г.

Заботы доверенного базы или завода распространялись только на порученный ему объект. Иногда старшие или участковые доверенные по совместительству выполняли обязанности доверенного завода.

Состав администрации Западно-Камчатского промыслового района в 1942 г. был таков.

Доверенным фирмы «Ничиро» по Большерецкому промысловому району был Тамидзаки, участковыми (подрайонными) доверенными — Уэмура (заводы № 31, 32, 33 и 34), Амекия (заводы № 30, 51 и база № 845), Араки (заводы № 29, 28, 27 и база № 834). Старшими доверенными являлись Мацуя и Синья; доверенных заводов и баз в районе насчитывалось одиннадцать человек.

Кихчикский район: районный доверенный Такаяма, участковые доверенные Каваками, Савай, Такизава, старшие доверенные Ота, Тории.

Крутогоровский район: районный доверенный Кумагай, участковый доверенный Окамото, старший доверенный Носияма.

Ичинский район: районный доверенный Омата, участковый доверенный Ямасита, старший доверенный Исида.

Восточно-камчатский район имел несколько отличную структуру управления. Районным доверенным здесь был Такеда, его заместителем Сато, доверенными на заводах № 36, 37 и 39 Терасини, Симоди и Кумамото. Каждый из доверенных одновременно имел право управления всеми тремя заводами.

В течение рыболовного сезона 1942 г. на побережья выезжали с инспекцией представители хакодатского отделения фирмы: директора иностранного отдела Мацуя и рыболовного отдела Янагия. Они размещались на административном судне «Тайсей-мару», пришедшем на Камчатку 25 июля и ушедшем в Японию 11 сентября. За это время оно обошло все промыслы, побывав на некоторых несколько раз. Так, завод № 19 «Тайсей-мару» посетил шестикратно.

Для связи между отдельными участками японцы использовали письменосцев. Они могли передвигаться только по морю. Такая доставка почты требовала отрыва от промысловой работы катера

и его команды, тогда как по берегу письмоносец можно было отправить на лошади или пешком. Движение по берегу разрешалось лишь в исключительных случаях, например, при шторме. Для этого каждый раз у советских пограничников следовало получать разовый пропуск, что являлось весьма сложным делом.

Вот как получение выглядело в середине 1930-х гг.: «Предположим, что тому или иному японцу надо добраться до соседнего завода, расположенного в десяти километрах на север, а резиденция начальника контрольного пункта находится в двадцати километрах на север. Следовательно, дойдя до своего места назначения и сделав дела, японцу всё же придётся добираться до начальника контрольного пункта и получить, хотя бы с опозданием, пропуск на совершённое им передвижение, дабы избежать привлечения к ответственности за несоблюдение правил пребывания в пограничной полосе. Ещё хуже обстоит дело, если необходимость требует передвинуться на север, а начальник контрольного пункта находится на юге. Вся сложность вопроса заключается в том, что, идя за пропуском, заинтересованный уже нарушает режим пограничной полосы».

Пограничники, видевшие, что соблюдение таких правил передвижения иностранцев в пограничной полосе способно лишь вызывать недоразумения, не могли внести в них какие-либо изменения на месте. На множественные обращения японцев с предложениями по этому поводу они либо не отвечали, либо сообщали, что донесли о них своему начальству. А оно разрешения не давало, и определённого ответа японцы так и не получили.

Организация работы предприятий. В первую очередь после прибытия на Камчатку в начале сезона арендаторы приступали к установке неводо́в. Одновременно с этим они готовили плавсредства, регулировали механизмы заводов. При благоприятной погоде неводо́вы выставлялись за три-четыре дня, всё остальное завершалось примерно через неделю.

Постановка дела на всех японских промыслах, подчинявшихся единой дирекции фирмы, была одинакова. Административный персонал и рабочие делились по следующим основным специальностям и профессиям:

- доверенный фирмы (на заводе и на базе);
- переводчики (старшие и младшие);
- технический руководитель лова;
- техники лова;
- заведующие консервным производством;

- механики (старшие и младшие);
- конторщики (бухгалтеры, завхозы);
- врачи;
- сендо;
- мастера и старшие рабочие по лову, разделке, посолу, мойке рыбы, икрянчики;
- промысловые и береговые рабочие, ловцы, разнорабочие;
- монтеры, слесари, кузнецы, жестянщики, плотники;
- обслуживающий персонал: повара, дворники, прислуга.

Рабочие делились на две группы: кадровые (то есть квалифицированные) — сендо, старшины катеров, мастера; и сезонные — ловцы и обработчики, вербовавшиеся в деревнях. Особую роль играли сендо, или, как их стали называть в конце 1930-х гг., — «гериоче». На каждом промысле их было от двух до пяти человек, среди них различались старшие и младшие.

Сендо распределялись по специальностям. На них возлагалось множество обязанностей, главными среди которых являлись: постановка, переборка, снятие и уборка неводов, распределение рабочих по операциям, поддержание порядка и дисциплины. «Одним словом, без сендо не начинается и не кончается ни одна работа».

Переводчики, кроме своих прямых обязанностей, несли административные заботы. Среди них различались старшие, младшие и, кроме того, — практиканты. Младшие переводчики выполняли полицейскую службу, старшие учитывали продукцию. Старших переводчиков называли «гайдзи-гакари», что примерно означало «заведующие иностранными делами». Обычно на каждом заводе находились два или три переводчика, но в сезон 1942 г. их было больше обычного. Это обстоятельство советская сторона объясняла общим уменьшением числа японских участков за счёт их закрытия на восточном побережье Камчатки. Видимо, по этой же причине на некоторых заводах было и по два доверенных, выполнявших одни и те же обязанности. Такая же картина наблюдалась и в отношении участковых (или как их ещё называли «подрайонных») доверенных.

Внутренний распорядок. Рабочий день на японских промыслах начинался в пять часов утра и заканчивался с наступлением темноты, то есть около восьми вечера. Для приёма пищи устанавливались три перерыва: на завтрак в шесть, на обед — в двенадцать и на ужин — в семнадцать часов. В половине одиннадцатого давался отбой.

Рабочие в начале 1940-х гг. размещались в лёгких деревянных бараках вместимостью от пятидесяти до ста человек. Жилая площадь в них распределялась крайне экономно. В середине барака находился проход, по обеим сторонам которого располагались нары. Каждый рабочий имел определённое место, в изголовье которого на полках размещались его личные вещи. В центре барака устраивалась железная печь. Всё его пространство перегораживалось верёвками для сушки одежды. Большие бараки иногда делились на два или три отделения. Умывальники, бани и уборные размещались рядом.

Столовые для рабочих представляли собой достаточно вместительные помещения. Здесь не было ничего лишнего: единственную «меблировку» составляли длинные столы и скамейки. Стены обычно завешивались плакатами и различными лозунгами. Рабочие питались в две смены. Каждый из них имел постоянное место. Пища была простая и, главным образом, состояла из риса, бобов, репы, редьки, лука и рыбы. Администраторы питались отдельно от рядовых. Сендо также имели свои столовые, размещавшиеся в их жилых помещениях.

Рабочие в основном носили типичную японскую одежду. Их головы защищались широкополыми соломенными шляпами или обвязывались полотенцами, некоторые совсем не покрывали голов. «На теле — рубашка или что-то подобное ей и подтянутые штаны. На ногах — резиновые сапоги, но часто встречались босые или в тапочках». Спецодежда и резиновая обувь выдавались за счёт фирмы. Рабочие в цехах носили фартуки, ловцы — пропитанную олифой одежду.

Администрация имела особую форму, присвоенную фирмой: тёмно-синий китель с одним рядом пластмассовых пуговиц и брюки. На правом лацкане кителя прикреплялся особый значок. Головным убором служила полусуконная кепи цвета хаки. Но ношение такой формы не было обязательным: многие администраторы одевались в соответствии с собственным вкусом и достатком. Как парадные на промыслы в числе личных вещей были завезены одежда и головные уборы военного образца. Их обычно не носили, заменяя ими выходной костюм.

Приём и отправка японских судов. Приказом Наркомввода СССР от 25 августа 1932 г. № 290 иностранным судам, заходившим в советские порты или стоявшим в морской пограничной полосе, запрещалось пользоваться радиосвязью. Их приёмопередающая аппаратура должна была опечатываться «без опечаты-

вания самих помещений радиорубок». Японская администрация выражала недовольство таким порядком. Она ссылалась на то, что в камчатских условиях это было чрезвычайно опасно: погода здесь быстро менялась, и пароходам, не имевшим возможности получать метеосводки, приходилось всегда быть под парами. Арендаторы просили разрешить им пользоваться радио, если не круглосуточно, то хотя бы два-три часа в сутки.

Погранохрана находила эти доводы весьма убедительными, тем более что без опечатывания радиорубок не возникало препятствия в использовании аппаратуры, в чём пограничники неоднократно убеждались. «Таким образом, выполняя эту формальность, мы занимаемся, во-первых, самообманом, а во-вторых, даём японцам думать о нашей некультурности в этом вопросе». В 1935 г. по ходатайству командования Камчатского пограничного отряда он был разрешён положительно.

Согласно действовавшим правилам, пограничное оформление пришедших на Камчатку японских судов должно было вестись на рейде. До 1938 г. советские официальные лица выезжали на пароходы как на своих катерах, так и на тех, которые им представляли арендаторы. В 1938 г. этот порядок был изменён. Теперь для наблюдения за японцами можно было использовать только советские плавсредства, которых катастрофически не хватало.

К чему это приводило, 15 июля 1938 г. сообщал заместитель начальника Дальрыбы Манайлов: «Пограничники тоже качают головой, соглашаются, что новый порядок мешает и затрудняет контроль, но дальше разговоров не идут. Ещё нет хода рыбы, а мы уже допустили ряд “вынужденных льгот”. Пароходы не проверяются, что за груз привезли? Также с отвозом. Приём и отпуск пароходов здорово задерживаем, очевидно, консул будет жаловаться.

К примеру, такая картина: на одном участке пароход закончил работу, уходит на другой. Пятнадцать-двадцать километров пароход движется около берега, за ним идёт катер (японский, от услуг которого отказались советские представители. — С. Г.), а пёхом, вытянув язык, ковыляет надзор, таможенник и пограничники. Если дело к вечеру, и пароход разгружается, а до советской базы десять-пятнадцать километров, весь контроль уходит. Что в это время делается на японском участке, один бог знает...»

С одной стороны, ограничение в свободе передвижения рыбнадзора шло только на пользу японцам. У них появлялась возможность безнаказанно нарушать условия арендных договоров, применять запрещённые орудия лова, вывозить продукцию без проверки,

ловить сверх установленных норм. С другой стороны, они получали значительные простои в ходе обработки судов и их оформления, достигавшие двадцати часов на каждом участке.

Японский консул Юхаси, обращаясь к представителям НКВД СССР, просил отладить этот вопрос, что и было сделано в следующем сезоне.

В 1942 г. пограничные власти, по-прежнему стеснённые в плавсредствах, не могли выезжать на рейд, а японскими катерами они снова не пользовались. Поэтому теперь всё оформление шло на берегу. Необходимые документы сюда доставляли японцы. При таком оформлении судно не осматривалось, его радиорубка не печатывалась. Арендаторы против этого порядка не возражали. Иногда они были недовольны очередностью оформления в случае одновременного прибытия судов. Единственное, о чём просил в таких случаях японский консул, так это о разрешении допустить к таможенному досмотру рыбинспекторов, дабы этим ускорить оформление. Эти пожелания, как правило, откликов с советской стороны не имели.

Приём и оформление судов проходили в следующем порядке. При подходе к промыслу они подавали позывной сигнал. Когда власти были готовы заняться их приёмкой, с берега следовал ответный сигнал. С судна на берег прибывали доверенный завода, переводчик и пять-шесть рабочих. Старший предъявлял пограничникам свою доверенность и вручал им судовые и грузовые документы, паспорта, списки работников, почту. Затем доверенный осматривал помещения на промыслах, принимал их и выдавал расписку об этом. После этого пограничники разрешали свезти на берег продукты на несколько дней и топливо для печей.

Теперь на промысел перевозились люди. Рядовых проверяли по спискам, а администраторов — по их паспортам. Одновременно досматривались личные вещи. На паспортах и списках делались отметки о времени прибытия. Списки пограничники оставляли у себя, паспорта же возвращали владельцам. В последнюю очередь с парохода снимался груз. Его таможенный досмотр производился по мере доставки на берег.

При отъезде японцев с промысла в конце сезона происходило примерно то же самое, что и при въезде. Доверенный подавал заявление с указанием примерного срока выезда. Затем по прибытии парохода начиналась его погрузка, шедшая в таком порядке: рыбопродукция, оборудование и заводское имущество, плавсредства и в последнюю очередь — люди.

Зимняя охрана промыслов. В 1910—1920-х гг. на зиму на заводах и базах оставались два-три японских сторожа. Их обеспечивали запасом продовольствия и топлива, они жили в специальных утеплённых караульных помещениях. В конце 1920-х гг. пребывание иностранных граждан в слабозаселённой пограничной полосе было признано невозможным. Они могли беспрепятственно передвигаться по советской территории, чем возбуждали подозрения в том, что «зимой и летом имели возможность широко заниматься разведывательной деятельностью». Отныне японцам было предписано нанимать охрану из местного населения, в основном, из членов расположенных неподалёку от арендованных участков колхозов. Для этого администрации фирм заключали с их правлениями соответствующие договоры. Нередко при этом возникали несогласия, вызванные, в первую очередь, условиями оплаты.

В сентябре 1938 г. арендаторы участка № 63 собирались уезжать на родину, но советские сторожа не принимали их имущество под охрану на прежних условиях. Японцы же не соглашались повысить им плату и намеревались оставить имущество без охраны. Дипагент НКВД заявил японскому консулу о том, что если его расхитят, то советская сторона не будет нести за это никакой ответственности. Консул Юхаси ответил, что колхозные сторожа ежегодно просят прибавки и поэтому дорого обходятся промышленникам. Он сказал, что лучше оставить имущество, если оно даже и пропадёт, чем платить такие деньги сторожам, которые они требуют. Видимо, чтобы не осложнять отношений с японцами, власти решили сохранить сложившийся ранее порядок: «по линии» всеильного НКВД пришло указание принять имущество промысла под охрану на прошлогодних условиях.

Наличие сторожей вовсе не означало, что всё имущество будет сохранено к началу будущего сезона. В начале мая 1934 г. областной суд вынес приговоры по делам о хищении с японских рыбалок, произошедших зимой 1933/34 г. «Все эти дела носят мелкий уголовный характер. Незначительные хищения с японских предприятий в прошлом имели место ежегодно и оставались безнаказанными. В этом году впервые местные власти повели решительную борьбу с подобными явлениями. Всего было рассмотрено три дела...»

Первым из них стало хищение промысловых материалов с завода в Иче в начале января 1934 г. Виновными признавались управляющий местным комбинатом, его директор по рабочему снабжению и даже секретарь партийной организации. «Эти руководящие работники рыбокомбината АКО, оставленные с рабочими на зиму

для проведения подготовки к путине 1934 г., обсудив между собой положение о недостатке материалов на комбинате для ремонта плавсредств и отсутствие масла для работы электростанции, решили забрать всё недостающее для нормальной работы своего комбината на соседнем японском заводе». Тот охранялся сторожами Ичинского и Облуковинского колхозов.

Обвиняемые показали, что за пять посещений они вынесли с завода девятнадцать банок масла и восемь банок краски, восемь килограммов баббита, пятьдесят электролампочек, пятьдесят метров провода, по три поршневых кольца, напильника и мотка медной сетки, а также две прокладки для двигателя. «Это хищение, проведённое руководителями комбината с предварительного обсуждения и выяснения у начальника таможи условий хранения имущества японцами и отсылки на время хищения сторожа с японского завода, заставляет предполагать, что о намерении хищения знали и другие руководители района, но не приняли мер к предупреждению и недопущению воровства».

Следует отметить, что всё, взятое у японцев, вряд ли можно было использовать в личных целях. После отхода осенью 1933 г. последнего парохода в Иче создалось сложное положение с продуктами и материалами. На телеграммы с просьбой о присылке снабжения, отправленные в управление АКО, районный, областной и краевой комитеты ВКП(б), в Москву — Главрыбе и даже самому «всесоюзному старосте» М. И. Калинину, — ответы либо не приходили совсем, либо следовало стандартное известие о том, что «меры принимаются». Возникла угроза заболевания цингой. В декабре оставилась электростанция. Отправленные в соседние районы «гонцы» раздобыть ничего не сумели, так как и там складывалось сходное положение.

Узнав, что японцы перед отъездом никаких описей имущества не оставили ни в таможене, ни в ОГПУ, а на сторожей была возложена только наружная охрана здания, обвиняемые решили «позаимствовать» крайне необходимое у арендаторов. «Мы были уверены, и на сегодняшний день убеждены в том, что японцы не узнают о том, что у них взято моторное масло и другие предметы, ввиду того, что всех этих материалов имелось в большом количестве у них на рыбалке, если их об этом деле никто не поставит в известность», — писали они в кассационной жалобе, адресованной краевому суду.

«Всё вышеперечисленное взято исключительно для нужд производства, так как другого выхода у нас не было. Перед нами стояло два пути: сидеть, сложа руки, ожидать прихода парохода, не имея

никакой гарантии в его приходе, заведомо сорвать план зимних работ и вместо работоспособных зимовщиков путины 1934 г. иметь полукалек, цинготников. И другой путь — пойти на японскую рыбалку, взять необходимый для нас материал, выполнить план и иметь вполне работоспособный рабочий коллектив, способный выполнить план путины 1934 г., что нами и было сделано. Идя на этот поступок, мы не учли всей серьёзности настоящей обстановки в силу оторванности от текущей жизни. Наш район является самым отдалённым пунктом Камчатской области...»

Обвиняемые получили «по восемь лет лишения свободы с содержанием под стражей». Налицо несоразмерность этого наказания по сравнению с другими случаями, приведёнными ниже, явно направленными на получение личной выгоды.

В Олюторском районе на участке № 1239 двадцатилетний инспектор Дальрыбы взял три пары резиновых сапог, посуду, резиновый плащ, продукты и «небольшой ящичек с неустановленным содержимым». Характерно, что он «брал эти вещи в присутствии сторожа, пользуясь своим правом нахождения на территории японских участков». Кроме этого, он «проявил по отношению сторожакоряка Нелеппа насилие, имеющее методы великодержавного шовинизма, в том, что самовольно хозяйничал в его помещении, выбросил из помещения сторожа табак, брал у него продукты питания... и на протесты сына сторожа побил последнего».

Эта откровенная уголовщина была «оценена» только пятью годами исправительно-трудовых лагерей.

Тогда же в Олюторском районе был в полном смысле этого слова разгромлен неохраняемый участок арендатора Коями Тосабуро. В его разграблении участвовали девятнадцать рабочих с соседнего промысла АКО.

Их действия носили, «помимо разграбления, характер хулиганства и безобразий». Они в течение двух недель разбивали двери и окна помещений, били посуду, ломали столы, разбрасывали и втоптывали в грязь медикаменты, испражнялись в служебных помещениях, и, наконец, «разбили изображение японского божества».

По показаниям обвиняемых, с промысла было унесено сорок восемь пар обуви, восемь брюк, паяльная лампа, нитки, перчатки, туфли, посуда, фрукты. Большинство этих вещей пограничники отобрали и возвратили на рыбалку. Разрушенное было восстановлено. «Социально-опасные в условиях отдалённой погранполосы» действия троих зачинщиков, по мнению суда, заслуживали

трёхлетний срок заключения, остальных обвиняемых — от полу-года до года исправительных работ.

Помимо «спонтанного» разграбления имущества иностранцев, в котором, как считали «органы», они сами и были заинтересованы для оказания, в случае необходимости, давления на советскую сторону, действия, якобы, предпринимала и некая законспирированная организация.

В ведшемся в 1934 г. следствии по грубо состряпанному делу «раскрытой контрреволюционной организации, именовавшей себя “Автономная Камчатка”, было установлено, что члены этой организации уговаривали отдельных лиц из местного населения проводить произвольное повышение ставок за охрану японских заводов. Тем самым добиться отказа японцев от найма русских сторожей, чтобы после того свободно приступить к расхищению японского имущества.

Такие установки отдельными членами контрреволюционной организации давались местным жителям с ведома японцев. Ежегодное воровство на японских заводах, таким образом, носило организованный характер. Однако, лица, участвовавшие в приведённых случаях разграбления, как это точно установлено сейчас, не имели отношения к контрреволюционной организации и действовали самостоятельно. Хищения, связанные с контрреволюционной организацией, сейчас находятся ещё в стадии расследования».

В качестве подтверждения этого соображения говорилось о том, что японская администрация не поднимала вопроса о хищениях. Консул также не делал по этому поводу никаких заявлений. «Это обстоятельство показывает, что японцы до более удобного и нужного случая не придают им сейчас значения». Вот такая выходила конспирология.

В 1943 г. помещение для зимнего сторожа на заводе № 19 представляло собой небольшой домик из двух комнат и кухни. Сторожа на зиму оставляли пять тонн угля и девяносто килограммов керосина, а также немного дров. Оплата его работы за восемь месяцев составляла две тысячи рублей.

В 1944 г. промыслы, законсервированные на восточном и действовавшие на западном берегах Камчатки, после отъезда арендаторов вновь должны были поступить под охрану советских сторожей. Для этого фирма «Ничиро» должна была внести соответствующие средства в кассы колхозов.

Колхозники сторожили японские заводы и базы в течение восьми-девяти месяцев в году, то есть со времени окончания их работы

и до открытия путины следующего года. Законсервированные заводы охранялись круглый год. Каждый завод или база имела одного сторожа, за отдельный пост фирма «Ничиро» уплачивала колхозу от ста двадцати пяти до двухсот рублей в месяц. В колхозах же люди зарабатывали за это время не меньше шестисот рублей, а сторожа колхозного имущества, в основном старики или инвалиды, получали не ниже трёхсот. Из-за такой разницы в оплате колхозники отказывались от охраны японских предприятий. Пришлось правлениям колхозов назначать сторожей «в принудительном порядке» с дополнительной оплатой за счёт собственных средств от ста пятидесяти до двухсот двадцати пяти рублей в месяц. С учётом этого, а также того, что фирма не обеспечивала все посты отоплением и освещением, колхозы вынуждены были нести дополнительные убытки в размере до девятисот рублей за сезон.

Исходя из этого, 2 октября 1944 г. советская сторона сообщила японскому консулу условия, на которых колхозы могли продолжать охрану имущества фирмы. Среди них были: месячная оплата не ниже трёхсот пятидесяти рублей, ремонт сторожек, обеспечение их топливом и тёплой одеждой.

Устройство и оснащение предприятий может быть показано на примере консервного завода № 19, располагавшегося в четырёх километрах севернее второй базы комбината АКО имени С. М. Кирова. Первоначально он, построенный японским частником в 1923 г., имел примитивное оборудование. Обработка рыбы и крабов, приготовление консервов велись на нём вручную. Производительность предприятия не превышала пятисот ящиков в сутки.

Рабочая сила для него привозилась из Японии и частично вербовалась из местного населения. В 1927 г. завод перешёл в ведение фирмы «Ничиро», которая его полностью перестроила, установила новое американское оборудование, ввела конвейерную систему производства, увеличила количество жилых, складских и прочих помещений.

В 1942 г. завод имел четыре линии мощностью до семи тысяч ящиков в сутки, правда, на деле он вырабатывал лишь четыре тысячи. Площадь территории охватывала пятьдесят четыре тысячи квадратных метров. На ней размещались одиннадцать жилых помещений на пятьдесят человек каждое, контора, совмещённая с жильём для администраторов, рефрижератор, шесть складов, больница на пятнадцать коек, электростанция, слесарная и столярная мастерские, кузница, столовые для рабочих и администрации и подсобные

сооружения. Корпус завода был обшит оцинкованным железом, все остальные помещения построены из дерева. Ежегодно японцы ремонтировали постройки и плавсредства. Суда, требовавшие капитальных работ, увозили в Японию.

Завод арендовал три морских рыболовных и два краболовных участка. На рыбных промыслах стояли по одному неводу «наканукиами». Рыба из их ловушек наливалась в кунгасы, буксировавшиеся от невода к берегу небольшим моторным катером. У берега кунгасы цеплялись тросом и паровой лебёдкой подтягивались к одной из двух механизированных рыбоприёмных или одной крабоприёмной пристани. Отсюда улов поступал на сортировку, а затем — по конвейеру шёл на завод для переработки в консервы или в засольный цех.

Консервный цех имел линии с часовой производительностью сто ящиков весом около двадцати двух килограммов. Из рыбохранилища сырец направлялся в резальный станок, отделявший головы от тушки, затем тушки потрошились, промывались и шли в набивочную машину. Предварительно подкатанные банки по рольгангу поступали в эксгаустер (паровой ящик) и отправлялись на окончательную закатку. После промывки баночки следовали в автоклавы, стерилизовались в течение полутора часов, охлаждались и упаковывались в ящики.

Солили так. С пристани рыба поступала в засольные сараи, где её обрабатывали одним из трёх способов: «бара», «кайрио» или «арамаки».

Способ «бара» заключался в том, что непромытую выпотрошенную рыбу складывали штабелями, предварительно пересыпав её солью. Штабели покрывали соломенными циновками и оставляли храниться под открытым небом. Перед отправкой в Японию рыбу помещали в соломенные кули.

Посол «кайрио» имел две разновидности: штабельную и чановую. Штабельный вёлся так же, как и способом «бара», но потрошили более тщательно с обязательной мойкой. При чановом посоле рыбу укладывали в брезентовые или бетонные чаны, где она просаливалась в тузлуке. Готовая продукция чанового посола складывалась в штабели по пятнадцать-двадцать тысяч «хвостов», покрывалась брезентом и хранилась под навесами с соломенными крышами. Перед отправкой в Японию её раскладывали в ящики.

Сорт «арамаки» являлся наиболее качественным продуктом. При его приготовлении предусматривались потрошение и мойка, как и при способе «кайрио», но готовую продукцию затем уклады-

вали в ящики и замораживали. В таком виде её сохраняли до вывоза в Японию.

Заводская туковарка имела крайне примитивное устройство, представляя собой два врытых в землю котла, в которых варили рыбы головы. Затем образовавшуюся массу выжимали ручным прессом, жир собирали в ёмкости, а остававшийся тук сушили. Тук применяли как удобрение и сырьё для выработки кормовой муки. Последней выпускалось до ста пятидесяти центнеров в сезон. Рыбьего жира за это же время выходило около пяти центнеров.

Пойманных крабов на приёмной пристани освобождали от панциря, отправляли в крабоварку, а затем на завод для изготовления консервов. Панцири сушились. Они, по словам японцев, применялись как удобрение для фруктовых деревьев. Существовало предположение, что размолотые панцири использовались на сталелитейных заводах для цементации.

Предприятие располагало следующими плавсредствами: тремя морскими катерами, шестью кавасаки, двадцатью четырьмя кунгасами вместимостью от десяти до двадцати пяти тонн, четырьмя мелкими шлюпками.

В сезон 1943 г. на завод привезли девятьсот сорок три тонны горючего, в том числе восемьсот восемьдесят шесть угля, а также много дров для отопления и приготовления пищи.

В 1941 г. здесь работало пятьсот шестьдесят восемь, в 1942 г. — шестьсот двадцать восемь, в 1943 г. — пятьсот тридцать девять человек.

Продолжительность рабочего дня, особенно во время рунного хода рыбы, простиралась до восемнадцати часов в сутки. Несмотря на высокую интенсивность труда, в 1943 г. питание японцев не отличалось разнообразием и изобилием. Рацион составляли небольшая порция риса, несколько солёных редек, кусок солёной рыбы и морская капуста. Жилищные условия были неважными, в «помещениях господствует грязь, сырость, холод и теснота. Не имея специальной сушилки, рабочие сушат мокрую одежду над своими постелями. Спецодежда рабочим не выдаётся, и они работают в своей рваной одежде. В силу этих причин имеется много различных заболеваний, главным образом, желудочных, а в этом году был даже смертный случай». Советская сторона полагала, что медицинским обслуживанием занимались неопытные люди, скорее всего, с фельдшерским образованием.

Материально-бытовые условия, в которых находились рабочие завода № 19, в 1943 г. по сравнению с предыдущими значительно

ухудшились. «Рабочие сильно истощены работой, так как отдыха почти не имеют, работая до полного изнеможения... в остаток времени после приёма пищи бросались на землю, покрытую галькой, и немедленно засыпали... В этом году некоторая часть рабочих прибыла со следами ранений».

За увеличение рабочего дня и недостаточное обеспечение спецодеждой, как это предусматривалось трудовым соглашением, Дальрыба ежегодно штрафовала арендаторов, в среднем по сто рублей за каждое нарушение. Японцы уплачивали штрафы охотно, очевидно, это им было выгоднее, чем снабжать необходимым своих людей.

На Восточной Камчатке крупнейшими японскими предприятиями являлись усть-камчатские заводы фирмы «Ничиро» № 36, 37 и 39. С вступлением в силу конвенции 1928 г., концессионные договоры с фирмой ограничили на них количество консервных линий: на заводе № 36 — шесть, № 37 — семь и № 39 — три.

Завод № 36 до 1928 г. из подсобных предприятий имел только одну кузницу. После заключения концессионного договора на нём построили рефрижератор и литейную мастерскую. В 1929 г. по разрешению Дальрыбы возвели жиротуковый завод, кухню и новые жилые бараки. В 1934 г. появился холодильник, была поднята на три метра установкой капитальных двухрядных свай высота берега. До 1929 г. площадка завода имела размер восемьсот на двести метров, но всю её использовать фирма не могла, так как с тыльной части участок подпирала сопка, и он имел ширину всего сто двадцать метров. Японцы «возбудили ходатайство» об изменении конфигурации участка за счёт его удлинения. В апреле 1929 г. на это было дано разрешение, но в 1937 г. новое руководство Дальрыбы признало его нарушавшим концессионный договор и изменило территорию участка за счёт сокращения его длины. Завод снабжался пресной водой из реки Крюгеровки при помощи прорытого через сопку канала и туннеля длиной двести семьдесят шесть метров.

В 1942 г. завод имел два разделочных станка «железный китаец», способных пропустить три тысячи триста рыббин в час. Шесть набивочных станков заполняли за час четыре тысячи двести полуфунтовых банок, один — шесть тысяч шестьсот банок. Действовали по шесть предварительных закатов и вакуум-аппаратов. Девять автоклавов имели общую производительность шесть тысяч ящиков полуфунтовых банок в сутки. Пароэнергетическое хозяйство предприятия обслуживали пять котлов.

Пойманная рыба до переработки поступала в хранилище объёмом свыше тысячи кубометров, вмещавшее триста сорок восемь тысяч нерок, которые могли одновременно поступать с шести принадлежавших заводу морских участков. Норма их годового вылова устанавливалась в семьдесят четыре тысячи центнеров при арендной плате в шестьсот восемьдесят три тысячи триста восемьдесят рублей. Рыбохранилище снабжалось снегом из двух ледников общим объёмом почти пятьсот «кубов».

Жиротуковый завод мог выпускать почти полтонны продукции в час. Мука упаковывалась по пятьдесят килограммов в двойные джутовые мешки и отправлялась в специальный склад, где размещалась на многоярусных решётках.

Наиболее высокосортная продукция: посол «арамаки», мороженная рыба, икра, «шведский пласт» — хранилась в рефрижераторе. Он состоял из семи камер с общей ёмкостью три тысячи сто кубометров. В них одновременно могли поместиться почти двадцать три тысячи ящиков «арамаки» весом более девяти тысяч центнеров. Рефрижератор обслуживали два паровых котла, две паровые машины мощностью в шестьдесят и пятнадцать сил, один двигатель в восемьдесят сил, три испарителя, два конденсатора и два компрессора.

Всё это хозяйство освещалось от отдельного динамо мощностью пятнадцать киловатт.

Заморозка продукции в тузлуке, охлаждённом до температуры минус двадцать три градуса, производилась в холодильнике. Время заморозки достигало пяти с половиной часов и зависело от количества рыбы. Холодильник располагал двадцатью шестью камерами. Каждая из них делилась на два отделения, имевшие по восемь гнёзд для установки противней с рыбой. В каждый противень помещались по семь кетин. Все камеры вмещали две тысячи сто девяносто две рыбины или девять с половиной тонн.

Механическая мастерская размещалась в здании консервного завода. В ней стояли паровой двигатель, один электромотор, по два токарных, сверлильных и точильных станка. Это оборудование могло полностью обеспечить изготовление и ремонт любой детали для заводских механизмов. Литейная мастерская располагала двумя плавильными печами, одной воздуходувной машиной и токарным станком по дереву, применявшимся для выделки моделей. Кузница на два горна служила и в качестве газосварочной. Кроме этих подсобных мастерских имелись жестяная и плотницкая, а также лесопилка с одной пилорамой.

Всё это обширное хозяйство снабжала энергией электростанция, состоявшая из двух двигателей мощностью по двадцать пять сил, одной паровой машины в пятьдесят сил и двух генераторов по пятнадцать и сорок киловатт.

В сезон 1942 г. арендаторы прибыли на усть-камчатские заводы с задержкой: вместо обычной середины мая — только 27 июня. Впервые за много лет неводы были поставлены очень поздно: с 1 по 9 июля. В результате этого первые подходы нерки оказались пропущены, а последующие не дали желаемого. Поэтому план был выполнен в объёме около половины прошлогоднего. К 10 августа 1942 г. все три завода выловили 1 605 427 рыб и выпустили 74 911 ящиков консервов. Жиротуковый завод выработал семьдесят одну тонну муки и двадцать девять тонн жира.

Таковы, в общих чертах, условия, в которых работали японские рыбопромышленники на Камчатке. Действие определявших их двусторонних конвенции и договоров завершилось в сентябре 1945 г. с окончанием Второй мировой войны. Отныне всё имущество прежних арендаторов перешло в руки АКО, вскоре преобразованного в Камчатский государственный рыбопромышленный трест.

С 15 августа по 14 сентября 1945 г. советские власти изъяли на Камчатке восемнадцать бывших японских заводов и девять баз в Озерной, Опале, Митоге, Кихчике, Пымте, Кировске, Колпаково, Крутогорово и Иче. В середине сентября по окончании военных действий на Северных Курилах имелось тридцать семь японских консервных заводов и баз с промысловым и транспортным флотом. Среди них не было ни одного, не разбитого американскими обстрелами и бомбовыми ударами или же разобранного самими японцами, вывезшими наиболее ценное оборудование. Как свидетельствовал очевидец, «уцелевшие от бомбёжки и артобстрела заводы и базы в ряде случаев носят следы запустения и требуют для своего восстановления значительных капиталовложений».

Многолетнее соперничество между отечественной и японской рыбопромышленностью, протекавшее на одной и той же территории, теперь прекратилась навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Город и горожане	
Как генерал Завойко город построил	4
«Пардону» врагу не дали... ..	22
Павшие герои Петропавловской обороны	28
День памяти защитников отечества	40
Две войны Петропавловска	55
Будни и праздники нашего города. Год 1916-й	86
Будни и праздники нашего города. Год 1917-й	105
Петропавловск в 1923 г.	126
Петропавловск в 1927 г.	176
У города тоже есть паспорт	223
Петропавловск семьдесят лет назад.....	239
Как выбирали местные Советы в 1939 г.	252
А так выбирали в Верховный Совет в 1946 г.	260
«Штурмовать далёко море посылала нас страна...»	
Последний российский и первый советский	267
Первенцы АКОфлота	291
Как АКО покупало пароходы	306
Краболов «Камчатка» и его капитан	311
Первая зимняя навигация АКО	317
Тревожный рейс «Буревестника»	321
Как «Орочон» спасал «Симу»	327
Эшелон идёт на восток	333
Как «Эскимос» пассажиров возил	341
Так начинался камчатский траловый флот	352
Трагедии «Кита» и «Вилюя»	382
Приключения «Камо», «Глобуса» и «Витима»	397
Первый рыбацкий танкер	406
Военные будни АКОфлота	427
Какой пароход первым зашёл в устье реки Камчатки?	447
Личность и история	
Начальник уезда	457
Леди-капитан Анна	489
Начальник АКО	506
Михаил Стукалин — военмор, гидрограф, лоцман	540
Русские и японцы на Камчатке	
Гибель крейсера «Нийтака»	557
Арест японской шхуны	585
Как Усть-Камчатск собирался десант отражать	595
Активное рыболовство Японии в камчатских водах	607
Японская рыбная промышленность на полуострове в 1930—1940-х гг.	621

Библиотека «Вопросов истории Камчатки»

Сергей Витальевич ГАВРИЛОВ

**КАМЧАТСКИЕ ИСТОРИИ.
Исторические очерки**

Редактор С. В. Гаврилов
Вёрстка и макет С. В. Гаврилова
Корректор Э. А. Кинас
Дизайн переплёта О. И. Набутовской

Подписано в печать 18.05.2021. Формат 60х84/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,4.

Тираж 500. Заказ 103

Издательство «Новая книга».

683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.

Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»»
690950, г. Владивосток, пр-т Красного знамени, 10